

СТЕНОГРАММА НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

15 ТОМ

МИЛИТЕРА
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

Москва 2025

ББК 67.408.212
С67

ВОЗМЕЗДИЕ

ВИИЦ «Милитера» благодарен редакции портала «Возмездие» за участие в подготовке издания.

С67 Стенограмма Нюрнберга : сб. документов : Том 15 / пер., сост. С.А. Мирошниченко. – 2-е изд., доп. – М. : Милитера, 2025. – 630 с. – (Нюрнберг : материалы).

Том пятнадцатый стенограммы сверен с аудиозаписями и включает в себя расшифровку судебных заседаний 11—24 июня 1946. В ходе этих заседаний участники процесса завершили допрос подсудимого Зейсс-Инкварта. Защита завершила представлять доказательства по делу ЗейссИнкварта. Защита представила доказательства по делам подсудимых фон Папена, Шпеера, начала представлять доказательства по делу подсудимого фон Нейрата. Стороны процесса провели допрос подсудимых фон Папена, Шпеера, начали допрос подсудимого фон Нейрата. Были допрошены свидетели Гвидо Шмидт, Виммер, Скубль, Швебель, Кролль, Гляйсе-Хорстенау, Райнер, Хирсфельд.

Содержание

День сто пятьдесят второй ... 5

Вторник, 11 июня 1946 ... 5

Утреннее заседание ... 5

Вечернее заседание ... 33

День сто пятьдесят третий ... 60

Среда, 12 июня 1946 ... 60

Утреннее заседание ... 60

Вечернее заседание ... 100

День сто пятьдесят четвёртый ... 131

Четверг, 13 июня 1946 ... 131

Утреннее заседание ... 131

Вечернее заседание ... 149

День сто пятьдесят пятый ... 189

Пятница, 14 июня 1946 ... 189

Утреннее заседание ... 189

Вечернее заседание ... 219

День сто пятьдесят шестой ... 243

Понедельник, 17 июня 1946 ... 243

Утреннее заседание ... 243

Вечернее заседание ... 267

День сто пятьдесят седьмой ... 291

Вторник, 18 июня 1946 ... 291

Утреннее заседание ... 291

Вечернее заседание ... 315

День сто пятьдесят восьмой ... 354

Среда, 19 июня 1946 ... 354

Утреннее заседание ... 354

Вечернее заседание ... 391
День сто пятьдесят девятый ... 420
Четверг, 20 июня 1946 ... 420
Утреннее заседание ... 420
День сто шестидесятый ... 482
Пятница, 21 июня 1946 ... 482
Утреннее заседание ... 482
Вечернее заседание ... 516
День сто шестьдесят первый ... 553
Суббота, 22 июня 1946 ... 553
Утреннее заседание ... 553
День сто шестьдесят второй ... 581
Понедельник, 24 июня 1946 ... 581
Утреннее заседание ... 581
Вечернее заседание ... 605

День сто пятьдесят второй

Вторник, 11 июня 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Зейсс-Инкварт вернулся на место свидетеля*]

Додд: Господин председатель, я бы хотел внести ясность в вопрос который поднимал вчера, относительно записей о совещании между подсудимым и Гитлером[1]. Я выяснил и факты такие. Видимо, полковнику Уильямсу из нашего штаба, который допрашивал подсудимого в конце октября подсудимый вручил эти записки, и так или иначе они так и не оказались в наших материалах и оказались в неправильном месте. Таким образом, подсудимый совершенно прав говоря о том, что он передал их, но я думаю неправильно говорить, что он передал их мне.

Штейнбауэр: Вчера мы дошли до одного из самых важных пунктов обвинительного заключения, вопроса эвакуации евреев из Нидерландов. Свидетель, что вы сделали, когда узнали о вывозе евреев из Нидерландов? Вы писали какие-нибудь письма?

Зейсс-Инкварт: Вчера я заявил, что я направил людей из Нидерландов в лагерь Аушвиц[2] для того, чтобы установить было ли там жильё и если так, какое. Я привёл вам результат этой инспекции. Я спросил полицию безопасности, то есть Гейдриха[3], нельзя ли было поддерживать переписку эвакуированных евреев с Нидерландами. Такая уступка была сделана. Почти три четверти года или год переписка поддерживалась, допускались не только почтовые открытки, но и длинные письма. Я не знаю как это делала администрация лагеря, но отправители признавали письма подлинными. Когда количество писем позднее упало – это никогда полностью не прекращалось – полиция безопасности сказала мне, что у евреев в Аушвице теперь мало знакомых в Нидерландах, что означало других евреев, потому что большинство из них уже в были Аушвице.

---

[1] Адольф Гитлер (1889-1945) - основоположник и центральная фигура национал-социализма, основатель тоталитарной диктатуры Третьего Рейха, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии (1921—1945), рейхсканцлер (1933—1945) и фюрер (1934—1945) Германии, главнокомандующий сухопутными войсками Германии (с 19 декабря 1941) во Второй мировой войне. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

[2] Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц — комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940—1945 годах к западу от Генерал-губернаторства, около города Освенцим, который в 1939 г. указом Гитлера был присоединён к территории Третьего рейха, в 60 км к западу от Кракова.

[3] Рейнхард Гейдрих (1904 — 1942) — государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник Главного управления безопасности Рейха (1939—1942), заместитель (исполняющий обязанности) протектора Рейха Богемии и Моравии (1941—1942). Обергруппенфюрер СС и генерал полиции (с 1941). Убит в результате покушения чешских подпольщиков.

Штейнбауэр: Свидетель, вы также обращались к Борману?
Зейсс-Инкварт: Вчера я заявил, что узнав о приказе Гейдриха, я запросил Бормана узнать у фюрера действительно ли Гейдрих имел такую неограниченную власть. Борман подтвердил это. Я откровенно признаю, что у меня были сомнения в эвакуации.
Штейнбауэр: Вы делали, что-нибудь, чтобы облегчить эти сомнения?
Зейсс-Инкварт: Мои сомнения – которые усилились в ходе войны – заключались в том, что тяготы войны были бы тяжким бременем, прежде всего для евреев. Если бы в Рейхе было мало продовольствия, еврейские лагеря в особенности получали бы мало, при том, что с евреями обращались бы суровее и при сравнительно небольших поводах применяли тяжёлое наказание. Конечно, я также думал о неизбежном отрыве от семей, в некоторой степени, по крайней мере, в случае с трудовой повинностью. Это и послужило причиной того, что мы предусматривали трудности на 3 или 4 месяца вперед.

Однако, решающим аргументом было заявление компетентного органа полиции безопасности, о том, что в случае попытки высадки, евреев не должно было быть на непосредственном театре военных действий.

Я прошу суд учитывать, что самым важным и самым решающим мотивом для меня всегда было то, что немецкий народ вёл войну не на жизнь, а на смерть. Смотря на это сегодня с иного ракурса это выглядит иначе. В то время, если мы говорили себе, что евреев нужно держать вместе в каком-то лагере, даже в строгих условиях, и что после окончания войны им где-то найдут поселение, сомнения вызванные этим нужно было отбрасывать в виду того, что их присутствие в районе боевых действий могло ослабить силу германского сопротивления.

В течение 1943 я говорил с Гитлером и обращал его внимание на данную проблему в Нидерландах. По своему убедительно, он заверил меня и одновременно признал, что он обдумывал постоянную эвакуацию евреев, по возможности из всей Европы, с которой Германия хотела поддерживать дружественные отношения. Он хотел расселить евреев на восточной границе германской сферы интересов постольку, поскольку они не могли эмигрировать в другие части света.

В начале 1944 я говорил с Гиммлером[4], с которым получилось встретиться в южной Баварии. Я чётко спросил его о евреях в Нидерландах. Тот факт, что наш Восточный фронт отступает, означал, что лагеря с течением времени окажутся в районе боевых действий или по крайней мере в тыловом районе. Я опасался, что тогда многие евреи станут даже более опасными. Гиммлер сказал, что-то такое: «Не волнуйтесь, они мои лучшие рабочие». Я не мог представить, что евреи пригодные к работе работают, в то время как их родственников уничтожают. Я верил, что в таком

[4] Генрих Гиммлер (1900 — 1945) — один из главных политических и военных деятелей Третьего рейха. Рейхсфюрер СС (1929—1945), министр внутренних дел Германии (1943—1945), рейхсляйтер (1933), начальник РСХА (1942—1943). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

случае нельзя было ожидать ничего другого чем то, что каждый еврей будет нападать на немца и душить его.

Штейнбауэр: Свидетель, значит, вы знали об этих эвакуациях? В качестве рейхскомиссара вы помогали проводить эти эвакуации при помощи своей администрации?

Зейсс-Инкварт: Поскольку эвакуация была фактом, я считал правильным заниматься этим в той мере в какой мог как рейхскомиссар. Я дал своему заместителю в Амстердаме, доктору Бёмке, полномочия проводить эвакуацию, осуществлять контроль, и предпринимать шаги, если случались эксцессы иные, чем неизбежные трудности или докладывать мне о таком. Доктор Бёмке находился в постоянной оппозиции так называемому центральному отделу еврейской эмиграции. Нам приходилось вмешиваться снова и снова, но я убежден в том, что мы не положили конец всем лишениям.

Евреев должны были собирать в лагере Вестерборк[5]. Когда первые транспорты ушли, я получил доклад о том, что поезда были переполнены. Я заявил решительный протест командиру полиции безопасности и попросил его проследить за тем, чтобы перевозка проводилась упорядоченным образом. Доклад Нидерландов заявляет, что в начале перевозку проводили в приемлемых условиях, позднее, условия в целом стали хуже. Но то, что случалось такое чрезмерное переполнение как указано в докладе до меня не доходило. Это правда, что полиция безопасности сильно затрудняла контроль за этими мероприятиями. По предложению некоторых голландских генеральных секретарей, особенно ван Дама[6] и Фрёлиха, я ввёл исключение для ряда евреев. Можно повлиять на отдельные исключения, основные меры изменить нельзя. Мне кажется, что количество исключений больше, чем указано в нидерландском докладе, по крайней мере, согласно моим докладам.

На последней стадии евреи находились в лагере Вестерборк. Когда началось вторжение, Гиммлер захотел вывезти их. Из-за моих возражений это не было сделано. Но после битвы у Арнема он вывез их, как сказал в Терезиенштадт[7], и я надеюсь, что они остались в живых.

Штейнбауэр: Вы связи с этим вы также освобождали имущество?

Зейсс-Инкварт: Те евреи, для которых сделали исключения, сохранили своё имущество.

Штейнбауэр: Завершая данную главу я хочу ещё раз обратить внимание трибунала

---

[5] Вестерборк — концентрационный лагерь, созданный после оккупации Нидерландов нацистской Германией в десяти километрах к северу от города Вестерборк в провинции Дренте, недалеко от границы с Германией.

[6] Ян вам Дамм (1896 – 1979) – нидерландский германист. В 1940-1945 генеральный секретарь образования и науки в оккупационной администрации Нидерландов. Голландским судом был приговорён к 7 годам лишения свободы.

[7] Терезиенштадт (нем. Theresienstadt, Терезинское гетто) — нацистский концентрационный лагерь, располагавшийся на территории бывшего гарнизонного города Терезин в Чехии, на берегу реки Огрже. Создан в ноябре 1941 года на базе тюрьмы гестапо. За годы войны в этот лагерь попали около 140 тысяч человек (среди них 15 тысяч детей), из которых около 33 тысячи погибли, а 88 тысяч были депортированы в Освенцим или другие лагеря смерти и были убиты.

на документ PS-1726, USA-195, в документальной книге обвинения. Этот документ суммирует всю еврейскую проблему в Нидерландах, и на странице 6 он приводит все ведомства, которые занимались еврейской проблемой. Под номером 3 вы найдёте генерального комиссара безопасности, высшего руководителя СС и полиции Г. Раутера[8], генерала полиции. Под номером 4 центральный отдел еврейской эмиграции, руководитель аус дер Фунте[9] – ниже «генерального комиссара» под номером 3. Доклад говорит об этом:

> «Видимость организации для еврейской эмиграции; в действительности организация, чтобы отбирать у евреев их права, сегрегировать их или депортировать».

Это было самое важное ведомство, которое непосредственно подчинялось гиммлеровскому высшему руководителю, но не подсудимому.

Зейсс-Инкварт: Я бы хотел отметить, что Раутер в данном случае действовал как высший руководитель СС и полиции, а не как «генеральный комиссар безопасности» так как меры проводились германской полицией, а не нидерландской.

Штейнбауэр: Свидетель в речи также однажды высказался о своих взглядах на еврейскую проблему. Обвинение предъявило часть этой речи.

Председатель: Доктор Штейнбауэр вы представили свидетелю документ PS-1726, который видимо содержит историческое заявление. Свидетель согласен с тем, что данное историческое заявление точное?

Подсудимый, вы согласны с тем, что это историческое заявление точное?

Зейсс-Инкварт: Могу я увидеть документ?

[*Документ передали подсудимому*]

Штейнбауэр: Это приложение 2.

Председатель: Поймите доктор Штейнбауэр, вы предъявили документ в вам нужно установить у свидетеля, согласен ли он с документом или он его оспаривает.

Зейсс-Инкварт: Представленные факты точные, за исключением дополнения о поправке, которую я сделал со ссылкой на «генерального комиссара безопасности».

Председатель: Есть некоторые отрывки в документе, к которым вы должны обратиться: например февраль 1941. Доктор Штейнбауэр, у вас есть документ?

Штейнбауэр: Да.

Председатель: Вы посмотрите на последнюю запись под заголовком февраль 1941? Вы видите это?

---

[8] Ганс Раутер (1895 — 1949) — один из руководителей нацистского оккупационного режима в Нидерландах, обергруппенфюрер СС и генерал полиции (21 июня 1943 года), генерал войск СС (1 июня 1944 года). Казнён по приговору голландского суда.

[9] Фердинанд аус дер Фунтен (1909 – 1989) – гауптштурмфюрер СС. Руководитель Центрального управления по еврейской эмиграции в Нидерландах в 1940-1945. Голландским судом был приговорён к смертной казни с заменой пожизненным заключением. Освобождён в 1989 году.

Штейнбауэр: Да.

Председатель: Вы должны представить это свидетелю. Он сказал, что факты точные.

Штейнбауэр: Свидетель, вы нашли ниже «февраля 1941» заявление – у меня есть только на английском языке – говорящее о том, что евреев арестовали и затем отправили в Бухенвальд[10] и Маутхаузен[11].

Зейсс-Инкварт: Я обсуждал этот случай вчера. Это была мера по прямому приказу Гиммлера, которая дошла до моего сведения после того как начала проводится и вопреки моим протестам. По моим сведениям, массовой депортации в Маутхаузен после этого снова не было.

Председатель: Тогда я понимаю что подсудимый говорит, что документ точный за исключением того где вы ссылались на номера 3 и 4 на последней странице. Правильно?

Зейсс-Инкварт: Вчера в своих показаниях я подтвердил приказы содержащиеся в документе, но не все детали о самих событиях.

Штейнбауэр: Представление отдельных ведомств на странице 6 правильное?

Зейсс-Инкварт: Само представление, тоже, в основном правильное. Вчера я говорил о сожжении синагог и предотвращении уничтожения синагог в Гааге и Амстердаме.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, очень хорошо. Продолжайте.

Штейнбауэр: Теперь, я бы хотел сослаться на документ 79, страница 203, из экземпляра номер USA-708. Это речь, которую Зейсс-Инкварт произнёс по еврейскому вопросу. Обвинение предъявило данный документ. Поскольку требуется небольшое пояснение я начну, прочитав последнюю фразу:

> «Единственное, что мы можем обсуждать - создание терпимого переходного государства придерживаясь точки зрения, что евреи враги, и таким образом применяя всяческую предосторожность привычную в отношении врагов. Что касается времени, когда Германии здесь не будет как оккупационной силы, чтобы поддерживать порядок в общественной жизни, голландскому народу самому решать хочет ли он подвергать опасности ради евреев товарищеский союз с немецким народом».

Свидетель, я бы хотел спросить вас об этой речи. Вы думали о полной ликвидации и уничтожении евреев?

Зейсс-Инкварт: Я вообще никогда не думал об этом, и в этой речи я даже не думал

---

[10] Бухенвальд — один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, располагавшийся близ Веймара в Тюрингии. С июля 1937 по апрель 1945 года в лагере было заключено около 250 000 человек. Бухенвальд имел 138 концлагерей-филиалов.

[11] Маутхаузен — немецкий концлагерь около города Маутхаузен в 1938—1945 годах. Концлагерь представлял собой систему, состоящую из центрального лагеря и 49 филиалов, разбросанных по всей территории бывшей Австрии (Остмарка).

об эвакуации. Тогда я придерживался точки зрения, что евреев в Нидерландах следует ограничить как это делают с враждебными иностранцами, по причинам указанным в предыдущей части речи, которую предъявило американское обвинение. Всё ещё преобладала идея обращаться с ними как с враждебными иностранцами, при том, что даже например, англичан, тоже перевозили в Рейх. Я уже отметил, что позднее точка зрения изменилась, чтобы соответствовать мерам против евреев, которые были привычными в Рейхе.

Штейнбауэр: Теперь мы переходим к…

Председатель: Какая дата у речи?

Зейсс-Инкварт: Это речь от марта 1941. Лишь однажды я снова высказал свою точку зрения и это было 20 апреля 1943, когда я внёс вообще-то, признаю, фантастическое предложение, о том, чтобы все воюющие державы внесли 1 процент от своих военных затрат для того, чтобы решить еврейскую проблему с экономической точки зрения. Следовательно, я всё ещё считал, что евреи существовали, между прочим я никогда не называл евреев низшими.

Штейнбауэр: Мне кажется, я могу завершить данную тему и продолжить с другим обвинением, которое вам предъявлено – нарушениям международного права, предмет разграбления.

Кто конфисковал сырье и машины в Нидерландах?

Зейсс-Инкварт: Инициатива для этого и степень в которой это должны были делать, исходили от ведомств Рейха. Операции проводили как мои ведомства, Вермахт, отделы инспекции вооружений или даже полиция и Ваффен-СС, но с середины 1944 в основном они проводились ведомством министра вооружений, которое также было моим ведомством, и полевыми экономическими командами главнокомандования сухопутных войск. Тогда контроль был чрезвычайно сложным.

Штейнбауэр: В чём заключалось ваше отношение к этой проблеме?

Зейсс-Инкварт: Я считал, что нормы Гаагской конвенции о сухопутной войне[12] применимые к этому устарели и не могли применяться к современной войне, потому что трудовой потенциал гражданского населения по крайней мере настолько же важен насколько военный потенциал солдат на фронте. Сколько можно было требовать, как мне казалось зависело от условий преобладавших в своей стране. Это несомненно отличалось в каждой стране. Поэтому я стремился добиться заявления рейхсмаршала Геринга о том, что голландцы должны были жить в таких же условиях, как и немецкий народ. Это обещание, точнее, не полностью сдержали в следующий период.

Штейнбауэр: Как проводилась конфискация? Какими властями?

Зейсс-Инкварт: До 1943 голландские ведомства выполняли наши задачи. Технические эксперты должны были предоставлять мне фактическое обоснование

[12] На первой и второй мирных конференциях в Гааге в 1899 и 1907 годах приняты международные конвенции о законах и обычаях войны, включённые в комплекс норм международного гуманитарного права.

конфискаций, поскольку я не был знаком с такими вопросами. Я предпринимал шаги, когда до меня доходили жалобы. Например, я предотвратил вывоз маргариновых производств в Дордрехте и продукции новых электрических производств в Леэвардене.

Рейхсминистр Шпеер издал важный приказ о том, чтобы только машины из фабрик которые поставляли больше чем половину своей общей продукции в Рейх, например «Phillips [13]» в Эйндховене, можно было перевозить в Рейх.

Штейнбауэр: Французское обвинение обвиняет вас в том, что вы выступали за чёрный рынок. Что вы на это скажете?

Зейсс-Инкварт: Мы с самого начала боролись с чёрным рынком. Таким образом при нас всегда был «серый рынок». Я запретил закупать продовольствие из текущей продукции, а также других важных потребительских товаров на чёрном рынке. Каждый случай расследовали компетентные ведомства вместе с голландскими властями. Если это было дело, которое было запрещено мною, товары конфисковали и передавали голландским властям. Данные меры на 100 процентов были на пользу голландцам, ибо то, что Германский Рейх официально хотел получить он всё равно получал. Из документа я вижу, что оборот в Нидерландах был самым низким чем где бы то ни было. При этом цифры обманчивы, поскольку цены на чёрном рынке были в несколько раз выше чем на обычном рынке, поэтому фактическое количество товаров было гораздо ниже.

Штейнбауэр: В документе PS-1321 предъявлено обвинение о том, что вы передавали СС медицинский инвентарь.

Зейсс-Инкварт: Это правда. Пожалуйста, судите об этом в соответствии с моими общими заявлениями. СС требовались микроскопы для своих фронтовых госпиталей, для всех своих госпиталей, которые уничтожали бомбёжками. В лабораториях университета Утрехта были микроскопы, которые не использовались. Я поручил изучить вопрос своему ведомству и то, что оказалось излишним конфисковали. В связи с этим, я сошлюсь на дело, которое было гораздо важнее для голландцев. Рейх хотел снести институт Камерлинга[14] в Лейдене, который является одним из самых известных институтов исследования низких температур в мире. Мне кажется, только советы и американцы имеют такие же, особенно подходящие для атомных исследований. Я предотвратил снос этого института, что означало бы невосполнимую утрату для Нидерландов. Эксперименты, которые казались

[13] Koninklijke Philips N.V. — нидерландская компания, деятельность которой делится на три основных направления: здравоохранение, световые решения и потребительские товары. Компания занимает ведущие позиции в разработке оборудования для кардиологии, неотложной помощи и медицинского обслуживания на дому, в сфере энергоэффективных светотехнических решений и инновационных систем освещения. Основана в 1891.

[14] Хейке Камерлинг-Оннес (1853—1926) — голландский физик и химик, лауреат Нобелевской премии по физике 1913 года. Установка Камерлинг-Оннеса, использованная им для ожижения гелия, демонстрируется в лаборатории физического факультета Лейденского университета. Криогенная лаборатория университета носит имя Каммерлинг-Оннеса.

нужными, проводил сам профессор Гейзенберг[15] в Лейдене.

Штейнбауэр: Документ RF-130, обвиняет вас в том, что вы вывезли прокатный стан в Эймейдене.

Зейсс-Инкварт: Этот прокатный стан в Эимейдене был построен после мая 1941 немецкой фирмой, которая в обмен получила долю в сталелитейном акционерном обществе. Электрические сооружения этих производств постоянно уничтожались англичанами, не без помощи разведывательной службы голландского движения сопротивления. По моему мнению, рейхсмаршал был прав приказав перевести их в Рейх. Это было сделано. Почему никакой компенсации не было выплачено мне не понятно, так как я отдал приказ, чтобы все такие требования должны были получать полное возмещение убытков, но вероятно германский концерн вышел из доли.

Штейнбауэр: Далее предъявлено обвинение в том, что вы передали Рейху значительные транспортные средства Нидерландов.

Зейсс-Инкварт: По сути, я не мог растрачивать средства транспорта, это была забота транспортного командования вооруженных сил. Однажды я просто принял участие в требовании 50 000 велосипедов – в Нидерландах было 4 000 000 велосипедов – для мобилизации войск в самих Нидерландах.

Штейнбауэр: Ещё одно обвинение в том, что вы вывозили предметы искусства из общественных музеев и коллекций.

Зейсс-Инкварт: Я больше всего тщательно заботился о том, чтобы знаменитые предметы искусства, в особенности картины, в голландских общественных музеях Амстердама, Маурицхейсе[16], и так далее особо охраняли. Но возможно, что кредиты на эти музеи, принадлежавшие евреям, были затребованы в связи с ликвидацией еврейской собственности. Был один такой случай. В Нидерландах существовал фонд Круллера, который завещали государству Нидерландов. Без моего разрешения три картины из этого фонда на которые я позднее заключил договор купли-продажи с музейными властями забрали в Рейх. Я постарался заменить эти произведения для музея. Они приобрели несколько красивых ван Гогов[17] и Корра из немецкого списка сокровищ, и глава музея однажды сказал мне, что новые картины больше подходили музею чем старые. Знаменитые полотна находились в бомбоубежище на голландском побережье. Когда побережье объявили укрепленным районом, я убедил голландские власти построить новое убежище возле Маастрихта. Картины забрали туда, под постоянным присмотром голландцев. Ни один немец не имел к этому никакого отношения. Осенью 1944 доктор Геббельс[18] потребовал, чтобы картины

[15] Вернер Гейзенберг (1901 — 1976) — немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики, лауреат Нобелевской премии по физике (1932), член ряда академий и научных обществ мира. Ведущий ученый в атомной программе Третьего Рейха.

[16] Королевская галерея Маурицхёйс (дословно дом Морица) — художественная галерея в Гааге, Нидерланды.

[17] Винсент Ван Гог (1853 — 1890) — нидерландский художник-постимпрессионист, чьи работы оказали вневременное влияние на живопись 20 века.

[18] Йозеф Геббельс (1897 — 1945) — немецкий политик, один из ближайших сподвижников и верных последователей Адольфа Гитлера. Гауляйтер в Берлине с 1926 года и начальник управления пропаганды НСДАП с 1930 года.

забрали в Рейх. Я чётко отказал в этом и поставил надёжную охрану в убежище, а также отправил чиновника из голландского министерства, который был уполномочен передать картины приближающимся войскам противника. Я убеждён в том, что голландское правительство в Англии понимает, что эти картины остались в Нидерландах.

Штейнбауэр: Вы сами приобретали какие-нибудь картины?

Зейсс-Инкварт: В Нидерландах я не покупал для себя никаких картин, за исключением двух или трёх небольших этюдов современных художников. Как рейхскомиссар я покупал картины современных художников на выставках, когда они мне нравились и когда казались мне подходящими по цене и предлагались на продажу. Я также покупал старые картины и отдавал их общественным учреждениям Рейха, в особенности Музею истории искусства в Вене и ведомству рейхсштатгальтера Вены. Всё это были покупки на открытом рынке, насколько меня информировали. Среди них была картина приписываемая Вермееру[19], хотя это и оспаривалось. С другой стороны я приобрёл подлинного Вермеера для голландского государства предотвратив его покупку Рейхом.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, нет никакого конкретного обвинения против подсудимого в покупке картин.

Штейнбауэр: Это упоминалось в судебном досье. Могу я продолжить? Позвольте нам завершить данный вопрос.

Председатель: Нам не требуются эти подробности. Достаточно, если он сказал нам, что платил за картины. Ему не нужно приводить нам подробности об этих картинах.

Штейнбауэр: Я продолжу со следующим вопросом. Я предъявляю вам документ RF-136. Он описывает конфискацию имущества её величества, королевы Нидерландов.

Зейсс-Инкварт: Говоря по правде, я должен кое-что добавить к предыдущему вопросу. Картины и предметы искусства из еврейских состояний или из вражеских состояний, когда существовала причина для этого, ликвидировались и продавались в Рейх. В связи с этим возникла очень оживленная свободная торговля при участии голландских торговцев искусством, чему без сомнения способствовало свободное перемещение валюты.

Штейнбауэр: Теперь я бы хотел продолжить с вопросом королевского имущества, RF-136.Что вам известно о приказе по ликвидации такого имущества.

Зейсс-Инкварт: Я лично приказал об этой ликвидации. Конечно в Нидерландах, существовал приказ о конфискации вражеского имущества, как и на всех оккупированных территориях. Когда мы пришли в Нидерланды, королевское

Министр пропаганды и народного просвещения Германии в 1933-1945. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин в апреле 1945.

[19] Ян Вермеер (1632—1675) — нидерландский художник-живописец, мастер бытовой живописи и жанрового портрета. Наряду с Рембрандтом и Франсом Халсом является одним из величайших живописцев золотого века голландского искусства.

имущество было просто передано в доверительное управление, без каких-либо шагов, чтобы захватить его. Сразу после начала кампании на Востоке, королева Нидерландов лично выступила по радио в самой антагонистической манере, жестоко обвиняя фюрера и прямо призывая к активному сопротивлению. В виду такого положения дел имущество любого голландского гражданина могло быть конфисковано. Поэтому я решил действовать в этом случае таким же образом, чтобы предотвратить чрезмерное распространение этой меры, как того требовали от меня, имея при этом убеждение, что я не могу делать никаких исключений. Я сам, как я сказал, подписал приказ о конфискации, для того, чтобы не вмешивать кого-либо ещё.

Штейнбауэр: Какие указания вы давали в ходе ликвидации?

Зейсс-Инкварт: Я сразу же отдал приказы о ликвидации, которые на практике предотвращали проведение ликвидации. Я приказал передать поместья или замки правительству Нидерландов – мне кажется, за исключением одного дома – а также облигации и сбережения и архивы, и чтобы вся историческая или художественная или иная ценная мебель была отобрана голландской комиссией включившей всё, что можно в этот перечень. Я понимал это, и не вычеркнул ни одного предмета. В частности, я целиком передал исторические сооружения Сустдейка[20] и Хёйс-тен-Боса[21], хотя Берлин хотел сооружения Хёйс-тен-Боса в качестве мемориала народу Бранденбурга. Наконец, даже личные вещи…

Председатель: Доктор Штейнбауэр, не думаю, что подсудимому нужно делать это настолько подробно. Он указал на то, что какие-то вещи передали государству Нидерландов.

Штейнбауэр: Затем я бы хотел очень коротко спросить в связи с этим: вам известно в какой степени имущество на самом деле ликвидировали?

Зейсс-Инкварт: Я поручил дать мне отчёт. Мне сообщили о том, что 3, самое большее 5 процентов имущества на самом деле ликвидировали.

Штейнбауэр: Спасибо, этого достаточно.

Зейсс-Инкварт: Выручка была передана в фонд возмещения военного ущерба.

Штейнбауэр: Теперь я перехожу к вопросу конфискации фабрик и сырья. Кто предпринимал эту конфискацию?

Зейсс-Инкварт: Я могу сослаться на свои предыдущие заявления. С позднего лета 1944, это делали в основном полевые экономические команды. Доступны отдельные документы с уведомлениями ссылающимися на меня. Было много неразрешенных конфискаций. Люди приезжали из Рейха на грузовиках и начинали забирать машины. Совместно с командующим вооруженными силами и высшим руководителем СС и полиции, я приказал о том, чтобы против таких методов

[20] Сустдейк — До 1971 дворец нидерландской королевский семьи. Состоит из центрального корпуса, северного и южного крыла.

[21] Хёйс-тен-Бос (нидерл. Huis ten Bosch, что значит «Дом в лесу») — традиционная резиденция голландской королевской семьи на окраине Гааги (прежде за чертой города).

применялись строжайшие меры.

Штейнбауэр: В связи с этим я бы хотел сослаться на два документа, которые я предъявил, но не буду читать для того, чтобы сэкономить время. Это документы номер 80 и 81, страницы 205 и 208. Из них можно, что это была задача вооруженных сил, что все эти конфискации производили оккупационные силы.

Свидетель, в документе RF-137 предъявлено обвинение в том, что вами был санкционирован вывоз мебели и одежды из Арнема.

Зейсс-Инкварт: Обвинение правильное. Ситуация была следующей: фронт находился сразу на юге от Арнема. Собственно в Арнеме было построено три или четыре линии сопротивления. Город полностью эвакуировали. Его обстреливали, и сооружения и товары в Арнеме постепенно уничтожали в ходе зимы. Тогда фюрер приказал через Бормана о том, чтобы текстиль, в частности был доставлен из Нидерландов для немецких семей, которые пострадали от бомбардировок. Без всякого сомнения, мебель и текстиль в Арнеме наверное были бы либо разграблены или уничтожены погодой, либо сгорели в бою у Арнема. Хотя это была не моя территория, а фронт и таким образом исполнительная власть находилась у вооруженных сил, я дал добро на то, чтобы в таких обстоятельствах товары и текстиль доставили в Рурский район. Одновременно я приказал о том, чтобы вещи были внесены в список для возмещения убытков. Мне кажется, доктор Виммер[22] сможет подтвердить это как свидетель.

Штейнбауэр: Мне кажется на этом мы можем завершить.

Зейсс-Инкварт: Мне также предъявили обвинение в том, что я взорвал сейфы. Я решительно этому возражал. Когда мне доложили о подобном случае, я поручил своему прокурору возбудить уголовное дело и выдать ордер на арест.

Штейнбауэр: Теперь я перейду к следующему вопросу. Что насчёт взрывов и разрушения портов, доков, складов и шахт в Нидерландах?

Зейсс-Инкварт: Подрывы производили в тот момент, когда Нидерланды снова стали театром боевых действий. Что касается портовых и доковых сооружений и верфей, важно следующее: порт Антверпена попал почти полностью неповрежденным в руки противника. Мне кажется, у этого было решающее значение для дальнейшего развития наступления. Потом компетентные военные власти в Нидерландах начали взрывать такие сооружения в качестве меры предосторожности. Я только познакомился с фактом, но не в подробностях; и я отказался следить за взрывами. Но мой комиссар и я обращались в ведомства вооруженных сил, и мне кажется, что в Роттердаме половину сооружений не взорвали. Это показано в голландских докладах. Я вообще не имел никакого отношения к чему-либо связанному с вопросом, кроме этого вмешательства.

Когда англичане достигли Люмбурга, был отдан приказ взорвать шахты

[22] Фридрих Виммер (1897 – 1965) – австрийский юрист. Бригадефюрер СС. В 1940-1945 генеральный комиссар юстиции Нидерландов.

как жизненно важные для войны. Я запросил об этом рейхсминистра Шпеера, и он отдал приказ не взрывать их, только вывести их из строя на 3 или 4 месяца. Об этом были отданы приказы. Надеюсь, что их не нарушали.

Штейнбауэр: Мы слышали на процессе о политике «выжженной земли». Это также применялось к Нидерландам?

Зейсс-Инкварт: Я получил приказ о «выжженной земле» от Бормана. Без какой-либо военной необходимости, нужно было взрывать все технические сооружения. Это в свою очередь означало уничтожение Голландии, то есть, западных Нидерландов. Если бы взрывы провели в 14 или 16 различных местах в Голландии страна была бы полностью затоплена за 3 или 4 недели. Я сразу не стал выполнять данный приказ, вместо этого я установил контакт с рейхсминистром Шпеером. Я лично встретился с ним 1 апреля в Ольденбурге. Шпеер сказал мне о том, что такой же приказ отдан в Рейхе, но что он это его беспокоило, что теперь он имел полную власть в данном вопросе, и что он согласился с тем, что приказ не следовало исполнять в Нидерландах. Его исполняли.

Штейнбауэр: Итак, к ещё одной главе. Случились наводнения. Вы имели к ним какое-либо отношение?

Зейсс-Инкварт: Я знаю об этом, и я имел кое-какое отношение к этому.

Вооруженные силы заранее подготовили наводнения в оборонительных целях и были так называемые «боевые» наводнения которые срочно понадобились в ходе битвы. Подготовленные проводились в самом тесном контакте с моим ведомством и голландскими ведомствами. В результате их вмешательства, почти половину требуемого района пощадили и спасли. Наводнение в основном делали из пресной воды поэтому причинялось меньше ущерба и внешние дамбы сохранились. Было два боевых наводнения в Голландии, по приказу командующего в Голландии. В частности назывался польдер[23] Вейрингера. Тогда была большая опасность высадки с воздуха войск, которые бы обошли с фланга голландский фронт обороны. Меня на самом деле не информировали о проведении боевых наводнений. Командующий решил об этом за ночь.

Когда 30 апреля, я беседовал с генерал-лейтенантом Беделлом Смитом[24], начальником генерального штаба генерала Эйзенхауэра[25], он сказал нам: «То, что было затоплено до сих пор, может быть обоснованно с военной точки зрения; если вы затопите ещё, это больше не будет обоснованно».

После 30 апреля больше не было никаких наводнений.

---

[23] Польдер — осушенный и возделанный низменный участок побережья. Польдеры обычно располагаются на месте низменных заболоченных морских побережий — маршей, часто ниже уровня моря, защищены от моря или других окружающих водоёмов валами, дамбами и другими гидротехническими сооружениями от затопления морскими и речными водами.

[24] Уолтер Беделл Смит (1895—1961) — американский военный и государственный деятель. В 1944-1945 начальник штаба верховного главнокомандования союзников.

[25] Дуайт Эйзенхауэр (1890 — 1969) — американский государственный и военный деятель, генерал армии (1944), 34-й президент США (20 января 1953 — 20 января 1961).

Штейнбауэр: В связи с этим я бы хотел сослаться на документ 86, страница 221 не читая его. Он показывает, что эти наводнения имели чисто военный характер.

Свидетель вам предъявлено ещё одно обвинение, вопрос снабжения продовольствием нидерландского населения. Какие меры вы предпринимали , чтобы поддерживать обеспечение продовольствием голландского народа?

Зейсс-Инкварт: Продовольственный вопрос в Нидерландах был, несомненно, самым сложным вопросом всей администрации и мне кажется, из-за особых аспектов дела, он был одним из самых сложных на всех оккупированных территориях.

В Нидерландах плотность населения 270 человек на квадратный километр, особенно в Голландии больше 600 на квадратный километр нужно прокормить. Продовольственная экономика высокоразвита как перерабатывающая экономика зависящая от импорта сотен тысяч тонн продовольствия. С оккупацией и блокадой всё это исчезло. Всю продовольственную экономику нужно было поставить на новую базу, также как и производство продовольствия для непосредственно человеческого потребления. Разумеется было большим достижением голландского сельского хозяйства и его руководства, что оно было успешным. Однако, я могу сказать, что мои эксперты помогали очень эффективно, и мы получили большую поддержку из Рейха.

Распределение продовольствия в Нидерландах тоже было аккуратно отрегулировано, больше чем на любой другой оккупированной территории. Самое важное для меня заключалось в поддержке этой продовольственной системы, хотя её руководитель, генеральный директор Лувес[26] и весь его штаб помощников явно были враждебны к немцам. Вопреки воли центрального управления Рейха, я вместе с тем сохранял его, потому что иначе, я не смог бы нести ответственность за пропитание народа.

Штейнбауэр: Вы также доставляли продовольствие в Рейх?

Зейсс-Инкварт: Да, прежде всего войска, требовали право жить с территории, но мне кажется, пшеницу доставили из Рейха в степени 36000 тонн, в обмен требовались овощи. Рейх требовал дополнительно больше овощей, а также поставку скота, консервированного мяса, семян и некоторых других продуктов. Овощи и мясо не имели бы такого большого значения, но семена доставляли неприятности. Я убежден в том, что голландская продовольственная система делала всё возможное, чтобы предотвратить поставки.

Штейнбауэр: Мне кажется, что этого достаточно по данной теме, и я бы теперь хотел спросить о том какой была в целом продовольственная ситуация осенью 1944?

Зейсс-Инкварт: В течение большей части оккупационного периода мы имели калорийность сначала 3000 и затем почти 2500 калорий, и в 1944 около 1800 калорий. Сегодняшний опыт покажет, что это означало.

---

[26] Стефанус Лувес (1889 – 1953) – генеральный секретарь продовольствия Нидерландов в 1940-1945.

В сентябре 1944 Нидерланды снова стали театром военных действий. Приблизительно во время высадки первых британских десантных дивизий в Арнеме, началась всеобщая забастовка на голландских железных дорогах по приказу голландского правительства в Англии; и она проводилась почти повсеместно. Одновременно корабли исчезли на внутренних водных путях. Формально это не была забастовка, но можно считать её тем же самым.

В результате такой ситуации оборонительные возможности германских вооруженных сил поставили под угрозу. Затем германские вооруженные силы начали конфисковать корабли и в свою очередь прервали всё судоходство. Я связался с вооруженными силами и мне сказали, что если бы железнодорожная забастовка прекратилась, они бы не действовали столь решительно. Я сообщил об этом генеральному секретарю Хирсфельду[27] и генеральному директору Лувесу. Никакого результата не получилось, и я вынужден был рассматривать как я могу возобновить судоходство. Я обсудил это с вооруженными силами и предложил, что я дам им 3 или 4 недели, за которые они смогут обезопасить необходимое погрузочное пространство. Из почти 2 миллионов доступных тонн, им требовалось 450000 тонн. В течение этого времени я запретил всё судоходство, потому что вооруженные силы, всё равно конфисковали все корабли. Я разрешил движение небольших судов в Голландии.

Председатель: Как всё это относится к обвинениям предъявленным в отношении этого подсудимого?

Штейнбауэр: Доклад правительства Нидерландов, который обвинение также упоминало, очень подробно говорит о том, что подсудимый как рейхскомиссар ответственный за голод, который начался в сентябре 1944 и длился вплоть до весны 1945 и за высокую смертность, особенно детей – целые столбцы статистики предъявлены – потому что, по причине судоходной и железнодорожной забастовки он запретил ввоз продовольствия. Это одно из самых важных и серьезных обвинений против него. Я просил свидетелей по данной теме, и вероятно я могу сократить это для того, чтобы свидетели могли высказаться об этом.

Зейсс-Инкварт: Я бы хотел, чтобы мне позволили прокомментировать данный вопрос. Это обвинение мне тоже кажется самым серьезным.

Штейнбауэр: Вероятно, мы сейчас сможем ненадолго прерваться, если ваша честь, согласен.

Председатель: Очень хорошо.

[*Объявлен перерыв*]

Штейнбауэр: В правительственном докладе утверждается, что тогда 50000

[27] Ганс Хирсфельд (1899 – 1961) – голландский экономист. Генеральный секретарь торговли, промышленности и судоходства Нидерландов в 1940-1945.

голландцев умерло от голода; и поэтому я бы хотел спросить вас, по какой причине вы ввели эмбарго на перевозки?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется я в основном уже объяснил это. Ситуация с транспортом была такой, что Вермахт должен был гарантировать своё погрузочное пространство. До тех пор пока он делал это, было невозможно никакое судоходство. Я хотел ограничить это как можно более коротким промежутком времени для того, чтобы потом можно было обеспечить судоходство и Голландия регулярно обеспечивалась продовольствием. Судоходство не было прервано в основном моим эмбарго, но скорее – свидетели подтвердят это – тем фактом, что все суда, которые можно было найти были конфискованы. Естественно, я спрашивал себя, создастся ли угроза для снабжения голландского народа продовольствием; и я сказал себе, что сам голландский народ ответственный за такое чрезвычайное положение и что военные интересы Рейха всё равно были одинаково важными. Я подумал, что если во второй половине октября смогу создать нормальное судоходство, тогда, согласно моему опыту, я бы имел 2 месяца времени за которые я наладил бы продовольственное снабжение голландского народа. Тогда я мог доставить 200000-250000 тонн продовольствия, и этого было бы достаточно чтобы поддерживать пайки на уровне 1400-1800 калорий. Мне кажется, я могу вспомнить, что между 15 и 20 октября я отдал приказ снова установить судоходство.

Штейнбауэр: И что вы сделали?

Зейсс-Инкварт: Судоходство не возобновилось, потому что голландские транспортные власти, по большей части, исчезли, вероятно потому что они опасались, что их сделают ответственными за всеобщую железнодорожную забастовку. Недели наших усилий оказались бесполезными; и наконец, я переговорил с генеральным секретарём Хирсфельдом и дал ему полные полномочия в частности…

Председатель: Доктор Штейнбауэр, трибунал не думает, что вопрос следует проходить настолько подробно.

Штейнбауэр: Свидетель, вероятно, вы можете быть очень кратким об этом и рассказать нам, что вы делали, чтобы облегчить условия.

Зейсс-Инкварт: Я практически закончил. Я дал генеральному секретарю Хирсфельду полную власть в сфере перевозок. Тогда он хотя и весьма медленно, восстановил перевозки. Он подтвердит, что я всячески его поддерживал. Поставки продовольствия доставили в Голландию. Но много недель пропало в пустую. В рамках своего сектора, я тогда предоставлял дополнительную помощь, о которой свидетель ван дер Венсе и мне кажется, свидетель Швебель[28] смогут дать вам информацию в своих опросных листах.

Штейнбауэр: Итак, я бы хотел предъявить в качестве следующего документа

[28] Эрнст Швебель (1886 – 1955) – немецкий юрист и судья. В 1940-1945 представитель рейхскомиссара Зейсс-Инкварта в провинции Южная Голландия.

письменные показания свидетеля ван дер Венсе. Они только, что пришли, но переводы уже закончены и наверное будут переданы трибуналу этим вечером или завтра утром. Сейчас я предъявляю подлинник. Кажется не нужно читать документ, который переведен на четыре языка. Он описывает исключительно продовольственную ситуацию в тот критический период времени.

Зейсс-Инкварт: Могу я также обратить ваше внимание на тот факт, что голландское правительство…

Председатель: Какой у него номер?

Штейнбауэр: Номер 105.

Зейсс-Инкварт:… что голландское правительство изменило цифру 50 000 смертей на правильную в 25 000.

Штейнбауэр: Теперь я перехожу к последнему периоду вашей деятельности как рейхскомиссара. Я бы хотел спросить вас, когда вы поняли, что военное сопротивление в Нидерландах было бесполезно?

Зейсс-Инкварт: То, что нам нужно было считаться с такой возможностью, что Германия не выиграет войну можно видеть в моём письме фюреру в 1939. Сам страх, что это может случиться возник во время Сталинграда. Поэтому нужно было рассматривать такую возможность, и в свое время я опасался, что дело может принять такой оборот; я чётко и достоверно узнал об этом из заявления которое рейхсминистр Шпеера сделал мне 1 апреля 1945…

Штейнбауэр: 1945?

Зейсс-Инкварт: Апрель 1945. До этого времени я не хотел в это верить, но представ перед переспективой безоговорочной капитуляции и полной оккупации, я естественно. Естественно я верил, что во всём, я должен был быть готов к худшему, потому что последствия были непредсказуемыми. Шпеер тогда сказал мне, что война, для Германии закончится в относительно короткий период времени, потому что производство вооружений просто не может продолжаться. Он сказал два или три месяца.

Штейнбауэр: Когда вы поняли данный факт, что вы сделали?

Зейсс-Инкварт: Я решил закончить оборонительную оккупацию Голландии не нарушая своих обязанностей перед Рейхом и фюрером. Я поехал в Гаагу и обсудил методы с генеральным секретарём Хирсфельдом. Мы сразу договорились связаться с доверенными агентами правительства в Гааге – которое было для меня нелегальным – и попросить их начать переговоры на том основании, что союзные войска не должны наступать в Голландию, в случае чего не случится никаких разрушений и союзники смогут обеспечить пропитание голландского населения при помощи прямого контакта с голландскими продовольственными властями. Тогда мы могли дождаться конца войны.

Штейнбауэр: Разве это не было самовольный поступок с вашей стороны в отношении германского правительства?

Председатель: Какая дата?
Штейнбауэр: Какая дата?
Зейсс-Инкварт: Беседа с генеральным секретарём Хирсфельдом состоялась 2 апреля 1945. Затем переговоры затянулись, и 30 апреля я провел беседу с генерал-лейтенантом Беделом Смитом. Я специально не попросил разрешения из Берлина с целью избежать отказа или запрета в осуществлении моего намерения. Я сделал это сам по себе. Генерал Бласковиц[29] командующий в Нидерландах был очень боязлив. Он вызвал меня ночью, потому что его начальники спрашивали его, что происходит. Несмотря на это, я решился сделать это, так как это казалось мне единственным разумным шагом который я мог предпринять в такой ситуации. Я заявил, что возьму всю ответственность. 30 апреля состоялось совещание и соотвественно вополотился результат которого я желал – капитуляция военной обороны Голландии.
Штейнбауэр: Затем, что вы делали лично?
Зейсс-Инкварт: Адмирал Дёниц как глава государства вызвал меня во Фленсбург. Я перешёл Северное море и явился к нему, и адмирал подтвердит это как мой свидетель, я добился отмены указа о разрушениях и постарался вернуться в Нидерланды. В конце концов я решился и был арестован в Гамбурге.
Штейнбауэр: Почему же вы хотели вернутся в Нидерланды?
Зейсс-Инкварт: Прежде всего, я хотел позаботится о своих коллегах; во-вторых, я всегда считал, что я должен отвечать за свою администрацию там; и наконец, я придерживался мнения, что, поскольку мы были впереди в час триумфа, мы могли претендовать на то, чтобы быть впереди и в час бедствия.
Штейнбауэр: Господин председатель, я завершил свой допрос свидетеля.
Ханзель: Вы принадлежали к СС?
Зейсс-Инкварт: Я имел почётную должность в общих СС. В данном качестве я не был обычным членом общих СС, но меня очень сильно интересовали СС как идеологическое и политическое формирование.
Ханзель: Вы выполняли в СС какие-нибудь функции или же просто имели титул?
Зейсс-Инкварт: Де юре я имел только титул. Политически я пытался оказывать определенное влияние на СС в Нидерландах, постольку поскольку это были не Ваффен-СС, полиция безопасности и тому подобное; и кажется в апреле 1945, я можно сказать де факто был самым главным фюрером СС в Нидерландах.
Ханзель: У вас складывалось впечатление, что СС были закрытой, единообразной организацией или в самой организации существовали большие различия?
Зейсс-Инкварт: По внешним признакам это была крайне закрытая система. Внутренне было две фракции. Одна хотела, чтобы СС являлись просто политическим воспитательным подразделением. Обергруппенфюрер Хайсмайер[30]

[29] Йоханнес Бласковиц (1883 — 1948) — германский военачальник, генерал-полковник. Покончил жизнь самоубийством находясь под американским арестом.
[30] Август Хайсмайер (1897 — 1979), один из руководителей СС, обергруппенфюрер СС (9 ноября 1936 года), генерал войск СС и полиции (1 июля 1944 года). Руководил воспитательной работой в СС. Немецким судом после войны был

принадлежал к этой школе. Другая фракция хотела сделать из СС государственный исполнительный орган. Гейдрих относился к этой группе. Сначала Гиммлер колебался, но позднее он полностью перешел в лагерь Гейдриха. Идеал СС растворился, потому что Гиммлер злоупотреблял их исполнительной властью.

Ханзель: Вы можете ограничить это временем? Когда приблизительно, в каком году, этот идеал умер?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, первые признаки были очевидны в 1938. Процесс продолжался с огромными успехами во время восточной кампании.

Ханзель: Общие СС не сильно выходили на первый план когда-либо с 1939, в то время как действовали группы исполнительных ведомств или Ваффен-СС?

Зейсс-Инкварт: В любом случае с этого времени Гиммлер переводил людей из общих СС и ставил их в разные исполнительные организации. Общие СС, по мне, всё равно не сильно выходили на первый план после этого.

Ханзель: Вы думаете, что эсэсовец мог знать о борьбе за власть в руководстве, чтобы он имел взгляд изнутри в отношении всего или он был неосведомлен об этом?

Зейсс-Инкварт: Мне не кажется, что обыкновенный эсэсовец знал об этом, но было много эсэсовцев, которые испытывали большое неудобство и оставались в своей организации только из чувству долга.

Ханзель: В своём допросе вы сказали, что распоряжение Гейдриха заставило вас вывозить евреев из Голландии. Вы видели распоряжение Гитлера Гейдриху?

Зейсс-Инкварт: Думаю так – указ Гитлера Гейдриху был не только для Гейдриха.

Ханзель: Вы изображаете ситуацию, так будто Гейдрих сказал вам, что у него есть данное распоряжение.

Зейсс-Инкварт: Да, он сказал мне об этом, и несколько недель спустя он направил мне это распоряжение.

Ханзель: В письменном виде?

Зейсс-Инкварт: Да, в письменном виде.

Ханзель: И о чём говорило распоряжение?

Зейсс-Инкварт: То, что он был полностью ответственным за окончательное решение еврейского вопроса, а также остальные вопросы связанные с этим.

Ханзель: И когда это было? 1941? 1940?

Зейсс-Инкварт: Это было приблизительно, когда началась эвакуация. Это было в 1942.

Ханзель: Должно быть это ошибка. Это был 1941; не позднее.

Зейсс-Инкварт: Вероятно, он позднее показал мне распоряжение. Я не знаю о дате распоряжения.

Ханзель: Должно быть так. Но это распоряжение, как вы сказали, понимали в общих чертах?

Зейсс-Инкварт: Общими терминами.

приговорён к 18 месяцам ареста.

Ханзель: Его можно было интерпретировать так или иначе? Я имею в виду, вам известно…

Зейсс-Инкварт: Да, у меня сложилось впечатление, что на оккупированных территориях Голландии Гейдрих должен был проводить эвакуацию, и тогда я не был полностью уверен, что это должна быть окончательная эвакуация – которая, однако, была возможной. Самой крайней возможностью было то, что евреев соберут в лагерях и потом в конце войны где-нибудь расселят.

Ханзель: Свидетель, прошу прощения, самой крайней возможностью было бы разумеется то, что евреев уничтожат, разве нет?

Зейсс-Инкварт: Я говорю о самой крайней возможности, о которой я тогда думал.

Ханзель: И которую вы могли представить согласно словам распоряжения?

Зейсс-Инкварт: Да.

Ханзель: Итак, вопрос: возможно, что Гейдрих вышел за пределы указа Гитлера, что сам Гиммлер не хотел, что так поступал Гейдрих?

Зейсс-Инкварт: Я не могу дать об этом показаний.

Ханзель: Вы говорили с Гитлером до 1943?

Председатель: Не думаю, что свидетель лучше нас может рассказать о том как лучше мог поступить Гейдрих. Он не может давать показания о подобной вещи.

Ханзель: Да.

[*Обращаясь к подсудимому*] До 1943 вы обсуждали эти проблемы с Гитлером?

Зейсс-Инкварт: Я просто присутствовал, когда Гитлер говорил об этих проблемах. Это всегда соответствовало тому, чтобы устранить евреев из немецкого населения и послать их куда-то заграницу.

Ханзель: Вообще не было никаких разговоров об уничтожении евреев?

Зейсс-Инкварт: Никогда.

Серватиус: Свидетель, Заукель, был причиной рейдов в Нидерландах и он окружал церкви и кинотеатры?

Зейсс-Инкварт: Он бы не мог этого сделать. Я бы не позволил это, и он не просил это делать.

Серватиус: Заукель имел какое-нибудь отношение к операциям армии в 1944?

Зейсс-Инкварт: Нет, он об этом ничего не знал. Когда он услышал об этом, один из его людей прибыл для того, чтобы он мог в любом случае завербовать квалифицированных рабочих в связи с этим, но на самом деле этого не случилось, так как вооруженные силы напрямую направили этих людей в Рейх.

Серватиус: Обычные рабочие транспорты в Германию, в связи с вербовкой рабочих Заукелем, проходили в нормальных транспортных условиях или в очень плохих условиях?

Зейсс-Инкварт: Была вербовка добровольной или обязательной, транспортные условия всегда были нормальными. Точно такая как для каждого в Нидерландах. Их

сопровождала не полиция, а чиновники из отдела использования рабочей силы, за исключением 2600, которых полиция арестовала и которых отправили в лагерь Заукеля в Рейхе.

Серватиус: Заукель имел какое-нибудь отношение к перевозке интернированных или евреев?

Зейсс-Инкварт: Вообще нет.

Серватиус: Вам известно, какими были условия труда для рабочих, которые приезжали из Голландии в Германию?

Зейсс-Инкварт: В основном я знал о них. Они были такими же условиями, какие применялись к рабочим в Рейхе. Но возникали сложности. Прежде всего, работодатели в Рейхе утверждали, что голландцы отчасти предоставляля ложные сведения во время своей вербовки и не соответствовал требованиям. Во-вторых, эти трудовые договоры были срочными и работодатели хотели, чтобы голландцы дольше оставались в Рейхе.

Я следил за тем, чтобы в этих трудовых договорах не было записано ничего такого, что на самом деле не соблюдалось бы в Рейхе, независимо от того, что можно было узнать в Рейхе.

Серватиус: Тогда у меня больше нет вопрос к свидетелю.

Латернзер: Свидетель, я хотел поставить один вопрос относительно наводнений. Что, вы, ваши ведомства или командующий Западом предпринимали для того, чтобы предотвратить затопление насосных станций и избежать большого наводнения в Голландии?

Зейсс-Инкварт: Я не совсем понимаю вопрос. Насосные станции не могли быть затоплены, только район польдера.

Латернзер: Да.

Зейсс-Инкварт: Было две опасности. Одна заключалась в подрыве, и в таком случае от насосных станций не было бы никакой пользы; как известно это всё равно не сделали, а предотвратили. Вторая опасность заключалась в нехватке угля и нефти. Мы пытались, до тех пор пока это было возможно, обеспечивать насосные станции углём. Этот уголь имел приоритет. Таким образом он попадал в ту же категорию как и любая другая потребность вооруженных сил. Когда мы получали всё меньше и меньше угля, мы позволили некоторым очень низким мелиорированным территориям работать на полную мощность, чтобы другие не были затоплены. Было совершенно гладкое взаимодействие с голландскими учреждениями, и представитель голландского правительства в Англии, с которым я беседовал позднее, к которому я направил своего эксперта, сказал о том, что с технической точки зрения наши мероприятия подтоплений были безупречными.

Латернзер: Теперь, второй пункт. В ответ на вопрос своего защитника, вы сказали, что выступили против уничтожения гавани Роттердама. К кому вы обратились?

Зейсс-Инкварт: К генералу Христиансену[31], который был главнокомандующим и командиром Вермахта, который сразу же занял мою сторону.

Латернзер: Значит вы однажды получили его согласие на вмешательство в это военное ведомство?

Зейсс-Инкварт: Да.

Латернзер: У меня больше нет вопросов.

Флекснер: Свидетель, вчера вы говорили про заблокированные производства. Вы можете рассказать мне, когда эти производства были созданы в Голландии и как они повлияли на программу использования рабочей силы, то есть, перевозку рабочих из Голландии в Германию?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, заблокированные производства были созданы в течение 1943, если я правильно помню во второй половине 1943. Рабочих из этих производств блокировали. Таким образом, вербовка и перевозка рабочих из Нидерландов в Рейх частично замедлялась и частично полностью отменялась.

Флекснер: Когда заблокированные производства начали функционировать и брать работу, сырьё доставляли из Германии в Голландию, уголь в частности, для того, чтобы заказы могли выполнить?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется всё сырье, за исключением угля. Уголь доставлялся из Лимбурга.

Флекснер: Вчера вы упомянули организацию Тодта[32]. Вам известно, в какой степени эта организация Тодта использовала в Голландии голландские строительные фирмы для строительной работы на Атлантическом вале[33] и в какой степени это строительство выполняли голландские строительные фирмы?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, что основной костяк строительной работы в Голландии, северной Франции и Бельгии выполнялся местными строительными фирмами. Это точно правда для Голландии; и голландские строительные фирмы также вели работы в Бельгии и северной Франции. Эти фирмы доставляли своих рабочих вместе с собой. Таким способом почти 35000-40000 голландских рабочих которых не призвали принудительно, работали в Бельгии и северной Франции в середине 1942.

Флекснер: Вы можете сказать нам какие результаты, такой порядок в целом оказал на вербовку местной рабочей силы?

Зейсс-Инкварт: Местные рабочие естественно предпочитали идти на заблокированные производства или фирмы организации Тодта, так как их там

---

[31] Фридрих Христиансен (1879 — 1972) — немецкий лётчик-ас, специалист по морской авиации, генерал авиации, военный преступник. Командующий оккупационными войсками Германии в Нидерландах в 1940-1945. Голландским судом был приговорён к 12 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

[32] Организация Тодта — военно-строительная организация, действовавшая в Германии во времена Третьего рейха. Организация названа А. Гитлером по имени возглавившего её Фрица Тодта 18 июля 1938 года.

[33] «Атлантическая стена» — система долговременных и полевых укреплений длиной свыше 5000 км, созданная германской армией в 1940—1944 годах после разгрома Франции вдоль европейского побережья Атлантики от Норвегии и Дании до границы с Испанией с целью предотвращения вторжения Союзников на континент.

разумеется не перевозили в Рейх. И кроме того, пока они находились в организации Тодта они получали особые продуктовые пайки.

Флекснер: Свидетель, когда в августе или сентябре 1944, из-за вражеских бомбардировок системы распределения, производство в Голландии было нарушено или даже парализовано, какие меры предпринимались для того, чтобы защитить безработных рабочих заблокированных предприятий?

Зейсс-Инкварт: Было открыто три пути: прежде всего, доставить рабочих в Рейх; во-вторых, уволить этих рабочих и дать им пособие по безработице; и в-третьих, сохранить этих рабочих и платить им заработную плату даже при том, что работали немного или не работали.

Мне кажется это было из-за распоряжения принятого рейхсминистром Шпеером о том, чтобы выбрали третий путь. Рабочие на этих производствах получали свою заработную плату и я позаботился о том, чтобы владельцы фабрик получали определённую компенсацию в отношении заработной платы которую они выплачивали этим рабочим.

Флекснер: Свидетель, вы ранее упоминали дискуссию, которую вы имели 1 апреля 1945 с со-подсудимым Шпеером. Вы можете сказать в чём заключался смысл этой дискуссии.

Зейсс-Инкварт: Я уже упоминал, что я со своей стороны хотел поговорить с министром Шпеером про распоряжение о «выжженной земле». Но министр Шпеер тоже держал в уме цель. Он хотел, чтобы мы перевезли картофель из северной Голландии в района Рура в обмен на доставку угля из района Рура в Нидерланды; в виду обеспеченности картофелем в северной Голландии это вполне можно было сделать, но мы не имели достаточно транспортных средств под нашим командованием для осуществления этого плана.

Флекснер: Шпеер рассказал вам о мерах предосторожности по обеспечению продовольственных поставок в период после оккупации?

Зейсс-Инкварт: Министр Шпеер сказал мне, что позади района Рура он складировал эшелоны с продовольствием и что он получил требуемые средства перевозки из программы вооружений, поэтому если бы в Рурский район вторглись там были бы поезда с продовольствием для этого района.

Флекснер: Большое спасибо.

Председатель: Представители обвинения желают провести перекрёстный допрос? Извините доктор Кубушок, вам есть, что сказать?

Кубушок: Подсудимый Кальтенбруннер попросил меня, как защитника сидящего ближе всего к нему, заявить, что он обсуждал со своим защитником ряд вопросов, которые он хотел бы задать Зейсс-Инкварту. Я попытался найти доктора Кауффмана, защитника Кальтенбруннера; сейчас и наверное вечером мы не сможем его найти. Подсудимый Кальтенбруннер просит разрешения задать эти вопросы Зейсс-Инкварту завтра.

Председатель: Трибунал будеть ждать какого-то объяснения доктора Кауффмана о том, почему его нет здесь, чтобы перекрёстно допрашивать. Он должен был знать, что ему пора прийти для перекрёстного допроса, но трибунал согасен с предложением о том, что эти вопросы можно задать позже, возможно, завтра.

Итак, представитель обвинения желает провести перекрёстный допрос?

Дебенес: Подсудимый, вы изучали право и вы сказали нам, что вы даже получили степень доктора права в университете Вены в 1917?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: Вы были адвокатом с 1929 по 12 февраля 1938, до даты, когда вы стали министром внутренних дел?

Зейсс-Инкварт: С 1921.

Дебенес: Очень хорошо. Итак, вашу клиентуру в основном составляли евреи?

Зейсс-Инкварт: Нет, не в основном, но были и они.

Дебенес: И при этом вы сказали нам, что вы были антисемитом ещё с Первой мировой войны.

Зейсс-Инкварт: Мои клиенты знали это. Это было широко известно.

Дебенес: Да. Но в тоже время это не заставило вас презирать еврейские деньги.

Зейсс-Инкварт: Как и не мешало евреям приходить ко мне.

Дебенес: Вы были католиком?

Зейсс-Инкварт: Что вы имеете в виду?

Дебенес: Я спрашиваю, были ли вы католиком.

Зейсс-Инкварт: Я член; то есть, я принадлежу к католической церкви.

Дебенес: Вы не были также членом католического братства, когда были студентом?

Зейсс-Инкварт: Я никогда не принадлежал ни к одной студенческой организации, католической или национальной.

Дебенес: Очень хорошо. Вы были назначены рейхскомиссаром Голландии указом Гитлера датированным 18 мая 1940; это правильно?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: Ваши приказы, по приходу в Нидерланды – как вы нам вчера сказали– были: поддерживать независимость Нидерландов и установить экономические отношения между этой страной и Германией. Вы добавили, что эти приказы никогда потом не изменялись фюрером; это правда?

Зейсс-Инкварт: Я не совсем понял одно слово, ссылку на экономические отношения.

Дебенес: Я сказал, что вы прибыли в Нидерланды со следующими приказами: 1) поддерживать независимость Нидерландов и 2) установить экономические отношения между этой страной и Германией. Это так?

Зейсс-Инкварт: Я бы именно так не сказал; скорее, я должен был попытаться добиться как можно более близких экономических отношений между Голландией и Германией. Экономические правила в долгосрочной переспективе и помимо

военных потребностей не планировались как диктаторские.

Дебенес: Но вы сказали, что вы не пришли с намерением дать определенный политический взгляд народу Нидерландов. Это правильно?

Зейсс-Инкварт: Что же, я бы так не сказал. Моё намерение заключалось в том, чтобы способствовать национал-социалистической политике повсеместно в Голландии, не вводить её, а как можно сильнее поощрять.

Дебенес: Ваше намерение заключалось в том, чтобы не вводить, а навязать её?

Зейсс-Инкварт: Нет, так как никому нельзя насадить политическую идеологию силой.

Дебенес: Очень хорошо. Я собираюсь вручить вас документ номер PS-997. Этот документ уже предъявлен обвинением под номером RF-122 и вчера защитой.

Будьте любезны перевернуть на страницы 7 и 8 немецкого текста? Это страница 7 французского текста, параграф «Меры». Этот документ, как вы заметите доклад, который вы подготовили сами.

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: Вы пишите:

> «В виду такого положения дел, прежде всего было необходимо устранить влияние Винкельмана[34], это было сделано следующим образом: генеральных секретарей прямо проинформировали о том, что теперь они будут получать приказы только от рейхскомиссара, с чем они прямо согласились. Должности генеральных секретарей сохранили и оставили тех же самых людей, поскольку в случае их отставки, вероятно, наверное, было бы невозможно найти голландцев, которые бы пожелали принять управление. В правых партиях вряд ли были квалифицированные люди для этого, но с политической точки зрения казалось необходимым, чтобы некоторые меры, прежде всего экономические, а косвенно и полицейские меры, подписанные голландскими генеральными секретарями, были доведены до сведения голландского народа».

Короче, согласно данному документу, кажется, что если вы решили сохранить генеральных секретарей, это было потому что они требовались вам, чтобы навязать голландцам определённые меры? Это правильно?

Зейсс-Инкварт: Да, но какое это имеет отношение к политике? Это вопрос управления.

Дебенес: Насколько мне известно, это ссылается на политические и экономические вопросы.

Зейсс-Инкварт: Нет, в немецком тексте сказано «полицейский вопрос». Экономические и полицейские вопросы; есть разница.

---

[34] Генри Винкельман (1876 — 1952) — голландский военный деятель, генерал (6 февраля 1940 года). В феврале – мае 1940 главнокомандующий войсками Нидерландов. В 1941-1945 военнопленный.

Дебенес: В таком случае, я перечитаю фразу, имея в виду ваш ответ.

«Но с политической точки зрения …»

Итак, это «политической» или «полицейской», что мы видим?

Зейсс-Инкварт: Пожалуйста, минуточку. Да, это правильно, но это не означает политику в смысле партийной политики, а политику в отношении обращения с голландцами как таковыми. Становились они соответственно национал-социалистами или нет было мне безразлично.

Дебенес: Это было в интересах голландской или немецкой политики?

Зейсс-Инкварт: Что же, я вообще не колеблясь признаю, что я следовал немецкой политике. В этом заключалась часть моей задачи.

Дебенес: Но немецкая политика в те дни конечно была политикой национал-социалистической партии?

Зейсс-Инкварт: Тогда немецкая политика заключалась в политике борьбы за существование немецкого народа, и эту борьбу возглавляла национал-социалистическая партия. Но основная забота состояла не в выполнении 25 пунктов партийной программы, а скорее в ведении нашей борьбы за существование, вот, что я думаю это означает.

Дебенес: В вашей администрации, в Нидерландах, вам помогали четыре генеральных комиссара: Виммер в администрации и юстиции, Фишбок[35] по финансам и экономике, Раутер по общественной безопасности и Шмидт[36] по особым вопросам.

Генеральный комиссар общественной безопасности, Раутер, непосредственно подчинялся вам, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Четыре генеральных комиссара непосредственно подчинялись мне; Раутер, постольку, поскольку он, как комиссар по безопасности, возглавлял голландскую полицию, и не постольку, что он был главой германской полиции.

Дебенес: Вы решили править и руководить Нидерландами в одиночку, чтобы добиться этого вы распустили две ассамблеи, которые существовали; и тем же самым распоряжением вы ограничили полномочия государственного совета юридической областью.

Зейсс-Инкварт: Я не помню это распоряжение, но очень может быть, что так и есть.

Дебенес: Вы также захватили контроль над финансами и над казначейством Нидерландов. С этой целью 24 августа 1940 вы приняли распоряжение разрешавшее вам назначать президента Банка Голландии.

Зейсс-Инкварт: Я не помню точную дату, но я принял такое распоряжение.

Дебенес: Когда вы прибыли в Нидерланды, господин Трип[37] был президентом Банка

---

[35] Ганс Фишбок (1895 – 1965) – австрийский банкир. Министр финансов Австрии в 1938, Нидерландов в 1940-1945.

[36] Фриц Шмидт (1903 – 1943) – Немецкий партийный деятель. Генеральный комиссар Нидерландов по политическим вопросам и пропаганде. Предположительно покончил жизнь самоубийством.

[37] Леонардус Трип (1876 – 1947) – нидерландский банкир. Президент Банка Нидерландов с 1931 по 1946, с перерывом на 1941-1945.

Нидерландов и генеральным секретарём казначейства?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: По какой причине вы заменили его?

Зейсс-Инкварт: Господина Трипа заменили, потому что он возражал снятию существовавших валютных и клиринговых[38] ограничений. Я сказал ему, что он может уйти в отставку, если он не хочет проводить мои меры.

Дебенес: И кем вы его заменили?

Зейсс-Инкварт: Господином Ростом ван Тоннингеном[39].

Дебенес: Вы долгое время знали господина Роста ван Тоннингена?

Зейсс-Инкварт: Мне не кажется, что я знал его – только по имени. Очевидно, ему поручали занимать похожий пост в Австрии – в связи с Лигой Наций[40] – в Вене.

Дебенес: С каких пор вы знали его имя?

Зейсс-Инкварт: Весьма вероятно, со времени, когда он получил свою должность в Вене. Я не знаю дату.

Дебенес: Вы не сотрудничали с ним, когда он находился в Вене?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, что я никогда не видел его.

Дебенес: Господин Рост ван Тоннинген не был членом Голландской национал-социалистической партии?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: В этом заключалась причина почему вы назначили его?

Зейсс-Инкварт: Это была одна из причин. Не столько из-за того, что он был членом, а скорее он представлял наши взгляды.

Дебенес: Будьте любезны снова взглянуть на документ, который я только, что показал вам, PS-997, страница 5 немецкого текста, и страница 5 французского текста. Вот, что вы говорите о господине Росте ван Тоннингене:

> «Рост ван Тоннинген: удовлетворяет всем идеологическим требованиям, согласен с германской идеей и национал-социализмом, выступает эффективно и оживлённо, имеет сильное желание быть активным, не ищёт своей силы в себе, а ищёт поддержку у других людей».

Насколько могу понять, мы не находим в том, что вы здесь пишите о Росте ван Тоннингене, что он был особенно компетентным в финансовых вопросах.

Зейсс-Инкварт: Также в отношении других господ, я никогда не описывал их техническую квалификацию, а просто их политическое отношение. Я не говорил,

---

[38] Клиринг (англ. clearing — очистка) — безналичные расчёты между странами, компаниями, предприятиями и банками за поставленные, проданные друг другу товары, ценные бумаги и оказанные услуги, осуществляемые путём взаимного зачёта, исходя из условий баланса платежей.

[39] Мейнауд Рост ван Тоннинген (1894 — 1945) — голландский политический деятель, влиятельный член НСБ. Государственный секретарь финансов и президент Банка Нидерландов в 1941-1944. Покончил жизнь самоубийством после ареста союзниками.

[40] Лига Наций — международная организация, основанная в результате Версальско-Вашингтонской системы Версальского соглашения в 1919—1920 годах. Существовала в 1919 – 1946.

того, что господин Мюссерт[41] на самом деле был признанным инженером в Нидерландах и тому подобное. Я просто описывал их политическое отношение.

Дебенес: Спасибо. Следовательно вы создали в Нидерландах гражданскую администрацию, германское гражданское правительство.

Зейсс-Инкварт: Моих четырех генеральных комиссаров нельзя считать имевшими такие же должности как обычно имеют министры. Однако, определенные функции, делегировали генеральным секретарям. Но эти генеральные секретари не представляли правительство или министерство. Я вчера упоминал, что я принял правительство.

Дебенес: Но генеральные секретари представляли правительство Нидерландов, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Нет; генеральные секретари являлись верховными главами, чиновниками определенных министерств, но они не были тем, что мы называем носителями государственного суверенитета. Такие господа находились в Англии.

Дебенес: Вместе с тем, вы знали, что их оставило в Нидерландах правительство для того, чтобы исполнять обязанности правительства на месте?

Зейсс-Инкварт: Какие намерения имело правительство уехавшее в Англию сделав такие назначения, я не знаю. Я полагал, что они остались там для того, чтобы технически руководить администрацией. В компетенции оккупирующей державы, в случае полной оккупации страны, определять то как действовать правительству.

Дебенес: Но вы считали, что создание германской гражданской администрации в оккупированной стране соответствовало международным конвенциям?

Штейнбауэр: Господин председатель, я возражаю данному вопросу. По моему мнению, это вопрос, который следует разрешить высокому трибуналу.

Председатель: Трибунал думает, что вопрос можно задать. Подсудимый уже приводил свои взгляды на международное право в основном допросе. Мы разрешаем вопрос.

Дебенес: Пожалуйста, тогда ответьте.

Зейсс-Инкварт: Пожалуйста, можно повторить вопрос?

Дебенес: Вы считаете, что создание германской гражданской администрации в оккупированной стране соответствует международной конвенции?

Зейсс-Инкварт: Так, как это происходило в Голландии, разумеется.

Дебенес: Почему?

Зейсс-Инкварт: Потому что, в результате полной оккупации, Германия приняла ответственность за управление этой страной и следовательно, должна была создать ответственное руководство в этой стране.

Дебенес: Вы сами создали генеральные секретариаты, в частности секретариат по

[41] Антон Мюссерт (1894 — 1946) — нидерландский политик. Основатель Национал-социалистического движения в Нидерландах. В годы немецкой оккупации страны — «вождь», то есть глава марионеточного правительства страны. По окончании войны схвачен союзниками и казнён по приговору голландского суда.

информации и изящным искусствам.
Зейсс-Инкварт: Мы называли его министерством пропаганды.
Дебенес: Да.
Зейсс-Инкварт: Да, я сделал это.
Дебенес: И кого вы поставили во главе этого секретариата?
Зейсс-Инкварт: Мне кажется сначала профессора Гёденваагена[42]. Он тоже был членом Голландской национал-социалистической партии.
Дебенес: Это правда. Штат генерального секретариата в основном не состоял из членов Голландской национал-социалистической партии?
Зейсс-Инкварт: Я в этом убежден, но я не знал их лично.
Дебенес: Вы также известно, что в одном из ведомств эсэсовец даже выступал как консультант?
Зейсс-Инкварт: Голландские СС?
Дебенес: Нет, германские СС.
Зейсс-Инкварт: Тогда он был консультантом?
Дебенес: Он был консультантом по национальному воспитанию и национальному развитию.
Зейсс-Инкварт: Я не совсем понял вас – он был консультантом по…
Дебенес: По национальному воспитанию.
Зейсс-Инкварт: Да, я не знал его. Я считаю это возможным, но мне не кажется, что он был там по той причине, что был эсэсовцем, скорее по другим причинам.
Дебенес: Вы приказали распустить муниципальные и провинциальные собрания; почему?
Зейсс-Инкварт: Я не могу говорить о роспуске администраций. Я просто устранил избранных представителей общин и провинций. Я не только сохранил саму администрацию, но и усилил её функции.
Дебенес: Вы даже снимали мэров более важных муниципалитетов?
Зейсс-Инкварт: Разумеется, и я убежден, с полным правом оккупационной державы. Бургомистр Амстердама не предотвратил всеобщую забастовку, но скорее способствовал ей.
Дебенес: Но именно по этой причине вы сняли всех мэров или по крайней мере некоторых из них?
Зейсс-Инкварт: Я не удалял никаких бургомистров с должности пока они не становились невыносимыми для меня из-за своего активного враждебного отношения. В противном случае их политическое отношение не имело для меня значения. До 1945 я держал брата господина Борейна бургомистром голландского города, хотя он и был весьма ожесточённым противником национал-социализма и

[42] Тоби Гёденвааген (1895 – 1980) – нидерландский философ, поэт и национал-социалистический политики. В 1940-1943 генеральный секретарь народного просвещения и искусства. Нидерландским судом был приговорён к 12 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

нас немцев.

Дебенес: Очень хорошо. И кем вы заменяли всех этих мэров?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, что по крайней мере до 1943, должности замещались по согласованию с господином Фредериксом[43], генеральным секретарём внутренних дел, которого оставило до меня голландское правительство, чтобы руководить внутренними делами. Были национал-социалисты; были и те кто не был национал-социалистами. Например, сын комиссара провинции Голландия был твёрдым противником национал-социализма и Германии, и при этом я назначил его бургомистром одного из крупнейших голландских городов, Цволле.

Дебенес: Вы не конкретно ответили на мой вопрос. Я прошу вас сказать мне кем вы заменяли всех мэров, которых сняли? Они были членами НСБ[44]?

Зейсс-Инкварт: Частично они были членами Голландской национал-социалистической партии. Частично они были неполитическими людьми; и частично они были членами политических направлений, которые были абсолютно против национал-социализма и против Германии. Со временем было больше и больше людей из Голландской национал-социалистической партии, так как другие люди уже не предоставляли себя в наше распоряжение. Это был огромный успех голландского движения сопротивления, что политически это сопротивление нам было настолько широким. В этом была суть Голландии в этой войне.

Дебенес: Поэтому вы утверждаете, что голландское движение сопротивления, заставило вас поставить много членов НСБ на все важные должности?

Зейсс-Инкварт: Нет, это слишком сильно сказано. Голландское движение сопротивления просто настраивало население вообще не сотрудничать с оккупационной державой, а значит, кроме членов Голландской национал-социалистической партии не было ни кого кто бы хотел работать с нами.

Председатель: Было бы удобно прерваться?

[*Объявлен перерыв до 14 часов***]**

Вечернее заседание

Дебенес: Подсудимый, в крупных городах и провинциях Нидерландов, вы ввели агентов, которые напрямую подчинялись вам, и которым вы передали полную власть? Эти агенты не были членами НСДАП?

---

[43] Карел Фредерикс (1881 – 1961) – нидерландский коллаборационист. Генеральный секретарь внутренних дел в 1931-1945.

[44] Национал-социалистическое движение (НСБ) (нидерл. Nationaal-Socialistische Beweging in Nederland) — голландская национал-социалистическая партия. Единственная легальная партия в стране во время Второй мировой войны. Существовала в период с 1931 по 1945.

Зейсс-Инкварт: Пожалуйста, скажите мне, что вы имеете в виду под «агентами»? У меня были немецкие представители в провинциях и в больших городах. Вы имеете в виду немецких или голландских?

Дебенес: Нет; я говорю о Beauftragten[45].

Зейсс-Инкварт: Они были немцы, и я полагаю, что все они были членами НСДАП. Не знаю точно, но это вполне возможно, мне кажется, так и было.

Дебенес: Что же, тогда для того, чтобы освежить вашу память, пожалуйста, посмотрите на документ PS-997, который я вручил вам этим утром. Я ссылаюсь на страницу 9, французского и немецкого текстов.

Я бы хотел сообщить трибуналу, что я привёл неправильную ссылку этим утром. Документ был предъявлен под номером USA-708, но это RF-122.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вверху страницы 9 вы пишете:

«Предусмотрены делегаты для провинций которые имеют широкую самостоятельную администрацию. Создание этих постов откладывалось ввиду необходимости проведения предварительного изучения ситуации. Теперь видно, что это меньше вопрос административных сотрудников, нежели людей, которые имели политический опыт. Таким образом, через рейхсамтляйтера Шмидта, рейхсляйтера Бормана (штаб Гесса) были запрошены люди, которые в основном выходцы из партии, находятся в пути и могут быть поставлены на должности в провинциях в скором времени».

Это была правда, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да, и я как я вижу, подтверждается моё утверждение, что не все они были из партии.

Дебенес: Очень хорошо, но я также отмечаю, что этих людей специально отбирали.

Зейсс-Инкварт: Да, они являлись политически подготовленными людьми, так как я не хотел никаких административных бюрократов, а людей, которые были опытными и умелыми в общественно-политической жизни, а не партийно- политической жизни.

Дебенес: На какой основе вы организовали муниципальные советы и региональные советы?

Председатель: Господин Дебенес, трибуналу кажется – не знаю, правы ли мы – что было бы лучше если бы вы делали паузу после фразы, вместо каждого слова.

Дебенес: Да.

Зейсс-Инкварт: Пожалуйста, скажите мне, что вы имеете в виду под муниципальными и провинциальными советами? Согласно моей концепции «совет» означает корпоративный орган, но я не создавал никаких таких органов, я назначал отдельных людей руководить администрацией.

Дебенес: В коммунах, в Нидерландах, были муниципальные советы и в провинциях

[45] Уполномоченный (нем.)

провинциальные советы, однако вы могли называть их по-другому.

Зейсс-Инкварт: Спасибо. Понимаю. В 1941 я распустил провинциальные и коммунальные собрания, которые существовали раньше. Я предусмотрел для таких коммунальных советов правила которые принял, но на самом деле никогда не назначал такие советы, потому что нидерландское население не оказывало содействие и в результате эти коммунальные советы были искусственными органами. Эта норма моих коммунальных правил не вступила в силу.

Дебенес: Но на какой основе это регулирование создало такую организацию.

Зейсс-Инкварт: Я не могу вспомнить никакую конкретную основу. Я полагаю, что это было создано законом, если это вообще предусматривалось.

Дебенес: Что же, я поставлю вопрос по-другому и вероятно вы сможете ответить на него. Вы вводили при помощи своих правиль фюрер-принцип?

Зейсс-Инкварт: Да. Я называл это «единоличной ответственностью», и я считал, что во время кризиса «единоличная ответственность» правильная вещь.

Дебенес: Фактически это была система, которая также применялась в Германии?

Зейсс-Инкварт: Это правда. Вероятно, она не была точно такой же, но с учётом обстоятельств я считал её правильной.

Я повторю то, что говорил вчера: здесь мы совершили ошибку. Мы совершили ошибку считая порядок навязанный оккупационными силами более хорошим чем то, что уже существовал на оккупированной территории.

Дебенес: Что же, введение этого принципа имело особое значение, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Разумеется я думал, что имело; особенно в этих территориальных округах я должен был иметь человека который был ответственным передо мной за администрацию, а не анонимное большинство представительного органа.

Дебенес: Я передаю вам документ F-861, который я предъявляю под номером RF-1524. Из последнего абзаца, вы поймете значение которое придавали этому в Рейхе. Это письмо министра внутренних дел, датированное 6 сентября 1941. Оно гласит следующее:

> «Данное распоряжение особенно важно, потому что оно содержит подробный порядок введения фюрер-принципа в муниципальном правительстве Нидерландов».

Зейсс-Инкварт: Да. Министр внутренних дел интересовался этим. Я бы хотел отметить, что грубо говоря, рейхсминистр внутренних дел не оказывал никакого влияния, и во-вторых, что эти большие полномочия дали в 1941, по крайней мере, 80 процентам бургомистров, которые принадлежали к демократической партии и поэтому являлись моими политическими противниками.

Председатель: Господин Дебенес, разве вы не установили вопросами которые задавали подсудимому, что он изменил, в значительной степени, форму правления в Нидерландах, и что он ввёл другую форму правления? Разве это не всё, что вам требуется для аргументации, которую вы, не сомневаюсь, намерены представить?

Детали этого не очень важны, не так ли?

Дебенес: Господин председатель, я просто хочу продемонстрировать, что вопреки тому что сказал подсудимый, он стремился навязать национал-социалистическую систему народу Нидерландов.

Председатель: Что же, по большей части, думаю, он признал это. Он прямо сейчас сказал, что он ввёл, то, что он называл «единоличной ответственностью», которая по-другому и есть фюрер-принцип, и что он распустил разные организации нидерландского правительства. Всё, что я предлагаю это, то, что получив эти общие признания, разве нужно вдаваться в точную сумму того как вмешивались в деятельность правительства Нидерландов или как его заменяли. Разве всё это не сказано в документе подготовленным подсудимым, а именно документе который вы приобщаете, PS-997?

Дебенес: Господин председатель, более или менее, но не полностью.

Председатель: Что же, на самом ли деле детали очень важны трибуналу.

Дебенес: Я подумал, что эти подробности могут иметь некоторое значение, поскольку правители самого Рейха придавали этому большое значение и фактически, всё являлось частью плана, который был чётко изложен.

Председатель: Что же, трибунал склонен думать, что вы получили всё необходимое для аргументации которую отметили, чтобы представить. Если есть какие-нибудь конкретные детали, о которых вы думаете, что они важны для нас, несомненно, вы можете поднять их.

Дебенес: Так точно, господин председатель.

[*Обращаясь к подсудимому*] С какой целью вы централизовали полицию в полицейский директорат?

Зейсс-Инкварт: Я повторю свои вчерашние показания. Полиция Нидерландов подчинялась трём или четырём различным службам, министерству внутренних дел, министерству юстиции, кажется министерству армии, и так далее. Ради ясности в полицейской администрации, я подумал о необходимости объединить эти разные полицейские организации в одну и передать их в подчинение министерства юстиции.

Дебенес: Вы не назначили начальником этой полиции национал-социалиста?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: Короче, окончательно то, что вы имели в виду – заключалось не в том, чтобы передать Нидерланды в руки НСДАП и таким образом адаптировать внутреннюю организацию Нидерландов к Рейху. Другими словами, сделать нечто похожее на то, что было сделано в Австрии?

Зейсс-Инкварт: Мне не кажется, что можно так сказать. В частности, политика НСБ не была такой же, как у НСДАП. НСБ отличалось во многих отношениях. Во-вторых, если бы я хотел сделать это, я мог бы сделать господина Мюссерта премьер-министром; так было бы легче. Простое объяснение в том, что я

использовал, возможно, довольно схематичный способ, пример Рейха в качестве образца создавая администрацию в Нидерландах, что, по крайней мере частично позволило мне выполнять мою задачу следить за безопасностью и порядком. Вчера я утверждал только о том, что я не принудил ни одного голландского гражданина стать национал-социалистом. Я не отрицал, что определённое взаимодействие предпринималось ввиду ошибок которые я постоянно признавал.

Дебенес: Но вы ставили членов НСБ во все административные органы, высшие ведомства?

Зейсс-Инкварт: Не исключительно, но я делал это, потому что в окончательном анализе я мог полагаться только на них; все остальные саботировали мои приказы.

Дебенес: Вчера вы рассказывали трибуналу об увольнении магистратов[46] суда Леэвардена. Не расскажете ли вы нам о конкретных причинах этого увольнения?

Зейсс-Инкварт: Они были не магистраты, а администраторами суда. Суд Леэвардена в публичном вердикте сказал о том, что тех голландских граждан, которых осудили голландские суды и направили в голландские тюрьмы переводили в германские концентрационные лагеря, плохо обращались и казнили. В результате этого суд посчитал себя не в состоянии вынести приговор голландскому гражданину.

Это заявление суда, по моему мнению, было ошибочным. По моему мнению голландских граждан не отправляли из нидерландских тюрем в германские концентрационные лагеря, чтобы казнить там.

Тем временем я выяснил ситуацию по предложению амстердамских судей, и через генерального секретаря юстиции, я попросил суд Леэвардена продолжать выносить приговоры. Суд в Леэвардене так не сделал. Тогда я распустил суд.

Дебенес: Что же, мы имеем здесь документ «Вердикт апелляционного суда Леэвардена» и в нём нет вопроса о направлении голландских заключенных в концентрационные лагеря или пытках или ином причинении смерти. Всё, что сказано это, то, что магистраты этого суда не желают, чтобы задержанных направили в концентрационные лагеря для отбывания своего приговора.

Я вручу вам подлинник документа, чтобы вы могли его проверить. Документ уже предъявлен под номером RF-931.

Зейсс-Инкварт: Я не получил немецкий перевод или немецкий подлинник.

Дебенес: Тогда я прочитаю вам перевод приговора; вы можете его проверить:

> «Учитывая, что суд желает принять во внимание тот факт, что некоторое время назад различные сроки лишения свободы назначались голландскими судьями людям вопреки смыслу законодательства, и наказания приводились в исполнение таким способом который увеличивает тяжесть таких наказаний в такой мере,

[46] Во Франции под магистратом понимается совокупность судебных чинов и прокуроров, а также и высшие административные чиновники.

> что судья не может предвидеть или даже предполагать какое наказание будет применяться…».

Председатель: Почему не суммировать документ свидетелю, сделав это таким способом? Вы можете привести ему результат приговора.

Дебенес: Разумеется, господин председатель.

Данный приговор подробно излагает, что судьи больше не желали назначать наказание, которое могло привести к превентивному заключению.

Председатель: Вы слышали вопрос?

Зейсс-Инкварт: Да, господин председатель, но почему они не хотели выносить приговор? Я имел на руках немецкий перевод и я беру этот перевод за основу, потому что я не помню этот приговор. Я читал его здесь, и помню, что там говорилось о том, что голландских заключённых должны были направлять в германские концентрационные лагеря, чтобы пытать и казнить.

Председатель: Кажется в приговоре у нас об этом ничего не сказано? В этом приговоре нет ничего об этом, не так ли?

Дебенес: Господин председатель, подсудимый утверждает, что судьи не пожелали больше выносить какой-либо подобный вердикт для того, чтобы людей не направили в концентрационные лагеря, чтобы пытать и казнить. Такого вопроса нет в приговоре. Единственное о чём сказано, это то, что суд не хотел применять никакое наказание которое бы привело к направлению людей в концентрационные лагеря. Я не понимаю, что в этом приговоре есть, что-то, что подсудимый может считать личным оскорблением или ущербом.

Зейсс-Инкварт: Теперь у меня есть немецкий текст. Он гласит:

> «Суд принимает во внимание тот факт, что некоторое время судьи назначали наказания и голландских преступников мужского пола, вопреки правовому предписанию и вопреки намерению законодателя и судьи, казнили и казнят в лагере таким способом который» - и так далее.

Это концентрационные лагеря, которые суд имел в виду. Это касается факта, что заключенных направили из голландских тюрем в германские лагеря.

Председатель: Господин Дебенес, продолжайте.

Дебенес: Что касается обучения, вы не вносили очень обширные изменения?

Зейсс-Инкварт: Я ввёл надзор за учебной программой школ, и я заставил почувствовать своё влияние при назначении учителей, в частности в многочисленных частных школах в Нидерландах. Две трети нидерландских школ были частными. Я чувствовал в этом необходимость, потому что в этих школах ученикам преподавали явно антигерманский курс. Министерство образования Нидерландов надзирало за этими вопросами.

Дебенес: Соответственно вы помешали большому количеству священников принимать участие в общественном просвещении.

Зейсс-Инкварт: Мне так не кажется. Я приказал или согласился с приказом о том, чтобы священники не могли быть главами школ. Что касается священников, которые были учителями, я согласился со снижением их оплаты на одну треть. Они могли продолжать учить с двумя третями от своего дохода и на сэкономленные деньги, я дал должности 4000 молодых безработных учителей.

Дебенес: Говоря об учителях, вы не были причиной создания специальной школы для учителей?

Зейсс-Инкварт: Нет. Мне кажется вы имеете в виду, курсы, которые проводили в Амерсфорте или тех кто был добровольцами на них.

Дебенес: Нет. Я имею в виду, тех учителей, которых заставили проходить курсы в Германии в течение нескольких месяцев перед своим назначением.

Зейсс-Инкварт: Я не помню. Может быть это те кто должен был учить немецкому языку в нидерландских школах. В таком случае, возможно, что я потребовал, чтобы они сначала провели некоторое время в Германии для того, чтобы использовать их в работе.

Дебенес: Фактически, вы ввели обязательное изучение немецкого языка в определенных классах?

Зейсс-Инкварт: В седьмом классе, и также восьмом классе, который я ввёл. Но одновременно, я дал указание увеличить голландский язык для того, чтобы подтвердить, что я не хотел германизировать голландцев, но лишь хотел дать им возможность изучать немецкий язык.

Дебенес: Но у них уже была такая возможность. Немецкий язык учили одновременно с английским и французским языками. Вы навязали обучение немецкому языку за счёт двух других иностранных языков.

Зейсс-Инкварт: Я говорю о начальных школах, в которых изучение немецкого языка ещё не вводилось. Понятно, что в средних школах обучение немецкому языку увеличили за счёт обучения английскому и французскому языку.

Дебенес: Вы не приказали закрыть несколько университетов? И почему вы так сделали?

Зейсс-Инкварт: Я помню только про закрытие университета Лейдена. Когда по моим указаниям, еврейских профессоров уволили с факультета, студенты университета Лейдена ушли на забастовку на довольно длительный период времени, и соответственно я закрыл двери. Я не помню, чтобы закрывал какие-то другие университеты. Католический университет в Неймегене и кальвинистский университет в Амстердаме, насколько помню, закрылись сами.

Дебенес: И политехнический университет в Дельфте? Вы тоже не приказывали его закрыть?

Зейсс-Инкварт: Да. Это была временная мера. Насколько помню, он снова открылся.

Дебенес: Что насчёт католического коммерческого училища в Тильбурге?

Зейсс-Инкварт: Я это не помню.

Дебенес: Это было в 1943.

Зейсс-Инкварт: Я не помню. Вполне возможно, что по той или иной причине он был закрыт, наверное, потому что он показался мне, представлявшим опасность для интересов оккупационных сил.

Председатель: Не требуется детально это расследовать? Если подсудимый сказал, что он закрыл одну школу не указав адекватной причины почему, разве этого не достаточно для вас в вашей аргументации?

Дебенес: Разумеется, господин председатель.

[*Обращаясь к подсудимому*] Позднее вы попытались превратить университет Лейдена в национал-социалистический университет?

Зейсс-Инкварт: Если вы считаете таким назначение 2 или 3 профессоров из почти 100 или 50, я должен сказать да. Я не могу припомнить какие-то другие меры. Однажды мне предложили создать университет в Лейдене в котором немецкие и голландские студенты могли обучаться и чтобы это обучение признавалось в Германии. Это не получилось.

Дебенес: Во всяком случае, вы признаете, что имели намерение создать эту школу?

Зейсс-Инкварт: «Намерение» немного сильно сказано. Эти идеи обсуждались. Была и другая идея. В Нидерландах в германском Вермахте был ряд студентов университетов, которые не смогли продолжать своё обучение по понятным причинам. Тогда рассматривали проведение курсов в Лейдене для студентов университетов из Вермахта, что было бы своего рода продолжением их обучения.

Дебенес: Я представлю вам документ F-803, который я предъявляю под номером RF-1525. Это доклад министра национального образования Нидерландов. Это на странице 23 французской версии и страница 16 немецкой версии.

Я прочитаю отрывок:

> «Предпринимались попытки сделать из университета Лейдена национал-социалистический университет назначив национал-социалистических профессоров. Однако, эти попытки потерпели неудачу в результате твёрдого отношения занятого профессорами и студентами. Некоторые профессора даже…»

Председатель: Это на странице 15?

Дебенес: Это на странице 23 французского текста в последнем абзаце.

Председатель: Что это?

Дебенес: Это F-803.

Председатель: Я не спрашивал, что это за документ. Я спросил какой характер у документа.

Дебенес: Я заметил трибуналу, что это был доклад министра образования Нидерландов.

Председатель: Он был назначен подсудимым или был назначен до войны?

Дебенес: Это нынешний министр образования. Я отмечаю трибуналу, что я обязан рассмотреть некоторые подробности, потому что, когда французское обвинение представляло своё дело, у нас не все документы были в распоряжении и голландское правительство стремится, чтобы эти факты были представлены как можно подробнее.

Я могу добавить, что сегодня я представляю документы, которые исходят от голландского правительства.

Председатель: Это страница 23?

Дебенес: Страница 23 французского текста, шесть строчек перед концом последнего абзаца.

Председатель: Да.

Дебенес:

> «Предпринимались попытки сделать из университета Лейдена национал-социалистический университет назначив национал-социалистических профессоров. Однако, эти попытки потерпели неудачу в результате твёрдого отношения занятого профессорами и студентами. Некоторые профессора даже подали в коллективную отставку в мае 1942, и так как на это не было никакой реакции, они подали вторую в сентябре того же года».

Председатель: Конечно, подсудимый уже говорил это, не так ли? Вы говорите о Лейденском университете, не так ли?

Дебенес: Да, господин председатель. Если я правильно вас понял, мне кажется, подсудимый сказал, что стоял вопрос создания национал-социалистической школы в Лейдене, но, что он не воплотил это в жизнь. С другой стороны, из документа, кажется, что это не зависело от него, а являлось результатом отношения учителей. Вот о чём я хотел сказать.

Зейсс-Инкварт: Могу я это прокомментировать?

Дебенес: Разумеется.

Зейсс-Инкварт: Тот факт, что была предпринята попытка сделать Лейден национал-социалистическим университетом указан только в этом документе. Я повторю своё утверждение о том, что я назначил двух или самое большее трёх профессоров, которые были национал-социалистами, и этот документ чётко показывает в чём заключалось моё отношение. Я не сделал ничего против демонстративного жеста отставки профессоров. Вторая попытка тоже осталась без ответа. Тот факт, что произошли аресты, связан с фактом, что часть профессоров подозревали за другое, и этих профессоров отправили в Санкт-Михелхестель. Это был концентрационный лагерь, в котором заключенные играли в гольф.

Дебенес: Значит это было совпадение?

Зейсс-Инкварт: Я бы так не сказал. Разумеется, после второй попытки мы немного

проверили этих господ.

Дебенес: Вы не предпринимали мер, чтобы обязать студентов выполнять принудительную работу?

Зейсс-Инкварт: Не думаю, что это делали, пока они учились, так как я отдал прямые приказы об освобождении всех студентов. Успевавшим техническим студентам предоставляли освобождение и студентов университетов которые учились очно или соответствовали требования обучениям тоже, как я помню, не принуждали работать.

Дебенес: Что же, я приведу вам короткий отчёт из параграфа 2 ваших правил. Это указ от 11 марта 1943, номер 27.

> «Каждый студент, который после вступления в силу настоящих правил, успешно сдал выпускной экзамен или похожее испытание по одной из специальностей, указанных в параграфе 1 и определенной приказами генерального секретаря министерства образования, науки и культуры обязан отработать установленное время в рамках распределения рабочей силы».
>
> Это ваш указ?

Зейсс-Инкварт: Там сказано трудовая служба?

Дебенес: У меня нет немецкой версии. Это указ номер 27.

Зейсс-Инкварт: Указ номер 27. Можно спросить какой параграф?

Дебенес: Второй параграф.

Зейсс-Инкварт: Это правильно. Он говорит: «Студенты, которые сдали выпускной экзамен», то есть, те кто уже не учился, а закончили своё обучение. Между тем такие же возрастные группы призывали на трудовую повинность, и теперь те кого я исключил попадали в них. Но их обучение не прерывалось.

Дебенес: Таким образом, студенты могли свободно продолжать своё обучение?

Зейсс-Инкварт: Я не помню ни о каких препятствиях.

Дебенес: Хорошо. Пожалуйста, посмотрите на следующее распоряжение, то есть номер 28, которое является распоряжением генерального секретаря ван Дама. Это распоряжение принуждает студентов делать заявление о верности.

Зейсс-Инкварт: Да, это правильно.

Дебенес: Какими были последствия?

Зейсс-Инкварт: Я не мог не понимать последствия. Университеты тогда были рассадниками антигерманской деятельности. Я потребовал от студентов университетов заявление обещавшее, что они подчиняются законам, действующим на оккупированных территориях Нидерландов, что они воздерживаются от любой акции против Германского Рейха, Вермахта и властей Нидерландов, и что они не вмешиваются в общественный порядок университета.

Я не могу понять, почему студент университета, не мог сделать такое заявление. Те кто делал это могли продолжать своё обучение без какой-либо

помехи. Но голландские профессора, при помощи саботажа, отказывались давать им какие-либо указания.

Дебенес: Что же, потом, что случалось с теми, кто не делал такое заявление?

Зейсс-Инкварт: Они больше не были студентами университетов и если они попадали в возрастные группы которые я призывал для трудовой повинности, их призывали.

Дебенес: Вы не применяли фюрер-принцип в университетах?

Зейсс-Инкварт: Мне это не казалось таким же строгим как в коммунальных администрациях. Но я дал президенту университета большую власть, потому что я требовал от него больше ответственности.

Дебенес: Очень хорошо. Определенную национал-социалистическую пропаганду не вели в университетах?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, это было нельзя полностью предотвратить.

Дебенес: В частности, студенты не должны были посещать определенные выставки и присутствовать на лекциях организованных партией или даже ведомствами Рейха?

Зейсс-Инкварт: Не знаю, возможно.

Дебенес: Короче, вы вмешивались в административную сферу, в преподавание и похожис образом, вы также вмешивались в культурную жизнь голландского народа?

Зейсс-Инкварт: Да, в той мере, в которой говорил вчера.

Дебенес: Фактически, вы создали различные профессиональные синдикаты, вы не так говорили нам?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: Вы утверждали, что приём в эти синдикаты не был обязательным, и что вы никогда не навязывали членские взносы?

Зейсс-Инкварт: Это неправильно. Членство в этих синдикатах было обязательным. Я также убеждён в том, что глава синдиката требовал от членов оплаты членских взносов. Я отказался делать из неуплаты взносов вывод о том, что человек больше не мог быть членом синдиката, и соответственно практиковать в своей профессии, или что его взносы можно было взыскать через суд.

Дебенес: Однако, вы не вспоминаете никаких сложностей, которые возникли из-за этого в медицинской профессии?

Зейсс-Инкварт: Я как раз подумал о медицинском синдикате. Некоторые круги в нём желали, чтобы членам не плативším своих взносов запрещали заниматься своей профессией или, по крайней мере, взносы следовало взыскивать в судебном порядке. Я сказал этим господам, что если невозможно убедить членов вносить взносы, я со своей стороны, не буду принуждать кого-либо силой.

Дебенес: Что это были за круги?

Зейсс-Инкварт: Вероятно, вы можете мне сказать, и мы сэкономим много времени.

Дебенес: Это не было например, НСБ?

Зейсс-Инкварт: В какой связи?

Дебенес: Вы сами сказали, что некие круги требовали внесения взносов? Я спрашиваю, какие круги?

Зейсс-Инкварт: Вы имеете в виду, какие друзья или мои сотрудники призывали к тому, чтобы я настаивал на платежах? Вопрос мне не очень ясен.

Дебенес: Я просто прошу вас конкретно сказать, что вы имеете в виду под «кругами». Вы сами использовали слово – если только это не перевели неправильно.

Председатель: Господин Дебенес, трибунал на самом деле думает, что вы тратите слишком много времени на различные небольшие предметы. Мы потратили весь вечер на различные меры, которые подсудимый вводил в Нидерландах. Совершенно ясно, по его собственному признанию, что он менял всю административную власть в Нидерландах..

Дебенес: Вы также принимали участие в преследовании церквей?

Зейсс-Инкварт: Я не знаю можно ли называть меры «преследованием церквей», но я предпринимал меры связанные с церковью.

Дебенес: Какие меры в частности? Какие меры?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, что самой серьезной, в ваших глазах была конфискация различных нидерландских монастырей. Один из них превратили в германскую школу, и церковное здание снесли.

Дебенес: Вчера вы утверждали, что священники или, по крайней мере один священник мог посещать концентрационные лагеря? Это правильно?

Зейсс-Инкварт: Нет, я этого не говорил. Я говорил только о том, что в еврейском лагере Вестерборк[47] были католические и протестантские евреи, которых по воскресеньям посещал священник снаружи. Мне не кажется, что священникам позволили посещать под контролем германской полиции или позволяли входить в них.

Дебенес: Всего один вопрос относительно прессы. Пресса сохраняла некоторую – я повторяю «некоторую» - свободу во время оккупации?

Зейсс-Инкварт: С моей точки зрения слишком маленькую. Пресса находилась под довольно строгим контролем министерства пропаганды. Редакторов брали на работу после оценки на пригодность министерством пропаганды Нидерландов. Мне кажется, что для оккупационной державы само собой разумеется, что в такой важный инструмент берут только таких людей которые имели позитивное отношение. Я бы желал, чтобы у этих людей было больше свободы слова и мне кажется, что я могу сказать, что постольку, поскольку я оказывал какое-либо влияние, так и было, но даже рейхскомиссар Нидерландов не был всемогущим.

Дебенес: Меры репрессалий[48] не предпринимались против определенных газет?

Зейсс-Инкварт: Не знаю…

---

[47] Вестерборк — концентрационный лагерь, созданный после оккупации Нидерландов нацистской Германией в десяти километрах к северу от города Вестерборк в провинции Дренте, недалеко от границы с Германией.

[48] Репрессалии — в международном праве правомерные принудительные меры политического и экономического характера, которые применяются одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства.

Председатель: Мы можем продвигаться побыстрее. Очень длинная пауза между вопросом и ответом.

Зейсс-Инкварт: Я должен сначала вспомнить обстоятельства. Если неожиданно меня спрашивают о чём-то, что происходило пять лет назад, я должен тщательно думать о том, что на самом деле происходило в конкретных случаях . Например я могу сразу же сказать «нет», но я не уверен, что ответ неправильный.

Итак, например, репрессалии – я знаю, что однажды офис редактора в Гааге разогнали. Это была мера предпринятая полицией безопасности. Там было логово нелегальной пропагандистской группы.

Дебенес: Вчера вы говорили о стерилизации евреев в Голландии. Кто ввёл эту меру?

Зейсс-Инкварт: Если вы говорите «ввёл», мне кажется, я могу ответить на вопрос правильно. Полиция безопасности сообщила мне, что ряд евреев были стерилизованы еврейскими докторами, и что соответственно этих евреев должны освободить от всех ограничений и ношения еврейской звезды. Это не были евреи, которых в противном случае эвакуировали бы, а те, кто оставшись в Голландии были бы предметом некоторых ограничений.

Я попросил главу моего управления здравоохранения изучить вопрос. Он сообщил мне о том, что это была очень серьезная операция в случае женщин и затем я попросил высшего руководителя СС и полиции запретить эту акцию, по крайней мере, в отношении женщин. Затем христианские церкви заявили протесты. Я ответил христианским церквям – полагаю, у вас есть письмо в материалах – описав состояние дел и прямо указав на то, что не должно оказываться никакого принуждения. Вскоре эта акция закончилась. Насколько я слышал, христианские церкви, проинформировали евреев и когда они убедились в том, что их не будут принуждать, они больше не шли на эти операции.

Я лично вернул имущество евреям, и вопрос был закрыт; хотя я должен сегодня сказать, что чем больше времени проходит тем меньше это понятно.

Дебенес: Но это у вас появилась идея стерилизации?

Зейсс-Инкварт: Нет, о предмете мне доложила полиция безопасности.

Дебенес: Очень хорошо, я вручу вам документ PS-3594, который я предъявляю под номером RF-1526. Это письменные показания Хильдегарды Кунце, агента РСХА. Третий абзац:

> «Я помню, что либо в этом докладе или другом докладе, он» - то есть Зейсс-Инкварт – «предложил, чтобы всех евреев которые имеют привилегию остаться в Голландии стерилизовали».
>
> Нет никакого вопроса полицейских служб.

Зейсс-Инкварт: Это включает правильность памяти стенографиста. Более того, в третьем пункте, она даже не утверждает, что доклад в третьем абзаце это то, о чём она говорит в абзаце (2), который она приписывает мне. Не может быть и речи, чтобы она видела какой-либо доклад от меня, в котором я сделал такое

предложение. О случае доложила мне полиция безопасности как о свершившемся факте, или как о находящемся в процессе.

Дебенес: Таким образом вы утверждаете, что это не вы, а полиция. В любом случае вы допускали это?

Зейсс-Инкварт: Что касалось мужчин евреев на время я это допускал, это правда. Мне дали понять, что на этих евреев не оказывалось никакого прямого принуждения, ни угрозы их преимуществу.

Председатель: Мы можем прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Дебенес: Подсудимый, вы заявляете, что вы никого не принуждали уезжать и работать в Германии?

Зейсс-Инкварт: Напротив, мне кажется, я призвал 250000 голландцев работать в Германии, и я свидетельствовал об этом вчера.

Дебенес: Хорошо. Я не задерживаюсь на данном пункте.

Вы также не вводили некоторые законодательные поводы, что касалось гражданства?

Зейсс-Инкварт: Вы имеете в виду гражданство голландских граждан?

Дебенес: Да.

Зейсс-Инкварт: Да, я это делал.

Дебенес: Вы принимали участие в арестах, интернировании и депортации в концентрационные лагеря Германии голландских граждан, и каким образом?

Зейсс-Инкварт: Я бы хотел кратко объяснить вопрос гражданства.

Дебенес: Разумеется.

Зейсс-Инкварт: Довольно много голландцев записались в Ваффен-СС. Намерение фюрера заключалось в том была дать им германское гражданство. Однако, в таком случае они потеряли бы своё голландское гражданство, и этого они разумеется не хотели. Поэтому, я принял распоряжение, чтобы при приобретении германского гражданства, голландское гражданство сохранялось год, за время которого заинтересованное лицо могло принять решение.

Это служит разъяснением цели и задачи моего распоряжения.

Дебенес: Я снова собираюсь поставить вам вопрос, который поставил несколько минут назад. Вы принимали участие в арестах, интернировании и депортации в концентрационные лагеря голландских граждан, и при каких обстоятельствах?

Зейсс-Инкварт: Доставление кого-либо и удерживание его в концентрационном лагере было исключительно вопросом полиции. Я не помню ни одного примера, в котором я просил полицию поместить какого-либо голландца в германский концентрационный лагерь. Может быть случалось, что я приказывал германской

полиции забирать голландцев в Герцогенбуш[49] или Амерсфорт[50]. В особенности, ч то время, когда нидерландские суды были снисходительные к дельцам чёрного рынка и мясникам, которые обеспечивали чёрный рынок, я требовал их интернирования в концентрационном лагере на 2 или 3 месяца.

Однако, если у вас есть на уме отдельные случаи, пожалуйста назовите их и я могу заверить вас, я расскажу вам всё, что я помню.

Дебенес: Нет, вашего ответа достаточно.

Вы принимали участие в захвате заложников и их казне?

Зейсс-Инкварт: Вчера я заявил, что я вспоминаю только одно фактическое дело заложников, которое произошло в 1942, и я рассазал вам, какое имел к нему отношение. Так называемые расстрелы заложников, начавшиеся с июля 1944, на самом деле не являлись расстрелами заложников, а скорее казнями проводившимися полицией на основании распоряжения фюрера.

Лично я никогда не приказывал ни об одном расстреле. Но я бы хотел повторить: если я, например, обращал внимание полиции на тот факт, что в какой-то местности Нидерландов нелегальное движение сопротивления доставляло много проблем, и давал полиции указания расследовать дело, мне было совершенно очевидно, что руководителей движения сопротивления может арестовать полиция, которая на основании указа фюрера расстреляет их.

Но я должен повторить: я должен нести свою ответственность, даже перед лицом сложной ситуации, когда виновные, то есть виновные юридически, а не морально, потому что морально я, наверное, поступил бы так же, как они – виновных не привлекли к суду.

Дебенес: Что касается фактов, которые вы упоминали вчера, они касаются заложников, которых расстреляли из-за покушения на железную дорогу в Роттердаме?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: Кто отбирал этих заложников?

Зейсс-Инкварт: Заложников выбрала полиция безопасности, и высший руководитель СС и полиции представил мне список. Как я вчера свидетельствовал, я спросил, почему он выбрал этих людей, и он объяснил мне это. Затем изучив вопрос, я вычеркнул имена многодетных отцов. Я вернул список высшему руководителю СС и полиции и попросил его принять во внимание моё отношение при исполнении этого указа.

Таким образом, в результате моего личного вмешательства, я спас

---

[49] Герцогенбуш — концентрационный лагерь Третьего рейха, располагавшийся в Нидерландах в городе Вюгт близ Хертогенбоса, столицы Северного Брабанта, с января 1943 по сентябрь 1944. В нём размещалось примерно 31 000 заключённых: бойцы Сопротивления, евреи, цыгане, гомосексуалисты, свидетели Иеговы, спекулянты, бродяги, заложники, среди них были мужчины, женщины и дети.

[50] Концлагерь Амерсфорт — концентрационный лагерь, организованный нацистскими оккупационными войсками в оккупированном Германией королевстве Нидерланды. Располагался в южной части города Амерсфорт, действовал с мая 1941 по апрель 1945 года. За это время в Амерсфорт попало свыше 35 000 узников и военнопленных.

многодетных отцов от расстрела.

Дебенес: Сколько заложников выбрали таким образом?

Зейсс-Инкварт: Сегодня я не могу вспомнить, вероятно, 12 или 15. Из этого числа остались 5. Это была окончательная цифра после сокращения первоначальной цифры в 50 или 25.

Дебенес: Я покажу вам документ касательно захвата заложников. Это документ F-886, который станет RF-1527. Это заявление сделанное генералом Христиансеном или даже, копия заявления сделанного генералом Христиансеном, которая взята из письменных показаний главы голландской делегации. Пожалуйста, вы посмотрите на четвёртый абзац перед концом первого заявления?

Председатель: У вас есть оригинал?

Дебенес: Господин председатель, я как раз сказал, что это лишь копия заявления, которое исходит из письменных показаний главы голландской делегации. Если трибунал желает, мы безусловно представим оригинал как только его получим.

Председатель: Господин Дебенес, нет вообще никакого удостоверения копии, не так ли?

Дебенес: Господин председатель, я думал, что письменные показания представителя голландской делегации существовали в Нюрнберге. Оригинал – я прошу прощения; его не воспроизвели, но оригинал содержит письменные показания.

Председатель: Что вы собираетесь подтвердить этими письменными показаниями? О заложниках?

Дебенес: Да, господин председатель. Говорится о том, что подсудимый лично выбирал заложников.

Председатель: В каком порядке подготовили письменные показания?

Дебенес: Господин председатель, это было во время процесса, которые начали против генерала Христиансена в Нидерландах.

Председатель: Вы говорите это допустимо согласно уставу?

Дебенес: Господин председатель, мне кажется, что мы уже предъявляли здесь документы подобного характера – то есть, копии – трибуналу, копии, которые были заверены как копии оригинала, который хранится в стране происхождения.

Председатель: Если подлинник с которого сняли копию был документом который допустим согласно уставу это наверное было бы так, если бы было аутентичное удостоверение говорящее о том, что это была подлинная копия документа который допускается в соответствии с уставом. Но этот документ допустим в соответствии с уставом?

Дебенес: Господин председатель, мне кажется, что он допустим, потому что это чисто и просто письменные показания. Это письменные показания, которые законно получены в Нидерландах.

Председатель: И у вас нет немецкой версии?

Дебенес: Да, господин председатель, данный документ был переведён на немецкий

язык. У меня есть перевод на немецкий язык.

Председатель: Господин Дебенес, кажется, что это документ, который на голландском языке, а генерал Христиансен, который дал показания, был немцем, не так ли?

Дебенес: Нет, господин председатель, оригинал письменных показаний на голландском языке.

Председатель: Оригинал на голландском языке, это так?

Дебенес: Оригинал на голландском языке, да. Согласно той информации, что я имею. Да, подлинник на голландском языке.

Председатель: И как были даны письменные показания, в каком порядке?

Дебенес: На голландском языке, с переводчиками.

Председатель: Я имею в виду в каком порядке, перед каким судом?

Дебенес: Я полагаю перед голландским военным трибуналом. Да, перед голландским военным трибуналом.

Дюбост: С позволения трибунала…

Председатель: Да, господин Дюбост.

Дюбост: Данный документ является выдержкой из уголовного процесса в Нидерландах проходившего в отношении генерала Христиансена по просьбе голландского правительства. Министр юстиции Нидерландов позволил нам взять выдержку из стенограмм, которые вели в Нидерландах в законной форме во время процесса в отношении генерала Христиансена. Таким образом, текст был составлен на голландском языке.

Председатель: Это доказательство, эти письменные показания на голландском языке. Итак, генерал Христиансен голландец?

Дюбост: Генерал Христиансен немец.

Председатель: Если он немец, почему он даёт свои показания на голландском языке? Если он не давал их на голландском языке, почему здесь нет немецкой копии? Поймите, у нас есть здесь удостоверение полковника, который как сказано, представляет правительство Нидерландов, о том, что данный документ подлинная копия показаний генерала Христиансена. Что же, документ, который есть у нас на голландском языке, и если генерал Христиансен дал свои показания на немецком языке, тогда это не может быть подлинной копией и это перевод на голландский язык. Что вы об этом скажете?

Дюбост: Показание генерала Христиансена получили через переводчика в соответствии с голландским порядком и расшифровали на голландском языке. Невозможно, чтобы голландский трибунал принял протокол на иностранном языке. Стенограмму вели на голландском языке.

Председатель: Понимаю.

Штейнбауэр: Пожалуйста, господин председатель, могу я сказать всего несколько слов в связи с этим? Я знаю, и я на связи с защитником генерала Христиансена, о

том что англичане возбудили в отношении него военно-полевые слушания. У меня есть сомнения в этом документе, поскольку нет подтверждения, и мы не можем судить о том, был ли переводчик, который переводил с немецкого языка на голландский язык подходящим и адекватным переводчиком; и также, поскольку в данном вопросе у меня нет возможности, как защитнику перекрёстно допросить генерала Христиансена. Мне кажется, что в результате даже предъявления этого документа права защиты будут сильно ущемлены.

Дебенес: Господин председатель, мне сейчас сообщили о том, что генерал Христиансен сейчас в заключении в Арнеме у голландских властей.

Председатель: Что же, господин Дебенес, трибунал допустит документ, если вы получите удостоверение из суда, который судил генерала Христиансена. Но единственное удостоверение, которое вы имеете о том, что это подлинная копия от полковника ван – имя, которое я не могу произнести. Нет ничего, что показывает, кроме его заявления, что он чиновник действующий в интересах голландского правительства. Мы не знаем кто он.

Дебенес: Разумеется, господин председатель, но мы получим подлинник для трибунала позднее.

Председатель: Что же, вы предъявите подлинник позднее.

Дебенес: Ван – аккредитованный представитель голландского правительства при французской делегации.

Штейнбауэр: Господин председатель, у меня есть только французский перевод, который гласит следующее:

> «Христиансен здесь не в качестве свидетеля, а скорее как подсудимый, он был допрошен в таком качестве, и он не связан присягой говорить правду. Он может говорить, что угодно не будучи подвержен ответственности за то, что говорит».
>
> Лишь по этой причине, мне кажется, что в документе следует отказать.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, причина, почему трибунал готов допустить документ, когда удостоверится, что он получил документ, в том, что статья 21 предусматривает, что о докладах, включая акты и документы комиссий, созданных различными союзными силами для расследования военных преступлений и докладах и выводах военных или иных трибуналов любой из Объединенных Наций будут выносится судебные уведомления. По этой причине документ, по мнению трибунала, допустим, когда имеется его подлинная копия.

[*Обращаясь к господину Дебенесу*] Итак, тогда вы предпримите меры, чтобы представить надлежащим образом заверенную копию документа.

Дебенес: Разумеется, господин председатель.

Зейсс-Инкварт: Пожалуйста, могу я прокомментировать документ?

Дебенес: Будьте любезны подождать пока прочитаю вам отрывок который хочу вам предъявить.

Это на странице 4 французского текста, четвёртый абзац перед концом первого заявления, второй абзац на странице:

> «Думаю, что могу вспомнить, что уже по этому поводу Зейсс-Инкварт сказал, что расстреляют пятерых заложников. Я не знал никого из этих заложников. Я не выбирал этих пятерых человек, и вообще не имел никакого отношения к их казни. Это было дело чисто политического характера, в которое я стал вовлечен в своём качестве командующего».

Теперь вы можете высказать нам своё отношение если решили сделать это.

Зейсс-Инкварт: Картина, которую привёл здесь генерал Христиансен как подсудимый, а не свидетель, полностью совпадает с картиной которую привёл я. В начале этого протокола генерал Христиансен говорит о том, что фельдмаршал фон Рундштедт[51] и ОКВ[52] через начальника штаба отдали ему приказ взять заложников, и дальше он говорит, что через своё юридическое управление он издал объявление о том, что заложники ответят своими жизнями, если произойдут дальнейшие акты саботажа. Затем он говорит, что это случилось, и он связался с командующим Западом или ОКВ и получил ответ о том, чтобы были использованы заложники. Затем он ссылается на то, что рекомендовал мне такой приказ, указав, что всё ещё применялось первоначальное регулирование в отношении заложников, и я сказал о том, что должны были казнить пятерых из них. Это то чего я всегда придерживался, и я тоже сказал, что должны были убить 25, и что я вёл переговоры о жизнях остальных 20.

Следовательно доклад фундаментально правильный и согласуется с тем, что я сказал.

Дебенес: Но в этом документе не говорится о 25 заложниках. Здесь мы рассматриваем факт, что это вы выбрали этих пятерых заложников.

Рассмотрим следующую страницу заявления от 5 марта 1946. Генерал Христиансен заявляет:

> «Теперь я помню, что подполковник Клютер также принимал участие в этом совещании. Таким образом всего было несколько участников. Поэтому я передал приказ использовать заложников и Зейсс-Инкварт сразу сказал о том, что нужно было задержать пятерых человек. Вы спрашиваете, почему это было настолько просто. Очевидно Зейсс-Инкварт имел на это полномочия».

Следовательно, фактически вы были тем, кто назначил и выбрал этих заложников?

---

[51] Герд фон Рунштедт (1875 — 1953) — немецкий генерал-фельдмаршал времён Второй мировой войны. Командовал крупными соединениями в европейских кампаниях. В начальной фазе операции «Барбаросса» командовал группой армий «Юг».

[52] Верховное главнокомандование Вермахта - центральный элемент управленческой структуры вооружённых сил Германии в 1938—1945 годах.

Зейсс-Инкварт: Повторение этих слов не отменяет факта, что требовали 25 заложников, как подтвердит завтра свидетель, и что я вмешался для того, чтобы только требовалось только пятеро, и что весь вопрос находился в руках армии и высшего руководителя СС и полиции; объявления изданы от их обоих. Как рейхскомиссар я воспользовался правом как можно сильнее снизить количество заложников. Окончательную цифру определили командующий и высший руководитель СС и полиции.

Председатель: Господин Дебенес, вы читали последний абзац письменных показаний, страница 4, внизу?

Дебенес: Господин председатель, правильно, я не читал его. Я собираюсь прочитать.

«Я попрошу вас заметить, что на этом совещании с Зейсс-Инквартом,
он прямо оставил за собой право назначить заложников».

Зейсс-Инкварт: Я не могу сказать об этом больше чем уже сказал. Отбор заложников, наверное проводил высший руководитель СС и полиции согласно директивам, которые он получил от командующего вооруженными силами или даже, от своих вышестоящих начальников. Я лично попросил показать список, ибо как рейхскомиссар, я был заинтересован знать, кого должны были выбрать, и попытался оказать с тем, чтобы, как я уже сказал, многодетных отцов вычеркнули из этого списка.

Кроме того, я не желаю полемизировать перед лицом субъективных описаний генерала Христиансена. Мы очень ладили в работе. Суду решать говорю ли я правду или в данном случае ошибается он.

Дебенес: Это именно то, я о чём я подумал. Следовательно вы утверждаете, что это единственный случай, когда вы вмешались, что касалось захвата и казни заложников?

Зейсс-Инкварт: Да, мне так кажется.

Дебенес: Вам известно о казни заложников после покушения на Раутера?

Зейсс-Инкварт: Вчера я говорил о степени своей осведомлённости. Я не знал точную цифру. Однако, мне было известно, что расстрелы произошли, расстрелы тех людей, которых на основании их поведения и деяний, должна была расстрелять согласно указу фюрера полиция безопасности. Подлинная цифра стала известна мне позднее.

Дебенес: Соответственно вы вообще не вмешивались в этот вопрос расстрела заложников?

Зейсс-Инкварт: Нет, я не могу это сказать, так как я долго обсуждал с заместителем высшего руководителя полиции и СС, что нужно было делать в таком случае – так как, в конце концов, это был очень тяжёлый вопрос – и нужно ли было ему проводить эти казни; я сказал вчера, что согласился. Я вчера заявил, что я не мог возражать ему в его решении на самом деле провести казни в тот момент.

Дебенес: Кто был этим руководителем полиции?

Зейсс-Инкварт: Доктор Шёнгарт[53].

Дебенес: Что вы думаете о докторе Шёнгарте?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, что доктор Шёнгарт не был особенно жестоким человеком и рьяным в данном вопросе. Безусловно он должен был понять, что дело было неприятным.

Дебенес: Но он был человеком, которому можно доверять?

Зейсс-Инкварт: Я всегда доверял ему.

Дебенес: Очень хорошо. В таком случае, я собираюсь показать вам документ, документ F-879, который я предъявляю под номером RF-1528.

Я желаю проинформировать трибунал, что это снова копия из процесса которую получили из Амстердама от службы по военным преступлениям. Она подписана человеком, которого опрашивали и тоже идёт с письменными показаниями как и предыдущем случае. И снова, если трибунал пожелает, я получу подлинник для трибунала позднее.

Председатель: Да, вы предъявите оригинал как раньше.

Дебенес: Разумеется, господин председатель.

Председатель: Или получите его от кого-либо в правительстве.

Дебенес: Очень хорошо, господин председатель.

Подсудимый, будьте любезны посмотреть на заявление доктора Шёнгарта на странице 5 французского документа; это третье заявление, пятый абзац. Вы нашли это?

Зейсс-Инкварт: Да, нашел.

Дебенес: Вот, что говорит доктор Шёнгарт:

> «После расследования, я лично пошёл к доктору Зейсс-Инкварту, рейхскомиссару Голландии, с которым я обсудил вопрос. Зейсс-Инкварт затем отдал мне приказ об усилении мер репрессалий казнив 200 заключенных, которых приговорили к смерти, на месте, где было совершено покушение.
>
> Эта казнь была направлена на запугивание населения. Было сделано публичное уведомление, о том, что будет казнено большое количество людей в результате этого покушения».

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: И что?

Зейсс-Инкварт: В любом случае, это подтверждает, что мы вели речь о расстреле голландцев, которые, как говорит этот человек, были приговорены к смерти за участие в некого рода саботажном или другом деле; они подпадали под указ фюрера и всё равно были бы расстреляны. Это первый и самый важный пункт. Вопрос в том

---

[53] Карл Шёнгарт (1903 — 1946), один из руководителей СД и полиции безопасности, бригадефюрер СС и генерал майор полиции (30 января 1943 года), командир полиции безопасности и СД в Генерал-губернаторстве (Польша), руководитель айнзатцгруппы в Галиции, командир полиции безопасности и СД в Нидерландах. Казнён по приговору британского трибунала.

упоминалась ли цифра 200; и далее вопрос, что я потребовал это количество. Я всё также утверждаю то, что уже говорил в ответ на показания бывших сотрудников, но я также поддерживаю собственное заявление о том, что даже никогда не имел власти отдать подобный приказ доктору Шёнгарту. Он вообще не был моим подчиненным в таких вещах. Безусловно я сказал о том, что мы должны поступать в этом деле сурово. Это совершенно верно. Цифра 200 – мне даже кажется было 230 – стала известна мне позднее. Публичное уведомление, которое он упоминает здесь подписано доктором Шёнгартом.

Дебенес: Вы не сказали «суровые меры»; вы сказали «строжайшие меры репрессалий». Это не совсем одно и то же.

Зейсс-Инкварт: Я не понял вопрос.

Дебенес: Я повторяю: вы сказали не «суровые меры», а «строжайшие меры репрессалий».

Зейсс-Инкварт: Суровые меры, которые следовало предпринять, конечно, чтобы послужить запугиванию. Но мы не вели речи о репрессалиях, то есть, расстреле людей которых в противном случае не было никакой причины расстреливать.

Дебенес: Но мне кажется, что этот документ совершенно ясен. Он касается «мер репрессалий» после покушения на Раутера.

Зейсс-Инкварт: Которые должны были осуществляться таким образом, что должны были казнить голландцев, которых бы казнили в любом случае; так как здесь он подтверждает, что людей приговорили к смерти.

Дебенес: Будьте любезны повторить объяснение. Я не понял перевод.

Зейсс-Инкварт: Здесь речь шла о расстреле людей, которых бы расстреляли в любом случае, ибо здесь особо сказано, что их уже приговорили к смерти, как сказано в следующем параграфе.

Председатель: Я уже записал это пять минут назад. Вы это уже говорили. Он это уже говорил. Господин Дебенес, документ говорит сам за себя.

Дебенес: Очень хорошо, господин председатель.

Вы также вчера заявили, что ни одного заложника не расстреляли в лагере заложников Михелхестель.

Зейсс-Инкварт: Это мне неизвестно.

Дебенес: Несмотря на это, вы так вчера заявили. Или вы всё ещё заявляете, что никого из них в то время не расстреляли?

Председатель: Пожалуйста, подсудимый ответит? Не кивайте головой. Это не проходит по звуковой системе.

Зейсс-Инкварт: Я хотел только сказать, что я не знаю о таком случае. Вероятно, по какому-то поводу такое могло произойти, но я не помню.

Дебенес: Вместе с тем вы не отрицаете, что кого-то могли расстрелять?

Зейсс-Инкварт: Могли быть причины приводившее к подобным расстрелам. Но я не помню не единого случая.

Дебенес: Заложники которых казнили таким способом, они все были людьми, которых приговорили к смерти?
Зейсс-Инкварт: Не знаю, потому что я не знаю ни о ком кого вообще расстреляли.
Дебенес: В случае казни заложников в Роттердаме, одного из заложников не арестовали за день до казни, и расстреляли на следующий день?
Зейсс-Инкварт: Я не информирован об этом. Я могу понять из этого документа, что мы говорим о заложниках из Михельхестеля. Я не помню, что заложников брали из этого лагеря. Но по обстоятельствам это могло быть, так как это на самом деле был случай с заложником.
Дебенес: Нет. Я не спрашиваю о том брали ли заложников из лагеря Михельхестель. Я спрашиваю вас, в случае с казнью заложников из Роттердама, не был ли один арестован накануне казни и расстрелян на следующий день?
Зейсс-Инкварт: Не знаю.
Дебенес: Я дам вам имя. Может это поможет вам вспомнить дело: барон Схиммельпенник[54].
Зейсс-Инкварт: Насколько помню, барон Схиммельпенник прибыл из Зееланда. Но я не знаю ничего кроме этого.
Дебенес: Вам неизвестно, при каких обстоятельствах он был арестован и почему?
Зейсс-Инкварт: Нет, я знаю только, что барон Схиммельпенник был среди тех пятерых заложников, которых расстреляли.
Дебенес: Следовательно, вы признаёте, что многочисленные казни последовали за введением вами чрезвычайных судов в Нидерландах?
Зейсс-Инкварт: Нет. Дело точно не в этом. Так как эти расстрелы, с середины 1944, нельзя относить к моим директивам и моим чрезвычайным судам, но скорее к указу фюрера.
Дебенес: Следовательно, вы заявляете, что не было ни одного случая казни в результате вашего приказа от 1 мая 1943?
Зейсс-Инкварт: Казни происходили не на основании чрезвычайных судов, которые я предусмотрел в этом указе против нарушений этого указа. Возможно, что высший руководитель СС и полиции использовал этот указ в качестве основы для своих решений.
Дебенес: Но вы всё также утверждаете, что вы не имели власти над руководителем полиции?
Зейсс-Инкварт: Я не имел власти командовать им, но мы разумеется работали совместно во взаимопонимании.
Дебенес: Поэтому он консультировал вас про все меры репрессалий?
Зейсс-Инкварт: Нет. Что вы имеете в виду?
Дебенес: Эти меры репрессалий, которые предпринимались или о которых он объявлял применялись с вашего согласия?

[54] Александр Схиммельпенник ван дер Оие (1913 – 1942) – голландский аристократ. Расстрелян в 1942 как заложник

Зейсс-Инкварт: Меры репрессалий и их объявление сделали его вотчиной. Во многих случаях я лично вообще не знал об объявлениях или узнавал потом. Не было никакой директивы, которую я давал в отношении таких мер. Я снова и снова ссылаюсь на тот факт, что это вытекало из указа фюрера переданного Гиммлером полиции.

Дебенес: Очень хорошо. Вы выступали за эти меры репрессалий?

Зейсс-Инкварт: Я полностью одобрял проведение акции против тех членов движения сопротивления, которые совершали саботаж и иные акты. Не было никаких других средств кроме ареста полицией, вынесением приговора высшим руководителем СС и полиции и расстрелом полицией. Я не мог возражать данным мерам. Если хотите, можете интерпретировать это как согласие. Я бы предпочёл, если бы суды выносили приговор.

Дебенес: Да, разумеется.

Я собираюсь показать вам документ F-860, который является письмом, которое я предъявляю под номером RF-1529. Это письмо написанное вами, датированное 30 ноября 1942 и адресованное доктору Ламмерсу[55]. Я пропускаю первую часть.

Извиняюсь. Я забыл сказать трибуналу, что подлинники не здесь; есть только фотокопии. Но у меня есть письменные показания, которые я предъявляю трибуналу.

Председатель: Господин Дебенес, хорошо. Вам не нужно затруднять себя, передавая нам письменные показания. У нас есть фотокопия.

Дебенес: Я пропущу две первые страницы французской копии, и перейду ко второму абзацу.

> «На разработку специального закона о полиции (Polizeistandrecht) повлияли мнения, высказанные в письме рейхсфюрера СС. Мне кажется, что я согласился со всеми пожеланиями которые в нём содержатся, и мне не нравится только назначение высшего руководителя СС и полиции в качестве администратора судов, ибо, с точки зрения голландцев, это означало бы умаление власти рейхскомиссара, в частности в виду того, что рейхскомиссар назначен фюрером как страж интересов Рейха. Однако указом я вручил высшему руководителю СС и полиции все полномочия в которых нуждается администратор судов. Мне кажется, что этот специальный закон о полиции, может быть полезным инструментом и в определенной степени образцом для всех дальнейших правил».

---

[55] Ганс-Генрих Ламмерс (1879 — 1962) — государственный деятель нацистской Германии, начальник рейхсканцелярии в ранге государственного секретаря (30 января 1933 года — 26 ноября 1937 года), рейхсминистр без портфеля и начальник рейхсканцелярии (26 ноября 1937 года — 1944 год), постоянный член и заместитель председателя Совета по обороне Рейха (с 30 ноября 1939 года), обергруппенфюрер СС (с 20 апреля 1940 года). Осужден по приговору американского военного трибунала в 1949. Досрочно освобождён в 1951.

Следовательно, вы имели власть над руководителем полиции?

Зейсс-Инкварт: Я имел полномочия над особым полицейским судом, но не над высшим руководителем СС и полиции. Я оставался высшим судебным администратором, даже для полицейского суда при чрезвычайном положении. Тем не менее, я не мог отдавать исполнительные приказы полиции. Всё равно этот закон о полиции существовал в Нидерландах самое большее две недели.

Дебенес: Вместе с тем, точно то, что здесь мы находим специальные трибуналы и что вы доверили их руководителю полиции.

Зейсс-Инкварт: Да, это правильно, но только в рамках полицейских судов при чрезвычайном положении и за то, что делала тогда полиция я принимаю ответственность. Это было в связи с всеобщей забастовкой в мае 1943.

Дебенес: Что же, тогда мы вполне согласны. Вы доверили эти чрезвычайные суды полиции.

Очень хорошо, теперь я покажу вам документ PS-3430. Этот документ сборник всех речей, которые вы произносили во время оккупации Нидерландов. Возьмите, пожалуйста…

Председатель: Господин Дебенес, это единственная ссылка, которую вы сделали на документ 860?

Дебенес: Да, господин председатель, меня касалась вторая часть. Первая часть касается полиции.

Председатель: Вы не думаете, что возлагаете на отдел переводов очень тяжкое бремя. Там 18 страниц.

Дебенес: Господин председатель, я совершенно с вами согласен. Я намеревался использовать этот документ о полицейской организации, который в первой части. Но я подумал, что прямо сейчас это не нужно, потому что я захотел сэкономить время.

Председатель: Я имею в виду лишь то, что: если вы собираетесь использовать небольшую часть документа мне не кажется необходимым заставлять отдел переводов у которого очень много работы, переводить 18 страниц.

Здесь ещё один – F-803, у которого больше 18 страниц и который очень мало использовали. Но, продолжайте.

Дебенес: Господин председатель. Я больше не использовал его потому, что трибунал посчитал, что он рассматривает детали которые не являются важными. Это единственная причина.

Председатель: У вас есть отрывки на каждой из 18 страниц? Я очень сильно удивлен.

Дебенес: Разумеется, нет, господин председатель.

Председатель: Всё равно, продолжайте.

Дебенес: Очень хорошо, теперь мы переходим к другому предмету.

Когда вы прибыли в Голландию, эта страна не владела очень

значительными запасами продовольствия и сырья?

Зейсс-Инкварт: Да, очень много запасов было в наличии. Чрезвычайное количество.

Дебенес: Крупные реквизиции проводили в течение первых лет оккупации?

Зейсс-Инкварт: Да, в соответствии с распоряжением в рамках четырёхлетнего плана все запасы реквизировали и шестимесячный резерв поставок был создан в Нидерландах с обязательством со стороны Рейха обеспечивать все дальнейшие нужды, которые требовались.

Дебенес: Следовательно, вы заявляете, что эти запасы должны были быть зарезервированы для голландского населения?

Зейсс-Инкварт: Разумеется.

Дебенес: Разумеется? Очень хорошо. Возьмите документ, который я показывал вам этим утром, PS-997, страницы 9 и 10.

Зейсс-Инкварт: Документ у меня?

Дебенес: Страница 12 французского текста и страница 11 немецкого. Вы пишите:

> «Запасы сырья собраны и с согласия фельдмаршала распределены таким образом, чтобы оставалась квота достаточная для обеспечения голландской экономики на 6 месяцев. Сырьевые квоты и продовольственные пайки, и т. д, будут распределять также как в Рейхе. Значительные запасы сырья были гарантированы для Рейха, такие как, например, 70000 тонн промышленных жиров, которые составляют почти половину от количества необходимого Рейху».

Зейсс-Инкварт: Мне кажется это совпадает с описанием, которое я вам сейчас дал.

Дебенес: Но я думал, вы говорили, что запасы находились в распоряжении голландского народа, а не Рейха?

Зейсс-Инкварт: Нет, это ошибка в передаче. Я сказал, что запасы были конфискованы и оставалось только на 6 месяцев и дальнейшие нужды обеспечивались бы Рейхом в такой же пропорции как снабжался Рейх. Но в основном эти запасы были конфискованы для Рейха.

Дебенес: Очень хорошо, перевод не прошел. Вы получали многочисленные жалобв об этих запросах, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: И какие меры вы предпринимали?

Зейсс-Инкварт: Внимание господ, которые находились со мной, то есть, генерального секретаря Хирсфельда и остальных секретарей, обращали на тот факт, что была строгая директива в рамках четырёхлетнего плана. В некоторых случаях я мог передавать жалобы делегату четырёхлетнего плана, если запасы забирали в чрезмерных количествах.

Дебенес: Дополнительно к этим запросам, не было массовых покупок Рейхом?

Зейсс-Инкварт: Да…

Председатель: Нам сейчас прерваться? Вы ещё продолжите, господин Дебенес?
Дебенес: Господин председатель, всё зависит от длительности ответов, которые даст подсудимый, но я думаю, что за полчаса или самое большее три четверти часа я закончу.
Председатель: Очень хорошо, тогда мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 12 июня 1946*]

День сто пятьдесят третий

Среда, 12 июня 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Зейсс-Инкварт вернулся на место свидетеля*]

Пристав: С позволения трибунала сообщаю, что подсудимые Гесс и Йодль отсутствуют.

Дебенес: Подсудимый, вы согласны с тем, что самые важные запасы направляли в Германию?

Зейсс-Инкварт: Да, это совершенная правда.

Дебенес: Касательно другой системы, для грабежа, использовавшейся в Нидерландах, я бы хотел предъявить вам документ, который более того указывает на то, что вы не единственный кто принимал участие в этом грабеже, но Геринг и ОКВ тоже принимали участие. Это документ F-868, который станет экземпляром RF-1530. Он касается сообщения телетайпом, которое адресовано вам ОКВ и которое подписано Рейнеке[56]. Это сообщение телетайпом датировано 5 декабря 1940 и начинается как:

> «Встреча в ведомстве рейхсмаршала 7 октября 1940. Порядок передачи и приёма товаров из Голландии военнослужащими вооруженных сил или приданных им подразделений.
>
> По договорённости с рейхсмаршалом и рейхскомиссаром оккупированных территорий Нидерландов, действующий порядок передачи и приёма товаров из Голландии отменяется. Военнослужащие вооруженных сил и подразделений, организаций и аффилированных организаций» - затем следует обозначение этих организаций – «а также сотрудники служб задействованные в Голландии, могут при наличии средств, отправлять домой по военной почте посылки максимальным весом в 1000 грамм, без какого-либо ограничения количества. Если посылки весят больше 250 грамм…»
>
> Я не хочу читать дальше; это касается вопроса почтовых тарифов.
>
> «Перевозка товаров в связи с отпуском или ином пересечении

[56] Герман Рейнеке (1888 — 1973) — германский военный деятель эпохи Третьего Рейха, генерал пехоты (1 июня 1942 года). Начальник общего управления в составе штаба верховного главнокомандования Вермахта. Приговорён американским военным трибуналом к пожизненному заключению. Досрочно освобождён в 1954.

границы не подлежит никаким ограничениям».

Этот порядок был разработан по договорённости с вами, не так ли?

Зейсс-Инкварт: «Договорённость» в данном случае немного громко сказано. Сюда не включались полномочия по конфискации, а только инструкции по перевозке. Эти вещи должны были каким-то образом покупать. Их не могли конфисковать. Рейхсмаршал распорядился об этом, и я ввёл в действие. Это был так называемый «Тащи-приказ» означавший, что любой солдат, который возвращался из Нидерландов мог взять с собой столько вещей которые купил сколько мог нести. И затем я отдал этот приказ для гражданских в соответствии с военным распоряжением. Мне кажется, это распоряжение отменили спустя 2 года, так как постоянно поднимался тот факт, что способствовало черному рынку.

Дебенес: Я не сказал, что это касалось реквизиций. Вчера я говорил вам, что были массовые реквизиции и вы ответили, что это правильно. Сегодня я говорю вам, и предъявляю этот документ для того, чтобы продемонстрировать вам, что был и другой способ грабежа продукции из Нидерландов.

Зейсс-Инкварт: Но ранее вы упоминали конфискацию. Я хотел поправить только этот пункт.

Дебенес: Я просто высказывался вчера об этом. Давайте продолжать. Вы расскажете мне, в чём заключалась задача четырёхлетнего плана?

Зейсс-Инкварт: Я не помню формулировку этого распоряжения. Мне кажется это здесь читали. Во всяком случае, он занимался организацией всего экономического обеспечения в германской сфере интересов, в интересах политики проводимой Германией, и во время войны, конечно в интересах военной экономики.

Дебенес: Кто приказал о ликвидации имущества масонов[57]?

Зейсс-Инкварт: Я должен признать, что я на самом деле это не знаю. Моё внимание на случай обратили после конфискации имущества. Я полагаю, что это исходило от Гиммлера при помощи Гейдриха.

Дебенес: Что же, я освежу вашу память, я вручу вам документ F-865, который станет экземпляром RF-1531. Это касается письма исходящего от вас, не так ли? Это датировано 11 марта 1944. Это подписано вами, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Это абсолютно правильно.

Дебенес: Хорошо. Вы высказываетесь следующим образом:

> «Дорогой доктор Ламмерс:
>
> Я должен был ликвидировать имущество масонов в Нидерландах. Так как ликвидация проходила через меня, то есть, через правительственное учреждение, в отличие от ликвидации в других районах, рейхсминистру финансов решать о дальнейшем

[57] Масонство — движение, появившееся в 1717 году в виде тайного общества. Этика и философия масонства опираются на монотеистические религии, на древние конституции вольных каменщиков, их регламенты, статуты и уложения.

использовании.

Сегодня я написал письмо рейхсминистру финансов, и я прилагаю для вас копию. Прошу вас поддержать моё предложение».

Следовательно, вы не слышали об этой ликвидации до того, как она была проведена, поскольку вы сами провели её, разве это неправда?

Зейсс-Инкварт: Я всё также придерживаюсь своего первого утверждения. Вопрос был в том, кто распорядился об этом, я понял, что вы спрашиваете меня, кто был человеком в Рейхе который потребовал это. Это факт, что я не слышал об этом пока не прошло несколько месяцев. Затем я принял эту ликвидацию и довёл её до конца при помощи своих ведомств, и затем я написал это письмо. Таким образом, исполнение оставалось за мной.

Дебенес: Вы только, что сказали – и я очень чётко понял перевод – что вы услышали об этом, когда это сделали. Вы противоречите собственному заявлению, как я смог заметить вчера по нескольким поводам, когда вам предъявляли документы.

Зейсс-Инкварт: Я не понял это. Это вопрос ко мне?

Дебенес: Я просто сделал замечание.

Ликвидация имущества масонов крупное предприятие?

Зейсс-Инкварт: Да, разумеется. Я бы хотел сказать, что её начало другое ведомство. Имущество конфисковали, затем я принял эту задачу и проводили её при помощи своих компетентных ведомств.

Дебенес: Вы вели подготовку к использованию фондов, которые давала эта ликвидация?

Зейсс-Инкварт: Я внёс предложение, чтобы эти деньги передали партии.

Дебенес: Вы обсуждали это заранее?

Зейсс-Инкварт: Я также написал письмо. Мне кажется приложение к моему письму министру финансов, о котором сейчас говорили, содержит предложение о том, чтобы это имущество отдали партии.

Дебенес: Вы не угрожали, позволив народу Нидерландов голодать в результате железнодорожной забастовки в сентябре 1944?

Зейсс-Инкварт: Вы можете смотреть на это как на угрозу, но в любом случае я описывал это как весьма вероятное.

Дебенес: Вы просили генерального секретаря прекратить эту забастовку?

Председатель: Господин Дебенес, трибунал хотел бы дальнейшего исследования о том, кто приказал о конфискации имущества масонов.

Подсудимый, вам известно, кто приказал о конфискации?

Зейсс-Инкварт: Да, известно. Конфискация была приказана Гейдрихом и проводилась полицией. Затем доверительный управляющий из партии начала фактическую ликвидацию и на этом этапе я принял её и передал своим учреждениям.

Дебенес: Какого числа была приказана эта ликвидация?

Зейсс-Инкварт: В первые несколько месяцев. Всё дело прошло очень быстро. Это был вопрос недель.

Председатель: Для этого привели какую-либо причину?

Зейсс-Инкварт: Масонов объявили врагами Рейха согласно распоряжению об изъятии имущества тех, кто был враждебным к Рейху.

Председатель: Приказ Гейдриха был письменным?

Зейсс-Инкварт: Этого я не могу сказать. Он пришёл в полицию безопасности и командир полиции безопасности гарантировал его исполнение. Я полагаю, что это было сообщением телетайпом, хотя вся акция могла быть запланирована заранее.

Председатель: Что же, вы имеете в виду, что вы проводили её вообще не имея никакого письменного приказа об этом?

Зейсс-Инкварт: Я получил доклад от полиции безопасности – может он был письменным, а может даже устным – о том, что конфискация проводилась РСХА, и я принял это дело на этой стадии.

Председатель: Сколько было конфисковано?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, окончательная сумма ликвидации была больше чем 8 или 9 миллионов гульденов.

Председатель: И значит, я думаю, вы сказали, что вы предложили, что его следовало передать партии.

Зейсс-Инкварт: Да, я предложил, чтобы эти 9 миллионов гульденов передали партии.

Председатель: И их передали?

Зейсс-Инкварт: Нет, я не получил никакого решения. Это имущество должно было остаться в Нидерландах в какой-то форме ценных бумаг, наверное в казначейских облигациях.

Председатель: Вы были рейхскомиссаром Нидерландов, не так ли? Что случилось с деньгами?

Зейсс-Инкварт: Деньги разместили на банковском счёте, и вероятно купили голландские казначейские облигации. С ними обращались как с отдельным фондом, и его не использовали.

Председатель: Но всё это было в 1940, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Я оцениваю, что ликвидация продолжалась до 1942 года, и с этого периода деньги оставались на банковском счете.

Председатель: Какого банка?

Зейсс-Инкварт: Господин председатель, этого я не могу вам сказать. Но нет сомнения в том, что голландцы это установили.

Председатель: И когда вы говорили, что оно было конфисковано в первые несколько месяцев, вы имели в виду 1940, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да, сразу после вторжения.

Председатель: Господин Дебенес, продолжайте.

Дебенес: Фонды от этой ликвидации использовались таким же образом как деньги от ликвидации еврейского имущества?

Зейсс-Инкварт: По большей части поступления от ликвидации еврейского имущества переводили в администрацию имущества и пенсий. Фонды не изымались, но из них покрывали определённые расходы. Например, строительство лагеря Вюгт оплатили из этих поступлений. Фонды сформированные из ликвидации еврейского имущества насчитывали вероятно 400 миллионов гульденов или немного больше. Однако, они не изымались.

Дебенес: Как на самом деле использовали фонды? Они использовались для целей германского правительства или для других целей?

Зейсс-Инкварт: Еврейское имущество, прежде всего, конфисковали. Затем, насколько возможно, его ликвидировали, и мы называли это «ариазацией». Поступления от ариазации оседали в администрации имущества и пенсий, но так как в целом…

Дебенес: Извините меня, но ответьте более прямо, не отчитываясь нам как действовала эта ликвидация. Я спросил вас об использовании фондов.

Зейсс-Инкварт: Фонды вообще не использовались. 400 миллионов гульденов должны были быть размещены на депозите администрации имущества и пенсий Нидерландов, частично в голландских казначейских облигациях и частично в ценных бумагах. Только относительно небольшие суммы использовали на конкретные цели. Мне кажется крупнейшей суммой были 14 миллионов гульденов, которые использовались при строительстве лагеря Вюгт.

Я обращал внимание рейхсминистра финансов…

Дебенес: Простите меня. Я задал вам вопрос. Фонды от этой ликвидации использовали в интересах Рейха? Да или нет?

Зейсс-Инкварт: Нет, если вы не назовёте строительство лагеря Вюгт поступлениями для Рейха, но фонды использовали, потому что лагерь Вюгт должен был быть еврейским сборным лагерем.

Дебенес: Значит, вы считаете, что строительство лагеря Вюгт было в интересах голландцев?

Зейсс-Инкварт: Категорически, да. Стоимость лагеря Вюгт, насколько мне сообщали, была покрыта за счёт этого имущества – мне кажется, потратили 14 миллионов гульденов– потому что этот лагерь должен был быть еврейским сборным лагерем. Лишь позднее Гиммлер превратил его в концентрационный лагерь.

Дебенес: Это мнение, и трибуналу решать об этом. Но относительно имущества масонов, что делали с суммами, конкретно как его использовали – для Рейха или тоже для строительства концентрационных лагерей в Нидерландах?

Зейсс-Инкварт: Ни то ни другое.

Председатель: Господин Дебенес, он уже сказал, не так ли – я думаю, он совершенно ясно сказал о депозите в каком-то неизвестном банке, и что было почти

400 миллионов которые поступили от евреев.

Зейсс-Инкварт: Господин председатель, я знаю банк. Имущество евреев размещалось на депозитах «администрации имущества и пенсий»

Дебенес: Что же, я собираюсь предъявить вам документ, который письмо, номер F-864, которое станет RF-1532. Документ ясно говорит о назначении имущества, которое ликвидировали подобным образом. Во-первых, вы отмечаете в начале письма о том, что общий итог от ликвидации насчитывал, как вы говорите до этой даты 6 134 662 гульденов, и вы отмечаете, что эта сумма находилась в фонде Рейха Нидерландов. Насколько я понимаю это германская организация, а не голландская организация. Далее вы отмечаете о том сколько разных сумм нужно было выделять.

Председатель: Думаю вам не требуется затруднять себя подробностями о том где это. Он говорит, в банке.

Дебенес: Именно так, господин председатель, я просто хочу прочитать несколько строк в конце, где он конкретно заявляет о цели распределения различных сумм.

> «Думаю я выполняю ваши намерения если полагаю по поводу ликвидируемого имущества масонов, что его тоже, как мы обсуждали по вопросу еврейского имущества, следует использовать для конкретных целей в Нидерландах, в соответствии с договорённостью к которой мы пришли».

Соответственно, ваше намерение заключалось в том, чтобы использовать суммы точно также как еврейские состояния, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Об этом вообще не говорится.

Дебенес: Мы имеем это в письменном виде. Так всё же лучше.

Зейсс-Инкварт: Цель использования совершенно ясна. Рейхсминистр финансов хотел осуществлять контроль над еврейским капиталом, и я обратил его внимание на тот факт, чтобы его не требовали, предложив ему не требовать эти деньги в Рейх, а подождать и понять каким будет развитие событий.

Дебенес: Здесь вы не предлагаете ему использовать их для той же самой цели?

Зейсс-Инкварт: Я предложил ему использовать это для определенных целей в Нидерландах, то есть, не направлять эти деньги в Рейх, а оставить в Нидерландах, но то как это должны были использоваться оставалось совершенно открытым. Он хотел перевести их в Рейх.

Председатель: Господин Дебенес, думаю, вы можете пропустить это.

Дебенес: Я как раз подумал о том, что мы можем оставить суждение об этом трибуналу.

Давайте вернёмся к вопросу железнодорожных забастовок. Вы не просили генеральных секретарей остановить эти забастовки?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: Вы не вводили эмбарго на средства перевозки и на перевозку продовольствия?

Зейсс-Инкварт: Разумеется.
Дебенес: Это были вы, не так ли?
Зейсс-Инкварт: Да, я сказал это вчера.
Дебенес: Соответственно, вы очень хорошо знали, какой тогда была продовольственная ситуация в Голландии и о тяжких последствиях, которые неизбежно возникнут в результате решения которое вы приняли – очень серьезного решения.
Зейсс-Инкварт: Вообще-то, нет. Факт заключался в том, что из-за реквизиции вооруженными силами перевозки уже были нарушены, и это было лишь вопросом поиска modus vivendi[58] и после обеспечения нужд вооруженных сил, что казалось мне срочным, возобновления перевозок продовольствия в Голландию. Если бы железнодорожная забастовка не произошла, я бы смог убедить вооруженные силы воздержаться от реквизиции и навигация была бы не нарушена.
Дебенес: Но мы не обсуждаем вооруженные силы. Вы очень хорошо знали, что в момент введения этого эмбарго на суда, на флот, это было время, когда они перевозили продовольствие на зиму в Голландию.
Зейсс-Инкварт: Да, в тот момент, когда я объявил эмбарго, на самом деле больше не было судоходства; и немногие корабли перевозившие продовольствие были реквизированы вооруженными силами вместе с продовольствием.
Дебенес: Значит ваше решение было бесполезным?
Зейсс-Инкварт: Нет, потому что, принимая это решение, я уговорил вооруженные силы сделать реквизицию как можно короче, и они обещали мне, что корабли, которые я выделил, не помешают им.
Дебенес: Сколько длилось эмбарго?
Зейсс-Инкварт: Мне кажется, что между 15 и 20 октября я дал указание начальнику моего управления транспорта снять эмбарго. На самом деле, оно продлилось несколько недель дольше, потому что голландская транспортная организация не функционировала.
Дебенес: Приблизительно, до какой даты?
Зейсс-Инкварт: Это могло длиться до середины ноября.
Дебенес: Это не был период, когда движение было наивысшим?
Зейсс-Инкварт: Это совершенно верно. В ноябре и декабре, мы смогли доставить достаточно продовольствия в Голландию только для того, чтобы продержаться самое большее эти 6 недель мороза; и в сентябре у меня было твёрдое убеждение в том, что в ноябре и декабре возможности судоходства будут в моём распоряжении.
Дебенес: И вы на самом деле получили их?
Зейсс-Инкварт: К сожалению, нет. Ввиду неспособности голландских транспортных властей, вкупе с другими условиями войны, эти возможности не

[58] Образ жизни (лат.) - условия, делающие возможными хотя бы временные мирные отношения между противоборствующими сторонами.

находились в моём распоряжении.

Дебенес: Но вы очень хорошо знали, что решение, которое вы приняли было чревато тяжкими последствиями?

Зейсс-Инкварт: В сентябре это решение не было настолько серьезным, поскольку фактически вооруженные силы, в виду железнодорожной забастовки, находились в острой нужде в этом транспорте и этих возможностях; и так как на мне лежала охрана интересов Рейха, не может быть более тяжкого обвинения в отношении меня чем немецкий народ говорящий, что я не сделал всё возможное, чтобы помочь победить в борьбе.

Дебенес: Трибунал учтёт ваш ответ.

Председатель: Господин Дебенес, вы вчера рассматривали предмет, не так ли?

Дебенес: Не думаю, что рассматривал, господин председатель.

Председатель: Что же, эмбарго на судоходство точно проходили вчера.

Дебенес: Господин председатель, думаю, вчера я говорил только о реквизициях, которые проводились, и задал только один или два вопроса экономического характера. Не думаю, что я затрагивал этот предмет. Если я это сделал, я извиняюсь перед трибуналом. В любом случае, я закончил с этим.

[*Обращаясь к подсудимому*] Каким было положение Банка Нидерландов к вашему прибытию в 1940?

Зейсс-Инкварт: Банк Нидерландов как банк-эмитент, мне кажется, был создан первоначально на основе частного банка. Президентом был господин Трип. Государство, наверное, имело некоторое влияние, поскольку он служил в качестве банка-эмитента.

Дебенес: Дайте нам более короткое объяснение.

Зейсс-Инкварт: Тогда это не будет заявлением обо всей правде.

Дебенес: Золотые резервы обеспечивали напечатанные банкноты?

Зейсс-Инкварт: Полагаю так на основании золотого обеспечения или золотовалютных резервов. Фактически золотое покрытие было выше чем количество сумма банкнот. Банк Нидерландов имел больше золота и больше золотовалютных резервов, чем было напечатано банкнот.

Дебенес: И каким было положение ко времени германской капитуляции?

Зейсс-Инкварт: В обращении находилось несколько миллиардов гульденов денежной массы и вероятно ещё 23 миллиона золотых гульденов.

Дебенес: Но, прежде всего, рейхсмарок?

Зейсс-Инкварт: Нет, я сказал 23 миллиона гульденов золотом. Остальное обеспечение могло быть в векселях из Рейха.

Дебенес: Это не вы приказали об отмене «валютного барьера»? Ответите?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: Вы абсолютно соглашались с необходимостью отмены этих барьеров?

Зейсс-Инкварт: Предложение возникло в моём ведомстве. Я занялся этим.

Господин Трип протестовал. Я направил это в Берлин. В Берлине рейхсмаршал решил это в свою пользу. Рейхсминистр Функ был против этого; я осуществлял это предложение, которое я внёс и которое одобрил рейхсмаршал.

Дебенес: Но вы лично соглашались с этим?

Председатель: Что конкретно вы имеете в виду под валютным барьером с который мы рассматриваем? Мы просто хотим понимать, о чём вы говорите.

Дебенес: Я имею в виду свободное обращение немецкой валюты в Голландии.

[*Обращаясь к подсудимому*] Голландия тоже должна была выплачивать крупные суммы в форме так называемых добровольных пожертвований, помимо прочего, на войну с большевизмом?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, я объяснил вопрос совершенно ясно. Рейх требовал в определенный промежуток времени, в качестве прямых оккупационных расходов, 50 миллионов марок на оборону Голландии. В Голландии мы называли это «добровольным пожертвованием» по очевидным политическим причинам. В реальности это было требованием Рейха которое мы должны были так или иначе выплачивать, и я не буду обвинять ни одного голландца в том, что он уплатил этот взнос добровольно.

Дебенес: Вы согласились на эти меры, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: Какими были экономические и финансовые последствия всех этих мер?

Зейсс-Инкварт: Финансовыми последствиями было сильно возросшее обращение банкнот, чрезвычайно крупные банковские счета, которые оставались одинаковыми в Рейхе и во всех оккупированных странах. Мы применяли одну систему в Голландии, другую во Франции, и в виду краха Рейха, финансовые последствия были одинаковыми. Если бы Германия не проиграла войну, Голландия могла бы требовать более чем 4500 миллиарда гульденов с суверенной Германии.

Дебенес: Хорошо. Тогда посмотрите на документ PS-997, который вы вчера держали в руках. Я прочитаю вам то, что вы думали об этих мерах. Это страница 14 французского текста и страница 12 немецкого текста. Это большой доклад Зейсс-Инкварта, RF-122, PS-997.

> Здесь вы пишите – и я читаю с шестой строки:
>
> «Такой порядок выходит далеко за рамки всех подобных порядков которые вводили до сих пор в национальных экономиках соседних стран, включая Протекторат[59]».
>
> Страница 12 немецкого текста, 14 французского:
>
> «Фактически это представляет собой первый шаг к валютному союзу. Учитывая значение соглашения, которое почти полностью

[59] Протекторат Богемии и Моравии — зависимое государственное образование, учреждённое властями Третьего рейха в преддверии 2-й мировой войны на оккупированных территориях Богемии, Моравии и Силезии (Чешская Силезия), населённых этническими чехами.

воздействует на независимость голландского государства…»

И затем вы добавляете:

«…решающее значение в том, что президент банка Трип, который хорошо известен в западных банковских и финансовых кругах, подписал это соглашение добровольно в вышеуказанном смысле».

Зейсс-Инкварт: Это правда, но сегодня я должен признать, что мнение которого я тогда придерживался, было ошибочным. Иначе я бы также слишком сильно инкриминирую президента банка, господина Трипа. То, что здесь написано, это ещё не ситуация, которая существовала позднее, когда валютный барьер был отменен. Это было только соглашение между двумя банками-эмитентами, касательно неограниченного приёма банкнот. Я бы также хотел сослаться на заявления, которые я сделал о качествах господина Трипа. Тот факт, что он дал своё одобрение, в моих глазах, создаёт допустимость согласно международного права.

Дебенес: Вы не заявляли, что это повлияло на независимость оккупированной страны?

Зейсс-Инкварт: Это был преувеличенный оптимизм в моём представлении фактов.

Дебенес: Очень хорошо, трибуналу судить об этом. С другой стороны, вы рассматривали подавление таможенных барьеров?

Зейсс-Инкварт: Я не понял ваш вопрос.

Дебенес: Вы не ждёте пока пройдет перевод. Как вы можете понять? Я сказал: вы не рассматривали подавление таможенных барьеров?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: В Нидерландах не было определенных служб, которые были ответственными за разграбление предметов искусства?

Зейсс-Инкварт: Я не могу назвать это разграблением, но в любом случае управлением и заботой о них, и тому подобным.

Дебенес: Это ваше мнение. В любом случае было несколько служб?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: В частности вы хорошо знакомы со службой доктора Мюльмана[60]?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: Кто вызвал его в Нидерланды?

Зейсс-Инкварт: Я направил Мюльмана в Нидерланды раньше меня, чтобы он мог создать условия для моих ведомств.

Дебенес: Только для того, чтобы создать ваши ведомства?

Зейсс-Инкварт: В то время только, чтобы организовать ведомства.

Дебенес: А позднее?

Зейсс-Инкварт: Мюльман затем уехал и некоторое время спустя, он вернулся в качестве агента четырёхлетнего плана для охраны предметов искусства. Это было

[60] Кайтан Мюльман (1898 – 1958) – австрийский историк искусства и сотрудник СС. Выполнял поручения Г. Геринга по приобритению предметов искусства в Европе.

похоже на то, что происходило в Польше.

Дебенес: Что вы понимаете под «охраной»?

Зейсс-Инкварт: На самом деле – я не хочу много говорить об этом – но в действительности он должен был определять были ли какие-нибудь предметы искусства в конфискованных состояниях и затем он имел задачу докладывать об этих работах в различные ведомства Рейха.

Дебенес: Только докладывать им?

Зейсс-Инкварт: Да, потому что о покупке заботились самые разнообразные ведомства. Я полагаю – то есть, я знаю – что он также частным образом занимался предметами искусства, в качестве посредника.

Дебенес: Вы также приобретали некоторые картины для себя при помощи его услуг?

Зейсс-Инкварт: Да. Не для себя, но для целей описанных вчера.

Дебенес: Да. Вы также вчера заявляли, что вы должны были помещать на хранение большое количество предметов искусства, в частности картины. С какой целью вы это делали?

Зейсс-Инкварт: Многие предметы искусства я охранял лишь в смысле того, что когда вышло распоряжение о конфискации вражеского и еврейского имущества, их охраняли и ликвидировали. Я купил, вероятно, три или четыре картины, которые как я упоминал, должны были подарить музею истории искусства в Вене.

Дебенес: Нет, нет, я спросил вас с какой целью вы помещали эти предметы искусства в безопасность.

Зейсс-Инкварт: Конфискация еврейского и вражеского имущества имела, своей основной целью, временное присвоение, но со временем стало ясно, что эти предметы искусства покупались Рейхом. Эти три или четыре картины я купил с непосредственной целью передать их определенным учреждениям Рейха, например музею истории искусства Вены.

Дебенес: Но было не только еврейское имущество.

Зейсс-Инкварт: Я сказал также вражеское имущество, но это не было вражеским имуществом в целом, но только в случаях, когда особенно враждебное отношение к Рейху подтверждалось. Такое имущество тоже конфисковали.

Дебенес: Очень хорошо. Вот, что вы написали в документе, который уже предъявлен трибуналу. Это документ предъявленный под номером RF-1344. Вам известен этот документ. Это письмо, которое пришло от вас и адресовано доктору Ламмерсу. Это письмо касается приобретения картин, что делали для фюрера. В абзаце 3 документа, во французском тексте, вы пишите следующее:

> «Из списка, который мне представили я делаю вывод, что таким образом сохранили сравнительно большое количество ценных картин которые фюрер смог приобрести по ценам которые согласно анализу проведенному в стране следует описать как чрезвычайно низкие».

Затем вы добавляете, что благодаря Мюльману снова найден автопортрет Рембрандта[61].

Соответственно, помещение под охрану предметов искусства явно было средством позволявшим властям Рейха забирать их в Германию, это правда?

Зейсс-Инкварт: В этом нет сомнения. Относительно картины Рембрандта, я бы только хотел сказать, что она пришла в Голландию нелегально и поэтому была конфискована.

Дебенес: И её забрали в Германию законными средствами?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, что в случае с картиной Рембрандта такого вопроса вообще не было, потому что в данном был нарушен немецкий порядок.

Дебенес: В дополнение к полотнам, вы также приобрели для себя большое количество предметов искусства и бриллиантов, огранку, и тому подобное?

Зейсс-Инкварт: Я ничего не знаю об этом.

Дебенес: Вам ничего неизвестно об этом, но вам известно, что у вас есть дом в Вене на Унтергассе, номер 3?

Зейсс-Инкварт: Нет, это Иглауерштрассе 15. Однако, это может быть правдой, да.

Дебенес: Вы не передали на хранение определенное количество предметов искусства, которые пришли из Нидерландов?

Зейсс-Инкварт: Я ничего об этом не знаю.

Дебенес: Что же, я перейду к чему-то ещё.

Кто приказал о конфискации имущества королевского дома?

Зейсс-Инкварт: Лично я.

Дебенес: Следовательно, вы проявили инициативу в данном вопросе?

Зейсс-Инкварт: Что же, не только я был инициатором, но я решил сделать это и осуществлил это решение.

Дебенес: Значит, вы его только осуществляли?

Зейсс-Инкварт: Да, я также это осуществлял.

Дебенес: Я не спрашивал осуществляли ли вы это. Я спросил достаточно ясно исполняли ли вы этот приказ?

Зейсс-Инкварт: Нет, я вчера очень чётко заявил о причинах, по которым я решил конфисковать королевское имущество. Я также проводил конфискацию.

Дебенес: Вы утверждали, что это являлось результатом речи королевы. Разве не так вы вчера говорили?

Зейсс-Инкварт: Да.

Дебенес: Я покажу вам документ F-828, который я предъявляю под номером RF-1533. Этот документ письмо от рейхсляйтера Мартина Бормана рейхсминистру доктору Ламмерсу от 3 июля 1941. В начале письма Борман обсуждает речь королевы Голландии; и последнем абзаце который самый важный для меня, он

[61] Рембрандт Харменс ван Рейн (1606—1669) — голландский художник, рисовальщик и гравёр, великий мастер светотени, крупнейший представитель золотого века голландской живописи.

пишет:

> «Поэтому фюрер дал разрешение на конфискацию имущества нидерландского королевского дома, о которой ранее ходатайствовал рейхскомиссар».
>
> Вы всё ещё утверждаете, что это было из-за речи королевы?

Зейсс-Инкварт: Я прошу прощения. Была неполадка в звуковом аппарате.

Дебенес: Да, была, но в любом случае у вас есть документ на руках.

Зейсс-Инкварт: Да. Я знаю, в чём здесь вопрос.

Дебенес: Конечно, знаете.

Зейсс-Инкварт: Это полностью исчезло из моей памяти, то, что я мог просить разрешения раньше. Я действительно не помню. Вероятно, я обсуждал вопрос о том, нужно ли было конфисковать это имущество или нет, но единственная вещь, которую я помню, моё предложение во время, когда была произнесена речь. В конце концов, это была не первая речь произнесенная королевой Нидерландов. Она также выступала и раньше.

Дебенес: Это объяснение и трибунал его отметит.

Теперь в отношении ограбления Нидерландов и попытки нацифицировать и германизировать эту страну – эти акции не проводились гражданским правительством главой которого вы являлись?

Зейсс-Инкварт: И да и нет. Для меня совершенно очевидно, что с экономической точки зрения голландский народ считал наше поведение грабежом. Глядя с юридической точки зрения, не думаю, что это было так. Я никоим образом не германизировал Нидерланды.

Дебенес: Возьмите документ PS-997, страница 26 французского текста и страница 22 немецкого текста? Я сошлюсь на раздел вашего доклада озаглавленный «Замечания». У вас это есть? Я прочитаю замечания, которые вы сделали о вашей деятельности. Это было 18 июля 1940:

> «2) Нынешняя администрация достаточно подчиняется руководству и контролю германских властей и в будущем это усилится.
>
> 3) Национальная экономика и сообщения снова пришли в движение и адаптированы к состоянию войны. В действии планы крупномасштабной перестройки к континентальной экономики и практически всё созрело для перемен. Запасы в стране переданы в распоряжение военной экономики Рейха. Почти все финансовые ресурсы» - то есть в 1940 – «стали доступны и переданы под контроль Рейха, всё это на основе тесного сотрудничества с нидерландцами».
>
> Разве это не именно то, что вы написали? Разве это не именно то, о чём вы думали?

Зейсс-Инкварт: Да, и мне кажется, что любая оккупационная держава полностью понимает пункт 2, и пункт 3 был конструктивной концепцией новой Европы.

Дебенес: Это мнение, о котором судить трибуналу.

Я бы хотел кратко вернуться к еврейскому вопросу. Вы заявили вчера, что вы протестовали против депортации 1000 евреев в Маутхаузен или Бухенвальд и что больше не было депортаций в эти лагеря. Но почему вы не протестовали против транспортов в Аушвиц? Вы думали, что этот лагерь сильно отличался от этих двух?

Зейсс-Инкварт: Естественно, потому что Маутхаузен и Бухенвальд были концентрационными лагерями, в то время как мне сообщили о том, что Аушвиц был сборным лагерем в котором евреи должны были оставаться до тех пор пока не закончится война или не будет принято какое-то другое решение.

Дебенес: До прибытия в Нидерланды вы являлись адъютантом генерал-губернатора Польши?

Зейсс-Инкварт: Не адъютантом, а заместителем.

Дебенес: Ещё лучше. Соответственно вы слышали об этом лагере, не так ли?

Зейсс-Инкварт: В то время Аушвица ещё не существовало.

Дебенес: Но вы не знали о том, что прах этой 1000 евреев, которых отправили в Бухенвальд или Маутхаузен отправляли их семьям за 75 гульденов? Это случилось в 1941. Это не помешало вам позднее предпринимать другие меры против евреев, меры которые приводили к их депортации?

Зейсс-Инкварт: Обдумывая эту меру, которая, прежде всего называлась эвакуацией, это нечто совершенно другое нежели депортация или вывоз в концентрационный лагерь.

Дебенес: Но в конце концов вы узнали о судьбе этих евреев, которых увозили в лагерь подобным образом?

Зейсс-Инкварт: Большинство людей, большая часть, не знали об их судьбе то, что известно сегодня; и я вчера свидетельствовал о своих сомнениях.

Дебенес: Это мнение. Вы вчера говорили о репрессалиях предпринятых против газеты в Гааге…

Председатель: [*Прерывая*] Это что-то о чём вы перекрёстно допрашивали вчера?

Дебенес: Это вопросы, которые передали мне этим утром в результате заявлений сделанных вчера подсудимым. В противном случае я закончил.

Председатель: Трибунал думает, что вам не следует снова проходить этот вопрос.

Дебенес: Тогда я закончил, поскольку все вопросы касаются либо заложников или –

Есть ещё один вопрос, о котором я бы хотел спросить, если трибунал позволит; это вопрос наводнения. Все остальные вопросы которые я имел на уме касаются заложников, и если трибунал желает я не буду их задавать. Однако мне позволят задать вопрос касательно наводнения?

Председатель: Трибунал думает, что вы прошли наводнение вчера. Я не знаю.

Дебенес: Господин председатель, тогда я закончил.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал будет отложен этим вечером в 4:45 для того, чтобы заседать в закрытом режиме.

Додд: Господин председатель, я заметил, что защитник подсудимого Кальтенбруннера этим утром здесь. Я понял, что должен быть какой-то перекрёстный допрос подсудимого защитником Кальтенбруннера, и я думаю мы сэкономим время если он будет перед нами и завершит свой перекрёстный допрос.

Председатель: Да.

Кауффман: Господин председатель, я прошу прощения за то, что вызвал недовольство трибунала своим вчерашним отсутствием. Но у меня была очень веская причина, так как иногда обстоятельства сильнее человека. Если я могу это сказать, я серьезно болен последние несколько лет и чувствую себя нездоровым, хотя я твёрдо намеревался присутствовать на вчерашнем заседании и полностью подготовился. Я прошу прощения.

Председатель: Разумеется доктор Кауффман, трибунал принимает ваше объяснение.

Кауффман: Большое спасибо.

Свидетель, с какого времени вы знаете подсудимого Кальтенбруннера?

Зейсс-Инкварт: Это было либо 1935 или начало 1936, когда я встретил доктора Кальтенбруннера в связи с благотворительной работой «Лангот[62]» для национал-социалистических семей, которые нуждались. Это была форма поддержки, допускаемая полицией.

Кауффман: Какую роль играл Кальтенбруннер в Австрии, до аншлюса в марте 1938? Он принадлежал к радикальным элементам или был умеренным?

Зейсс-Инкварт: Тогда мне говорили, что Кальтенбруннер был близко связан с СС, но он не был лидером нелегальных СС. Это был инженер из Штирии.

Кауффман: Этого инженера звали Леопольд[63]?

Зейсс-Инкварт: Нет. Я говорил несколько раз с Цернатто[64] о Кальтенбруннере. Мы называли его «полицейским 11-го июля» в партии; то есть, это было из-за его влияния на разубеждение радикальных элементов от эксцессов, таких как в июле 1934[65].

Кауффман: И затем Кальтенбруннер стал заместителем государственного секретаря в Австрии?

---

[62] Франц Лангот (1877 – 1953) – австрийский националистический политик. После 1938 был главой Национал-социалистической организации социального обеспечения в Австрии.

[63] Йозеф Леопольд (1889 – 1941) – нацистский политик. Ландесляйтер (глава) НСДАП в Австрии в 1935-1938 гг. Убит на Восточном фронте.

[64] Гвидо Цернатто (1903 – 1943) – австрийский писатель и политик. Генеральный секретарь Отечественного фронта в 1934-1938.

[65] 25 июля 1934 года около полутора сотен членов СС штандарта 89, для маскировки одетые в австрийскую военную форму, ворвались в федеральную канцелярию. При попытке к бегству Дольфус был ранен выстрелом в горло.

Зейсс-Инкварт: Да.

Кауффман: Предложение о его назначении в качестве заместителя государственного секретаря было сделано австрийскими кругами или шло от Гиммлера и Гитлера или подсудимого Геринга.

Зейсс-Инкварт: Насколько мне известно, это было сделано только австрийцами. Лично я не получал и не принимал никаких предложений из Рейха относительно моего министерства. Партия в Австрии обратила моё внимание на Кальтенбруннера, потому что она тоже хотела иметь человека в полицейской организации.

Кауффман: В чём заключались действительные задачи заместителя государственного секретаря?

Зейсс-Инкварт: Думаю, что как заместитель государственного секретаря он вообще ничего не делал. После отставки Скубля[66], президент выдвинул его на государственного секретаря. В этом качестве он имел административные и экономические функции. Он не мог вмешиваться в реальное правоприменение. Например, если я желал освобождения человека из заключения, тогда Кальтенбруннер должен был связываться с командиром полиции безопасности; и если он говорил «нет», тогда мы должны были идти к Гейдриху.

Кауффман: Итак, установлено то, что в 1943 Кальтенбруннер был назначен главой главного управления безопасности Рейха. Он свидетельствовал здесь, что он непрерывно пытался не принимать этот пост. Вы можете что-нибудь сказать об этом?

Зейсс-Инкварт: Я знаю лишь то, что я находился в штаб-квартирах в конце ноября или начале декабря 1942. По этому случаю я также посещал полевую ставку Гиммлера; и один из адъютантов, думаю это был Вольф[67], сказал мне, что рейхсфюрер хотел иметь Кальтенбруннера в главном управлении безопасности Рейха, и что Кальтенбруннер не хотел этого. Теперь ему приказали явиться в полевую ставку и оставаться там 4 недели, где бы с ним обращались так, что он бы принял пост.

Кауффман: У вас есть какие-нибудь доказательства того, что подлинная причина назначения Кальтенбруннера в качестве начальника главного управления безопасности Рейха заключалась в том, чтобы он должен был организовать и руководить политической и военной разведывательной службой?

Зейсс-Инкварт: Я точно знаю о вещах подтверждающих то, что он не мог контролировать вопросы полиции безопасности в такой же степени как Гейдрих, и у меня были точные факты относительно его разведывательной работы. Во время Гейдриха командир моей полиции безопасности, когда он желал решения из Берлина, говорил только о Гейдрихе. Когда Кальтенбруннер пришел на должность, я

---

[66] Михаэль Скубль (1877 – 1964) – австрийский политик и деятель полиции. С 20 марта 1937 по 12 марта 1938 государственный секретарь по безопасности Австрии.

[67] Карл Вольф (1900 — 1984) — один из высших офицеров СС, обергруппенфюрер СС и генерал войск СС. С 1935 главный адъютант Г.Гиммлера.

не помню упоминания Кальтенбруннера, но он говорил о главном управлении безопасности Рейха и иногда упоминал Мюллера[68]. Лично я, насколько могу вспомнить, обсуждал вопросы полиции безопасности с Кальтенбруннером по двум поводам. Один был о дальнейшей судьбе доктора Шушнига[69] и доктор Кальтенбруннер уже говорил вам об этом. Второй раз был, когда моего родственника забрали в концентрационный лагерь. Я пошёл к Кальтенбруннеру, потому что он был единственным человеком, которого я знал в РСХА и я полагал, что он имел там право слова. Я ничего не знал о разграничении между различными функциями. По этому поводу Кальтенбруннер позвонил Мюллеру в манере в которой вышестоящий начальник никогда не говорит с подчиненным. У меня есть положительное подтверждение его деятельности, потому что с 1944 я тесно работал с Кальтенбруннером в этом отношении. Я передавал в его распоряжение валюту для его разведывательной службы, то есть, я получал её от заинтересованных ведомств; всё делалось в сотрудничестве с соответствующим ведомством в Рейхе.

Кауффман: Только, что вы упомянули Мюллера. Вы имеете в виду начальника Гестапо Мюллера?

Зейсс-Инкварт: Да.

Кауффман: У вас сложилось впечатление, что этот человек держал поводья, что касалось вопросов полиции безопасности?

Зейсс-Инкварт: Я могу лишь сказать, что я знаю, что в ходе этого телефонного разговора, Кальтенбруннер сказал Мюллеру: «Что вы решите с этим делом?»

Кауффман: Тогда вы получали военные и политические доклады напрямую от Кальтенбруннера? Это правда?

Зейсс-Инкварт: Да, довольно часто. Мне кажется, это были совершенно секретные доклады, которые готовили только в четырёх копиях, как мне кажется.

Кауффман: Такое имело место до выдвижения Кальтенбруннера?

Зейсс-Инкварт: Нет. Лишь Кальтенбруннер, если я правильно помню, ввёл эти доклады в конце 1943 или 1944.

Кауффман: В чём заключалась разница между этими докладами и докладами ранее готовившимися Канарисом[70]?

Зейсс-Инкварт: Я ничего не знаю о докладах Канариса или очень немного. Я знаю их от бывшего главного управления безопасности Рейха.

Кауффман: Это правда, что доклады подготовленные Кальтенбруннером отмечались своей особой остротой и открытой критикой всех публичных мероприятий?

---

[68] Генрих Мюллер (1900 — предположительно между 1 и 2 мая 1945) — начальник секретной государственной полиции (IV управление РСХА) Германии (1939—1945), группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1941). Предположительно был убит во время попытки выйти из Берлина.

[69] Курт фон Шушниг (1897 — 1977) — австрийский государственный и политический деятель. Федеральный канцлер Австрии (1934—1938); также в 1932-1938 годах занимал ряд министерских постов в австрийском правительстве.

[70] Вильгельм Канарис (1887 — 1945) — немецкий военный деятель, адмирал, начальник службы военной разведки и контрразведки в нацистской Германии (1935—1944). Участник заговора против Гитлера. Казнён 9 апреля 1945 года.

Зейсс-Инкварт: Да, это тоже. Доклады Кальтенбруннера являлись, прежде всего, действительно объективными; а не были докладами служащими определенным целям.

Кауффман: Насколько большими были эти доклады?

Зейсс-Инкварт: Думаю, что эти доклады в целом достигали 40-60 страниц, иногда больше; и насколько мне известно, они, наверное, выпускались каждые три или четыре недели, но должно быть были и специальные доклады.

Кауффман: Вам известно, адресовались ли эти специальные доклады военным ведомствам или они – те, что вы упоминали – суммировали ситуацию с военной точки зрения.

Зейсс-Инкварт: Доклады, о которых я говорю, являлись преимущественно политическими и адресовались напрямую фюреру. В связи с этими докладами, помню, что они содержали жёсткую критику отношения Рейха к полякам и к католической церкви, что они готовились на бланках с заголовком главного управления безопасности Рейха, что мне тогда казалось невозможным положением дел.

Кауффман: Вы только что назвали две критики. Вероятно, вы можете сказать мне, о том, в чём заключалась суть этой критики о двух фазах общественной жизни, которые вы только, что назвали?

Зейсс-Инкварт: Относительно поляков, они требовали достаточно кратко того, чтобы полякам снова была предоставлена автономия и независимое государственное существование или хотя бы это нужно было пообещать, и говоря о католической церкви требовалось, чтобы все административные и другие меры следовало отменить и чтобы католическая и протестантская церкви никоим образом не притеснялись.

Кауффман: Большое спасибо. У меня больше нет вопросов.

Додд: Вчера вы сказали трибуналу, что вы стали членом партии в 1938, и что ваш членский партийный номер был вроде каким-то миллионным?

Зейсс-Инкварт: Семимиллионным. Членство вступило в силу 13 марта 1938. Вот тогда я формально стал членом партии.

Додд: Что же, вы говорите «формально», значит вы пытаетесь разграничить, как я это понимаю, и отметить, что вы были фактически, хотя может и неформально, некоторое время членом партии. Вы оплачивали взносы и поддерживали партию, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Первые два пункта неправильные. Я оплачивал подписки только с осени 1937 – прошу прощения, с осени 1932 до 1933; до этого я внутренне чувствовал себя национал-социалистом и членом партии, однако, не делая никакого формального заявления о верности.

Додд: Вы были членом организации защиты Штирии[71]?

[71] Одна из крупнейших военизированных организаций Австрии в 1932-1933.

Зейсс-Инкварт: Да, организации защиты Штирии с осени 1932.
Додд: И эта организация была принята практически целиком национал-социалистами в то время, когда вы были её членом, не так ли?
Зейсс-Инкварт: Это было намерением, но это не осуществилось. Было соглашение о том, что организация защиты Штирии должна быть принята в партию, но Мюнхен не провёл это. Отдельные члены организации защиты Штирии должны были вступать в партию индивидуально.
Додд: Вам известно имя доктора Андреаса Морзе, М–о–р–з–е?
Зейсс-Инкварт: Вы имеете в виду Андреаса М–о–з–е–р–а?
Додд: Что же, вам не известно, что он тоже был членом организации защиты Штирии?
Зейсс-Инкварт: Нет.
Додд: Вы помните беседу с ним 7 марта 1938, всего за несколько дней до аншлюса?
Зейсс-Инкварт: Я этого не вспоминаю.
Додд: Что же, давайте посмотрим, смогу ли я вам помочь. Вы помните, что говорили ему, что вступили в организацию защиты Штирии в 1932, и что вскоре эту организацию запретили?

[*Переводчик перевёл: «…сказали ему, что вы были начальником организации защиты Штирии…»*]

Зейсс-Инкварт: Об этом не может быть и речи. Начальником организации защиты Штирии был Константин Каммерхофер[72]. Вся Австрии это знала.
Додд: Значит вы не помните, какую-нибудь беседу в которой вы говорили, то о чём говорю я? Ваше заявление о том, что вы никогда не говорили это или, что вы не помните беседу? Вот, что я пытаюсь понять.
Зейсс-Инкварт: Я не помню беседу, но заявляю, что не может быть речи о том, что я мог сказать, что я был начальником организации защиты Штирии, потому что вся Австрия знала, что им был Константин Каммерхофер. Самое большее я мог сказать ему, что я дружил с Каммерхофером, что и было на самом деле.
Додд: Что же, тогда я хочу показать вам, его заявление или даже его показания, по делу «Народ против доктора Гвидо Шмидта[73]. Это документ номер 3992. Это показания данные верховному уголовному суду в Вене 19 марта 1946, судье Шухеру.

Мы приобщаем это как USA-882.

Я прошу вас посмотреть на вторую страницу и вы найдёте фразу которая начинается:

---

[72] Константин Каммерхофер (1899 – 1958) – Австрийский политик. Группенфюрер СС. Уполномоченный рейхсфюрера СС в Хорватии.
[73] Гвидо Шмидт (1901 — 1957) — австрийский дипломат и политик, министр иностранных дел Австрии с 1936 по 1938 год.

> «7 марта 1938 Зейсс-Инкварт лично сообщил мне о том, что он вступил в эту организацию в 1932, то есть, до того как это стало невозможно; незадолго до запрета организации защиты Штирии».

Затем он продолжает и делает ссылку на человека Каммерхофера, на которого вы сейчас ссылались, и ниже, в следующей фразе он говорит:

> «Он (Зейсс-Инкварт) вступил в эту организацию и признавался руководителем, инженером Пихлером (Францем) в Вайцзе, и он никогда не покидал организацию».

Следовательно, ваше заявление о том, что вы не были членом НСДАП можно рассматривать формально правильным; но заявление о том, вы не работали нелегально, как он говорит, неправда.

Зейсс-Инкварт: Доктор Мозер, не мог знать о том работал ли я нелегально. Он основывает своё заявление на предположении о том, что организация защиты действительно была поглощена НСДАП и это неправильно. Свидетель Юбиррейтер[74] может подтвердить это. Я так же придерживаюсь своих показаний.

Додд: Вам известен человек по имени Райнер[75]?

Зейсс-Инкварт: Очень хорошо, разумеется. Доктор Фридрих Райнер.

Додд: Да. Вы просили его, и он прибыл сюда в качестве свидетеля от вашего имени, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Но, что вы скажете, если он говорит, что вы стали членом НСДАП, когда организация защиты Штирии перешла.

Зейсс-Инкварт: На это я желаю сказать…

Додд: Кстати, прежде чем отвечать, позвольте мне рассказать вам нечто, что вам поможет. Этот документ уже является доказательством, поэтому я полагаю, вы могли его видеть. Это номер PS-812.

Зейсс-Инкварт: Да. Это письмо, доклад доктора Райнера.

Додд: Я полагаю таким образом вам известно, что он говорил. Вы видели документ, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Вы согласны с тем, что он говорит в этом документе о том, что вы были членом, в результате вашего членства в организации защиты Штирии, и что вы вступили в партию, так сказать, когда была принята эта организация?

Зейсс-Инкварт: Да. Я бы хотел сказать, что до 1938 это также было моим мнением, и я никогда не сомневался, в том был я или нет. Но в 1938 партия чётко заявила о том, что она не признала это слияние и, что члены организации защиты Штирии не

---

[74] Зигфрид Юбиррейтер (1908 – 1984) – австрийский нацистский политик. Гауляйтер Штирии в 1938 – 1945. С 1941 года начальник гражданской администрации Нижней Штирии (оккупированной части Югославии). В 1947 скрылся в Аргентине.

[75] Фридрих Райнер (1903 — 1947) — партийный деятель НСДАП, обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Гауляйтер Зальцбурга в 1938-1941. Казнён по приговору югославского суда.

являлись членами партии, но что каждый из них должен был вступать в партию индивидуально, чтобы быть членом партии. Райнер это точно подтвердит.

Додд: Что же, скажите мне, были вы или нет формально членом, но всё это время признавали лидерство Клаузнера[76], который был членом национал-социалистической партии Австрии; и вы не следовали его пожеланиям и не подчинялись его указаниям?

Зейсс-Инкварт: Руководства в Австрии или в Германии?

Додд: В Австрии. Я говорю о Клаузнере, который был в Австрии.

Зейсс-Инкварт: Да. Мне было ясно и я признавал тот факт, что Клаузнер был лидером австрийских национал-социалистов. Я не признавал Клаузнера своим политическим лидером, факт, который ясен из этого же доклада, который вы, господин обвинитель, только что упоминали. Там Райнер говорит: «Зейсс-Инкварт признавал Клаузнера в политических вопросах, которые на самом деле не обязывали».

Додд: Что же, он говорит, прямо противоположное, если вы посмотрите на это.

Зейсс-Инкварт: О, нет.

Додд: Что же, теперь, подождите минуту и посмотрите на страницу 9, думаю, немецкого текста, строка 7 снизу; в английском тексте это страница 7:

> «Отношения между Зейсс-Инквартом и Клаузнером были следующими: Зейсс безоговорочно признавал партийное руководство в отношении всей программы и соответственно также руководство Клаузнера. Как член партии, он таким образом подчинялся буквально и конкретно руководству Клаузнера».
>
> Вы нашли это?

Зейсс-Инкварт: У меня есть только черновик, но он продолжает:

> «Сверх того, он объявил себя, на основе соглашения в Берхтесгадене и в частности на основе заявлений сделанных ему фюрером по поводу визита его штаба в Берлин, доверенным лицом нелегальной НСДАП в Австрии напрямую подчинявшегося фюреру в рамках его политических и государственных функций».

Затем должен быть ещё один отрывок, где я говорю, что относительно политических вопросов я не подчиняюсь Клаузнеру.

Додд: Что же, всё равно, чтобы двигаться вперёд, это факт, не так ли, что с самого начала этого периода вы признавали свою безоговорочную преданность Гитлеру, и также задолго до аншлюса? Вы признавали свою политическую преданность, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Можно почти так сказать. Что касалось «безоговорочной преданности», мне это было тогда не ясно, потому что по моему мнению Гитлер,

---

[76] Хуберт Клаузнер (1892 – 1939) – австрийский офицер и нацистский политик. Министр по формированию политической воли в кабинете Зейсс-Инкварта в 1938-1939.

тоже хотел революционного курса.

Додд: Что же, хорошо. Вы не имели кое-какого отношения к делу Дольфуса[77] иначе чем вы рассказали трибуналу? Вам конечно, известно, что Райнер говорит, что вы имели, в том же самом документе PS-812.

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: И я думаю важно то, чтобы вы дали на это какой-то ответ. Вы не сделали это в своих прямых показаниях и документ в доказательствах, и в нём сказано, что вы поддерживали…

Зейсс-Инкварт: Господин обвинитель, причина, почему я не сделал это заключается в том, что Райнер появится здесь в качестве свидетеля. Райнер расскажет нам под присягой о фактах, на которых он основывает свои заявления. Я могу сказать только «нет».

Додд: Что же, знаю. Я это понимаю, и это ещё одна причина спросить вас сейчас. Видите ли, вас не будет на месте свидетеля, когда он будет на нём; и я бы хотел знать, что вы скажете сейчас о том, что сказал Райнер в своём документе, который в доказательствах, в отношении того, что вы участвовали в заговоре Дольфуса 25 июля 1934.

Зейсс-Инкварт: Нет, это совершенно неправильно.

Додд: Хорошо. В связи с этим есть один другой вопрос, который мы должны выяснить, если сможем. Вы не имели в виду отчет трибуналу, не так ли, о том, что церемонии – если можно использовать это выражение – поминовения убийства Дольфуса не имели никакого отношения к Дольфусу тогда, когда они проводились?

Зейсс-Инкварт: Я разумеется не желаю создать такое впечатление, потому что эта церемония была о семи национал-социалистах, которых тогда повесили. По этому поводу, насколько я помню, не было никакой мысли о смерти Дольфуса; но только факт, что несколько людей из штандарта, думаю номер 107 или 108, предприняли попытку избавиться от системы, которая по мнению национал-социалистов была враждебной Рейху и в результате семеро были повешены. Тот факт, что Дольфуса застрелили по тому же самому поводу не упоминался во время церемонии.

Додд: Что же, я не говорю, что так было, но церемония разумеется посвящалась нападению на Дольфуса; и я думаю это софизм[78], не так ли, говорить о том, что это к нему не относилось?

Зейсс-Инкварт: Нет, если бы Дольфуса не застрелили, тогда церемония проводилась бы точно также.

Додд: Вы в этом уверены, вы думаете, что всех бы повесили, если бы его не застрелили?

Зейсс-Инкварт: Во всяком случае, я знаю, что их повесили.

---

[77] Энгельберт Дольфус (1892 — 1934) — австрийский политический деятель, лидер Христианско-социальной партии, позднее Отечественного фронта. Канцлер Австрии в 1932—1934 годах. Убит путчистами.

[78] Софизм (от греч. σόφισμα, «мастерство, умение, хитрая выдумка, уловка, мудрость») — сложное рассуждение, иногда намеренно запутанное с целью показать умственное превосходство или ввести в заблуждение;

Додд: Что же, вы были назначены государственным советником в 1937 - и конечно мы снова собираемся много поговорить об этом за короткое время, о Райнере и его документе. Вам известно, что Райнер также говорит, что вы были назначены в результате влияния Кепплера[79] и остальных нацистов в Австрии и чиновников Рейха. Это так? Они оказывали влияние на ваше назначение в 1937? Райнер в этом тоже ошибся, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Вовсе нет – Кепплер вообще не имел влияния на выдвижение в государственные советники.

Додд: И Райнер по вашему суждению, ошибается, когда говорит, что они имели влияние? Вы не согласны с его заявлением, как я это понимаю. Я хочу это выяснить.

Зейсс-Инкварт: Это абсолютно неправильно.

Додд: Хорошо.

Зейсс-Инкварт: Я был назначен государственным советником, потому что Цернатто обсудил вопрос с моим другом и затем предложил это Шушнигу. Предложение от Кепплера вероятно было бы причиной для того, чтобы Шушниг меня не выдвинул.

Додд: Это была привычная вещь, и Шушниг назначил вас, потому что кто-то поговорил с ним, и нацисты с которыми вы были знакомы в те дни не имели к этому никакого отношения, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Я бы так не сказал. Я обсуждал с Райнером возможность назначения государственным советником, потому что наше взаимное знакомство ранее обсуждалось с Цернатто. Затем я обсуждал это с Райнером, но он не оказывал никакого влияния на назначение.

Додд: Вы видели документ известный как протокол Хоссбаха[80], USA-25, PS-386, представленный этому трибуналу много месяцев назад. Вы вспоминаете, что тогда Гитлер, в ходе этой проповеди, как сообщил Хоссбах, заявлял о каких-то планах которые он имел для Австрии, а также Чехословакии? Вы помните это? Могу вас заверить, это есть в документе.

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Это было 11 ноября 1937 – нет, извиняясь – это было 5 ноября 1937. Когда вы впервые услышали об этой встрече? Впервые в жизни, когда вы об этом услышали?

Зейсс-Инкварт: Здесь, в этом зале.

Додд: Итак, вы помните письмо, написанное 11 ноября доктору Юри[81]?

---

[79] Вильгельм Кепплер (1882 — 1960) — германский государственный деятель, промышленник, обергруппенфюрер СС (30 января 1942). Осужден американским трибуналом к 10 годам заключения. Освобождён в 1951.

[80] Протокол Хоссбаха— протокол заседания, состоявшегося 5 ноября 1937 года с участием Адольфа Гитлера, а также военного и внешнеполитического руководства Третьего рейха, на котором Гитлер изложил свои экспансионистские планы в Европе. Своё название протокол получил по имени протоколиста, военного адъютанта Гитлера полковника графа Фридриха Хоссбаха; Кроме Гитлера и Хоссбаха, на заседании присутствовали министр иностранных дел барон Константин фон Нейрат, военный министр фельдмаршал Вернер фон Бломберг, главнокомандующий сухопутными войсками Вернер фон Фрич, главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Эрих Редер и главнокомандующий военно-воздушными силам Герман Геринг. Протокол датирован 10 ноября 1937 года.

[81] Хуго Юри (1887 — 1945) — партийный деятель НСДАП, гауляйтер и рейхсштатгальтер Нидердонау (Нижний

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Вы помните это очень хорошо или хотите взглянуть на его копию? Я покажу вам это. У нас есть копия здесь. Вы это не видели, это новый документ.

Зейсс-Инкварт: У меня тоже есть копия.

Додд: Это PS-3396.

Зейсс-Инкварт: Что вы имели в виду, когда писали Юри 11 ноября 1937, когда писали:

> «…лично я верю в то, что не будет никаких ощутимых результатов раньше следующего года. Между тем, я получил аутентичный доклад из Линца…»
>
> И вы продолжаете говорить о газетной статье.

Что я хотел сейчас узнать, это что вы имели в виду под событиями ранней части 1938?

Зейсс-Инкварт: В ситуации преобладавшей в Австрии в то время, было ясно, что внутриполитическое положение не останется статичным. Оптимистичные национал-социалисты думали о том, что в течение грядущих недель либо Шушниг уйдет в отставку или произойдет что-нибудь ещё. Я смотрел на ситуацию более правильно, и моё мнение заключалось в том, что новое внутриполитическое развитие в Австрии не произойдёт раньше весны, то есть, развитие в направлении дальнейшего разрешения деятельности национал-социалистов. Газетная статья это совсем другое.

Додд: На самом деле меня это не интересует если вы не считаете, что это важно для вашего ответа. Я хотел вернуться немного назад. Видите ли, вы начинаете своё письмо ссылаясь на беседу с господином Кепплером. Итак, он человек, который был эмиссаром Гитлера 11 и 12 марта, когда Австрию отдали нацистам, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: И вы говорите:

> «Беседы с господином Кепплером сегодня прошли в атмосфере полного спокойствия и были крайне откровенными. Мне не кажется, что вещи настолько созрели для дискуссии как выглядит с национальной стороны и со стороны Рейха».
>
> Затем вы продолжаете:
>
> «Я был бы весьма приятно удивлён если бы исходное решение было найдено до конца этого года».

То, что вы реально обсуждали заключалось в сдаче Австрии нацистам. Не это вы имели на уме, когда писали это письмо? Разве не это «исходное решение»?

Зейсс-Инкварт: Нет. Прежде всего, не сказано о том, что мои беседы с Кепплером был секретным, а только то, что они были содержательными.

Додд: Сказано: «в полном спокойствии». Я не знаю секретно ли это. Я не знаю, что

Дунай), обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Покончил жизнь самоубийством во время наступления Красной армии в Австрии.

это значит.

Зейсс-Инкварт: Это означает, что мы говорили очень реалистично. Рейх был очень настойчив. Мы могли обсуждать возможность применения кое-какого дипломатического давления, но цель заключалась в том, чтобы способствовать деятельности национал-социалистов в Австрии, однако с намерением, достижения окончательной цели аншлюса.

Содержание документа Хоссбаха вообще не упоминалось, и я убежден в том, что Кепплер не имел о нём никаких сведений. Кепплер вообще не имел при фюрере очень сильное положение.

Додд: Да. Вы помните письмо написанное Кепплеру немного позднее в январе 1938. Вы это помните?

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: О том, что вы хотели сдать свой мандат или вашу доверенность, или вашу ответственность или как бы это ни называлось.

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Что за мандат вы имели от Кепплера или Геринга, на который Кепплер ссылается в своём письме?

Зейсс-Инкварт: Нет, мандатом был австрийский государственный совет. Я хотел сдать его, вместе с задачей поиска договорённости для получения содействия от национальной оппозиции. Я вообще не получал никакого мандата от Кепплера и вряд ли мог принять его.

Додд: Вам известен документ, находящийся в доказательствах, PS-3397, это USA-702. И Кепплер говорит, что он информировал Геринга о ситуации, и что Геринг сказал ему, чтобы оставить вам вашу задачу или, что-то подобное.

Итак, мой вопрос, почему Геринга должен был интересовать этот мандат, если это имело отношение только к вашему положению в качестве государственного советника в Австрии? Он не был чиновником австрийского правительства, а вы были.

Зейсс-Инкварт: В таком случае могу я получить документ?

Додд: Да, безусловно. Вы также найдёте здесь ссылку на доктора Юри, того самого человека, которого мы обсуждали несколько минут назад, и которому 11 ноября вы написали письмо.

Зейсс-Инкварт: Господин обвинитель, какой отрывок вы имеете в виду?

Додд: Что же, мой вопрос об этом такой, мне интересно, зачем Кепплеру нужно было идти к Герингу с вашим пожеланием уйти с какой угодно позиции, которую вы занимали в отношении нацистов, как вы выражаетесь, в отношении вашего места как государственного советника, и ещё проблематичнее для нас уважать ваше объяснение. Какое отношение к этому имел Геринг?

Зейсс-Инкварт: Вчера я заявлял о том, что доктор Шушниг дал мне задачу изучить условия для сотрудничества с национальной оппозицией. Я всегда говорил

Шушнигу о том, что австрийские национал-социалисты не примут никаких предложений без согласия Гитлера. С ведома Цернатто и доктора Шушнига я посетил Геринга и Гесса. Оба господина знали о том, что я имел контакт не только с австрийскими национал-социалистами, но также с господами в Рейхе, через Кепплера. Это также было известно этим господам в Рейхе, и они были заинтересованы. Если бы я теперь внезапно должен был сказать: «Я заканчиваю, я не собираюсь продолжать это», тогда я считал своим долгом проинформировать этих господ в Рейхе о том, что они больше не могут рассчитывать на моё сотрудничество. Мне кажется, это само собой разумеется. По-другому не делают.

Додд: Да, и письмо, которое вы написали Юри 11 ноября также было после вашей встречи с Гессом и Герингом, не так ли? Конечно, так, вы увидели Гесса и Геринга в июле 1937.

Зейсс-Инкварт: Да, рейхсмаршал об этом уже свидетельствовал.

Додд: Что же, хорошо. Теперь, я немного распрошу вас о той встрече с фон Папеном в Гармише. Она произошла случайно и не была запланированной, как я вас понял. Вы обсуждали возможность поставить министром безопасности члена нацистской партии. Что я хочу знать, вы также обсуждали возможную поездку Шушнига в Берхтесгаден, которая не заставила себя ждать после этой встречи? Это упоминалось?

Зейсс-Инкварт: Нет, мы не обсуждали технические средства, состоится ли встреча между доктором Шушнигом и Гитлером и тому подобное или следует ли это сделать по дипломатическим каналам – это мы не обсуждали.

Додд: Вообще не обсуждали, это всё что я хочу знать? Разве об этом не было никакой беседы?

Зейсс-Инкварт: Встреча между эти двумя руководителями государств не обсуждалась, а только материальное содержание нашего плана.

Додд: Когда впервые, вы узнали о предлагавшейся встрече между Шушнигом и Гитлером, и от кого?

Зейсс-Инкварт: Я думаю 2 дня – это должно было быть 10 февраля, когда я получил информацию от Райнера или Глобочника[82] говорившую мне о том, что можно ожидать, что такая встреча состоится. Почти в это же самое время Цернатто попросил меня приехать в Вену, но он так и не сказал мне о чём шла речь.

Додд: Разве не факт, что вы подготовили записи или если вы так предпочитаете называть это, меморандум для Гитлера, который он использовал в качестве основы для своих дискуссий с Шушнигом в Берхтесгадене?

Зейсс-Инкварт: Я внёс письменное предложение, чтобы внести ясность, и я отдал

[82] Одило Глобочник (1904 — 1945) — государственный и политический деятель нацистской Германии австрийского происхождения, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1942). Гауляйтер Вены (1938—1939). Уполномоченный рейхсфюрера СС по созданию структуры СС и концлагерей на территории Генерал-губернаторства (оккупированной Польши) (17 июля 1941 года — 31 января 1942 года). Покончил жизнь самоубийством после ареста английскими войсками.

это Цернатто, с одной стороны и доктору Райнеру с другой. Совершенно возможно, что Райнер передал его в Рейх. Я тоже не видел бы в этом ничего плохого.

Додд: Вам очень хорошо известно, не так ли, что вы и ваши сообщники отправили туда Мюльмана той ночью, и он добрался до Берхтесгадена раньше Шушнига и фон Папена с этим меморандумом, это не факт?

Зейсс-Инкварт: Доктор Мюльман…

Додд: Да, тот же самый господин на которого вы ссылались как находившегося с вами в Голландии и в Берхтесгадене.

Зейсс-Инкварт: Доктор Мюльман тогда поехал в Берхтесгаден и был информирован о моей последней беседе с доктором Шушнигом. Наверное, он записал это.

Додд: Вам не известно, что он знал, а Шушниг не знал – вот, что важно – что Мюльман был там раньше него с записями или условиями которые вы изложили Шушнигу предыдущей ночью. Шушниг не знал этого, не так ли, когда он поехал как ягнёнок в Берхтесгаден?

Зейсс-Инкварт: Я убежден в том, что Шушниг не знал о том, что Мюльман был в Берхтесгадене и вполне вероятно проинформировал Кепплера, который в свою очередь проинформировал фюрера. Шушниг разумеется это не знал. Когда я беседовал с доктором Шушнигом, я не знал, что Мюльман поедет в одиночку.

Додд: Когда вы узнали о том, что Мюльман поедет?

Зейсс-Инкварт: После дискуссии с доктором Шушнигом я вернулся в свой кабинет, и там я нашёл доктора Райнера и вероятно кого-то ещё, и я рассказал доктору Райнеру о нашей беседе. Возможно, присутствовал Мюльман, и затем мы – я говорю мы, потому, что не хочу исключать себя из этого – мы решили проинформировать Кепплера о характере нашей беседы. Тем временем, доктор Шушниг, наверное уехал на станцию. Я на самом деле не видел никакой причины информировать его напрямую в то время.

Додд: И поэтому, вы захотели информировать Гитлера – я правильно расслышал – о характере вашей беседы с вашим канцлером Шушнигом той ночью?

Зейсс-Инкварт: Тогда у меня не было никакой возможности или повода информировать доктора Шушнига о том, что туда поехал Мюльман.

Додд: Я знаю, может быть вы не видели никакой причины, но я пытаюсь дать понять, что вы хотели позволить Гитлеру знать о том, что у вас была беседа с Шушнигом, и что вы говорили Шушнигу.

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Ради бога зачем вы уведомляли главу другого государства о своей беседе с главой своего государства, которому вы присягали на верность?

Зейсс-Инкварт: Я не вижу в этом нарушения присяги. Это была передача информации главам двух партий о договоренности, о которой я вёл переговоры.

Додд: Вы скажете, что могли вести переговоры между вашей страной и Германией

не уведомляя своего канцлера? Шушниг не знал о том, что вы направили записку Гитлеру, не так ли? Будем откровенными.

Зейсс-Инкварт: Да, точно то, что доктор Шушниг не знал этого. Но доктор Шушниг прекрасно знал, что я находился в постоянном контакте с Рейхом через Кепплера, и что итоги наших бесед всегда передавали в Рейх, так как Рейх тоже должен был высказывать мнение. Я всегда говорил о том, что не может быть никакого внутриполитического взаимопонимания пока Гитлер не согласится с этим. Это факт, и с этим ничего нельзя было поделать; правильно это было или нет, таким было положение. В противном случае не могло быть никакой попытки осуществить политику взаимопонимания.

Додд: Это был не единственный раз, когда вы не играли с Шушнигом достаточно честно? Вы помните, когда вы дали ему честное слово о том, что не сообщите о его планах объявить плебисцит? Помните, когда он впервые рассказал вам и попросил от вас честного слова хранить молчание и вы сказали ему, что так и будет.

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Прямо с этой встречи вы пошли в отель «Регина», и вы помните, о чём вас спрашивали ваши сообщники, и что вы отвечали?

Зейсс-Инкварт: Господин обвинитель, я не могу помочь вам, думаю вы спутали два события. Тогда я не пошёл в отель «Регина». Это был вечер 10 марта, и это был совершенно другой вопрос. Прежде всего, доктору Шушнигу было неправильно просить у меня честного слова, так как он сам использовал меня в качестве посредника в связи с соглашением от 12 февраля. Знай я заранее, что он хотел от меня, я бы отказался, ибо на основе соглашения от 12 февраля моим долгом было немедленно информировать об этом Рейх. Но я сдержал своё слово. В тот же вечер ко мне пришёл Юри. Он услышал об этом из других источников, и я не упомянул ни единым словом Юри о том, что знал об этом. Утром следующего дня пришёл Райнер. Я не принимал участия в этих переговорах почти до полудня. Райнер говорит, что это было утром, но на самом деле это было ближе к полудню.

Додд: Что же, я приму поправку по времени, но я не думаю, что это очень важно. Мысль в том…

Зейсс-Инкварт: По моему мнению это очень важно.

Додд: Очень хорошо, если вы так думаете, мы договоримся. Я хочу, чтобы вы прочитали то, что говорит Райнер о том, как вы сдержали слово.

> «Зейсс-Инкварт объяснил, что ему известно об этом только несколько часов, но что он не может говорить об этом, потому что он дал слово хранить молчание. Однако во время беседы, он дал нам понять, что информация, полученная нами нелегально была основана на правде и что в виду новой ситуации он взаимодействует с региональными руководителями (Landesleiter) с самого первого момента».
>
> Итак, безусловно, это ни молчание ни сдержание слова как понимали это и

вы и Шушниг, не так ли?

Зейсс-Инкварт: В этом случае абсолютно невозможно было сделать иначе. К полудню того дня мой обет молчания исчез. Господа сидели напротив меня и рассказывали мне все подробности. Я не мог внезапно сказать, что это всё ложь, так как я не обещал Шушнигу лгать. Вместо этого, я хранил молчание об этом, и из этого остальные сделали вывод, что наверное это было так.

Додд: Вы знали, когда хранили молчание, и вы знали, когда делали замечания для того, чтобы дать информацию своим сообщникам о том, что Шушниг попросил вас сохранять это конфиденциальным.

Итак, когда вы узнали о подлинном характере того, что случилось в Берхтесгадене, об угрозах и том насколько ужасно там обращались с Шушнигом?

Зейсс-Инкварт: Это я услышал от Цернатто. Думаю это было уже 13 февраля. Затем я услышал это от министра иностранных дел Шмидта и доктор Шушниг рассказал мне более или менее тоже самое. Следовательно, это было, наверное, 13 или 14 февраля.

Додд: А теперь, у вас была достаточно полная картина того как угрожали Шушнигу; и я предполагаю, что вы знали о вызове Кейтеля для того, чтобы запугать его, и всех угрозах похода на закате. У вас имелись довольно полные сведения о том, что случилось там, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Я не помню историю с Кейтелем, но Шушниг сказал мне, что там были генералы, и очевидно военное давление должны были оказывать.

Додд: И вы также знали, что Гитлер потребовал вашего включения в правительство в качестве министра безопасности. Шушниг сказал вам это, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да, мне кажется, что Гитлер потребовал, чтобы национал-социалистам дали пост министра внутренних дел и безопасности. Шушниг согласился и на вопрос Гитлера о том, кого он предлагает, Шушниг предположительно назвал моё имя. Но это не более чем слухи и байки, и я не знаю никаких деталей. В любом случае, это произошло во время тех самых драматических бесед.

Додд: Думаю это довольно важно, потому что сюда придет свидетель, который был там на этой встрече, доктор Шмидт. Вы сейчас говорите трибуналу, что это Шушниг предложил ваше имя, а не Гитлер который потребовал вашего назначения?

Зейсс-Инкварт: Я не хочу рассказывать трибуналу какие-то байки, я просто хочу внести вклад, чтобы внести ясность в подоплеку событий настолько насколько позволяет устав. Я скажу открыто, я слышал, что было так. Если Шмидт был там и говорит, что было иначе, тогда, конечно, я поверю ему.

Додд: Вы можете сказать нам, кто вам это сказал, потому что у нас есть показания под присягой президента Микласа[83], который говорит, что Гитлер требовал это. Нам

[83] Вильгельм Миклас (1872 — 1956) — австрийский политик. Президент Австрии с 1928 года до аннексии Австрии Германией в 1938 году.

известно, что Шушниг говорит, что Гитлер требовал это, и доктор Гвидо Шмидт скажет вам, что Гитлер требовал это. Итак, кто сказал вам, что это был Шушниг?

Зейсс-Инкварт: Доктор Мюльман сказал мне это. Но я желаю сказать, что факты такие вы о них заявляете, господин обвинитель, ибо это просто тактическая деталь. Если фюрер принудил Шушнига уступить министра внутренних дел, и затем был обмен словами, и первым он назвал моё имя, тогда я не хочу делать из этого ни малейшего вывода для своей защиты.

Додд: Что же, думаю это очень храбро. Суть в том, что всё это было подготовлено, вы это знали, и Гитлер знал, что вас должны были включить в их правительство и всё, что там происходило неважно касательно того кто назвал ваше имя первым.

Зейсс-Инкварт: Это правильно. Но я точно не знал, что в этот день Гитлер потребует министерство внутренних дел и выдвинет меня, потому что господин фон Папен не проинформировал меня о результате своей беседы с Гитлером. Я только предполагал, что так пойдет дело. Я никоим образом не являлся persona grata[84] в Берлине, чтобы Берлин безусловно решил обо мне.

Додд: Итак, спустя не так много дней после так называемого соглашения, которое было достигнуто в Берхтесгадене, Гитлер нарушил его, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да, 17 февраля.

Додд: Он нарушил его до 17-го, не так ли? Вы помните, когда он назначил Клаузнера главой партии, несмотря на то, что он согласился с Шушнигом, что ничего подобного не будет сделано, и что не будет никакой подобной политической организации? Вы знали об этом, не так ли, когда это было сделано?

Зейсс-Инкварт: Я прошу прощения, но я думаю, вероятно, я неправильно понял ваш первый вопрос…

Додд: Может это немного повлияло. Дело в том, что спустя немного дней после этой встречи в Берхтесгадене, Гитлер назначил Клаузнера главой нелегальной нацистской партии в Австрии; это не так?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, это случилось лишь после 17 февраля, потому что я лично предложил Гитлеру, что ему следует согласиться с Клаузнером как лидером нацистов в Австрии. Мне было совершенно ясно, что национал-социалисты в Австрии не пойдут ни за кем кто не будет согласован с Гитлером.

Додд: Вы принимаете историю, записанную Гвидо Цернатто, чью книгу вы предъявили трибуналу? Вы принимаете его запись о том, что происходило?

Зейсс-Инкварт: Да, принимаю.

Додд: Он говорит, что это было спустя несколько дней после встречи в Берхтесгадене. Я полагаю, что это могло быть 17-го, но не похоже. Разве это не было, до того как вы поехали в Берлин?

Зейсс-Инкварт: Кто сказал это – я?

Додд: Цернатто.

---

[84] Желанная персона (лат.)

Зейсс-Инкварт: Нет, впервые в своей жизни я увидел Гитлера 17 февраля; и тогда я думаю, Клаузнер ещё не был выдвинут, потому что я сам говорил Гитлеру, что ему следует согласиться с Клаузнером как главой австрийских национал-социалистов.

Додд: Итак, я вижу, вы признаёте это. Это самый ключевой момент во всём вашем участии в деле между Австрией и Германией, потому что если, как указывает Цернатто, это соглашение было нарушено спустя несколько дней после встречи, то, когда вы поехали в Берлин и обсуждали троянского коня, вы знали о том, что Гитлер уже начал свою нелегальную деятельность в Австрии, не так ли, если это, на самом деле было до того как вы туда поехали.

Зейсс-Инкварт: Я бы хотел сказать, что нелегальная деятельность – не обязательно Гитлера, а нескольких человек – никогда не прекращалась, и моё намерение заключалось в том, чтобы сформировать эту нелегальную активность таким образом, чтобы мы могли контролировать её с австрийской стороны. Я также непрерывно говорил Шушнигу о том, что австрийские нацисты ничего не будут делать без Гитлера.

Додд: Что же, не в этом дело. Я не собираюсь далее развивать эту тему. Я собираюсь задать вам ещё один вопрос о вашей встрече с Гитлером. 17-го вы точно знали о том, насколько плохо обошлись с Шушнигом и Гвидо Шмидтом в Берхтесгадене. Вы сказали Гитлеру, что-нибудь об этом в ходе вашей 2 ½ -часовой беседы с ним?

Зейсс-Инкварт: Нет, так как я не был ответственным за политику Отечественного фронта[85], против национал-социалистов в 1934. Это была лишь реакция на подавление национал-социалистов в Австрии.

Додд: Что же, хорошо. Теперь мы переходим к 8 марта. День, когда Шушниг сказала вам о плебесците который он планировал провести в ближайшие дни.

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: 9 марта вы написали письмо Шушнигу и отправили копию Гитлеру, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Вы сказали Шушнигу, что вы отправили копию письма с курьером Гитлеру?

Зейсс-Инкварт: Не знаю, но у меня не было бы никаких угрызений совести об этом, потому что после 12 февраля я должен был информировать Рейх.

Додд: Вы также, разумеется, должны были информировать Шушнига, как его государственный советник о том, что вы отправили копию этого очень важного письма Гитлеру? Вы ничего не сказали об этом Шушнигу, это правда?

Зейсс-Инкварт: Возможно, но мне кажется, что может быть я сказал Цернатто. Я разумеется сказал Зернатто о том, что я проинформировал Рейх. В этом нет сомнения.

---

[85] Отечественный фронт — ультраправая австрофашистская политическая партия, основанная в 1933 году Энгельбертом Дольфусом. Фронт должен был «быть носителем австрийской идеи государства» и «политически объединить всех граждан Австрии».

Додд: Мы посмотрим на это. Следующей ночью у вас была встреча с Шушнигом и с Шмидтом и со Скублем, я полагаю в ведомстве канцелярии. Вы никогда не упоминали кому-либо из них факт, не так ли, о том, что вы уже были на связи с Гитлером, через особого курьера, вы помните эту встречу?

Зейсс-Инкварт: На самом деле у меня нет чёткой мысли об этом. Я лишь помню встречу вечером 10 марта, но я думаю вполне возможно, что…

Додд: Это ночь, когда вы пошли в отель «Регина» и увидели Клаузнера; сразу после встречи вы спускались по улице и увидели своих сообщников. Вы рассказали им о том, что Шушниг сказал вам и то, что вы сказали Шушнигу в беседе немного раньше?

Зейсс-Инкварт: Да, но я обнаружил удивительно мало интереса.

Додд: Но ваш курьер вернулся из Берлина, не так ли, Глобочник вернулся из Берлина?

Зейсс-Инкварт: Да. Глобочник вернулся и сообщил нам, что Берлин отказался соглашаться с этим плебисцитом, и что на следующий день я получу письмо выражающее отношение Гитлера.

Додд: Итак, в течение этой же самой встречи в отеле «Регина» вы слышали как Райнер даёт указания по мобилизации партии в Австрии, чтобы быть готовыми провести демонстрации или захватить власть на следующий день. Вы были там, когда он излагал свои планы. Вы помните это?

Зейсс-Инкварт: Думаю это значительное преувеличение со стороны Райнера. Я лишь помню, что Клаузнер сказал: «Что же, тогда каждому завтра нужно быть с ним на связи». То, что демонстрации могут состояться было настолько очевидно, что каждый понимал это. Если бы в это не внесли ясность, были бы серьезные демонстрации. Но правительство тоже это знало.

Додд: Думаю, мы сможем быстро закончить с этим если вы согласитесь со мной в том, что эти демонстрации вообще не являлись спонтанными, как я подумал вы пытаетесь донести до трибунала, но они были хорошо спланированы вашими сообщниками.

Зейсс-Инкварт: Что эти акции не были спонтанными? Разумеется, они не были спонтанными.

Додд: Не были?

Зейсс-Инкварт: Вся ситуация после 8 марта становилась всё более и более горячей.

Додд: Хорошо. Итак, когда Гляйсе-Хорстенау[86] приехал из Берлина следующим утром 11 марта, он рассказал вам о запланированных военных событиях или обсуждении военных событий в Берлине?

Зейсс-Инкварт: Да, и мы рассказали доктору Шушнигу тоже самое.

Додд: Вы поехали на встречу с Шушнигом и написали ему ещё одно письмо тем же

[86] Эдмунд Гляйсе-Хорстенау (1882 – 1946) – австрийский политик и военный. Министр внутренних дел Австрии в 1936 – 1938. Находясь в американском плену покончил жизнь самоубийством.

утром.

Зейсс-Инкварт: Перед этим, в течение беседы которая длилась почти 2 часа, я сообщил все подробности. Письмо было просто подтверждением.

Додд: Что же, письмо было ультиматумом Шушнигу, не так ли; и оно было написано вами под руководством вашего политического начальника Клаузнера?

Зейсс-Инкварт: Нет. Райнер утверждал это – это опять одно из его утверждений. Если вы можете называть это ультиматумом, то я уже вручил его устно, потому что, когда я покинул доктора Шушнига я попросил его ответить мне до 2 часов вечера, и я сказал, что в случае его отказа Гляйсе-Хорстенау и я, подадим в отставку, но тогда я ещё не переговорил с Клаузнером.

Додд: Что же, я понимаю так, всё, что Райнер сказал в этом докладе, в этом документе PS-812, как вы говорите, неправда. Он также говорит там…

Зейсс-Инкварт: Не неправдой, а немного преувеличенным.

Додд: Хорошо. Я лишь хотел понять ваши взгляды, повторяю, потому что вы не будете доступны после того как он окажется на месте свидетеля. Вам также известно, что он говорит, что обсуждал с вами захват власти в том случае если Шушниг откажет в вашем ультиматуме. Вы скажете, что это так или нет?

Зейсс-Инкварт: Я не помню. Я так не думаю.

Додд: Что вы скажете о его заявлении про то, что вы обсуждали три весьма возможных шага по захвату Австрии и передачи её Германии? Это правда или нет?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, что такая конструкция создана Райнером позднее.

Додд: Итак, я вынужден спрашивать вас об этих вещах, потому что я думаю, мы должны понять ваш взгляд.

Зейсс-Инкварт: Пожалуйста.

Додд: Райнер также говорит, что телеграмма, теперь хорошо известная телеграмма Гитлеру говорившая о плохой ситуации в Австрии – что эта телеграмма на самом деле была доставлена из Берлина Гляйсе-Хорстенау. Он говорит это в этом же самом документе. Что вы на это скажете?

Зейсс-Инкварт: Это не совсем правильно. Письмо Гитлера…

Додд: Что же, насколько это правильно, если это не совсем правильно? Укажите в чём его правда.

Зейсс-Инкварт: Я получил письмо Гитлера через курьера, не через Гляйсе-Хорстенау. И в этом письме был проект телеграммы.

Додд: И это та же самая телеграмма, на которую ссылался Геринг, когда он говорил с вами по телефону, и та же самая на которую ссылался Кепплер, когда он говорил с Дитрихом по телефону, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Нет, эта телеграмма была, по крайней мере, в два раза длиннее и я решительно отказал в этой телеграмме.

Додд: Что же, наконец, позвольте мне спросить вас про этот особенный день. Эта речь по радио, которую вы произнесли, на самом деле была произнесена под

руководством Геринга, не так ли? Он сказал вам…
Зейсс-Инкварт: Нет.
Додд:…сделать заявление, не так ли?
Зейсс-Инкварт: Речь не об этом. Это для меня не представляло никакого интереса.
Додд: Вам лучше посмотреть на расшифровку его телефонной беседы с вами. Было 19 часов 57 минут вечера, когда он сказал вам, сделать заявление народу, и спустя 3 минуты, вы пошли на радио и произнесли её. Что вы подразумеваете под тем, что Геринг не говорил вам сделать это?
Зейсс-Инкварт: Да, но Геринг попросил меня сделать нечто совсем другое. Он попросил меня объявить себя главой временного правительства и принять власть. По крайней мере, так мне кажется. Я представился как министр внутренних дел и безопасности и потребовал, чтобы люди сохраняли спокойствие и не оказывали никакого сопротивления германским войскам которые маршировали, именно то, что сказал Шушниг за полчаса до меня.
Додд: Что же, всё равно заняло 2 или 3 минуты, взять микрофон после разговора с Герингом?
Зейсс-Инкварт: Я говорил с фельдмаршалом Герингом настолько много – я вовсе не хочу уличать его или себя, тем, что мы делали на основании телефонных звонков. Мне кажется, что я вряд ли делал какие-нибудь из этих вещей.
Додд: Вы не указываете, не так ли, что Геринга не интересовала ваша продажа Австрии Германии? Разумеется он имел большой интерес к тому, что происходило там в этот день, не так ли?
Зейсс-Инкварт: Да, но я не думаю, что выражение «продать» самое подходящее. Очевидно, Геринг был чрезвычайно заинтересован в достижении окончательного решения, вероятно довольно резким образом.
Додд: Вы вчера сказали трибуналу, что было около 40 эсэсовцев в здании, и что вы думали о том, что они были там, потому что Миклас и Шушниг ничего не сделали, чтобы устранить их, что они очень просто могли устранить их. Итак, правда в том, что вы были министром безопасности и ваша ответственность заключалась в том, чтобы устранить их, не так ли?
Зейсс-Инкварт: Нет, я не был хозяином в федеральной канцелярии. Кроме того, там находился доктор Скубль, и одного слова доктора Микласа или доктора Шушнига было бы достаточно для, того, чтобы 300 человек из батальона охраны восстановили порядок. Нельзя ожидать от меня, что в этот момент я выступлю против национал-социалистов.
Додд: Что же, если бы было достаточно одного их слова, было бы достаточно взмаха вашего пальца, не так ли, чтобы выгнать их оттуда? Они были вашими национал-социалистическими эсэсовцами; кроме этого, вы были главой полиции.
Зейсс-Инкварт: Подчинились бы они мне или нет, я не знаю. Я не имел командования над батальоном охраны, потому что это была часть вооруженных сил.

Несомненно, я мог бы оказать своё влияние и может быть это имело бы успех, но тот факт, что эти 40 человек были там показался мне довольно несущественным.

Додд: Они окружили место, не так ли? Они были не только в здании, но и находились снаружи его и на крышах соседних зданий. Вы помните всё это?

Зейсс-Инкварт: Перед федеральной канцелярией было несколько тысяч национал-социалистов в то время.

Додд: Что же, нам лучше обратиться к вашему другу Райнеру, который пришёл сюда от вашего имени, и посмотреть, что скажет он.

Вы видели статью – да, я полагаю честно назвать это статьей – которую он написал об этой исторической ночи? Вы знакомы с этим?

Зейсс-Инкварт: О, да; можно реально назвать это больше чем статьей.

Додд: Да. Он назвал её «Час исторического решения».

Это PS-4004, господин председатель, USA-883.

[*Обращаясь к подсудимому*] Значит вы согласитесь, что это совершенно другая картина, которую приводит Райнер в отличие от той, которую вы привели данному трибуналу? Если вам известна статья, и вы говорите, что известна. Он говорит, как вам известно, что Кальтенбруннер командовал 700 эсэсовцами той ночью, и что Лукич[87] собрал 6000 членов СА за полчаса, и они получили приказ выдвигаться и занять федеральную канцелярию и удерживать Ринг[88] и здание до того, как будет провозглашено национал-социалистическое правительство; и что 40 эсэсовцев подчиненных адъютанту Кальтенбруннера Риннеру[89], получили приказ пробить себе путь и занять федеральную канцелярию, и тому подобное. И вы приказали – он говорит, что вы были человеком который приказал – чтобы Риннеру позволили войти. Это очень важно и я бы хотел знать, что вы на это скажете. Риннер командовал 40 эсэсовцами, которых как вы говорите кто-то другой должен был устранить. Вы найдете, что он говорит:

> «Наступили 10 часов, когда командир охраны доложил министру безопасности доктору Зейссу, который находился в нашей комнате, что человек в сопровождении 40 других требовал впустить через ворота в силу высших приказов. Я быстро сообщил доктору Зейссу, о том что это был Риннер и его 40 человек, которых выделили, чтобы занять федеральную канцелярию. Доктор Зейсс, приказал о том, чтобы Риннер поднялся наверх. Я никогда не забуду этот момент. Сопровождаемый высоким охранником, Феликс Риннер, знаменитый австрийский чемпион по бегу…» и так далее.

Он был первым национал-социалистическим штурмфюрером, который вошёл в штаб-квартиры той ночью; и именно вы тот человек, который позволил ему

---

[87] Ганс Лукич (1901 – 1994) – Нацистский политик. Командир СА в Австрии. С 1938 по 1945 депутат Рейхстага.
[88] Центральная площадь Вены.
[89] Феликс Риннер (1911 – 1976) – австрийский спортсмен и штурмбаннфюрер СС.

войти.

Зейсс-Инкварт: Это победная статья, написанная в воодушевлении победой. Всё, что я могу сказать это то, что я встретил этих национал-социалистов в черных брюках и белых майках, в коридорах и спросил: «Что происходит?» Но такой драматический отчёт о моём открытии ворот – что же, подождём и посмотрим подтвердит ли это Райнер.

Додд: Что же, понимаю, мы вместе посмотрим.

Заметьте, что чуть дальше, он говорит, что вы, под свою собственную ответственность, отдали приказ открыть ворота и впустить этих людей. Но вы говорите, что это не так. Это всё, что хочу знать.

Зейсс-Инкварт: Нет, это довольно ново для меня.

Додд: Что же, думаю, мы можем пропустить это. Как я ожидаю, вообще нет никакой правды во всей статье Райнера? Или в ней есть, что-то, что вы можете признать как правду? Вам известно он придет как ваш свидетель.

Зейсс-Инкварт: Я также чрезвычайно заинтересован услышать то, что он здесь скажет. Это вообще-то поэтический отчёт об этих событиях. Основа совершенно верна, но есть много победоносной экзальтации придаваемой этому.

Додд: Думаю должен сказать вам, в качестве предварительного вопроса, что Гвидо Шмидт, показания которого мы имеем здесь и которые я буду рад вам предъявить, говорит, что место было окружено этими эсэсовцами, и что они находились там с вашего ведома. Что вы на это скажете? Он также собирается быть вашим свидетелем.

Зейсс-Инкварт: Я сказал, что несколько тысяч национал-социалистов собрались вокруг федеральной канцелярии. Были ли они из СС или СА, этого я не знаю. Среди них было много женщин. Этот так называемый мобилизационный приказ партии мне неизвестен, но я сказал доктору Шушнигу тем самым утром, что если мы не договоримся, тогда ему следует ожидать крупномасштабных демонстраций партии.

Додд: Итак, ещё один вопрос. Вы говорили трибуналу – я правильно вас понял, когда я услышал, что вы свидетельствовали о том, что Миклас ушёл в отставку без какой-либо вашей просьбы? То есть, президент Миклас, который тогда был Bundesprasident [90]Австрии. Это ваши показания о том, что он ушёл без какой-либо вашей просьбы?

Зейсс-Инкварт: Моя просьба заключалась в том, что он должен подписать закон об аншлюсе, и он сказал, что он этого не сделает. Согласно конституции его полномочия тогда перешли ко мне. Он не хотел стоять на пути развития. Я не думаю, что я сказал ему подать в отставку, я просто требовал, чтобы он подписал закон.

Додд: Что же, он свидетельствовал перед венским судом, в показаниях он говорит, что вы требовали это. Итак, вы помните или забыли или скажете, что это неправда?

[90] «Федеральный президент» (нем.)

Зейсс-Инкварт: Нет; я считаю, что об этом не может быть речи, потому что я чётко помню, как он сказал:

> «Я не могу подписать закон, но я не стою на пути развития. Если вы подтвердите мне, что необходимо провести аншлюс, тогда я уйду в отставку и у вас будут мои полномочия».

Если он понял это как требование отставки, тогда я не хочу спорить с ним. Я не хочу усложнять его положение, потому что я признаю, что я был в пользу аншлюса.

Додд: Что же, я хочу предъявить это в качестве доказательства, и вы можете взглянуть, если хотите. В любом случае, это его показания перед судом в Вене 30 января 1946. Это документ PS-3697, и он станет USA-884. Если вы хотите посмотреть на него, вы можете. Он говорит именно то, что я только что сказал вам, что вы долно обсуждали, сказав, что это было для вас очень неприятным, но вместе с тем вы были обязаны выполнять приказ из Германии и поэтому он должен был уйти. Это страница 17 английского текста показаний президента Микласа.

Вы однажды написали письмо Гиммлеру или вы дважды писали письма Гиммлеру, о Бюркеле[91]? Одно из них есть в доказательствах и я хочу спросить помните ли вы второе. Вы помните письмо, написанное вами Гиммлеру в котором вы говорили, что неправда, что вы вмешивались в депортацию евреев; что вы только настаивали, чтобы это передали людям Кальтенбруннера, СД?

Зейсс-Инкварт: Я его знаю. Его здесь предъявляли. Я знаю, я видел его в суде.

Додд: Думаю, вы видели его, но оно не предъявлено в качестве доказательства; однако, я желаю это сделать.

Зейсс-Инкварт: Да, но письмо, безусловно, правильное.

Додд: Это номер PS-3398, который USA-885.

В письме вы сказали, что вы дали указания о том, чтобы депортация евреев проводилась только по согласованию с СД и через СД, и что вы не разрешаете диких акций.

Зейсс-Инкварт: Правильно. Вы хотите, чтобы я высказал свои взгляды на это, господин обвинитель?

Додд: Что же, я хочу спросить. Тогда вы всё знали об этом, и я понял, вы говорите, что всё равно знали, в своём прямом допросе. Вы знали о депортации евреев, и вы вносили свой вклад, следя за тем, чтобы её проводило СД. Это единственная мысль, которую я пытаюсь донести до вас и я полагаю, что вы согласны.

Зейсс-Инкварт: Да, конечно, я знал, что несколько поездов были загружены евреями из Вены. Их забирали в Польшу и выгружали. Никаких приготовлений вообще не проводили и у евреев были серьезные трудности, я возражал такому положению дел; и когда Бюркель пожаловался, я сказал Гиммлеру: «Если проводят такие акции, их следует проводить СД», потому как тогда у меня сложилось

[91] Йозеф Бюркель (1895 — 1944) — деятель нацистского режима, гауляйтер. Рейхскомиссар Австрии в 1938-1940.

впечатление, что можно было подготовиться лучше. Когда, я говорю так сегодня, это звучит очень трагично и горько, но я думал, что, по крайней мере, будет предоставлено экстренное жилье и тому подобное. Помимо этого я знал, по 9 ноября 1938[92], как происходят такие вещи. Партия затевала это и затем государство вынуждено было заниматься этими вопросами и проводить их.

Додд: Да. В любом случае, вы знали, что Кальтенбруннер тогда депортировал или был ответственным за перевозку евреев из Австрии.

Зейсс-Инкварт: Я не вспоминаю Кальтенбруннера в этой связи. Я думаю это делалось только партией. Мне кажется Кальтенбруннер не принимал в этом участия.

Додд: Вы не сказали СД, и разве они не подчинялись в Австрии Кальтенбруннеру?

Зейсс-Инкварт: Я сказал, что так должно было быть, но эти транспорты возглавлял не Кальтенбруннер, Глобочник руководил ими.

Додд: Что же, они подчинялись Кальтенбруннеру, не так ли? Он был главой всей полицейской системы в Австрии.

Зейсс-Инкварт: Что же, скорее он был командиром полиции безопасности; и сколько у него было там влияния я не могу сказать, но я думаю очень мало.

Додд: Вы узнали об этом, потому что долго здесь сидели, не так ли? Вы теперь знаете, что он имел к этому большое отношение.

Зейсс-Инкварт: Нет.

Додд: Вы хотите сказать, что вы не слышали здесь о том, что Кальтенбруннер имел некоторое отношение к вывозу евреев?

Зейсс-Инкварт: Да, я оставлю это для Кальтенбруннера. По своим наблюдениям я об этом не знаю.

Додд: Что же, я не собираюсь развивать это, но это не то, о чём я вас спросил. Я спросил вас слышали ли вы в этом зале суда о том, что Кальтенбруннер имел большое отношение к вывозу евреев.

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Разумеется. Вы связываете это со своим письмом, не так ли? И вы сейчас не знаете о том, что он имел кое какое отношение к вывозу евреев, тогда, когда вы написали письмо?

Зейсс-Инкварт: По моему мнению, Кальтенбруннер вообще не имел никакого отношения к эвакуации евреев как здесь упоминалось, потому что это была самовольная акция проведенная партией или гауляйтером Глобочником.

Додд: Вы помните, когда получили полномочия, через Ламмерса, о конфискации имущества, которое вы просили для Австрии?

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Вы видели эти документы? Они новые; ваше письмо Ламмерсу, его ответ и

---

[92] Хрустальная ночь, или Ночь разбитых витрин — погром (серия скоординированных атак) против евреев во всей нацистской Германии и части Австрии 9—10 ноября 1938 года, осуществлённый военизированными отрядами СА и гражданскими лицами.

приказ, который был принят по вашей просьбе. Это три документа.

Зейсс-Инкварт: Да.

Додд: Ваше письмо Ламмерсу датировано 23 октября 1938, и это PS-3448, который станет экземпляром USA-886. И ответ Ламмерса вам датирован 24 октября 1938 и это PS-3447, который станет экземпляром USA-887. Сам приказ это PS-3450, который станет экземпляром USA-888.

Это была конфискация имущества евреев в Австрии, о которой вы просили?

Зейсс-Инкварт: Да. Я вчера свидетельствовал, или позавчера, что я взаимодействовал в данном вопросе принимая распоряжения.

Председатель: Мы прервёмся?

Додд: Господин председатель, я могу закончить за 5 минут.

Председатель: Очень хорошо, тогда продолжайте.

Додд: Я хочу закончить, и думаю смогу это сделать.

Подсудимый, когда вы впервые узнали о многих австрийцах, которые умерли в концентрационных лагерях после аншлюса?

Зейсс-Инкварт: О многих австрийцах, которые умерли в концентрационных лагерях? Я на самом деле узнал об этом в этом зале суда, но про многих австрийцев, которые находились в концентрационных лагерях, вероятно в течение 1943-44. В 1938-39 я знал о том, что некоторые политические противники находились в концентрационных лагерях, но они постепенно снова освобождались или по крайней мере некоторые из них.

Додд: Вы не знали, что их убивали в Бухенвальде уже в 1939? Вы не знали некоторых из этих людей и об их смертях? Теперь, подумайте минуту, перед тем как ответить. Вы не знали о смерти в Бухенвальде людей, которые были вашими политическими противниками.

Зейсс-Инкварт: Господин обвинитель, я не помню.

Додд: Вы никогда об этом не слышали ни слова?

Зейсс-Инкварт: Я вообще не хотел так сказать. Если вы назовёте мне имя, тогда я сразу скажу вам какой была ситуация.

Додд: Я знаю, если я скажу вам имя, вы скажете мне, что слышали об этом. Однако, я сначала спрошу вас знали ли вы о том, что некоторые из них умерли в этих лагерях. Это всё, что я хочу знать. Это были общеизвестные сведения в Австрии, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Я совершенно точно признаю, что такое возможно, что мне говорили о том, что тот или иной умер в лагере уже в 1938 или 1939.

Додд: Что же, вы всё также продолжали быть с нацистами, хотя, по крайней мере, знали, что большое число ваших земляков бросили в концентрационные лагеря. Вам не было разницы? Чтобы вы ни думали до аншлюса, вы точно знали, что они делали потом.

Зейсс-Инкварт: Не может быть речи о том, что я знал о том, что большое количество умерло. То, что было немного, тот или другой, кто умер, особо на меня не действовало, потому что между 1934 и 1938, по крайней мере, столько же национал-социалистов умерло в концентрационных лагерях доктора Дольфуса и Отечественного фронта, то есть, австрийского государства.

Додд: А теперь, вы не согласитесь со мной, что условия в Австрии были самими плохими после прихода нацистов и они шли от плохого к худшему, и вы это знали и любой в Австрии это знал? Или вы занимаете позицию, что они улучшались? Я бы хотел знать ваше мнение.

Зейсс-Инкварт: Я скажу вам совершенно откровенно. Конечно, если вы сегодня слушаете лидеров политической оппозиции, тогда это было ужасно. Однако, если бы вы видели людей до 1939, тогда вы бы могли понять, что у них была путёвка в жизнь, потому что безработица исчезла и дух был совершенно иным. Но затем война изменила всё это.

Додд: Самый последний вопрос, если вы сможете ответить кратко.

Я понимаю вы принимаете ответственность за всё, что происходило в Польше, за то, что бы не происходило в Польше? Это совместная ответственность с Франком? Вы принимаете это как его заместитель?

Зейсс-Инкварт: Прежде всего, это можно применять только ко времени, когда, я находился там и действовал как заместитель.

Додд: Конечно. Я, безусловно, не говорю о том, когда вы уехали оттуда. Я говорю только о времени, когда вы находились там.

Зейсс-Инкварт: Что же, затем, как заместитель, только там где я действовал в качестве заместителя или там где преступления доходили до моего сведения, и я не предпринимал против них мер.

Додд: Господин председатель, я хочу зачитать под протокол лишь одну фразу из документа, который уже предъявлен в качестве доказательства. Это документ PS-2233; и из этого документа, страница 1, параграф 4, я бы хотел прочитать, потому что часть из него читала защита, а другую часть пропустила. Это под малой арабской цифрой 3:

> «Необходимые полицейские и иные мероприятия вытекающие из них будут находится под непосредственным руководством начальника полиции безопасности, всякой самовольной акции следует строго избегать»

Кстати, это имело отношении к «акции АВ[93]» относительно которой показывал свидетель.

Записи показывают, что именно, вы, подсудимый, присутствовали тогда, когда подсудимый Франк обсуждал эту акцию «АВ» и сделал заявление, которое я

[93] Акция АБ – сокр. с нем. Außerordentliche Befriedungsaktion, мероприятия по уничтожению представителей польской интеллигенции весной и летом 1940.

зачитал под протокол. Разумеется, вы не отрицаете ответственность за всё, что делалось согласно акции АВ, не так ли? Потому что вы знали о ней.

Зейсс-Инкварт: Ни в связи с делом АВ ни с каким-либо иным делом я ничего не отрицаю. Я специально говорил об «акции АВ».

Додд: Господин председатель, документ PS-2233, который СССР-223, теперь доступен на французском языке. Он уже является доказательством и был принят трибуналом, но французская копия не была доступна тогда, когда мы его приобщали. Теперь он полностью переведен на французский, и я приобщаю его трибуналу для ознакомления на французском языке.

Я завершил свой допрос.

Председатель: Господин Додд, вы сказали, что документ от 11 ноября 1937, PS-3396, был новым документом. Вы присвоили ему номер?

Додд: Секундочку, господин председатель. Я проверю это. Я хотел его приобщить, и боюсь, забыл это сделать. Он станет USA-889. Это был новый документ, и я намерен приобщить его.

Председатель: Трибунал отложен, и мы соберемся в десять минут второго.

[*Объявлен перерыв до 14 часов 10 минут*]

Вечернее заседание

Штейнбауэр: Свидетель, французский обвинитель спросил вас, были ли вы заместителем генерал-губернатора Франка, и по этой причине знали Аушвиц. Вы можете сказать, где располагался Аушвиц?

Зейсс-Инкварт: Аушвиц был не в регионе Генерал-губернаторства[94], но скорее в районе относившемся к гау Верхняя Силезия.

Штейнбауэр: Спасибо. Затем этот же обвинитель представил вам показания девушки 20 лет, по имени Кунце, в PS-3594. Согласно этим показаниям вы предположительно непрерывно направляли доклады Гиммлеру.

Зейсс-Инкварт: Вчера вечером, когда мне предъявили этот вопрос, я довольно устал, и сделал заявление в чём-то противоречащее факту содержащемуся в документе и сказал, что в параграфе 3 упоминались некие доклады которые не имели связи со мной. Итак, эта свидетельница утверждает, что доклады касавшиеся условий евреев шли от меня к Гиммлеру при помощи полиции безопасности. Это полная бессмыслица, которой противоречит результат. Рейхскомиссары никоим образом не подчинялись Гиммлеру, что касалось еврейского вопроса. Я направил вероятно два или три письма касавшихся отдельных случаев. Они пошли из моего

[94] Генерал-губернаторство (1939—1945) — административно-территориальное образование на территории оккупированной в 1939 году нацистской Германией Польши.

штаба в штаб Гиммлера, но никогда через полицию безопасности.

Штейнбауэр: Этого достаточно. К тому же, вам предъявили показания доктора Карла Георга Шёнгарта по вопросу расстрела заложников.

Зейсс-Инкварт: Да. Шёнгарт был преемником или точнее, заместителем Раутера; и правильно то, что он пришёл ко мне после осмотра места покушения. Он сказал мне, что Гиммлер требовал расстрела 500 реальных заложников, видных голландцев. Я был ошеломлён; и Шёнгарт сразу же сказал, что об этом не может быть и речи. Потом я со всей определённостью сказал Шёнгарту: «Но мы должны что-то сделать, мы каким-то образом должны на это отреагировать». Тогда он сказал мне, что по ряду дел имелись смертные приговоры, которые должны были быть привести в исполнение расстрелом в течение следующих дней и недель. Он предложил, чтобы этих людей расстреляли и чтобы было сделано объявление о том, что это было возмездие за покушение.

Штейнбауэр: Вы и командующий вооруженными силами в Нидерландах в связи с вопросом заложников принимали предупреждения населению, как установлено международным правом.

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, доступен документ, который содержит моё предупреждение от саботажа, и т.д., в котором я угрожал, в случае нарушения законов, конфисковать имущество и призвать население охранять город.

Штейнбауэр: Я бы хотел обратить внимание трибунала на то, что данное предупреждение содержится в PS-1163.

[*Обращаясь к подсудимому*] Далее, я предъявляю вам документ, который является допросом подсудимого, генерала Христиансена, в котором он говорит, что вы были тем, кто отдал приказ о расстреле заложников.

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, что Христиансен это не говорит. Он признаёт, что он отдал приказ, но имеет в виду, что я, так сказать, требовал этого за кулисами. Я сделал своё заявление, но вероятно свидетель Виммер сможет дать нам более точные детали этого, поскольку он присутствовал на этой дискуссии, как заявляет сам Христиансен.

Штейнбауэр: Вчера вечером я ещё раз изучил данный вопрос, поскольку у меня в памяти осталось распоряжение суда, о том, что это заявление свидетеля, которое в на самом деле показания обвиняемого лица, было допущено судом. По моему мнению, параграф 21 устава имеет в виду кое-что ещё. Мне кажется, что отрывочная вещь подобная этой не имеет никакой доказательственной ценности, ибо теоретически возможно, что Христиансен может быть осуждён британцами на том основании, что его заявление неправильное. Итак, я не хочу затягивать данный трибунал, но я желаю обратить внимание на равнозначное заявление криминалькомиссара Мунта[95], которое я уже предъявил в документальном номере 77, страница 199.

[95] Йоханнес Мунт (1906 - ?) – гауптштурмфюрер СС. Начальник отдела полиции безопасности и СД в Гааге.

Затем я обращаю ваше внимание на другой вопрос. Французский обвинитель утверждал, что голландские генеральные секретари остались от голландского правительства, чтобы служить в качестве правительства, и что вы необоснованно вмешивались в суверенитет Нидерландов. Что вы на это скажете?

Зейсс-Инкварт: Я ничего не знаю об этом и мне также кажется, что у этого не было последствий. Нидерланды капитулировали, и они сделали так за весь регион за исключением Зееланда.

Условия капитуляции включали только военные детали. С гражданской точки зрения это была безоговорочная капитуляция. Мне кажется, что на основании международного права я полностью обоснованно взял правительство в свои руки.

Штейнбауэр: С позволения трибунала в этой связи я бы хотел предъявить документ, который рассматривает этот вопрос. Это вердикт верховного суда Нидерландов от 12 января 1942. В своей заключительной речи я сошлюсь на его юридический аспект. Он будет предъявлен трибуналу в заверенной форме на четырех языках через обвинение, которое согласилось с этим. Экземпляр номер 96.

Далее, французский обвинитель утверждал, что вы проводили массовые расстрелы и в частности депортации рабочих и перемещение евреев, для того, чтобы ослабить биологическую силу Нидерландов.

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, я могу привести конкретные примеры, которые показывают, что у меня были противоположные намерения. Точно то, что во время войны возникают потери среди населения и вероятно, если бы я уделял больше внимания или оказывал большее сопротивление, я мог бы что-то предотвратить. Этого не происходило, я искренне сожалею. Но две цифры решающие: цифры смертности и те, что показывают рост населения.

До 1944, уровень смертности в Голландии, на основании статистических данных бюро статистики Нидерландов, вырос с 9,5 до 10 на тысячу, в то время как в 1914-18, изначальный уровень 12 на тысячу возрос до 17 на тысячу, другими словами почти на 50 процентов, при том, что голландцы подчинялись своему правительству, не находились в войне, и не находились в блокаде. Согласно статистике, которую я получил из бюро статистики Нидерландов, с 1914 по 1918 было падение на половину. В годы моего управления, до 1944 население увеличилось с 20 на тысячу до 25 на тысячу. Это рост на одну четверть. Конечно, это в основном из-за желания голландцев жить. Но это также разумеется и следствие мер моей гражданской администрации.

Штейнбауэр: Для того, чтобы подтвердить цифры, приведенные моим клиентом, я бы хотел предъявить доклад центрального статистического бюро Нидерландов. Я получил его от генерального секретаря в немецкой и английской версии, но он не заверен. Оригинал должен находиться в офисе генерального секретаря.

Зейсс-Инкварт: Я бы хотел заметить, что в этой статистике…

Председатель: Доктор Штейнбауэр, как вы показываете, что это относится к делу?

Штейнбауэр: Потому что в обвинительном заключении и на процессе здесь, утверждали о том, что Зейсс-Инкварт имел намерение германизировать голландский народ и сломить сопротивление и потому что он также нёсет ответственность за плохое состояние здоровья населения, снижение рождаемости и уровень смертности. Всё это утверждения сделанные в докладе голландского правительства и частично представленные здесь. Вчера, с разрешения трибунала, я представил этот запрос голландскому правительству и я получил этот ответ. Фактически ответ был больше чем я запрашивал, в частности учитывая жертв войны. Но мы воздаём должное истине и предъявляем это в том виде как имеем.

Председатель: Значит вы приобщаете это? Вы приобщаете это в качестве доказательства?

Штейнбауэр: Я предъявляю это под номером, полученным от генерального секретаря. Это номер 106.

Зейсс-Инкварт: Я бы хотел добавить, что снижение рождаемости в 1914-18 показывает меньшую цифру, чем доклад, который я получил в январе 1945.

Штейнбауэр: У меня всё ещё есть два коротких вопроса относительно Австрии. Первый вопрос такой: американский обвинитель обвинил вас в том, что вы дали Мюльману записи, чтобы привезти их в Берхтесгаден. Вы можете сказать, что содержалось в записях?

Зейсс-Инкварт: Да, это был результат дискуссии, которую я только что провёл с доктором Шушнигом и это включало, прежде всего, договорённость призвать доктора Юри, Рейнталлера[96] и доктора Фишбока и учреждение национально-политических секций – в рамках Отечественного фронта – короче, вещи, о которых мы договорились, вещи которые Адольф Гитлер в Берхтесгадене, не проводил при помощи австрийских национал-социалистов.

Штейнбауэр: Затем американский обвинитель спросил вас о том, знали ли вы о том, что австрийцы умирали в концентрационных лагерях после аншлюса. Вы ответили нет, что вы не знали это. Однако люди умирали в австрийских концентрационных лагерях. Здесь в зале суда, в течение месяцев, вы познакомились с условиями в концентрационных лагерях. Вы имеете в виду, что они являлись идентичными тем, что вы имели в виду?

Зейсс-Инкварт: Вовсе нет.

Штейнбауэр: Спасибо, этого достаточно.

Зейсс-Инкварт: И помимо этого, я сказал, что слышал, что может быть возможно, что австрийцы умирали в германских концентрационных лагерях. Австрийские концентрационные лагеря никоим образом нельзя сравнивать с тем, что мы услышали здесь о германских концентрационных лагерях.

Штейнбауэр: Спасибо. Я завершил свой основной допрос подсудимого и с

---

[96] Антон Рейнталлер (1895 – 1958) – австрийский правый политик. После 1938 занимал ряд второстепенных должностей в органах власти Германии.

разрешения трибунала, я бы хотел вызывать своего первого свидетеля по австрийскому вопросу генерала Гляйсе-Хорстенау.

Биддл: Подсудимый, вы сказали, что считали, что законы сухопутной войны были устаревшими. Вы помните?

Зейсс-Инкварт: Да.

Биддл: Вы считаете, что они все устарели?

Зейсс-Инкварт: Нет.

Биддл: Какие из них вы считаете устаревшими?

Зейсс-Инкварт: Я считал, что договорные нормы о защите гражданского населения отстали от технического развития вооружений, ибо некоторые очевидные военные меры, такие как тотальная блокада, уничтожение бомбардировками, и т.д. приводили в основном к уничтожению гражданского населения и соответственно оправданными только если бы гражданское население считали военным потенциалом подобно войскам на фронте. Но если в этом дело, тогда гражданское население оккупированных стран следует рассматривать таким же образом.

Биддл: И когда вы говорите «рассматривать таким же образом» вы, следовательно, хотите сказать, что Германия имела право использовать гражданское население, чтобы сражаться в войне, производить боеприпасы и так далее, вывод не такой?

Зейсс-Инкварт: Да, мой вывод такой.

Биддл: Когда вы пришли к такому выводу?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, приблизительно с нарастанием бомбовых атак.

Биддл: Забудьте о бомбовых атаках. Просто назовите мне дату. Когда это пришло?

Зейсс-Инкварт: В конце 1941 или начале 1942.

Биддл: Хорошо; теперь есть два коротких вопроса. Вы сказали, что вы говорили фюреру, что не будете выступать как троянский конь, правильно?

Зейсс-Инкварт: Да, конечно.

Биддл: Что же, он предлагал вам, чтобы вы действовали как троянский конь?

Зейсс-Инкварт: Нет, нет, но я полностью понимал своё трудное положение. Мне было совершенно очевидно, что меня могли неправильно использовать с такими целями, чтобы за спиной моего министерского поста можно было подготовить овладение Австрией.

Биддл: Что же, вы использовали это выражение некоторое время после беседы с фюрером, не так ли?

Зейсс-Инкварт: В ходе дискуссии, но сама по себе мысль пришла ко мне раньше, я лишь затронул это во время дискуссии.

Биддл: Да, вам нужно было обдумать это некоторое время?

Зейсс-Инкварт: Да.

Биддл: С тех пор как вы оказались втянуты в австрийский вопрос вы думали об этом, я полагаю?

Зейсс-Инкварт: Возможность разногласий и разницы во мнениях об этой ситуации

была мне совершенно ясна.
Биддл: Что ваши действия могут быть неверно истолкованы?
Зейсс-Инкварт: Прежде всего, и во-вторых, факт моей деятельности можно было эксплуатировать таким способом о котором я не планировал.
Биддл: Конечно, вы одновременно представляли обе стороны и это всегда было трудно, не так ли?
Зейсс-Инкварт: Правильно.
Биддл: А теперь, рассмотрим вопрос объявления утраты прав на имущество врагов государства. Вы делали эти заявления, я полагаю, не так ли, как рейхскомиссар?
Зейсс-Инкварт: Да.
Биддл: И это делали согласно распоряжению фюрера дающего вам право делать это?
Зейсс-Инкварт: В этом заключалась основополагающая практика которая была текущей в Рейхе и если бы я не получил приказ, я несмотря на это имел своего рода директиву…
Биддл: Минуточку. Я не спрашиваю вас о практике. Это делали по распоряжению, не так ли? Эта практика была согласно распоряжению?
Зейсс-Инкварт: Да.
Биддл: И это распоряжение применялось ко всем оккупированным территориям, не так ли?
Зейсс-Инкварт: Я так не думаю. Я впервые объявил об этом распоряжении в Нидерландах сам. Меры в Нидерландах возникли на основе моей директивы.
Биддл: Я это понимаю. Я не хочу, чтобы вы путались. Ваша акция предпринималась согласно распоряжению фюрера, не так ли, предоставившего вам полномочия; это правильно?
Зейсс-Инкварт: Скажем так на основании директивы.
Биддл: Директивы фюрера, правильно?
Зейсс-Инкварт: Да.
Биддл: Эта директива в доказательствах? Она приобщалась в качестве доказательства?
Зейсс-Инкварт: Я так не думаю.
Биддл: Хорошо. Теперь скажите нам, что в ней содержалось. Что было в этой директиве?
Зейсс-Инкварт: Это была общая директива о том, что имущество лиц совершивших акты враждебные Рейху должны были конфисковать. Я уже принимал распоряжение похожее на это в Австрии. Самое первое было принято в самом Рейхе, оно являлось образцом.
Биддл: Итак, вы были человеком в Нидерландах, который имел полное усмотрение при определении того, кто был врагом Рейха, не так ли? Это было вашим решением согласно распоряжению?

Зейсс-Инкварт: Нет, на самом деле это был вопрос полиции и судов.
Биддл: Понимаю.
Зейсс-Инкварт: Я имел только влияние.
Биддл: Итак, полиция не должна была идти в суды, чтобы точно удостовериться, не так ли?
Зейсс-Инкварт: Нет. Либо полиция напрямую принимала подобное решение или людей передавали в распоряжение суда, и суд приговаривал людей на основании неких нарушений, и затем на основании приговора имущество страдало от юридических последствий.
Биддл: Итак, имущество масонов конфисковали согласно этому распоряжению. Какое другое имущество, каких других групп, конфисковали в Нидерландах согласно этому распоряжению фюрера? Я не имею в виду индивидуумов, я имею в виду группы.
Зейсс-Инкварт: Сейчас я не могу вспомнить о каких-либо других, хотя было несколько других групп.
Биддл: Но, в свою очередь – посмотрим, правильно ли я говорю о практике – полиция решала о том, что индивидуум или группа индивидуумов, из-за своих слов или действий, были врагами Рейха, и затем их имущество конфисковали; правильно?
Зейсс-Инкварт: Да. И решающим ведомством этого времени был Гейдрих.
Биддл: Решающим фактором был Гейдрих?
Зейсс-Инкварт: И нидерландские службы осуществляли его решения.
Биддл: И вы осуществляли решения Гейдриха; правильно?
Зейсс-Инкварт: Я исполнял решения Гейдриха, когда доходило до имущественных прав. Свидетели Иеговы[97] относились к этим группам.
Биддл: О, свидетели Иеговы тоже относились к этой группе?
Зейсс-Инкварт: Они были среди них.
Биддл: Имущество свидетелей Иеговы тоже конфисковали, поскольку они были врагами Рейха?
Зейсс-Инкварт: Наверное у них было немного, но то, что они имели конфисковали, из-за их отношения отказа служить военным усилиям.
Биддл: Они отказались – давайте внесём ясность. Это интересно. Свидетели Иеговы отказались сражаться или участвовать в германских военных усилиях и поэтому их имущество конфисковали? Это правильно?
Зейсс-Инкварт: Не совсем. Свидетели Иеговы в Германии отказывались служить в германской армии. А значит, прежде всего, они были там запрещены и затем этот запрет распространился на все остальные регионы.
Биддл: Минуточку. Я говорю не об этом. Я говорю о Нидерландах. Это было

[97] Свидетели Иеговы — международная религиозная организация. Основана в 1931 под названием «Исследователи Библии»

правдой в Нидерландах?
Зейсс-Инкварт: Да, но свидетелей Йеговы в Нидерландах запретили не, потому что они отказывались служить в германской армии, но скорее, потому что мы в принципе были против этой группы.
Биддл: О, понимаю, общие принципы. Что касается пацифистов, вы были против них, поэтому конфисковали их имущество, правильно?
Зейсс-Инкварт: Да.
Председатель: Подсудимый может вернуться на скамью.

[*Свидетель Гляйсе-Хорстенау занял место свидетеля*]

Председатель: Повторяйте за мной эту присягу: «Клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Штейнбауэр: Свидетель, какое положение вы имели в австро-венгерской монархии?
Гляйсе-Хорстенау: Я родился в 1882 в Браунау в Верхней Австрии. Я выходец из офицерской семьи французского происхождения. В 1918 я был майором генерального штаба в австрийской ставке как консультант по политике и прессе.
Штейнбауэр: Какое положение вы имели в австрийской республике?
Гляйсе-Хорстенау: После переворота 1918 я был на гражданской службе директором архивов университета, историком и писателем. Помимо прочего, я был автором крупной работе о крахе старой Австрии, которая…
Штейнбауэр: Генерал, к сожалению прерву вас, но мы хотим ваши публичные должности, мне интересно знать только о них.

Какие публичные должности вы имели?

Гляйсе-Хорстенау: Директор архивов, затем с 11 июля 1936 я был министром в кабинете Шушнига, как гарант июльского соглашения[98] и затем в мартовские дни 1938 я был в кабинете Зейсс-Инкварта.

В ноябре 1939 я добровольно вступил в германскую армию, сначала на незаметную работу инспектора регистрации захоронений, а с 1941 я должен был выполнять дипломатические задачи и исполнял обязанности в Загребе не командуя войсками. В сентябре 1944 я был уволен со своего поста в Загребе, потому что будучи австрийцем старого режима, я был против официальной политики и был одним из главных противников террора усташей[99]. Ещё одна причина заключалась в

[98] Соглашение между Германией и Австрией от 11 июля 1936 о взаимном признании суверенитета.
[99] Усташи (хорв. Ustaše — «восставшие», «повстанцы» от хорв. Ustanak, восстание, ед.ч. — устáш; хорв. Ustaša),

том, что я якобы назвал главу государства, который был выбран и назначен нами, Анте Павелича[100], «преступным субъектом», вместе с другими недипломатичными вещами.

Штейнбауэр: Генерал, я задам вам несколько коротких вопросов и вполне достаточно если вы ответите на них обобщающей фразой. Трибунал не хочет знать очень много о самом аншлюсе, но всё о том как он случился. Поэтому я спрашиваю вас очень коротко: после июльского путча 1934[101], вы каким-либо образом были связаны с канцлером Шушнигом?

Гляйсе-Хорстенау: Да.

Штейнбауэр: Какой в то время была экономическая ситуация?

Гляйсе-Хорстенау: Экономическую ситуацию в то время можно охарактеризовать при помощи средней цифры безработицы. Из 6 миллионов жителей, 400000 были безработными, и это означает, считая их семьи, что больше миллиона были в нужде из-за безработицы.

Штейнбауэр: Какие возможности имелись в отношении расширения экономического района?

Гляйсе-Хорстенау: В связи с этим я могу открыто и незамедлительно сказать, что все возможности всегда получали ответ «нет». Если Австрия хотела аншлюсс, ответ был «нет». Если Австрия хотела призвать обратно Габсбургов[102], ответ был «нет». Если Австрия хотела войти в германский таможенный союз для того, чтобы расширить свой экономический район, ответом было «нет», и когда такие великие люди как Бриан[103] и Тардьё[104] говорили о дунайской федерации, мы получали только холодный душ от наших автаркически[105] мыслящих соседей. Это

также известные как Усташи — хорватское революционное движение — до апреля 1941 года хорватская фашистская ультраправая, националистическая, клерикальная организация, основанная Анте Павеличем в 1929 году в Италии. С апреля 1941 года по май 1945 года стояла во главе Независимого государства Хорватия (НГХ).

[100] Анте Павелич 1889—1959) — хорватский политический и государственный деятель радикального националистического направления, основатель и лидер фашистской организации Усташей (1929—1945). В 1941—1945 годах — диктатор («Поглавник») Независимого государства Хорватия (НГХ), основанного в апреле 1941 года при военной и политической поддержке стран «оси». Скончался от ран после покушения в Аргентине.

[101] 25 июля 1934 года около полутора сотен членов СС штандарта 89, для маскировки одетые в австрийскую военную форму, ворвались в федеральную канцелярию. При попытке к бегству Дольфус был ранен выстрелом в горло.

[102] Габсбурги — одна из наиболее могущественных монарших династий Европы на протяжении Средневековья и Нового времени. С 1342 года непрерывно правили в Австрии, с 1438 года занимали (с кратким перерывом в 1742—1745 годах) престол Священной Римской империи, после роспуска которой (1806) возглавляли многонациональные Австрийскую (1804—1867) и Австро-Венгерскую империи (1867—1918). Правители всех перечисленных государств имели резиденцию в венском Хофбурге.

[103] Аристид Бриан (1862—1932) — французский политический деятель Третьей республики, неоднократно премьер-министр Франции, министр иностранных дел, внутренних дел, военный и юстиции. Лауреат Нобелевской премии мира 1926 года (вместе с Густавом Штреземаном) за заключение Локарнских соглашений, гарантировавших послевоенные границы в Западной Европе.

[104] Андре Тардьё (1876 — 1945) — французский политический деятель, дипломат, журналист. Глава правительства Франции в 1929—1930 и 1932 гг.

[105] Автаркия (от др.-греч. αὐτάρκεια — самообеспеченность; самодостаточность) — система замкнутого воспроизводства сообщества, с минимальной зависимостью от обмена с внешней средой[1]; экономический режим самообеспечения страны, в котором минимизируется внешний товарный оборот. В современной экономической лексике автаркией обозначают экономику, ориентированную внутрь, на саму себя, на развитие без связей с другими странами. В этом плане автаркия — закрытая экономика, экономика, предполагающая абсолютный суверенитет.

австрийская трагедия.

Штейнбауэр: Итак, была сформирована партия которая взяла аншлюс в качестве основного пункта своей программы. Какими были методы борьбы этой партии?

Гляйсе-Хорстенау: В 1918 стандартным носителем аншлюса была немного немало социал-демократическая партия под руководством Отто Бауэра[106], который годом ранее объявил аншлюс единственной возможностью для австрийского пролетариата. Позже национал-социалистическая партия сгруппировалась на фронте, хотя она не был единой, точнее, до конца двадцатых в результате безоговорочного подчинения руководству Адольфа Гитлера.

Штейнбауэрбауэр: Кто тогда был лидером НСДАП в Австрии в то время?

Гляйсе-Хорстенау: Сами лидеры часто менялись. Однако, Гитлер направил ландесляйтера по имени – что у него было за имя, пруссака – сейчас не могу думать об этом имени – который был выслан из страны Дольфуссом в 1933. Хабихт[107] – доктор Хабихт его имя.

Штейнбауэр: И после него, правильно, что это был капитан Леопольд?

Гляйсе-Хорстенау: После него капитан Леопольд пришёл в руководство партии.

Штейнбауэр: И как австрийские национал-социалисты выступали в отношении Адольфа Гитлера?

Гляйсе-Хорстенау: Они считали себя обязанными абсолютной преданностью и верностью.

Штейнбауэр: Итак, было достигнуто известное соглашение от 11 июля 1936. После этого соглашения, вы встретили Зейсс-Инкварта. Что он сказал вам о своих политических задачах?

Гляйсе-Хорстенау: Я познакомился с Зейсс-Инквартом незадолго до этого соглашения. Не помню точно, что он сказал мне тогда о своих политических задачах. В целом, это совпадает с тем, что он позднее излагал в качестве своих политических задач.

Штейнбауэр: И в чём они заключались, вкратце?

Гляйсе-Хорстенау: Партия, не как организация, а только как поддержка идеологии в тоталитарном инструменте режима Дольфуса-Шушнига, в Отечественном фронте – одновременно их члены должны были признать государство и конституцию Австрии и кроме этого имели благословение Адольфа Гитлера.

Штейнбауэр: Вы лично имели дела с фюрером, Адольфом Гитлером, или беседовали с ним?

Гляйсе-Хорстенау: Кроме марта 1938, у меня было три возможности говорить с Адольфом Гитлером.

Штейнбауэр: Когда Зейсс-Инкварт вошёл в правительство?

---

[106] Отто Бауэр (1881 — 1938) — австрийский политический деятель, революционер и публицист, теоретик австромарксизма, заместитель генерального секретарь Социал-демократической партии Австрии в 1918-1934.

[107] Теодор Хабихт (1898 – 1944) – нацистский политик. Глава нацистской партии Австрии в изгнании в 1933-1934. Убит на Восточном фронте.

Гляйсе-Хорстенау: Зейсс-Инкварт вступил в правительство после 12 февраля 1938.
Штейнбауэр: Он посещал Адольфа Гитлера?
Гляйсе-Хорстенау: Насколько помню, он посетил Адольфа Гитлера 17 февраля.
Штейнбауэр: Он докладывал о своём визите к Гитлеру Шушнигу и другим членам кабинета?
Гляйсе-Хорстенау: Разумеется, он рассказал Шушнигу и мне тоже.
Штейнбауэр: Он оказывал содействие в запланированном плебисците который должен был состояться 13 марта 1938?
Гляйсе-Хорстенау: Тогда не зная о плебисците, я ушёл 6-го числа, в двухнедельный отпуск. Поэтому я не могу дать вам надежный ответ об этом.
Штейнбауэр: Но вам известно, было ли решено об этом плебисците на совете министров с согласия Зейсс-Инкварта или нет? Он потом говорил вам об этом?
Гляйсе-Хорстенау: По моим сведениям, совет министров не занимался плебисцитом.
Штейнбауэр: Национал-социалисты согласились с плебесцитом?
Гляйсе-Хорстенау: Насколько я мог судить по возвращении из отпуска, безусловно нет.
Штейнбауэр: Итак, стало известно, что Шушниг хотел иметь плебисцит. Где были вы и что вы видели в то время?
Гляйсе-Хорстенау: 6 марта, как я уже сказал, я поехал в отпуск, и в Штутгарте я прочитал лекцию, которую долго планировал. И темой моего выступления была «Центральная Европа в 1000 году нашей эры».
Штейнбауэр: Нас не интересуют детали, а только факты.
Гляйсе-Хорстенау: Затем я совершил частный визит в Ландау в Пфальце, чтобы навестить французских родственников, и там Бюркель, которому я ничего не говорил о своём прибытии пришёл на встречу со мной, и в его доме я услышал по радио речь Шушнига в Иннсбруке. Мне сразу было ясно, что запланированный плебисцит, ввиду характера Гитлера, безусловно вызовет какую-то тяжёлую контрмеру, и я сразу решил лететь в Вену. Бюркель должен был организовать это. Однако он позвонил в рейхсканцелярию и Гитлер высказал желание, чтобы я приехал в Берлин. Я приводил причины своего согласия американскому обвинителю и потом, только там, я узнал зачем Гитлер вызвал меня в Берлин. Я услышал из уст абсолютно достоверного свидетеля, что он не хотел, чтобы я возвращался в Австрию. Он знал о том, что я был противником всяческих силовых решений. В ночь с 9 на 10 марта я прибыл к Гитлеру и вёл дискуссию которая длилась 2 ½ часа, совещание которое не приобрело никаких конкретных пропорций и не привело ни к какому конкретному решению. Вместо этого он сказал мне о том, что в ходе дня, в 11 часов утра, он вызовет меня. Фактически, он не вызывал меня до 8 часов вечера для того, чтобы дать мне проекты для Зейсс-Инкварта: а) предложение отставки Шушнигу и б) речь по радио.

Я заявил о том, что не могу сам доставить эти записи в Австрию, и попросил позаботиться об обычном способе при помощи курьера.

Позже я получил третий проект от Геринга, который был в то время фельдмаршалом. В нём была телеграмма содержащая вторую просьбу к Гитлеру о выступлении германских войск. Я бы с самого начала хотел сказать, все эти проекты – насколько знаю был ещё третий проект – не имели никакого фактического значения. Таким был мой опыт в Берлине 11-го.

Штейнбауэр: Затем вы вылетили в Вену и встретились с Зейсс-Инквартом. Что вы делали с ним в то критическое утро 11 марта?

Гляйсе-Хорстенау: Зейсс-Инкварт встретил меня в аэропорту. Я коротко уведомил его о том, что произошло в Берлине и полностью донёс до него тяжкие сомнения которые имел. Вместе, Зейсс-Инкварт и я, в 11 часов утра, вскоре после моего прибытия, пошли на встречу с Шушнигом. Пока Зейсс-Инкварт ставил перед Шушнигом определенные внутриполитические проблемы, о которых я не знал, потому что отсутствовал, я заметил Шушнигу, который был в слезах, что была большая угроза новых мировых осложнений, даже новой мировой войны, и умолял его отказаться и отменить плебисцит который запланировали на воскресенье.

Штейнбауэр: Вы и Зейсс-Инкварт предложили подать в отставку?

Гляйсе-Хорстенау: Не могу вспомнить зашли ли мы настолько далеко устно. Обсуждение было сравнительно коротким, но потом, в час, мы предложили уйти в отставку.

Для этого был не нужен ни указ Гитлера ни указ лидера национал-социалистов Клаузнера. Уже в четверг вечером я принял своё решение в доме Бюркеля о том, что в связи с плебисцитом, я бы также воспользовался традиционным методом министерской отставки для того, чтобы по возможности предотвратить ещё худшее.

Штейнбауэр: И как Шушниг отреагировал на это предложение отложить плебисцит?

Гляйсе-Хорстенау: Шушниг сначала был сдержан, но около 2 часов вечера, Гвидо Шмидт и Гвидо Цернатто – не скажу вам кто были эти господа – прилагали усилия создать с Зейсс-Инквартом modus vivendi. Сам я держался на отдалении поскольку моя миссия полностью завершилась 12 февраля.

Штейнбауэр: И что делал вечером Зейсс-Инкварт?

Гляйсе-Хорстенау: Вскоре после этой дискуссии, которая не дала никакого результата, Шушниг всё ещё медлил. Но наконец, он заявил о том, что в соответствии с высказанными пожеланиями он отложит воскресный плебисцит. Мне казалось, что худшее позади. Вскоре Зейсс-Инкварта вызвали к телефону и вернувшись заметно взволнованным, он сказал, что его уведомили из Берлина о том, что Гитлер больше не сможет работать с Шушнигом, и что Зейсс-Инкварт должен был потребовать стать преемником на посту канцлера.

Зейсс-Инкварт пригласил меня пойти с ним к Шушнигу. Я отказался от этого по причинам деликатности. Зейсс-Инкварт пошёл один и скоро вернулся и мы имели дискуссию которая как мне кажется представляет интерес для суда. Он был уверен в получении канцлерства и сказал мне почти с ноткой сожаления: «Теперь в конце концов придётся взять нацистов, и мы будем работать с католиками и другими кто имеет похожую направленность создав политическое объединение которым я буду руководить». Однако, он собирался потребовать от Гитлера, что касалось внутренней политики, договоренности о пятилетнем спокойствии.

Штейнбауэр: И, конечно Гитлер не согласился с этим. Вместо этого он пошёл в Австрию и предъявил вам закон. Вас назначили вице-канцлером. Вы подписали этот закон, и почему?

Гляйсе-Хорстенау: Я контрассигновал[108] этот закон. Я вошёл в правительство после того как Кепплер попросил меня, и я контрассигновал этот закон по трём причинам: Во-первых, под впечатлением, что Австрия оказалась одинокой в мире, и никто не пошевелил и пальцем в нашем интересе, во-вторых, и я должен сказать здесь кое-что, что говорили в южногерманской прессе, я оказался под впечатлением подавляющих уличных демонстраций которые состоялись. Можно называть это психологией масс или как хотите, но эта психология масс была в наличии и это была несравнимая народная демонстрация. В-третьих, на Балльхаусплац[109], в ночь, когда я получил этот закон в свои руки – я не принимал участия в возникновении этого закона – мимо меня проехали германские танки и свершилась оккупация страны Адольфом Гитлером. Вместе с ним это означало «покорись или развались». Если бы Австрия попыталась выразить другую волю это было бы невозможно.

Конечно, кто-то склонен говорить о моей родной стране, что она должна была совершить самоубийство от страха смерти…

Штейнбауэр: Достаточно генерал, спасибо. Господин председатель, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

Кубушок: Июльское соглашение было заключено в результате давления Германии или в результате взаимного желания и взаимного интереса?

Гляйсе-Хорстенау: Его заключили на основе взаимного желания и взаимного интереса.

Кубушок: Тогда и потом вы полностью доверяли Шушнигу, а он вам?

Гляйсе-Хорстенау: До зимы 1937-38 мои отношения с Шушнигом были полностью доверительными.

Кубушок: Вам, что-нибудь известно о намерении господина фон Папена устранить канцлера Шушнига?

Гляйсе-Хорстенау: Не было ни малейшего намека на это.

---

[108] Контрасигнатура, контрасигнация, контрасигиляция — порядок, при котором утверждённые главой государства или парламентом законы подлежат обязательному заверению подписью премьер-министра или уполномоченного министра для придания этому акту юридической силы.

[109] Балльхаусплац – площадь в центре Вены на которой расположена федеральная канцелярия Австрии.

Кубушок: Что представлял собой так называемый «фонд помощи Лангота»?
Гляйсе-Хорстенау: Фонд помощи Лангота был фондом который был тихо создан правительством в типично австрийской манере – это не критика, сказать мне, что это типично австрийская манера – для помощи членам семей национал-социалистов которых лишили свободы.
Кубушок: Шушниг и правительство имели сведения об этом фонде?
Гляйсе-Хорстенау: Они оба знали об этом и они точно знали о Ланготе.
Кубушок: В чём заключалось отношение НСДАП и в частности Леопольда к господину фон Папену?
Гляйсе-Хорстенау: НСДАП и Леопольд полностью возражали фон Папену. Они были враждебными к нему с самого начала из-за того, что он был католиком и они всячески ему не доверяли.
Кубушок: Спасибо.
Председатель: Обвинение желает провести перекрёстный допрос?
Додд: Вы знали человека по имени генерал Муфф[110]?
Гляйсе-Хорстенау: Да, очень хорошо.
Додд: Вы имели привычку рассказывать ему всё, что происходило в совете министров Австрии, не так ли?
Гляйсе-Хорстенау: Нет.
Додд: Вам известен Штефан Таушиц[111], австрийский посол в Германии?
Гляйсе-Хорстенау: Ему тоже нет. Мы обсуждали с ним такую же тему, но то, что меня должны были использовать как информатора противоречило моей традиции как солдата империи.
Додд: Тогда, что вы думали о том зачем Бюркель привёз вас в Берлин из Штуттгарта?
Гляйсе-Хорстенау: Извиняюсь, не понял.
Додд: Что вы понимали, что будет целью вашей поездки, когда вас привезли в Берлин из Штуттгарта в марте 1938, когда Гитлер захотел вас видеть?
Гляйсе-Хорстенау: Я не поехал в Берлин из Штуттгарта, а скорее из Пфальца. Гитлер уведомил меня приехать любой ценой. Я рассмотрел вопрос и наконец принял а) потому что я хотел знать, что происходило в Берлине…
Додд: Я хотел знать, что вы думали о цели вашей поездки, когда вы уезжали, откуда бы то ни было, чтобы поехать в Берлин. Что вы понимали под целью?
Гляйсе-Хорстенау: Моё намерение заключалось в том, чтобы принять приглашение Гитлера и понять, что происходило в Берлине.
Додд: Хорошо. Вы сказали трибуналу о том, что вы были заинтересованы исключительно в мирном решении вопроса. Разумеется, когда вы получили эту фальшивую телеграмму и проект речи по радио для Зейсс-Инкварта, вы безусловно

[110] Вольфганг Муфф (1880 – 1947) – немецкий генерал. Военный атташе посольства Германии в Австрии в 1934-1938.
[111] Штефан Таушиц (1889 – 1970) – австрийский политик и дипломат. В 1933 посол Австрии в Германии.

не думали о том, что поступаете мирным и верным способом в отношении Австрии, не так ли?

Гляйсе-Хорстенау: Из всех трёх вещей которые я узнал у меня сложилось абсолютное впечатление о том, что если Шушниг должен был отменить воскресный плебисцит, тогда было возможно мирное решение.

Додд: И что вы полагали, вы будете делать с этой телеграммой, этой фальшивой телеграммой которая просила Гитлера о помощи ввиду беспорядков? Это было за несколько дней до того как случилось на самом деле. Вы знали, что это было абсолютное мошшеничество, очевидное мошенничество. Почему вы вообще согласились отвезти её в Австрию?

Гляйсе-Хорстенау: Я не взял её вместе с собой. Была даже резкая перепалка между мной и фельдмаршалом Герингом. Я не взял её с собой. Это отдали курьеру.

Додд: Вы нам говорили, вам известно, что мы имеем записи, в которых вы сказали о том, что взяли её с собой.

Гляйсе-Хорстенау: Нет, я никогда это не говорил. Это противоречит правде. Я никогда не писал и не говорил, что я взял с собой эти три вещи, но я подчеркивал, что это сделал курьер. Я бы хотел обратить ваше внимание на то, что согласно соглашению от 12 февраля Зейсс-Инкварт имел право работать с государственными и партийными ведомствами Рейха.

Додд: Что же, в любом случае, вы знали о том, что телеграмма была фальшивкой, не так ли? Привезли её вы или Глобочник, это была неправда, не так ли?

Гляйсе-Хорстенау: Прошу прощения, я вообще не имел никакого отношения к этой телеграмме впоследствии. Спустя месяцы я спросил Зейсс-Инкварта отправили ли эту телеграмму, и он сказал: «Нет», её так и не отправили. Я уже сказал, что все три документа не использовали.

Додд: Разумеется Гитлер дал их вам не для того, чтобы выбросить, и когда вы согласились взять их, вы не знали о том, что их не собирались использовать, не так ли?

Гляйсе-Хорстенау: Всё остальное было задачей Зейсс-Инкварта который согласно Берхтесгаденскому соглашению, находился на связи с государственными и партийными ведомствами…

Председатель: Свидетель, попытаетесь ответить на вопрос вместо того, чтобы отвечать на что-то другое?

Гляйсе-Хорстенау: Ну хорошо…

Додд: Что же, я больше не буду давить на вас. Кажется вы считаете, что имели какие-то другие причины, но я не хочу больше на вас давить.

Гляйсе-Хорстенау: Нет, я был бы весьма благодарен если бы я мог понять, но я не понимаю этот вопрос.

Додд: Что же, если вы не понимаете, думаю нет смысла настаивать на нём.

Гляйсе-Хорстенау: Я бы бы благодарен если бы вы его повторили.

Додд: Что я говорю, заключается в том, что по крайней мере, вы знали об этой фальшивой телеграмме которую вам вручили, её проект, думаю вы раньше сказали Гитлер или Геринг. Тогда вы были министром без портфеля австрийского правительства. Разумеется вы знали о том, что это была сущая фальшивка и при этом вы были готовы поехать обратно в Австрию и работать с Зейсс-Инквартом, зная о том, что такую телеграмму организовали и что её направили курьером.

Гляйсе-Хорстенау: Телеграмма утратила всякое значение в результате того, что Шушниг отменил плебисцит, и я откровенно сказал Шушнигу – оставьте это Зейсс-Инкварту который сидел со мной, сказать, что-то более конкретное – о том, что Гитлер выступит если мы не отменим плебисцит. Вот, что конкретно я сказал Шушнигу.

Додд: Хорошо. Я говорю не об этом, но я не будут продолжать с этим.

Вы помните, что сказали нам, что когда Геринг беседовал с Зейсс-Инквартом по телефону, вы узнали о том, что подсудимый фон Папен и Фриц Видеман[112] сидели рядом с Герингом в Берлине?

Гляйсе-Хорстенау: Извиняюсь. Я услышал об этом после краха в 1945 от Видемана.

Додд: Что я хочу знать, как вы это выяснили?

Гляйсе-Хорстенау: Я узнал от капитана Видемана, с которым оказался вместе.

Додд: Хорошо. Итак, вам известно, что подсудимый фон Папен однажды написал письмо Гитлеру и сказал о том, что вы были готовы сотрудничать с ним в отношении возможности союза или аншлюса с Германией, и это было ещё в 1936. Вы знаете об этом? Это доказательство в данном деле, USA-67, документ PS-2246. Вы вызвались сотрудничать с фон Папеном?

Гляйсе-Хорстенау: Я вызвался сотрудничать ради нормализации отношений между двумя странами, но я не знаком с документом.

Додд: Больше нет вопросов.

Председатель: Вы хотите допросить повторно, доктор Штейнбауэр?

Штейнбауэр: Нет.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

[*Свидетель Райнер занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё полное имя, пожалуйста.

Райнер: Фридрих Райнер.

---

[112] Фриц Видеман (1891 — 1970) — немецкий офицер, адъютант Адольфа Гитлера в 1935-1939, впоследствии дипломат.

Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Штейнбауэр: Какие функции вы имели и как долго в НСДАП?
Райнер: Я член НСДАП с 10 октября 1930. До 1934 я не имел никаких функций. Потом гауляйтер Клаузнер из Каринтии позвал меня в ведомство гауляйтера. Начиная с 1936 я работал в ландесляйтунге. Ландесляйтер Леопольд осенью 1936 освободил меня с должности, потому что у нас были разногласия. В феврале 1938 Клаузнер снова назначил меня своим политическим консультантом и сотрудником ландесляйтунга. В мае 1938 фюрер назначил меня гауляйтером Зальцбурга. 1 декабря 1941 меня перевели в Каринтию. Такими были мои политические функции.
Штейнбауэр: Таким образом в конце вы были гауляйтером Каринтии?
Райнер: Да.
Штейнбауэр: И в течение лет работы в НСДАП вы имели возможность хорошо понять её?
Райнер: Да, я хорошо знал об условиях после аншлюса.
Штейнбаэур: Когда вы встретили Зейсс-Инкварта?
Райнер: Впервые я встретил Зейсс-Инкварта в августе 1935. У нас была беседа которая продлилась несколько минут. Несколько дней спустя меня арестовали, и 6 ½ месяцев я находился под арестом австрийской полиции. После моего освобождения, приблизительно в апреле или мае 1936, я снова встретился с Зейсс-Инквартом в Вене и оставался с ним на связи после этого.
Штейнбауэр: Он был членом партии?
Райнер: В течение того времени, что партия была запрещена, Зейсс-Инкварт не являлся членом НСДАП, но он был членом организации защиты Штирии. Эта организация была, думаю в 1933 по договорённости между своим руководством и Хабихтом принята полностью как часть австрийской НСДАП. После аншлюса этот перевод не был признан казначеем Шварцом[113] и члены организации защиты Штирии, в их числе, мне кажется, доктор Зейсс-Инкварт вынуждены были снова обратиться за членством.
Штейнбауэр: Таким образом ваше заявление в знаменитом «письме Райнера» - далее я буду называть это письмом Райнера для простоты – неправильное?
Райнер: Тогда я не знал о том, что перевод в своей первоначальной форме не был

[113] Франц Ксавер Шварц (1875 — 1947) — деятель Третьего Рейха, заведующий финансами НСДАП. Рейхсляйтер (1935). Обергруппенфюрер СА (9.11.1933), Обергруппенфюрер НСКК (23.2.1935), Оберстгруппенфюрер СС (20 апреля 1942 года). Умер в американском лагере для интернированных

признан казначеем.

Штейнбауэр: Значит можно сказать, что вы знали Зейсс-Инкварта, часто с ним беседовали и разумеется он бы рассказал вам о своих идеях относительно аншлюса.

Райнер: Да.

Штейнбауэр: В чём заключались эти идеи? Пожалуйста будьте очень кратким.

Райнер: Аншлюс, в то время, не являлся темой обсуждения. Идея аншлюса была программным пунктом всех австрийских партий, она оставалась идеалом для всех нас. Однако в данном случае нас беспокоило следующее: что австрийское государство должно вновь взять курс на Германию и что внутренние условия должны быть мирными. Трудность в связи с этим заключалась в том, что государство основанное Дольфусом и Шушнигом, невзирая на демократическую конституцию, допускало только однопартийную систему. Поэтому было особенно трудно втянуться в участие и легализовать большую массу оппозиции от национального крыла. Эта задача, согласно концепции Зейсс-Инкварта и моей собственной, должна была осуществляться без дальнейшего кровопролития мирными средствами. С доброй волей обеих сторон и отсрочкой радикальных средств такой путь казался возможным.

Штейнбаэур: Затем настало соглашение от 11 июля 1936?

Райнер: Да.

Штейнбауэр: Тогда вы, в то время поехали на встречу с Адольфом Гитлером, чтобы внести ясность о его отношении к партии. Что тогда сказал вам Адольф Гитлер?

Райнер: Несколько дней спустя после 11 июля 1936 меня вызвали в Берхтесгаден и 16 или 17 июля я посетил Адольфа Гитлера.

Председатель: Думаю вы можете говорить немного быстрее чем говорите, свидетель.

Райнер: Фюрер сделал очень серьёзные и тщательные наблюдения и очень резкими словами потребовал, чтобы австрийские национал-социалисты при любых обстоятельствах уважали соглашение от 11 июля. Он раскритиковал предыдущие методы и использовал выражение, что они были героическими, но глупыми. Он отметил, что продолжение таких методов будет приводить к постоянным трудностям во внешней политике.

Он потребовал, чтобы национал-социалисты в Австрии использовали существующие политические возможности. На мой конкретный вопрос включало ли это Отечественный фронт, он сказал: «Да». Он заверил нас в том, что в ближайшем будущем напряженность можно будет снять улучшив взаимотношения между этими двумя немецкими государствами.

Штейнбауэр: В сущности, следовательно он одобрил политику Зейсс-Инкварту?

Райнер: Для меня заявление фюрера означало подтверждение правильности пути которым мы решили идти.

Штейнбауэр: Зейсс-Инкварт также был лидером партии?

Райнер: Нет, Зейсс-Инкварт никогда не был лидером партии.
Штейнбауэр: Он подчинил себя руководству австрийской НСДАП как вы говорите в своём письме?
Райнер: Зейсс-Инкварт был членом национальной оппозиционной группы и в таком качестве признавал существовавшее руководство.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что в этом письме он признал Клаузнера, потому что Клаузнер по Берхтесгаденскому соглашению заменил по просьбе фюрера Леопольда, поскольку он пообещал идти спокойным, ясным и открытым курсом. Сотрудничество с ним, казалось, гарантирует приверженность Берхтесгаденскому соглашению.

Однако Зейсс-Инкварт прямо заявил, что как доверенное лицо по Берхтесгаденскому соглашению и министр правительства Шушнига он был независим от Клаузнера.
Штейнбауэр: Свидетель, скажите мне, после договорённости от 12 февраля 1938, вы во время путешествия на поезде, встретили Зейсс-Инкварта который возвращался со встречи с фюрером?
Райнер: Да.
Штейнбауэр: Что он рассказал о своём совещании с фюрером?
Райнер: Зейсс-Инкварт возвращался в спальном вагоне, и мы сидели вместе в его купе. У него был клочок бумаги – думаю это был конверт – и там были записи. Я помню, что он описывал формальности которые происходили в начале, сказав, что он приехал как австрийский министр, связанный присягой конституции и ответственный перед президентом и канцлером Австрии. Он сказал о том, что приветствовал в Адольфе Гитлере лидера всех немцев. Потом он подробно рассказал мне о пунктах совещания, не о всех, насколько я помню. В целом моё впечатление заключалось в том, что дискуссия прошла удовлетворительно и я понял, что совещание прошло в духе полной верности канцлеру Шушнигу. Насколько помню, аншлюс вообще не рассматривали.
Штейнбауэр: Вы помните как он говорил вам о том, что он сказал Гитлеру о том, что он будет живой гарантией Шушнига, а не троянским конём?
Райнер: Я не желаю подтверждать эти конкретные слова. Выражение которое постоянно использовал доктор Зейсс-Инкварт заключалось в том, что он не был лидером троянского коня. Кроме того, я помню, что он часто использовал выражение о том, что он был живым гарантом взаимной приверженности Берхтесгаденскому соглашению.
Штейнбауэр: Он также говорил, что отказался вести культурную борьбу?
Райнер: Мне не кажется, что могу это вспомнить. В любом случае, в этом заключалась его точка зрения, и я разумеется полагаю, что он говорил об этом с фюрером.
Штейнбауэр: Фюрер согласился с этими предложениями?

Райнер: У меня сложилось впечатление, что Адольф Гитлер полностью согласился с предложениями доктора Зейсс-Инкварта.

Штейнбауэр: Зейсс-Инкварт говорил это Шушнигу?

Райнер: Должно быть так. В любом случае, он сказал, что планировал это.

Штейнбауэр: Он говорил австрийским национал-социалистам тоже самое?

Райнер: Да, потому что это было особенно необходимо. Зейсс-Инкварт выступил с речью на совещании руководства в начале марта и отметил, что эволюционного курса и мероприятий которые должны были в некоторой степени разочаровать радикальных последователей – а именно, роспуска нелегальной организации – особо желал Адольф Гитлер.

Думаю я также могу вспомнить, что во время крупной демонстрации в Линце, в связи с демонстрациями в Граце, он особо на это ссылался, ибо визит к Адольфу Гитлеру в Берлин дал ему необходимую легитимность в глазах национал-социалистов.

Штейнбауэр: В этом письме Райнера вы писали о том, что Зейсс-Инкварт был информирован о подготовке революционных шагов.

Райнер: Могу я спросить вас доктор Штейнбауэр, о каких революционных шагах вы говорите?

Штейнбауэр: Шаге 10 марта.

Райнер: Можно мне подробнее рассказать об этом? Выражение «революционные шаги» слишком далекоидущее. Меры которые вводились были в основном такие: после речи канцлера Шушнига в Иннсбруке, майор Клаузнер был убеждён в том, что всякая база для договорённости теперь разрушена и эта речь подобна искре в пороховой бочке.

В то время как раньше мы совещались о том при каких обстоятельствах можно голосовать «за», теперь в виду отношения широких масс, это стало невозможным.

Нужно было четко выразить отношение национал-социалистических лидеров. В течение ночи, новый гауляйтер рассказал первую часть информации о том, что партия не согласна с предлагаемым плебисцитом и таким образом лозунгом в настоящее время было бы воздерживаться от голосования. Требовалась строжайшая дисциплина, потому что мы опасались, что чувства скоро зашкалят. 10 марта началась заранее подготовленная пропаганда Цернатто, и случились стычки. Мы также имели доклады о том, что вооружали большие группы батальона охраны, запрещенного в феврале 1934. Строжайший приказ о тревоге передали частям, таким образом части получали приказы обеспечивать защиту националистов.

В сущности такими были шаги приказанные 10-го, думаю я в целом вечером проинформировал доктора Зейсса об атмосфере в провинциях. Наверное, я не сообщил ему об отдельных организационных мерах.

Штейнбауэр: Он поощрял такую атмосферу?

Райнер: Нет.

Штейнбауэр: Он требовал демонстраций, или предотвращал их?

Райнер: Он не поощрял и не призывал к ним. Помешать в тот момент было уже невозможно.

Штейнбауэр: Затем, что случилось утром 11-го?

Райнер: 11 марта утром я работал в офисе государственного советника Юри на Цейтгерштрассе 1. Я уже не знаю, какая конкретно была задача. Мы встретили доктора Зейсса, Гляйсе-Хорстенау и нескольких других приблизительно в полдень в офисе доктора Фишбока, и доктор Зейсс-Инкварт рассказал нам об итоге совещаний с доктором Шушнигом.

Результатом нашего совещания было письмо которое министры и государственные советники написали доктору Шушнигу, которое устанавливало лимит времени на 2 часа после полудня, требуя отмену этого неконституционного плебисцита и назначение нового плебисцита на несколько недель позже в соответствии с нормами конституции, или мы уйдем в отставку.

Штейнбауэр: Что происходило потом? Шушниг отложил плебисцит. Как вы услышали об этом?

Райнер: Шушниг отложил плебисцит, но отказался указать дату нового плебисцита и дал приказы доктору Зейссу, министру безопасности принять суровые меры. Об этом решении доложили в канцелярию в Берлине по телефону после полудня, и это вызвало заявление Рейха о том, что такое решение, половинчатое решение, больше неприемлимо. Насколько я знаю, это начало вмешательство Германского Рейха.

Штейнбауэр: Но разве к вмешательству уже не привело то, что как говорили, Гляйсе-Хорстенау или курьер, взял письмо Адольфа Гитлера в Вену?

Райнер: Моя точка зрения заключалась в том, что определенные проекты которые Глобочник показал мне в полдень и которые были адресованы ландесляйтунгу доставили вместе с Гляйсе-Хорстенау который приехал из Берлина утром. Как я слышал позднее, сообщалось, что это был курьер. По моему мнению это не являлось вмешательством со стороны Рейха.

Штейнбауэр: Имелось сотрудничество между партией и Рейхом с одной стороны и Зейсс-Инквартом с другой?

Райнер: Если под «сотрудничеством вы имеете в виду «заговор»», тогдя я категорически должен сказать: «Нет». Но сотрудничество о котором договорились в Берхтесгадене осуществлялось.

Штейнбауэр: Клаузнер отдал приказ о том, чтобы у партии была свобода действий, и она должна была захватить власть?

Райнер: По особому приказу Адольфа Гитлера, партия была обязана не предпринимать никаких революционных шагов. Этот приказ был повторно передан Кепплером в ранние дни марта, и министр иностранных дел фон Риббентроп вызвал обратно Кепплера который уже был в самолете для того, чтобы дать ему понять…

Председатель: Доктор Штейнбауэр, разумеется, вопрос заключался в том, что делал Клаузнер, а свидетель рассказывает нам о том, что делали остальные.

Штейнбауэр: Да.

Я спросил вас, когда Клаузнер отдал приказ гауляйтерам захватить власть?

Райнер: Этот приказ был отдан Клаузнером вечером 11 марта.

Штейнбауэр: С одобрения Зейсс-Инкварта?

Райнер: Зейсс-Инкварта не информировали об этом до какого-то времени позднее.

Штейнбауэр: Сейчас я должен предъявить вам тот факт, что гауляйтер Айгрубер[114] из Верхней Австрии, заявил в письменных показаниях о том, что он получил телеграмму в которой к нему обращались как к ландесгауптманну. Вам, что-нибудь об этом известно?

Райнер: Я вообще ничего не знаю о телеграммах или телеграмме. Я знаю о том, что Клаузнер позвонил с Цейтгерштрассе 1. В тот вечер Глобочник тоже принимал звонки из канцелярии. Я полагаю, что Айгрубер ссылался на один из этих телефонных звонков.

Штейнбауэр: Вам известно, что Глобочник, который был гауляйтером Вены до этого нелегального периода, говорил вам о том, что он злоупотреблял именем Зейсс-Инкварта ради захвата власти?

Райнер: Глобочник сказал мне о том, что несколько запросов направили в ведомство канцлера которые передали ему по телефону, и что он не всегда называл своё имя в связи с этим. Конкретный случай относящийся к Зальцбургу хорошо мне известен.

Штейнбауэр: В этом письме Райнера вы также сделали заявление которое упоминает некое содействие оказанное 25 июля 1934. Обвинение считает, что это имеет какую-то связь с убийством канцлера Дольфуса.

Райнер: Замечание идёт к беседе во время которой Зейсс-Инкварт сказал мне о том, что после 25 июля он несколько дней опасался, что его имя могли связать с этими событиями. Но спустя несколько дней оказалось, что такой связи не было. Потом он пытался оказать своё личное влияние на примирение, и он взялся за несколько дел защиты. Вот, что я имел в виду.

Штейнбауэр: Значит такое ваше объяснение выражению «оказывать содействие»?

Райнер: Да.

Штейнбауэр: Вам известно, что австрийские национал-социалисты оказывали давление на президента доктора Микласа для того, чтобы он назначил Зейсс-Инкварта?

Райнер: Переговоры которые заняли весь поздний полдень и вечер, были с определенным давлением, ибо практически во всей Австрии уже происходили

---

[114] Август Айгрубер (1907 — 1947) — партийный деятель НСДАП, гауляйтер (22 мая 1938) и рейхсштатгальтер (1 апреля 1940), обергруппенфюрер СА (9 ноября 1943), обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Казнён по приговору американского трибунала.

перемены. Свержение кабинета Шушнига нарастало как снежная лавина. Во время переговоров сам по себе этот факт заставил себя почувствовать.

Штейнбауэр: Другими словами, вы имеете в виду, что явно было давление, но не физическое, напрямую на персону президента?

Райнер: Об этом не может быть и речи.

Штейнбауэр: Но тогда, как вы объясните то, что в это время 40 эсэсовцев вошли в здание канцелярии и заняли его?

Райнер: Занятие СС вряд ли правильное выражение. Когда к 8 часам вечера, Миклас снова отказался выдвигать национал-социалиста канцлером, Кепплер заявил, что в 8 часов – не так как заявили в начале – они войдут и он высказал свои опасения о безопасности переговорщиков. Фактически, как говорили в Австрии, в целом вещи находились в движении и ситуация казалась весьма небезопасной. Здание канцелярии заняла полиция и охрана и началась его оборона. Я сообщил ландесляйтунгу об этой ситуации и попросил его предпринять меры безопасности для того, чтобы самовольные поступки на привели к несчастным случаям. Вследствие мер которые тогда были введены, я оцениваю, что не раньше чем в 10 часов вечера фюрер СС явился в гражданской одежде, сказав, что ему и его людям поручили защищать переговорщиков. Зейсс-Инкварт считал такой шаг чрезмерным, но я попросил его принять эту меру во внимание, и тогда он разрешил этим людям пройти через полицию и охранников и их допустили во двор здания канцелярии. Не было никогда никого силового давления, это была просто предупредительная мера.

Штейнбауэр: Больше нет вопросов.

Серватиус: Свидетель, вы были гауляйтером Каринтии. Вы также имели административные полномочия во время войны в соседнем районе итальянского суверенитета?

Райнер: Да. В сентябре 1943 я был назначен верховным комиссаром в оперативном районе «Адриатическое побережье» со столицей в Триесте, в моей компетенции находились шесть провинций.

Серватиус: Вы вербовали там иностранных рабочих для работы в Германии?

Райнер: Да.

Серватиус: Каким образом это проводилось?

Райнер: Это осуществлялось при помощи вербовки, то есть, без использования принуждения, поскольку много десятилетий эти рабочие привыкли ездить на север на работу.

Серватиус: Этих рабочих направляли на работу в вашем гау, не так ли?

Райнер: Большинство направляли на работу в моём гау, но также в других частях альпийского региона.

Серватиус: Какими были условия проживания этих людей в вашем гау?

Райнер: Условия их жизни были обычными и нормальными.

Серватиус: Где их размещали? В лагерях? Вы видели какие-нибудь такие лагеря?

Райнер: Их размещали работодатели. Там где их было много, они жили в лагерях за которыми следили итальянское консульство и Германский трудовой фронт[115].
Серватиус: Трудовой фронт надзирал на практике?
Райнер: Да, он был обязан по соглашению об этом, о чём мне сообщили и сильно старался выполнять эту задачу.
Серватиус: Вы лично инспектировали какие-либо лагеря?
Райнер: Да. Я постоянно инспектировал лагеря и устанавливал, чтобы условия были в полном порядке. В случае некоторых производств, например водоснабжения, я выяснял, что условия были исключительно хорошими.
Серватиус: Вы можете назвать нам эти лагеря?
Райнер: Особо хорошее впечатление произвёл на меня один лагерь приданный предприятию водоснабжения в Мюнде на реке Драу, тоже самое относится к Швабеку.
Серватиус: Как вели себя эти иностранные рабочие в конце войны? Были мятежы?
Райнер: Нет. Ввиду значительного количества рабочих в моём небольшом гау я беспокоился по поводу обеспечения продовольствием. Отношения с населением были хорошими, потому что каринтинцы добродушные и приятные люди. Лично я имел опыт по поводу французских рабочих которых уже собрали в британских лагерях, чтобы увезти обратно и вернувшихся обратно к фермерам, предпочитая переждать там нежели в лагере.
Серватиус: Национал-социалистическая партия была сильно представлена в Каринтии?
Райнер: Да. В Каринтии было столько национал-социалистов, что Шушниг однажды сказал: «Следует поставить колючую проволоку вокруг этого района и будет готовый концентрационный лагерь».
Серватиус: Но их отношения с иностранными рабочими были хорошими?
Райнер: Да, естественно.
Серватиус: Больше нет вопросов.
Додд: Вы пришли к выводу, что подсудимый Зейсс-Инкварт не являлся членом партии как вы заявили в своём письме? Когда вы изменили мнение об этом?
Райнер: Я не знал об этом довольно долго после аншлюса, что он не был членом партии. Не могу сказать вам точный год.
Додд: Но это было не позднее того как вы написали этот доклад, не так ли, что узнали о том, что то, что вы сказали было не совсем так? Вы неправильно поняли?
Райнер: В этом докладе я предпринимал различные попытки описать дела в свете выгодном Зейсс-Инкварту, потому что я отказался поддерживать обвинение против доктора Зейсс-Инкварта.
Додд: Вот об этом я и спрашиваю. Я спросил вас, разве не факт, что вскоре после

[115] «Германский трудовой фронт» (нем. Deutsche Arbeitsfront), DAF — в нацистской Германии объединённый профсоюз работников и работодателей

того как вы написали это письмо, вы ошиблись говоря о том, что Зейсс-Инкварт член партии. Вы можете ответить на это совершенно прямо, думаю, без всякого длинного заявления.

Райнер: Мне не кажется, что я заметил это очень скоро.

Додд: Что же, когда это было? Это всё, что мы хотим знать. Если, когда-либо вы на самом деле получали подобную информацию, когда вы её получили?

Райнер: Это я уже не могу сказать и мне это не казалось тогда важным.

Додд: Хорошо. Итак, когда вы изменили своё мнение или выяснили, что ошиблись говоря о том, что Зейсс-Инкварт знал и принимал участие в заказных демонстрациях или организации демонстраций которые должны были состоятся в Вене? Когда вы узнали о том, что это дезинформация или ошибка?

Райнер: Мне не известно о том, что доктор Зейсс-Инкварт принимал участие в демонстрациях в Вене.

Додд: Я говорю не об этом. Если вы неправильно меня поняли, извините. Подойдем с другой стороны и может быть если вы посмотрите на меня это немного поможет. Вы сказали трибуналу в ответ на вопрос доктора Штейнбауэра, что Зейсс-Инкварт не провоцировал эти демонстрации и не мог предотвратить их на том этапе. Но доктор Штейнбауэр спросил вас о том было ли правдой сказанное в вашем письме. Вам известно, что вы говорите в вашем письме или докладе, не так ли? Вы помните, что сказали в этом докладе о Зейсс-Инкварте и его участии?

Райнер: Детали моего доклада уже не в моей памяти.

Додд: Вы бы хотели взглянуть на него?

Райнер: Да, пожалуйста.

Додд: Пока вы ждёте, я могу внести ясность в некоторые другие вещи. Фактически, в ноябре, вы дали нам письменные показания поклявшись в том, что это было правдой, не так ли?

Райнер: Я особо заявил в связи с этим, что я частично полагался на информацию полученнную от компетентных людей, и потом у меня была дальнейшая информация показавшая мне, что не всё представили правильно. Я также особо заявил и это не включено в протокол, что я сделал эти заявления с определенной предвзятостью. Также были дополнения к моим письменным показаниям.

Додд: Минуточку. 15 ноября 1945, прямо здесь в Нюрнберге, под присягой, вы дали письменные показания в которых сказали, что вы подтверждаете факты из этого доклада, и что все они правда по вашим лучшим воспоминаниям и убеждению. Какую информацию вы получили с 15 ноября и от кого, что сегодня перед трибуналом утверждения в ваших заявлениях противоречат этому докладу?

Райнер: Я желаю заявить в связи с этим, что точки зрения которую я занял я придерживаюсь сегодня.

Додд: Что же, в целом доклад правда или нет, как вы сказали нам 15 ноября?

Райнер: Доклад нельзя воспринимать буквально. Отчасти он основан на заявлениях

надёжных людей, и я постарался подготовить его при лучших сведениях о существовавшей ситуации, мне кажется в июле 1939, с определенной предвзятостью.

Додд: Что же, в ноябре вы сказали нам, что это была правда, не так ли?

Райнер: Я это не говорил. Я особо сказал…

Додд: Я покажу вам письменные показания. Ваши письменные показания прилагаются к этому документу который есть у вас, и вот ваша подпись, не так ли, и вы дали присягу в том, что это правда?

Райнер: Я сделал особое заявление в связи с этим, и в качестве предосторожности я потом сделал об этом короткую отметку. Долго обсуждали формулировку оговорок.

Додд: Теперь ответьте на мой вопрос. Это письменные показания которые вы дали под присягой 15 ноября, здесь в Нюрнберге? Да или нет?

Райнер: Да.

Додд: Итак, там вы говорите, что вы даёте показания и подтверждаете, что «факты которые составляют основу вышеуказанных писем и докладов правильные по моим лучшим сведениям и убеждению» и дальше вы также говорите, что прочитали письма и доклад.

Итак, письменные показания правда? Вы говорили правду, когда сказали нам это под присягой в ноябре?

Райнер: Эти письменные показания правильные, но я требую, чтобы пояснения которые я дал в связи с этим и которые давались отдельно от протокола – по крайней мере их стенографировали – были добавлены.

Додд: Почему вы не попросили, чтобы в письменные показания включили всё, что вы хотели если они были не совсем правдой? Вы дали присягу. Вы просили о том, чтобы что-то было добавлено к ним или было изменено?

Райнер: Я считал это заявление заявлением подлинного характера из моих документов которые предъявили мне. Протокол моих заявлений содержал моё мнение о содержании этих документов, и в качестве меры предосторожности я добавил заявление, что в таком случае, я желал, чтобы были записаны определённые оговорки. Потом их сформулировал один из господ допрашивавших меня, сказав: «по моим лучшим сведениям и убеждению…» и затем он продолжил говорить, что все эти оговорки которые я высказал выражены в соответствии со способом привычным вам.

Додд: Итак, вы на самом деле сегодня серьезно говорите это трибуналу об этих письменных показаниях? Вы на самом деле серьезны в этом последнем заявлении?

Райнер: Я абсолютно серьёзен в этом. Мне нечего скрывать.

Додд: Может быть теперь мы сможем пролить больше света на своего рода доклады которые вы готовили. У меня есть ещё один, который вы не видели. Вы выступили с речью в 1942. Это документ PS-4005. Он станет USA-890.

Вам лучше иметь перед собой копию, USA-890. Вы помните речь с

которой выступили 11 марта 1942 в Клагенфурте перед руководящим составом и носителями орденов крови и чести из гау Каринтия, в которой вы рассказали всю историю развития событий марта 1938? Вы помните тот день, когда выступили с этой речью?

Райнер: Я выступал с подобной речью.

Додд: Хорошо. Итак выступили с подобной, давайте посмотрим на неё. Вы говорили правду в день, когда выступали с речью?

Райнер: Я представлял события так, как поняла бы моя аудитория.

Додд: Вы говорили правду выступая с этой речью? Я не спрашиваю о том была ли она интересной, я спросил вас говорили ли вы правду.

Райнер: Кажется в то время я говорил правду, но также мне кажется, что были некоторые вещи о которых я был неправильно информирован.

Додд: Давайте посмотрим и поймем, что вы сказали в 1942 об этом докладе, PS-812.

Итак, если вы перевернете – думаю это страница 8 вашего текста, я пытаюсь показать вам фразу которая начинается:

> «Только во взаимодействии с нами, Юри и ряду сотрудников Леопольда, при согласии Леопольда стало возможным добиться назначения Зейсс-Инкварта на пост государственного советника. Всё больше и больше Зейсс-Инкварт превращался в грамотного переговорщика. Мы знали, что он тот кто будет лучше всего представлять интересы движения на политической передовой. Он безоговорочно подчинился руководству Клаузнера. Он всегда вёл себя как заместитель Клаузнера и сознательно следовал указаниям Клаузнера.
>
> С назначением Зейсса на пост Staatsrat[116], мы нашли новую возможность вступить в дальнейшие переговоры. В то время был ряд гротескных ситуаций. Нас информировал о событиях в лагере Шушнига политический аппарат, наша связь с Риббентропом, Герингом и Гиммлером шла через Кепплера».

Вы говорили это в своей речи как изложено в тексте, и как вы согласуете это с тем, что вы сказали трибуналу про доклад Бюркелю?

Райнер: Мне не известно откуда исходить запись речи. Я бы хотел иметь возможность…

Додд: Я вам скажу. Это захваченный документ который был найден в материалах, поэтому вам не стоит об этом волноваться. Что я хочу знать, признаете вы или нет, что вы выступили с речью, и вы сказали эти вещи в то время, когда выступили с ней.

Райнер: Я выступил с ней, но я категорически заявляю, что правдивая версия это то, что я говорю под присягой. Это широкое выступление предназначенное для

[116] Государственного советника (нем.)

аудитории того времени, которую нельзя воспринимать буквально как, что-то, что я говорю сегодня, осознавая свою ответственность.

Додд: Сегодня вы не говорили широко на пользу аудитории здесь, не так ли?

Райнер: Верно.

Додд: Перевернём страницу и посмотрим, что вы сказали о Папене и о совещании. Вы продолжаете говорить о том как вы получали информацию, как вы встречались на Рингштрассе и так далее. Если вы будете следить вы не потеряете место.

> «Папену прямо сказали конфиденциально руководить подготовкой совещания. В Австрии только Шушниг, Шмидт и Цернатто знали об этом. Они считали, что с нашей стороны информирован только Папен. Папен тоже думал, что только он знал об этом, но мы тоже были информированы и провели об этом беседы с Зейссом».

Это Берхтесгаденская конференция. Итак, вы говорили правду, когда сказали это в 1942? Или это было широкое заявление ради аудитории?

Райнер: Сегодня я не могу сверить этот документ с правильным заявлением сказанным тогда.

Додд: Почему же нет? Это было в 1942. Вы не помните? Вы хотите сказать, что не знаете говорили ли вы правду или нет, или вы не знаете говорили вы или нет?

Райнер: В те дни я дал описание простым людям из Каринтии и я…

Додд: Вы солгали им или сказали им правду?

Райнер: Нет, но я говорю с такими людьми иначе, чем я буду говорить под присягой перед трибуналом, вынужденный делать конкретные заявления о конкретных пунктах. Мне кажется невозможным, что сегодня от меня требуют подтвердить отдельные пункты речи с которой выступили 4 года назад.

Председатель: Он дал ответ? Он не ответил на ваш вопрос.

Додд: Нет сэр, не ответил.

[*Обращаясь к свидетелю*] Я спросил вас, о том делали вы или нет эти заявления в тот день, и если делали, были ли они правдой? Итак, вы можете очень просто сказать нам и нам не требуется длинный ответ. Вы прочли это и слышали как я это читал. Теперь пожалуйста отвечайте на вопрос.

Вам больше не нужно читать. Вы сразу это прочитали, и я это вам читал. Это было правдой или вы говорили это?

Райнер: В деталях это неправильно.

Додд: Что же, это правда в каком-либо отношении? Это правда, что Папен был информирован и что Зейсс-Инкварт знал об этой конференции задолго до того как она состоялась или когда-то заранее? Вот, что мы хотим знать.

Райнер: Когда мы встретились во время Зимних олимпийских игр в Гармише, мы столкнулись…

Додд: Минуточку. Вы не отвечаете на мой вопрос. Это следующий абзац или следующая фраза которую вы прочитали. Я знаю, что это будет и собираюсь

спросить о встрече в Гармише. Сейчас я спрашиваю, правда ли то, что вы сказали о фон Папене и Зейсс-Инкварте, вот всё, что я хочу знать.

Райнер: Верно, что приблизительно в это время нас проинформировали о намерении созвать конференцию.

Додд: И это знал Зейсс-Инкварт.

Давайте пройдем дальше и найдем об этой встрече в Гармише. Вас пригласили туда на Олимпийские игры и вы встретились с Папеном и Зейсс-Инквартом, и они вели какие-то переговоры, и затем вы поехали в Берлин.

Теперь я хочу спуститься немного ниже. Есть много интересного материала. У нас нет времени проходить всё это. Спуститесь немного ниже, и я хочу спросить вас о том, что вы говорите о том, что уже приготовили.

«Мы уже подготовили следующее» - и вы обсуждаете Шушнига и грядущую конференцию. Это на обороте страницы 9 вашего текста свидетель, и это на странице 5 английского текста, последний абзац. Вы говорите:

> «Мы уже подготовили следующее:
>
> Последний результат беседы с Зейссом довели до меня в магазине на Картнерштрассе. Я позвонил по телефонному номеру, по которому нужно было добраться до Глобуса в Берлине …»

Кстати, в интересах трибунала, Глобус это Глобочник, не так ли? Он этот самый человек, не так ли?

Райнер: Да.

Додд:

> «…и сказал ему об отрицательном результате беседы. Я мог говорить с Глобусом совершенно свободно. Мы имели секретный код для каждого имени и кроме того мы оба говорили на ужасном диалекте, чтобы ни одна душа не поняла нас. Глобус сразу же записал этот доклад…» и так далее.
>
> Тем временем Кепплер уехал в Мюнхен в спальном вагоне».
>
> Затем фразой или двумя ниже:
>
> «Затем я передал указания члена партии Мюльмана, который зарекомендовал себя превосходным связным с правительственными ведомствами в Рейхе. Он уехал в Зальцбург на том же поезде, что и Шушниг. Пока Шушниг ехал в Зальцбург и провёл там ночь и поехал на машине в Оберзальцберг, Мюльман продолжил и добрался в Берхтесгаден. Кепплер и он, приехали к фюреру раньше Шушнига и смогли рассказать ему обо всём. Шушниг прибыл утром, был принят и испытал безграничное удивление от того, что фюрер возобновил переговоры на том месте где они безрезультатно прекратились днем раньше между Зейссом и им. Фюрер не вёл переговоры так как ожидал Шушниг. Он пошел до конца. Тогда с Шушнигом было покончено так,

> что даже трудно вообразить. Фюрер хватал его, оскорблял его и кричал на него, и упрекал его за все грязные трюки которые Шушниг совершил в прошлые годы. Шушниг стал очень сильным курильщиком. Была связь даже с его спальней. Мы знали о том как он жил. Он выкуривал 50, а теперь 60 сигарет. Теперь, в присутствии фюрера ему не позволили курить. Шушниг даже не мог курить.
>
> Риббентроп сказал мне, что ему жаль Шушнига. Он стоял весь во внимании перед фюрером, держа руки по швам брюк и всё, что он говорил было: «Так точно».

Итак, о чём это? Вы говорите, все эти вещи в речи и были они правдой, когда вы о них говорили? До этого момента, свидетель, вы читали вместе со мной. Вы говорили это или нет, и это была правда, когда вы говорили это?

Райнер: События как я их описывал в целом правильные. Отдельные выражения которые я прочитал здесь, не мои. В этот пункте документ дополнен кем-то другим. Правильно ли описаны здесь детали событий – об этом я ничего уверенно не могу сказать, потому что многое из этого случилось не при мне.

Додд: Я лишь хотел знать, говорили ли вы это, это всё. Очень хорошо, продолжим.

Вы также сказали им, что Шмидт наконец пошёл к Риббентропу и попросил его дать Шушнигу одну сигарету и поэтому они дали ему одну. Давайте продолжим с несколькими страницами о более важном вопросе. Это на странице 13.

Председатель: Господин Додд, вы сможете закончить вечером, потому что мы будем откладываться в четверть.

Додд: Да, смогу. Мне нужно всего 2 минуты, чтобы закончить. Не думаю, что это займет много времени. Есть один или два пункта в этой речи.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы знаете, в этой речи вы говорили своим слушателям, что почти в этот день Зейсс-Инкварт пришёл на митинг и сказал вам, что он связан честным словом не говорить о плебисците. Вам известно, что вы сказали своим слушателям в тот день. Вы найдете это – что же, вы можете найти это, я могу заверить это в тексте и это сэкономит время если вы мне поверите. Это на странице 13 английского текста. Вы говорите:

> «Мы спросили Зейсса: «Это правда?» Зейсс сказал: «Я связан честным словом не говорить, но мы хотим поступить как если бы это правда». Дипломат которым он был…» - ваше наблюдение – «…дело было для нас ясно».

Он дал вам знать, не так ли, что Шушниг сказал ему о плебисците. Он дал вам знать, не так ли? Пожалуйста, вы можете не отвечать на мой вопрос без – вы не найдете ответ на этой странице.

Райнер: Здесь описание совпадает с моей памятью.

Додд: [*Обращаясь к трибуналу*] Всего один вопрос и у меня не останется к нему вопросов.

Вы также сказали своим слушателям о том, что в ночь с четверга - 10 марта, на пятницу - 11 марта все гауляйтеры были в Вене ожидая информации:

> «10 марта мы отдали приказы СА и СС, Лукичу и Кальтенбруннеру созвать, начиная с пятницы половину частей, и чтобы лучшие люди оставались вооруженными в своих казармах на случай гражданской войны» и так далее.
>
> Вы это сказали?

Райнер: С оружием в казармах? Это не может быть правильным. В то время были указания, и вряд ли, что я воспринимал их иначе, чтобы половину силы нужно было оставить дома, то есть, в сборных районах. Нет речи о казармах, и оружия мы почти не имели.

Додд: Знаете, во всей этой речи содержалось почти всё, за исключением больших деталей которые вы описали в своём докладе Бюркелю. Дело в том, что в обоих случаях вы говорили то, что считали правдой, не так ли? В этом суть. Когда вы готовили доклад Бюркелю, и когда вы выступали с речью к руководителям и членам ордена крови, вы сообщали о том, что думали было фактами, и что конечно как вам известно остаётся фактами.

Райнер: Я не могу опознать это как аутентичное.

Додд: Что же, милорд, разумеется больше нет вопросов.

Председатель: Мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 13 июня 1946*]

День сто пятьдесят четвёртый

Четверг, 13 июня 1946

Утреннее заседание

Председатель: Трибунал рассмотрел вопрос о времени которое займут заключительные речи защитников. Нормы статьи 18 устава которые строго указывают трибуналу ограничить процесс ускоренным судопроизводством следует соблюдать и защитникам не будет позволено выступать длинее чем они обозначат. Необходимость диктует, что должно быть какое-нибудь ограничение или уже и так длительный процесс будет необоснованно продолжен.

Трибунал понимает, что обвинение добровольно ограничит свои заключительные речи всего тремя днями, и какое-нибудь добровольное ограничение должна предпринять защита. Доказательства подсудимых полностью подробно заслушаны и сейчас требуется не детальный анализ доказательств, а сжатый обзор основных вопросов.

Трибунал желает внести ясность, что неуказание какого-либо конкретного вопроса в аргументации не будет означать признания. В виду этого, по мнению трибунала, выступления защитников – включая речь в интересах всех подсудимых о правовых вопросах – должны быть завершены всего за 14 дней. Это предоставит защите вдвое больше времени чем заняло обвинение, как вступительными речами так и заключительными. По взаимной договоренности между защитниками, эти 14 дней следует распределить так как они считают удобным, и трибунал предпочитает, чтобы они сделали такое распределение нежели самоми делать распределение.

Таким образом, трибунал ожидает, что защитники подготовят свои речи в соответствии с тем, что я сказал и как можно скорее уведомят трибунал о распределении времени. Они не смогут сами согласовать такое распределение, трибунал далее рассмотрит вопрос.

Трибунал желает отметить представителям – и обвинения и защиты, что он трибуналу материально поможет если представители представят переводы своих выступлений как только их подготовят.

Это всё.

Нельте: Господин председатель, решение о котором вы сейчас нам объявили удивило защиту, поскольку её заранее не выслушали по данному вопросу. Нам всем это кажется ещё больше заслуживающим сожаления, поскольку решение противоречит самым элементарным правам защиты, потому что это препятствует нам высказать в суде, то что на этом важнейшем процессе нужно сказать в

отношении подсудимых и проблем с которыми они столкнулись.

Сейчас мы пока не в состоянии сделать обзор всего материала. Если я должен высказаться, не желая опережать других защитников, дело подсудимого Кейтеля в качестве примера, вы поймете, что лишь материал который появился после перекрёстного допроса ставит меня в крайне трудное положение. Я уверен в том, что большое количество других защитников тоже согласится с моим мнением о том, что эти вопросы нельзя рассматривать коллективно. В то время как нужно попытаться полноценно рассмотреть эти вопросы, несмотря на это, по моему мнению, дела индивидуальных подсудимых необходимо рассматривать по-отдельности.

Четырнадцать дней кажутся мне очень коротким временем. На практике, почти невозможно сделать справедливое распределение, то есть, подобающе рассмотреть отдельные вопросы.

Следовательно могу я предложить, что решение которое вы сейчас объявили – не уверен было ли это только предложение – нужно рассмотреть заново после консультации защиты. Не желая предвосхищать аргументацию которую вся защита намерена представить, я, вместе с тем, желаю заявить формальное возражение настоящему решению ограничивающему защиту невозможными рамками.

Председатель: Представитель обвинения или защиты желает сделать какие-либо другие замечания трибуналу по этому предмету?

Додд: Господин председатель, я хотел бы заявить, что я возражаю против аргумента доктора Нельте. Что я хочу очень коротко сказать, в отношении аргументации доктора Нельте о том, что ограничение времени заключительной аргументации нарушение фундаментального права этих подсудимых, я хотел обратить внимание трибунала на то, что в нашей стране, я бы сказал, общая практика наших судов заключается в ограничении времени представителя в заключительной аргументации.

Председатель: Какой-либо другой представитель желает сделать какие-либо замечания?

Людингхаузен: Господин председатель, для начала, я бы хотел сделать несколько замечаний в отношении лимита нашего времени. Если мы ограничены 14 днями, тогда это приблизительно означает четыре часа на подсудимого в наших заключительных выступлениях. На самом деле эти четыре часа не четыре часа, поскольку из-за технической организации в зале суда, мы вынуждены говорить гораздо медленнее чем мы бы говорили напрямую в своей заключительной речи, в свободном выступлении. То есть, из четырех часов в среднем оставшихся нам, мы должны вычесть время которое мы потратим на более медленную речь. Я считаю, четыре часа будут в реальности только тремя часами.

Господин председатель, мне кажется, что если вы учтёте эти факты, вы согласитесь с нами, что за эти три часа мы не сможем воздать должное всему

материалу доступному для каждого подсудимого, и таким образом выполнить цель для которой предназначена заключительная речь.

Основная цель данного трибунала который уникален в истории, установить правду, но мы не можем установить правду, просто произвольно выбрав отдельные поступки. Наша основная задача состоит в том, чтобы показать, что привело к этим отдельным поступкам. Соответственно, мне как защитнику подсудимого фон Нейрата который был ответственным руководителем внешней политики Рейха до 1938, нужно показать, что все поступки в которых обвиняют моего клиента являлись логическим и неизбежным итогом того как развивались события. Такое следствие исторических событий объясняет всё, что случилось до того дня, когда мой клиент вручил свою отставку. Но я могу внести ясность только если я смогу представить различные этапы развития, по крайней мере широким очерком. Более того, господа, если вы примите во внимание то,что мне нужно рассмотреть деятельность моего клиента как рейхспротектора, что по юридическим причинам совсем не просто как может показаться, вы без сомнения признаете, что я не смогу сделать это за промежуток времени равный только трём часам.

Я хочу сказать на заявление американского обвинителя, что здесь мы не в американском суде. Я постараюсь сделать об этом запросы, и нет никакой информации о том, что в международных трибуналах подобных, например Гаагским судам[117], или судам в Египте[118], когда-либо применялось ограничение заключительных речей защиты. Вот почему я прошу учитывать, что здесь мы не в американском суде, а в международном трибунале, и что международный трибунал выходит далеко за рамки того, что существовало раньше. Это выходит за рамки любого военного трибунала в Германии которые сейчас рассматривают небольшие частицы этой огромной сложности, и никогда военные трибуналы на применяли временное ограничение защите в их заключительных речах.

Господа, если вы примите все это во внимание, то я надеюсь, вы позволите мне снова попросить вас пересмотреть ваше решение и не заставлять нас создать впечатление, что мы не способны выполнить нашу обязанность представить дела наших клиентов.

Руденко: Господа судьи, я немного дополню к тому, что уже сказал мой коллега господин Додд. Уголовный процесс нашей страны знает право суда ограничивать как обвинителей так и защиту определённым регламентом при произнесении речей.

---

[117] Постоянная палата международного правосудия - судебный орган, учреждённый под эгидой Лиги Наций в 1920 году, согласно принятому в 1920 г. статуту. Состояла из 11, позднее 15 судей. Резиденция в Гааге, затем, после оккупации Нидерландов Германией, в Женеве (с 1940 года). Рабочие языки: английский, французский. В 1940 году работа Палаты была прервана второй мировой войной. Вместе с Лигой Наций была распущена в 1946 году; преемником Палаты стал Международный суд ООН.

[118] Смешанные суды в Египте – созданные в 1875 и существовавшие до 1949 в Египте судебные органы, которые были призваны разрешать споры между иностранным элементом и египтянами, а также между иностранцами. Суды использовали французское и английское право. Само по себе появление судов было вызвано открытием Суэцкого канала и резким ростом торговой деятельности с участием иностранцев.

Мне думается, что рассуждение защиты о том, что решение трибунала ограничивает их права, является якобы несправедливым, эти рассуждения лишены всяких оснований. Защита фактически, сейчас представляя доказательства по делу своих подзащитных использует полную возможность для представления всех материалов. Мне думается, господа судьи справедливость состоит не в том, чтобы бесконечно вести этот процесс.

Я полностью поддерживаю господина Додда и считаю совершенно правильным решение трибунала.

Кубушок: Господин председатель, вы позволите сделать мне короткое заявление? Ни на одной стадии разбирательства нельзя предвидеть длительность процесса.

В начале нельзя предвидеть требуемое время и следовательно нельзя ограничить время которое требуется для получения доказательств. Ни на следующих стадиях процесса, длительность выступлений защиты нельзя предвидеть и следовательно нельзя ограничивать. Ценность защиты – и, в конце концов, это единственная причина почему защита вообще включена в эти разбирательства – в том, что человеку которому поручили эту профессиональную задачу и который обладает необходимыми качествами должен быть способен предъявить трибуналу весь материал который после долгих часов работы и личных бесед со своим клиентом, он посчитал достойным презентации.

Это нужно делать через такого посредника, и то в какой степени он должен выступать по своему делу это то, о чём он, как эксперт, должен быть способен решить. Никто из лиц участвующих в деле, ни трибунал ни защитники, даже приблизительно не могут предвидеть, что может потребоваться в связи с этим.

Вот почему мне кажется, что никакие даты не следует определять для дела обвинения или заслушивания доказательств или дела защиты. Во ходе других стадий процесса мы сталкивались с такими же трудностями. Ограничивая разбирательство в части времени мы можем руководствоваться только тем, что относится к делу и является уместным. Так, в этом суде мы снова и снова становились свидетелями того как председатель направлял ход разбирательства умело и благожелательно, всегда сохраняя его в необходимых рамках. Я не могу понять почему такой же порядок нельзя применить к заключительным выступлениям, и мне кажется, что самодисциплина которую естественно применяет к себе опытный юрист сохранит выступления в приемлимых рамках. Но честно, мне кажется, что никто, за исключением непосредственного участника и наверное только после заслушивания всех доказательств не может предусмотреть сколько времени потребуется. Если заявление трибунала следует рассматривать как предложение ограничить наши речи – и в связи с этим мы особо благодарны указанию на то как следует обращаться с доказательствами – тогда следуя предложению трибунала мы разумеется сможем ограничить себя так как будет справедливо в отношении всех сторон.

Председатель: Я не предлагаю полностью проходить или вступать в аргументацию которая привела к объявлению трибунала этим утром, но думаю, что было бы желательно, чтобы защитники перед тем как заявлять формальное возражение этому объявлению, изучили его. Но я желаю сказать от имени трибунала о том, что это объявление было сделано не без консультаций и с обвинением и с защитой, и это было сделано в закрытом заседании, и мы заслушали и представителя обвинения и как мы поняли представителя защиты, и они внесли предложения которое показалось нам правильным, и мы тщательно его рассмотрели. Мы обсудили с ними, что они должны обратить внимание своих коллег на то, что произошло на слушании в закрытом режиме.

Я лишь желаю добавить, что в таких обстоятельствах трибунал рассмотрит вопрос далее, но внесенное в объявлении предложение заключается в четырнадцати днях, которые трибунал считает достаточными для выступлений подсудимых, с учётом добровольного распределения среди защитников. Эти 14 дней - полные дни и не будут заняты аргументацией организаций, и пока защитники не провели распределение, очевидно они не могу знать, смогут ли они выступить со своими речами, которые не обязательно детальные исследования доказательств, а аргументация обращающая внимание трибунала на основные положения на которые они желают обратить внимание трибунала. Им невозможно знать, могут ли они выступить с речами удовлетворительно за четырнадцать дней. Поэтому защите следует изучить вопрос совместно, как понял трибунал, она это делает, и понять могут ли они удовлетворительно выступить с речами за указанное время. Вся аргументация которая представлена нам этим утром, полностью представлена нам представителем защиты который выступал на закрытом заседании, один из которых обращался к нам этим утром.

Теперь трибунал продолжит заслушивание дела.

[*Свидетель Райнер вернулся на место свидетеля*]

Штейнбауэр: Свидетель, в ответ на последний вопрос заданный вчера американским обвинителем, вы заявили о том, что написали своё письмо с определенным смыслом, и я спрашиваю вас в чём заключался смысл?

Райнер: Некоторое время после аншлюса была враждебная деятельность, интриги против доктора Зейсс-Инкварта и некоторых других людей. Они шли от разочарованных элементов в Австрии и Рейхе. Они воспользовались медлительным отношением доктора Зейсс-Инкварта 11 марта, его отрицанием революционной линии и принципами двух соглашений между двумя государствами, чтобы обвинить его в сепаратизме или ещё хуже…

Штейнбауэр: Свидетель, вероятно вы можете быть немного более кратким.

Райнер: Эти люди казались представлявшими угрозу, потому что Бюркель и мне,

кажется также Гейдрих стояли за ними. Я считал эти нападки несправедливыми и поэтому я донес определённые факты и аргументы, и сформулировал свой доклад таким образом, чтобы адресаты поняли это и успокоились.

Штейнбауэр: Значит, если я правильно вас понимаю, в этом письме вы стремились подчеркнуть заслуги партии с одной стороны и просить индульгенцию для Зейсс-Инкварта с другой?

Райнер: Да. Так я хотел выразиться.

Штейнбауэр: Теперь мой второй вопрос. В этом письме вы упоминали, что Зейсс-Инкварт взял письменный ультиматум Шушнигу. Вы вообще вспоминаете то, что он сам продиктовал его и это письмо написали в его кабинете?

Райнер: Доктор Штейнбауэр, вы имеете в виду письмо с ультиматумом написанное вечером 11 марта?

Штейнбауэр: Да, его.

Райнер: Мне кажется, что это письмо написали в его кабинете и кажется я тоже принимал участие в написании письма.

Штейнбауэр: Затем вы говорите в письме предъявленном вам обвинителем, что при содействии доктора Юри и доктора Леопольда, Зейсс-Инкварт стал государственным советником. Я спрашиваю вас, имели ли доктор Юри и доктор Леопольд вообще какое-нибудь влияние на Шушнига?

Райнер: Нет, такого не было.

Штейнбауэр: Обвинитель в поддержку своего вчерашнего заявления, предъявил второй документ. Это была речь которую с которой вы выступили как оратор гау в Каринтии. Вы это помните?

Райнер: Да.

Штейнбауэр: Это была типичная речь в гау? Я имею в виду, с точки зрения пропаганды Геббельса? Речь которая воздаёт должное собственным заслугам и развенчивает оппонентов?

Райнер: Я бы так не сказал. Это была встреча товарищей из старой гвардии в связи с 11 марта. Мы пили пиво и там была музыка, и я описывал события будто рассказывая историю. Я говорил очень долго, фактически, это была самая длинная речь, с которой я когда-либо выступал. Я выступал больше трех часов. Я выступал довольно свободно и без всяких записей и стенограмма которую предъявили здесь, кажется не совпадает с моими заявлениями во всех пунктах.

Штейнбауэр: Таким образом вы хотите сказать, что это было больше ваше намерение произвести эффект на партию нежели чем писать историю?

Райнер: Да, конечно.

Штейнбауэр: Большое спасибо. Этого достаточно и у меня больше нет вопросов.

Кубушок: Вчера во время перекрёстного допроса упоминалось, что однажды вы были с фон Папеном в Гармише. Что вы обсуждали тогда с фон Папеном, и как состоялась эта беседа?

Райнер: Доктора Зейсс-Инкварта и меня пригласил в Гармиш рейхсспортфюрер. Нужно было обсудить германско-австрийский альпийский клуб. Вместе с фон Чаммером[119] мы смотрели за гонками на бобслее на озере Риссер, и потом я пошёл оттуда в Гармиш и по пути мы обсуждали политическую ситуацию и…

Председатель: Доктор Кубушок, вам не требуются эти детали. Я полагаю смысл вопроса в том, что беседа была неполитической. В этом смысл вопроса?

Кубушок: Беседа была политической, но вопрос в том какого характера политической беседой она была.

Свидетель, вероятно вы можете ограничиться фактами. Вы сказали, что это была случайная встреча. Вы возвращались с бобслейной трассы. Что вы обсуждали?

Райнер: Мы обсуждали ситуацию в Австрии, умиротворение страны, и пока мы не исчерпали тему, мы обсуждали другие вопросы которые интересовали нас и которые касались ближайшего будущего.

Кубушок: Значит не обсуждалось ничего чего нельзя было донести до австрийской публики?

Райнер: Нет.

Кубушок: Такие дела соответствовали июльскому соглашению?

Райнер: Да, конечно.

Кубушок: Но тогда, в ходе речи которую уже упоминали, вы сказали, что находились с другими в квартире фон Папена вечером 9 марта 1938. Я бы хотел знать, была ли это заранее подготовленная встреча или же это была более-менее случайная встреча?

Райнер: Это была обычная встреча. Я не помню кто её организовал. Беседа касалась, естественно, ситуации возникшей ввиду плана Шушнига провести плебисцит, что было совершенно новым и самым неожиданным ходом, поэтому нам нужно было обдумать это со всех точек и разъяснить их в дискуссии.

Кубушок: Какую позицию занял фон Папен во время этого совещания?

Райнер: Я помню, что фон Папен который оказался в Вене вечером, выступал сдержанно. Думаю он считал, что голосование «за» прекрасно удовлетворяло ситуации.

Кубушок: Что заставляет вас думать, что он считал голосование «за» правдоподобным и необходимым? Это заключалось в практических причинах или это из-за плебисцита который предложило австрийское правительство?

Райнер: Это было из-за плебисцита.

Кубушок: И снова мой вопрос: вопросы которые обсуждались, заставляли поверить в то, что это было специально созванное совещание или же общественное собрание на котором возникали политические вопросы и обсуждалась эта тема?

Райнер: Это была обычная встреча которая была импровизированной, потому что

---

[119] Ганс фон Чаммер-Остен (1887 – 1943) – немецкий спортивный чиновник. С 1933 по 1943 рейхсспортфюрер Германии.

присутствие фон Папена в Вене совпало с новой политической ситуацией.
Кубушок: Были приняты какие-то решения?
Райнер: Нет.
Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Штейнбауэр: С разрешения трибунала я вызываю свидетеля, доктора Гвидо Шмидта.

[*Свидетель Шмидт занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё имя.
Шмидт: Доктор Гвидо Шмидт.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Штейнбауэр: Господин свидетель, какие посты вы занимали в австрийской республике?
Шмидт: Я был кадровым дипломатом. Я находился на австрийской внешнеполитической службе при докторе Зейпеле[120] и приблизительно 6 лет я был сотрудником австрийской легации в Париже. В 1936 году я был отозван и назначен австрийским государством на службу при дипломатическом корпусе и министерстве иностранных дел. В 1936 при докторе Шушниге я стал государственным секретарем и потом министром иностранных дел.

Я состоял в правительстве Шушнига до его вынужденной отставки, с этого времени я не занимался никакой политической деятельностью.
Штейнбауэр: Какие причины экономического и внешнеполитического характера повели к заключению соглашения от 11 июля 1936 г.?
Шмидт: С начала 1936 года внешнеполитическое положение Австрии изменилось в неблагоприятную для Австрии сторону. После событий в июле 1934 года Англия, Франция и Италия подписали в Стрезе заявление трех держав[121] относительно

[120] Игнац Зейпель (1876 — 1932) — австрийский политик, федеральный канцлер Австрии в 1922—1924 и 1926—1929 годах.
[121] Стрезская конференция — международная конференция, состоявшаяся в апреле 1935 года в небольшом городке Стреза на западном берегу озера Лаго-Маджоре (Италия) с участием премьер-министра Великобритании Джеймса Макдональда, министра иностранных дел Франции Пьера Лаваля и лидера Италии Бенито Муссолини. На конференции были сделаны заявления относительно гарантий независимости Австрии.

сохранения независимости Австрии. Кроме существовавших до этого международных обязательств, эти три державы создали новую гарантию для сохранения независимости Австрии — фронт в Стрезе, который в течение всего 1935 года выполнял функции по защите Австрии. Развал этого фронта вследствие операций Муссолини[122] в Абиссинии означал для Австрии потерю единственной практической международной гарантии, а для канцлера Шушнига — создание совершенно новой ситуации. По его внешнеполитическим планам охрана независимости Австрии должна была быть возложена не только на плечи Италии, но и на плечи других стран, то есть Франции и Англии. К этому следует еще добавить также те трудности, которые возникали вследствие развития общеевропейского положения с 7 марта 1936 г., с того дня, когда Адольф Гитлер положил начало своей политике неожиданностей, заняв Рейнскую область[123] и не встретив при этом серьезного сопротивления со стороны западных держав. Это вызвало у австрийского правительства опасение, что в один прекрасный день и австрийский вопрос будет решен с помощью «неожиданностей» или, как мы увидим после, с помощью силы.

Нельзя не упомянуть этих причин, точно так же, как и начавшееся сближение между Римом и Берлином, которое относится как раз к этому времени и объясняется также политикой санкций Лиги Наций. Австрия, расположенная между Италией и Германией, должна была считаться с тем, что существовавшая при Дольфусе итало-австрийская дружба когда-нибудь станет жертвой более тесного сближения между Римом и Берлином.

По этим причинам и исходя из других соображений, Шушниг искал средства для улучшения отношений, то есть для восстановления отношений между Австрией и Германией.

Возможно, в этой связи было бы уместно поговорить о некоторых основных принципах внешней политики Австрии. Основой австрийской внешней политики была тенденция к сохранению австрийской независимости. Австрийская внешняя политика основывалась, далее, на признании очень трудного и неудобного географического положения этой страны, зажатой между двумя авторитарными государствами и находящейся в центре идеологических столкновений Европы. Задачей внешней политики Австрии должно было быть достижение договоренности с крупным соседом — Германией. Она должна была основываться на решимости избегать всего, что могло бы повести к конфликту с Германским Рейхом, избежать

---

[122] Бенито Муссолини (1883 — 1945) — итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922—1943 годах. Первый маршал Империи (30 марта 1938). После свержения в 1943—1945 годах возглавлял марионеточную Итальянскую социальную республику, контролировавшую при поддержке немцев часть территории Италии. Казнён итальянскими партизанами.

[123] Рейнская демилитаризованная зона — территория Германии на левом берегу Рейна и полоса на его правом берегу шириной в 50 км, установленная Версальским мирным договором в 1919 году с целью затруднить нападение Германии на Францию. В этой зоне Германии запрещалось размещать войска, возводить военные укрепления, проводить маневры и т. д.

всего, что могло бы побудить Германию к совершению насильственных действий, которых можно было ожидать после 7 марта.

Таким образом, реальные политические причины были решающими при принятии данного решения — восстановить отношения с Германским Рейхом, с которым мы говорим на одном языке и с которым до этого у нас искусственным путем были разорваны эти отношения. Наряду с внешнеполитическими причинами играли роль также и экономические соображения. Мировой экономический кризис особенно задел Австрию, экономическая структура которой была хотя и жизнеспособна, но крайне слаба.

Это мы можем понять лишь тогда, когда проследим развитие событий с начала образования этого молодого государства. С самого начала соседние страны проводили политику шовинизма и эгоистических интересов, и никогда не удавалось добиться тесного экономического сотрудничества всех придунайских стран. Справедливо, что были достигнуты отдельные соглашения, как, например, римские протоколы, но обоюдное недоверие, вынесенное из-под общего крова австрийской монархии, осталось, и оно препятствовало дальнейшему здоровому развитию.

Затем, с 1931 года, с начала мирового экономического кризиса, делается ряд попыток получить друг от друга помощь. Это начинается с попытки правительства создать таможенную унию, которая потерпела поражение вследствие сопротивления Лиги Наций. В 1932 году Франция стремилась объединить Австрию и Венгрию в Малую Антанту[124] и, таким образом, добиться экономического сотрудничества. Но и здесь снова они натолкнулись на сопротивление Германии и Италии, а также и Англии, которая относилась к этому отрицательно. В 1933 году к этому затруднительному экономическому положению добавилась еще внутриполитическая борьба с национал-социализмом, И эта борьба оказала отрицательное влияние на развитие экономической жизни Австрии, так как и экономика была втянута в эту внутриполитическую борьбу.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, выступление свидетеля, несомненно, представляет большой интерес, но имеет, однако, весьма отдаленное отношение к тем вопросам, которые должен решать трибунал. Правда, я не знаю, достаточно ли для вас осветил эти вопросы свидетель.

Штейнбауэр: Господин председатель, этим объяснением я хотел показать, что, с точки зрения экономики и внешней политики, обстановка была такова, что роль подсудимого была, собственно, отодвинута на задний план, но теперь мы можем продолжить?

Свидетель говорите покороче.

Шмидт: Все это привело к нарушению экономических отношений с Германским

[124] Малая Антанта — альянс Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный в 1920—1921 годах. Целью союза было сдерживание венгерского ирредентизма, а также предотвращение воссоздания монархии Габсбургов в Австрии или Венгрии.

Рейхом, и вследствие этого борьба за экономическое существование Австрии вступила в очень серьезную фазу. Исходя из этих соображений, канцлер Шушниг пытался добиться договоренности с Германским Рейхом и нормализовать экономические отношения, которые были до того полностью прекращены, то есть он хотел добиться отмены запрета на провоз суммы свыше 1000 марок, оживления судоходства на Дунае, восстановления транспорта, возобновления разрешения на приезд туристов и прекращения жалоб, поступавших из провинций Австрии в связи со сбытом сельскохозяйственных продуктов, леса, зерна, скота и т. д. В основном это были главные соображения.

Штейнбауэр: Я Вас спрашиваю теперь: содействовал ли доктор Зейсс-Инкварт подготовке или заключению этого соглашения от 11 июля 1936 г.?

Шмидт: Нет. Канцлер Шушниг во время этих переговоров работал исключительно с Гляйсе-Хорстенау, который являлся представителем так называемой национальной оппозиции.

Председатель: Боюсь есть неполадка в звуковом оборудовании, поэтому нам лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Штейнбауэр: Доктор Зейсс-Инкварт весной 1937 года начал заниматься политической деятельностью, и вы, очевидно, лишь тогда познакомились с ним?

Шмидт: Да, я познакомился с ним лишь летом 1937 года.

Штейнбауэр: Я перехожу теперь к дальнейшему периоду времени и хотел бы спросить вас, какие внутренние и внешние политические причины привели к известной встрече Адольфа Гитлера и доктора Шушнига в Берхтесгадене?

Шмидт: Этот вопрос требует подробного ответа. Я прошу разрешения высказаться немного подробнее.

В конце 1937 — начале 1938 года вторично наступило ухудшение внешнеполитического положения Австрии. Италия выступила в Испании на стороне Франко[125] и заключила с ним соглашение, что отрицательно сказалось на ее военном и политическом положении применительно к решению вопросов Центральной Европы. То, что мы называем «властью над Бреннером[126]», прекратило свое существование, и Германия получила широкую возможность свободы действий по отношению к Австрии.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, трибунал знаком с общеизвестными историческими фактами, имевшими место в то время. Нет необходимости рассматривать этот вопрос настолько подробно.

---

[125] Франсиско Франко (1892 — 1975) — испанский военный и государственный деятель, диктатор Испании в 1939—1975 годах. Генералиссимус.

[126] Бреннер - пограничный перевал в восточных Альпах, расположенный между федеральной землёй Австрии Тироль и итальянской автономной провинцией Южный Тироль.

Штейнбауэр: Господин свидетель, в таком случае я хотел бы вас попросить сказать мне, присутствовали ли вы в Оберзальцберге?

Шмидт: Да. Я хотел бы добавить, если мне не будет разрешено остановиться на вопросе исторического развития, — а я считаю этот вопрос таковым, — что канцлер Шушниг принял это приглашение, чтобы избавить Австрию от упрека в том, что она отклонила мирные попытки устранить имевшиеся разногласия между Австрией и Германским Рейхом. Канцлер Австрии, следовательно, никоим образом не был настроен оптимистически уже хотя бы потому, что существовавшие разногласия были чрезвычайно велики и были связаны не только с личностью партнера по переговорам. Я помню, что Шушниг сказал мне перед отъездом, что он придерживается того мнения, что, возможно, лучше было бы, если бы вместо него к Гитлеру поехал профессор Вагнер-Яурегг[127], самый крупный психиатр Вены. Однако он это сделал потому, что, учитывая чрезвычайно тяжелое, неблагоприятное положение Австрии, считал, что ему необходимо это сделать для того, чтобы предотвратить насильственные действия и выиграть время, пока международное положение не сложится в пользу Австрии.

К сожалению, мы были правы, когда мы опасались возможности нападения или будущих трудностей. Понимание того, что Австрия будет изолирована, было, пожалуй, одной из важнейших причин, имевших значение для Шушнига, вместе с соображением относительно того, что таким образом можно будет пережить этот трудный период и выиграть время. Австрия должна была пройти этот трудный путь в те мрачные времена, которые наступили в последние дни зимы 1937 до марта 1938 года, без надежды на скорую или отдаленную помощь. Так дошло до Берхтесгадена.

Штейнбауэр: Вы как министр иностранных дел сообщили крупнейшим державам об известных событиях в Берхтесгадене?

Шмидт: Да, несмотря на то, что в прессе часто утверждалось обратное, все заинтересованные крупные державы подробно информировались о событиях как перед встречей в Берхтесгадене, так и после. Я предоставил в распоряжение руководителя политического отдела, к которому в первую очередь обращались все иностранные дипломаты, весь нужный материал. Канцлер Австрии сам и я подробно информировали представителей всех аккредитованных в Вене держав и обращали - также их внимание на опасность положения в стране.

Председатель: Простите, что я вас прерываю. Нам бы не хотелось выслушивать все детали. Вы уже сказали о том, что вы информировали иностранные державы как до, так и после этого. Вполне достаточно.

Штейнбауэр: Мы возвращаемся к делу подсудимого. Я повторяю свой вопрос: принимал ли доктор Зейсс-Инкварт участие в этом совещании?

---

[127] Юлиус Вагнер риттер фон Яурегг (1857—1940) — австрийский психиатр, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине в 1927 году.

Шмидт: В каком совещании?
Штейнбауэр: В Берхтесгадене.
Шмидт: Нет.
Штейнбауэр: Затем он стал министром внутренних дел и полиции и поехал к Адольфу Гитлеру в Берлин. Сообщил ли он Шушнигу содержание его первого разговора с Адольфом Гитлером?
Шмидт: Я об этом не знаю. Однако я знаю об отдельных высказываниях государственного секретаря доктора Цернатто, из которых я могу заключить, что об этом совещании велась беседа между Зейсс-Инквартом и доктором Цернатто — руководителем «Отечественного фронта».
Штейнбауэр: Из этого можно заключить, что Шушниг узнал об этой встрече через Цернатто?
Шмидт: Да, я предполагаю, что это было так.
Штейнбауэр: Теперь мы переходим к дальнейшему периоду. Я буду говорить о мартовских днях 1938 года. Шушниг планировал тогда народный плебисцит. Знаете ли вы о том, что Шушниг извещал об этом Зейсс-Инкварта и говорил ли он с ним об этом?
Шмидт: Да, Зейсс-Инкварт, безусловно, был информирован об этом. Я также узнал, что приблизительно 10 марта было достигнуто соглашение между Зейсс-Инквартом и канцлером Австрии, так как канцлер рассказывал мне, что Зейсс-Инкварт даже заявил, что он готов выступить по радио в пользу плебисцита.
Штейнбауэр: Когда Гляйсе-Хорстенау сообщил о том, что страна под угрозой вступления нацистских войск, вы как министр иностранных дел известили об этом иностранные государства?
Шмидт: Да. Я не получал прямых сообщений от Гляйсе-Хорстенау. Я узнал о критическом положении лишь из ультиматума, в котором требовалась отмена намеченного канцлером на 13 марта плебисцита. И начиная с этого момента, в течение всего 11 марта имелся контакт с дипломатическим корпусом в Вене, а в последующие часы — также и с нашими представителями в иностранных государствах.
Штейнбауэр: Требования Германии стали тогда все больше возрастать, и, в частности, было поставлено требование об отставке Шушнига. Собрались министры, и один из членов правительства сказал Зейсс-Инкварту следующее: «Мы теперь ясно видим, что Рейх хочет покончить с Австрией. Лучше всего будет, если Зейсс-Инкварт станет канцлером. Таким образом, переход в новое состояние будет, по крайней мере, терпимым».

Вы вспоминаете о таком высказывании?

Шмидт: Нет. Я лишь позже узнал о предложении министра Гляйсе-Хорстенау в отношении Зейсс-Инкварта.
Штейнбауэр: Было ли у вас впечатление, что после прощальной речи Шушнига

прекратил свое существование и руководимый им «Отечественный фронт»?

Шмидт: Мне кажется, вопрос неправильно отражает ситуацию. Было выдвинуто ультимативное требование об отставке канцлера, и, наконец, государство было оккупировано войсками, и тем самым «Отечественный фронт», естественно, также прекратил свое существование, так как с вступлением немецких войск национал-социализм стал реальностью, которая, как это показало дальнейшее развитие, исключала возможность существования «Отечественного фронта».

Штейнбауэр: Зейсс-Инкварт затем был назначен канцлером Австрии. Он составил список членов кабинета министров и наметил вас, господин свидетель, на пост министра иностранных дел, — это правильно?

Шмидт: Это правильно. Я, однако, отказался от этого. Затем ко мне еще раз обратились с этим предложением, но я снова отказался, и затем меня попросили изложить причины отказа. Зейсс-Инкварт заявил мне, что он намеревается, пока это будет возможно, сохранять независимость Австрии. Он боялся с его правительством национал-социалистического большинства натолкнуться на трудности на Западе и поэтому хотел использовать в правительстве мой дипломатический опыт и связи. Он добавил, что намеревается путем привлечения позитивно настроенных австрийских представителей создать более широкую платформу для этого правительства.

Штейнбауэр: Вы обнаружили в списке министров имена этих австрийских представителей?

Шмидт: Да, там такие фамилии имелись. Я сам ломал себе голову над этим, но не могу с уверенностью вспомнить отдельных фамилий.

Штейнбауэр: Известно ли вам, почему потом был составлен другой список членов кабинета министров, который являлся окончательным?

Шмидт: Вечером прибыл из Берлина государственный секретарь Кепплер, и, как я узнал позже, он отклонил мою кандидатуру и, мне кажется, также и некоторых других, во всяком случае, относительно одного я знаю совершенно точно. Мне кажется, что он также по поручению Берлина предложил, чтобы Вебер занял пост министра иностранных дел. Таким образом, старый список отпал, и Зейсс-Инкварт больше не прилагал усилий к тому, чтобы отговорить меня от отказа.

Штейнбауэр: Полагаете ли вы, что Зейсс-Инкварт намеревался сохранить независимость Австрии, правда, уже при национал-социалистическом руководстве?

Шмидт: Как свидетель я могу лишь сказать то, что я знаю. Высказывать мнение очень трудно. Я лишь сообщил то, что он мне сказал.

Штейнбауэр: Благодарю вас. У меня нет больше вопросов к данному свидетелю.

Кубушок: Согласно заявлению американского посла в Вене господина Мессерсмита[128], фон Папен в начале своей деятельности в Вене заявил о том, что его настоящей задачей в Вене является экономическое и политическое включение Юго-

[128] Джордж Мессерсмит (1883–1960) — американский дипломат, с 1930 по 1934 генеральный консул США в Берлине. Посол США в Австрии с 1934 по 1937.

Восточной Европы в Германию (поскольку Юго-Восточная Европа является естественной внутренней областью Германии). Вы, господин свидетель, слышали о таком высказывании Папена?

Шмидт: Нет. При тех тесных связях, которые у меня были еще до моего назначения членом правительства и в особенности в последующее время с послом Мессерсмитом, я, очевидно, узнал бы об этом. Я предполагаю, что этому вопросу, однако, все же не придавалось такое особое значение, так как во время первых посещений дипломатов, как правило, они в беседе затрагивают лишь общие вопросы и обсуждают общеполитические вопросы, которые интересуют обе страны. Я позже также не имел возможности установить, что немецкое посольство занимается вопросами политики Юго-Восточной Европы.

Кубушок: На основании тех же показаний господина Мессерсмита, фон Папен тогда также заявил, что его усилия были направлены на ослабление и подрыв австрийского правительства.

Считаете ли вы, что господин фон Папен действительно высказал это мнение и — что гораздо более важно — проводил ли он такую политику?

Шмидт: Нет.

Кубушок: Считало ли австрийское правительство полезным и необходимым снова установить отношения с Рейхом путем заключения соглашения, как это было сделано в июле 1936 года?

Шмидт: Да, я уже говорил о реальных причинах внешнеполитического и экономического характера.

Кубушок: При этом, а также и во время последующих переговоров играли ли роль внутриполитические причины, в особенности урегулирование партийного вопроса?

Шмидт: Естественно, задачей правительства было ликвидировать внутриполитическое напряженное положение, и австрийский канцлер должен был прилагать все усилия для того, чтобы найти выход из тяжелого положения, унаследованного им от Дольфуса, путем ликвидации внутриполитических противоречий.

Кубушок: Полагаете ли вы, что фон Папен заключил июльское соглашение 1936 года, преследуя обманные цели?

Шмидт: Нет, у меня не было повода сделать вывод, что он в заключении этого соглашения не усматривал серьезной попытки для установления «modus vivendi» между Германским Рейхом и Австрией. Тот факт, что в конце концов это привело к «modus male vivendi», ничего не меняет.

Кубушок: Были ли со стороны Германии заявлены жалобы на то, что и после соглашения от 11 июля 1936 г. не наступило никакого изменения во внутриполитическом курсе австрийского правительства?

Шмидт: Да, такие упреки мы слышали все время, и, таким образом, мы подходим к последней и существенной причине конфликта с Рейхом. Борьба с национал-

социализмом внутри страны в интересах сохранения независимости страны и сотрудничество на основании соглашения от 11 июля с Германским Рейхом, руководство которого было национал-социалистическим, — были теми двумя властными требованиями, которые через некоторое время австрийское правительство сочло несовместимыми. Этим объясняются и все трудности, с которыми столкнулись те люди, на которых было возложено выполнение этого соглашения в Вене, включая германского посла.

Кубушок: Подвергались ли обсуждению между канцлером и фон Папеном вопросы внутренней политики, такие, как вопросы личного состава, а также вопросы по существу так называемой национальной оппозиции, в силу имевших место условий и вытекающие из июльского соглашения?

Шмидт: Только что описанное мною положение показывает, что такие обсуждения, очевидно, были неизбежными и что беседы о внутриполитическом положении имели место между канцлером и германским послом так же, как с итальянским послом. Это вполне обычное дело. Я не знаю таких дипломатических мемуаров, которые не содержали бы подобного рода записей. Канцлер никогда бы не потерпел никакого вмешательства любого рода. В вопросах, касающихся конкретных лиц, Шушниг был особенно сдержанным, так как он, если можно так сказать, опасался «троянских коней».

Таково было примерно положение, которое обсуждалось в беседах между канцлером, с одной стороны, и германским послом — с другой стороны.

Кубушок: Можете ли вы сказать, проявлялось ли отрицательное отношение фон Папена к методам нелегальной партии?

Шмидт: Да, на основании тех сведений, которые получало правительство, нелегальное руководство партии, в особенности Леопольд, отрицательно относились к Папену. Это, безусловно, следует объяснить принципиальными разногласиями, разными политическими убеждениями и различными политическими путями, которыми были намерены идти фон Папен, с одной стороны, и нелегальное руководство партии — с другой стороны.

Кубушок: Занимал ли фон Папен, на основании июльского соглашения, когда-либо агрессивную позицию в вопросах внешней политики Австрии?

Шмидт: Между Австрией и Рейхом имелись непреодолимые разногласия не только в области культурных и внутриполитических связей, но и в области внешней политики. Я упомяну лишь требование Рейха о том, чтобы Австрия вышла из Лиги Наций, требование которое мы отклонили, указав на тот факт, что Австрия в силу ее географического положения и исторических предпосылок тесно связана с континентом, и также сославшись на то, что Австрия получила займы от Лиги Наций. Вторым пунктом является отношение Австрии…

Председатель: Является ли все это ответом на вопросы, которые вы ему задали?

Кубушок: Это только вступление к ответу на мой вопрос.

Председатель: Скажите, пожалуйста, свидетелю, чтобы он отвечал на ваш вопрос и излагал ответ, а не вступление к нему.

Кубушок: Для меня важно знать, воспользовался ли фон Папен имевшимися возможностями для агрессивного вмешательства в австрийскую внешнюю политику в отдельных, упомянутых вами случаях.

Шмидт: Я хотел сказать, что несмотря на существование глубоких разногласий, это не имело места и что какой-либо посол более радикальных взглядов, несомненно, использовал бы возможность и нашел бы повод для более жестких действий по отношению к Австрии. Мы ни в одном случае не пришли к соглашению с Германским Рейхом о совместных действиях в области внешней политики. Фон Папен, правда, напомнил нам об этом, но этим все и ограничилось. Что же касается агрессии или деятельности агрессивного характера, — я ничего не могу сказать об этом.

Кубушок: Напротив, господин фон Папен выступал как посредник? Я бы хотел напомнить случай Пинкафельда.

Шмидт: Случай с флагом Пинкафельда пример действий фон Папена как посредника. Сам по себе это был малозначительный инцидент, но он привел к угрозам вторжения от Гитлера. Фон Папена отозвали в Берлин и там с большими проблемами он успокоил ярость Гитлера, который, как мне сказали угрожал вторжением в Австрию.

Председатель: Свидетель, если вам удобно, то трибуналу было бы удобнее, чтобы вы говорили немного быстрее.

Шмидт: Он смог урегулировать вопрос и не было никаких последствий.

Кубушок: Он урегулировал вопрос. Господин фон Папен говорил вам о причинах своего отзыва 4 февраля 1938?

Шмидт: Однажды во время визита 5-го он высказал удивление – можно сказать своей гнев – своему отзыву, который по его мнению и также по нашему мнению был из-за событий 4 февраля 1938, увольнения генерала фон Фрича[129] и 30 других генералов и увольнение фон Нейрата. Он думал о том, что Австрия тоже не останется в стороне, особенно в виду человека которого предлагали быть его преемником. Тогда, Бюркеля или генерального консула Крибля[130] предложили. Это приблизительно то, что сказал мне фон Папен и мне также кажется федеральному канцлеру.

Кубушок: Значит он считал и опасался, что его преемник будет следовать более жесткой политике против Австрии?

Шмидт: Такой вывод был неизбежным в виду двух названных людей.

Кубушок: Фон Папен принимал участие в давлении оказанном на вас и Шушнига на

---

[129] Вернер фон Фрич (1880 — 1939), генерал-полковник Вермахта. Главнокомандующий сухопутными войсками в 1935-1938. Убит в бою под Варшавой.

[130] Герман Крибль (1876 – 1941) – немецкий дипломат и нацистский политик. Обергруппенфюрер СА. В 1934-1937 генеральный консул Германии в Шанхае.

переговорах в Берхтесгадене?

Шмидт: Нет.

Кубушок: Напротив, не так ли, постольку поскольку он имел всякую возможность принять участие в переговорах пытался снизить тон требований Гитлера?

Шмидт: В виду атмосферы силы которая преобладала и представленной программы требований, это было несложно. Мне кажется, что он, как и многие другие кто присутствовал, стремились восстановить спокойствие и таким образом позволить переговорам войти в разумное русло.

Кубушок: В ходе переговоров был сделан ряд уступок. Вам кажется, что отношение фон Папена и его роль в этих переговорах имела сдерживающий эффект и привела к получению вами практических результатов?

Шмидт: Его отношение в целом было без сомнения посредническим. Нельзя говорить об успехе в Берхтесгадене, что касается успеха, но это не вина фон Папена.

Председатель: Доктор Кубушок, вы думаете сможете закончить за несколько минут?

Кубушок: Да.

[*Обращаясь к свидетелю*] Для того, чтобы ответить на мой вопрос, мне кажется было бы лучше если бы вы не учитывали окончательный результат Берхтесгадена, а только тот факт, что Гитлер представил вам очень широкую программу требований выходившую далеко за рамки окончательных результатов, и если вы рассмотрите те пункты которые на самом деле имели для вас большое значение в ходе переговоров.

Шмидт: Если говорить о какой-то помощи извне, то она шла от фон Папена.

Кубушок: Вы вероятно вспоминаете, что переговора Гитлера-Шушнига были особенно жестокими, потому что Гитлер пытался склонить Шушнига к его немецкому отношению и фон Папен пришёл на помощь Шушнигу и соответственно дал Шушнигу более выгодную позицию чем было в начале?

Шмидт: Я не присутствовал на первом или второму часу беседы. Я не могу ответить на этот вопрос.

Кубушок: Мой последний вопрос: господин фон Папен после 26 февраля, дня, когда он взял отпуск у австрийского президента, всё ещё осуществлял в Вене официальную деятельность?

Шмидт: Нет, венским посольством руководил поверенный, советник посольства фон Штейн, который заявил два официальных демарша от имени Рейха, вечером 9-го или утром 10-го, против плебисцита запланированного Шушнигом. Фон Штейн, вместе с генералом Муффом и государственным секретарём Кепплером, также вручил австрийскому президенту ультиматум с требованием отставки федеральному канцлеру Шушнигу. Это показывает, что посол фон Папен уже не был активен.

Председатель: Трибунал будет отложен до четверти третьего.

[*Объявлен перерыв до 14 часов 15 минут*]

Вечернее заседание

Председатель: Трибунал не будет заседать в субботу.
Кубушок: Могу я попросить извинения о суду и получить разрешение задать ещё один вопрос свидетелю Шмидту, вопрос который я упустил до перерыва?
Председатель: Да.
Кубушок: Свидетель, в ноябре 1937, в ходе мероприятий предпринятых против нелегальных движений, определенные материалы были конфискованы которым дали имя «бумаги Тафса». Господин фон Папен упоминался в этих «бумагах Тафса»?
Шмидт: Насколько могу вспомнить, ряд документов обнаружили друг за другом вместе с этими материалами которые мы назвали «план Тафса». Думаю могу вспомнить, что в одном из этих документов упоминался Папен. Покушение на жизнь германского посла в Вене должно было быть поводом для внутренних беспорядков в Австрии, за которыми должны были последовать репрессивные действия правительства, и затем, позднее это должно было привести к мерам со стороны Германского Рейха. Я уже не могу вспомнить детали плана.
Кубушок: Спасибо.
Людингхаузен: С разрешения трибунала, я бы хотел задать несколько вопросов свидетелю.

Доктор Шмидт, когда и по какому поводу вы встречались с господином фон Нейратом?
Шмидт: Я встречался с фон Нейратом в ноябре 1937 в Берлине, где я нанес ему визит по его приглашению.
Людингхаузен: Вы можете сказать нам какое отношение фон Нейрат, как германский министр иностранных дел занимал в отношении взаимотношений Германского Рейха и Австрии? В частности, вы можете сказать нам о его взглядах на соглашение от 11 июля 1936? В связи с этим я бы хотел обратить ваше внимание на тот факт, что обвинение утверждало, что, как я это высказал, фон Нейрат заключил соглашение обманным образом.
Шмидт: В течение нескольких раз, что я встречался с фон Нейратом он всегда высказывал взгляд в пользу независимой Австрии, и при этом он хотел самого тесного взаимодействия во внешнеполитической, экономической и военной сферах. Наши переговоры всегда происходили на основе соглашения 11 июля, и разногласия

могли возникать только в интерпретации соглашения. Нейрат, от имени германского правительства считал, что соглашение должно, по возможности, работать активно в его интересах, в то время как мы, по оборонительным причинам, предпочитали другую интерпретацию. В любом случае Нейрат отвергал силовые средства и следовал приблизительно линии такой Австрии которая была независимой, но как можно более близкой к Германии.

Людингхаузен: В чём заключалось отношение Нейрата к крайним фракциям партии в Рейхе которые на практике следовали политике интервенции во внутриполитические вопросы Австрии?

Шмидт: Как я уже сказал, Нейрат отвергал силовые методы, и вместе с ними методы вмешательства, а также методы нелегальной партии в Австрии. Из бесед которые я имел с ним, кажется я однозначно могу говорить это. Это также подтверждается его полным неприятием деятельности государственного секретаря Кепплера и Веезенмайера[131] которые разумеется были в числе первопроходцев нового развития на Юго-Востоке и в основном в Австрии. Выражение которое он использовал не оставляло никаких сомнений в его отношении.

Людингхаузен: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Зейдль: Господин председатель, могу я получить разрешение представлять своего коллегу доктора Штамера, который отсутствует и задать свидетелю несколько вопросов от имени подсудимого Геринга?

Председатель: Да.

Зейдль: Свидетель, вы заявили о том, что в ноябре 1937 вы нанесли официальный визит в Берлин?

Шмидт: Да.

Зейдль: По этому поводу вы также беседовали с фельдмаршалом Герингом?

Шмидт: Да.

Зейдль: Верно, что даже тогда фельдмаршал Геринг уже говорил вам о том, что австрийская проблема может решена только полным союзом двух братских наций, то есть, в результате аннексии Австрии к Рейху и что он сделает для этого всё возможное?

Шмидт: Так не было сказано. Бывший рейхсмаршал, наверное настойчиво ссылался на тесное взаимодействие с Австрией, но требование аншлюса не упоминалось, насколько могу вспомнить. В качестве иллюстрации этого, можно сказать, что тогда обсуждались события 25 июля 1934. Я высказал взгляд, что соглашение от июля 1936 должно дать толчок такому развитию, и рейхсмаршал Геринг заявил о том, что он называл узловым вопросом этого дела – мне кажется он назвал Хабихта – и отправил его в какой-то дальний уголок Германии. Из этого замечания

[131] Эдмунд Веезенмайер (1904—1977) — немецкий политический деятель. Бригадефюрер СС.В 1938-1945 являясь сотрудником МИД Германии выполнял особые поручения Риббентропа в Хорватии и Венгрии. Американским трибуналом был приговорен к 20 годам лишения свободы. Освобожден досрочно в 1951.

следовательно казалось, что нет никакой речи об аншлюсе. Бывший рейхсмаршал приветствовал развитие вызванное 11 июля 1936, то есть, полную остановку существовавшего тогда развития, которое можно было описать как состояние войны, как было до 11 июля 1936.

Зейдль: Верно, что утром аншлюса, то есть, утром 12 марта 1938 Геринг заставил вас лететь в Берлин на самолете?

Шмидт: Нет. Это был или понедельник или вторник, это должно было быть 15 или 16-е.

Зейдль: Когда вы были в Берлине, он ставил вопрос о том попросите ли вы лично или Шушниг помощи у иностранных держав, военной помощи, за день до аншлюса?

Шмидт: Я не могу вспомнить, что слышал такой вопрос.

Зейдль: Вы заявили этим утром о том, что аншлюс национал-социализма в Австрии стал реальностью. Я спрашиваю вас, национал-социализм не был политической реальностью в Австрии ещё до аншлюса?

Шмидт: Да, разумеется политической реальностью, но я говорю о политической реальности в смысле организованной власти в государстве.

Председатель: Боюсь, вы спешите – что же, я не знаю, что это было. Всё равно, вам лучше повторить это, потому что кажется переводчики не поняли.

Зейдль: Вопрос был о том являлся или нет национал-социализм политической реальностью в Австрии ещё до аншлюса, и я ставлю этот вопрос в связи с тем, что свидетель сказал этим утром о том, что национал-социализм не стал реальностью в Австрии до вступления германских войск.

Шмидт: Под термином «политическая реальность» я имел в виду то, что национал-социализм получил в свои руки государственную власть, потому что до этого его представляла запрещенная партия, которая конечно после соглашения от 12 февраля предположительно должна была быть втянута в работу Отечественного фронта для ответственного взаимодействия в политических вопросах.

Другими словами, я хотел показать основное изменение которое произошло в национал-социализме с приходом германских войск.

Зейдль: И последний вопрос: после аншлюса, вы не говорили постоянно рейхсмаршалу о том, что Отечественный фронт, в связи с аншлюсом, рухнул как карточный домик?

Шмидт: Да, конечно, я не могу вспомнить отдельные заявления, но крах Отечественного фронта естественно произошёл, когда канцлер ушел в отставку. Отечественный фронт был сборной точкой сопротивления и 11 марта сопротивление рухнуло.

Зейдль: Больше нет вопросов.

Председатель: Желает ли обвинение произвести перекрестный допрос?

Додд: Если это вам известно, скажите, когда в первый раз подсудимый фон Папен предложил канцлеру Шушнигу, чтобы он, Шушниг, встретился с Гитлером?

Шмидт: Это было поздней осенью 1937 года, в ноябре. Фон Папен взялся за организацию этой встречи. Переговоры о ней не дали конкретных результатов. Официальное приглашение фон Папен передал 6 или 7 февраля, вернувшись от Гитлера. В этот день я и узнал о приглашении.

Додд: Скажите нам также, если это вам известно, не заверял ли фон Папен Шушнига в том, что это совещание ограничится обсуждением строго ограниченного круга вопросов и что на нем будут обсуждаться лишь те вопросы, которые были намечены Шушнигом и фон Папеном до совещания?

Шмидт: Сам канцлер требовал, чтобы программа этих переговоров была точно установлена. Он предлагал принять за основу соглашение от 11 июля и окончательно устранить все существующие разногласия. Об этом договорились Шушниг и Папен.

Додд: Уверял ли фон Папен Шушнига в том, что это совещание будет благоприятным для Австрии?

Шмидт: Нет, Папен этого не утверждал, но он, правда, заявил, что ситуация весьма благоприятна, причем Папен указывал на новую обстановку, создавшуюся после 4 февраля. Он считал, что Гитлеру после этих событий необходимо добиться какого-либо внешнеполитического успеха, поэтому канцлер может надеяться недорогой ценой достигнуть такого успеха.

Додд: Я хочу выяснить здесь — причем вы можете отвечать кратко, это, мне кажется, будет для нас удобнее — вопрос, который сводится к следующему: у вас и у Шушнига создалось впечатление, что если вы будете присутствовать на этом совещании, то это создаст некоторые преимущества для вас и для Австрии? Не так ли?

Шмидт: Я уже сказал ранее, что канцлер не был настроен оптимистически, то есть не надеялся на улучшение положения. Он хотел лишь урегулировать существовавшие разногласия.

Додд: Вечером, накануне вашего отъезда в Берхтесгаден, у вас был разговор с человеком по фамилии Хорнбастель[132], не так ли? С послом?

Шмидт: Да.

Додд: А предварительно в тот вечер вы беседовали с Зейсс-Инквартом, вы и Шушниг?

Шмидт: Это возможно, в те дни часто происходили совещания.

Додд: Быть может, я сумею немного помочь вам. Не помните ли вы, что Цернатто и Зейсс-Инкварт составляли какой-то меморандум, касающийся внутренних вопросов, в то время, как вы и, кажется, Хорнбастель, а может быть, кто-то другой, готовили документ или документы по международным вопросам, или по вопросам внешней политики. Не помогает ли это вам припомнить ход событий?

---

[132] Теодор Хорнбастель (1889 – 1973) – австрийский политик и дипломат. В 1934-1938 высокопоставленный сотрудник МИД Австрии.

Шмидт. Я ничего не понял.

Додд: Я говорю о том времени, когда вы и некоторые из ваших сотрудников готовили какой-то меморандум относительно вопросов внешней политики, а Цернатто и Зейсс-Инкварт готовили документы о внутреннем положении в стране. Вы помните об этом, не так ли?

Шмидт: Да.

Додд: Вы были встревожены в этот вечер по поводу Зейсс-Инкварт а, не так ли?

Шмидт: Да.

Додд: А почему вы были встревожены? Что вызывало у вас тревогу, чего вы опасались со стороны Зейсс-Инкварта?

Шмидт: Все те проекты, которые я получил перед отъездом и которые были выработаны Цернатто и Зейсс-Инквартом в качестве основы для внутриполитической части переговоров, — все эти проекты казались мне в политическом отношении нежизненными и совершенно непригодными. У меня создалось впечатление, что над ними работали два человека, которые с удовольствием сочиняли проекты, не понимая серьезности ситуации. Здесь были употреблены всевозможные формулировки относительно австрийского национал-социализма, причем делалось различие между идеологией австрийского национал-социализма и истинного национал-социализма. На самом деле никакой разницы нет. Австрийское национал-социалистическое мировоззрение является настоящим национал-социалистическим. Все это я тогда раскритиковал в своих выступлениях.

Додд: Вы согласитесь со мной, если я скажу, что между ним и Гитлером существовала какая-то тайная договоренность, которая должна была повлечь за собой нечто недоброе для Австрии? Под «ним» я имею в виду Зейсс-Инкварта.

Шмидт: Нет, у меня тогда не было опасений, что существует тайное соглашение между Гитлером и Зейсс-Инквартом.

Додд: Когда вы на следующий день прибыли в Берхтесгаден, вы узнали, что большая часть материала, который обсуждался между Цернатто, вами, Зейсс-Инквартом и Шушнигом, была использована Гитлером в качестве основы его требований к Шушнигу, не так ли?

Шмидт: Да.

Додд: Не убедились ли вы, по крайней мере, в этот день в том, что Зейсс-Инкварт связался с Гитлером незадолго до того, как вы прибыли в Берхтесгаден и сообщил ему эти основные требования?

Шмидт: У нас только создалось впечатление, что в основе совещания лежал проект, который был выработан людьми, знающими все обстоятельства дела. Основой этой программы требований были те договоренности, которые существовали между Зейсс-Инквартом и Цернатто. Всей программы мы до того не знали.

Додд: В тот день в Берхтесгадене вы и Шушниг представляли Австрию?

Шмидт: Да.

Додд: Гитлер, фон Папен, фон Риббентроп, Кейтель, Шперле[133] и Рейхенау[134] представляли там Германию?

Шмидт: Да.

Додд: Вы, фон Папен и Шушниг все вместе ехали в одном вагоне от границы до Берхтесгадена, не правда ли?

Шмидт: Да.

Додд: И в это время…

Шмидт: Да. Я не помню, ехал ли Папен туда в нашем вагоне. Обратно мы ехали все вместе.

Додд: Независимо от того, ехал ли он с вами в одном вагоне, он был в том же поезде. Разве он не сел в этот поезд на границе и не ехал затем с вами и Шушнигом?

Шмидт: Этого я не помню.

Додд: Разве он вас не встретил на границе?

Шмидт: Да, он нас ожидал на границе.

Додд: Может быть, я что-нибудь и путаю, но меня интересует тот разговор, который вы и Шушниг имели с фон Папеном, когда вы встретились с ним на границе или во время пути в Берхтесгаден, когда он сказал вам: «Между прочим, там будет несколько генералов, я надеюсь, вы не имеете ничего против этого». Вы помните, что фон Папен это сказал?

Шмидт: Да, я помню, что о генералах шла речь. Он сказал Шушнигу, что будет присутствовать... не помню, назвал ли он при этом имя Кейтеля.

Додд: Итак, об этом было упомянуто скорее вскользь, и у вас не было возможности возразить против этого? А до этого времени вы не знали, что там будут военные?

Шмидт: До того времени мы ничего не знали об этом.

Додд: В какое время дня вы приехали в Берхтесгаден? Рано утром или утром же, но позднее?

Шмидт: В первой половине дня.

Додд: Я хотел бы, чтобы вы сообщили трибуналу как можно точнее, что же именно произошло там в тот день. Об этом совещании мы слышали уже много показаний, но вы — первый человек, дающий здесь показания, который сам был там. Хотя, пожалуй, это не совсем так — Кейтель тоже там присутствовал, но во всяком случае вы принимали участие в обсуждении. С чего началось обсуждение?

Шмидт: Совещание началось с беседы между Гитлером и канцлером Шушнигом. Беседа происходила с глазу на глаз, так что ни я, ни другие господа не присутствовали. Позднее туда были приглашены некоторые из присутствовавших. Затем состоялись совещания без Гитлера, с участием тогдашнего министра

---

[133] Хуго Шперле (1885 — 1953) — немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал люфтваффе во Второй мировой войне.

[134] Вальтер фон Рейхенау (1884 — 1942) — генерал-фельдмаршал (с 1940). Во время Второй мировой войны командовал 6-й армией вермахта. Брал Париж (1940), Киев (1941) и Харьков (1941). Один из немногих высших военачальников вермахта, активно поддерживавших нацизм.

иностранных дел Риббентропа, и на этих совещаниях обсуждались все пункты предложенной нам программы. В процессе этих совещаний некоторые требования были вычеркнуты.

Додд: В то время, когда Гитлер говорил с Шушнигом, с кем говорили вы, если вы вообще с кем-нибудь говорили в то время? Что вы делали?

Шмидт: Я был вместе с остальными приехавшими, которых вы назвали. Часть времени мы провели в большом зале, а другую часть — в приемной перед комнатой, где происходило это совещание четырех.

Додд: Разговаривали ли вы, например, с Риббентропом в то время, когда Гитлер беседовал с Шушнигом? Что там происходило? О чем вы беседовали с Риббентропом, если вы говорили с ним?

Шмидт: В послеобеденные часы мы с Риббентропом рассматривали программу требований. Частично я делал это один. Мне удалось удалить оттуда некоторые пункты. Таким образом, это были беседы в рамках предъявленной нам программы требований.

Додд: Я хотел бы, чтобы вы пока ограничились рассказом лишь о том, что происходило там, для того, чтобы мы установили точную последовательность происшедших событий. Итак, в то время, когда Шушниг беседовал с Гитлером, вы действительно просто сидели и вели неофициальный разговор или же вы беседовали с Риббентропом или еще с кем-нибудь об Австрии и Германии?

Шмидт: Нет, в первой половине дня мы еще не говорили об этом, так как мы — во всяком случае я — еще не знали этой программы, а политические переговоры могли происходить только на базе обоюдно высказанных пожеланий обеих сторон.

Додд: Но ведь, очевидно, во время заседания были перерывы, и в течение этих перерывов не удалось ли вам поговорить с Шушнигом?

Шмидт: Да, примерно через час канцлер вышел, информировал меня о ситуации и советовался со мной...

Додд: Скажите нам, что он вам тогда сказал?

Шмидт: Он сначала охарактеризовал атмосферу, резкость тона и ультимативный характер сделанных предложений.

Додд: Попытайтесь рассказать нам, что он говорил вам, если вы помните. Что он говорил вам о той атмосфере, в которой велись переговоры, и о тоне самого разговора? Вот, что мы хотим знать.

Шмидт: Он начал с того, как его встретили. Он сказал, что Гитлер упрекал его в том, что он не немец и что Австрия не проводит германскую политику. Так всегда было еще во времена Габсбургов. Гитлер обвинил в этом также австрийских католиков. Австрия всегда вставляла палки в колеса всякому национальному движению, это продолжается и по сей день. Тут Гитлер упомянул о том, что Австрия не вышла из Лиги Наций. Затем произошел очень резкий разговор между Гитлером и Шушнигом, причем у Шушнига создалось впечатление, что делаются

нападки лично на него. Я не помню теперь подробностей. Во всяком случае, по словам канцлера, атмосфера была крайне напряженной.

Додд: Я полагаю, что вы там обедали в полдень или несколько позже?

Шмидт: После этой беседы в 12 часов или в половине первого был обед. Там опять установилась совершенно нормальная атмосфера, так что за это время буря утихла.

Додд: Шушниг был, что называется, ярым курильщиком?

Шмидт: Когда? Тогда или вообще?

Додд: Я хочу сказать, именно в то время, конечно.

Шмидт: Разумеется, Шушниг очень много курил.

Додд: Мы слышали, что в тот день во время совещания ему запретили курить и вы просили Риббентропа, чтобы ему разрешили выкурить одну сигарету. Верно ли это или это выдумка?

Шмидт: Нам было сказано, что в присутствии Гитлера не следует курить, — это правильно. Я искал все время случая дать канцлеру возможность выкурить хотя бы одну сигарету. Я не помню, просил ли я об этом Риббентропа, так как эта деталь не представляется мне важной.

Додд: Скажите, говорил ли вам после этого совещания Шушниг, что Гитлер потребовал назначения Зейсс-Инкварта министром государственной безопасности?

Шмидт: Да, это был один из пунктов программы требований.

Додд: Предложенной Гитлером?

Шмидт: Да.

Додд: Требовал ли он также, чтобы Гляйсе-Хорстенау был назначен военным министром?

Шмидт: Да, это было вторым требованием.

Додд: Требовал ли он также, чтобы некоторые студенты, исключенные из университетов Австрии, были вновь приняты в них?

Шмидт: Да, все отчисленные студенты должны были быть прощены и опять приняты в университеты.

Додд: А также чтобы некоторые уволенные чиновники были восстановлены на своих должностях?

Шмидт: Да, это тоже.

Додд: Во-вторых, чтобы некоторые полицейские чиновники Австрии были также восстановлены на своих постах?

Шмидт: Это предусматривалось главой «Амнистия». Уволенные чиновники исполнительных органов должны были быть восстановлены на работе.

Додд: Выдвигались ли также требования относительно обмена валюты и таможенной унии?

Шмидт: Да, обсуждались также экономические требования в таком духе; о таможенной унии не говорилось, но эти требования вплотную подходили к ней.

Додд: Как только Шушниг услышал о предъявляемых вам требованиях, вы

почувствовали, что совещание вышло за пределы соглашения между фон Папеном и Шушнигом, — не так ли? Вы тотчас же убедились в этом?

Шмидт: Да, программа шла дальше, чем мы предполагали. Это верно. Я не знаю, ознакомился ли фон Папен предварительно с этой программой. Предполагаю, что нет.

Додд: Я вас не об этом спрашиваю, но хорошо, если вы хотите что-либо сказать о фон Папене, то — пожалуйста; однако мой вопрос заключается в следующем: не пошли ли вы немедленно к фон Папену или Шушнигу и не сказали ли вы: «Здесь происходит совсем не то, ради чего мы, по вашим словам, сюда приехали». Не было ли у вас подобного разговора с ним во время одного, из этих перерывов?

Шмидт: Конечно, мы говорили в этом смысле, что программа идет дальше, чем мы предполагали.

Додд: Что сказал фон Папен?

Шмидт: У нас создалось впечатление, что фон Папен сам был неприятно поражен некоторыми пунктами.

Додд: Не предлагал ли он вам, чтобы вы согласились на требования Гитлера?

Шмидт: После того, как мы добились некоторых уступок, Папен посоветовал нам принять требования в их окончательном виде, так как, по его мнению, следовало прийти к соглашению. Шушниг дал на это свое согласие, потому что он не хотел уезжать без результатов, чтобы не осложнять положения Австрии.

Додд: И Гитлер согласился распустить новую национал-социалистическую партию в Австрии, — не так ли? Не уверял ли он вас в том, что он это сделает?

Шмидт: Да.

Додд: И что он отзовет доктора Тафса и Леопольда — лидеров нацистской партии в Австрии?

Шмидт: Да.

Додд: И вы согласились также назначить Зейсс-Инкварта министром безопасности?

Шмидт: Канцлер согласился на это.

Додд: И вы согласились с тем чтобы такие лица, как Фишбок и Вольф, были приняты на работу в австрийскую прессу?

Шмидт: Их приходилось принять — Фишбока в министерство торговли, а Вольфа — в отдел печати. О том, в какой форме это будет сделано, ничего не говорилось.

Додд: Вы также согласились попытаться принять некоторых национал-социалистов в «Отечественный фронт», привлечь их к вашей политической программе?

Шмидт: Выражение привлечь «некоторых нацистов в «Отечественный фронт» не подходит к тогдашней ситуации. Это был вопрос о включении националистической оппозиции в «Отечественный фронт» и об участии всей этой группы, таким образом, в политической жизни страны.

Додд: Гитлер заявил вам, что вы должны принять его условия до 15 февраля, не так ли?

Шмидт: Да.
Додд: И он сказал вам, что, если вы этого не сделаете, он применит силу?
Шмидт: Да, это был ультиматум. Гитлер заявил, что он намеревается уже в феврале вступить в Австрию и делает последнюю попытку избежать этого.
Додд: А что делали эти генералы? Люди, вроде подсудимого Кейтеля? Действительно ли они входили и выходили во время совещания?
Шмидт: Генералов неоднократно вызывали на это совещание.
Додд: Не опасались ли вы и Шушниг, что вас арестуют или расстреляют?
Шмидт: Да, мы опасались, что мы не выберемся оттуда, но не боялись, что нас расстреляют.
Додд: Вы помните, что Шушниг говорил вам на обратном пути в Вену о том, что когда вызвали Кейтеля, то он испугался и боялся, что его расстреляют или арестуют, и вы в свою очередь заявили Шушнигу, что вы тоже очень испугались, думая, что пришел конец, или что-то в этом роде?
Шмидт: Нет, я не помню этого разговора. О расстреле не было и речи, но мы боялись. Канцлер тоже считал, что мы не выберемся оттуда, если переговоры не увенчаются успехом.
Додд: Что делал фон Папен в то время, как генералы входили и выходили во время совещания. Видел ли он это так же, как и вы?
Шмидт: В это время происходила оживленная беседа, и теперь, через восемь лет, очень трудно сказать, что он тогда делал.
Додд: Вас там было не так много, всего шесть или восемь человек. Они все стояли вместе или как это было?
Шмидт: Не всегда все были вместе в этой комнате. Бывали различные комбинации: одни приходили, другие уходили.
Додд: Разрешите мне поставить вам вопрос так: разве фон Папен мог не видеть этих генералов там в тот день?
Шмидт: Он должен был видеть их в тот день, когда мы там были.
Додд: Фон Риббентроп сказал вам, что Гитлер очень рассержен, не так ли?
Шмидт: Мы все так думали.
Додд: И он, конечно, настаивал на том, что будет лучше как для вас, так и для Шушнига, если вы примете поставленные условия, не так ли?
Шмидт: Во всяком случае, Риббентроп не участвовал в оказании на нас давления. Он отстаивал немецкие требования, но не оказывал давления. Я об этом уже тогда сказал канцлеру.
Додд: Значит, положение было таково: фон Риббентроп играл в любезность, в то время как Гитлер играл роль злодея, а вас и Шушнига посылали от одного к другому?
Шмидт: У меня создалось впечатление, что Риббентроп недостаточно хорошо был знаком с материалом и уже поэтому был довольно сдержан.

Додд: Это интересно, но совсем не ново на этом процессе. Но, во всяком случае, не является ли фактом то обстоятельство, что вами, так сказать, жонглировали, посылая от «хорошего парня» Риббентропа к «плохому парню» Гитлеру.

Шмидт: Это неверно. Ситуация была совсем не такой. Мы с Риббентропом должны были обсудить детали. Гитлер сказал, что о подробностях нужно договориться в кругу специалистов.

Додд: Может ли так случиться, что вам еще до сих пор не все ясно? Вы уверены, что положение не было таковым, или, быть может, вы просто еще до сих пор не уяснили себе, какова была обстановка?

Шмидт: Что не уяснили?

Додд: Каково было положение вещей, что вам приходилось маневрировать между «добрым гением» и «злодеем»?

Шмидт: Нет.

Додд: Хорошо, если вы не понимаете, то я считаю, что нет смысла продолжать об этом разговор.

До какого часа вы там оставались в тот день и когда вы уехали из Берхтесгадена?

Шмидт: Я уехал поздно, насколько помню, между 9 и 10 часами вечера.

Додд: Когда вы вернулись в Вену, сообщили ли вы Зейсс-Инкварту о том, что происходило на совещании в Берхтесгадене?

Шмидт: Сначала состоялась беседа между Цернатто и Зейсс-Инквартом, во время которой я детально информировал обо всем Цернатто и Зейсс-Инкварта, а Цернатто получил сведения и от канцлера и от меня. Я пришел к концу этого разговора, когда все главное уже было рассказано и речь шла о деталях.

Додд: Вы заявили трибуналу сегодня утром, что Зейсс-Инкварт сказал вам, что он хочет сохранить некоторую независимость Австрии, во всяком случае, какую-то видимость независимости. Вы не поверили этому, когда он вам об этом говорил, не правда ли?

Шмидт: Я не могу ответить на этот вопрос ни да, ни нет. Я ответил отказом на его предложения и не стал больше ломать себе голову над политическими концепциями Зейсс-Инкварта так как не хотел участвовать в правительстве. Его предложение следовало считать вполне серьезным.

Додд: Вы сформулировали свой отказ определенно, не так ли? Что вы говорили относительно того, что вы хотите действовать искренно и порядочно?

Шмидт: Я сказал тогда, что поддерживаю канцлера Шушнига, что я по-прежнему следую законам порядочности и верности и что я уйду вместе с Шушнигом.

Додд: Не употребили ли вы выражение: «Я все еще верю, что должно поступать правдиво и порядочно»?

Шмидт: Нет. Я сказал: «Я следую законам верности и порядочности. Я шел вместе с канцлером Шушнигом и уйду вместе с ним». Нужно было знать мое отношение к

канцлеру; тогда было бы ясно, что я не мог действовать иначе.

Додд: Нет, я и не говорил этого. Я лишь стараюсь доказать, что вы сами употребили такие выражения, отвергая предложения Зейсс-Инкварта, которые указывают на то, что вы не считали его правдивым, преданным и порядочным человеком. Не так ли?

Шмидт; Я этого не сказал, я просто привел причины, по которым я отклонял его предложения. Разница заключалась уже в том, что я был в дружеских отношениях с канцлером.

Додд: Вы знаете, что у нас имеются показания, данные вами под присягой в Вене, в которых вы заявляете, — вы помните, что вы сказали там судье, — что Зейсс-Инкварт принимал участие в насильственном отстранении Шушнига?

Шмидт: Да, я заявил, что не могу войти в правительство Зейсс-Инкварта, так как оно, в конечном итоге, разделяло ответственность за отстранение от власти правительства Шушнига.

Додд: Да, но все дело в том, могли ли вы, зная Зейсс-Инкварта и то, что он работал в тесной связи с нацистами, а также после всего, что вы узнали в Берхтесгадене, серьезно заявлять трибуналу, что вы действительно верили Зейсс-Инкварту, когда он говорил, что он хочет сохранить в какой-то мере независимость Австрии?

Шмидт: Я уже тогда в этом сомневался, как сомневаюсь и до сих пор. Каковы были его замыслы, я не могу сказать.

Додд: Я вас об этом не спрашиваю, я спрашиваю вас, что вы думали об этом?

У вас был разговор с подсудимым фон Папеном о Зейсс-Инкварте несколько лет назад, не так ли?

Шмидт: Да.

Додд: Расскажите трибуналу, где и когда эта беседа происходила?

Шмидт: Я встретился с фон Папеном в Турции поздней осенью 1943 года. Разговор зашел о событиях 11 марта 1938 г. Папен весьма критически отозвался об этих событиях и о Зейсс-Инкварте, так как он ничего не сделал для защиты интересов Австрии, а также ничего не сделал для немецкого народа. У меня создалось впечатление, что Папен был против насильственного разрешения австрийского вопроса, то есть против того, что произошло.

Додд: Я хочу, чтобы вы сообщили трибуналу, что именно сказал фон Папен о Зейсс-Инкварте? Это ведь было в 1943 году, не правда ли, — а не в 1940 году. Это было, когда вы были в Турции, где также был и фон Папен, или он там не был в то время?

Шмидт: Да.

Додд: Может быть, я могу помочь вам немного, если вы забыли. Не говорил ли фон Папен, что он не подал бы руки Зейсс-Инкварту?

Шмидт: Да, это он заявил. Он сказал, что через некоторое время после аншлюса он отказался подать руку Зейсс-Инкварту в связи с событиями 1938 года.

Додд: И он говорил, что его поведение было совершенно невозможным?

Не так ли именно выразился фон Папен, когда говорил о Зейсс-Инкварте?

Шмидт: Да, именно в такой форме он и выразился.
Додд: Что еще он говорил? Вы заявили там, в Вене, что фон Папен, говоря о Зейсс-Инкварте и о его поведении в марте 1938 года, употреблял самые резкие выражения? Я считаю, что трибуналу это будет интересно, и я хочу, чтобы вы рассказали об этом как можно точнее. Эта беседа между вами и фон Папеном имела место всего три года тому назад, а вы нам сказали о ней всего несколько слов.
Шмидт: Он говорил очень резко о том, что Зейсс-Инкварт не выступил на защиту Австрии и ничего не сделал для того, чтобы ее спасти, сберечь ее самобытность и сохранить ее интересы.

Это была основная мысль Папена. Вторая мысль была та, что и Германия не извлекла для себя никакой пользы. Благодаря той форме, в которой все это было проделано, законные интересы Германского Рейха предстали в ложном свете перед всем миром и, таким образом, был нанесен ущерб внешнеполитическим интересам Рейха.

Такова была его главная мысль, и, по-моему, то же самое он говорил многим другим.
Додд: Я боюсь, что мы отклонились от темы о Берхтесгадене и я опустил один вопрос, имеющий, возможно, некоторое значение.

Помните ли вы — мне кажется, это было незадолго до того, как закончилось совещание, — что Гитлер повернулся к фон Папену и сказал ему: «Фон Папен, вы дали мне возможность стать канцлером, и я этого никогда не забуду».
Вы слышали, как Гитлер сказал это фон Папену в тот день в Берхтесгадене?
Шмидт: Да, подобное заявление было сделано.
Додд: А что сказал Папен?
Шмидт: Я этого уже не помню.
Додд: Он сказал: «Да, мой фюрер», или, очевидно, что-то в этом роде, не так ли?
Шмидт: Да. Я предполагаю, что он ответил что-либо подобное, так как на такое обращение и следовало дать такой ответ.
Додд: Но он, конечно, не отрицал самого факта, не правда ли?
Шмидт: Не думаю. Но я точно не помню ответа, я помню только вопрос.
Додд: В ту ночь в Вене, когда члены СС и СА врывались в окна и двери резиденции канцлера, принимал ли Зейсс-Инкварт какие-нибудь меры, чтобы воспрепятствовать этому?
Шмидт: Насколько мне известно, нет. Впрочем, я этого не знаю; я находился в другом конце здания.
Додд: Да, положение было очень напряженным, насколько нам известно. Скажите, вы действительно опасались того, что Шушнигу будет причинен какой-нибудь вред?
Шмидт: Ситуация была очень напряженной.
Додд: На чем вы и Шушниг поехали той ночью домой из канцелярии?

Шмидт: Мы поехали домой в трех машинах. В одной ехал канцлер, в другой — президент и затем — я. Отъезд был организован эсэсовцами, которые нас сопровождали.

Додд: Но Зейсс-Инкварт не повез Шушнига домой на своей собственной машине. Его повезли домой эсэсовцы, не так ли?

Шмидт: Нет, они поехали вместе, и я сам слышал, как Зейсс-Инкварт сказал, что отвезет Шушнига домой. Чья это была машина — канцлера или Зейсс-Инкварта — я не знаю. Во всяком случае, они поехали вместе в одной машине.

Додд: В сопровождении членов СС?

Шмидт: Нет, это не так. Я не знаю, были ли в машине канцлера эсэсовцы. Эсэсовцы эскортировали нас при выезде из здания, но их не было ни в моей машине, ни в машине президента.

Додд: Это нечто иное, чем то, что вы сообщили суду в Вене. Там Вы заявили: «Доктор Шушниг и я были доставлены домой в сопровождении эсэсовцев».

Шмидт: Нет, я сказал, что эсэсовцы эскортировали или сопровождали нас при выезде с Балльхаусплац. Их там было около 40 человек. Остался ли кто-нибудь из них после этого в машинах, я не помню. Они руководили отъездом.

Додд: Вы, вероятно, сможете помочь нам выяснить еще один вопрос. Когда Зейсс-Инкварт произносил свою речь по радио, он еще не был членом правительства, не так ли?

Шмидт: Об этом много спорили. Канцлер подал в отставку во второй половине дня. Президент сначала не принял отставку. Таким образом, Шушниг оставался еще канцлером, а Зейсс-Инкварт — министром. Была ли принята отставка позднее, я не могу сказать. Одни считают, что президент поручил канцлеру, а вместе с ним и Зейсс-Инкварту продолжать вести дела; другие полагают, что этого не было. На этот вопрос может ответить только сам глава государства.

Додд: Так как вы являетесь бывшим членом правительства, то я хочу, чтобы Вы посмотрели на один документ и сказали, видели ли вы его ранее.

Это документ PS-4015, USA-891.

В нем говорится, что президент Миклас освободил от должности не только Шушнига как федерального канцлера, но и всех других членов федерального правительства, а также всех государственных секретарей соответствующих ведомств. Это было 11 марта?

Шмидт: Да.

Додд: Это указывает на то, что Зейсс-Инкварт еще не вступил в должность, когда он произносил свою речь по радио? Правильно ли мы поняли?

Шмидт: Я думаю, что у меня большой опыт в этом деле, так как я сам долго работал у президента. Подобные отставки…

Додд: Я хочу, чтобы вы лишь точно сказали: правда это или нет? Правильно ли мы понимаем?

Шмидт: Совсем не обязательно понимать это именно так. Подобные документы обычно задерживаются на несколько дней, проходя через бюрократическую машину и подвергаясь всевозможной технической обработке. Поэтому следовало бы специально проверить, когда фактически произошла отставка. Я думаю, что декрет был издан спустя длительное время после 11 марта.
Додд: Часто ли Зейсс-Инкварт употреблял выражение «троянский конь» в период, предшествовавший событиям 12 марта. Это было его обычным выражением?
Шмидт: Он несколько раз говорил, что не собирается вводить в Австрию «троянского коня». Этим он хотел выразить свою лояльность и показать, что в его задачи вовсе не входит открыть лазейку в Австрию для национал-социализма.
Додд: Думали ли вы когда-нибудь, что он слишком часто выражал свой протест?
Шмидт: Против чего?
Додд: Против того, что он «троянский конь».
Шмидт: Я слышал это выражение всего два или три раза от Цернатто...
Додд: Это все, что я хотел спросить.
Штейнбауэр: У меня есть только один короткий вопрос — в связи с разбиравшимися сейчас событиями. Скажите, Зейсс-Инкварт не выставил посты гвардейского батальона перед кабинетом министра?
Шмидт: Да, посты были выставлены.
Штейнбауэр: В котором часу Шушниг фактически ушел в отставку?
Шмидт: Во всяком случае это произошло после того, как было сформировано новое правительство. Думаю, что это было между 9 и 10 часами, так как тогда президент вел серьезные переговоры по поводу кандидатуры нового канцлера, при этом речь шла, по-моему, о докторе Эндере[135].
Штейнбауэр: У меня больше нет вопросов к этому свидетелю.
Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Штейнбауэр: С разрешения трибунала сейчас я вызываю шефа полиции, доктора Скубля в качестве свидетеля.

[*Свидетель Скубль занял место свидетеля*]

Председатель: Пожалуйста, назовите своё имя?
Скубль: Михаэль Скубль.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу абсолютную правду и не утаю и не добавлю ничего».

[135] Отто Эндер (1875-1960) – австрийский политик. Канцлер Австри в 1930-1931.

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Штейнбауэр: Свидетель, какие должности вы занимали в австрийской республике?
Скубль: В конце я был начальником полиции Вены и государственным секретарём по вопросам общественной безопасности. Кроме этого, я был генеральным инспектором австрийской исполнительной власти.
Штейнбауэр: Вас призвали в эти ведомства по предложению доктора Дольфуса в соответствии с указаниями которые он дал перед смертью?
Скубль: Доктор Дольфус назначил меня генеральным инспектором полиции за день до своего убийства 24 июля. Я пользовался его полным доверием.
Штейнбауэр: Следовательно можно описать вас как имевшего доверие его преемника и друга доктора Шушнига?
Скубль: Да.
Штейнбауэр: Когда Зейсс-Инкварт стал министром вас приставили к нему государственнным секретарём и одновременно генеральным инспектором?
Скубль: Да. Когда Зейсс-Инкварт был назначен министром внутренних дел и безопасности меня приставили к нему государственным секретарём. Соответственно, я прямо подчинялся ему, в то время как до этого времени я подчинялся напрямую федеральному канцлеру как главе безопасности.
Штейнбауэр: Полиция и участковые находились в ваших руках или в руках Зейсс-Инкварта, в практическом смысле?
Скубль: В практическом смысле они находились в моих руках.
Штейнбауэр: Вы имели особую задачу бороться с нелегальными движениями?
Скубль: Как начальник полиции и государственный секретарь по вопросам общественной безопасности, одна из моих ведущих задач заключалась, конечно, в борьбе с нелегальными движениями и в частности с национал-социалистической агрессией.
Штейнбауэр: Вы замечали какую-либо связь между Зейсс-Инквартом и июльским путчем 1934? Я имею в виду, когда убили Дольфуса.
Скубль: Нет.
Штейнбауэр: В чём в основном заключалось его отношение к национал-социализму?
Скубль: Доктор Зейсс-Инкварт признавал себя национал-социалистом. Однако насколько я знаю, так называемые 120 или 150 процентные национал-социалисты – то есть, лидеры нелегального движения не считали его 100 процентным национал-социалистом. Однако его считали очень подходящим человеком, чтобы использовать его в качестве фигуры национал-социалистического движения на шахматной доске.
Штейнбауэр: Если я правильно вас понимаю, тогда он был больше ведомым

человеком нежели ведущим?

Скубль: Моё впечатление состояло в том, что он больше ведомый чем ведущий.

Штейнбауэр: Итак, как вы работали вместе с Зейсс-Инквартом как министром внутренних дел?

Скубль: Не было никаких препятствий в нашем взаимопонимании. Это было полностью гармоничное взаимопонимание.

Штейнбауэр: Он оказывал какое-либо влияние на полицию? Он, например, приводил национал-социалистов в корпус полиции?

Скубль: Нет такого ни разу не было.

Штейнбауэр: Вы имели возможность обходить министра и докладывать напрямую федеральному канцлеру Шушнигу?

Скубль: Федеральный канцлер Шушниг был главой правительства и в этом качестве естественно был моим самым высшим начальником. Естественно, что я должен был регулярно готовить доклады федеральному канцлеру по особым вызовам, и что я должен был также получать от него указания.

Штейнбауэр: Вскоре после назначения доктора Зейсс-Инкварта министром он поехал на встречу с Гитлером в Рейх. Это была официальная поездка или её держали в тайне?

Скубль: Это было официально.

Штейнбауэр: Как вы пришли к такому выводу?

Скубль: О ней объявили. Я знал о поездке и федеральный канцлер Шушниг, насколько мне известно, тоже знал о поездке. Напрашивалось, что как посредник между австрийским правительством и Рейхом он обязательно должен был иметь возможность переговорить с Гитлером.

Штейнбауэр: Что же, когда Зейсс-Инкварт вернулся, он сделал доклад о содержании своих дискуссий с фюрером?

Скубль: Да. По возвращении я встретил Зейсс-Инкварта на станции и спросил его о том как прошли совещания с Гитлером. Зейсс-Инкварт всё ещё находившейся под впечатлением о встречи и дискуссий сообщил мне, о том, что он сказал фюреру. Я всё ещё помню отдельные пункты. Зейсс-Инкварт сказал рейхсканцлеру следующее:

> «Господин рейхсканцлер:
>
> 1.Я австрийский министр и в этом качестве дал присягу австрийской конституции. Следовательно я дал присягу австрийской автономиии и независимости.
>
> 2. Я верующий и исповедующий католик и таким образом я не могу следовать курсу который может привести к культурной борьбе.
>
> 3. Я выходец из страны в которой не может быть и речи о тоталитарном режиме».

Штейнбауэр: Несмотря на эти взгляды, Рейх назначил нового ландесляйтера нелегальной НСДАП?

Скубль: Да. Насколько мне известно, 21 февраля Клаузнер был назначен ландесляйтером.

Штейнбауэр: Когда Шушниг объявил о плебисците, он приказал о каких-то особых мерах безопасности?

Скубль: Приказ о плебисците естественно произвел на национал-социалистов эффект разорвавшейся бомбы, не только национал-социалистов в Австрии, но и в Рейхе. Была лихорадочная активность, поэтому естественно нужно было вводить превентивные меры.

Такую специальную деятельность можно объяснить тем фактом, что национал-социалисты боялись, что в случае плебисцита они потерпят сильное поражение ибо выборные лозунги были бы приняты подавляющим большинством австрийского населения.

В связи с этим интересней всего обратить ваше внимание на статью которая вышла 11 марта в «Deutsche-Osterreichische Tageszeitung[136]» в которой можно было прочитать страх, что этот плебисцит откроет путь демократизации Австрии, формированию народного фронта, и соответственно как результат большевизацию. Из этого могло прийти понимание, что австрийские национал-социалисты была меньшинством.

Штейнбауэр: Теперь мы переходим к памятному 11 марта 1938. Когда вы, как начальник исполнительной власти, узнали о том, что вступают германские войска?

Скубль: 11 марта конечно было исключительно волнительным и полным событий днём. Чувство времени было полностью утрачено в эти часы. Я знаю, что в вечерние часы был подан доклад показывающий, что германские войска пересекли границу, доклад который нельзя было подтвердить, однако, который был дополнен тем фактом, что необычайно тревожные перемещения войск проходили у австрийской границы.

Штейнбауэр: Зейсс-Инкварт после отставки Шушнига не сказал по радио, что для того, чтобы избежать хаоса он просил население сохранять спокойствие и порядок поскольку он был министром безопасности?

Скубль: Зейсс-Инкварт сделал такое заявление по радио.

Штейнбауэр: Он сделал какие-нибудь замечания о том, что до отставки Шушнига, он, Зейсс-Инкварт лично дал указания, направил телеграммы, совершил телефонные звонки или передал любую другую информацию о захвате власти в государстве?

Скубль: Что я заметил это то, что поведение Зейсс-Инкварта до критического момента было разумеется очень пассивным, и как я уже сказал раньше, он фактически представлял собой человека которого вели нежели человека который вёл, и на самом деле не было никаких явных указаний на то, что он ощущал себя неудобно.

Штейнбауэр: Не лично вы, после обеда или вечером получили предложение

[136] «Немецко-австрийская ежедневная газета» (нем.) – одна из главных газет национал-социалистов в Австрии.

президента Микласа принять федеральное канцлерство?

Скубль: Федеральный канцлер, доктор Шушниг впервые вызвал меня после полудня и заявил мне о том, что был ультиматум от Германии – то есть, от Гитлера – о том, что он уже не доволен отменой плебисцита, а требует отставки Шушнига. Тогда Шушниг сказал мне о том, что он лично готов уйти в отставку, но он не ждет, что его сотрудники примут назначение Зейсс-Инкварта федеральным канцлером. Он сказал, что имел ко мне вопрос, и он был о том готов ли я принять должность канцлера. Он сделал это по договоренности с президентом, который несколько минут назад сделал мне такое же предложение.

Я отказался от этого предложения, и отказался, потому что считал, что моё назначение канцлером означало бы в глазах Гитлера объявление войны. Как государственный секретарь общественной безопасности я был главой фронта обороны от национал-социалистической агрессии и соответственно находился в личной оппозиции Гитлеру. Таким образом, прими я канцлерство это дало бы Гитлеру подходящую возможность направить свои войска. Следовательно моё принятие канцлерства означало бы начало борьбы против вторжения и такая борьба была бы наверное безнадёжной в виду превосходства германских вооруженных сил в сравнении с австрийскими вооруженными силами и австрийскими правоохранителями.

Штейнбауэр: Затем Зейсс-Инкварт сформировал свой кабинет и взял вас как государственного секретаря. Почему вы поступили в это министерство?

Скубль: Зейсс-Инкварт предложил, чтобы я сохранил руководство вопросами общественной безопасности в государственном секретариате в его правительстве. Я принял предложение, имея доверие в том, что Зейсс-Инкварт будет помнить об условиях которые он изложил фюреру, то есть, что он будет федеральным канцлером независимой Австрии. Кроме этого, я был наполнен желанием и надеждой, что я смогу сохранить правоохранительные силы в своих руках и что в случае если у Зейсс-Инкварта будут сложности в представлении австрийской точки зрения я смогу оказать ему содействие. Другими словами, должна была быть австрийская сильная точка, австрийский анклав, в кабинете австрийского федерального канцлера Зейсс-Инкварта.

Штейнбауэр: Зейсс-Инкварт всё также выступал за австрийскую независимость?

Скубль: Он подробно не говорил об этом. Мы, считали это само собой разумевшимся во время совещания.

Штейнабауэр: Когда вы ушли из кабинета и почему?

Скубль: В ночь между 11 и 12 марта я получил задачу поехать на аэродром, чтобы встретить рейхсфюрера СС Гиммлера о чём объявили из Берлина. В связи с этим он приехал не один, а с большой группой. Я уже не помню имен отдельных людей, их было очень много, одно имя я понял очень чётко и это было имя Мейсснер – Мейсснер – австрийский военно-морской офицер который присоединился к

национал-социалистическому мятежу 25 июля и который потом, после краха мятежа, бежал в Рейх и теперь вернулся под протекцией Гиммлера.

Для меня это было настолько невозможной ситуацией, что я принял твёрдое решение больше не иметь к этому никакого отношения и поэтому, когда я вошел в федеральную канцлярию и получил неожиданные новости от Гляйсе-Хорстенау о том, что Гиммлер потребовал мою отставку, я ответил: «Он запросто её получит, потому что я уже решил об этом в рано утром».

Потом я также сообщил федеральному канцлеру доктору Зейсс-Инкварту о том, что я имел сведения о просьбе Гиммлера, и что я естественно решил уйти в отставку и попросил его принять официальное уведомление о моей отставке.

На это Зейсс-Инкварт ответил: «Правда, что Гиммлер потребовал вашу отставку, но я не допущу, чтобы мне, что-то диктовали извне. Сейчас ситуация такая, что я думаю вам лучше исчезнуть на несколько недель, а затем вы должны вернуться, потому что я считаю важным ваше содействие».

Естественно я заявил о том, что я не буду это делать. И на следующий день, в письменном виде, я вручил свою отставку начальника полиции и государственного секретаря после того как вечером 12-го уже передал дела Кальтенбруннеру, который был приставлен ко мне как так называемый политический руководитель правоохранительных органов.

Штейнбауэр: Затем вас арестовали и не дали поехать в Вену в тот день?

Скубль: Прежде всего, меня держали под арестом в моей служебной квартире под охраной СС и полиции, и затем 24 мая, двое сотрудников Гестапо Касселя сопроводили меня на принудительное проживание в Кассель, где я оставался до освобождения союзниками.

Штейнбауэр: У меня больше нет вопросов к свидетелю, господин председатель, и вероятно будет подходящий момент для перерыва.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Кто-нибудь из защитников желает задать какие-либо вопросы? Обвинение?

Додд: Нет вопросов, господин председатель.

Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Штейнбауэр: Господин председатель, могу я вызвать следующего свидетеля, доктора Фридриха Виммера?

[*Свидетель Виммер занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите, пожалуйста своё полное имя?
Виммер: Доктор Фридрих Виммер.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Штейнбауэр: Господин председатель, я закончил с вопросами касающимися Австрии перекрёстным допросом свидетеля Скубля, и теперь я приступаю к рассмотрению Нидерландов.

Свидетель, вы были с июля 1940 по май 1945, генеральным комиссаром внутренней администрации и юстиции в Нидерландах?
Виммер: Да.
Штейнбауэр: В этой должности вы должны были заниматься внутренней администрацией, юстицией, образованием, здравоохранением, архивами, музеями и законодательством?
Виммер: Да.
Штейнбауэр: Одновременно вы не были заместителем рейхскомиссара?
Виммер: В исключительных случаях, не иначе.
Штейнбауэр: Вы также принимали участие в регулярных еженедельных официальных совещаниях генеральных комиссаров и генеральных секретарей с рейхскомиссаром?
Виммер: Да.
Штейнбауэр: Таким образом, вы были полностью информированы о событиях в оккупированных Нидерландах?
Виммер: В целом, да.
Штейнбауэр: Теперь я спрашиваю вас: германская полиция являлась составной частью рейхскомиссариата или рейхскомиссара или же она самостоятельно подчинялась центральным ведомствам из Берлина?
Виммер: Германская полиция была характерным ведомством, отдельным от ведомства рейхскомиссара и подчинялась соответствующим центральным ведомствам в Рейхе, и в административном смысле и фактически.
Штейнбауэр: То есть, напрямую подчиняясь рейхсфюреру СС Гиммлеру?
Виммер: Она напрямую подчинялась рейхсфюреру СС.
Штейнбауэр: Итак, германская полиция в отличие от обязанностей полиции порядка и полиции безопасности, имела другие специальные обязанности в Нидерландах?
Виммер: Они имели ряд особых обязанностей в Нидерландах.

Штейнбауэр: Вы можете их перечислить?
Виммер: Я не могу полностью их перечислить, но, например, борьба с движением сопротивления в Нидерландах находилась исключительно в их сфере деятельности, кроме того, создание, руководство и надзор за концентрационными лагерями относились к их компетенции. Кроме того, удаление евреев из организма голландской нации относилось исключительно к их сфере деятельности.
Штейнбауэр: Итак, переходя к внутренней администрации. Во главе каждого из бывших министерств был генеральный секретарь, то есть, голландец. Этих людей как-либо преследовали если они уходили в отставку?
Виммер: Нет. Рейхскомиссар сказал голландским генеральным секретарям при принятии должности, что если они считали, что их каким-то образом смущали указы или требования оккупационных властей они должны были обратиться к нему без всякого страха и объяснять ему свои трудности и что затем, при желании, он бы позволил им уйти в отставку с должности таким образом, чтобы они не опасались никаких неприятностей, вообще никаких, и чтобы им была обеспечена финансовая безопасность и получение их пенсий.
Штейнбауэр: Рейхскомиссар также увольнял провинциальных комиссаров?
Виммер: Наверное он увольнял и провинциальных комиссаров, но эти изменения происходили – я могу вспомнить два случая – в результате смерти провинциального комиссара.
Штейнбауэр: Что насчёт бургомистров?
Виммер: Что касается назначения бургомистров, это принципиально одинаково в отношении всех других чиновников в Нидерландах. Бургомистры в Нидерландах вопреки порядку во многих других нациях, не избираются на должность, а являются гражданскими служащими в полном смысле слова. Их назначала королева, даже бургомистров небольших коммун. Поскольку в Нидерландах глава государства отсутствовала, рейхскомиссар столкнулся с необходимостью регулировать назначение и отставку бургомистров и он создал такой порядок, чтобы в отношении самых важных государственных должностей, он оставлял за собой право делать назначения, в то время как он передал назначения и отставки меньшей важности в руки голландского генерального секретаря.
Штейнбауэр: Таким образом если вы посмотрите сегодня и изучите вопрос о том какими были условия между 1940 и 1945 в отношении должностей и гражданских служащих в Нидерландах, что вы можете об этом сказать?
Виммер: Мне кажется, я могу сказать, что в конце периода германской оккупации большинство гражданских служащих которые находились в должности, когда германские оккупационные войска вошли в Нидерланды оставались в должности.
Штейнбауэр: Зейсс-Инкварт обвиняется в роспуске политических партий. Когда и почему это произошло?
Виммер: Роспуск политических партий был вызван тем, что некоторые

политические партии выражали отношение которое, особенно в критические времена, не может терпеть оккупирующая держава, помимо того, что на оккупированной территории в целом трудно, если невозможно, работать с политическими партиями. Доклад за докладом поступали от нашей разведки о самых разных заговорах, и поэтому рейхскомиссар посчитал нужным распустить партии. Вместе с тем, он не в конституционном смысле устранил партии, партийные учреждения как таковые сохранились.

Штейнбауэр: Рейх предложил о том, чтобы администрация была реорганизована и чтобы Нидерланды были разделены на пять адмнистративных районов вместо традиционных провинций. Зейсс-Инкварт сделал это?

Виммер: Рейхскомиссар каждый раз отказывался от таких предложений и требований, и на самом деле ему получалось делать это ещё легче, потому что голландская администрация была на высоком уровне и в основном, потому что рейхскомиссар ожидал, и на основе всяческих заверений мог ожидать, что голландская администрация будет сотрудничать с оккупирующей державой.

Штейнбауэр: И мы также имеем партию которая была очень близка к национал-социалистам, НСБ, под руководством Мюссерта. Эта партия НСБ получила ведущее влияние в администрации или нет?

Виммер: НСБ вообще не получила никакого влияния в администрации. Получилось то, чтобы было совершенно естественным, оккупирующая держава обращалась к НСБ в определенных случаях, ибо ни одна оккупирующая держава в истории, как мне кажется, как и в наши дни, не обращается к тем партиям или группам которые занимают к ней враждебное отношение.

Штейнбауэр: Лидер НСБ, Мюссерт пытался создать ситуацию которая существовала в Норвегии при Квислинге[137], то есть, стать премьер-министром Нидерландов?

Виммер: Мюссерт имел такую цель. Он настойчиво высказывал это, снова и снова, и можно сказать, он ставил ради этого рейхскомиссара в неловкие ситуации.

Штейнбауэр: Что же, короче, рейхскомиссар…

Виммер: Рейхскомиссар каждый раз отказывал.

Штейнбауэр: Ещё один вопрос. Зейсс-Инкварт каким-либо образом оказывал давление в религиозных вопросах на население оккупированной территории?

Виммер: Нет.

Штейнбауэр: Он, в области образования, издавал указы которые уменьшали права Нидердандов?

Виммер: Нет.

Штейнбауэр: Он не поощрял голландский Красный крест, при том, что в нём были

[137] Видкун Квислинг (1887 — 1945) — норвежский политический и государственный деятель, офицер, дипломат, национал-социалист, глава норвежского правительства после оккупации Норвегии германскими войсками в период Второй мировой войны. Казнён по приговору норвежского суда.

ячейки нелегального движения?

Виммер: Он не только разрешил Красному кресту беспрепятственно осуществлять свою деятельность, но, как вы говорите, он даже поощрял его. Что касалось политического отношения, он имел бы достаточно причин вмешиваться из-за того, что передающие станции, нелегальные передающие станции, находились под контролем Красного креста.

Штейнбауэр: Они были центрами сопротивления?

Виммер: Да.

Штейнбауэр: Кроме того, его обвиняют во вмешательстве в существовавшее законодательство изданием законов касавшихся гражданства, а также брака. Вы были ответственным за департамент юстиции. Что вы можете коротко сказать об этом?

Виммер: Подобное вмешательство происходило. Однако это происходило из-за того, что было нужно с точки зрения ведения войны и в частности для вооруженных сил, говоря о вопросе гражданства, те голландцы которые вступали в германскую армию хотели иметь гарантию получения германского гражданства. Однако рейхскомиссар считая, что приобретение германского гражданства не должно иметь никаких недостатков в Голландии, распорядился – и это можно найти в соответствующем указе, что те голландцы которые получили германское гражданство должны сохранять голландское гражданство, таким образом сделав это, они бы не становились чуждыми своему народу и нации.

Что касается брачных законов, возникла необходимость, что если солдаты в частности, хотели жениться на голландках, родительское одобрение на брак не спрашивали, и не по политическим причинам. Это одобрение имело некоторое значение, потому что родители в отличие от порядка в многих других странах, сохраняли право одобрения до, как мне кажется, тридцатого года дочери.

Штейнбауэр: Я перехожу к другой главе. Это вопрос так называемых военно-полевых судов. Расскажите нам как эти военно-полевые суды были организованы и как долго и когда они заседали?

Виммер: Создание военно-полевых судов оказалось необходимо после всеобщей забастовки в Амстердаме[138], и мы хотели получить легальную основу для будущих случаев для того, чтобы предотвращать будущие забастовки, то есть, быть способными эффективно бороться с ними после их начала на основе соответствующего закона.

Как были организованы эти военно-полевые суды и как они должны были функционировать изложено в соответствующем указе рейхскомиссара. Однако, если я должен ответить на ваш конкретный вопрос о составе этих военно-полевых судов,

---

[138] Всеобщая забастовка в Нидерландах 25 февраля 1941 была организована объявленной вне закона Коммунистической партией Нидерландов в защиту евреев, в результате было расстреляно 3 коммуниста организатора забастовки.

я в любом случае могу сказать только по памяти, что председателем этих судов был судья, и более того судья который соответствовал всем требованиям которые предъявлялись к судьям в Германском Рейхе.

Штейнбауэр: Что же, это важно, и если я правильно вас понимаю, до того как эти суды стали полицейскими судами судебный функционер был председателем этих военно-полевых судов. Это правильно?

Виммер: Да.

Штейнбауэр: Вам известно накладывал ли Зейсс-Инкварт так называемые коллективные штрафы на определённые города и коммуны?

Виммер: Рейхскомиссар на самом деле налагал подобные коллективные штрафы. Самым крупным наложенным штрафом был, как мне кажется, тот, что наложили на Амстердам в связи со всеобщей забастовкой о которой я уже говорил. Штрафы назначали в связи с установленным порядком на основе существовавших указов, и они были объявлены в официальном указе полицией.

Штейнбауэр: Если я правильно вас понимаю, таким образом, эти коллективные штрафы – вы назвали слова «всеобщая забастовка» - налагались, когда это включало деяния крупной коммуны, а не деяния отдельных личностей.

Виммер: Коллективные штрафы налагали в случаях нарушений за которые была повинна довольно большая часть сообщества.

Штейнбауэр: Кажется мы можем завершить эту главу. Однако, вы не сказали мне как долго заседали эти так называемые полицейские военно-полевые суды.

Виммер: Полицейские военно-полевые суды заседали до тех пор пока в силе был полицейский военно-полевой закон. Это было 2 недели. Более того, это был единственный раз, когда военно-полевой закон вводился в Голландии рейхскомиссаром, то есть, если не считать чрезвычайное положение которое объявили после вторжения.

Штейнбауэр: Теперь я перехожу к одному из самых тяжких обвинений в отношении моего клиента. Это обвинение в том, что он незаконно и вопреки международному праву расстреливал заложников или принимал участие в их казни.

С разрешения трибунала я предъявляю два заявления которые моему клиенту предъявило вчера обвинение. Один – заявление генерала авиации Христиансена, как подсудимого, от 20 февраля 1946 и ещё одно тоже из допроса подсудимого, высокопоставленного сотрудника полиции, доктора Шёнгарта. Это F-886.

Будьте любезны взглянуть на это и сказать мне, что вам известно об этих вопросах. Займите своё время – я напоминаю вам о вашей присяге – и ответьте на эти вопросы насколько сможете добросовестно.

Вы прочитали?

Виммер: Нет, пока нет.

Штейнбауэр: Свидетель, я вам помогу. Вы закончили?

Виммер: Нет, пока нет, но пожалуйста продолжайте.
Штейнбауэр: Вам известно, что заложников расстреляли в августе 1942 в связи с актом саботажа в Роттердаме?
Виммер: Да.
Штейнбауэр: Почему расстреляли этих заложников? По чьим приказам?
Виммер: Хорошо известно, в связи с чем был роттердамский инцидент. Это была попытка взорвать отпускной поезд вооружённых сил. В этом деле, вооруженные силы обратились к рейхскомиссару и поэтому…
Председатель: Это не ответ на вопрос. Вопрос был: кто отдал приказ.
Виммер: Приказ на что?
Штейнбауэр: О расстреле заложников.
Виммер: Приказ был, мне кажется отдан полицией.
Штейнбауэр: Какое имел к этому отношение рейхскомиссар? Вы прочитали там о том как Христиансен обвиняет его в связи с этим.
Виммер: Вооруженные силы обратились к рейхскомиссару, потому что это было привычно в довольно важных вопросах для двух ведомств, то есть, командира вооруженных сил и рейхскомиссара, собираться вместе и обсуждать вещи. Я помню, что командир вооруженных сил выступал очень решительно и требовал, чтобы был показан пример для того, чтобы в будущем можно было предотвратить подобные случаи. Вооруженные силы говорили о том, что они считали вряд ли возможным какие-то другие средства нежели расстрел значительного количества заложников.

Я уже не помню точную цифру, но насколько помню было около 50. Я также помню, что вооруженные силы говорили о том, что они могут воздержаться от выбора заложников если полиция даст гарантию, что на основе некого рода материала который полиция имела в своём распоряжении был шанс, что можно найти исполнителей и назначить наказание германским судом, то есть, судом вооруженных сил.

Вооруженные силы также отмечали, что тогда сопротивление в Нидерландах начало сильно возрастать, и что это выражалось в увеличении саботажа и других актах враждебных оккупационным силам. Я также помню, что отмечалось, что если бы вооруженных сил и полиции было бы больше то не было бы необходимости в таком суровом шаге. В то время силы находившиеся в распоряжении армии в Нидерландах были крайне маленькими и в случае увеличения движения сопротивления положение вооруженных сил в Нидерландах могло оказаться под серьезной угрозой.
Штейнбауэр: Свидетель, я задам вам несколько вопросов для того, чтобы мы могли продолжать.

Вы заявили о том, что командир вооруженных сил пришёл и доложил о том, что в виду такой неслыханности, он должен был расстрелять каких-то заложников.

Виммер: Да.

Штейнбауэр: Вам известно, что был указ Рейха говоривший о том, что саботажников на оккупированных западных территориях не должны были судить суды, а должны передавать полиции? Вы можете вспомнить это?

Виммер: Не думаю, что так было дело в конкретное время, особенно если вы ссылаетесь на так называемый указ «Мрак и туман[139]», который по моим воспоминаниям был позднее. Я очень чётко помню, что тогда упоминался приказ, но мне кажется этот приказ был таким который применялся исключительно в военном секторе, поэтому я не знаю о формулировке приказа.

Штейнбауэр: Вам известно, что рейхскомиссар использовал своё влияние для того, чтобы из 50 указанных вами – на самом деле, было только 25 заложников – количество уменьшили до 5?

Виммер: Это мне известно.

Штейнбауэр: И он также смог добиться этого?

Виммер: Он добился этого.

Штейнбауэр: И он добился исключения отцов семейств?

Виммер: Так точно.

Штейнбауэр: На этом заканчивается один пример. Есть ещё один пример который представили вам. Это случай покушения на жизнь высшего руководителя СС и полиции Раутера, когда, фактически больше 150 человек расстреляли как заложников. Вы закончили это читать?

Виммер: Частично.

Штейнбауэр: Пожалуйста, прочитайте всё.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, почему свидетелю нужно читать весь документ? Вы можете предъявить ему факты.

Штейнбауэр: Да.

Свидетель, тогда потребовали о том, чтобы в качестве репрессаллии за покушение на руководителя СС и полиции расстреляли заложников?

Виммер: Да.

Штейнбауэр: Кто приказал об этом и кто это осуществил?

Виммер: Я знаю о случае, потому что – то есть, я знаю об этом из доклада бригадефюрера Шёнгарта, который в то время был начальником полиции безопасности. Он обратился ко мне, чтобы выяснить каким был его фактический титул, после того как Раутер стал непригодным к исполнению обязанностей, и он должен был подписать прокламацию и сделав так добавил свой официальный титул. В связи с этим он рассказал мне эту историю и он также сказал мне, что он находился на связи с Берлином, чтобы выяснить, что он считает необходимым в

[139] «Мрак и туман» — директива Адольфа Гитлера от 7 декабря 1941 года, подписанная и приведенная висполнение начальником штаба верховного главнокомандования Германии Вильгельмом Кейтелем. Директива разрешала похищение антинацистских политических активистов на всей территории, оккупированной Германией во время Второй мировой войны.

качестве репрессалий за покушение на Раутера. Берлин хотел расстрела значительного количества заложников. Он назвал мне цифру которая было где-то 500, во всяком случае, не меньше 500, но скорее больше 500. Затем он также сказал мне о том, что беседовал с рейхскомиссаром и рассказал ему об этом желании со стороны Берлина.

Штейнбауэр: Могли бы вы быть более конкретным, Берлин большой и имел много ведомств.

Виммер: Это, конечно был рейхсфюрер СС, было совершенно ясно, что о том, что касалось высших функционеров в сфере полиции и СС нужно было обращаться лично к рейхсфюреру СС, а не просто в его ведомство. Он также сказал мне, что он доложил об этом рейхскомиссару, и что рейхскомиссар, который был не уполномочен заниматься этим вопросом, попросил его сказать рейхсфюреру СС о том, что он попросил и рекомендовал ему воздержаться от проведения такой большой казни. Потом – естественно всё делалось только по телефону – рейхсфюрер согласился уменьшить количество и мне кажется, что в конце концов, на основе нескольких телефонных бесед, о количестве 200 или 150 – уже не знаю точно – было решено.

Я убеждён в том, что если бы такую рекомендацию и такую просьбу рейхскомиссар не дал через Шёнгарта, жизни лишилось бы количество первоначально указанное Берлином, поэтому с полным правом можно сказать, что в этом случае рейхскомиссар спас жизни нескольких сотен нидерландцев.

Штейнбауэр: Людей которых фактически казнили, произвольно собрали на улицах или они были люди которых уже официально приговорили?

Виммер: Конечно, об этом я могу сообщить только то, что сказал мне бригадефюрер Шёнгарт во время совещания. На самом деле у меня не было никакой причины полагать, что он не сказал мне правду. Он сообщил мне о том, что рассматривали только тех людей которых уже осудили, таким образом это был лишь вопрос отсрочки времени казни, и если количества было недостаточно, тогда могли выбрать тех кто в любом случае уже находился в тюрьме и разумеется был бы приговорён к смерти.

Штейнбауэр: Мне кажется я могу завершить эту главу спросив вас о том, что случилось с заложниками которых направили в Бухенвальд в результате так называемой репрессалии Голландской Ост-Индии[140].

Виммер: Спустя какое-то время, я уже не помню насколько долго, когда получили жалобы об обращении с ними, большую часть этих заложников или может всех их, привезли обратно в Нидерланды и очень большую часть освободили, не всех и не сразу, как я помню, но понемногу за раз.

---

[140] Голландская Ост-Индия — голландские колониальные владения на островах Малайского архипелага и в западной части острова Новая Гвинея. Образовалась в 1800 году в результате национализации Голландской Ост-Индской компании. Существовала до японской оккупации в марте 1942 года..

Штейнбауэр: Городок Путтен был разрушен в результате серьёзных актов саботажа, от этом приказал рейхскомиссар или кто-то ещё?

Виммер: Поскольку это был чисто военный вопрос, точно также как роттердамский инцидент, где заговором против вооружённых сил занимались вооружённые силы. Приказ был отдан командиром вооруженных сил и если я правильно помню, рейхскомиссар – во всяком случае – я – узнал об инциденте только после того как он свершился.

Штейнбауэр: Я перехожу к следующей главе и это борьба с так называемыми врагами государства.

Вчера упоминалось, что имущество масонов и Свидетелей Йеговы конфисковали. Я бы хотел спросить вас, для того, чтобы не было ошибки, это было имущество организаций или это также было имущество отдельных членов? И таким образом, взяв в качестве примера масонов, имущество отдельных масонов изымалось как и имущество лож?

Виммер: Во всех этих случаях изымалось имущество которое принадлежало организациям, никогда принадлежащее отдельным людям. Если происходили отдельные подобные случаи, то это были злоупотребления отдельных лиц, но я не могу вспомнить ни о каких злоупотреблениях.

Штейнбауэр: Голландских евреев тоже считали так называемыми врагами государства. Кто был ответственным за руководство еврейским вопросом в Нидерландах – вы на самом деле уже говорили мне об этом.

Виммер: С самого начала полиция принципиально потребовала руководство евреями, комптенцию над обращением с евреями.

Штейнбауэр: Итак, мы имеем целый список указов которые содержат имя Зейсс-Инкварта и которые указывают на ущемления прав евреев. Вы можете вспомнить, когда было введено законодательство против евреев и в какой форме?

Виммер: Разработка вкратце была более-менее следующей: Зейсс-Инкварт возражал всей идее вообще заниматься еврейским вопросом в Нидерландах, и на одном из первых совещаний рейхскомиссара было приказано о том, чтобы этим вопросом не занимались.

Спустя некоторое время – может быть несколько месяцев – рейхскомиссар сообщил нам о том, что он получил приказ из Берлина заняться еврейской проблемой, потому что евреи принимали в относительно большом количестве участие в разных движениях и акциях в Нидерландах которые в то время, на самом деле, можно было охарактеризовать как заговоры.

Кроме того, нужно было ожидать, что если война продлится довольно длительное время, евреи которые естественно из-за обращения которому они подвергались не были и не могли быть друзьями немцев, могут стать опасными и таким образом, их следовало считать врагами – если не в формальном смысле слова, то практически.

Рейхскомиссар начал выполнять этот приказ с большой неохотой, при том, что на официальном совещании он отметил, что он не может помочь в этом, потому что он не мог принять такую ответственность.

Насколько я помню, это можно незамедлительно установить из издания указов рейхскомиссара. Сначала, предпринимались шаги, чтобы зарегистрировать имущество евреев, затем, чтобы не дать немецкой прислуге быть в еврейских домохозяйствах; полиция особенно запросила это, потому что естественно разного рода информацию нужно было доставлять туда сюда. Затем, когда Берлин стал более настойчивым в этом вопросе, рейхскомиссар наконец решился распорядится указом о регулировании регистрации всех евреев. Особо отмечалось, что по крайней мере мы будем знать где были эти евреи, потому что только так можно было осуществлять нормальный контроль и надзор полиции безопасности за ними.

Сами по себе эти меры были далеко позади тех которые уже применялись в Рейхе.

Затем оказывалось больше давления, я не знаю был ли это вероятно Гейдрих, который сделал это тогда, был ли он уже в Нидерландах в то время – я никогда его не видел. Я знаю только о том, что он посещал рейхскомиссара в Нидерландах по крайней мере дважды.

В любом случае, в ходе 1941 года и в особенности 1942, требовали тщательное обращение с вопросом. Сначала рейхскомиссар всё ещё верил в то, что он может удовлетворить эти требования собрав евреев в Нидерландах в одном месте где за ними будет проще следить, и поэтому возникла идея о том, что в Амстердаме, один, два или три района города можно использовать для размещения евреев, что также было связано с необходимостью переселения значительной части нееврейских нидерландцев, потому что пока не было полностью отдельного еврейского квартала. Нееврейские голландцы не проживали полностью отдельно от них.

Председатель: Все доказательства которые представляет свидетель есть в указе и уже приводились подсудимым, не так ли? В чём разница?

Штейнбауэр: Да.

Председатель: В чём смысл?

Штейнбауэр: Господин председатель, я хотел сказать лишь одну вещь, и это то, что в таком важном вопросе я хотел иметь краткое подтверждение свидетеля.

Виммер: Мне больше нечего сказать.

Штейнбауэр: Хорошо, я суммирую. Это правда, что евреев хотели собрать вместе в гетто Амстердама?

Виммер: Да.

Штейнбауэр: Правда, что Гейдрих требовал эвакуацию евреев?

Виммер: Да.

Штейнбауэр: Правда, что рейхскомиссар пытался, насколько было возможно в существовавших условиях, использовать более гуманные методы в ходе этой

депортации евреев?

Виммер: Да.

Штейнбауэр: Мне кажется, что я закончил и эту главу.

В Нидерландах были также концентрационные лагеря. Вам известно, что Зейсс-Инкварт инспектировал эти лагеря комиссиями и исправлял имевшие там место злоупотрбления?

Виммер: Да. Не только в концентрационных лагерях, но и в целом в подобных лагерях.

Штейнабауэр: В конце 1944 и в начале 1945 была крупомасштабная операция по депортации все мужчин Голландии способных носить оружие. Этой операцией руководил рейхскомиссар или другое ведомство?

Виммер: Это была операция Рейха, в основном операция вооружённых сил.

Штейнбауэр: Почему состоялась эта операция?

Виммер: Она состоялась из-за того, что во время тех критических времен были возражения тому, что мужчины способные носить оружие останутся в Голландии. Во-первых, потому что большое количество бывших военнопленных которых освободили по приказу фюрера в 1940 в основном позже вернули в Нидерланды и часть из них осталась там. Во-вторых, движение сопротивления сильно возросло к этому времени, и поэтому говорилось о том, что с военной точки зрения нельзя было брать ответственность, оставив этих людей способных носить оружие в Нидерландах.

Штейнбауэр: Рейхскомиссар для того, чтобы смягчить эту операцию издал так называваемые «отсрочки»?

Виммер: Да.

Штейнбауэр: Часть не избежала этой операции при помощи распределения рабочей силы?

Виммер: Насколько знаю, да, но у меня нет детальных сведений об этом.

Штейнбауэр: Вам известно, что случилось с бриллиантами конфискованными после битвы за Арнем?

Виммер: Эти бриллианты поместило в безопасность в Арнеме во время артиллерийского обстрела, германское ведомство, как мне кажется, бюро экономических исследований[141], и затем спустя некоторое время их забрали в Берлин, откуда, как я узнал в Голландии, после капитуляции их снова доставили в Амстердам.

Штейнбауэр: Какой была финансовая экономика в администрации? Налоговые поступления использовали экономно или было очень слабое управление?

Виммер: Я на самом деле не очень компетентен в этом вопросе. Генеральный комиссар финансов и экономики может сказать об этом гораздо больше и гораздо

[141] Бюро экономический исследований – немецкая организация созданная в Голландии с центром в Арнеме, которая должна была заниматься конфискацией еврейского имущества и его реализацией.

компетентнее меня, но насколько складывалось моё впечатление, можно сказать…

Председатель: Если он некомпетентен говорить об этом, я не понимаю зачем ему говорить об этом.

Штейнбауэр: Господин председатель, свидетель Фишбок не найден. Однако, как заместитель рейхскомиссара этот свидетель должен в общих чертах кое-что знать. Я спрошу его о деталях.

Рейхскомиссар сохранял довольно крупные суммы денег в своём бюджете и размещал их в специальном фонде?

Виммер: Да.

Штейнбауэр: Вам, видимо ничего не известно о валютных ограничениях?

Виммер: Нет.

Штейнбауэр: Как реквизировали сырье, готовую продукцию, продовольствие в гражданской отрасли администрации?

Виммер: Это регулировалось указом в бюллетене указов рейхскомиссара и можно видеть их там. Принципиально реквизиции направляли из Рейха рейхскомиссару и рейхскомиссар передавал их соответствующим голландским ведомствам, которые сами проводили эти реквизиции.

Штейнбауэр: Значит это было ненемецкие ведомства, а голландские ведомства под руководством голландских генеральных секретарей?

Виммер: Да. Они также были уполномочены делать это согласно специальному указу.

Штейнбауэр: Рейхскомиссар или его ведомства забирали, что-нибудь из крупных музеев?

Виммер: Я не совсем понял это. Откуда?

Штейнбауэр: Из публичных музеев.

Виммер: Нет. Я не помню ни один случай и я бы должен был знать об этом, потому что мне подчинялись музеи.

Штейнбауэр: Да, об этом я и спрашиваю. Возможно вывозили какие-нибудь архивы?

Виммер: В целом, нет, но наверное во время оккупации был разработан обмен архивами, который рассматривали ещё до войны. Был обмен архивами между, в частности, «Архивным домом», но также другими голландскими архивами и немецкими архивами и – чтобы быть точным, это делалось согласно тому откуда они поступали – по так называемому принципу происхождения.

Штейнбауэр: Было возможно, что каждый мог конфисковать то, что хотел или это как-то контролировали?

Виммер: Нет, это контролировалось соответствующими нормами и снова было повторено в особенно чётком указе рейхскомиссара в течение последнего года. Тем кто нарушал или собирался нарушить эти правила давали серьёзное предупреждение. Было только две службы, которые согласно указу, вообще были

вправе проводить конфискации, и это были полиция и вооруженные силы.

Штейнбауэр: В заключение, я бы хотел снова вернутся к операциям вооруженных сил. Это прекратилось осенью? Под «операцией вооруженных сил» я имею в виду депортацию населения способного держать оружие.

Виммер: Это прекратилось в связи с моими возражениями от имени рейхскомиссара генералу Штуденту[142], который тогда был командиром группы армий, и в чьей компетенции тогда оказались Нидерланды.

Штейнбауэр: И последний вопрос. Вы можете вспомнить еврейскую библиотеку Розенталя[143]?

Виммер: Да.

Штейнабаэур: Что с ней случилось?

Виммер: Насколько я знаю, она осталась в Нидерландах.

Штейнбауэр: Её не должны были вывезти?

Виммер: Да. Такие намерения были, но поскольку библиотека была общественным имуществом, имуществом города Амстердам, рейхскомиссар по моему предложению приказал о том, чтобы эта библиотека осталась в Голландии.

Штейнбауэр: Господин председатель я завершил допрос свидетеля.

Председатель: Кто-либо из других подсудимых хочет задать вопросы?

Обвинение желает провести перекрёстный допрос?

Дебенес: Свидетель, Зейсс-Инкварт лично вас выбрал, чтобы занять должность генерального комиссара в Нидерландах?

Виммер: Да.

Дебенес: Вы знали Зейсс-Инкварта несколько лет?

Виммер: Да.

Дебенес: Вы не являлись один из его помощников ещё с 1938?

Виммер: Да.

Дебенес: Правда, что во время оккупации Нидерландов большое количество членов НСБ и пронемецких элементов было назначено не только на ведущие посты, но также на подчинённые должности в голландской полиции, и что им поручали исполнение приказов изданных оккупационными властями, подобных аресту евреев, членов сопротивления и заложников?

Виммер: Я могу подтвердить факт, что членов НСБ и группы дружественные к немцам рейхскомиссар использовал на высоких и низших должностях. Однако, что касается их соотношения в рамках общего использования голландских гражданских служащих в гражданской области, мне кажется даже в конце периода оккупации

---

[142] Курт Штудент (1890 — 1978) — генерал-полковник в Люфтваффе (вермахт), участник Первой и Второй мировых войн. Пилот-ас времен Первой мировой войны. Основатель и первый командующий германских Парашютнодесантных войск. Британским трибуналом был приговорён к 5 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

[143] Библиотека Розенталя – еврейская культурная и историческая коллекция университета Амстердама. Коллекция была перадан в дар Амстердаму в 1880 году потомками еврейского раввина Лазаря Розенталя (1794-1868).

участие этих групп в соотношении к голландскому населению было не больше…

Дебенес: Я говорю вам исключтительно о полиции, ответьте на это.

Виммер: Вы имеете в виду только полицию?

Дебенес: Я сказал вам, полиция.

Виммер: Да, об этом мне известно. Однако, мне не кажется, что эти члены пронемецких групп получали особые поручения, а скорее мне кажется, что они получали свои поручения точно также как остальные гражданские служащие на аналогичных должностях. Однако я не могу сказать об этом ничего подробного, потому что я имел очень мало отношения к полиции.

Дебенес: Когда сотрудники голландской полиции отказывались выполнять приказы которые давали им оккупационные власти и уходили со своих должностей, германские власти не брали членов их семей в качестве заложников – женщин и детей, например?

Виммер: Я это не припоминаю.

Дебенес: Ни в каком случае?

Виммер: Что родственников сотрудников полиции арестовывали? Членов их семей?

Дебенес: Да, тех кто не выполнял приказы германских властей.

Виммер: Я это не помню.

Дебенес: Хорошо. Что же, наверное вы можете вспомнить, что членов семей голландских граждан которые оказывали сопротивление тем или иным образом, арестовывали в качестве заложников?

Виммер: Я слышал об этом.

Дебенес: В таких случаях, например арестовывали каких-нибудь заложников, не так ли? Заложников арестовывали в таких случаях?

Виммер: Вы называете это «заложниками». Вы также используете это выражение в тех случаях, когда конкретные лица не должны были ожидать, что лишаться жизней, что это будет стоить им их головы?

Дебенес: Постольку поскольку я задаю вам вопросы, а вы на них отвечаете.

Например, вы не получали протесты от совета университета Амстердама тому, что жену и ребенка профессора этого университета арестовали как заложников?

Виммер: Я это не помню. Однако, возможно, что такая жалоба приходила в главный отдел образования, который относился к комиссариату.

Дебенес: Во всяком случае, вы не отрицаете факт?

Виммер: Я не могу отрицать это на 100 процентов, но я ничего об этом не знаю.

Дебенес: Ещё один вопрос. После заявления о верности, которое навязали студентам, тех кто отказался не принудили предоставить себя для принудительной работы, и не депортировали в Германию не дожидаясь призыва их группы?

Виммер: Да, но не трудовой службой. Вы имеете в виду ведомство по распределению рабочей силы?

Дебенес: Это малозначительно, но их депортировали в Германию по этой причине, не так ли?

Виммер: Да, по указу высшего руководителя СС и полиции.

Дебенес: Это неправда, что многочисленные и обширные реформы вводились рейхскомиссаром во всех сферах деятельности голландского народа, и что эти реформы полностью противоречили конституции?

Виммер: Так нельзя сказать.

Дебенес: Но это были реформы, не так ли?

Виммер: Разумеется, да, которые были вызваны потребностями войны и фактом оккупации. И был ещё третий фактор, который заключался в том, что меры были вызваны отстутствием главы государства.

Председатель: Не было бы лучше вам предъявить ему конкретные пункты, нежели общие вопросы, которые позволяют ему долго их рассматривать?

Дебенес: Да, господин председатель.

[*Обращаясь к свидетелю*] Гражданская административная служба в Нидерландах пользовалась определенной свободой?

Виммер: Да, большой свободой.

Дебенес: Я прочитаю вам отрывок из доклада подсудимого Зейсс-Инкварта, проекта доклада от 19 июля 1940. Потом вы скажете мне, придерживаетесь ли вы ответа который мне дали. Вот, что писал Зейсс-Инкварт:

> «Гражданская администрация» - он имеет в виду гражданскую администрацию в Нидерландах – «в настоящее время считает себя достаточной и прогрессивной под руководством и при контроле германских властей».

Ответ который вы мне сейчас дали согласуется с тем, что писал Зейсс-Инкварт?

Виммер: Если в ответе доктора Зейсс-Инкварта сделано упоминание о том, что контроль находился в германских руках, это может означать лишь то, что надзор находился в руках германских властей, так как само собой, германские оккупационные власти оставили за собой определенный контроль и надзор за голландским законодательством, а также за всеми важными действиями администрации и правительства, и если всё шло как и должно, важные указы не могли издавать без одобрения оккупационной державы.

Дебенес: Достаточно. Трибуналу судить о вашем ответе на этот документ.

Объясните, почему гражданское правительство было создано в Нидерландах, в то время как никакое такое правительство не было создано в других странах, таких как например, Бельгия?

Виммер: Я не знаю реальной причины этого, но из того, что я слышал и мог сам выяснить, основная причина заключалась в том, что Германия придавала величайшее значение созданию хороших взаимоотношений с Нидерландами и

руководство Рейха вероятно считало, что это можно проще сделать через людей в гражданской администрации нежели чем при помощи вооруженных сил.

Дебенес: Точнее, они этим не преследовали политическую цель, цель передачи страны в руки национал-социалистов, для того, что добиться некого рода германской федерации немецких государств?

Виммер: Всякий раз, когда я говорил об этом, рейхскомиссар высказывал точку зрения о том, что голландцы имели все характеристики выдающегося и независимого народа и таким образом должны были оставаться самостоятельными и суверенными как государством. Само собой, что во время периода оккупации, рейхскомиссар и германская администрация поддерживали довольно тесный контакт с теми партиями и группами которые были прогерманскими, и я мне не нужно приводить причины этого. Но то, что Нидерланды, особенно в период оккупации не собирались полностью принимать политическую идеологию оккупирующей державы было совершенно ясно рейхскомиссару, как и любому кто мог разумно судить об условиях.

Дебенес: Если я правильно понял, недавно вы сказали о том, что рейхскомиссар не хотел принуждать генеральных комиссаров Нидерландов принимать решения которые могли противоречить их совести, и если они чувствовали себя неприятно, они могли попросить об отставке. Так вы говорили?

Виммер: Да.

Дебенес: Он увольнял каких-либо генеральных секретарей которые не просили об отставке?

Виммер: Было лишь одно исключение, это генеральный секретарь Спитцен[144]. Это был генеральный секретарь водных путей, который не исполнил приказ рейхскомиссара и несмотря на это не вручил отставку.

Дебенес: Каким он был генеральным секретарём? В каком ведомстве?

Виммер: Это было министерство водных путей, это было министерство ответственное за каналы, осушенную землю, трассы, внутренние водные пути и так далее.

Дебенес: Это единственный случай о котором вы знали?

Виммер: Это единственный случай о котором я знал.

Дебенес: В каком году это было?

Виммер: Это, как мне кажется – один момент – во всяком случае, это было в 1944, кажется летом.

Дебенес: Вы не помните отставку генерального секретаря национальной обороны, господина Рингелинга[145]?

Виммер: Отставка генерального секретаря национальной обороны не являлась

[144] Дерк Спитцен (1896 – 1957) – нидерландский политик. В 1938-1943 генеральный секретарь водного транспорта.

[145] Корнелис Рингельниг (1875 – 1969) – нидерландский политик. Генеральный секретарь министерства обороны Нидерландов в 1937-1940.

делом рейхскомиссара, а находились в компетенции военного командира, поскольку по указу фюрера все военные вопросы находились в компетенции военного командира.

Дебенес: Почему он был отправлен в отставку?

Виммер: Мне это неизвестно.

Дебенес: Постараюсь освежить вашу память с помощью доклада Зейсс-Инкварта, и затем понять, было ли это согласовано с главой вооруженных сил. Вот, что пишет подсудимый:

«Один из генеральных секретарей попытался…»

Председатель: Господин Дебенес, видимо, свидетель ничего не знает об этом.

Дебенес: Он говорит, что не знает причины, господин председатель, но добавляет – он ранее добавил – что это было согласовано с военными властями.

Председатель: Это вопрос который бы находился в компетенции военных властей, и он не знает об этом. Вот, что он сказал.

Виммер: Все вопросы министерства национальной обороны находились в компетенции военного командира, ибо совершенно понятно, что всё имевшее военный характер и происходившее в Нидерландах находилось под руководством этого министерства, и ясно, что командир, германский военный представитель Рейха, был компетентным в этой области.

Председатель: Если вы имеете документ который доказывает, что увольнение человека произвел Зейсс-Инкварт, я предлагаю вам предъявить его.

Дебенес: Я лишь хотел продемонстрировать, что ответ который он дал был неточным, просто прочитав несколько строчек из документа.

Председатель: Как я сказал, если вы имеете документ, который подтверждает, что человека уволил Зейсс-Инкварт, вы можете его предъявить.

Дебенес: Это я и хотел сделать, господин председатель.

Председатель: Сделайте это, предъявите его.

Дебенес: Я не имею подлинника на немецком языке. Я отдал его вчера вечером секретарю трибунала.

Председатель: Господин Дебенес, прочитайте его. Прочитайте это ему.

Дебенес: Господин председатель, это я и хочу сделать.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вот, что писал Зейсс-Инкварт:

«Один из генеральных секретарей попытался обратиться к полномочиям Винкельмана» - Винкельман был военачальником» - «по вопросу продолжения работы на заводах вооружений вооруженных сил, но этот чиновник…»

Виммер: Я не понял. Вы прочитаете снова последние две фразы?

Дебенес: «…по вопросу продолжения работы на заводах вооружений вооруженных сил, но этот чиновник был немедленно уволен».

Виммер: Но не сказано, что рейхскомиссар уволил этого чиновника.

Дебенес: Разумеется не сказано, что рейхскомиссар сделал это, но в этом докладе не менее ясно, что рейхскомиссар отмечал, что когда какой угодно чиновник, не подчиняется приказам которые ему дали, его увольняли с должности, и он цитирует этот случай в качестве примера.

Виммер: Но здесь военный вопрос. То, что я раньше сказал касается исключительно гражданской сферы, сферы рейхскомиссара. Совершенно ясно и возможно, что в докладе Гитлеру рейхскомиссар должен говорить и о других вещах, потому что он страж интересов Рейха. И он докладывал о других вещах своему начальнику, кроме тех которые находились исключительно в его поле деятельности. Я даже не знаю были эти чиновники или работники, например, генеральным секретарем, например генеральным секретарем национальной обороны.

Дебенес: Очень хорошо. Мы оставим этот вопрос.

Вы не просили, чтобы генеральный секретарь по образованию должен был передать лаборатории Камерлинга в Лейдене в распоряжение германских властей для исследования атомной энергии?

Виммер: Но только в Нидерландах, не в Германии.

Дебенес: Но если это было не для Германии, государственный секретарь по образованию имел полную свободу, вам не нужно было вмешиваться, не так ли?

Виммер: Нет. Это была германская мера о которой потребовал Рейх и которую проводили так, что все материалы, машины и так далее оставались в Нидерландах и немецкие учёные должны были иметь возможность проводить там свои исследования. Более того, мне не кажется, что это имело какое-либо отношение к атомным вопросам. Кто это сказал?

Дебенес: Вы заявляете, что важные общественные библиотеки и частные библиотеки не конфисковали и не вывозили в Рейх? Вы это сейчас сказали, это не факт?

Виммер: Прямо сейчас. Прямо сейчас я не говорил про библиотеки.

Дебенес: Когда защитник Зейсс-Инкварта спрашивал вас, вы разумеется сказали, если только я правильно понял, что никакие библиотеки не вывезли в Рейх которые пришли из Нидерландов.

Виммер: Я так не говорил. Покажите мне пожалуйста стенограмму.

Дебенес: Значит это несомненно ошибка. Профессорам университета Амстердама не угрожали смертной казнью если бы они подали в отставку, и вы лично не угрожали?

Виммер: Я ни высказывал такую угрозу, и ни знал ни о какой такой угрозе. Я считаю совершенно невозможным, чтобы кому-нибудь высказывали такую угрозу.

Председатель: Трибунал прервется.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 14 июня 1946*]

День сто пятьдесят пятый

Пятница, 14 июня 1946

Утреннее заседание

[*Свидетель Виммер вернулся на место свидетеля*]

Дебенес: У меня ещё есть несколько вопросов к этому свидетелю.

Свидетель, в виду ответов которые вы дали вчера по поводу библиотек, которые разграбили и вывезли в Германию, я бы хотел прочитать вам несколько строк из документа который я предъявил позавчера трибуналу. Это документ F-803, экземпляр RF-1525, на странице 34 французского текста. Это доклад министра образования и искусств Нидерландов. Мы находим следующее:

> «Коллекции и библиотеки Международного института социальной истории в Амстердаме были закрыты. Библиотеку которая насчитывала около 150000 томов, а также очень важную коллекцию газет, вывезли в Германию. Библиотека Розенталя из университета Амстердама, которая принадлежит городу, была запакована в 153 ящика и отправлена в Германию. Знаменитые коллекции естественной истории колледжа святого Игната в Валькенбурге и музей естественной истории в Маастрихте также были вывезены в Германию, а также библиотека относящаяся к ним.
>
> В 1940 все имущество масонских лож был конфисковано и вывезно в Германию. Это включало известную библиотеку Клоссиана[146]».

Председатель: Господин Дебенес, разве вы предъявили недостаточно для своего вопроса? Мы имеем документ и вы предъявляете почти полдюжины библиотек которые, как вы ему сказали, вывезли в Германию и вы хотите знать, что он скажет на это, как я полагаю. Не нужно вдаваться в эти детали.

Дебенес: Свидетель, что вы думаете об этой истории? Факты верны?

Виммер: На вопрос который вы мне задали, частично ответили вчера, что касается имущества масонов. Вчера было сказано, и я подтвердил это, что мне известно, что имущество организаций, но не отдельных членов конфисковали.

Председатель: Это не ответ на вопрос. Вопрос был о том, правда ли то, что эти библиотеки вывезли в Германию?

Виммер: Я ничего не знаю о вывозе библиотек.

---

[146] Библиотека подаренная принцем Фредериком великим магистром масонской ложи с 1816 по 1881. Названа по имени немецкого врача, масона и библиофила Георга Клосса.

Дебенес: Вместе с тем, вы заявили о том, что библиотека Розенталя осталась в Нидерландах, не так ли?
Виммер: Я сказал Розенталя.
Дебенес: Да, Розенталя, доклад указывает на то, что она была запакована в 153 ящика и вывезена в Германию.
Виммер: Я знаю о том, что рейхскомиссаром были даны указания о том, чтобы эта библиотека осталась в Амстердаме. Если её вывезли вопреки этому, такая акция противоречит указаниям и я не имею об этом сведений.
Дебенес: Но всё же вы были ответственным за образование, по крайней мере надзирали за искусствоведением?
Виммер: Да, но не за предметами искусства.
Дебенес: Нет, но что касалось библиотек и университетов?
Виммер: Да.
Дебенес: Довольно любопытно, что вам не должны были сообщить об этом.
Виммер: Я не знаю, вывезли библиотеку или нет.
Дебенес: Очень хорошо. Согласно заявлениям которые вы сделали вчера вечером кажется вы утверждаете, что рейхскомиссар делал всё, что мог для голландской нации, это не так?
Виммер: Да.
Дебенес: Во всяком случае, он всегда делал всё, что мог, чтобы избежать самого худшего, это так?
Виммер: Да.
Дебенес: С другой стороны, вам известно, что много людей в этой стране интернировали, депортировали и расстреляли, что нацию угнетали и принуждали в каждой области, под угрозой тяжких наказаний и репрессалий. Наконец, вам известно, что эту страну грабили. Кто были те люди которые приказывали об этих преступлениях и совершали их?
Виммер: Я сказал о том, что рейхскомиссар делал для страны, что мог, и предотвращал насколько мог. За пять лет нужно было предпринимать оккупационные меры которые были трудно выносить стране. Я не отрицаю этот факт, это бесспорно. Я бы попросил вас сформулировать ваш вопрос более конкретно и назвать действия который вы называете преступными. Вопрос слишком общий для меня, чтобы ответить «да» или «нет», или даже коротко.
Дебенес: Кто приказывал об арестах?
Виммер: Каких арестах?
Дебенес: Арестах голландцев, конечно.
Виммер: Об арестах приказывал высший руководитель СС и полиции, он был шефом полиции.
Дебенес: Кто приказывал об интернировании?
Виммер: Каких интернированиях? Вы имеете в виду интернирование в

концентрационные лагеря?

Дебенес: В концентрационные лагеря и лагеря интернирования.

Виммер: Об этом приказывал высший руководитель СС и полиции. Это было его ведомство.

Дебенес: Кто отбирал заложников?

Виммер: Полиция.

Дебенес: Кто назначил Раутера комиссаром общественной безопасности?

Виммер: Генеральным комиссаром общественной безопасности? Он был назначен рейхскомиссаром, но его основная функция заключалась в том, что он был высшим руководителем СС и полиции, ибо на эту функцию его назначил рейхсфюрер СС.

Дебенес: Но он был назначен – полагаю вам известен приказ – оказывать содействие рейхскомиссару в его работе с помощью полиции и ради безопасности.

Виммер: Он должен был находится в распоряжении рейхскомиссара, но рейхскомиссар не имел безусловного права давать указания высшему руководителю СС и полиции. Такое право имел рейхсфюрер СС. Назначение генерального секретаря по безопасности было формальностью. Это было сделано, потому что рейхсфюрер СС пожелал, чтобы высший руководитель СС и полиции имел такой титул. Изначально он не должен был назначаться генеральным комиссаром.

Дебенес: Следовательно вы считаете, что Зейсс-Инкварт не имел полномочий над Раутером?

Виммер: Да.

Дебенес: Очень хорошо. В таком случае я прочитаю вам документ и вы скажете мне, что о нём думаете, имелись ли у Зейсс-Инкварта полномочия, и вы сможете дать какие угодно пояснения.

Это документ PS-3430, который уже предъявлен как экземпляр USA-708. Это фрагмент из выступлений Зейсс-Инкварта в Голландии, и он находится на страницах 124 и 125 немецкого текста. Я предъявляю его трибуналу. Очень может быть, что он находится в судебном обзоре по Зейсс-Инкварту. Боюсь, я не имею конкретной страницы, но думаю это страница 57 или 58.

[*Обращаясь к свидетелю*]

Зейсс-Инкварт в этой речи от 29 января 1943 сказал:

«Я буду отдавать приказы и они должны строго исполняться каждым. В нынешней обстановке, отказ исполнять подобный приказ нельзя назвать ничем другим кроме как саботажем. Мы должны однозначно и сильнее чем прежде ликвидировать и устранять любое сопротивление направленное против борьбы за жизнь».

И дальше, он говорит:

«В то время как наши мужья, наши сыновья, наши отцы сражаются и гибнут на Востоке с храбростью и стойкостью и без устали приносят величайшие жертвы, немыслимо, что мы должны допускать заговоры

> которые ослабляют тыл нашего фронта на Востоке. Человек который посягает на это должен исчезать».

Если Зейсс-Инкварт не имел никаких полномочий над полицией, разве он стал бы выступать с такой речью и говорить о том, что он отдаст приказы?

Виммер: Я не говорил, что Зейсс-Инкварт не имел никаких полномочий в отношении полиции, я только сказал, что приказы отдавал высший руководитель СС и полиции. Взаимоотношения с полицией были следующими:

Рейхскомиссар конечно же мог обращаться к полиции всегда, когда нужно, но это здесь надо рассматривать как пожелание, а не обязательный приказ. В таких случаях, если они были важными, сначала полиция консультировалась с рейхсфюрером СС или его ведомством, и только, когда ведомство это одобряло, лишь тогда пожелание рейхскомиссара исполнялось полицией.

Дебенес: Вопрос гораздо проще. Он мог – «да» или «нет» - отдавать приказы, подобные тем, что упоминались в той речи. Он лично говорил об этом, как вам известно.

Виммер: Он мог попросить, но не отдавать приказы.

Дебенес: Я лишь отмечу, что вы не согласны с выступлением Зейсс-Инкварта.

Сейчас, я буду обсуждать с вами ещё один документ, и вы расскажете нам о том, как вы объясните то, что Зейсс-Инкварт мог только просить, как вы это называете, а не отдавать приказы. Это документ F-860, который я предъявлял вчера. Этот документ, письмо Зейсс-Инкварта доктору Ламмерсу. В этом письме он пишет о том, что он хотел реорганизовать голландскую полицию для того, чтобы адаптировать её к германской полицейской организации, и в этом же документе он высказывает мнение о том, что полиция должна быть самым сильным выражением внутренней администрации страны, которое нельзя передавать другому ведомству. Вот, что говорит Зейсс-Инкварт в этом документе. Как вы можете увязать свой ответ с тем, что пишет Зейсс-Инкварт?

Виммер: Эту реорганизацию предложил не рейхскомиссар, а сама полиция. Рейхскомиссар при помощи этой реорганизации – и я лично тоже – пытались добиться, чтобы хотя бы голландскую полицию не отделяли от администрации, что уже имело место в Германии, и в этом заключалось то, что хотела германская полиция в Нидерландах.

Дебенес: Вы противоречите тому, что сам Зейсс-Инкварт пишет в этом документе. Как вы объясните то, что Зейсс-Инкварт написал далее в том же самом документе:

> «Я бы не хотел назначения этим непосредственным администратором судебной процедуры высшего руководителя СС и полиции, так как такое назначение предполагает голландцам ограничение полномочий рейхскомиссара. Это особо важно для рейхскомиссара, потому что рейхскомиссар был назначен как страж интересов Рейха приказом фюрера, однако я лично передал высшему руководителю СС и

полиции все полномочия в которых нуждается отправитель правосудия».

Виммер: Можно снова прочитать первые две фразы?

Председатель: Господин Дебенес, документ перед нами, вам не кажется?

Дебенес: Да, господин председатель.

Председатель: Вряд ли стоит спорить об этом со свидетелем.

Дебенес: Я не настаиваю, господин председатель.

Свидетель, как вы объясните тот факт, что Шёнгарт – вчера вы видели документ, не так ли, который защитник показывал вам, опросный лист Шёнгарта – как вы объясните тот факт, что Шёнгарт тем самым утром после покушения на Раутера, пошёл к Зейсс-Инкварту и, что Зейсс-Инкварт отдал ему приказ, как он лично говорит в документе, предпринять усиленные меры репрессалий и казнить 200 заключенных и с помощью этого запугать население?

Виммер: Вчера, как мне кажется, я дал исчерпывающие пояснения об этом предмете. Я всё сказал. Я знал об этом.

Дебенес: Дайте мне объяснение которое я прошу дать.

Виммер: Вчера я сказал, что бригадефюрер Шёнгарт пришёл ко мне – короче – доложил мне о том, что рейхсфюрер СС потребовал 500 расстрелов и что Шёнгарт, по совету и просьбе рейхскомиссара смог снизить количество до 200. Вот, что я вчера сказал.

Дебенес: Вы утверждаете, что он получил приказы раньше тех, что получил от рейхскомиссара?

Виммер: Не от рейхскомиссара, а от рейхсфюрера СС.

Дебенес: Да, от рейхсфюрера?

Виммер: Я могу лишь сказать, что бригадефюрер Шёнгарт так мне доложил. Я не был там, когда он звонил рейхсфюреру СС..

Дебенес: Очень хорошо. Разве вы лично не принимали участие во встрече на которой выбирали заложников?

Виммер: Встрече?

Дебенес: Встрече – совещании, как вам угодно.

Виммер: Да.

Дебенес: По какому поводу?

Виммер: Я вспоминаю, что по роттердамскому делу рейхскомиссар проводил совещание с генеральными комиссарами и этот вопрос докладывали.

Дебенес: Вам известно, что Зейсс-Инкварт говорил во время этой встречи, в чём заключалось его отношение?

Виммер: Его отношение заключалось в том, что вооруженные силы должны провести 50 – или как я вчера услышал, 25 расстрелов было слишком много и нельзя было осуществить. В связи с этим, я уже вчера давал показания о том, что рейхскомиссар смог, после постоянных возражений, убедить вооруженные силы

согласиться расстрелять только пятерых заложников.
Председатель: Господин Дебенес, всё это проходили с Зейсс-Инквартом, не так ли?
Дебенес: Да.
Председатель: И с этим свидетелем?
Дебенес: Да, господин председатель, я лишь хотел понять, согласится ли свидетель с документом который я предъявил трибуналу.

Я закончил, господин председатель.

Председатель: Вы желаете допросить повторно, доктор Штейнбауэр?
Штейнбауэр: У меня нет вопросов к свидетелю, господин председатель.
Председатель: Свидетель может удалиться.
Штейнбауэр: С одобрения суда, я вызываю свидетеля, доктора Хирсфельда для дачи показаний.

[*Свидетель Хирсфельд занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите, пожалуйста своё полное имя.
Хирсфельд: Хайнц Макс Хирсфельд.
Председатель: Повторите за мной присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Штейн: Свидетель, когда Нидерланды был оккупированы 12 мая 1940, вы были генеральным секретарём министерств экономики и сельского хозяйства?
Хирсфельд: Перед тем как ответить на ваш вопрос, я бы хотел заявить о том, что я бы предпочел говорить по-голландски, но для того, чтобы не затягивать процесс, я буду говорить на иностранном языке на котором я говорю лучше всего, я буду говорить по-немецки.
Председатель: Спасибо.
Хирсфельд: Что касается вашего вопроса, я могу сказать «да».
Штейнбауэр: В этом же качестве, вы руководили вопросами обеих министерств до конца оккупации?
Хирсфельд: Да.
Штейнбауэр: Правда, что рейхскомиссар, на первом совещании, сказал всем генеральным секретарям, что он ожидал лояльного выполнения своих обязанностей, но никому не нужно было опасаться никаких последствий в случае отставки?
Хирсфельд: Отвечая на это, я бы хотел сказать, что нидерландские генеральные секретари, которым нидерландское правительство приказало оставаться в Нидерландах, тогда сказали рейхскомиссару о том, что в интересах народа

Нидерландов, они будут оставаться в должности после получения одобрения сделать так от главнокомандующего нидерландской армией, который тогда, являлся полномочным представителем правительства Нидерландов. Отвечая на вопрос рейхскомиссара мы сказали: «Да, при таких условиях».

Что касается его замечания о неопасении последствий если нам потребуется уйти в отставку, мы ответили, что это не имело никакого отношения к нашему решению.

Штейнбауэр: Генеральные секретари которые ушли в отставку получали свои пенсии? Например, господин Трип, который был президентом Банка Нидерландов.

Хирсфельд: Да.

Штейнбауэр: Генеральный секретарь внутренних дел Фредерикс, оставался в должности до сентября 1944?

Хирсфельд: Да.

Штейнбауэр: Теперь мы поговорим о вашем ведомстве, сельском хозяйстве и экономике.

Рейхскомиссар вмешивался в администрацию вашего министерства? В частности, он освобождал или переводил чиновников из продовольственной службы?

Хирсфельд: Рейхскомиссар лично не вмешивался. Его сотрудники пытались делать так несколько раз, но мы отказывались позволять такое.

Штейнбауэр: Существовал так называемый политический секретариат НСБ. Он имел какое-нибудь влияние на администрацию?

Хирсфельд: Согласно приказу рейхскомиссара, государственный политический секретариат не имел никакого влияния на администрацию Нидерландов. Однако, я бы хотел добавить, что позднее в результате назначений генеральных секретарей из НСБ, такое влияние на самом деле имелось в различных ведомствах, впрочем, не в моём.

Штейнбауэр: Рейхскомиссар оставил главой продовольственной службы, Лувеса – который был известен как враждебный немцам – будучи заинтересован в продовольственном снабжении населения?

Хирсфельд: Мне кажется, нидерландские чиновники оставленные правительством имели в целом такое же отношение как господин Лувес. Однако, господин Лувес оставался в своей должности.

Штейнбауэр: Несмотря на то, что требовали того, чтобы его устранили?

Хирсфельд: Об этом мне сообщал господин ван дер Венсе.

Штейнбауэр: Когда была реорганизована торговая экономика, это было сделано по приказу рейхскомиссара или генеральным секретарем?

Хирсфельд: Реорганизация торговой экономики проводилась на основе приказа подписанного мною, хотя первоначально был проект, который должен был быть подписан рейхскомиссаром, я отказался сделать это, потому что я считал, что это

голландское дело, и если бы приказ был подписан мною опасность германского влияния можно было предотвратить.

Штейнбауэр: Рейхскомиссар организовал сельское хозяйство в так называемых «Ландштанд». Эти ландштанды получали какие-либо исполнительные полномочия?

Хирсфельд: Ландштанды не получили никаких исполнительных полномочий. Я бы хотел добавить, что в личной беседе я посоветовал рейхскомиссару не формировать ландштанды.

Штейнбауэр: Так называемый приказ о призыве 1941 в большой мере применялся в частности, в Нидерландах?

Хирсфельд: Насколько мне известно, приказ о призыве применялся в Нидерландах в ограниченной мере, но он применялся в полной мере при депортации голландских рабочих в Германию.

Штейнбауэр: Также было стремление устранять жителей которые были пригодными к военной службе, в особенности из Роттердама и Гааги – кто этим руководил?

Хирсфельд: О каком движении вы говорите?

Штейнбауэр: Устранить жителей пригодных к военной службе.

Хирсфельд: В 1944?

Штейнбауэр: 1944.

Хирсфельд: Это движение проводили вооруженные силы.

Штейнбауэр: Рейхскомиссар ослабил эту акцию введя исключения, в частности в вашем ведомстве?

Хирсфельд: Что касается исключений, я очень мало слышал об этом.

Штейнбауэр: Верфи и портовые сооружения в Роттердаме и Амстердаме должны были взорвать. Вам известно отношение к этому рейхскомиссара?

Хирсфельд: Я знаю только из заявлений заместителя рейхскомиссара в Роттердаме Фолькерса, что он сопротивлялся этим мерам вооруженных сил.

Штейнбауэр: Господин председатель, я должен заметить, что письменные показания Фолькерса пока не поступили, и сейчас их вообще нельзя отследить, вот почему я ставлю свидетелю этот вопрос.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы подтверждаете тот факт, что в результате вмешательства рейхскомиссара район который должны были затопить уменьшили до 100000 гектаров?

Хирсфельд: Я знаю, что в результате вмешательства рейхскомиссара, или его ведомства, площадь подлежавшая затоплению в 1933 была уменьшена, я точно не знаю насколько.

Штейнбауэр: Вы имеете в виду 1943. Вы ошиблись, вы сказали 1933, должен быть 1943.

Хирсфельд: 1943.

Штейнбауэр: Возможно, что эта цифра в 100000 гектаров верная?

Хирсфельд: Я помню, что может быть это была половина от того, что планировали затопить вооруженные силы.

Штейнбауэр: Правда, что рейхскомиссар, в виду блокады, поставил сельское хозяйство выше производства продовольствия в соответствующий момент?

Хирсфельд: Когда в 1940 в Нидерланды вторглись и оккупировали немцы, власти которые занимались сельским хозяйством посчитали, что нужна реорганизация сельского хозяйства. Рейхскомиссар и его ведомство не возражали нам в этой работе.

Штейнбауэрбауэр: В частности правда, что в результате этих мер осталось поголовье породистого скота в Нидерландах?

Хирсфельд: Поголовье в Нидерландах, снизилось по моим оценкам на 30 процентов в период оккупации. Эти меры реорганизации сельского хозяйства предпринимались для того, чтобы сохранить эти 70 процентов поголовья в течение войны. Однако, свиньи уменьшились гораздо сильнее и потребовалось забить почти всё поголовье.

Штейнбауэр: Здесь подробно обсуждался вопрос эмбарго в 1944. У меня к вам только один вопрос.

Когда вы впервые высказались подсудимому Зейсс-Инкварту о снятии эмбарго?

Хирсфельд: Отвечая на этот вопрос, я должен вернуться немного назад. Когда была объявлена железнодорожная забастовка, господина Лувеса и меня, 17 сентября – прошу прощения – 22 сентября 1941 – посетил ван дер Венсе который от имени рейхскомиссара сказал нам о том, что он ожидал, что господин Лувес и я издадут воззвание к железнодорожникам для того, чтобы положить конец железнодорожной забастовке в интересах снабжения страны продовольствием. Если бы мы это не сделали, немедленно были бы введены контрмеры для того, чтобы запугать голодом население Нидерландов на западе страны.

Мы отказались сделать такое заявление, и мы сказали ван дер Венсе о том, что он должен доложить рейхскомиссару о том, что репрессалии против населения в связи с железнодорожной забастовкой возложат ответственность за голод на рейхскомиссара. Это была решающая дискуссия. Несмотря на это, эмбарго вступило в силу. Впоследствии протесты на это направляли в разные ведомства рейхскомиссара, и 16 октября 1944 состоялась первая дискуссия на которой было объявлено о том, что намерение заключалось в том, чтобы снять эмбарго.

Штейнбауэр: Правда, что к сожалению в тот конкретный год заморозки пришли раньше чем в другие годы?

Хирсфельд: Вероятно, они пришли немного раньше чем в другие годы, но в Голландии вопрос заморозков всегда неточный. С голландской стороны отмечалось – я лично это сделал в сообщении прессе – что мы всегда должны были ожидать ранних заморозков.

Штейнбауэр: Когда угрожало вторжение и большие массы населения призвали на строительство фортификаций, рейхскомиссар согласился с вашим предложением о том, чтобы большому количеству сельскохозяйственных рабочих позволили уйти домой раньше?

Хирсфельд: Я знаю про два случая. В первом случае, это был вопрос рабочих из крупных городов которых направили в северо-восточные провинции для того, чтобы копать картофель, и этим рабочим дали обещание о том, что их не будут использовать на работе по строительству укреплений. Это обещание сдержали. Во-вторых, одновременно большое количество сельскохозяйственных рабочих в провинции Дренте, которых уже использовали на строительстве укреплений отпустили копать картофель.

Штейнбауэр: К сожалению я не смог задать свидетелю Фишбоку вопросы про финансы. Вам известно, что господин Трип, который подал в отставку в связи с вопросом валютной блокады, был оставлен рейхскомиссаром в Банке международных платежей[147] по согласованию с Функом министром экономики?

Хирсфельд: Я вспоминаю в связи с этим, что господин Трип планировал уйти в отставку как член административного совета Международного банка. Когда об этом стало известно, немцы видимо чего-то испугались, и господина Трипа попросили не подавать в отставку. Я знаю, что он её не подал. Что произошло и какие причины стоят за этим, лично я не знаю.

Штейнбауэр: У меня два последних вопроса, которые весьма важные. Нам известен приказ властей Рейха под названием «выжженная земля». Он был на самом деле издан в марте 1945 для Нидерландов. Склады, насосные станции, дамбы, и т.д., должны были быть разрушены. Вам известно в чём заключалось мнение рейхскомиссара в отношении этого важного вопроса? Вы с ним говорили об этом?

Хирсфельд: Этот вопрос впервые обсуждали в беседе которая была у меня с подсудимым 14 декабря 1944. В ходе этой беседы он сказал мне, что в виду военной обстановки он опасался, что вооруженные силы могут получить приказ уничтожить западную часть страны. Тогда он обсуждал со мной то, в какой мере можно сохранить западную часть Нидерландов от боевых действий. 7 января 1945 эта беседа продолжилась. В результате этой беседы я попытался установить контакт с Лондоном по этому вопросу. Я не смог получить ответ. Эти доклады нужно было делать по тайным радиостанциям. Я так и не узнал можно ли было связаться. Затем рейхскомиссар посетил меня 2 апреля, и сказал мне о том, что поступил приказ «выжженная земля», и что его вызвали к Шпееру по этому поводу. Шпеер сказал ему, что рейхскомиссару не надо исполнять этот приказ в гражданской сфере, но Шпеер не мог говорить за вооруженные силы, поэтому рейхскомиссар также

[147] Банк международных расчётов (БМР) (англ. Bank for International Settlements (BIS)) — международная финансовая организация, в функции которой входит содействие сотрудничеству между центральными банками и облегчение международных финансовых расчётов; кроме того, это центр экономических и денежно-кредитных исследований. Основан в 1930.

переговорил с генералом Бласковицем. Бласковиц сказал ему, что приказ есть приказ, но если он сможет найти способ обойти этот приказ, он будет готов сделать это. Эта дискуссия была результатом сообщения которое я довёл до Лондона телеграммой в апреле 1945. Мне подтвердили, что доклад поступил в Лондон. Затем последовали беседы.

Штейнбауэр: Последний вопрос: рейхскомиссар в отличие от центральных властей, установил какой-нибудь контакт с агентами движения сопротивления для того, чтобы раньше прекратить войну?

Хирсфельд: Спустя несколько дней после беседы 2 апреля 1945 у меня был разговор с заместителем рейхскомиссара Швебелем. Он спросил меня, в какой мере рейхскомиссар может связаться с агентами и были ли несколько человек озвученных господином Швебелем подходящими людьми. Я это подтвердил.

Штейнбауэр: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто-либо из других защитников хочет задать вопросы?

Заутер: Я бы хотел задать свидетелю несколько вопросов.

Доктор Хирсфельд, вы сейчас сказали о том, что бывший президент голландского государственного банка, доктор Трип состоял в административном совете Банка международных расчётов в Базеле и оставался там после своей отставки с должности президента банка в Голландии. Вы это сейчас подтвердили. Я бы хотел спросить вас, вам известно о том, что рейхсминистр экономики Функ призвал банк в Базеле позволить доктору Трипу остаться в международном банке в Базеле, хотя доктор Трип уже был неуполномочен представлять голландские интересы?

Председатель: Доктор Заутер, как это нас касается?

Заутер: В допросе подсудимого Зейсс-Инкварта французское обвинение предъявило факт, что бывший президент голландского государственного банка, доктор Трип был вынужден уйти в отставку или в ушёл в отставку, и подсудимому Зейсс-Инкварту вменялось это. Как защитник подсудимого Функа я бы хотел доказать, что подсудимый Функ принял функции доктора Трипа как президента государственного банка Нидерландов и проследил за тем, чтобы доктор Трип остался в международном банке в Базеле.

Председатель: Что же, доктор Заутер, трибунал считает это настолько далеким и настолько тривиальным, что на самом деле это просто трата времени трибунала заслушивать подобные вещи.

Заутер: Очень хорошо, господин председатель, тогда я задам другой вопрос.

Свидетель, вам известно, что когда доктор Функ был президентом Рейхсбанка, акции Рейхсбанка во владении голландских капиталистов изъяли и, что голландские круги в целом признавали, что это было сделано честно и удовлетворительно доктором Функом?

Хирсфельд: Мне совершенно ничего неизвестно об изъятии акций в Рейхсбанке.

Заутер: Доктор Хирсфельд, вам, что-нибудь известно о мнении доктора Функа по вопросу обращения с клиринговыми долгами?

Хирсфельд: После начала войны между Голландией и Германией я никогда не говорил с Функом, поэтому он вообще не высказывал мне мнение во время войны.

Заутер: Вы узнавали от какого-либо другого источника в чём заключалась точка зрения Функа на мероприятия в отношении клиринговых долгов?

Хирсфельд: Из различных докладов и публикаций в то время я знаю, что немцы представляли эти клиринговые долги как подлинные долги. Однако, мы, голландцы, никогда не верили в это и если эксперт по национальной экономике наблюдал развитие с того времени как был организован централизованный клиринг во время войны, он мог очень просто понять, что эти долги не могут де факто представлять собой никакую ценность. В ходе войны они увеличились более чем на 42 миллиарда марок. Когда президент голландского банка, который был назначен Зейсс-Инквартом, сравнивал рейхсмарку с фунтом стерлингов в своих ежегодных докладах, мы в Голландии смеялись над этим.

Заутер: Доктор Хирсфельд, вы сейчас говорите о президенте голландского государственного банка который был назначен Зейсс-Инквартом. Кажется это был господин Рост ван Тоннинген?

Хирсфельд: Да.

Заутер: Вам известно, что подсудимый Функ, который был в то время президентом германского Рейхсбанка, стремился помешать назначению Роста ван Тоннингена и хотел, чтобы доктор Трип остался в должности президента голландского государственного банка?

Председатель: Это снова тот же самый вопрос, не так ли? Это практически тот же самый вопрос который мы не хотели заслушивать – про поддержку Функом доктора Трипа?

Заутер: Если так можно сказать, господин председатель, сначала я хотел спросить, о том пытался ли Функ сохранить доктора Трипа в административном совете Международного банка в Базеле при том, что он уже был некомпетентен представлять голландские интересы, вы сказали, что вопрос нематериальный. Настоящий вопрос относится к тому, стремился ли доктор Функ оставить голландца, доктора Трипа президентом голландского банка. Это последний вопрос, который я должен задать, господин председатель.

Председатель: [*Обращаясь к свидетелю*] Что же, вам известно?

Хирсфельд: Да. Я бы хотел немного пояснить, чтобы понять вопрос нужно…

Председатель: Пожалуйста, тогда будьте кратким.

Хирсфельд: Надо знать, что рейхскомиссар и доктор Фишбок выступали за Роста ван Тоннингена, при том, чтобы было известно, что мы в Нидерландах считали Роста ван Тоннингена предателем, когда Трипа вынудили подать в отставку,

Вольтат[148], уполномоченный германского Рейхсбанка, сказал мне о том, что этот вопрос обсуждали в Берлине и на основе информации…

Председатель: Да, но думаю вас спросили о том, пытался ли Функ добиться назначения Трипа президентом голландского банка, когда того другого назначал Зейсс-Инкварт. Вам известно хотел ли Функ?

Хирсфельд: Я знаю от Вольтата лишь о том, что Функ пытался это сделать, и что Геринг принял другое решение по предложению рейхскомиссара и доктора Фишбока.

Заутер: Во всяком случае, вы подтверждаете, что Функ пытался сохранить голландца, доктора Трипа президентом голландского государственного банка?

Хирсфельд: Я это подтверждаю, как сказанное мне Вольтатом.

Заутер: Больше нет вопросов, господин председатель.

Председатель: Какой-либо перекрестный допрос?

Дюбост: Какой характер имели приказы оставшиеся вам от голландского правительства, когда оно убыло в Англию?

Хирсфельд: Были письменные указания голландского правительства для всех нидерландских чиновников и администрации. Эти указания основывались на Гаагских правилах сухопутной войны.

Дюбост: Следовательно эти приказы не угрожали германской армии?

Хирсфельд: Нет.

Дюбост: Тогда, пожалуйста объясните, если можете, почему Голландия имела исключительный режим, поскольку она была единственной страной на Западе получившей гауляйтера сразу же после вторжения?

Хирсфельд: Мы считали назначение рейхскомиссара который был главой гражданской администрации в Нидерландах, указанием на то, что германское правительство имело политические намерения в Нидерландах, а не чисто намерения оккупационной державы.

Дюбост: Следовательно, по вашему мнению, Зейсс-Инкварт был назначен днём спустя после начала вторжения, потому что германское правительство имело намерение изменить голландские национальные учреждения в нарушение международного права?

Хирсфельд: Мы были убеждены – и это подтвердил опыт, что всевозможные формы национал-социалистических учреждений будут вводиться в Нидерландах и что их будут навязывать Нидерландам.

Дюбост: Такую попытку предприняли?

Хирсфельд: Да.

Дюбост: Правда, что во время оккупации большое количество членов голландской национал-социалистической партии находились во главе полиции и исполняли

---

[148] Гельмут Вольтат (1893 — 1982) — высокопоставленный немецкий чиновник в Третьем рейхе. Минстериальдиректор в министерстве экономики в 1934-1938.

германские приказы арестовывать евреев или членов движения сопротивления или брать заложников?

Хирсфельд: Да.

Дюбост: Когда сама голландская полиция стала принимать участие в этих арестах, это происходило, потому что её принуждали?

Хирсфельд: Условия были такими, что старые нидерландские полицейские, если они принимали участие в этих делах, делали это, потому что их принуждали, но были голландские полицейские которых назначали германские власти, в основном это были члены НСБ и они, отчасти шли добровольно на выполнение таких дурно пахнущих задач.

Дюбост: Правда, что жен и детей тех сотрудников голландской полиции, кто отказался исполнять германские приказы брали в качестве заложников?

Хирсфельд: Я знаю о том, что в разных случаях семьи брали в качестве заложников, когда сотрудники полиции отказывались исполнять приказы. Кроме того такое случалось не только в случае полиции, но и в других случаях.

Дюбост: Здесь утверждали, что бриллианты вывезенные в Арнеме находятся в Голландии. Это согласуется с фактами?

Хирсфельд: Что украли в Арнеме?

Дюбост: Бриллианты.

Хирсфельд: Бриллианты. Бриллиантовое дело типичный образец того как они хотели обращаться с голландским имуществом. Эти бриллианты находились в банковском сейфе в Арнеме. После вторжения в Нормандию немцы предпринимали попытки захватить эти бриллианты, у директора нидерландской службы которая занимались бриллиантами и позднее лично у меня просили ключи от банковского сейфа. Мы отказались. Тогда в день десантной высадки рядом с Арнемом, германские вооруженные силы взорвали сейф. Видимо только половину бриллиантов нашли и их отправили в Рейхсбанк в Берлин.

Когда я заявил протест, Фишбок сказал о том, что их просто сдали на хранение в Рейхсбанк в Берлине. Тогда я потребвал, чтобы бриллианты вернули обратно. Тем временем, стало известно о том, что половина бриллиантов всё ещё в Арнеме. Команда валютной охраны[149] снова потребовала ключи которые находились у меня. Я отказался и снова переговорил с Фишбоком. Дело его очевидно не устроило, и он согласился на уступку в том, чтобы оставшиеся бриллианты, которые позже нашли в Арнеме вернули владельцу. Но они были готовы вернуть половину которую отправили в Берлин только если бы могли положить их в германский сейф в восточных Нидерландах. Я потребовал от Фишбока, чтобы их передали без ограничений. Видимо Фишбок не мог согласиться, и по этой причине после освобождения Нидерландов, эти бриллианты не вернули, и

[149] Подразделение тайной государственной полиции Германии созданное с целью конфискации иностранной валюты, акций, золота и алмазов из частной собственности на оккупированных Германией территориях.

насколько я знаю их пока не вернули.

Дюбост: Зейсс-Инкварт вернул имущество 1000 евреев которых депортировали в Терезиенштадт?

Хирсфельд: Что касается евреев которых депортировали в Терезиенштадт, я знаю о том, что этим людям на основе обещания которое дали моему коллеге Фредериксу должны были предоставить благоприятное обращение, но о том, что им вернули имущество мне неизвестно, и я в это не верю.

Дюбост: Это имущество им вернули?

Хирсфельд: Его конфисковали. Я не слышал о том, чтобы его им вернули.

Дюбост: Зейсс-Инкварт сказал, что в феврале 1941, 400 евреев перевезли из Амстердама в Маутхаузен в качестве меры репрессалии за то, что предположительно еврей убил в Амстердаме члена НСБ? Что вам об этом известно?

Хирсфельд: Я знаю, что в феврале 1941 было две сложных ситуации в Амстердаме. Одна относилась к рабочим верфи. Кажется 3000 из них должны были быть принудительно направлены в Германию. Я вмешался в это дело у Зейсс-Инкварта и смог предотвратить это. Однако в Амстердаме было беспокойство по этому поводу. Во втором случае, евреев уже арестовали в Амстердаме, что являлось поводом для забастовки. Инцидент с этими 400 евреями о котором вы говорите, насколько помню, произошел после этой забастовке в Амстердаме, потому что они хотели сделать евреев ответственными за забастовку. Фишбок сам мне об этом сказал, и я сказал, что не верю в это и это лишь повод для оправдания.

Дюбост: Если я правильно вас понял, этих евреев арестовали из-за того, что население Амстердама протестовало против депортации. Были демонстрации и бунты во время которых были убиты члены НСБ. Следовательно, этих евреев депортировали не в качестве репрессалии за убийство членов НСБ, наоборот, людей из НСБ убили в то время, когда они собирались арестовать евреев, до того как появилась идея какой-то репрессалии.

Хирсфельд: Я помню, что в те дни рабочие Амстердама сопротивлялись, когда арестовывали евреев, и это привело к восстанию в Амстердаме и забастовке. Что конкретно случилось я не знаю по собственному опыту.

Дюбост: Зейсс-Инкварт запретил выдачу продуктовых пайков рабочим которые уклонялись от депортации в Германию?

Хирсфельд: Когда в мае 1943 так называемые возрастные группы призывали на работу в Германии, 6 мая были направлены указания соответствующим нидерландским властям о том, что рабочие которые призывались в этих возрастных группах больше не могли получать никакие продуктовые карточки. Это было распоряжение от 6 мая 1943 подписанное чиновником рейхскомиссариата по имени Эффгер. Мы получили это распоряжение, и при том, что оно пришло в тот момент, когда вступило в силу военное положение, распоряжение на выполнялось нидерландскими властями. В свою очередь германские власти говорили так: «Кто не

работает на Германию, тот не ест».

Дюбост: Зейсс-Инкварт заявил о том, что все голландцы которые уехали на работу в Германию до 1942 были добровольцами. Это правильно?

Хирсфельд: Нет, они вообще не могли быть добровольцами. Безработные в Нидерландах получали пособие по безработице, и вскоре после оккупации было принято распоряжение о том, что люди которые требовались для работы в Германии и отказывались вызываться добровольцами на работу там, больше не имели права получать пособие по безработице. Таким образом на них оказывали экономическое давление.

Дюбост: Здесь было много сказано о том подчинялся ли Раутер Зейсс-Инкварту. Вы может проинформировать нас об этом?

Хирсфельд: Насколько мы знали на оккупированной территории, Раутер был назначен Зейсс-Инквартом в начале июня 1940 в качестве генерального комиссара по безопасности. Никакой приказ не доводился о том, что Раутер имел какое-то особое положение. Указ германского рейхсканцлера от 18 мая 1940 давал понять нам – голландцам, что рейхскомиссар являлся единственным ответственным человеком в Нидерландах от имени оккупирующей державы в гражданской области. Гораздо позже, из разговоров, я, и наверное другие кто был лучше информирован, поняли, что Раутер получал прямые приказы от Гиммлера или главного управления безопасности Рейха, однако население Нидерландов не могло знать об этом.

Дюбост: Наверное вам известен результат отмены «валютной границы» и последствия этого для жизни в Голландии.

Хирсфельд: Да. Я постараюсь описать это несколькими словами. В начале войны существовало клиринговое соглашение между Нидерландами и Германией, поэтому мы – нидерландские чиновники в начале оккупации должны были осуществлять специальный контроль за поставками товаров и так далее в Германию, потому что существовал не только пограничный контроль таможенников, но и мы осуществляли контроль за платежами. Фишбока особенно не устраивало то, что голландские власти могли в чём-то отказывать и таким образом была причина для трений. Он попытался отменить этот клиринг, и 1 апреля 1941 валютная граница была отменена. Это позволило покупать все товары в Нидерландах за рейхсмарки и их можно было вывозить в Германию под защитой германских властей. Я приведу пример: согласно расследованию, о котором я тогда распорядился, было несколько сотен скупщиков ювелирных украшений и золотых и серебряных вещей в Нидерландах. Эти вещи легко носить с собой. Если бы был контроль за платежами, было бы невозможно, чтобы только за 1942, по нашей оценке, товары приблизительно на 80-100 миллионов гульденов вывезли по высоким ценам в Германию. Важно то, что сняв этот валютный контроль можно было действовать более свободно. Далее, существовала возможность скупки голландских ценных бумаг на амстердамской фондовой бирже, ибо одна из германских целей в то время

заключалась в том, чтобы связать экономику Германии и Нидерландов. Самым простым способом сделать это, было снятие «валютного барьера» или точнее, валютного контроля между оккупированными территориями и Германией, и таким образом интересы Нидерландов ущемлялись сильнее чем на тех оккупированных территориях где сохранялся такой валютный контроль. Я бы хотел добавить, что, конечно, даже были способы обходить такую эксплуатацию.

В связи с этим отмена валютного контроля упрощала германскую политику. Это явно видно по приказу Германа Геринга от 1942 года, которым упразднялся контроль на нидерландско-германской границе и делегат четырехлетнего плана мог написать, что не должно быть никакого контроля на границе даже когда нарушалось регулирование цен или установление пайков. В этом заключалось то, что добавил Герман Геринг.

Председатель: Господин Дюбост, трибунал считает, что это нужно сократить, это обсуждение вопроса отмены пограничной политики для денег.

Дюбост: Господин председатель, у меня больше нет вопросов об этом.

[*Обращаясь к свидетелю*] Какую денежную сумму выплатила Голландия Германии за оккупацию?

Хирсфельд: Общая сумма которую выплатили к концу войны составила 8 миллиардов 500 миллионов гульденов.

Дюбост: В какой форме требовали эти платежи?

Хирсфельд: Эти 8 миллиардов 500 миллионов гульденов состояли из кредитов которые вооруженные силы требовали за прямые оккупационные расходы в Нидерландах, кроме того за аппарат рейхскомиссариата, и в-третьих, платежи которые возлагали на Нидерланды под видом того, что сначала использовалось как «внешние оккупационные расходы», то есть, расходы которые вооруженные силы несли в Германии в интересах оккупационных сил в Нидерландах. Форма в которой они выплачивались, что касалось платежей в Нидерландах, являлась голландскими деньгами. Платежи в Германии производились в золоте, которое требовали у Банка Нидерландов, или выводили на счёт который Банк Нидерландов имел в Рейхсбанке.

Дюбост: Эти выплаты были результатом одного из условий капитуляции?

Хирсфельд: Мне известны условия капитуляции 14 мая 1940 и они ничего не говорят про оккупационные расходы.

Дюбост: Какой ущерб понесли Нидерланды иным образом в результате разграбления средств производства, машин, складов, кораблей и так далее?

Хирсфельд: Крайне сложно дать точную цифру, потому что это нельзя было установить во время оккупации, но после германской капитуляции правительство Нидерландов сообщило репарационному комитету в Париже о сумме приблизительно 25 миллиардов гульденов в качестве ущерба за оккупацию. Это будет включать 8 миллиардов 500 миллионов оккупационных расходов о которых я сейчас говорил.

Председатель: Господин Дюбост, разве всё это не находится в голландском докладе?

Дюбост: Ах нет, господин председатель, разумеется нет.

Как отношение Зейсс-Инкварта менялось в ходе оккупации?

Хирсфельд: Я бы хотел провести четкую границу в отношении его точки зрения после сентября, после осени 1944, и течение первых четырех с половиной лет. После осени 1944, он гораздо сильнее выступал за нидерландские интересы чем раньше.

Дюбост: Перед тем как вы стали генеральным секретарём различных администраций, которыми вы руководили при германской оккупации, вы были директором по внешней торговле в Голландии, и в этом качестве вы присутствовали на международных переговорах, и в частности вы вели переговоры с представителями Германии об экономических вопросах касательно вашей страны. Следовательно, вы знали Шахта?

Хирсфельд: Да, мне кажется, я впервые встретил Шахта в 1933 на Всемирной экономической конференции в Лондоне.

Дюбост: Во время ваших переговоров с Шахтом, вы не стали просить его ограничить перевооружение Германии которое рушило доверие к ней?

Хирсфельд: Если мне нужно ответить на этот вопрос, я должен вернуться к беседе в 1936, когда я был в Берлине и встретил Шахта в связи с переговорами о торговом договоре. В ходе этой дискуссии обсуждалась международная финансовая ситуация, потому что были девальвации разных валют в то время повлиявшие на французский франк, швейцарский франк и голландский гульден. Ситуация с немецкой валютой тоже обсуждалась в связи с этим, когда я озвучил свою критику, Шахт сказал: «Как бы поступили вы?»

Я сказал, что могу высказать ему своё личное мнение. Тогда я спросил, может ли Германия – вопрос который тогда обсуждали – беря международные займы, быть готова к последствиям, так как ставки и амортизация повлекли бы блокировку импорта сырья, что оказало бы неблагоприятное влияние на рынок рабочей силы и перевооружение. Готова ли Германия принять такие последствия? Если так, тогда согласно тому в чём заключалось моё личное мнение в 1936, можно было обсуждать международные займы. Если нет, от такой дискуссии мало смысла.

Тогда Шахт высказал своё мнение. Германии требовалось перевооружение для того, чтобы быть равной с другими великими державами в международной политике. Лишь на такой основе можно было вести переговоры, и Шахт иронично сказал мне: «Я хочу большую и сильную Германию, и чтобы добиться этого я пойду в союзники даже с дъяволом». В ходе этой дискуссии Шахт задал несколько вопросов. Во-первых, он хотел внести ясность в валютный вопрос, и во-вторых, он считал важным колониальный вопрос.

Касательно колониального вопроса, он сказал мне о том, что по его мнению Германии можно было снова забрать колонии обратно, и что она примет

обязательство не вооружать эти колонии и не создавать там никакие военные базы. Будь принята такая политика, он верил в то, что германская экономика и внешняя политика могли быть переориентированы. В связи с этим Шахт сказал мне о том, что он не одобрял антисемитские тенденции преобладавшие тогда в Германии. Он привёл мне примеры своего отношения к антисемитизму и то как он отвергал его. Я могу добавить здесь один пример своего отношения, его беседу с неким Клагесом[150], который был министром-президентом Брауншвейга, и который дал Гитлеру германское гражданство.

Дюбост: Меня это не интересует. Шахт сказал вам, что он защищал евреев.

Теперь, что касается генерального штаба, разве не германский генеральный штаб отдал приказ проводить рейды в Роттердаме?

Латернзер: Господин председатель, если я правильно понял вопрос, свидетеля должны спросить про обвинения против генерального штаба и ОКВ. Я возражаю этому вопросу по следующим основаниям…

Председатель: Вы говорите слишком быстро. Вы не видите свет?

Латернзер: Как защитнику генерального штаба и ОКВ решением суда принятым 8 июня, мне запретили опрашивать или перекрёстно допрашивать любых свидетелей. Тоже самое следует применить к обвинению, если мне нельзя опрашивать свидетелей, тогда обвинению тоже нельзя их опрашивать, поскольку правила должны быть одинаковыми для обвинения и защиты.

Дюбост: Я опускаю свой вопрос.

Председатель: Я не расслышал, что вы сказали, господин Дюбост.

Дюбост: Господин председатель, я сказал, что опускаю свой вопрос про генеральный штаб и у меня ещё два вопроса про Зейсс-Инкварта.

Председатель: Что же, секундочку – продолжайте, господин Дюбост.

Дюбост: Зейсс-Инкварт отдал приказ провести рейды во всех крупных голландских городах?

Хирсфельд: По моим сведениям – нет.

Дюбост: Кто отдал приказ о проведении этих облав? Кто это был?

Хирсфельд: Эти рейды проводились германскими вооруженными силами. Я не знаю кто отдавал приказы. Известно только, что в Роттердаме, когда проводились эти рейды – кажется это было 11 ноября 1944, командир дивизии в Роттердаме выступил в мэрии по этой теме и организовал рейд.

Дюбост: Разве Зейсс-Инкварт не забирал сирот из больниц для работы в Германии?

Хирсфельд: Вопрос не понятен.

Дюбост: Это Зейсс-Инкварт захватывал сирот и направлял на работу на службу Германии?

---

[150] Дитрих Клаггес (1891 – 1971) – немецкий нацистский политик. В 1933-1945 министр-президент вольного государства Брауншвейг. Обергруппенфюрер СС. В 1931 году являясь министром внутренних дел Брауншвейга немецкое гражданство. После войны неоднократно приговаривался к различным срокам лишения свободы. В 1957 был освобождён досрочно.

Хирсфельд: По собственному опыту мне об этом неизвестно.
Дюбост: Сирот по приказам Зейсс-Инкварта принуждали служить в отдельных частях СС?
Хирсфельд: Я знаю о том, что СС в Нидерландах вербовали солдат. Насколько мне известно из газет, бюллетеней и листовок это всегда делали сами СС.
Дюбост: Кто обещал не использовать химическую продукцию изготовленную в Голландии во время войны? Это Зейсс-Инкварт лично обещал не делать это?
Хирсфельд: Прошу прощения?
Дюбост: Кто дал обещание не использовать химическую продукцию изготовленную в Голландии для войны и оставлять её исключительно для голландских сельскохозяйственных задач?
Хирсфельд: Это вопрос об азотном удобрении?
Дюбост: Да.
Хирсфельд: В отношении азотного удобрения, вначале было дано обещание о том, что промышленность азотных удобрений в Нидерландах будет производить только искусственные удобрения. Это делалось вплоть до середины августа 1944, когда поступили указания о том, что промышленность азотных удобрений должна была быть заменена производством взрывчатки. Эти указания издало ведомство рейхскомиссара. Они были подписаны неким господином Броке. Потом, после переговоров с сотрудником индустрии, я попытался лично переговорить с Зейсс-Инквартом об этом и вмешаться, его адъютант дал мне ответ о том, что он уже принял решение и что я могу связаться с господином Фибегом[151], представителем Шпеера в Нидерландах. Я обсудил вопрос с господином Фибегом и сказал ему о том, что промышленность Нидерландов и рабочая сила Нидерландов не смогут работать со взрывчаткой. Потом мне сказали…
Председатель: Господин Дюбост, на этот вопрос нельзя ответить покороче? Вопрос это: Зейсс-Инкварт обещал, что химикаты должны применять, как я полагаю, на земле в Голландии, а не использовать в Рейхе? Разве не в этом вопрос?
Дюбост: Вы слышали то, что сказал господин председатель. Постарайтесь ответить более кратко.
Хирсфельд: Нам обещали, что будут производить только искуственные удобрения, потом потребовали производить взрывчатку.
Председатель: Господин Дюбост, нам не нужно это снова. Нельзя ответить на вопрос?
Дюбост: Я не расслышал ответ свидетеля, господин председатель. Он не прошёл.
Председатель: Трибунал прервется.

[*Объявлен перерыв*]

[151] Рихард Фибиг (1911 – 1983) – немецкий предприниматель. В 1942-1945 представитель министерства вооружений Германии в Голландии. После войны был оправдан голландским судом.

Дюбост: С разрешения трибунала я задам свидетелю ещё один вопрос.

Свидетель, вам известно при каких обстоятельствах и по какой причине газету издаваемую в Гааге разгромили ведомства рейхскомиссара?

Хирсфельд: Да.

Дюбост: Можете рассказать нам?

Хирсфельд: Да. Газету издаваемую в Гааге разгромили, потому что сотрудники этой газеты отказались печатать статью которая выступала против железнодорожной забастовки – статью которую составил шеф информации рейхскомиссара. В этом заключалась причина отказа печатать её.

Дюбост: Да. Она была разгромлена динамитом, не так ли? Здание и печатню взорвали, не так ли?

Хирсфельд: Оборудование взорвали динамитом.

Штейнбауэрбауэр: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Штейнбауэр: Итак, с разрешения высокого трибунала, я бы хотел вызвать в качестве своего последнего свидетеля, Эрнста Швебеля.

[*Свидетель Швебель занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите, пожалуйста своё полное имя.

Швебель: Эрнст Август Швебель.

Председатель: Повторяйте за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.

Штейнбауэр: Свидетель, какие функции вы выполняли до перехода на службу в Нидерланды?

Швебель: Я был старшим советником юстиции в прусском административном суде в Берлине.

Штейнбауэр: Когда вы прибыли в Нидерланды?

Швебель: 18 мая 1940.

Штейнбауэр: Правда, что начиная с июня 1940, вы были делегатом или уполномоченным рейхскомиссара в провинции Южная Голландия включая города Гаага и Роттердам?

Швебель: Да.

Штейнбауэр: В этом качестве, как уполномоченный по этой провинции, вы имели

постоянный контакт с голландскими административными властями в этой провинции и с местными властями?

Швебель: Да.

Штейнбауэр: Вам известно сколько бывших бургомистров в провинции остались на посту?

Швебель: В конце, почти половина – две-трети.

Штейнбауэр: Рейхскомиссар заменял и сменил много провинциальных чиновников в местном правительстве?

Швебель: Нет, он провел очень мало перестановок. Мне обсудить эти перестановки?

Штейнбауэр: Да, но коротко. Вероятно вы можете просто привести причины перестановок.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, о перестановках уже говорили другие свидетели, не так ли, и их перекрестно не допрашивали. Разве нет? Зейсс-Инкварт не говорил о переменах, и не было перекрёстного допроса об этом?

Штейнбауэр: Тогда я перейду к другому вопросу.

[*Обращаясь к свидетелю*] Правда, что во второй половине 1944 года было объявлено чрезвычайное положение?

Швебель: Да, с 4 сентября.

Штейнбауэр: И исполнительную власть передали вооруженным силам в радиусе 30 километров?

Швебель: Да, но эта передача состоялась не в виду регулирования чрезвычайного положения, а в результате особого военного регулирования.

Штейнбауэр: В связи с военной обстановкой?

Швебель: Да.

Штейнбауэр: Правда, что в начале 1945 года айнзацкоманды рейхсфюрера СС начали минировать общественные здания в вашей провинции на случай эвакуации этой территории?

Швебель: Что касается этих айнзацкоманд Гиммлера, мне ничего о них неизвестно. Я знаю только об одном случае, когда явился оберлейтенант, но мне кажется это было до названного вами времени. Он хотел предпринять такие шаги. Я сразу же связался с рейхскомиссаром и военным командиром и узнал, что никто из этих господ ничего не знал об этом. Потом, по просьбе рейхскомиссара, этому оберлейтенанту сказали прекратить эту деятельность, убрать бомбы которые он уже поставил и немедленно уехать. Я не знаю о других случаях.

Штейнбауэр: Вам известны сложности возникшие в Гауде в результате так называемого движения «Годные к военной службе в Рейхе» означавшем, что тех кто был пригодным к военной службе должны были забирать в Рейх?

Швебель: Да, вооруженные силы проводили в то время это движение и вместе с ними заместитель Геббельса как делегата по тотальной войне. Они создали особые

ведомства в Гауде и двух других местах провинции. Директор ведомства в Гауде исполнял эти обязанности ненадлежащим образом – довольно жестко. Потом я обсуждал этот вопрос с рейхскомиссаром, и он сразу же связался с командующим и этого офицера сразу уволили.

Штейнбауэр: Вам, что-нибудь известно о степени движения сопротивления в вашей провинции?

Швебель: С движением сопротивления боролись полиция безопасности во взаимодействии с вооруженными силами. То, что мне известно, известно не по собственному опыту на моем посту, а по сведениям полученным в результате моей связи с ведомствами. Таким образом я знаю, что движение сопротивления оценочно насчитывало 50000. Это были люди которых можно было считать таковыми. Однако этим я не имею в виду, что это были люди которые были организованы в группы или постоянные акции.

Штейнбауэр: Вам известно, что рейхскомиссар начал продовольственное движение ради 200000 голландских детей?

Швебель: Да, я знаю, что он инициировал это движение.

Штейнбауэр: Вы были очевидцем попытки Зейсс-Инкварта быстро положить конец войне. Расскажите нам коротко о том как были установлены связи с начальником штаба генерала Эйзенхауэра?

Швебель: В начале апреля 1945 господин ван дер Флюгхт обратился ко мне. Он был руководителем так называемой ИКО[152]. Это была межрелигиозная организация с целью содействия продовольственным проблемам.

Штейнбауэр: Свидетель, пожалуйста помедленнее и чётче. Я не могу понять вас даже на немецком языке.

Швебель: Ко мне обратился господин ван дер Флюгхт, который был директором межцерковной группы чья цель заключалась в снабжении населения особыми пайками, поэтому я его знал. Он сказал мне о том, что он действует от имени голландского правительства в Лондоне. Он спросил меня, готов ли рейхскомиссар коротко провести с ним переговоры по трём вопросам:

1.Более обширное снабжение нидерландцев продовольствием через союзников;

2. Остановка затопления и

3. Прекращение борьбы против движения сопротивления.

Я сразу же связался с рейхскомиссаром, и он незамедлительно выразил готовность вступить в дискуссии. Затем, два дня спустя после этого, мы проработали с господином ван дер Флюгхтом и ещё одним представителем…

Председатель: Свидетель, желтый свет означает, что вы говорите слишком быстро, поэтому, когда вы видите желтый свет говорите медленнее.

Швебель: Да, сэр.

---

[152] Interkerkelijk Overleg (аббр с нидер.) – межцерковная консультация. Голландская благотворительная организация.

Председатель: Вы рассказывали нам о том, что делал Зейсс-Инкварт.

Швебель: Да. Зейсс-Инкварт выразил готовность немедленно вступить в переговоры по этим вопросам. Затем состоялась дискуссия между нами и господином ван дер Флюгхтом и ещё одним представителем голландского правительства в Лондоне. Это был Йонкхир Зикс. Эта дискуссия состоялась между нами четверыми.

По этому поводу, мы прежде всего согласились в одном пункте, о том, что любые боевые действия с движением сопротивления явно нужно было немедленно прекратить и группа сопротивления, со своей стороны отказывалась от саботажа.

Во-вторых, рейхскомиссар выразил готовность дать своё разрешение о щедром продовольственном снабжении населения со стороны союзников и прекращении затопления. Однако, нужны были более детальные дискуссии об этом.

Результат этой дискуссии довели до Лондона, и я доставил двух голландцев через одну часть фронта как офицеров переговорщиков. Затем, после проведения некоторое время разных переговоров, мы получили запрос из Лондона о том готов ли рейхскомиссар вести переговоры с главнокомандующим генералом Эйзенхауэром и решить с ним эти вопросы. Немедленным ответом было «да». Затем, прежде всего, я пересек линию фронта 28 апреля в Амерсфюрте и там коротко вёл переговоры с генералом, сэром Фрэнсисом Генгардом[153], который был начальником штаба фельдмаршала Монтгомери[154] и…

Председатель: Не нужно вдаваться в детали этого.

Швебель: …и в этой дискуссии с сэром Фрэнсисом Генгардом мы согласовали, что ещё одна дискуссия должна состояться два дня спустя между…

Штейнбауэр: Свидетель, на самом деле нас не интересуют детали. Нас интересуют результаты этой беседы и то как это послужило интересам голландского населения.

Швебель: Да. Эта дискуссия состоялась 30 апреля, между рейхскомиссаром и начальником штаба Эйзенхауэра, который был Беделлом Смитом. В этой дискуссии рейхскомиссар полностью согласился с пожеланиями генерала Беделла Смита о том, что должно быть очень щедрое продовольственное снабжение голландского населения.

Председатель: Если он сказал, что согласился с требованиями генерала Беделла Смита это всё, что вам нужно, не так ли?

Штейнбауэр: Да, этого вполне достаточно.

[*Обращаясь к свидетелю*] В результате этих переговоров – я бы хотел вас спросить – война закончилась на два месяца раньше, не так ли?

Швебель: Конкретно так нельзя сказать. Обстановка была следующей: для голландского населения, война кончилась практически в тот же день, потому что

---

[153] Фрэнсис де Гиньон (1900 – 1979) – британский военачальник. В 1942-1945 начальник штаба генерала Б. Монтгомери. Генерал-майор.

[154] Бернард Монтгомери (1887—1976) — британский фельдмаршал (1944), крупный военачальник Второй мировой войны.

снабжение которое можно было доставлять по воздуху, по трассам, по каналам, рекам и по морю в Роттердам, было весьма щедрым. Для того, чтобы обеспечить эти перевозки, нужно было организовывать перемирие от места к месту, так что фактически, хотя и неформально, мы имели общее перемирие и население тогда получило от этого пользу.

Штейнбауэр: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

Швебель: Господин председатель, могу я сделать несколько замечаний?

Председатель: Думаю, нет. Если защитник завершил ваш допрос, мы не хотим никаких замечаний.

Кто-нибудь из других защитников желает задать вопросы?

Перекрестный допрос?

Дебенес: Свидетель, недавно вы говорили о переговорах которые, вы предприняли с делегатами лондонского правительства. Вам известен факт, что эти делегаты, перед переговорами с рейхскомиссаром в апреле 1945 изложили условие о том, что больше не должны расстреливать людей из-за атак на какие-либо германские гражданские или военные власти без вынесения судебного приговора?

Швебель: Да.

Дебенес: И как следующий вопрос, эти делегаты не спрашивали рейхскомиссара о том будут ли СС соблюдать условия договоренности которые положат конец боевым действиям?

Швебель: Это тоже было. После этого больше ничего не предпринимали против движения сопротивления.

Дебенес: Очень хорошо. Правильно, что рейхскомиссар ответил, что он как обергруппенфюрер СС был в состоянии заставить СС соблюдать условия этой договоренности, и что он мог отвечать за это?

Швебель: Договоренность в своём подлинном смысле – все эти беседы были джентельменскими соглашениями…

Дебенес: Минуточку. Нет, я спрашиваю вас, дал ли рейхскомиссар такой ответ переговорщикам, то есть делегатам лондонского правительства?

Швебель: Он сказал, что также был обергруппенфюрером СС и в таком качестве мог проследить за тем, чтобы СС выполняли договоренность.

Дебенес: Спасибо. Последний вопрос такой: вы знали Киля? Он был чиновником рейхскомиссариата.

Швебель: Киль? Да, я его знал.

Дебенес: Он не давал указаний затопить Вирингерское море[155] в апреле 1945?

Швебель: Господин Киль, по моим сведениям не давал никаких указаний, он не мог это делать. Господин Киль был экспертом по водоснабжению, он был очень хорошим экспертом, но приказы о затоплении могли отдать только высшие военные

[155] Вирингемеер - польдер и бывший муниципалитет в голландской провинции Северная Голландия. 17 апреля 1945 в результате подрыва дамб польдер был полностью затоплен.

власти, и это был генерал-полковник Бласковиц.

Латернзер: Господин председатель, я возражаю подобной манере допроса свидетеля. Обвинение снова спрашивает этого свидетеля для того, чтобы обвинить генеральный штаб и ОКВ. В ранее озвученном возражении я сказал о том, что если я не должен спрашивать свидетелей на тему смягчающих обстоятельств, тоже самое следует применять к обвинению в отношении инкриминирующих вопросов. Я прошу о том, чтобы последняя фраза была исключена из протокола.

Дебенес: Прошу прощения.

Председатель: Господин Дебенес.

Дебенес: Господин председатель, я лишь хотел сказать, что если я задаю этот вопрос, он основан на информации предоставленной мне. Нет вопроса об армии, а об указаниях которые были даны гражданским служащим рейхскомиссара и таким образом исходившие из рейхскомиссариата. Следовательно я не понимаю вмешательство защитника. Не стоит вопрос армии и мне совершенно всё равно расскажет ли мне свидетель о том, что армия была ответственным ведомством или ведомство рейхскомиссара, когда я говорю о ведомстве рейхскомиссара.

Председатель: Да. Вы можете задать вопрос.

Дебенес: Вы начнете?

Швебель: Господин Киль был экспертом по гидростатике при рейхскомиссаре, но одновременно он был экспертом по гидростатике при военном командире. Оба ведомства консультировались с ним только как с экспертом. Он был прекрасный эксперт, но никто не давал ему никакого права давать указания…

Дебенес: Пожалуйста, не нужно произность речи, отвечайте прямо. «Да» или «нет», Киль передал приказ затопить Виринерское море?

Швебель: Но я должен сказать как это было! Киль? Нет. Он не мог это сделать.

Дебенес: Я не спрашиваю вас о том отдал ли он приказ, я спрашиваю о том передал ли он этот приказ.

Швебель: Я абсолютно ничего об этом не знаю. Я не знаю насколько Киль принимал участие в этом приказе.

Дебенес: Этого достаточно.

В чём заключался интерес в затоплении Виринерского моря? Люди не думали, что война кончена?

Швебель: Нет, когда Виринерское море – Виринерский польдер – был затоплен, война ещё не закончилась и эти договоренности ещё не были достигнуты, когда Виринерский польдер был затоплен – и я узнал об этом от военных – была угроза воздушной высадки на территорию Виринерского моря, что могло позволить дамбе оказаться в руках противника, дав им доступ к Фрисландии и Северной Голландии. В этом заключалась причина почему военные власти посчитали это затопление необходимым. Вот, что мне сказали.

Дебенес: Но разве в тот момент в Голландии не считали войну проигранной для

Германии?
Швебель: Нет. Тогда её не считали проигранной. В любом случае, наша армия имела тогда приказ защищать нас, который нужно было исполнять. Существовала угроза высадки.
Дебенес: Я закончил, господин председатель.
Штейнбауэр: Я бы не стал задавать ещё один вопрос, если бы французский обвинитель не затронул определенный предмет. Что генерал Смит сказал вам о затоплении Вирингерского моря?
Швебель: Генерал Смит сказал ближе к концу переговоров о том, что любое затопление предпринятое до этого времени можно оправдать на основе военной необходимости, но больше их нельзя было предпринимать.
Штейнбауэр: Какие-нибудь предпринимались после этого?
Швебель: Нет, ничего не предпринималось после этого.
Штейнбауэр: Господин председатель, я не имею дальнейших вопросов к свидетелю.
Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Штейнбауэр: Господин председатель, на этом я завершил свой допрос свидетелей. Теперь я хотел бы сослаться на документы находящиеся в моих документальных книгах и которые я предъявил трибуналу. Меня уведомили о том, что документальная книга номер 3 предъявлена трибуналу, и чтобы завершить своё дело, я бы хотел предъявить ещё один документ, как номер Зейсс-Инкварт-91, касательно апостольского письма католических епископов о плебисците в Австрии. В данном заявлении есть ссылка на отношение гауляйтера Бюркеля. Из этого письма мы можем узнать, что нельзя вменять преследование церквей Зейсс-Инкварту, а скорее ответственность следует возлагать на Бюркеля. Для того, чтобы сэкономить время, я бы хотел попросить трибунал вынести судебное уведомление об этом документе не зачитывая его, и настоящим я завершаю свою презентацию доказательств по делу Зейсс-Инкварта.
Председатель: Доктор Штейнбауэр, вы приобщили все документы которые хотите приобщить в своих книгах? Вы приобщили их в качестве доказательств?
Штейнбауэр: Я не понял вопрос.
Председатель: Вы приобщили все документы которые вы хотите приобщить в качестве доказательств и присвоили им номера экземпляров?
Штейнбауэр: Да, господин председатель. Лишь несколько письменных показаний отсутствуют, письменные показания которые допустил высокий трибунал: Фолькерса, Болле и Раутера. Надеюсь мы вскоре их получим.
Председатель: Что же, поймите, вы должны приобщить каждый из этих документов

в качестве доказательства, вы должны сказать об этом. Просто положить их в книги не приобщает их в качестве доказательства, и таким образом, вы должны приобщить эти вещи в качестве доказательств, если вы желаете сделать это, присвойте им номера. Вы можете приобщить их все вместе, сказав, что вы приобщаете…

Штейнбауэр: Да, господин председатель.

Председатель: Вы желаете приобщить ваши документы номер 1-10 – не знаю какой последний номер, кажется 105 последний.

Штейнбауэр: Да, господин председатель, я прошу о том, чтобы были включены все номера в моих трёх документальных книгах, вплоть до 107.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, номера приводятся в книгах, номера экземпляров которые вы желаете присвоить документам?

Штейнбауэр: Да, господин председатель. Они в номерном порядке и находятся в таком порядке в моей документальной книге.

Председатель: Значит вы желаете, приобщить номера 1 – какой там последний номер, в качестве доказательств. Правильно?

Штейнбауэр: Да, господин председатель.

Председатель: Вы приобщили некоторые из них в ходе представления своих свидетелей.

Штейнбауэр: Некоторые из них я предъявил и цитировал согласно номерам указанным в моей документальной книге.

Председатель: Сейчас вы желаете приобщить остальное?

Штейнбауэр: Да, и остальное.

Председатель: Под номерами которые они имеют в вашей документальной книге?

Штейнбауэр: Да.

Председатель: И вы приобщаете все подлинники под этими номерами?

Штейнбауэр: Постольку поскольку они находятся в моём владении, и я могу сказать под присягой о том, что фрагменты соответствуют книгам.

Председатель: Вы заверили то, что это подлинные копии оригиналов в соответствии с правилами трибунала?

Штейнбауэр: Да.

Председатель: Очень хорошо.

Фриц: Господин председатель, я прошу разрешения высокого трибунала о том, чтобы подсудимый Фриче отстуствовал в понедельник и вторник на следующей неделе. Ему требуется время, чтобы подготовиться к своей защите.

Председатель: Разумеется.

Флекснер: Господин председатель, я хотел заявить такую же просьбу от имени моего клиента, так как он будет давать показания сразу после фон Папена, который следующий и я прошу, чтобы ему разрешили отсутствовать в понедельник и вторник.

Председатель: Да.

Латернзер: Господин председатель, я займу немного времени трибунала, но я должен заявить ходатайство которое особенно важно для меня, процессуальное ходатайство, и я бы хотел привести причины своего ходатайства.

Я ходатайствую о том, чтобы трибунал, прежде всего отменил решение от 8 июня 1946 и во-вторых…

Председатель: Доктор Латернзер, если ваше ходатайство важное, оно должно быть в письменном виде. Если оно не в письменном виде, оно должно быть в письменном. Вам прекрасно известно, что это правило трибунала.

Латернзер: Господин председатель, для меня очень важно, чтобы это ходатайство было отражено в протоколе. Могу я продолжить?

Председатель: Но доктор Латернзер, оно окажется в протоколе если вы заявите ходатайство в письменном виде. Вы здесь много месяцев и вам прекрасно известно, что правило трибунала заключается в том, что ходатайства подают в письменном виде.

Латернзер: Да, но поскольку мы касаемся ходатайства которое касается процедуры и которое касается решения объявленного словами, мне кажется я вправе заявить ходатайство подобным образом.

Председатель: Нет, трибунал так не считает. Трибунал хочет, чтобы вы заявили своё ходатайство в письменном виде в соответствии с правилами трибунала.

Итак, трибунал продолжит с делом против подсудимого фон Папена, которое как мне кажется следующее.

Кубушок: Я начинаю с представления доказательств от имени моего клиента, фон Папена, вызывая подсудимого фон Папена в качестве свидетеля.

[*Подсудимый фон Папен занимает место свидетеля*]

Председатель: Пожалуйста, вы назовёте своё полное имя?

Папен: Франц фон Папен.

Председатель: Повторите за мной присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего».

[*Подсудимый повторяет присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.

Кубушок: Пожалуйста, приведите трибуналу, краткую картину вашей жизни, особенно со времени, когда вы вошли в политику.

Папен: Для того, чтобы кратко описать свою жизнь, я подчеркну, только такие пункты, которые важны для высокого трибунала, чтобы сформировать суждение о моей личности и о том, как они повлияли на мою жизнь и моё политическое отношение и мнение.

Я родился на земле, которая находилась во владении моей семьи 900 лет, я рос с консервативными принципами, которые наиболее тесно связывают человека со своим народом и своей родной землей, и так как моя семья всегда сильно поддерживала церковь, я конечно рос также и в такой традиции.

Будучи вторым сыном, я был определен для военной карьеры. В возрасте 18 лет я стал лейтенантом в кавалерийском полку и пошёл…

Председатель: Не думаю, что вы привели нам дату вашего рождения.

Кубушок: Пожалуйста, приведите дату своего рождения.

Папен: Дата моего рождения это 29 октября 1879.

Председатель: Вы сказали нам, что поступили в кавалерийский полк в возрасте 18.

Папен: Важным для моего развития был мой брак с дочерью саарского промышленника, тайного советника фон Боха[156]. Родственники моей семьи привели меня к контакту со многими французскими и бельгийскими семьями и таким образом я познакомился с этими соседними странами, которые тогда произвели на меня очень сильное впечатление. С этого времени, то есть с 1905, я был убеждён в том насколько ошибочным было определенное политическое отношение, а именно, о том, что Франции и Германии суждено считать себя вечными врагами. Я чувствовал насколько эти два народа должны предоставить друг другу взаимную основу, предусматривающую непоколебимость их мирного развития.

В годы, после моего выпуска из военной академии и в 1913, после 5 лет подготовки, меня взяли в генеральный штаб. В конце 1913, по команде его императорского величества, я был назначен военным атташе в Вашингтоне и Мехико. В этом качестве, летом 1914, я сопровождал экспедиционный корпус США, который был направлен в Веракрус, как результат инцидента в Тампико[157]. В Мексике, я был удивлен началом Первой мировой войны. До конца 1915 я оставался на своём посту в Вашингтоне.

Данный период имеет решающее значение для моей политической жизни. Наша борьба, проводившаяся законными методами против одностороннего снабжения наших противников военными материалами, привела к горячей полемике и пропаганде. Эта пропаганда, которая поощрялась противником, пыталась всеми средствами создать подозрение к военным атташе Германии, обвиняя их в незаконных деяниях, и в особенности в организации актов саботажа.

В конце 1915 я покинул Соединенные Штаты. С сожалением скажу, что я никогда не пытался внести ясность или поправить эту ложную пропаганду, но эта пропаганда следовала за мной в тридцатых и даже сегодня, и поставила на меня клеймо. Приведу лишь один пример: даже после 1931, компания долины Лихей

---

[156] Рене фон Бох (1843-1907) – немецкий предприниматель партнер в компании Villeroy & Boch являющейся по настоящее время одним из крупнейших производителей керамики в мире.

[157] Задержание 4 апреля 1914 в ходе гражданской войны в Мексике 9 американских моряков, ставшее формальным поводом для высадки 22 апреля десанта США в мексиканском порте Веракрус. Оккупация Веракруса завершилась 22 мая 1914.

заявляла перед смешанной комиссией по требованиям[158], что их требование в 50000000 долларов против Германского Рейха было обоснованным, поскольку я, германский военный атташе, вызвал взрыв который произошёл в 1917 году, 2 года спустя после моего отъезда из Соединенных Штатов.

Господин председатель, я назвал данный факт, лишь потому, что эта пропаганда удостоила меня таких титулов как «главный шпион», «главный заговорщик» и других приятных имен, ибо эта пропаганда являлась основой для суждения о моей личности, как я узнал в 1932, когда вошёл в публичную политику.

Председатель: Было бы удобное время, чтобы прерваться?

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Пристав: С позволения трибунала, докладываю, что подсудимые Функ и Шпеер отстутствуют.

Председатель: Да, доктор Кубушок.

Кубушок: Свидетель, мы прервались, когда вы говорили о формировании про вас общественного мнения. Пожалуйста, расскажите нам о вашей карьере.

Папен: Я говорил о пропаганде про меня, которую вели в Соединенных Штатах со времени Первой мировой войны. Никогда не предпринимали никаких усилий, выяснить правда это или ложь. То, что я мог делать в те годы, то есть, то, что я возражал саботажу и боролся против подводной войны, так и не стало известно.

Эта пропаганда являлась публичным оскорблением, и она достигла вершины в 1941, в брошюре, опубликованной в Нью-Йорке, с прелестным названием «Дьявол в цилиндре». Она некритично повторяет эти сказки и добавляет новые. Таким образом, про меня сформировалось так называемое общественное мнение, которое как мне кажется, даёт совершенно искаженную картину моего характера, моих мнений и прежде всего моих мотивов в период с 1932 по 1945. Я прошу трибунал держать в уме эти психологические ассоциации, так как сейчас я попытаюсь дать истинную картину моих мыслей и поступков.

Вернувшись в Германию в 1916, я выполнял свой долг солдата, командира батальона и офицера генерального штаба в войне с Францией. В 1917 я стал начальником оперативного отдела группы армий Фалькенхайна[159] в Турции. Когда

---

[158] Межгосударственная комиссия Германии и США созданная в 1922 для рассмотрения требований по обязательствам возникшим из ущерба причиненного боевыми действиями.

[159] Эрих фон Фалькенхайн (1861 — 1922) — немецкий военный деятель, военный министр Германии (1913—1914), начальник генерального штаба Германии (1914—1916) во время Первой мировой войны. С середины 1917 командующий двумя турецкими армиями в Палестине и Сирии.

Фалькенхайна отозвали в 1918, до перемирия я стал начальником генерального штаба четвёртой турецкой армии.

Вероятно, я могу коротко вспомнить – после столь многих плохих вещей сказанных обо миром – эпизод, который показывает, что я мог делать, что-то полезное для истории гуманизма. 8 декабря 1918, после сложной борьбы с германскими и турецкими штаб-квартирами, я добился от Фалькенхайна эвакуации Иерусалима. В результате этого решения город не обстреливали, и он не был разрушен британской армией.

Председатель: Перевод дошёл до меня, я думаю 8 декабря 1918. Должно быть это был 1917.

Кубушок: Нет, милорд, 1918.

Папен: 8 декабря 1918.

Когда в ноябре 1918 я вёл переговоры с Ататюрком[160] об эвакуации германских войск, мы получили новости о крахе германских армий и отречении германского кайзера. Этот факт означал для меня не только проигрыш войны, но крах для меня всего мира. Германский Рейх рухнул после тысячелетнего развития и всё во, что я верил, было окутано туманом будущего. На этом распутье я решил встать лицом к лицу с проблемой.

Вернувшись в Германию, я попросил и получил своё освобождение из армии. Я вернулся в свой дом, где жил в скромном сельском поместье. Там я находился на традиционной земле и посвящал себя домашним задачам. Вскоре мои фермерские друзья доверили мне управление делами своей общины. Они избрали меня почётным бургомистром, и в 1923 они направили меня в прусский парламент.

Когда меня попросили сделать это, я решил присоединиться не к правым, Немецкой национальной партии[161], а к партии Центра[162]. На это решение повлияло моё убеждение, что в данной партии я смогу сделать больше в перестройке социальной сферы, нежели чем среди консерваторов. В то же время данная партия представляла принципы христианской концепции государства.

Восемь лет, которые я входил в парламенту были наполнены борьбой за внутреннее восстановление и усиление германской республики. В партии Центра я представлял консервативные идеи своих сельских избирателей. Я стремился заставить данную партию, которая в Пруссии сформировала коалицию с левыми, сформировать также коалицию с правыми. Таким образом, я хотел помочь создать отдушину для трений, в которых по сути был рождён национал-социализм. Также,

---

[160] Мустафа Кемаль Ататюрк (1881 — 1938) — османский и турецкий реформатор, политик, государственный деятель и военачальник; основатель и первый лидер Республиканской народной партии Турции; первый президент Турецкой Республики, основатель современного турецкого государства.

[161] Немецкая национальная народная партия – националистическая и консервативная немецкая политическая партия, основанная в 1918. Члены партии входили в состав первого правительства А. Гитлера. Распущена в 1933.

[162] Партия Центра, Партия католического Центра — политическая партия в Германии, одна из самых влиятельных в период Германской империи и Веймарской республики. Выражала интересы католической части населения страны. Основана в 1870, самораспустилась в 1933.

на тот же период выпадают мои усилия устранить дискриминацию Германии в результате многочисленных условий Версальского договора[163], и при помощи достижения большего взаимопонимания с французским народом. Я стал членом германо-французского исследовательского комитета, комитета основанного люксембургским промышленником Мейрихом[164], включавшего большое число выдающихся людей из обеих стран. Близкие отношения и беседы также породнили меня с ветеранскими организациями из обеих стран, с французской стороны с известным руководителем «Gueules Cassees[165]», полковником Пико[166]. Я принимал активное участие в конгрессах германо-французских католических кругов, которые проходили в Париже и Берлине. Все эти усилия имели своей целью поставить европейский мир на основу глубокого знания и близкого сотрудничества наших двух стран.

Такое понимание ещё сильнее усилилось, когда я переехал в Саар в 1929, который тогда, как известно, находился под международным контролем[167]. Когда в 1929 план Юнга[168] был принят Германией я просил господина Штреземана[169] договориться с господином Брианом[170] об урегулировании саарского вопроса без плебисцита, потому что я всегда считал, что скрытное решение этого наболевшего вопроса обеими сторонами оставит меньше обиды и укрепит чувство солидарности нежели решение, в результате избирательной кампании ведущейся ожестеченно. К сожалению, этого не случилось.

Затем, в 1930 великий всемирный экономический кризис охватил победителей и побежденных. Новый демократический режим Германии был неспособен справиться с таким бременем и под нарастающим экономическим давлением и при возросшем внутреннем напряжении, кабинет Папена был сформирован весной 1932. Тут начинается политическое развитие, о котором я с благодарностью отчитаюсь перед трибуналом. Я бы хотел добавить просьбу к

---

[163] Версальский мирный договор — договор, подписанный 28 июня 1919 года в Версальском дворце во Франции, официально завершивший Первую мировую войну 1914—1918 годов.

[164] Якоб Мейрих (1862 – 1928) – люксембургский промышленник и предприниматель. Президент металлургической компании АРБЕД.

[165] «Изувеченные лица» (фр.) – организация по защите прав инвалидов Первой мировой войны во Франции.

[166] Ив Пико (1862 – 1938) - французский офицер, общественный деятель.

[167] Территория Саарского бассейна — территория Германии, которая после Первой мировой войны была оккупирована Великобританией и Францией и с 1920 по 1935 годы находилась под управлением Лиги Наций.

[168] План Юнга — второй план репарационных выплат Германии после Первой мировой войны, сменивший план Дауэса. План предусматривал некоторое снижение размера годовых платежей (в среднем до 2 млрд марок), отмену репарационного налога на промышленность и сокращение обложения транспорта, ликвидацию иностранных контрольных органов. Одним из важнейших следствий принятия плана Юнга был досрочный (по Версальскому договору эвакуация должна была закончиться только в 1935 году) вывод оккупационных войск из Рейнской области.

[169] Густав Штреземан (1878 — 1929) — немецкий политик (Немецкая народная партия), рейхсканцлер и министр иностранных дел Веймарской республики. Лауреат Нобелевской премии мира 1926 года (вместе с Аристидом Брианом) за заключение Локарнских соглашений, гарантировавших послевоенные границы в Западной Европе.

[170] Аристид Бриан (1862 — 1932) — французский политический деятель Третьей республики, неоднократно премьер-министр Франции, министр иностранных дел, внутренних дел, военный и юстиции. Лауреат Нобелевской премии мира 1926 года (вместе с Густавом Штреземаном) за заключение Локарнских соглашений, гарантировавших послевоенные границы в Западной Европе.

трибуналу. Трибунал распорядился о том, что подсудимые должны быть краткими, потому что подсудимый, рейхсмаршал Геринг полностью представил историю национал-социализма. Я прошу о том, чтобы приняли во во внимание, что я говорю здесь не о национал-социализме. Моя защита будет о другой Германии.

Кубушок: Опрашивая свидетеля, будет нужно вдаваться в подробности событий и действий свидетеля в качестве рейхсканцлера в 1932 году. Обвинительное заключение охватывает время с 1 июня 1932, даты назначения господина фон Папена рейхсканцлером. Обвинительное заключение видит в осуществлении его официальной деятельности как рейхсканцлера подготовку к правительству Гитлера.

Защита изложит, что правительство Папена настойчиво боролось за новую программу, полностью независимую от идей национал-социализма, программу, представлявшую собственные основополагающие политические идеи Папена, которым он оставался верным также и в следующий период. Так как обвинительное заключение…

Председатель: Подобное заявление не подобает защитнику. Вы должны извлекать показания из свидетеля вопросами, которые не являются наводящими. Сейчас вы говорите нам о том, что скажет свидетель. Мы хотим услышать это от свидетеля.

Кубушок: Господин председатель, я хотел только отметить, что данный период времени до 1933 тоже следует обсудить, и я желаю попросить у вас снисходительности. Мы…

Председатель: Мы не пытаемся остановить вас при дачи показаний – от извлечения показаний. Спрашивайте свидетеля. Но вы не должны сами заявлять о фактах.

Кубушок: Свидетель, поясните суду, какой была ситуация в Германии, когда Гинденбург[171] призвал вас 1 июня 1932, чтобы сформировать кабинет?

Папен: Прежде чем я отвечу на данный вопрос, позвольте мне, как одному из последних канцлеров Рейха, сделать краткое заявление о правительстве возглавляемом мною? То, в какой степени устав трибунала, по нашему мнению, совместим с суверенитетом Рейха и его различными правительствами, позднее будет изложено одним из других защитников.

Когда обвинение рассматривает мою деятельность в качестве рейхсканцлера в 1932, я полагаю, это сделано для того, чтобы получить ясную, исторически точную картину развития событий и в целом сформировать суждение о моём характере. По этой причине я прокомментирую эту часть обвинения. Однако, я должен категорически здесь заявить, что кабинетом 1932, руководили насколько это было возможно согласно конституции и в рамках чрезвычайных полномочий от президента, во время самой тяжёлой внутриэкономической депрессии. Это исторический факт, что деятельность моего кабинета не оправдывает ни малейшего

[171] Пауль фон Гинденбург (1847 — 1934) — немецкий военный и политический деятель. Видный командующий Первой мировой войны: главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914—1916), начальник Генерального штаба (1916—1919). Прусский генерал-фельдмаршал (2 ноября 1914). президент Германии (1925—1934). Первый и единственный в истории Германии человек, избранный главой государства на всенародных выборах.

подозрения в преступлении по смыслу устава. Милорд, мне кажется, я должен сделать это заявление, чтобы поддержать честность моих коллег министров и прежде всего, честность президента, фельдмаршала фон Гинденбурга, последней великой исторической фигуры Германии.

Что касается вашего вопроса: доктор Брюнинг[172], мой предшественник в должности, был очень уважаем всеми нами и его приветствовали с большими ожиданиями. Во время периода его нахождения в должности настал великий экономический кризис, таможенные блокады других стран, с почти полной стагнацией производства и торговли, без валюты для приобретения необходимого сырья, рост безработицы, молодёжь на улицах и всемирная экономическая депрессия, приводившая к банкротству банков. Управлять было можно только при помощи чрезвычайных указов, то есть, односторонними законодательными актами президента. Поддержка безработных опустошает казну, непродуктивна и не является решением. В результате распространения безработицы, рост радикальных партий. Политический раскол немецкого народа достиг пика. На последних выборах в Рейхстаг[173] было 32 партии.

После войны все мы надеялись на то, что в Германии мы сможем построить образцовую демократию. Английская демократия являлась нашей моделью, но Веймарская конституция предоставила немецкому народу ряд прав, которые не соотносились с его политической зрелостью. В 1932 было давно ясно, что Веймарская конституция допустила ошибку предоставив правительству слишком мало полномочий. Я напоминаю вам, что формирование правительств часто занимало недели, потому что все партии хотели в этом участвовать.

В Пруссии с 1919 правили социал-демократы. Они делили с «Центром» политические должности в Пруссии. Дуализм между Пруссией, крупнейшей из провинций и Рейхом, постоянно возрастал. Моё желание заключавшееся в том, что Брюнингу следовало вернуться к старой конструкции Бисмарка[174], быть рейхсканцлером и одновременно министром-президентом Пруссии, для того, чтобы координировать политику крупнейшей провинции с Рейхом, было отвергнуто Брюнингом. Все эти годы, последние годы, ничего не делали для того, чтобы сдержать всё возрастающее движение национал-социалистов, то есть направить его к политически ответственному курсу.

Вся политическая неразбериха и осознание того, что нужно, что-то сделать, чтобы позволить правительству Рейха управлять и сделать его более самостоятельным, вынудили Гинденбурга к решению назначить кабинет под

---

[172] Генрих Брюнинг (1885 - 1970) — германский политический деятель, рейхсканцлер и министр иностранных дел во время Веймарской республики (1930-1932).

[173] Рейхстаг — высший представительный и законодательный орган в Германии времён Веймарской республики, а также формально при национал-социалистах.

[174] Отто фон Бисмарк-Шёнхаузен (1815 — 1898) — первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии по малогерманскому пути и прозванный «железным канцлером».

руководством экспертов и независимый от партий. Все члены моего кабинета были экспертами в своих областях. Фон Нейрат был старым дипломатом; министр внутренних дел Галл[175], был старым административным работником; министр сельского хозяйства был генеральным директором крупных сельскохозяйственных обществ; министром финансов был бывший министериальдиректор в своём министерстве; руководитель железных дорог, Эльц[176], был председателем совета директоров железной дороги, и тому подобное.

Кубушок: Намерение править авторитарно привело к борьбе партий?

Папен: Фельдмаршал Гинденбург имел большое доверие к Брюнингу, но он не простил ему неудачу склонить на свою сторону правые партии, которые впервые избрали Гинденбурга в 1925, ради его избрания президентом в 1932. Тогда Гинденбург был избран вопреки решительной оппозиции левых и центра. Теперь, в 1932, он должен был быть избран этими самыми левацкими партиями, которые противостояли ему, и вопреки правым.

Кроме великого солдата мировой войны, противостоящим кандидатом был неизвестный пехотинец. Это, конечно, глубоко огорчало фельдмаршала. Я желаю отметить, что на президентских выборах 1932 Гитлер уже получил почти 11 миллионов голосов, что было больше 30 процентов на президентских выборах.

Почему президент выбрал меня канцлером, я не знаю. Я могу лишь сказать, что я не пошевелил и пальцем. Ход событий был следующим.

Милорд, я рассказываю это, чтобы ответить на обвинение в том, что это формирование кабинета являлось началом интриги и заговора. 26 мая 1932 я находился в своём поместье в Сааре. Господин фон Шлейхер[177], министр обороны, позвонил мне и попросил мне прибыть в Берлин. Вечером 27-го я прибыл в Берлин. 28-го я пошёл на встречу с господином фон Шлейхером. Господин фон Шлейхер сказал мне: «Имеем кризис кабинета; мы ищем канцлера». Он обсудил со мной разные личности, и наконец сказал: «Президент хотел бы вас». Я сильно удивился и так и сказал. Затем я попросил времени подумать. На следующий день я обсудил вопрос со своими друзьями. 30-го я снова пошёл на встречу с господином фон Шлейхером. Я сказал ему: «Я решил не принимать». Господин фон Шлейхер сказал: «Чтобы вы не хотели, президент хочет вас в любых обстоятельствах». Я ответил господину фон Шлейхеру: «Президент, вероятно, имеет ошибочное представление о политических силах, которые я приведу к нему в этом правительстве, наверное, он думает, что Центр поддержит меня политически. Об этом не может быть и речи».

Вечером того же дня я пошел на встречу к главе партии Центра. Я спросил

---

[175] Вильгельм фон Гайль (1879 – 1945) – немецкий юрист и политик от Немецкой национальной народной партии. Министр внутренних дел Германии с 1 июня по 3 декабря 1932.

[176] Пауль фон Эльц-Рюбенах (1875 — 1943) — немецкий государственный деятель. Министр транспорта и связи Германии в 1932-1937.

[177] Курт фон Шлейхер (1882 — 1934) — рейхсканцлер Германии с декабря 1932 по январь 1933 года, предшественник Гитлера на этом посту и, таким образом, последний глава правительства Веймарской республики. В 20-е годы начальник ряда ведомств в Рейхсвере. Убит в ходе подавления путча Рёма.

его и он сказал: «Господин фон Папен, не принимайте должность, партия немедленно выступит против вас». Я сказал: «Спасибо, так я и подумал».

Затем я пошёл на встречу с Гинденбургом и представил ему ситуацию. Гинденбург встал и сказал: «Я позвал вас не потому, что хотел поддержки какой-нибудь партии с вашей помощью, я позвал вас, потому что я хочу кабинет самостоятельных людей». Затем он напомнил мне о долге перед отечеством. Когда я продолжил возражать ему, он сказал: «Вы не можете оставить меня, старого солдата в беде, когда я нуждаюсь в вас». Я сказал: «Нет, ни при каких обстоятельствах я не оставлю вас в беде; я приму».

Кубушок: В качестве доказательства этой дискуссии…

Председатель: Доктор Кубушок, трибунал считает, вы можете рассматривать это менее подробно. О фактах можно говорить менее подробно.

Кубушок: Мы будем поступать соответственно.

В качестве доказательства дискуссии с партией Центра я ссылаюсь на документальную книгу 1, документ 1, страница 1. Я приобщаю документальную книгу 1 как экземпляр номер 1.

Свидетель, вам вменяется какое-то интриганство против Брюнинга. Это правда?

Папен: Никоим образом. Я уже говорил, что у меня лично было самое высокое мнение о докторе Брюнинге, и что с того дня, когда господин фон Шлейхер вызвал меня – то есть, за три дня до моего назначения – я никогда не имел ни малейшей мысли о назначении преемником Брюнинга.

Кубушок: Вы заранее говорили с Гитлером о правительстве, которое должны были сформировать?

Папен: Нет, это совершенно ложно вменяется обвинением. «История НСДАП» Фольца[178], в которой этого сказано – и это документ PS-3463 – чисто частная и вероятно проспонсированная Геббельсом и его министерством работа. Я заявляю, что моё правительство, по желанию рейхспрезидента, было создано в результате fait accompli[179], без каких-либо переговоров с какой-либо партией или главой какой-либо партии.

Кубушок: Вы также заранее не обещали Гитлеру роспуск Рейхстага?

Папен: Данное заявление обвинения тоже неправда. Я не обсуждал роспуск Рейхстага с Гитлером заранее, так как Рейхстаг был распущен 4 июня, а я увидел Гитлера впервые в жизни пять или шесть дней спустя. Роспуск Рейхстага как таковой, был само собой разумеющимся, потому что новое правительство желало иметь мнение избирателей о новом курсе и программе правительства.

Кубушок: В чём заключались политические цели вашего кабинета? Пожалуйста, выскажетесь коротко.

---

[178] Ганс Фольц (1908 – 1978) – немецкий историк, редактор и нацистский пропагандист.

[179] Свершившийся факт (фр.)

Папен: Центральной проблемой, которая занимала нас, была экономической: большой экономический кризис, и 1 ½ миллиона безработной молодежи, 6-7 миллионов полностью безработных и 12-13 миллионов частично занятых. Попытки моих предшественников помочь чисто государственными средствами оказались неадекватными. Они легли бременем на финансы и не дали никакого результата. Следовательно, цель моего правительства, заключалась в том, чтобы задействовать частную экономику для решения данной проблемы. Мы хотели снова добиться упорядоченной работы механизма производство. Вложением 2200 миллиардов марок мы хотели запустить этот процесс и ожидали возвращения в производственный процесс 1 ¾ миллионов рабочих в текущем году.

Такая программа не могла не согласовываться с партиями. Политическая цель заключалась в том, чтобы достигнуть одновременно с реорганизацией экономики, практического сотрудничества сильнейшей из оппозиционных партий, НСДАП. Это было центральной внутриполитической проблемой Германии. При помощи национал-социалистического правительства в Тюрингии, в Брауншвейге и Ольденбурге, было продемонстрировано, что эта попытка может быть предпринята без угрозы опасности революционных движений. Поэтому я мог надеяться при помощи национальной и социальной программы получить одобрение Рейхстага.

Кубушок: О заявлении правительства, я ссылаюсь на документ 1, экземпляр 1, страницы 2 и 3.

Вы говорили о социальной проблеме как основной задаче вашего правительства. Пожалуйста, кратко объясните, как вы относились к проблеме и как вы пытались её решить?

Папен: Мне кажется, ни в одной стране мира, проблема труда и капитала не была такой острой как в Германии в результате сверхиндустриализации и отчуждения земли. Причина известна; мне не нужно говорить об этом. Однако, одна из причин, которую в целом упускают из вида, заключалась в германской инфляции, которая уничтожала все состояния в Германии. Эта инфляция лишила средний класс и рабочих, которые формируют опору нации, их сбережений и состояний, и она пролетаризировала рабочих, торговцев и средний класс.

Одновременно с социальными процессами в Германии, новый социальный порядок возник в нашей великой соседней стране, порядок бесклассового общества и тоталитарного государства. Демократические державы сопротивлялись экспорту этой системы. Они предпринимали защитные меры в экономической сфере, но эти протекционистские меры «Новый курс[180]» и «Оттава[181]» ослабляли положение

[180] «Новый курс» — название экономической политики, проводимой администрацией Франклина Делано Рузвельта начиная с 1933 года с целью выхода из масштабного экономического кризиса (Великая депрессия), охватившего США с 1929 по 1933.

[181] Оттавские соглашения — соглашения принятые на экономической конференции Британской империи проходившей в Оттаве с 21 июля 1932 по 20 августа 1932 устанавливающие ограниченные тарифы на товары происходившие из Британской империи и доминионов и вводящие заградительные пошлины для товаров из иных стран.

Германии ещё сильнее.

Председатель: Доктор Кубушок, я думаю, подсудимый должен понимать, что всё это очень знакомо трибуналу, и не требуется повторяться.

Папен: Я лишь хотел объяснить трибуналу, что данная социальная проблема являлась основой для всего исторического развития.

Кубушок: Вопрос социальной проблемы, одновременно вопрос развития НСДАП и свидетель собирался прокомментировать последнее с этой точки зрения.

Свидетель, вы недавно говорили о том, что не имели никакого контакта с Гитлером до формирования правительства. Когда вы увидели Гитлера впервые и каких договоренностей вы достигли?

Папен: Я уже говорил, что я впервые увидел Гитлера 9 или 10 июня. Цель беседы заключалась в том, чтобы определить при каких обстоятельствах Гитлер будет готов терпеть моё правительство. Моя программа содержала столь много пунктов в социальной сфере, что нужно было ожидать одобрения данной программы национал-социалистами. Условие Гитлера для такого одобрения правительственной программы заключалось в снятии запрета на форму для СС, то есть, политическое равноправие его партии с другими партиями.

Тогда я на это согласился; тем более, что запрет СС правительством Брюнинга был, очевидной несправедливостью. СС, или даже СА были запрещены, но военизированные отряды социалистов и коммунистов, то есть, «Красный фронт[182]» и «Знамя Рейха[183]», не были запрещены.

Результат моего обещания Гитлеру заключался в том, что лично Гитлер обязался терпеть моё правительство.

Кубушок: Я бы хотел поправить ошибку допущенную свидетелем. Он, говоря об СС, имел в виду СА. СС тогда не было.

Я ссылаюсь на документ 1, страница 3, который является заявлением президента, касательно снятия запрета на СА. Президент отмечает, что он распорядился снять данный запрет с прямым условием, что в будущем больше не будет никаких актов насилия. Он далее говорит, что решил воспользоваться всеми конституционными средствами в своём распоряжении чтобы противодействовать любым нарушениям если такое ожидание не будет выполнено.

Свидетель, вы сделаете короткое заявление, касательно ваших усилий и хода конференции в Лозанне в июне 1932[184], которые оказали такое большое

---

[182] Союз красных фронтовиков или Рот Фронт (Rote Front) — немецкая коммунистическая политическая и боевая организация в 1924—1933 годах.

[183] Рейхсбаннер — государственный чёрно-красно-золотой стяг, нем. Bund deutscher Kriegsteilnehmer und Republikaner — Союз германских участников войны и республиканцев) — межпартийная, но фактически руководимая СДПГ демократическая политическая и боевая организация, существовавшая в Германии в 1924—1933 годах.

[184] Конференция в Лозанне в июне 1932 – международная конференция проходившая в Лозанне, Швейцария с 16 июня 1932 по 9 июля 1932 с участием Германии, Великобритании и Франции. На конференции было принято решение согласовывать дальнейшие шаги по снижения репараций Германии с мерами США по снижению военных долгов стран союзников.

влияние на рост НСДАП?

Папен: Я прошу разрешения пройти подробнее эту конференцию, потому что результат был тесно связан с огромным ростом НСДАП сразу после этого. Как известно данная конференция была подготовлена задолго до этого. Она должна была отменить репарации.

Но я ехал в Лозанну со множеством других целей и надежд. Отмена репараций являлась, так сказать, cause jugee[185]. Но, что на самом деле было нужно это прекратить это моральный дискомфорт Германии. Это моральное разочарование имело много причин. Германия стала «нацией второго сорта». Её лишили многих атрибутов своего суверенитета: никакого военного суверенитета; беззащитный Рейнланд; коридор[186], Саар и другие. Я уже описал экономические условия. Эти экономические и политические трудности способствовали развитию политического радикализма и экстремистов становилось больше на каждых выборах.

Если бы должна была последовать помощь, тогда нужно было решать не просто вопрос репараций – это была негативная помощь – но требовалась позитивная, моральная помощь. Моя программа заключалась в восстановлении суверенитета Рейха. В первую очередь, знаменитая статья 231 Версальского договора должна была быть исключена. Это была статья говорившая, что только Германия ответственная за войну. Историки всех стран давно установили, что не только мы одни ответственные. Во-вторых, нужно было установить основанные на доверии отношения с Францией.

Председатель: Доктор Кубушок, трибунал не считает, что это на самом деле важно для него.

Папен: Я буду кратко…

Кубушок: Можно мне, в общем, объяснить, что события 1932, внутри- и внешнеполитические события, сформировали ключ для суждения о росте НСДАП, который, в конце концов, привел к 30 января 1933. Если мы обсудим здесь некоторые вопросы, мы сможем ссылаться на них, при обсуждении событий 1933. Мне кажется, что так мы сэкономим время. Поэтому я прошу, чтобы обсуждение данного периода было подробнее.

Папен: Господин председатель, я сделаю это как можно короче.

Председатель: Я думаю нам лучше продолжить, как вы предлагаете, с 1933. Вы не предложили, чтобы вы продолжили с 1933, и затем возможно вернулись в 1932, если потребуется?

Кубушок: Нет, я это не предлагал. Я сказал, что обсуждение условий 1932 даёт ключ к росту НСДАП и формированию гитлеровского правительства.

---

[185] Побочным вопросом (фр.)

[186] Польский коридор также известный как (Поморское воеводство) и Данцигский коридор) — в период между двумя мировыми войнами (1919—1939 гг.), наименование польской территории, которая отделила германский эксклав Восточная Пруссия от основной территории Германии. Территория Польского коридора была передана Польше после Первой мировой войны по Версальскому мирному договору.

Председатель: Да, но подсудимый уже долго обсуждал условия 1932. Уверен, теперь мы можем перейти к чему-то, что имеет какое-то отношение к национал-социалистической партии.

Папен: Господин председатель, я скоро перейду к этому, я только хотел сказать, что я затронул эти темы в Лозанне и попытался добиться понимания международной ситуации в Германии. Я вёл переговоры об отмене знаменитой статьи с французским премьер-министром, господином Эррио[187]. Я вёл с ним переговоры о консультативном пакте, но из этого ничего не вышло по причинам которые я не хочу обсуждать. Окончательный результат конференции в Лозанне в любом случае был отрицательным, а значит выборы состоялись впоследствии…

Кубушок: В чём заключалась ваша точка зрения по вопросу вооружения?

Папен: Я обозначил свою точку зрения по вопросу вооружения, который играл роль даже в 1932, уже тогда, в Лозанне. Я обсуждал это с британским премьер-министром, господином Макдональдом[188] и господином Эррио. Позднее, в беседе, я обсуждал эту точку зрения с господином Эррио, так, что это есть протоколе. Это документ 55. В данном документе я говорил, что это был не вопрос немецкого перевооружения, а вопрос выполнения обещания разоружения остальных наций. Ничего не говорилось о немецком перевооружении, но только о немецком равенстве и равноправии с Германией.

Мне не нужно цитировать данный документ. Он в руках суда, документ 55.

Кубушок: Я приобщаю документ 55, как экземпляр 55 и далее ссылаюсь на документ 1, который уже предъявлен, страница 9; и документ 6, который я предъявил как экземпляр 3, страница 22.

Папен: В завершении конференции в Лозанне, я сказал Макдональду и Эррио: «Вы должны дать мне внешнеполитический успех, так как моё правительство, последнее буржуазное правительство в Германии. После меня там будут только экстремисты справа и слева». Но они не поверили мне, и я вернулся из Лозанны лишь с частичным успехом.

Председатель: Я думаю было бы хорошее время прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Кубушок: Свидетель, вы сказали, что итог конференции в Лозанне не соответствовал вашим ожиданиям. Почему, несмотря на это, вы подписали Лозаннский договор?

---

[187] Эдуар Эррио (1872 — 1957) — французский государственный и политический деятель, лидер партии радикалов и радикал-социалистов, писатель, историк, публицист, академик. Неоднократный премьер-министр Франции и министр иностранных дел.

[188] Джеймс Макдональд (1866 — 1937) — британский политический и государственный деятель, трижды занимал пост 48-го, 56-го и 58-го премьер-министра Великобритании в 1924, 1929—1931 и 1931—1935 годах. Один из лидеров и основателей Лейбористской партии.

Папен: В первую очередь, я должен был подписать его, в противном случае конференция завершилась полным провалом, и Германия столкнулась бы с экономическим вакуумом. Мы также стояли перед выборами в Рейхстаг, и я попытался сделать лучшее в данной ситуации.

Кубушок: В связи с данным вопросом, я бы хотел предъявить документ номер 7, который станет экземпляром номер Папен-4. Данный документ это заявление фон Папена в «Trierische Landeszeitung[189]» от 12 июля 1932, я возьму смелость зачитать короткую выдержку, в которой Папен говорит:

> «Точно также как мы не можем стереть односторонний факт подписей поставленных с 1918 бывшими правительствами, настолько же мала возможность относительно торжественных обязательств, которые принимались правящими партиями от имени немецкого народа. Нынешнее правительство просто вынуждено ликвидировать ситуацию, которая, которая была создана всеми бывшими правительствами с момента подписания Версальского договора. Что касается вопроса, может ли данная ситуация быть ликвидирована Германией отрицанием действительности своей подписи и таким образом, одновременно, выведением себя за рамки концепции культурных и иных стандартов, на это следует ответить категорическим «нет».

Упоминая данный вопрос, я бы хотел отметить, что это отношение в рамках преобладавшей ситуации и особенно в виду заметной пропаганды НСДАП.

18 июля 1932 рейхсминистр внутренних дел распорядился об общем запрете на демонстрации после, как вы уже говорили, снятия 16 июня запрета на форму национал-социалистов. В чём заключались причины нового запрета демонстраций?

Папен: Условие по которому Гинденбург отменил запрет на форму СА не было выполнено. Избирательные кампании становились более и более радикальными, и поэтому я решил предложить рейхспрезиденту распоряжение запрещавшее демонстрации. В отличие от распоряжения запрещавшего формы, данное распоряжение применялось ко всем партиям одинаково. Поэтому оно запрещало не только СА, но и боевые подразделения остальных партий.

Кубушок: Теперь я перехожу к 20 июля 1932. Обвинение называет вашу акцию в эту дату государственным переворотом. Свидетель Зеверинг[190] также полностью рассмотрел данный вопрос. В чём заключалась причина вашей акции от 20 июля 1932?

Папен: Акция была основана на необходимости восстановления упорядоченных

---

[189] «Газета Трира» (нем.) – немецкая католическая газета, издававшаяся с 1875 по 1974 в земле Рейнланд-Пфальц.

[190] Карл Зеверинг (1875 —1952) — германский политический деятель, социал-демократ, министр внутренних дел Пруссии в 1919-1926 и 1930-1932.

условий. Я получал доклады о сотрудничестве полицейского управления прусского министерства внутренних дел с коммунистами. Ситуацию правительства Рейха в Берлине следует особо принимать во внимание, и я не знаю, осознаёт ли высокий трибунал правовое положение. Правительство Рейха в Берлине не являлось экстерриториальным районом как Вашингтон, округ Колумбия в Соединенных Штатах, а находилось в полицейской власти прусского государства. Моя собственная охрана, то есть, охрана рейхсканцлера, находилась в руках прусской полиции. Следовательно, если была организована комбинация коммунистов с министерством полиции Пруссии, тогда это влияло на безопасность правительства Рейха. Данная акция против прусского правительства никоим образом не проводилась как акция против социализма, как и не было нацификации республиканской полиции о чем показал свидетель Зеверинг. Сотрудники, за исключением нескольких высших сотрудников, остались совершенно неизменными. О том, как я относился к ситуации, я дал знать немецкому народу в речи по радио вечером 20 июля. Высокий трибунал найдёт данную речь в документе 1, страница 4. Однако, я опускаю чтение данной речи.

Кубушок: Далее я бы хотел отметить документ 2, который я желаю предъявить как экземпляр номер 5. Я бы хотел отметить страницу 15, часть где подсудимый фон Папен приводит отчёт о необходимости данной меры.

[*Обращаясь к подсудимому*] Эта ваша акция 20 июля оспаривалась в высшем германском трибунале, Верховном суде Рейха, и было вынесено какое-либо решение?

Папен: Да. Прусский кабинет предъявил иск против правительства Рейха в Верховный суд Рейха в Лейпциге, там вопрос был надлежащим образом рассмотрен и вынесено решение. Данное решение полностью поддержало акцию рейхспрезидента. Следовательно, невозможно, чтобы обвинение характеризовало это дело как путч.

Кубушок: Я бы хотел обратить ваше внимание на документ 8, который я желаю приобщить как экземпляр номер 6. Это выдержка – я прошу прощения?

Председатель: Доктор Кубушок, вам нужно присваивать документам номера экземпляров отличающиеся от номеров документов? Поймите, это выглядит путаницей. У каждого из этих документов есть в заголовке документа номер; 1,2,3, и тому подобное и они следуют друг за другом…

Кубушок: Я бы хотел уступить предложению высокого трибунала и оставлять тот же номер, поэтому, документ 5 станет экземпляром номер 5.

Председатель: Думаю, если вы сможете, то будет меньше путаницы.

Кубушок: Да, милорд, так и есть. Этот экземпляр номер 5 является выдержкой из решения Верховного суда Рейха, датированного 25 октября 1932. На странице 19, в начале, есть мнение, которое говорит, что указ рейхспрезидента от 20 июля был совершенно законным.

Как прусское правительство и в особенности министр-президент Браун[191], отреагировали на решение Верховного суда?

Папен: Прусское правительство и прусский министр-президент абсолютно приняли решение, что стало видно из дискуссий, которые я лично позднее проводил с прусским министром-президентом.

Кубушок: Относительно позиции занятой прусским правительством, я бы хотел приобщить документ номер 86, который содержится в томе III моей документальной книга, которая однако, из-за технических сложностей, не полностью переведена и не может быть предъявлена сегодня.

Свидетель, 29 июля 1932 у вас была беседа с корреспондентом «United Press[192]» и вы подробно заявили о своей позиции по проблеме вооружения. Поскольку данная тема является особо значимой для вашего дела и вашей защиты, я бы хотел получить ваш комментарий по данному вопросу.

Папен: Я бы хотел внести ясность в своё отношение по вопросу вооружения, так как оно было точно таким же, когда я был вице-канцлером в правительстве Гитлера. Я бы хотел сослаться на документ 1, который излагает моё интервью для «United Press», и я процитирую из документа номер 86, который является речью по радио произнесенной мною 12 сентября. По этому поводу я сказал:

«Мы хотим разоружения…»

Кубушок: Свидетель, вероятно, вы просто можете просто привести содержание в нескольких словах.

Папен: Если трибунал захочет проверить содержание моей речи, в документе 86 трибунал найдёт то, что я говорил о разоружении ради мира. По этому поводу я обращался к главным державам, и я хочу процитировать эту фразу:

> «В эти дни Германия с помощью мобилизации своих последних внутренних резервов предпринимает гигантскую попытку, достичь работы и социального мира. Это даёт нам прав ожидать, что теперь, ведущие государственные деятели главных держав, со своей стороны, решат положить конец отравлению внешнеполитических отношений в результате соглашений, которые нельзя выполнить».

Кубушок: 31 июля 1932 состоялись выборы в Рейхстаг. Прежде всего, я бы хотел приобщить диаграмму, в которой находятся в таблице результаты разных выборов проходивших в годы с 1930 по 1933. Это экземпляр номер 98, который я настоящим приобщаю. Из цифр показанных здесь мы можем видеть внутриполитическое развитие в Германии.

---

[191] Отто Браун (1872 — 1955) — немецкий политик, социал-демократ, премьер-министр Пруссии с 1920 по 1932 годы.

[192] Юнайтед Пресс Интернэшнл (Объединенная ассоциация прессы (англ.) — информационное агентство США, в прошлом одно из крупнейших в мире. Штаб-квартира расположена в Вашингтоне. Основано в 1907 году под названием «United Press Association», в 1958 году слилось с агентством «International News Service» и получило современное название. В 2000 году куплено аффилированной с Церковью объединения медиакомпанией «News World Communications».

Свидетель, в чём заключался результат, и какие политические выводы вы сделали из результата выборов?

Папен: 30 июля, накануне выборов, я говорил с Соединенными Штатами и сказал:

> «Мир не осознаёт, что Германия столкнулась с гражданской войной. В Лозанне мир не помог нам преодолеть наши трудности, и невыносимо то, что 14 лет спустя после войны для нас не существует равенства в правах».

Выборы 31 июля привели к более чем удвоению нацистских голосов, с 6,4 миллионов до 13,7 миллионов голосов, или 230 членов Рейхстага против 110. Из результата выборов следовал вывод, что никакое большинство нельзя сформировать, от крайне правых до социал-демократов, без НСДАП. С этим партия получила ключевое парламентское положение. Обвинение попыталось приписать рост нацистских голосов снятию запрета на форму. В общем, такое объяснение слишком простое. На самом деле, запрет на формы был снят с 16 июня по 18 июля на 1 месяц. И уже за 2 недели до голосования я издал распоряжение, запрещавшее демонстрации. Действительной причиной роста нацистских голосов была отчаянная экономическая ситуация Германии и факт всеобщего разочарования нехваткой внешнеполитических успехов в Лозанне.

Кубушок: Итак, в чём заключался ваш вывод по результатам выборов?

Папен: Я сделал вывод с таким же мнением, что и придерживался раньше. На следующий день я дал интервью «Associated Press[193]» и при помощи этого интервью я сказал всему миру:

> «Национал-социалистам должна быть дана ответственность, и когда это будет сделано нам потребуется конституционная реформа».

Кубушок: Относительно этих исторических фактов я ссылаюсь на экземпляр номер 1, который уже приобщен, и в особенности на страницы 4,5 и 6.

Свидетель, пожалуйста, кратко расскажите трибуналу о своих переговорах с Гитлером.

Папен: В результате такого мнения, 12 августа у меня была долгая дискуссия с Гитлером. Я внушал ему необходимость участия и свою готовность уйти в отставку с канцлера за несколько месяцев, если сотрудничество окажется успешным и после приобретения Гитлером доверия фон Гинденбурга.

Из политических партий, правые партии, как хорошо известно, поддерживали мой кабинет. Партия Центра находилась в оппозиции. Теперь, после этих выборов, партия Центра хотела Гитлера в качестве канцлера, но сам Гитлер не хотел становиться главой правительства большинства.

Точность моих заявлений показана в документе 1, страница 6, первый абзац, последняя строка. Я цитирую:

---

[193] Ассошиэйтед Пресс (англ.) Объединенная пресса — одно из крупнейших международных информационно-новостных агентств. Началось в 1846 как новостной кооператив газетных издательств.

> «Каас[194], руководитель партии Центра, требует так называемое окончательное решение данного кризиса полностью ответственным участием бывшей оппозиции в правительстве Рейха».

Я сделал Гитлеру предложение о том, что он должен войти в мой кабинет как вице-канцлер. Гитлер отказался. На следующий день мы продолжили наши переговоры в присутствии рейхспрезидента.

Гитлер озвучил требование рейхспрезиденту о присоединении его движения к правительству, но только с тем условием, что он сам будет назначен канцлером. И это можно увидеть из документа на странице 6.

Кубушок: Ваша честь, это документ номер 1, страница 6.

Папен: Рейхспрезидент не верил в то, что ему следует передать всю полноту власти Гитлеру и отказался от его предложения. В тот момент наши усилия втянуть национал-социалистов в ответственное правительство потерпели неудачу.

Кубушок: Подсудимый фон Папен озвучил свои мнения об этом в речи в Мюнхене, которую можно найти в документальной книге, экземпляр номер 1, страницы 10 и 11.

После неудачи этих переговоров, национал-социалисты ушли в самую интенсивную оппозицию правительству. Это каким-либо образом изменило ваш основной курс?

Папен: Оппозиционное отношение нацистов против моего правительства вообще не изменило мой курс. Я полностью рассказал об этом вопросе в Мюнстере 28 августа.

Кубушок: [*Обращаясь к подсудимому*] Данную речь можно найти в документе номер 1, экземпляр номер 1, страница 7. И на этой странице, я также обращаю ваше внимание на доклад о решении специального суда в Бейтоне. Это первый смертный приговор, вынесенный на основании распоряжения о терроре от 9 августа. Это распоряжение о терроре, которым обвинение желает инкриминировать подсудимого фон Папена, привело к смертному приговору против пяти национал-социалистов.

[*Обращаясь к подсудимому*] 4 сентября вы приняли чрезвычайное распоряжение, чтобы оживить экономику. Так как это распоряжение является ядром деятельности вашего правительства по решению экономических проблем, я бы хотел получить ваш комментарий об этом чрезвычайном распоряжении.

Папен: Я уже обсуждал это чрезвычайное распоряжение и заявил, что оно касалось программы включающей 2,2 миллиарда рейхсмарок с целью создания работы для 1 ¾ рабочих. Мы предприняли это гигантское усилие не увеличив наш внешний долг ни на пенни. Если я могу охарактеризовать его такими словами, это было максимальное напряжение и последние резервы нашей силы. Успех стал заметным уже в первый месяц в результате снижения на 123000 количества безработных.

---

[194] Людвиг Каас (1881 – 1952) – немецкий католический священник и политический деятель Веймарской республики. С 1928 по 1933 председатель партии Центра.

Кубушок: За 1 месяц?

Папен: Да, за 1 месяц.

Кубушок: В рамках общей программы набора рабочей силы предполагалось перевооружение?

Папен: Вовсе нет. Моё правительство не потратило ни пенни на перевооружение.

Кубушок: Подробности этого чрезвычайного распоряжения можно найти в документе 1, страницах 8 и 9.

Почему ещё один роспуск Рейхстага состоялся 12 сентября? Что вы сказали об этом тем вечером по радио?

Папен: Новый Рейхстаг собрался согласно конституции. Моё правительство, как я уже говорил, не смогло получить большинство, но формирование любого другого правительства без Гитлера было совершенно невозможно. Поэтому, я обоснованно надеялся, что этот Рейхстаг даст моему правительству время испытать себя, так как в частности я представил обширную и решительную экономическую программу. Но тогда случилось нечто неожиданное и неслыханное.

Так сказать, получилось проституирование германского парламента. Господин Геринг, президент германского Рейхстага предоставил слово коммунистической делегатке, Кларе Цеткин[195] для яростной атаки на моё правительство. Когда я, ответственный канцлер правительства попросил слово для того, чтобы предоставить отчёт о том, что я хотел сделать, мне отказали в разрешении выступить, и президент Рейхстага попросил проголосовать по вотуму недоверия предложенному коммунистами, социалистами и национал-социалистами. Этот факт постановочного вотума со стороны этих трёх партий на самом деле демонстрирует, чтобы случилось бы в Германии если бы эти три партии взялись руководить Германией сообща, и также показывает то каким императивом для меня было не дать национал-социализму сгруппироваться с левацким крылом, а привести его в моё правительство.

Я был вынужден положить на стол указ о роспуске Рейхстага и уйти.

Кубушок: Эти исторические факты можно найти в документе 1, страница 8 и в документе, на который я уже ссылался, не приобщая его, документ 86, страница 92.

В речи в Мюнхене 12 октября вы также рассматривали вопрос реформирования конституции. Пожалуйста, расскажите нам кратко, какое мнение вы озвучили по данному поводу.

Папен: Конституционная реформа, как я уже упоминал, была одной из самых срочных целей моего правительства. Причины этого изложены в этом документе на странице 9. Эта реформа должна была включать избирательную реформу, для того, чтобы положить конец многочисленным партиям, и создание верхней палаты.

---

[195] Клара Цеткин (1857 — 1933) — немецкая политическая деятельница, участница немецкого и международного коммунистического движения, одна из основателей Коммунистической партии Германии, активистка борьбы за права женщин.

Прежде всего, она должна была предоставить правительству больше полномочий и больше возможностей руководить, чем было возможно при Веймарской конституции.

Кубушок: В качестве пояснения я бы хотел назвать ту конституционную реформу, которая должна была покончить с условиями того времени – то, что меры правительства предпринимались исключительно в полномочиях статьи 48, чрезвычайными распоряжениями. В какой степени это имело место можно увидеть в документе 4, который даёт картину большого количества чрезвычайных распоряжений, которые принимали.

Свидетель, 6 ноября 1932 состоялись выборы в Рейхстаг. Каким был избирательный лозунг правительства, и каково ваше мнение об их результате?

Папен: К сожалению, мы снова должны были голосовать. Программа моего правительства была той же, что и раньше – то есть, стремление создать новое государственное руководство, государственное руководство во взаимодействии эффективного парламента с правительством, обладающим сильными полномочиями.

В данном манифесте к избирателям от 4 ноября, я обращался к Гитлеру и говорил ему:

> «Исключительность вашего движения, ваше требование всего или ничего, которое рейхспрезидент не может признать, привело к его решению от 13 августа. Сегодня ставка такова: вопрос не в том займёт ли лидер той или иной партии кресло канцлера, будь-то Брюнинг, Гитлер, фон Папен, но скорее в том, чтобы мы нашли общую почву для того, чтобы можно было гарантировать жизненно важные интересы немецкого народа».

Я надеялся на то, что в результате этих выборов в Рейхстаг национал-социалисты которым я возражал, были бы ослаблены до такой степени, чтобы эта партия была выдавлена с центрального парламентского положения.

Кубушок: Каким был результат?

Папен: Этот результат не был получен. Национал-социалисты потеряли 34 места, но этого было недостаточно для того, чтобы вытеснить их с ключевой позиции, так как опять формирование большинства в Рейхстаге от социалистов до крайне правых было возможно только с Гитлером, без него большинства не было.

Для того, того чтобы мы смогли продолжать руководить конституционным образом, я ещё раз попытался провести переговоры с различными партиями и национал-социалистами.

Кубушок: Пожалуйста, приведите нам описание данных переговоров.

Папен: Переговоры интересные и трибунал должен быть ознакомлен с ними, чтобы он смог судить о событиях 30 января 1933.

Прежде всего, я попытался выяснить ситуацию с теми партиями, которые

находились в оппозиции моему правительству и особенно с социал-демократами и партией Центра. Партия Центра заняла враждебную позицию. Он желала правительство большинства с Гитлером, но Гитлер не желал руководить с парламентским большинством. Из документа 2, страница 13, мы можем видеть в чём заключалось отношение партии Центра.

Поскольку о сотрудничестве Гитлера в коалиционном правительстве не могло быть и речи, я снова обратился к Гитлеру с целью спросить его о том, готов ли он теперь войти в моё правительство. Я сделал это исходя из чувства ответственности для того, чтобы вообще добиться хоть какого-нибудь результата и поэтому я написал ему письмо датированное 13 ноября 1932, которое документ D-633, который предъявлен обвинением как «недостойный» документ, из-за того, что в конце концов, я после всех своих неудач, снова обратился к Гитлеру. В письме я говорил:

> «Я рассматривал бы это как недобросовестное выполнение своих обязанностей несмотря ни на что; я думаю, что лидер столь великого национального движения, заслуги которого перед народом и страной я всегда признавал, хотя по необходимости и подвергал критике, не должен ответить отказом на предложение вступить в переговоры совместно с тем германским политическим деятелем, который в настоящее время занимает ведущее положение и осознает ответственность».

Кубушок: Потом 8 ноября, вы снова обратились к зарубежной прессе и поговорили с ней на внешнеполитические темы…

Папен: Можно прервать вас на секунду? Я бы хотел здесь добавить, относительно мнения о письме озвученного господином Баррингтоном из обвинения: в любом парламентском государстве заведено, что если, руководитель правительства обращается к оппозиции с целью добиться её сотрудничества, он пишет учтивое и сердечное письмо лидеру оппозиции, что он не называет его глупцом. Поэтому, я совершенно не могу понять, почему эти мои замечания охарактеризованы как отсутствие достоинства.

Кубушок: 8 ноября вы обратились к зарубежной прессе и говорили о пересмотре Версальского договора. Вы можете кратко объяснить заявление которое тогда сделали?

Папен: Я только назову речь, произнесённую для представителей зарубежной прессы с целью продемонстрировать высокому трибуналу частоту своих призывов к зарубежным странам – призывов к зарубежным странам, державам победительницам, призвать их к моральному примирению; ибо, тогда, господа, радикальные тенденции в Германии исчезли бы сами по себе.

Кубушок: Эта речь перед зарубежной прессой находится в документе 1, страницы 11 и 12.

Какими были последствия неудачи ваших переговоров с лидерами партий?

Папен: Неудача моих переговоров с лидерами партий и Гитлером привела к моей отставке 17 ноября. Мне дали указание вести дела правительства пока не будет сформировано новое правительство.

Кубушок: Какие усилия предпринимал рейхспрезидент после отставки вашего кабинета по формированию нового правительства?

Папен: Моя отставка дала рейхспрезиденту возможность ещё раз попытаться сформировать парламентское большинство.

Он сразу же попытался сделать это и начиная с 18 ноября он принял всех лидеров партий, от правых до Центра, и 19-го он принял Гитлера. Темой было: как нам сформировать правительство парламентского большинства? Он дал указание Гитлеру сформировать правительство большинства, Гитлер тогда бы был канцлером.

23 ноября Геринг представил ответ Гитлера Гинденбургу; это было: «Гитлер не может предпринять формирование правительства большинства».

24-го, Гинденбург принял господина Кааса, лидера партии Центра. Он объявил о том, что Гитлер даже не попытался выяснить можно ли сформировать правительство большинства, но господин Каас пообещал рейхспрезиденту, что он ещё раз попытается сформировать правительство большинства. 25 ноября он доложил Гинденбургу, что попытка была безуспешной, что руководитель нацистской фракции в то время, господин Фрик заявил, что партию не интересуют такие дискуссии. Результат: формирование правительства большинства с Гитлером было невозможным.

Кубушок: Другие возможности для коалиции имелись? Были другие возможности для коалиции?

Папен: Нет. Была единственная возможность кабинета подобного моему, или кабинет большинства.

Кубушок: Относительно этих переговоров я бы хотел, чтобы вы обратились к документу 2, страницы 14 и 15.

После неудачи обсуждений между рейхспрезидентом и лидерами партий, между рейхспрезидентом, вами и генералом фон Шлейхером 1 декабря состоялось совещание. Эта консультация в особенности важная для будущего политического развития и имеет существенное историческое значение. Поэтому я спрашиваю вас о подробностях этого разговора.

Папен: Фельдмаршал Гинденбург 1 декабря попросил генерала фон Шлейхера и меня встретится с ним для совещания. Я бы хотел заметить, что прежде не было никаких разговоров между мной и господином фон Шлейхером о возможностях формирования будущего правительства. Господин фон Гинденбург спросил нас о нашем отношении, я изложил следующее:

Попытка включить нацистское движение в президентский кабинет

Гинденбурга дважды потерпела неудачу. Гитлер одинаково отказывается формировать правительство большинства. С другой стороны, он оказывал огромное противодействие и пытался, чтобы все мои распоряжения были отменены Рейхстагом. Поэтому если было невозможно сформировать парламентское правительство или включить Гитлера в наше правительство, не делая его канцлером, тогда возникало чрезвычайное положение, требовавшее экстраординарных мер. Поэтому, я предложил парламентские каникулы на несколько месяцев и немедленную подготовку последующего законопроекта о конституционной реформе для представления Рейхстагу или национальному собранию. Такое предложение включало нарушение конституции.

Я подчёркивал, что я знал о том насколько великий солдат и государственный деятель дорожит святостью своей присяги, но моя совесть привела меня к уверенности в том, что нарушение конституции казалось оправданным в виду экстраординарной ситуации, в которой германская конституция не имеет лекарства.

Затем говорил господин фон Шлейхер. Он сказал:

> «Фельдмаршал, у меня есть план, который сделает ненужным нарушение вашей присяги конституции, если вы пожелаете передать правительство в мои руки. Надеюсь, что я смогу получить парламентское большинство в Рейхстаге расколов национал-социалистическую партию».

В ходе обсуждения данного плана, я сказал, что для меня казался сомнительным раскол партии, которая клялась в верности Гитлеру. Я напомнил фельдмаршалу о том, что ему нужно освободиться от слабого парламентского большинства при помощи кардинальной реформы.

Однако предложения выбросили за борт из-за решения предлагаемого Шлейхером. Решение, предложенное Шлейхером являлось просто временным, и очень сомнительным.

Кубушок: В чём заключалось решение рейхспрезидента?

Папен: Решение фельдмаршала наверное было самым сложным, что ему пришлось принять за его долгую жизнь. Не приводя никаких других причин, он сказал мне: «Я выбрал решение господина фон Папена, и я прошу вас начать немедленные переговоры о формировании правительства, которому я смогу дать указания в соответствии с вашими предложениями». На этом совещание завершилось.

Кубушок: Что потом сделал господин фон Шлейхер?

Папен: Я обменялся только несколькими короткими словами с господином фон Шлейхером и попытался убедить его признать решение принятое рейхспрезидентом. Господин фон Шлейхер сказал: «Нет».

Затем, тем же вечером, я начал дискуссии с несколькими министрами о формировании нового правительства. Эти министры сказали мне: «План

превосходный, но господин фон Шлейхер сказал нам, что у нас будет гражданская война и в таком случае Рейхсвер не сможет сохранить закон и порядок в стране».

Я прервал дискуссию и созвал кабинет на следующее утро, представив ситуацию и проинформировав его о решении Гинденбурга. Затем я попросил господина фон Шлейхера рассказать кабинету, почему он верил, что будет гражданская война и почему Рейхсвер не в состоянии поддерживать закон и порядок в стране. Господин фон Шлейхер вызвал одного из офицеров генерального штаба, чтобы рассказать об этом кабинету с практической и теоретической точки зрения, и чтобы он пришёл к решению о том, что Рейхсвер и полиция не в состоянии поддерживать закон и порядок в стране. Тогда я сказал господам: «Это новая ситуация и я должен доложить рейхспрезиденту».

Я пошёл к Гинденбургу и доложил ему. Господина фон Гинденбурга глубоко взволновал мой доклад, и он сказал мне: «Я старик и не могу столкнутся с любой гражданской войной своей стране. Если так считает господин фон Шлейхер, тогда я должен – о чём я сильно сожалею – отозвать задачу, которую я поручил вам прошлой ночью». На этом, господин фон Шлейхер был назначен канцлером на условиях которые, он предложил рейхспрезиденту на той встрече.

Кубушок: Господин фон Шлейхер предлагал вам пост посла в Париже?

Папен: Господин фон Шлейхер, который долго знал о моём интересе к германо-французским отношениям, спросил меня хочу ли я стать послом в Париже. Это полностью соответствовало моим намерениям. Но рейхспрезидент возразил этому, и…

Председатель: Доктор Кубушок, трибунал думает, что подробности зашли слишком далеко, все они известны истории, и о большинстве из них мы слышали ранее.

Кубушок: Итак, сейчас мы перейдём к 1933 году. 4 января состоялось совещание между Гитлером и вами в доме банкира, Шрёдера[196]. Обвинение представило это совещание как подлинное начало общего заговора. Пожалуйста дайте трибуналу описание того как происходило это совещание.

Папен: Я был…

Председатель: Доктор Кубушок, мы слышали весь вечер о подоплёке совещания. Уверен, сейчас мы можем услышать о совещании.

Кубушок: Подсудимого обвиняют в том, что он был организатором переговоров, которые предположительно начались 4 января для формирования правительства сформированного 30 января. Роль, которую сыграл фон Папен имеет решающее значение. Поэтому я считаю необходимым, чтобы он рассказал нам кратко о подоплёке…

Председатель: Переговоры начались не 4 января. Подсудимый сказал нам ранее, несколько часов назад, что они начались 12 августа 1932. Переговоры начались

[196] Курт фон Шрёдер (1889 — 1966) — немецкий банкир, оказавший значительную финансовую поддержку Гитлеру и нацистскому движению, бригадефюрер СС.

раньше.

Папен: Господин председатель, я могу совершенно коротко сказать, чего оно касается. Это совещание 4 января, повод по которому обвинение утверждает, что я присягнул национал-социализму, было совещанием, которое состоялось по инициативе Гитлера. На этом совещании ничего не говорилось о свержении правительства фон Шлейхера, и ничего не говорилось о формировании правительства Гитлером, что в действительности произошло 30 января. Мы просто обсудили необходимость Гитлеру решить принять часть ответственности, не как канцлер, а с его партией. И, милорд, то, что я не подстроил и не созывал это совещание чётко видно из заявления господина фон Шрёдера, в чьём доме состоялось совещание.

Кубушок: Это можно видеть из документа 9, страница 26.

Свидетель, вас обвиняют в том, что на этом совещании вы обсуждали планы свержения кабинета фон Шлейхера. Вы скрывали факт этого совещания от господина фон Шлейхера?

Папен: Напротив. Сразу после этого совещания в Кёльне, я написал письмо господину фон Шлейхеру, которое должно было дойти до него следующим утром. И после возвращения в Берлин, я сразу пошёл к господину фон Шлейхеру и рассказал ему о том, что обсуждали на совещании. Впоследствии, господин фон Шлейхер явился причиной принятия коммюнике. Документ номер 9.

Кубушок: 9(а) – я приобщаю документ 9(а).

Папен: В данном документе сказано:

> «Беседа выявила полную необоснованность утверждений сделанных прессой о встрече и о разногласиях между рейхсканцлером фон Шлейхером и фон Папеном».

Кубушок: Тогда вы, за время до 22 января, принимали участие в каких-либо политических дискуссиях о формировании нового правительства?

Папен: Нет. Между 9 и 22 января я не принимал участия ни в каких политических дискуссиях о формировании правительства.

Кубушок: Пожалуйста, дайте нам краткий отчёт о политическом развитии с 10 по 21 января.

Папен: Обвинение утверждает, что теперь в промежутке с 9 по 21 января, я был основным фактором в формировании правительства Гитлера 30 января. Хронологическое воспроизведение дней между 11-м и 30-м раскрывает полную ошибочность данного утверждения обвинения. Поэтому, мне нужно назвать в связи с этим несколько дат.

11 января: Гитлер находился в Берлине. Он не видел фон Шлейхера, Гугенберга[197] или фон Папена. Но Рейхстаг решил через совет старейшин: «Мы

[197] Альфред Гугенберг (1865 — 1951) — влиятельный немецкий бизнесмен и политик. Рейхсминистр первого кабинета Адольфа Гитлера в 1933 году.

дадим отсрочку правительству фон Шлейхера».

13 января: Шлейхер принял Гугенберга, главу правого движения.

14-го: Гинденбург принимает Гугенберга.

Позднее мы увидим, что оба в те дни, Гугенберг, лидер правых, вёл переговоры с фон Шлейхером о его вхождении в кабинет, но не о формировании правительства с Гитлером.

Затем 15 января, состоялись хорошо известные выборы в Липпе. Выборы в Липпе дали национал-социалистам новый толчок.

20 января, Рейхстаг, совет старейшин, решил отложить своё заседание с 24-го на 31-е.

Государственный секретарь правительства Рейха, Шлейхер, заявил в связи с этим: «Правительство Рейха намерено как можно скорее внести ясность в политическую ситуацию, но правительство Рейха не заинтересовано в вопросах большинства».

Из этого можно видеть, что господин фон Шлейхер больше не рассматривал формирование правительства на основе большинства.

Кубушок: Теперь мы можем оставить политическое развитие и перейти к вам лично…

Председатель: Если вы собираетесь перейти к другому предмету, нам лучше отложиться.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 17 июня 1946 года*]

День сто пятьдесят шестой

Понедельник, 17 июня 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения трибунала сообщаю, что подсудимые Фриче и Шпеер отсутствуют.

[*Подсудимый фон Папен вернулся на место свидетеля*]

Кубушок: Теперь я рассмотрю события января 1933, и я бы хотел сказать, что я дальше мне не требуется много времени. Оставшийся допрос будет короче, а значит, я смогу сегодня завершить свой допрос подсудимого.

Свидетель, в пятницу вы рассказали трибуналу о том, что во время хорошо известной беседы с Гитлером 4 января 1933 в доме Шрёдера, вы не обсуждали формирование кабинета, которое состоялось позднее, 30 января. Вы также сказали, что до 22 января вы не принимали участия в каких-либо политических дискуссиях. Однако обвинение утверждает, что вы повлияли на рейхспрезидента, чтобы назвать Гитлера канцлером 30 января. Вы влияли в этом на Гинденбурга?

Папен: Прежде чем я отвечу, могу я внести короткую поправку? Ваша светлость спросил меня в пятницу о дате эвакуации Иерусалима. Я сказал, что это был 1918, но конечно ваша светлость был прав, это был 1917. Я прошу прощения.

Итак, в ответ на ваш вопрос: я не оказывал никакого влияния на рейхспрезидента фон Гинденбурга, но даже если бы я так сделал, это не имело никакого веса при окончательном решении рейхспрезидента. Политическая ситуация, как мы увидим, оставила ре йхспрезиденту выбор лишь между нарушением конституции и кабинетом Гитлера.

Далее, и я уже упоминал, это на окончании прошлого заседания, просто из исторических событий января как воспроизведено в документе 9, страницы 27 по 31, что за всё время января месяца до 22-го проводились почти ежедневные переговоры без моего участия, между правительством Рейха и различными партиями или среди самих партий. Все эти переговоры касались возможного формирования большинства Рейхстага, но все они были безрезультатными. Я объяснял, что рейхсканцлер фон Шлейхер, попытался получить большинство в Рейхстаге расколов партию. Эта попытка также окончательно провалилась 20 января, и это было

очевидно миру, так как в тот день рейхсканцлер решительно заявил в Рейхстаге о том, что он больше не придаёт значение формированию большинства в Рейхстаге.

Кубушок: В связи с этим я бы хотел сослаться на документ 9 в первой документальной книге. Я прочту лишь несколько выдержек из этого документа, документ 9, страница 27. Заголовок:

> «11 января, рейхсканцлер фон Шлейхер принимает лидера Немецкой народной партии[198], Дингелдея[199]».

На следующей странице, странице 28, доказательство того, что 12 января от усилий расколоть НСДАП при помощи Штрассера[200] ещё не отказались. Я процитирую с начала страницы:

> «Одновременно лишь сейчас стало известно, что рейхспрезидент на прошлой неделе принял на совещание Грегора Штрассера. Штрассер в настоящее время видимо выразил своё намерение держаться в стороне, только в случае неожиданного обострения конфликта между Гитлером и рейхскабинетом Шлейхера, Штрассер вероятно сыграет определенную роль».

Между тем состоялись выборы в Липпе и дали ясную картину развития НСДАП.

Сейчас я цитирую с середины абзаца ниже 15 января:

> «Победа НСДАП на выборах не только неожиданно опровергает утверждения оппозиции, об упадке национал-социалистического движения, но это также доказательство того, что движение больше не стоит на месте, и что наблюдается резкое восхождение».

Существенными для бесед о создании парламентского большинства были переговоры Шлейхера с партией Центра, которые вел прелат Каас. Я цитирую из последнего абзаца на странице 28:

> «Рейхсканцлер фон Шлейхер принимает доктора Кааса, председателя партии Центра на длительное совещание.
>
> Относительно предсказаний о реорганизации кабинета, в правительственных кругах вращается схема о том, что возможна комбинация Штрассер-Гугенберг-Штегервальд[201] несмотря на трудности с которыми данные планы, несомненно, столкнуться. Сказано, что тайный советник Гугенберг изложил условие о том, что

---

[198] Немецкая народная партия – праволиберальная немецкая политическая партия основанная в 1918. Распущена в 1933.

[199] Эдуард Дингелдей (1886 – 1942) – немецкий юрист и политик. С 1931 по 1933 председатель Немецкой народной партии.

[200] Грегор Штрассер (1892 – 1934) руководящий деятель НСДАП до прихода партии к власти. Депутат Рейхстага в 1924 – 1932 гг. Убит в ходе «Ночи длинных ножей» в 1934.

[201] Адам Штегервальд (1874 — 1945) — немецкий политик времён Веймарской республики, бывший министр труда и транспорта, премьер-министр Свободного государства Пруссии, обер-президент провинции Бранденбург. Один из основателей партии Христианско-социальный союз.

> следует гарантировать спокойную работу кабинета, по крайней мере 1 год».

На следующей странице 29, я бы хотел сослаться на последние 10 строк или почти так из заявления государственного секретаря Планка[202] совету старейшин Рейхстага.

> «В беседах относящихся к этому, национал-социалисты должны повести за собой и попытаться сформировать все группы от национал-социалистов до Центра, в такой фронт большинства который не смог материализоваться в конце 1932. Ведение этих переговоров, к которым кабинет Шлейхера не имеет никакого отношения, остается за Гитлером. Если 31 января Рейхстаг должен был быть созван или же если подобный конфликт возникнет в результате других событий, часто обсуждаемое объявление чрезвычайного положения следует очень сильно ожидать. Тогда правительство распустит Рейхстаг и назначит дату новых выборов на начало осени».

На следующей странице, странице 30, я, наконец, хотел бы сослаться на первый заголовок…

Председатель: Доктор Кубушок, трибунал не думает, что необходимо зачитывать все эти подробности. Очевидно из заголовков записей, что это были политические переговоры, которые привели к получению власти национал-социалистической партией. Это не всё, что вы хотите этим сказать?

Кубушок: Я хочу доказать, что формирование правительства 30 января являлось императивным решением, вытекавшим из ежедневных политико- парламентских инцидентов. Таким образом, относится к делу отметить, что тогда происходило, какие попытки не увенчались успехом, какие иные возможности существовали и что…

Председатель: Что я имею в виду: это видно, не так ли, из заголовков этих записей. На самом деле вы можете прочитать заголовки не зачитывая подробности. Например, на странице 30, запись от 21 января и эти другие записи, приводят суть вопроса.

Кубушок: Господин председатель, очень хорошо. Можно мне тогда позволить зачитать страницу 31, часть текста описывающую исторические события свержения канцлера Шлейхера, 28-го? О решающей беседе между рейхсканцлером и рейхспрезидентом следующее объявили официально:

> «Рейхсканцлер фон Шлейхер сегодня представил рейхспрезиденту доклад о ситуации, и заявил о том, что нынешний рейхскабинет, в связи с его характером правительства меньшинства, будет в состоянии

[202] Эрвин Планк (1893 – 1945) – немецкий политик. Борец с нацистским режимом. Казнен нацистами за участие в заговоре 20 июля 1944.

> представить свою программу и взгляды в Рейхстаге только если рейхспрезидент издаст указ о роспуске. Рейхспрезидент фон Гинденбург заявил о том, что в виду преобладающей ситуации он не может принять такое предложение. Соответственно рейхсканцлер фон Шлейхер представил коллективную отставку рейхскабинета, которую принял рейхспрезидент; кабинету было поручено временно исполнять обязанности».

В качестве доказательства того, что возможность формирования Гитлером парламентского правительства не существовала, я хочу сослаться на короткую выдержку на странице 32:

> «Национал-социалистические источники вновь категорически заявляют, что для национал-социалистов можно рассматривать только правительство Гитлера. Любые иные попытки решения следует предотвращать с наивысшей решительностью. Конечно, это относится к кабинету Папена, но о кабинете Шахта тоже не может быть речи».

Теперь я бы хотел сослаться на следующий документ, документ 8. В данном документе подробно обсуждались все возможности по формированию правительства.

Свидетель, как рейхсканцлер фон Шлейхер отреагировал на эту политическую ситуацию?

Папен: После неудачи своих усилий по расколу партии и получения большинства в Рейхстаге, рейхсканцлер фон Шлейхер попросил рейхспрезидента дать ему диктаторские полномочия, что означало нарушение конституции. Таким образом, он хотел тоже самое, что я предлагал рейхспрезиденту 1 декабря 1932 как единственный выход из ситуации, который принял рейхспрезидент, но который тогда сорвал генерал фон Шлейхер.

Кубушок: 22 января в доме фон Риббентропа состоялась дискуссия на которой, присутствовали кроме вас, Геринг, Мейснер[203] и Оскар фон Гинденбург[204]. Эта дискуссия была организована по вашей инициативе или кто её предложил?

Папен: Инициатива для данной дискуссии 22-го шла от Гитлера, и он также предложил, чтобы господин фон Риббентроп предоставил свой дом в наше распоряжение. Рейхспрезидент желал знать, что думал Гитлер о разрешении политического кризиса и в чём заключались его предложения. Таким образом, беседа 22-го исключительно концентрировалась на требованиях национал-социалистов, в то время как формирование правительства которое состоялось 30-го

---

[203] Отто Мейснер (1880 — 1953) — влиятельный государственный чиновник в Германии эпохи Веймарской республики и Третьего рейха. В Веймарской республике входил в ближайшее окружение рейхспрезидентов Фридриха Эберта и Пауля фон Гинденбурга (1919—1934), в Третьем рейхе руководил президентской канцелярией фюрера (1934—1945).

[204] Оскар фон Гинденбург (1883 — 1960) — немецкий государственный и военный деятель. Сын Пауля фон Гинденбурга и его супруги Гертруды. Генерал-лейтенант (01.04.1942). Окончил Академию Генерального штаба.

не обсуждали.

Кубушок: 28 января, в полдень, рейхспрезидент дал вам указание начать переговоры о формировании нового правительства. Какие возможности для формирования правительства рассматривались с учётом политической обстановки?

Папен: Идея формирования правительства парламентского большинства была забыта с 20 января, оно было невозможно. Гитлер не желал возглавлять или принимать участие в таком правительстве.

Во-вторых, дальнейшая поддержка президентского кабинета Шлейхера посредством объявления чрезвычайного положения и роспуска Рейхстага, что противоречило конституции, были отвергнуты рейхспрезидентом 23-го. Он отказал в этих предложениях, как нам известно, потому что фон Шлейхер говорил ему в декабре, что нарушение конституции будет означать гражданскую войну, а гражданская война будет означать хаос, «потому что я не в состоянии» - как он сказал - «поддерживать закон и порядок армией и полицией».

В-третьих, поскольку Гитлеру предложили участвовать в президентском кабинете, это оставалось единственной возможностью, и все силы и политические партии, которые поддерживали моё правительство в 1932 были доступными для этого.

Кубушок: Какими были указания, которые дал вам рейхспрезидент?

Папен: Указания данные мне фон Гинденбургом были следующими:

Предложение о формировании правительства под руководством Гитлера, при строжайшем ограничении национал-социалистического влияния в рамках конституции.

Я бы хотел добавить, что довольно необычно рейхспрезиденту просить какое-либо лицо сформировать правительство, которое не будет возглавлять это же лицо. В обычной ситуации Гинденбург, конечно, поручил бы самому Гитлеру формирование правительства, а он доверил мне эту задачу, потому что он желал насколько возможно минимизировать влияние Гитлера в правительстве.

Кубушок: И с кем вы вели переговоры?

Папен: Я вёл переговоры с лидерами правых групп, которые могли принять участие в формировании правительства, а именно, НСДАП, Немецкой национальной партией, «Стальным шлемом[205]», и Немецкой народной партией.

Кубушок: В каких чертах вы предложили рейхспрезиденту сформировать новый кабинет?

Папен: Я предложил единственную возможность, которая существовала, а именно, коалиционный кабинет, включающий эти группы.

Председатель: Доктор Кубушок, трибунал думает, что подсудимый слишком вдается в подробности об этом, потому что он привёл отчёт о том, почему президент

[205] «Стальной шлем, союз фронтовиков» — немецкая правоконсервативно-монархическая политическая и боевая организация в 1918—1933 гг.

направил за ним и почему он имел к этому отношение. И это единственный вопрос касающийся его. После объяснения, вовсе не нужно вдаваться в детали.

Кубушок: Господин председатель, предъявлено обвинение в том, что эти самые действия по формированию правительства являются преступлением, следовательно, он защищает себя, говоря о том, что пытался предусмотреть меры предосторожности против преобладающего влияния Гитлера в правительстве. Это относится…

Председатель: Да, но это я и сказал. Он дал объяснение. Ему не требуется добавлять всякого рода подробности в поддержку данного объяснения.

Я записал, несколько минут назад, что президент попросил его, потому что он желал минимизировать влияние Гитлера. Теперь он рассказывает разного рода подробности.

Кубушок: Господин председатель, он просто попытался изложить каким образом он хотел ограничить влияние Гитлера и это очень важное положение. Он расскажет нам, какие меры предосторожности предусматривались в правительстве; отбор личностей, всевозможные ограничения, которые были согласованы, чтобы исключить возможность чрезмерного усиления влияния Гитлера. Это очень важный пункт в ответ на обвинение.

Председатель: Подсудимый может сделать это как можно короче, и не проходить это слишком подробно. Это всё чего хочет трибунал.

Папен: Милорд, я буду очень краток.

Меры предосторожности, которые я ввёл по просьбе рейхспрезидента были следующими: 1) Очень малое количество министров национал-социалистов в новом кабинете; только 3 из 11 включая Гитлера. 2) Решающие экономические ведомства кабинета передавали в руки не-национал-социалистов. 3) Насколько возможно экспертов ставили на посты министров 4) Совместные доклады рейхсканцлера Гитлера и вице-канцлера фон Папена Гинденбургу для того, чтобы минимизировать личное влияние Гитлера на Гинденбурга. 5) Я пытался сформировать парламентский блок в качестве противовеса против политическому влиянию национал-социалистической партии.

Кубушок: В какой степени рейхспрезидент фон Гинденбург лично отбирал членов нового кабинета?

Папен: Рейхспрезидент сохранял право назначить министра иностранных дел и министра Рейхсвера. Первый из этих ключевых постов был отдан господину фон Нейрату, к которому президент имел особое доверие; и министр обороны был отдан генералу фон Бломбергу[206], который также пользовался особенным доверием рейхспрезидента. Национал-социалистическими членами кабинета являлись министр внутренних дел Фрик, чья деятельность в качестве министра внутренних

[206] Вернер фон Бломберг (1878 — 1946) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал, в 1933—1938 годах министр обороны Рейха(с 1935 — военного министерства) Германии.

дел государства Тюрингия была совершенно умеренной и министр без портфеля, а позднее прусский министр внутренних дел, Геринг.

Кубушок: В этой связи я бы хотел сослаться на документальную книгу 3, документы номера 87 и 93, а именно, письменные показания бывшего министра, Альфреда Гугенберга, и допрос барона фон Лерзнера[207].

Председатель: Какая страница в книге 3, вы сказали?

Кубушок: Заявление Гугенберга на страницах 194-195; Лерзнера на страницах 210-212.

Обвинение утверждает, что правительство сформированное 30 января приняло программу НСДАП как свою собственную. Свидетель, объясните теперь, что лежало в основе политики правительства?

Папен: Взгляд обвинения совершенно неправильный. Программа, которую 30 января мы решили принять, не являлась программой нацистской партии, а была коалиционной программой. И это прекрасно видно из обращения, которое приняло правительство к немецкому народу 1 февраля. И, чтобы дать этому историческое подтверждение, могу я процитировать две фразы из этого обращения. Оно гласит:

> «Национальное правительство будет считать своей первоочередной задачей восстановление духовного и политического единства нашего народа. Оно считает христианство основой своего общего мировоззрения и будет твердо защищать семью как определяющую единицу народа и государства.
>
> Огромная проблема реорганизации нашей экономики будет решена двумя масштабными четырёхлетними планами».
>
> Я бы хотел добавить ещё одну фразу:
>
> «Это правительство полностью осознаёт масштаб своей обязанности поддерживать и утверждать мир, в котором мир нуждается больше чем когда-либо».

Дополнительно, эта коалиционная программа, которую обвинение описывает как нацистскую программу, содержала следующие пункты: продолжение существования земель и федеральный характер Рейха; защита правосудия и правовой системы, бессрочное пребывание в должности судей; конституционная реформа; охрана прав христианских церквей, и прежде всего, отмена классового конфликта в результате решения социальных проблем, восстановление подлинно национального сообщества.

Кубушок: Лично вы делали что-нибудь ещё, чтобы гарантировать использование ваших собственных политических идей?

Папен: Я делал всё в своей власти, вместе со своими политическими друзьями, чтобы включить собственные идеи в эту политическую программу. Тогда мне

---

[207] Курт фон Лерзнер (1886 – 1954) – немецкий дипломат и политик. В 1939-1944 сотрудник посольства Германии в Турции.

казалось важным создать противовес национал-социализму, и поэтому я попросил лидеров правых партий отказаться от старых партийных программ и объединиться в крупную, общеполитическую организацию с целью борьбы за принципы, которые мы провозгласили. Однако, лидеры партий не поступили согласно этому предложению. Партийные разногласия были слишком заметными и не было никаких изменений. Единственное чего я добился, заключалось в создании избирательного блока из всех трёх партий, и от имени этого избирательного блока я произнёс много речей, в которых я представлял данную программу, эту коалиционную программу, стране.

Кубушок: Я хочу сослаться на речь произнесённую свидетелем 11 февраля от имени избирательного блока, она находится в документе 12, страницы 54 и 55. Я цитирую почти с середины страницы 55, следующий короткий отрывок:

> «Таким образом, я считаю то, что нынешний рейхскабинет не состоит из одной единственной партии или движения, а из различных групп национального движения, из свободных политиков и экспертов, не недостатком, а преимуществом».

Какие особые вопросы вы акцентировали и подчёркивали в программе избирательного блока? Вы говорили об этих вопросах в разных речах. Чтобы сэкономить время, я бы хотел предъявить трибуналу лишь документ касающийся этого пункта, документ номер 10. Вы кратко объясните ваше отношение и прокомментируете различные вопросы; прежде всего, социальную проблему?

Папен: Социальная проблема, конечно, стояла во главе моей программы, потому что данный вопрос преобладал над всеми остальными. Наша задача заключалась в том, чтобы сделать из рабочих удовлетворенных граждан, которые сейчас были вовлечены в классовый конфликт и дать каждому возможность средств к существованию и дому. Я заявил в речи, которая содержалась в данном документе, что всегда будут различия в имуществе, но что небольшая группа не должна владеть всем, в то время как большая масса народа не имела ничего. И прежде всего, я снова и снова подчёркивал факт, что если мы сможем добиться успеха в решении социальной проблемы мы бы, таким образом, внесли выдающийся вклад в мир в Европе.

Кубушок: В чем заключалась ваша программа по внешнеполитическим вопросам?

Папен: Программа была очень простой. Она состояла просто из желания избавиться мирным способом, от дискриминаций против немецкого народа и против нашего суверенитета.

Кубушок: В чем заключалась ваша платформа по религиозным вопросам?

Папен: Из всех моих выступлений ясно, что я считал возрождение немецкого народа в христианском смысле предпосылкой решения социальных и всех остальных проблем, с которыми мы сталкивались. Я вернусь к этому позднее.

Кубушок: Я бы хотел приобщить в качестве доказательства документ, который я

уже упоминал, документ номер 10, и я прошу высокий трибунал принять о нём судебное уведомление. Поскольку ошибка повлияла на смысл перевода на странице 39, и поскольку вопрос роспуска профессиональных союзов сыграет важную роль позднее, я бы хотел зачитать короткий абзац на странице 39, почти в середине страницы:

> «Я признаю, что профессиональные союзы сделали много, чтобы наделить рабочий класс профессиональной честью и профессиональной гордостью. Многие профессиональные союзы, например союз служащих, добился в этом образцовых результатов. Однако концепция классового конфликта стоит на пути реальной реформаторской и конструктивной работы в данном направлении.
>
> Социалистические партии помешали усилиям профессиональных союзов преобразовать рабочих в класс. Если профессиональные союзы признают знак времени и сильнее будут оставаться вне политики, тогда они, особенно сейчас, станут сильной опорой национальной жизни».

Пожалуйста, прокомментируйте результаты выборов 5 марта 1933?

Я лишь хочу обратить внимание суда на них в связи с документом номер 98, в котором я изложил таблицу выборов по интересующим годам.

Папен: Эти выборы стали чрезвычайно важными для дальнейшего развития. Прежде всего, я бы хотел заявить, что данные выборы являлись подлинно свободными, так как их проводили старые функционеры республики, и то, что они были на самом деле свободными также видно из того, что голоса за коммунистов и социал-демократов вообще не упали. Лично я ожидал, что НСДАП будет успешной на выборах. В ноябре 1932 я лишил её 36 мест в Рейхстаге, и я ожидал, что она восстановит эти места. Я также надеялся на то, что мой собственный избирательный блок будет очень успешным. Я надеялся на то, что народ осознает необходимость создания противовеса. Однако этого не случилось.

Председатель: Разумеется нам достаточно цифр. Мы можем сформировать свои собственные выводы по цифрам. Мы можем посмотреть на цифры. Нам не требуется, чтобы все их объясняли и комментировали. Есть гораздо более важные вещи подлежащие нашему рассмотрению.

Кубушок: Свидетель, теперь опишите события, которые привели к указу о чрезвычайных полномочиях от 23 марта 1933.

Папен: Указ о чрезвычайных полномочиях возник из необходимости осуществления экономических мер, не утруждаясь заседаниями Рейхстага. С партией Центра шли переговоры об одногодичном парламентском перемирии, но эти переговоры не увенчались успехом. Отсюда стал необходимостью данный закон, имевший некоторые параллели в прошлом. Обвинение подчеркивает данный закон как явное доказательство существования заговора. Поэтому, могу я сказать,

что лично я пытался предусмотреть определенный контроль пожелав сохранить право вето рейхспрезидента. Однако протоколы кабинета от 15 марта показывают, что государственный секретарь Мейсснер не посчитал необходимым участие рейхспрезидента.

Кубушок: Я бы хотел сослаться на документ номер 25, который идентичен экземпляру USA-578, об отношении фон Папена в данной дискуссии в кабинете и к вышеназванной позиции государственного секретаря Мейсснера.

> «Мейсснер, государственный секретарь кабинета меньшинства, от кабинета рейхспрезидента, и помощник его превосходительства».

Я бы хотел также сослаться на документ 23, потому что из перечисления чрезвычайных распоряжений в этом документе ясно, что в состоянии чрезвычайного положения, которое тогда возникло, тогда было невозможно руководить средствами Рейхстага, и что указ о чрезвычайных полномочиях должен был стать заменой этим чрезвычайным распоряжениям, которые непрерывно принимались.

Я должен внести одну поправку: точка зрения государственного секретаря Мейсснера содержится в документе 91, экземпляр USA-578.

[*Обращаясь к подсудимому*] 21 марта 1933 был принят указ об амнистии. Обвинение описало этот указ как неслыханный закон. Что вы можете сказать об этом?

Папен: Обвинение называет данный закон «санкционированием политических убийств».

Я бы хотел сказать об этом следующее: данный закон был принят чрезвычайным указом рейхспрезидента, а не кабинетом и это был логический конец революционного периода, который длился 7 недель. У этого указа об амнистии существует много исторических параллелей, например закон, который был принят молодой германской республикой 21 июля 1922, который включает убийство в меры по амнистии.

Кубушок: Могу я теперь сослаться на документ 28, страница 99 документальной книги 1. Он содержит закон от 21 июля 1922, которым «завершается период волнения, возникший в 1920 и 1921 годах». Могу я также сослаться на страницу 100 данного документа номер 28, который содержит закон от 20 декабря 1932, который упоминался.

23 марта был принят закон, касавшийся специальных судов. Что вы можете сказать в связи с этим?

Папен: Эти специальные законы или законы о специальных судах, также не совсем новые. Лично я, как канцлер Рейха принял такой закон 9 августа 1932, и тогда я руководствовался директивой кабинета Брюнинга датированной 6 октября 1931. В революционных периодах наказуемые политические деяния следует передавать в соответствии с законом ускоренному суду.

Кубушок: Могу я теперь отметить документ 27, страница 89 документальной книги

1, особенно введение предыдущего абзаца 1, который показывает, что чрезвычайный указ был основан на чрезвычайной директиве Брюнинга от 1931 года.

1 апреля 1933 состоялся еврейский бойкот. Это была мера предпринятая правительством? Вы принимали в нём какое-либо участие?

Папен: Утверждение доктора Геббельса о том, что кабинет одобрил эту меру совершенно ложное. Напротив, по предложению кабинета Гитлера 10 и 12 марта были сделаны публичные объявления, которые представит мой защитник.

Обвинение ссылается на телеграмму, которую я отправил в Нью-Йорк 25-го как «невинную ложь большого размаха», однако я могу только сказать, что данное утверждение полностью необоснованно. Публичные заявления Гитлера давали нам, фактически должны были гарантировать нам, что подобные эксцессы снова не повторятся. В такой уверенности я отправил телеграмму. Было бы непостижимо, чтобы 25-го я отправил телеграмму в Нью-Йорк…

Председатель: Доктор Кубушок, я думал вашим вопросом было: подсудимый принимал участие в данных мерах? Я не знаю, каков его ответ. Он отвечает несколько минут, но я не знаю о чём его ответ.

Вопрос был: « Вы принимали участие? И я не знаю, что он ответил.

Папен: Я сказал, что утверждение Геббельса о том, что кабинет одобрил этот еврейский бойкот, было ложью.

Председатель: Почему не ответить прямо, вы приняли участие или нет?

Папен: Нет, мы не принимали участия.

Кубушок: Могу я сослаться на документ 33, страница 113, заявление Гитлера 10 марта, последние две строчки:

> «Раздраженные люди, поврежденные автомобили или нарушенная деловая жизнь должны абсолютно прекратиться».

На этой же странице, страница 113, заявление Гитлера 12 марта, последняя фраза в предпоследнем абзаце:

> «Любой, кто с настоящего момента предпринимает индивидуальные действия направленные на вызов беспорядков в нашей административной или деловой жизни, сознательно действует против национального правительства».

Председатель: Доктор Кубушок, я не планировал мешать подсудимому рассказать трибуналу, что он сделал в связи со своей телеграммой в «New York Times[208]», но я хотел, чтобы в первую очередь он ответил на ваш вопрос.

Итак, если он хочет, что-либо добавить о том, что он телеграфировал в «New York Times», пусть он это сделает.

Кубушок: Тогда, пожалуйста, вернитесь к этому положению в связи с «New York Times».

---

[208] «Нью-Йорк таймс» (переводится как «Нью-йоркское время») — американская ежедневная газета, публикуемая в Нью-Йорке с 18 сентября 1851 года.

Папен: Милорд, я могу только добавить, что было бы совершенно непостижимо, что 25 апреля я направил эту телеграмму в Нью-Йорк зная, что 3 или 4 дня спустя пройдет новый еврейский бойкот, это полная бессмыслица. Более того, я могу отметить, что в тот же самый день господин фон Нейрат направил похожую телеграмму кардиналу о`Коннелу[209].

Кубушок: Вы сейчас дадите отчет о вашем отношении к еврейской проблеме?

Папен: Моё отношение к еврейской проблеме можно коротко обрисовать; оно всегда, всю мою жизнь является отношением, ожидаемым католической церковью от своих членов. Я выразил свой взгляд на расовый вопрос, касательно национал-социалистической доктрины, совершенно публично в речи в Гляйвице в 1933 году, и мой защитник, приобщит речь в качестве доказательства.

Однако совершенно другой вопрос не связанный с моим основным отношением к еврейской проблеме, заключался в своего рода зарубежной монополии, подавляющем влиянии еврейского элемента в сферах которые формируют общественное мнение нации, таких как пресса, литература, театр, фильмы, и в особенности право. Мне, несомненно приходило на ум, что такая зарубежная монополия была нездоровой, и что её некоторым образом следовало уменьшить. Но как я сказал, это вообще не имело никакого отношения к расовому вопросу.

Кубушок: Сейчас я ссылаюсь на документ 16, страница 68, который содержит отрывок из речи, которую как сказал подсудимый, он произнёс в Гляйвице в 1934 году. Я цитирую:

> «Определенно нет никаких возражений расовым исследованиям и евгенике[210], которые стремятся сохранить характеристики нации как можно более чистыми, и в то же время побуждают к чувству расовой общности. Эта любовь к собственной расе никогда не переродится в ненависть к иным нациям и расам. Это является решающим. Евгеника никогда не должна вступать в конфликт с христианством, так как они не противоположны, а просто разные. Христианство впервые сделало из германских племён немецкую нацию, и на самом деле не требуется создавать новую нордическо-германскую религию для того, чтобы дать скрижали своей нации».

Могу я сослаться также на документ 29, страница 103, который рассматривает вторую тему, обсуждаемую подсудимым, это отрывок из дневника господина Додда[211] от 4 июля. Затем я ссылаюсь на документ 35, страница 115,

---

[209] Уильям Генри О'Коннелл (1859 — 1944) — американский кардинал. Епископ Портленда с 8 февраля 1901 по 21 февраля 1906. Титулярный архиепископ Константии и коадъютор с правом наследования Бостона с 21 февраля 1906 по 31 августа 1907. Архиепископ Бостона с 31 августа 1907 по 22 апреля 1944.

[210] Евгеника (от др.-греч. εὐγενής — «хорошего рода, благородный») — учение о селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств. Учение было призвано бороться с явлениями вырождения в человеческом генофонде.

[211] Уильям Додд (1869 — 1940) — американский историк и дипломат. Посол США в Германии в 1933-1937.

который содержит статью в «Volkischer Beobachter[212]» датированную 19 августа 1932. Заголовок статьи:

«Правительство Папена начертало защиту евреев на своём знамени».

Председатель: Это был август 1932? Где это?

Кубушок: Документ 35, страница 115. Я зачитаю только заголовок статьи в «Volkischer Beobachter» датированной 19 августа 1932.

«Правительство Папена начертало защиту евреев на своём знамени».

Статья касалась заявления господина Кареского[213] из Берлина, как представителя Еврейской народной партии[214]. Кареский был главой синагоги в Берлине. Он заявлял тогда – и я цитирую последний параграф данной статьи:

«К счастью, конституция германской республики всё также охраняет правовое положение евреев, и правительство Папена начертало защиту евреев на своём знамени».

Закон о гражданской службе от 7 апреля 1933 содержит некоторые исключение подлежащие применению к евреям. Изначально эти исключения планировались быть более обширными, вы имели какое-либо отношение к ним в той форме, в которой они были приняты?

Папен: Могу я добавить лишь одну вещь? Мне кажется, вы забыли представить трибуналу документ 33, относящийся к вопросу зарубежной монополии в германской правовой системе.

Кубушок: Я представлю документ после вашего ответа на вопрос поставленный мною.

Папен: Я одобрял закон о гражданской службе лишь постольку, поскольку он применялся к еврейским гражданским служащим назначенным после 1918. Так как после войны крупномасштабная иммиграция в Германию шла с востока, особенно из Польши, страны которая тогда была сильно антисемитской.

Я смог добиться от Гинденбурга, чтобы на солдат, которые принимали участие в войне ни при каких обстоятельствах не распространялся данный закон, так как я всегда разделял взгляд, что немец независимо от расы, который отдал свой долг стране, не мог быть ограничен в правах.

Кубушок: Сейчас я ссылаюсь на документ 33, страница 114. Это доклад министерства юстиции, который показывает, что когда был принят закон о гражданской службе, практиковало 3515 еврейских адвокатов. На основании смягчения, о котором только, что говорил свидетель, 735 отслуживших людей и 1383 остальных, которые сдали экзамен до 1914 были исключены из данного закона.

---

[212] «Народный обозреватель» (Volkischer Beobachter) - немецкая газета. С 1920 года печатный орган НСДАП. Газета издавалась сначала еженедельно, с 8 февраля 1923 года ежедневно в издательстве Franz-Eher-Verlag

[213] Георг (Гидаль) Кареский (1878 – 1947) – немецкий банкир, а также сионистский политик. После прихода нацистов к власти в Германии продолжал агитацию среди евреев о необходимости эмиграции в Палестину.

[214] Еврейская народная партия – политическая партия еврейства в Веймарской республика, состояла в основном из противников либерального иудаизма. Существовала в 1919-1933.

Таким образом осталось 2158 еврейских адвокатов, в то время как 923 должны были уволиться.

Каков ваш взгляд на закон о гражданской службе в целом?

Папен: Я думаю было совершенно нормально, что национал-социалисты, поскольку они были партнёрами по коалиционному правительству и контролировали более чем 50 процентов голосов немецкого народа, должны были принять участие в замещении постов гражданской службы.

Я могу отметить, что национал-социалисты, в пропаганде которую вели годами боролись всеми средствами против так называемой «Bonzentum[215], но нельзя, конечно было предсказать, что они позднее допустят такую же ошибку.

Председатель: Будет удобное время, чтобы прерваться?

[*Объявлен перерыв*]

Кубушок: Мы говорили про закон о гражданской службе, который в некоторой степени по смыслу соответствовал ходу мыслей НСДАП. Почему вы почувствовали необходимость настаивать на определенных уступках, которые тогда фактически были сделаны?

Папен: Тогда я был убеждён, что этим законом о гражданской службе мы создаем нечто вроде основы. Я не ожидал и не мог предположить, что партия в следующие годы постепенно введёт новые законы в данной области и соответственно полностью разрушит гражданскую службу.

Кубушок: Каким было ваше отношение к роспуску партий?

Папен: Исключение из партий являлось необходимым результатом указа о чрезвычайных полномочиях. За 4 года Гитлер требовал реформ, которые мы хотели провести. Документ 25 показывает, что я просил Гитлера создать новый основной закон государства, и в своей речи от 23 марта Гитлер пообещал это. В той речи он говорил о конституционной реформе которую должны проводить соответствующие конституционные органы. Эта реформа дала бы нам, по моему мнению, революционным путём, новую и крепкую демократическую и парламентскую форму правления. Более того, я должен сказать, что я не видел никакой опасности во временном использовании однопартийной системы. Существуют прекрасные примеры этого в других государствах, например в Турции и Португалии, где однопартийная система функционирует очень хорошо. Наконец, я бы хотел отметить, что в своей речи в Марбурге 17 июня 1934, я раскритиковал такое развитие и сказал, что можно относится к этому только как к переходному этапу, который прекратит преобразованная конституция.

Кубушок: Какая ваша точка зрения на закон о рейхсштатгальтерах[216] от апреля

---

[215] «Клановость» - лозунг нацистов против клановости в органах власти Германии.

[216] Рейхсштатгальтер — представитель правительства Германии на подведомственных ему территориях, в задачу

1933? Вы также выскажетесь об отношении к вопросу германской федерации?

Папен: Уважаемый трибунал, этот вопрос затронут обвинением с целью вменить мне двуличность, лживость или обман. Обвинение утверждало, что в 1932 мои взгляды на федеральный характер Германии отличались от тех, которые я высказывал в 1933. Но даже если бы я передумал по этому поводу, я не могу понять, почему вопрос федералистского или унитарного правительства должен быть преступлением в соответствии с уставом. Кроме того, я вообще не передумывал. Взгляд, высказанный в 1932 был таким: я осознавал преимущества федеральной системы Германии, и хотел её сохранить, но я всегда желал, даже в 1932, что должна существовать общая договоренность по крупным политическим вопросам Германии. То, что федерация управляется по единым принципам это конечно само собой разумеется. Это был единственный вопрос и также повод для моего вмешательства в Пруссии 20 июля.

Если знаешь историю Германии, можно узнать о том, что Бисмарк преодолел трудности объединив должности рейхсканцлера и министра-президента Пруссии. Поэтому, когда в 1933 мы назначали рейхсштатгальтеров в различные земли, мы просто намеревались выстроить общую политическую линию. Кроме того, права земель остались нетронутыми. Они имели свою собственную финансовую, правовую и образовательную системы, и свои собственные парламенты.

Кубушок: Относительно закона о рейхсштатгальтерах, могу я сослаться на документ 31, в частности страница 111 этого документа. Отрывок процитированный здесь из работ Пфундтнера-Нойберта[217] показывает, что полномочия земель были отменены лишь более поздним законом о рейхсштатгальтерах в 1935 году, когда подсудимый фон Папен больше не находился в должности.

Почему 7 апреля 1933 вы ушли в отставку с министра-президента Пруссии?

Папен: Моё письмо Гитлеру датированное 10 апреля 1934 представлено обвинением. Оно содержит причины моей отставки. В Пруссии – я уже говорил об этом - я уже провёл координацию политических целей 20 июля. Закон о рейхсштатгальтерах позволял рейхсканцлеру самому быть министром-президентом Пруссии или выдвинуть замену. И значит, моя задача в Пруссии была завершена. Помимо этого, я бы хотел упомянуть следующее: выборы 5 марта также дали национал-социалистам сильное большинство в прусском парламенте. Прусский парламент затем собрался и естественно пожелал, чтобы национал-социалист стал министром-президентом Пруссии. По всем этим причинам я подал в отставку.

Кубушок: Обвинение вменяет вам, что, как видный член католической церкви вы в

которого входило наблюдение за выполнением политических директив фюрера и рейхсканцлера.

[217] Ганс Пфундтнер (1881 — 1945) — государственный деятель нацистской Германии, государственный секретарь министерства внутренних дел Рейха. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

особенности могли консолидировать нацистский режим в церковной области. Поэтому мы должны обсудить ваше отношение к церкви. Вы дадите нам отчет о ситуации с германской церковью в то время?

Папен: Уважаемый трибунал, данное обвинение самое серьезное во всём обвинительном заключении – обвинение в том, что я, как католик, внёс вклад в этот заговор против мира. Поэтому можно позволить мне совершенно кратко обсудить моё отношение к церковному вопросу.

Католики Германии организовались в партию Центра. До 1918 партия Центра, как умеренная партия, всегда стремилась к созданию баланса между левым и правым политическими крыльями. После войны картина полностью изменилась.

Тогда мы находим партию Центра по большей части в коалиции с левыми. В Пруссии, данная коалиция сохранялась все годы с 1918 по 1932. Бесспорно, партия Центра заслуживает много доверия за поддержание жизни государства в годы после краха, но коалиция с социал-демократами делала сотрудничество партии Центра с правыми невозможным, в частности в отношении церковной политики. В политических вопросах и вопросах внутрипартийной политики партия Центра, таким образом, шла по линии компромисса, что являлось результатом уступок остальных в церковной области…

Председатель: Доктор Кубушок, к чему всё это относится?

Кубушок: Обвинение сказало:

> «Папен в качестве видного католика, способствовал консолидации нацистской позиции. Он был двуличным, и это характеристика в особенности очевидна в связи с этим и проливает свет на его личность».

Подсудимый сейчас объясняет в чём заключалось его отношение к церковным предметам с начала своей политической деятельности. Поскольку он был сначала членом партии Центра и затем покинул её, нужно обсудить раскол возникший между ним и лидерами партии. Позднее мы…

Председатель: Зачем нужно крайне подробно вдаваться в это? Конечно он хочет показать, что он не помогал нацистской партии. Он, несомненно католик, и он хочет показать, что он не содействовал нацистской партии. Он не хочет вдаваться во все подробности о католических влияниях и его участии в католических влияниях.

Кубушок: Господин председатель, могу я в общем сказать, что при рассмотрении дела Папена наше намерение заключается в том, чтобы доказать, что с самого начала подсудимый постоянно придерживался своих принципов. По этой причине существенным является то, чтобы условия преобладавшие в конкретное время были раскрыты. Сейчас мы не очень далеки от пункта, где мы сможем оставить внутриполитические условия, и остальные темы будут гораздо короче. Однако, я думаю, что ради полноты картины личности подсудимого, я должен вдаваться в некоторые подробности, но конечно мы приложим все усилия, чтобы опустить все

излишние и ненужные частности.

Председатель: Доктор Кубушок, нам прекрасно известно о том, что дело каждого из 21 подсудимого отличается друг от друга. Нам прекрасно известно об этом, но мы желаем, чтобы дела представляли без ненужных и обременяющих подробностей. Мы надеемся, что вы попытаетесь ограничить подсудимого действительно важными предметами. Вы продолжите?

Кубушок: Господин председатель, очень хорошо. Мы постараемся.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, продолжайте.

Папен: Вероятно, я могу снять данный вопрос, сказав, что моя оппозиция внутри партии, моя просьба использовать консервативные силы, дали мне репутацию плохого католика. Иностранный судья, ненемецкий судья не знает, что в те годы к католику, который не являлся членом партии Центра, а принадлежал к партиям правого фланга относились как к плохому и низшему католику, и с таким положением дел я всегда боролся.

Кубушок: В своём правительственном заявлении от 4 июня 1933 фон Папен сослался на тот факт, что результат предыдущей коалиционной политики в Пруссии был очевиден во всей общественной жизни Германии. Я ссылаюсь на документ 1, страница 2, и я цитирую последнюю часть первого длинного абзаца:

> «Распад от атеистическо-марксистских учений уже слишком глубоко проник во все культурные области общественной жизни, потому что христианские силы государства слишком легко шли на компромиссы. Чистота общественной жизни не может поддерживаться при помощи компромиссов ради равенства. Ясное решение следует принять о том, какие силы желают помочь восстановить новую Германию на основе неизменных принципов христианской идеологии».

Я также ссылаюсь на документ номер 37, на странице 119, речь в Мюнхене 1 марта 1933, когда свидетель обсуждал аспекты, которые он только, что упоминал.

Свидетель, как вы думали будет обеспечено положение церквей при новом правительстве, и что вы в связи с этим делали?

Папен: Прежде всего, я попросил Гитлера сделать ясное заявление по данному вопросу, и он сделал так в позитивной манере. В предисловии к моим речам, произнесённым тогда, есть замечание о том, что первая и самая важная задача пересмотреть нацистскую программу относительно религиозной проблемы, поскольку такой пересмотр предпосылка для объединенного фронта двух христианских конфессий в этой коалиции. Во-вторых, я пытался защитить церковную политику, предоставив ей после заключения конкордата[218], определенный внешнеполитический контекст.

Кубушок: В данной связи могу я сослаться на документ 37, страницы 119 и 120

[218] Конкордат 1933 года — договор (конкордат), заключённый 20 июля 1933 года между нацистской Германией и Святым Престолом и определявший статус Римско-католической церкви в Германии.

содержащие выдержки из нескольких речей произнесённых подсудимым и на том I, документ 38, дальше на странице 119, который является речью произнесённой в Дортмунде в феврале 1933. В ней подсудимый фон Папен сказал…

Председатель: У нас есть этот документ.

Кубушок: Документ 37, страница 119.

Председатель: Что же, да, у нас он есть. Всё, что я предложил это то, что было достаточно, чтобы мы обратились к документу. Тем не менее, вы уже прошли время, когда он ушёл в отставку с поста премьер-министра Пруссии в 1934, и теперь вы вернулись в 1933.

Кубушок: Он ушёл в отставку в Пруссии в 1933. Тогда могу я обратить внимание трибунала, на данную речь на странице 120.

Председатель: Он ушёл в отставку в 1933 или 1934?

Кубушок: 1933.

Я обращаю внимание суда на эту речь, и на странице 120, заявление правительства Рейха от 1 февраля 1933.

[*Обращаясь к подсудимому*] Какими являлись события, которые привели к конкордату?

Папен: Я повторяю, что хотел обезопасить христианскую основу Рейха любой ценой. По этой причине, я предложил Гитлеру в апреле 1933, чтобы права церкви были твёрдо изложены в конкордате, и чтобы за конкордатом последовало соглашение с евангелической церковью. Гитлер согласился, хотя в партии была сильная оппозиция, и таким образом был заключен конкордат. Обвинение заняло точку зрения, что данный конкордат являлся обманным манёвром. Вероятно, я могу в данной связи отметить факты, что господами с которыми я подписал данный конкордат были государственный секретарь Пачелли[219], нынешний папа который лично знал Германию 13 лет, и господин Каас, который годы был председателем партии Центра, и что если эти два человека пожелали заключить конкордат, тогда нельзя говорить, что это являлось обманным манёвром.

Кубушок: Я ссылаюсь на документ 39, страница 121. Я бы хотел теперь зачитать цитату из документа 40 на странице 122. После заключения конкордата, Гитлер опубликовал распоряжение, которое сформулировано следующим образом – почти середина страницы 122:

«Настоящим приказываю:

1. Все католические организации, которые признаются настоящим договором и которые были распущены без указаний правительства, немедленно возобновляют деятельность.

2. Все меры принуждения против членов духовенства и остальных

[219] Пий XII (до интронизации — Эудженио Пачелли (1876 — 1958) — Папа Римский с 2 марта 1939 года по 9 октября 1958 год.. 18 октября 1967 Папа Павел VI начал процесс беатификации Пия XII. Стал первым папой, избранным из государственных секретарей.

> руководителей данных католических организаций отменяются. Применение подобных мер запрещается в будущем и будет преследоваться в соответствии с действующим законодательством».

Я прочитал эту цитату, чтобы доказать, что лишь позднее Гитлер передумал, наверное под влиянием ближайшего окружения.

Я ссылаюсь на документ 41, страница 123, телеграмма фон Папена. В английском переводе данной телеграммы есть ошибка, которая значительно меняет смысл. Абзац второй телеграммы говорит: «Благодаря вашей великодушной и мудрой государственнической концепции…» Английский перевод гласит «спортивной» вместо «государственнической»

На следующей странице я обращаю внимание на телеграмму адресованную фон Папеном епископу Тревскому. Есть также письменные показания, относящиеся к вопросам, которые обсуждаются. Документ 43 страница 127, письменные показания барона фон Твикеля[220] и они вместо письменных показаний, которые должен был подписать покойный кардинал фон Гален[221]. Вопрос уже обсуждался с кардиналом фон Галеном, но прежде чем они были составлены в письменном виде, он скончался. Барон фон Твикель, который обсуждал с ним вопросы, теперь заявил о подробностях в своих письменных показаниях, документе 43 на странице 127.

Я также обращаю особое внимание на документ 52 на странице 139. Это письменные показания аббата бенедектинского монастыря в Грюссау, Шмитта, который многие годы был духовником подсудимого. В предпоследнем абзаце на странице 139, он обсуждает вопрос о конкордате и говорит:

> «Господин фон Папен был сильно взволнован недружественным отношением германского правительства, что стало заметно вскоре после заключения конкордата. Он постоянно и откровенно обсуждал со мной огромную взволнованность этим, и он продумывал пути и средства положить конец этим нарушениям. Я также могу свидетельствовать по собственному опыту, что он лично активно работал в интересах церкви, чтобы гарантировать дружественное соблюдение конкордата».

Свидетель, вы, помимо конкордата, стремились следить за тем, чтобы ваши взгляды на церковную политику принимали?

Папен: Да. 15 июня 1933 в Берлине я создал организацию, которую мы назвали «Крест и орёл» и немного позднее я основал Союз немцев-католиков. Католические силы должны были собраться в этих двух организациях, вне политических партий.

---

[220] Рудольф фон Твикель (1893 – 1974) –немецкий землевладелец. Председатель наблюдательного совета газеты «Германия» в 1933-1938.

[221] Клеменс Август фон Гален (1878 — 1946) — немецкий аристократ и кардинал, блаженный Римско-католической церкви. Епископ Мюнстера с 28 октября 1933 по 22 марта 1946. Кардинал-священник с 18 февраля 1946, с титулом церкви Сан-Бернардо-алле-Терме с 22 февраля 1946.

Союз католических немцев имел конкретную задачу собирать жалобы и докладывать о них мне, чтобы я мог попытаться помочь.

Кубушок: Обвинение вменяет, что распустив Союз немцев-католиков, вы лично нарушили конкордат. Что вы на это скажете?

Папен: Да, и кроме того обвинение уже описывает период, который был после конкордата как «характерное развитие церковной политики заговорщиков с участием Папена».

Предъявлено обвинение о моём саботаже конкордата, это огромное обвинение, которое связано с роспуском союза, который я только, что называл. Документы показывают, что данный союз уже был парализован во время путча Рёма[222] 30 июня 1934, и что последующий роспуск из-за меня был просто формальностью. Более того, данный союз вообще не имел никакой связи с конкордатом. Это был политический союз, который никогда не пользовался защитой конкордата.

Кубушок: Я ссылаюсь на документ 45, на странице 129. Это обмен телеграммами между Гитлером и Гинденбургом по вопросу примирения с евангелической церковью.

По теме Союза немцев-католиков я ссылаюсь на документ 74, страницы с 130-132. Данный документ содержит письменные показания –прошу прощения, я дал ошибочную цифру – я ссылаюсь на документ 47 на странице 130, который является письменными показаниями руководителя Союза немцев-католиков, графа Родериха Туна[223]. Он обсуждает роспуск на странице 131 и я цитирую второй абзац:

> «30 июня 1934 офис Союза немцев-католиков был занят сотрудниками Гестапо. Дела конфисковали и забрали. Я сам был арестован».

Тот факт, что в результате этих мер роспуск стал простой формальностью, упомянут в последнем абзаце страницы 131:

> «Даже после моего освобождения, которое состоялось спустя время, конфискованные дела не вернули. В виду отношения партийных властей, возобновление любой дальнейшей деятельности организации больше не рассматривалось. Кроме того, на практике любая дальнейшая деятельность Союза немцев-католиков была невозможна, так как единственное лицо, которое предпринимало постоянные необходимые вмешательства, господин фон Папен не был в теме, поскольку он переехал в Вену. Единственный вопрос, который остался для глав союза был об официальном объявлении прекращении деятельности союза, что уже произошло на практике. Но нужно

[222] «Ночь длинных ножей» (нем. Nacht der langen Messer; Путч Рёма — нем. Röhm-Putsch) — расправа Гитлера над штурмовиками СА, произошедшая 30 июня 1934 года. Кодовое название — операция «Колибри». Поводом для расправы послужила нелояльность штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом и подозрения в подготовке путча.

[223] Родерих фон Тун унд Хоэнштайн (1908 – 1983) – немецкий юрист и политический деятель. Председатель Союза немцев-католиков в 1933-1934.

учитывать, что в случае официального объявления о принудительном роспуске, большое число католиков, которые выделялись своей работой в организации оказались бы под преследованием. Для того, чтобы избежать этого о роспуске объявило само руководство союза».

Затем я цитирую последнюю фразу:

«Для того, чтобы сделать всё возможное, чтобы обезопасить интересов католиков, это объявление не упустило возможность снова заметить, что официальные власти, прежде всего лично Гитлер, торжественно поклялись защищать христиан и церковные интересы».

Председатель: Вы напомните мне дату, когда подсудимый фон Папен переехал в Вену?

Кубушок: 15 августа 1934 он уехал в Вену, он был назначен в конце июля 1934.

[*Обращаясь к подсудимому*)] Летом 1934 стало очевидно, что партия саботирует конкордат, и что гарантии Гитлера не соблюдаются. Как вы объясните поведение Гитлера в связи с этим?

Папен: Мне кажется, что в те дни лично Гитлер полностью был готов поддерживать мир с церковью, но радикальные элементы в партии, не желали этого, и что больше всего Борман и Геббельс постоянно настраивали Гитлера нарушать гарантии в церковном вопросе. Часто и непрерывно я протестовал Гитлеру, и в своей речи в Марбурге я публично заклеймил эти нарушения. Я заявил в Марбурге: «Как мы можем выполнять нашу историческую миссию в Европе, если мы сами вычёркиваем своё имя из списка христианских народов».

Кубушок: Я обращаю внимание на документ номер 85 на странице 186, и прошу принять о нём судебное уведомление. Это письменные показания доктора Гляйсебока, бывшего руководителя фронта немецких консервативных католиков.

Свидетель, 14 марта 1937 папа Пий XI[224] выразил свою гневную обеспокоенность в энциклике[225] и торжественно заявил протест интерпретациям и нарушениям конкордата. Обвинение сказало, что если бы вы были серьезны давая гарантии содержащиеся в конкордате, вы бы в тот момент должны были уйти в отставку с официальной должности. Что вы на это скажете?

Папен: Что я мог улучшить, уйдя в отставку? Помимо австрийского дела, я вообще больше не имел никакого политического влияния на Гитлера, и по моему собственному убеждению в то критическое время 1937, у меня была срочная необходимость оставаться в Австрии, что не позволило мне покинуть пост. Мы это позднее увидим из развития событий.

Кроме того, если обвинение полагает, что из-за полностью обоснованной

[224] Пий XI (до интронизации — Аброджио Дамиано Акилле Ратти 1857 — 1939) — Папа Римский с 6 февраля 1922 года по 10 февраля 1939 года. В годы его понтификата было учреждено государство Ватикан.

[225] Mit brennender Sorge (в переводе с немецкого — «С огромной обеспокоенностью») — энциклика папы Пия XI, опубликованная 10 марта 1937 года (датирована Страстным Воскресеньем 14 марта). В энциклике упоминаются нарушения соглашения с церковью, и она содержит критику расизма и других аспектов нацистской идеологии.

папской энциклики, я должен был оставить свой пост, тогда я должен спросить, а чтобы делала церковь? Церковь не отозвала папского нунция[226] из Берлина и епископ Бернинг[227] не вышел из государственного совета, в котором представлял католические интересы. Несомненно, все это было совершенно оправданно, потому что все мы тогда всё ещё надеялись на внутренние перемены.

Кубушок: Я обращаю внимание на документ 48, страница 133. Документ уже предъявлен как экземпляр USA-356, это на странице 133 моей документальной книги. Это речь папы Пия XII 2 июня 1945. Я цитирую:

> «Вместе с тем следует признать, что конкордат в следующие годы, принёс некоторые преимущества или по крайней мере предотвратил худшее зло. Фактически, несмотря на все нарушения, которым он подвергался, он дал католикам юридическую основу для своей защиты, крепость за которой они смогли защищать себя в своей оппозиции – до тех пор, пока это было возможно – всёвозрастающей кампании религиозного преследования».

Практический эффект конкордата показан в документе 49 на странице 134 моей документальной книги. Он уже представлен как экземпляр USA-685. Это письмо заместителя фюрера рейхсминистру образования касающееся роспуска теологических факультетов университетов. Я цитирую последний абзац данного письма:

> «В данном случае, как вы тоже отметили в письме, следует принимать во внимание указания конкордата и церковных договоров. В случае тех факультетов, которые не упоминаются в особом указании в конкордате и церковных договорах, как например Мюнхен и несколько других, роспуск можно осуществлять. Это одинаково верно к Австрии: Вена и Грац».

[*Обращаясь к подсудимому*] В течение следующих лет публичная дискуссия по вопросу церковной политики была почти полностью подавлена, поскольку католическая пресса, и в нарушение конкордата даже газеты католической церкви в большом количестве были запрещены. Что вы делали против этого?

Папен: Мне казалось необходимы сделать, что-нибудь, поскольку католической прессе полностью заткнули рот, чтобы продолжать общественную дискуссию о борьбе против тенденций враждебных церкви. Я очень часто говорил об этом вопросе с епископом Худалем[228], выдающимся церковным деятелем в Риме, чья

---

[226] Апостольский нунций (в прессе также папский нунций) — постоянный дипломатический представитель папы римского в государствах, с которыми Святой Престол поддерживает дипломатические отношения. Должности нунция и его местожительству присвоено название нунциатуры.

[227] Герман Бернинг (1877-1955) – немецкий католический священнослужитель.

[228] Алоиз Худал (1885 – 1963) – австрийский кардинал Римско-католической церкви. Приверженец нацизма. Один из организаторов путей бегства нацистов из послевоенной Европы.

книга написанная в 1936 будет представлена трибуналу моим защитником. Эта книга содержит мою жёсткую критику антирелигиозных тенденций и содержит также объективное признание позитивных социальных идей национал-социализма, это ещё более заметно, потому что из-за большого авторитета церкви в 1936, была предпринята ещё одна попытка создать синтез между христианскими идеями и здоровыми доктринами национал-социализма.

Кубушок: Каким образом вы считаете книгу важной в отношении предъявленных обвинений?

Папен: Я считаю её имеющей отношение по следующей причине: обвинение сильно упрощает свою задачу: в виду преступного конца национал-социализма, оно перекладывает весь позор на начальные годы развития и клеймит как преступников всех тех, кто по чистым мотивам, пытался придать движению конструктивный и созидательный характер. Но тут в книге 1936 года высокопоставленный церковный деятель поднимает свой голос в попытке по собственной инициативе добиться улучшения условий. Сегодня мы знаем, что все эти попытки провалились, и что мир погребен под руинами. Но разве правильно в связи с этим обвинять миллионы людей в преступлениях, потому что они пытались в те дни добиться чего-то хорошего?

Кубушок: Я ссылаюсь на выдержки из книги епископа Худала, содержащиеся в документе 36, страница 116, и прошу принять судебное уведомление об этом документе. Относительно темы, которую свидетель, только что упоминал, отношение высокопоставленного церковного деятеля по вопросу возможного синтеза идей, я ссылаюсь на документ номер 50, страница 135, в котором есть обращение кардинала Иннитцера[229] от имени и по просьбе австрийских епископов.

Свидетель, как вы сказали, епископ Худал стремился изменить путь Гитлера в тех чертах которые предлагал в книге. Какой была реакция Гитлера на книгу?

Папен: Поначалу Гитлера, я думаю, очень сильно впечатлила эта книга, но затем антихристианские силы среди его советников снова одержали верх и убедили его в том, что было бы опасной крайностью разрешать такую книгу в Германии. Книгу напечатали в Австрии, и поэтому требовалось разрешение для издания в Германии. Все, что я смог получить, разрешение напечатать 2000 копий, которые Гитлер хотел распространить среди ведущих членов партии для изучения проблемы.

Кубушок: Вы думаете, что внешняя политика Рейха следовала принципам, изложенным при формировании правительства?

Папен: Да. Пока я был членом кабинета он, безусловно, проводил согласованные принципы. Я могу назвать пакт о дружбе с Польшей[230], который заключили в то

---

[229] Теодор Иннитцер (1875 — 1955) — австрийский кардинал. Архиепископ Вены с 19 сентября 1932 по 9 октября 1955. Кардинал-священник с 13 марта 1933, с титулом церкви Сан-Кризогоно с 16 марта 1933.

[230] «Декларация о неприменении силы между Германией и Польшей» (называемая также Договор о ненападении между Германией и Польшей, Пакт Пилсудского — Гитлера) — совместная декларация, подписанная Германией и

время, который был важным шагом к миру. Гитлер заключил этот договор, хотя из-за проблемы коридора он был совсем непопулярным. Я также могу назвать Пакт четырёх держав[231] заключенный летом 1933, который подтверждал Локарнский договор[232] и пакт Келлога[233]. Я также назову визит господина Идена[234] в январе 1934, которому мы предложили демилитаризацию СА и СС. Таким образом, мы пытались устранить дискриминацию против Германии при помощи мирных средств. По моему мнению, великие державы совершили катастрофическую ошибку не выразив понимания и помощи Германии в течение этого этапа и для того, чтобы сдержать радикальные тенденции.

Кубушок: 14 октября 1933 Германия покинула конференцию по разоружению[235]. Это являлось отходом от предыдущей политики, которую вы сейчас обсуждали?

Папен: Уход с конференции по разоружению никоим образом не планировался как отход от наших политических принципов, но он случился, потому что равенство, которое нам четко гарантировали 11 декабря 1932 осталось ничем.

Председатель: Доктор Кубушок, скажите мне, подсудимый говорил о том, что принципы, принятые в 1933 содержались в каком-либо документе или нет?

Кубушок: Декларация правительства Рейха от 1 февраля 1933 содержит политические принципы нового кабинета. Эти принципы дополнились заявлением правительства Рейха, датированным 23 марта 1933, заявление которое рассматривает указ о чрезвычайных полномочиях.

Председатель: Вы можете дать мне ссылку на первый документ, который вы назвали?

Кубушок: Господин председатель я дам её вам после перерыва.

[*Обращаясь к подсудимому*] В чем заключались причины, и каким было отношение к выходу Германии из Лиги Наций[236]?

Польшей 26 января 1934 года. Принятие этого документа способствовало временной нормализации отношений между двумя государствами.

[231] Пакт четырёх» — международный договор, подписанный представителями Италии, Великобритании, Германии и Франции 15 июля 1933 года в Риме. Договор предполагал политическое сотрудничество между четырьмя державами в Лиге Наций с целью устранения угрозы войны в Европе.

[232] Локарнские договоры 1925 года — семь договоров, ставших итогом переговоров, проходивших в швейцарском Локарно с 5 по 16 октября 1925 года и подписанных 1 декабря в Лондоне. Они вступили в действие 10 сентября 1926 года, когда Германия стала членом Лиги Наций.

[233] Пакт Бриана — Келлога, Парижский пакт — договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики; получил название по именам инициаторов — министра иностранных дел Франции А. Бриана и госсекретаря США Ф. Келлога. Подписан 27 августа 1928 года представителями 15 государств (позже к ним присоединились почти все существовавшие в то время страны). Заключение договора означало первый шаг на пути создания системы коллективной безопасности в Европе.

[234] Энтони Иден (1897 — 1977) — британский государственный деятель, аристократ, член консервативной партии Великобритании, в 1935—1938 (кабинет Болдуина), в 1940—1945 (военное правительство Черчилля) и в 1951—1955 министр иностранных дел, в 1951—1955 заместитель премьер-министра, в 1955—1957 64-й премьер-министр Великобритании.

[235] Конференция по снижению и ограничению вооружений Лиги Наций проходившая с 1932 по 1934 в Женеве. В октябре 1933 Германия покинула конференцию.

[236] Лига Наций — международная организация, основанная в результате Версальско-Вашингтонской системы Версальского соглашения в 1919—1920 годах. В период с 28 сентября 1934 по 23 февраля 1935 в Лигу Наций входило 58 государств-участников. Цели Лиги Наций включали в себя: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путём дипломатических

Папен: Выход из Лиги Наций был спорным вопросом. Лично я выступал за то, чтобы остаться в Лиге Наций, и я помню, что за день до того как Гитлер решился на этот шаг, я лично поехал в Мюнхен для того, чтобы убедить его остаться членом Лиги Наций. Я считал, что мы получим больше оставаясь в Лиге Наций, где у нас было много хороших связей ещё со времени Штреземана. Несмотря на это, если мы выходили из Лиги, вероятно, это было тактическим вопросом постольку, поскольку мы могли надеяться на то, что прямые переговоры с великими державами дадут больше. Кроме того, дискуссия господина фон Нейрата с послом Буллитом[237], которая документ L-150, показывает – господин фон Нейрат говорит в этом документе о том, что Германия предложила реорганизованную Лигу Наций, к которой она бы заново присоединилась.

Кубушок: Я ссылаюсь на опросный лист Лерзнера, документ 93. В вопросе номер 5, свидетель говорит о поездке фон Папена в Мюнхен, это страница 213, документ 93.

Господин председатель, теперь я перехожу к довольно длинному вопросу, поэтому могу я спросить, было бы удобно прерваться?

Председатель: Мы сейчас прервёмся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Кубушок: До перерыва меня спросили о документах про декларации правительства от 1 марта 1933 и 23 марта 1933. Выдержки из декларации правительства от 1 марта 1933 содержатся в документе Папен-12, страница 53. Это всего лишь короткая выдержка. Я представлю полную декларацию позднее.

Декларация от 23 марта 1933 в документе Папен-12, страницы 56-58, также представлена в форме выдержки. Эта декларация уже представлена полностью под номером USA-568.

[*Обращаясь к подсудимому*] 2 ноября 1933, в речи в Эссене вы заявили о своём мнении в связи с грядущим плебисцитом по выходу из Лиги Наций, и вы одобрили политику правительства. Обвинение сделало из речи выводы неблагоприятные для вас.

В чем заключались причины произнести эту речь?

Папен: Наш выход из Лиги Наций был исключительно важным

переговоров, а также улучшение качества жизни на планете. Прекратила своё существование в 1946 году.

[237] Уильям Буллит младший (1891 — 1967) — государственный и политический деятель США, стал первым послом США в Советском Союзе после того, как США признали Советский Союз в 1933 году.

внешнеполитическим решением. Мы желали подчеркнуть миру, что данный выход не следует воспринимать как смену наших внешнеполитических методов. Поэтому Гинденбург и Гитлер в обращениях подчеркивали, что немецкий народ должен решить с помощью плебисцита вопрос о том выходить ли из Лиги Наций исключительно в интересах мира и равноправия.

Кубушок: Я бы хотел сослаться на документ Папен-60 страница 167, и документы Папен-61 и Папен-62 на страницах 147-152 документальной книги. Это заявления сделанные Гитлером, правительством Рейха и Гинденбургом. Смысл всех этих деклараций: только изменение метода, не изменяется наш подход к делам.

[*Обращаясь к подсудимому*] Тогда вы являлись рейхскомиссаром по возвращению Саара. Какой политике вы следовали в связи с вопросом Саара?

Папен: Что касалось вопроса Саара, я всегда работал на основе дружественного взаимопонимания с Францией и с видом на поиск решения проблемы Саара без обращения к плебисциту. Наши причины не желать плебисцит никоим образом не были эгоистичными, так как плебисцит определенно в любое время был бы в пользу Германии. Моё предложение было скорее жертвой в интересах взаимопонимания, и одновременно я предлагал, чтобы Франция получила компенсацию в сумме 900 миллионов франков за возвращение саарских шахт. И я бы хотел повторить, что даже после нашего выхода из Лиги Наций, мой комиссар по саарским вопросам, барон фон Лерзнер всегда вёл переговоры о Сааре с органами Лиги Наций о принципе дружественного урегулирования в Сааре. Летом 1934 мой комиссар вёл переговоры с французским министром иностранных дел господином Барту[238] по данному вопросу.

Кубушок: Я бы хотел сослаться на документ Папен-59, страница 145. Этот документ содержит опубликованные комментарии свидетеля о саарской проблеме. Барон фон Лерзнер в своём опросном листе в ответе на вопрос 3 определил своё отношение по Саару.

[*Обращаясь к подсудимому*] Существовали какие-нибудь признаки того, что после выхода из Лиги Наций эта общая мирная политика просто была подходящей политикой, и что политика агрессии планировалась на отдаленное будущее?

Папен: Вовсе нет. Выход из Лиги Наций был для нас просто изменением метода. И тогда мы вели прямые переговоры с главными державами. Тот факт, что мы следовали политике мира был тем, что я подчёркивал во многих публичных заявлениях. И в данной связи и бы хотел сослаться на документ Папен-56, который будет предъявлен моим защитником.

Кубушок: Документ Папен-56, страница 44, содержит речь произнесённую свидетелем 21 января 1934 в Коттбусе. Я прошу трибунал вынести о документе судебное уведомление.

---

[238] Жан-Луи Барту (1862 — 1934) — французский политик и государственный деятель периода Третьей республики.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы знали о каких-либо мерах по перевооружению, которые могли заставить ожидать агрессивной политики в будущем?

Папен: Мне кажется, что слушания, проводимые в данном трибунале ясно показали, что фактическое перевооружение не начиналось довольно долго. Если Гитлер, фактически, предпринимал шаги по перевооружению в 1933 или 1934, тогда он обсуждал эти меры лично с министром обороны и министром авиации. В любом случае, меня никогда не касались такие меры. Кроме того, здесь уже установили, что долго обсуждаемый комитет обороны Рейха в 1933 и 1934 был чисто комитетом экспертов под руководством подполковника.

Кубушок: Недавно вы упоминали меры предосторожности принятые, когда формировалось правительство Гитлера, для того, чтобы минимизировать влияние партии. Как положение Гитлера и влияние НСДАП развивались в ходе 1933 года и в начале 1934?

Папен: Доверительные отношения постепенно возникали между Гитлером и Гинденбургом.

Это положило конец совместному докладу, который тогда был согласован. Влияние, оказанное Гитлером на министра Рейхсвера Бломберга являлось самым решающим фактором развития событий. Уже тогда, в 1933, Гитлер пытался оказывать решающее влияние на армию. Он хотел, чтобы генерал фон Хаммерштейн[239] был снят и заменен генералом фон Рейхенау, который тогда перешёл в друзья партии. Тогда я убедил рейхспрезидента не удовлетворять пожелание Гитлера в связи с этим, и посоветовал ему генерала фон Фрича[240]. Другой причиной такого развития было присоединение «Стального шлема», то есть, правой консервативной группы, в СА НСДАП. Затем были новые члены кабинета, которых выбирали из партии. Гугенберг, лидер консервативных правых, покинул кабинет и два важных министерства которые он занимал, министерства экономики и сельского хозяйства были заняты национал-социалистами. Решающим психологическим фактором, как я уже упоминал, был результат выборов 5 марта, так как правительства всех земель имели национал-социалистическое большинство, и эти местные правительства оказывали постоянное давление на Гитлера. Гитлер черпал свою поддержку из динамики партии, и таким образом всё сильнее превращался из партнёра по коалиции готового к компромиссу в автократа, который не знал никаких компромиссов.

Кубушок: Я бы хотел сослаться на письменные показания бывшего министра Гугенберга, документ номер Папен-88, страницы 196-198 в документальной книге. Далее я бы хотел сослаться на документ Папен-13, страницы 59-61 в

[239] Курт фон Хаммерштейн-Экворд (1878 — 1943) — немецкий генерал-полковник, который некоторое время занимал пост главнокомандующего Рейхсвера.

[240] Вернер фон Фрич (1880—1939), генерал-полковник вермахта, первый генерал немецкой армии, погибший во Второй мировой войне. В 1933 – 1938 главнокомандующий сухопутными войсками Германии.

документальной книге, письменные показания доктора Конрада Йостена[241].

На чём основывалось ваше положение вице-канцлера?

Папен: В качестве вице-канцлера планировалось, что я должен быть заместителем рейхсканцлера, но без собственного аппарата. Очень скоро стало видно, что положение заместителя было совершенно невозможным, так как Гитлер лично занимался всеми вопросами. Тот факт, что у меня не было аппарата ослаблял моё положение, ибо это положение теперь базировалось ни на чём кроме доверия Гинденбурга, доверии которое пропорционально уменьшалось с ростом важности Гитлера.

Кубушок: В чём заключалась конституционная основа положения Гитлера в кабинете?

Папен: Положение рейхсканцлера в кабинете конституционно определялось статьей 56 конституции Рейха. Данная статья гласит: «Рейхсканцлер устанавливает руководящие линии политики и несет за это ответственность перед Рейхстагом. Если политика ведомственного министра не соответствует принципам изложенным рейхсканцлером, никакое решение не может быть принято кабинетом по правилу большинства, а рейхсканцлер в одиночку будет решать вопрос. И согласно статье 58 конституции: «Кабинет не может отменить решение рейхсканцлера в случае возражения его политике».

Кубушок: В связи с данным вопросом, который до сих пор неправильно подан во взятых доказательствах, я бы хотел сослаться на ведущий комментарий Веймарской конституции Герхарда Аншуца[242], документ Папен-22, страницы 80 и 81 документальной книги.

Я бы хотел сослаться на страницу 81, примечание 4 к статье 56. Это примечание чётко заявляет, что при возникновении разногласий по вопросу применения основных политических принципов, рейхсканцлер в одиночку будет решать, и что по таким основным проблемам не проводятся голосования и решение не принимается большинством.

[*Обращаясь к подсудимому*] Как вы думаете какие выводы следует сделать из такого положения дел?

Папен: В середине 1934 года внутреннее напряжение в Германии нарастало всё более серьезно. Ситуация была такой, что уступки на которые, мы как партнеры по коалиции пошли не привели ни к каким четким внутренним договорённостям, а рассматривались партией как только начало нового революционного движения. Это совершенно очевидно являлось отступлением от коалиционного пакта заключенного 30 января. Много возражений, которые я заявлял в кабинете были безуспешными. Затем, поскольку в кабинете не было никакой возможности вынудить рейхсканцлера

[241] Конрад Йостен (1912 – 1994) – немецкий историк науки. В 1934 сотрудник ведомства вице-канцлера Германии.
[242] Герхард Аншуц (1867-1948) – ведущий немецкий преподаватель конституционного права и автор комментария к Веймарской конституции.

изменить свою политику, как только, что было показано конституцией, единственными возможностями остались отставка или публичное выступление. Поэтому я решил, выступить сразу и публично, и я решил принципиально обратиться по данному вопросу к немецкому народу. Если, как утверждает обвинение, я оппортунист, я бы молчал и остался в должности или бы принял другую должность. Но теперь я решил представить своё дело обществу и взвалить на свои плечи все последствия которые могли последовать.

Кубушок: 17 июня 1934 вы произнесли речь в Марбурге. Что вы ожидали от данной речи?

Папен: В этой речи я начал дискуссию и представил Гитлеру для решения все пункты, которые являлись существенными для сохранения разумной политики в Германии. В данной речи я возражал требованию определенной группы или партии на революционную или национальную монополию. Я возражал принуждению и издевательству над остальными. Я возражал антихристианским стремлениям и тоталитарному посягательству в религиозной области. Я возражал подавлению всякой критики. Я возражал издевательству и духовной регламентации. Я возражал нарушению фундаментальных прав и неравенству перед законом, и также возражал византийским принципам, которым следовала партия. Мне было ясно, что если я смогу внедрить хотя бы один пункт в круг нацистской идеологии, мы сможем привести систему в порядок и восстановить, например, свободу мысли и слова.

Кубушок: Данная речь находится в документе Папен 11 страница 40. Обвинение уже подчеркивало её значение. Прежде всего, я могу сказать, что английский текст содержит опечатку. Дата не 7 июля, как видно в переводе, а 17 июня. Из-за основополагающего значения данной речи, критический характер которой уникален в немецкой истории с 1933, я собираюсь зачитать несколько отрывков из неё.

> Я начинаю на странице 41, почти середина страницы:
>
> «Нам известно, что слухи и пропаганду шёпотом нужно выводить из темноты, где они находят прибежище. Откровенная и мужская дискуссия лучше для немецкого народа чем, например, невыходящая пресса, описываемая министром пропаганды как «потерявшая лицо». Такой недостаток несомненно существует. Функция прессы заключается в том, чтобы сообщать правительству о том куда закрались недостатки, в которых кроется коррупция, где совершаются тяжкие ошибки, где неспособные люди находятся не на своём месте, где совершаются правонарушения против духа германской революции. Однако анонимная или секретная служба, может быть и хорошо организованная, никогда не заменит такую задачу прессы. Ибо редактор газеты ответственный перед законом и своей совестью, в то время как анонимные источники новостей не являются предметом контроля и подвержены угрозе византизма. Поэтому когда

надлежащие органы общественного мнения не проливают достаточно света на загадочную тьму, которая сейчас как кажется, накрыла германскую публику, лично государственный деятель должен вмешаться и назвать вещи своими именами».

Затем на странице 42, чуть ниже середины страницы:

«Вопрос исторической правды в том, чтобы к необходимости фундаментального изменения курса признавали и призывали даже те, кто избегал революционного пути при помощи массовой партии. Требование революционной или националистической монополии некой группы, следовательно выглядит преувеличенным, помимо того, что это тревожит общество».

И теперь страница 43, фраза приблизительно в середине страницы:

«Вся жизнь не может быть организована, иначе она становится механистической. Государство-организация; жизнь-рост».

И на странице 45 немного ниже центра страницы:

«Преобладание единственной партии, заменившее систему партии большинства, которая справедливо исчезла, кажется мне историческим переходным периодом оправданным лишь до тех пор пока того требует сохранение новых политических перемен, и до тех пор пока не начнется новый процесс личного отбора».

Что касается религиозного вопроса, свидетель высказывает свой взгляд на странице 46, рядом с серединой страницы:

«Но нельзя путать религиозное государство, которое основано на активной вере в бога с секулярным государством в котором земные ценности заменяют такую веру и украшаются религиозными почестями».

Затем следующие пять строчек:

«Разумеется, внешнее уважение религиозной веры лучше неуважительного отношения создаваемого дегенеративным рационализмом. Но нам нельзя забывать, что реальная религия - связь с богом, и не заменяется, тем что представляет как совесть наций особенно материалистическая концепция истории Карла Маркса[243]. Если широкий круг людей, с той же самой точкой зрения тоталитарного государства и полного поглощения нации, требует единообразной религиозной почвы, им нельзя забывать, что мы должны быть рады иметь такую почву в христианской вере».

Затем третья строка с конца этой страницы:

[243] Карл Маркс (1818 — 1883) — немецкий философ, социолог, экономист, писатель, поэт, политический журналист, общественный деятель. Друг и единомышленник Фридриха Энгельса, в соавторстве с которым написал «Манифест коммунистической партии» (1848 год). Автор классического научного труда по политической экономии «Капитал. Критика политической экономии» (1867 год).

«Я убеждён в том, что христианская доктрина чётко представляет религиозную форму всего западного мышления, и что с пробуждением религиозных сил немецкий народ тоже заново пробудил в себе христианский дух, крепкий дух, который почти забыт человечеством пережившем девятнадцатое столетие. Приближается решающая борьба о том будет ли новый Рейх германцев христианским или проиграет сектантству и полурелигиозному материализму».

Затем на странице 48, чуть ниже центра страницы:

«Но раз уж революция свершилась, правительство представляет народ в целом и никогда чемпиона отдельной группы».

Затем немного дальше, почти 10 строк снизу:

«Таким образом, недопустимо исключать интеллект под уловкой «интеллигентности» Отсутствие или примитивный интеллект не оправдывает для нас ведение войны против интеллигентности. И когда мы сегодня часто жалуемся на тех из нас, кто является 150-ти процентным нацистом, тогда мы имеем в виду такую интеллигенцию без почвы, людей которые хотят отрицать право на существование знаменитых в мире учёных, просто потому, что они не являются членами партии».

Затем, первая строчка на следующей странице – страница 49 – гласит:

«Как нет возражения тому, что интеллигенции не достает жизненной силы необходимой для народных лидеров. Подлинный дух настолько жизненный, что он сам жертвует за свои убеждения. Ошибочная жестокость вместо жизненности раскрывает поклонение силе, которая будет опасной для народа».

В следующем абзаце он говорит о равенстве перед законом. Я зачитаю несколько строк:

«Они возражают равенству перед законом, которое они критикуют как либеральную дегенерацию, в то время как в реальности это предпосылка для любого честного приговора. Эти люди подавляют эту опору государства, которая всегда – и не только в либеральные времена – называлась правосудием. Их атаки направлены против безопасности и свободы в частной сфере жизни, которую немцы выиграли в веках тяжелейшей борьбы».

В следующем абзаце он говорит о византизме, вторая фраза гласит:

«Великих людей создает не пропаганда, а скорее рост в результате их поступков и исторического признания. Даже византизм не может заставить нас поверить в то, что этих законов не существует».

Он рассматривает образование в следующем абзаце, и я бы хотел начать с второй фразы:

«У нас не должно быть никаких иллюзий относительно биологических и психологических границ образования. Принуждение тоже заканчивается на воле к самовыражению подлинной личности. Реакции на принуждение опасны. Как старый солдат я знаю, что самая жёсткая дисциплина должна быть сбалансирована некоторыми свободами. Даже хороший солдат, который с готовностью подчиняется безоговорочному авторитету, считал дни своей службы, потому что потребность в свободе вытекает из человеческой природы. Применение военной дисциплины для всей жизни народа должно оставаться в рамках границ совместимых с человеческой природой».

Затем на следующей странице – страница 50 – я бы хотел зачитать вторую фразу в последнем абзаце:

«Движение когда-нибудь должно затихнуть, когда-нибудь возникнет твёрдая социальная структура которая будет совместима с беспристрастным отправлением правосудия и бесспорными полномочиям правительства. Ничего нельзя добиться средствами вечного движения. Германия не должна дрейфовать в неизведанных водах к неизвестным берегам».

В качестве последней цитаты, я прочитаю первый абзац на следующей странице:

«Правительство хорошо информировано про всю корысть, отсутствие характера, жажду правды, нерыцарское поведение и высокомерие пытающиеся спрятаться под покров германской революции. Не стоит также обманываться в том, большой кредит доверия пожалованный ему немецким народом находится под угрозой. Если мы хотим тесной связи и тесного взаимодействия в народе, мы не должны недооценивать добрые чувства народа, мы должны вернуть его доверие, а не пытаться удерживать его на вечной привязи. Немецкий народ знает, что его положение серьезное, он чувствует экономические бедствия, он прекрасно осведомлён о недолговечности законов порождённых чрезвычайностью; он страдает от насилия и несправедливости; он улыбается неуклюжим попыткам обмануть себя ложным оптимизмом. Никакая организация и никакая пропаганда, даже хорошая, долгосрочно не способна удержать доверие. Поэтому я наблюдаю за волной пропаганды против так называемых глупых критиков с иного ракурса, нежели остальные. Доверия и готовности к сотрудничеству нельзя добиться провокацией, в особенности молодёжи, ни угрозами против беззащитных групп народа, но только обсуждением с народом при доверии с обеих сторон. Народ знает, каких великих жертв ожидают от него. Он вынесет это и последует за

фюрером с непоколебимой верностью, если ему позволят принимать участие в планировании и работе, если каждое слово критики не будут воспринимать как злую волю, и если отчаявшихся патриотов не будут клеймить врагами государства».

Свидетель, какими были последствия марбургской речи?

Папен: Эта речь была запрещена по настоянию министра пропаганды Геббельса. Только одна или две газеты смогли опубликовать содержание, но и этого было достаточно, чтобы привлечь внимание, как дома, так и за рубежом. Когда я услышал о запрете министра пропаганды, я пошёл к рейхсканцлеру и вручил свою отставку. Я сказал ему: «Невозможна ситуация, когда вице-канцлеру вашего правительства запрещено открывать свой рот. Мне не остается ничего как уйти».

Однако Гитлер сказал: «Это упущение министра пропаганды, я поговорю с ним, и он отменит распоряжение».

Таким образом, он задержал меня на несколько дней. Сегодня мне известно, что уже тогда он солгал мне, потому что мой со-подсудимый Функ заявил о том, что Гитлер дал ему указание пойти к Гинденбургу и рассказать Гинденбургу о том, что вице-канцлер высказал чувства противоречащие политике кабинета и Гитлера, и должен быть отправлен в отставку. Если свидетель Гизевиус[244] показал здесь о том, что господин фон Папен молчал и, что он должен был хотя бы мобилизовать дипломатов, тогда я бы хотел указать на дневник господина Додда, очевидно показывающий, что мир – внешний мир – был хорошо информирован об этом моем последнем призыве.

Кубушок: Я бы хотел сослаться на последнее замечание сделанное свидетелем, которое находится в документе Папен-17, страницы 71 и 72, в дневнике посла Додда.

Я прошу прощение это на страницах 69 и 70 английского текста. Я цитирую из второго абзаца, первая строка:

«Повсюду в Германии большое возбуждение».

Он ранее упоминал марбургскую речь.

«Все взрослые и более образованные немцы сильно обрадовались».

Затем, под датой 21 июня, он сообщает, что речь была телеграфирована в «The New York Times», что газеты в Лондоне и Париже включили «Эпизод фон Папена», как он называет марбургскую речь. Я ссылаюсь в связи с этим на начало страницы 72, в английском тексте на странице 70.

Что касается правительственных мер против марбургской речи и её распространения. Я бы хотел сослаться на документ Папен-15, страница 66 письменных показаний Вестфалена, которые показывают, что даже владение копией речи было достаточным для применения дисциплинарной акции против чиновника.

---

[244] Ханс Бернд Гизевиус (1904 — 1974) — сотрудник немецкой полиции и абвера армии Германии, один из активных участников заговора против Адольфа Гитлера.

Свидетель, между тем произошли события 30 июня 1934. В какой степени эти инциденты повлияли на вас лично?

Папен: Утром 30 июня, я принял телефонный звонок от министра Геринга попросившего меня приехать к нему на беседу. Я поехал на встречу с Герингом, он сказал мне о том, что в Рейхе разразилась революция – революция СА – что Гитлер был в Мюнхене, чтобы положить там конец мятежу, и что он Геринг был ответственным за восстановление закона и порядка в Берлине. Господин Геринг попросил меня, в интересах собственной безопасности, как он сказал, вернуться в свой дом и оставаться там. Я решительно протестовал этому требованию, но Геринг настаивал. На пути обратно домой, я сначала поехал в свой кабинет в вице-канцелярии. По прибытию туда мой кабинет был занят СС, и мне позволили войти только в свою комнату и взять свои дела. Я поехал домой, где обнаружил большое количество СС. Телефон был отключен, радио отключено, я был полностью отрезан от внешнего мира на три дня.

Кубушок: Какие меры были предприняты против вашего штаба?

Папен: Я естественно не слышал о мерах, предпринятых против моего штаба до 3 июля, после обретения свободы. Я узнал, что мой советник по прессе, господин фон Бозе[245], был застрелен в своём кабинете. Далее я узнал, что двоих моих секретарей, господина фон Чиршки[246] и ещё одного господина забрали в концентрационный лагерь и несколько дней спустя, я узнал о смерти своего друга и коллеги – господина Эдгара Юнга[247].

Кубушок: Вы пытались проинформировать рейхспрезидента?

Папен: Мне, наконец, удалось на третий день своего ареста, связаться с Герингом по телефону. Я потребовал немедленного освобождения. Господин Геринг извинился и сказал о том, что лишь по ошибке меня долго держали под арестом. Затем я немедленно поехал в рейхсканцелярию. Там я встретил Гитлера, который должен был начать заседание кабинета. Я попросил его выйти в следующую комнату, чтобы я мог поговорить с ним, и я отказался выполнить его просьбу о том, чтобы я присутствовал на заседании кабинета. Я сказал ему: «То, что произошло с членом вашего правительства настолько невероятно и фантастично, что у меня есть только один ответ на это: я повторяю свою просьбу об отставке - немедленно».

Господин Гитлер пытался убедить меня остаться. Он сказал: «Я объясню вам в кабинете и позднее Рейхстагу как всё случилось, и почему случилось».

Я сказал ему: «Господин Гитлер, нет объяснения и извинения такому инциденту, я требую, чтобы судьба членов моего штаба была предметом

---

[245] Герберт фон Бозе (1893 — 1934) — германский чиновник, референт по политическим вопросам Франца фон Папена. Застрелен нацистами под предлогом подавления мятежа СА.

[246] Фриц Гюнтер фон Чиршки Бёгендорфф (1900 — 1980) — немецкий дипломат и политик. Представитель консервативного сопротивления национал-социализму.

[247] Эдгар Юнг (1894-1934) – немецкий адвокат. Консервативный противник нацизма. Застрелен нацистами под предлогом подавления мятежа СА.

немедленного расследования, и были выяснены факты». Я потребовал, чтобы он немедленно опубликовал мою отставку.

Когда он понял, что меня не переубедить остаться, господин Гитлер сказал мне о том, что он не сделает мою отставку публичной из-за сильного возбуждения среди немецкого народа. Он сказал, что он сделает мою отставку публичной через 3 или 4 недели.

Когда я покинул Гитлера, я лично попытался и через одного из своих секретарей связаться с Гинденбургом, но это не удалось. Мой секретарь выяснил – я должен добавить, что господин фон Гинденбург находился тогда в Нойдоке в Восточной Пруссии – мой секретарь, который поехал в Восточную Пруссию, выяснил, что невозможно достать Гинденбурга. Он был полностью отрезан. Мои телефонные звонки не доходили.

Я поехал к своему другу генералу фон Фричу начальнику вооруженных сил и сказал ему: «Почему вооруженные силы не вмешались? Вооруженные силы единственное средство поддержания порядка, которое ещё есть в стране. Когда генерал фон Шлейхер и его жена были убиты, также как некоторые другие, по моему мнению, было бы совершенно уместно, чтобы сам Вермахт попытался восстановить порядок в такой ситуации».

Господин фон Фрич сказал мне: «Я могу действовать, только, когда у меня на руках есть приказ фельдмаршала фон Гинденбурга».

Но Гинденбург был недоступен для нас. Он, очевидно, был проинформирован другой стороной о полной законности состоявшихся событий, и о соответствии закону которой Гитлер заявил в Рейхстаге. Я тоже не присутствовал на заседании Рейхстага, как показал свидетель Гизевиус и за время прошедшее между 30 июня и моим назначением в Австрию, я не принял участия ни в одном мероприятия проведенном правительством.

Я бы хотел добавить, что одновременно я попросил рейхсканцлера передать мне тело моего друга Бозе. Мы знали, что Гестапо сожгло тела остальных. Я добился…

Председатель: Мне кажется будет хорошее время, чтобы прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Пристав: С позволения трибунала, сообщаю, что подсудимый Гесс отсутствует на заседании.

Кубушок: Пожалуйста, продолжайте. Вы почти ответили на последний вопрос.

Папен: Я лишь собирался закончить вопрос сказав, что я добился подобающих похорон останков моего друга Бозе, и что по этому поводу, у его могилы, я произнёс речь подчеркивающую, что однажды несправедливость этого дня будет отомщена.

Кубушок: В связи с этим я обращаю ваше внимание на документ номер Папен-14,

страницы 62 и 63, письменные показания Марии Розе, которая годы была частным секретарём свидетеля. На странице 63 она ссылается на похоронную службу Бозе, которую мы сейчас обсудили.

Далее я ссылаюсь на документ номер Папен-19, страницы 77 и 78, письменные показания Шаффгоча[248], которые уделяют особое внимание безуспешным попыткам свидетеля достать Гинденбурга в Нойдоке. Это был документ номер 19, страницы 77 и 78.

Свидетель, вам тогда предложили пост в Ватикане – пост посла в Ватикане. Пожалуйста, вы расскажите нам о точных обстоятельствах?

Папен: Правда, что Гитлер попытался сохранить меня в своём штабе, и что неделю спустя после инцидентов описанных мною, он направил государственного секретаря Ламмерса, чтобы спросить меня готов ли я был принять пост посла в Ватикане. Конечно, я отказал в этой неразумной просьбе, которую я упоминаю здесь, только потому, что несколько недель спустя я принял венский пост по совершенно иной причине, и чтобы доказать, то, что я не был заинтересован в этом посту. Я очень грубо отказал в просьбе Гитлера.

Кубушок: Я обращаю вас к документу номер Папен-18, страницы 75 и 76 документальной книги, письменные показания Марты фон Папен[249], жены свидетеля, которая описывает визит Ламмерса.

Относительно предмета, который рассматривает свидетель, а именно, отсутствия на заседании Рейхстага 13 июля, я ссылаюсь на документ номер Папен-21, страница 79, выдержка из «Volkischer Beobachter» о заседании Рейхстага.

Имена министров присутствуют в списке. Имя свидетеля фон Папена там не видно.

[*Обращаясь к свидетелю*] Когда Гитлер обратился к вам по предмету отъезда в Вену в качестве чрезвычайного и полномочного посла?

Папен: Это было в день убийства Дольфуса, 25 июля 1934…

Председатель: Доктор Кубушок вы можете мне напомнить, какой-либо вопрос об этом задавали свидетелю Ламмерсу, об этом предложении?

Кубушок: Да, вопрос ставили свидетелю Ламмерсу. Свидетеля Ламмерса спрашивали об этом, когда его допрашивали.

Председатель: Что он сказал?

Кубушок: Он сказал, что Папен отказался.

Председатель: Продолжайте.

Папен: 25 июля, день убийства Дольфуса, Гитлер позвонил мне в середине ночи, и попросил меня сразу же поехать в Вену в качестве его посла. Я спросил: «Что привело вас к этой странной идее?» Он сообщил мне об убийстве Дольфуса, о котором я ещё не слышал и сказал: «Абсолютно необходимо, чтобы тот кто знает

[248] Фридрих фон Шаффгоч (1883 – 1947) – немецкий аристократ. Крупный землевладелец.
[249] Марта фон Папен (1880 — 1961) — супруга рейхсканцлера Франца фон Папена.

условия там принял там дела». Я ответил, что я не смогу дать своё решение по такому вопросу по телефону, и соответственно он попросил меня приехать в Байройт, чтобы сразу обсудить это.

Кубушок: Как прошли эти переговоры в Байройте? Вы заявили о своих условиях, чтобы принять назначение?

Папен: В дискуссии в Байройте, Гитлер изложил мне, что я был единственным доступным лицом, которое могло воссоздать благоприятную ситуацию в Австрии, потому что конечно Гитлер знал о моём отношении к данной проблеме по многочисленным протестам, которые я заявлял в кабинете против обращения с Австрией. Он также знал, что я был другом убитого доктора Дольфуса, и что я знал господина фон Шушнига. Я заявил о своих условиях и этими условиями были: немедленный отзыв партийного гауляйтера, господина Хабихта который находился в Австрии по приказу Гитлера. Гитлер считал, что если он так сделает, это будет означать признание вины.

Председатель: Гауляйтера где?

Папена: Хабихта?

Председатель: Я думал вы сказали, что это было его имя. Я хотел знать гауляйтером какого гау он являлся.

Папен: Вероятно «гауляйтер» неправильное слово. Он был направлен в Австрию в качестве посредника, чтобы оказывать влияние на австрийских национал-социалистов.

Кубушок: Свидетель, вероятно, вам следует указать на то, что его титулом был «ландесляйтер», что вероятно соответствует титулу «гауляйтер» в Германии.

Папен: Он был ландесляйтером, что являлось титулом дававшимся людям руководившим партийной организацией за рубежом. Гитлер в общем ответил, что если он отзовёт этого человека, это будет выглядеть как признание причастности партии в Германии или её организаций, и что касалось меня, единственно важным было то, чтобы эти связи были немедленно разорваны. Далее я потребовал письменной гарантии Гитлера о том, что германо-австрийская политика будущего – что в целом обозначало политику аншлюса – перейдёт на чисто эволюционный уровень, то есть, чтобы не должно быть обращения к мерам принуждения и агрессии. Гитлер немедленно приказал, чтобы этот человек Хабихт был отозван, и дал мне письменную гарантию по второму вопросу. И наконец, я сказал, что я был готов принять программу умиротворения в Австрии, но только при восстановлении нормальных и дружественных отношений. Это означало, что позднее в Австрии я имел дополнительный титул «посол по особым поручениям».

Кубушок: Свидетель, мы слышали о вашем политическом разрыве с Гитлером после речи в Марбурге, вашей отставке из кабинета и обращением с вами 30 июня. Теперь я хочу, чтобы вы привели нам свои причины принятия поста в Австрии, несмотря на вышеописанные события.

Папен: Моё решение поехать в Австрию является особым обвинением. Для того, чтобы понять моё решение вы должны быть знакомы с немецкой историей, и вы должны знать, что австрийская проблема являлась в целом центральной проблемой немецкой политики. Так как доктор Зейсс-Инкварт долго обсуждал эту проблему, я могу пройти её довольно кратко, и мне нужно добавить только то, что достижение немецкого единства, за которое мы боролись три века, считалось самой Германией самой значимой и важной целью нашей национальной политики. События 30 июня привели к краху коалиции, которую я сформировал 30 января. Исторически установлено, что я не смог добиться своих намерений и целей во внутренней политике. После убийства Дольфуса, существовала угроза, что Германия потерпит банкротство также в своей великой внешнеполитической цели желаемого единства. Всё это было у меня в уме, когда я взвешивал, очень серьезное решение о том должен ли я уступить этой просьбе Гитлера. Если он поставит партийного человека на этот пост, тогда очевидно, все надежды были бы утрачены. Если бы он назначил дипломата из министерства иностранных дел, можно было бы признать, что этот чиновник не имел бы никакого личного влияния на Гитлера. Поэтому если ситуацию нужно было спасать, нужен был кто-то, кто мог по крайней мере повлиять на Гитлера и более того кто-то, вроде меня, кто был самостоятельным и имевшим свою собственную политическую линию. Сегодня, как и тогда, я полностью осведомлен о том, что многие мои друзья не поняли предпринятый мною шаг, и что они интерпретировали его как отсутствие характера. Но я придерживаюсь взгляда, что это вопрос который человек должен решать со своей совестью, не учитывая понимание или его отсутствие, и моя совесть сказала мне, что я должен сделать всё, чтобы восстановить порядок хотя бы в этом единственном вопросе.

Кубушок: В целом в связи с темой Австрии, я обращаю ваше внимание на документальный материал, который был представлен в предыдущем деле. В дополнение к нему, я сошлюсь лишь на документ номер Папен-64, страница 157, документ номер Папен-65, страница 158 и документ номер Папен-81 страница 178. Этот последний документ уже представлен в связи с делом Зейсс-Инкварта. Он ссылается на взгляды государственного канцлера доктора Реннера[250] по вопросу аншлюса. Я бы хотел процитировать лишь последние четыре строчки на странице 179:

> «Как социал-демократ и поэтому чемпион права наций на самоопределение, как первый канцлер австро-немецкой республики[251] и бывший председатель её мирных делегаций в Сен-Жермене[252], я

[250] Карл Реннер (1870 — 1950) — австрийский политический деятель, социал-демократ и теоретик австромарксизма, первый федеральный канцлер Австрии после распада Австро-Венгерской империи и первый президент Австрии после Второй мировой войны.

[251] Германская Австрия – непризнанное государство, созданное на немецкоговорящей территории бывшей Австро-Венгрии, существовало с 21 октября 1918 по 21 октября 1919.

[252] Сен-Жерменский мирный договор — мирный договор, подписанный 10 сентября 1919 в Сен-Жерменском дворце по итогам Первой мировой войны между странами Антанты и новообразованной республикой Австрия (как одной из

проголосую утвердительно».

Я представил документ об этом конкретном пункте в поддержку показаний подсудимого, который рассматривал австро-немецкий вопрос с обеих точек зрения судьбоносной проблемой, и тот факт, что этот ведущий государственный деятель, доктор Реннер тоже попал в сложную ситуацию, высказавшись в пользу австро-германской дружбы лучше всего показано здесь.

Свидетель, 26 июля Гитлер написал вам письмо, подтверждающее ваше назначение чрезвычайным и полномочным послом в Вене. Это письмо упоминалось обвинением. Какое объяснение содержанию данного письма?

Папен: Содержание этого письма можно объяснить очень просто. Если я должен был воспользоваться шансом восстановить нормальные и дружественные отношения, если я должен был воспользоваться шансом создать себе подобающее положение в отношении австрийского правительства, тогда после событий 30 июля нужно было сделать публичное заявление о доверии. В этом письме Гитлер должен был заверить, что моя миссия заключалась только в примирении, и что он намерен дезавуировать свои террористические методы. Это сказано в письме. И я нахожу заявление обвинения, что это письмо являлось «шедевром обмана» совершенно невозможным для понимания.

Кубушок: Господин Мессерсмит, в своих письменных показаниях, PS-2385 утверждает, что вы проводили из Вены агрессивную политику к государствам юго-восточной Европы и цитирует как ваше личное дословное заявление, сделанное по случаю его ответного визита к вам, как следующее:

> «…вся Восточная Европа до границ Турции является внутренним пространством Германии и что его миссия заключалась в том, чтобы способствовать установлению германского экономического и политического контроля над всей этой областью. Первым шагом должно было стать установление контроля над Австрией».
>
> Вы делали какое-либо подобное заявление?

Папен: Я занял свой пост в Вене осенью 1934 и одним из первых коллег с которыми я встретился, был господин Мессерсмит. Я никогда не принимал никакой задачи продвигать политику, как её описал господин Мессерсмит в письменных показаниях, я никогда не делал такого заявления господину Мессершмиту.

Кубушок: В этой связи я ссылаюсь на опросный лист Хорти[253], документ номер Папен-76, страницы 172 и 173.

Председатель: Доктор Кубушок, прежде чем вы перейдёте к письменным показаниям Мессерсмита, вы говорили или подсудимый говорил о каком-то письме. Это письмо является документом, который есть у нас?

Кубушок: Да, обвинение уже представило это письмо. Это письмо, написанное по

правопреемников Австро-Венгрии.

[253] Миклош Хорти (1868 — 1957) — правитель (регент) Венгерского королевства в 1920—1944 годах, вице-адмирал.

поводу назначения подсудимого. Это номер PS-2799.

Максвелл-Файф: Милорд, если у вашей светлости есть британская документальная книга 11, это страница 37.

Председатель: Спасибо.

Кубушок: Свидетель сейчас рассмотрел заявление в письменных показаниях Мессерсмита, PS-2385. Тот же самый вопрос, а именно ответный визит к Папену господина Мессерсмита, рассматривается в дальнейших письменных показаниях Мессерсмита PS-1760.

Я бы хотел отметить , что формулировка заявления относительно влияния Германии на государства юго-восточной Европы значительно отличается в двух письменных показаниях Мессерсмита.

Как я уже отметил в моём предыдущем вопросе, господин Мессерсмит говорит в PS-2385, что Папен сказал, что он поставлен проводить задачу присоединения юго-восточной Европы к Рейху. В отличие от этого, заявление в PS-1760 сформулировано совершенно по-другому. Там господин Мессерсмит заявляет, что Папен сказал по этому случаю, что ему приказано следить за тем, чтобы к юго-восточной Европе, вплоть до турецкой границы, должны были относиться как к естественными окрестностям Германии, и чтобы в результате его работы стал проще немецкий экономический контроль над всем этим районом, таким образом, в одних письменных показаниях, упоминалось присоединение, а в других упрощение экономического контроля.

В связи с этими последними менее грубо сформулированными письменными показаниями PS-1760, я спрашиваю свидетеля о том делал ли он такое заявление, а именно о том, что вся юго-восточная Европа вплоть до турецкой границы была естественными окрестностями Германии, и что он был призван облегчить немецкий экономический контроль за всем районом в интересах Германии.

Вы делали такое заявление?

Папен: Подлинное замечание, сделанное мною господину Мессерсмиту вероятно…

Максвелл-Файф: [*Прерывая*] Милорд, не знаю, будет ли полезно для трибунала иметь две ссылки, два отрывка. Отрывок в PS-2385, ваша светлость найдёт в документальной книге 11а, то есть, второй документальной книге, на странице 24, внизу страницы. Ссылка в PS-1760 в документальной книге 11, страница 22, почти одна-треть вниз страницы, и затем продолжается следующая треть страницы.

Папен: Моё подлинное замечание господину Мессерсмиту вероятно не совсем далеко от последней цитаты моего защитника, как кажется покажет разница между двумя заявлениями господина Мессерсмита. Совершенно возможно, что мы обсуждали вопрос юго-восточной Европы, и я могу хорошо представить как отмечал ему, что экономические и политические вопросы юго-восточного района имели огромную важность не только для германской политики, но также для Австрии, ибо

распространение нашей торговли на Балканы являлось совершенно законной целью. Я держал Берлин в курсе всего, что я узнавал в Вене о политике стран юго-восточного района, потому что естественно это являлось одной из функций посла в Вене. Но за исключением этого я ничего не делал за всё время своей работы в Вене, что каким-либо образом совпадает с тем, что господин Мессерсмит утверждает здесь.

Помимо этого, могу я сказать, что было бы чрезвычайно глупо и вопреки самым элементарным правилам дипломатии, если бы я сделал такое разоблачение перед неизвестным послом во время своей первой конференции с ним. Это сделали бы сенсацией и точно довели бы до ушей австрийского правительства и всего мира на следующий день.

Кубушок: Об этом, я ссылаюсь на опросный лист принца Эрбаха[254], документ Папен-96, страница 238, вопросы 8 и 9, которые касаются предмета. Страница 232 английского текста.

Папен: Вероятно, милорд, я могу добавить, что обвинение владеет всеми моими докладами венского периода, и что эти доклады обязательно покажут, преследовал ли я такую цель.

Кубушок: Вы когда-либо, за своё время в Вене, вели переговоры с Венгрией и Польшей о разделе Чехословакии? Господин Мессерсмит делает такое заявление.

Папен: Нет, я никогда этого не делал. Политика Рейха в Чехословакии являлась исключительной ответственностью нашей легации в Праге.

Кубушок: Я ссылаюсь на опросный лист Хорти уже представленный как документ Папен-76. Я также сошлюсь на документ Папен-68, страница 162, доклад Папена Гитлеру, датированный 31 августа 1935.

[*Обращаясь к подсудимому*] Господин Мессерсмит утверждает в названных письменных показаниях, что вы заявили во время этой конференции, что вы находились в Австрии для цели подрыва и ослабления австрийского правительства. Вы делали такое заявление?

Папен: Могу я сделать общее заявление относительно этих письменных показаний. Если я могу выражаться дипломатическими терминами, я должен описать их как в высшей степени поразительные. В этих письменных показаниях, господин Мессерсмит ссылается на то, что по поводу моего первого визита он принял меня холодно. Это совершенно верно. Я был довольно хорошо осведомлён о том, что господин Мессерсмит являлся верным оппонентом нацистской системы. Поэтому ещё более поразительно читать, что во время второго визита я так сказать открыл своё сердце господину Мессерсмиту; отрывок цитировали здесь – о том, что я приехал в Австрию подрывать и ослаблять австрийское правительство – конечно, тоже неправда, потому что такое заявление естественно господин Мессерсмит сразу

[254] Виктор цу Эрбах-Шёнберг (1880 – 1967) – немецкий дипломат и член парламента. В 1931-1936 годах советник посольства Германии в Австрии.

же довёл бы до австрийского правительства, и это бы сделало невозможной всю мою работу и позицию по умиротворению с самого начала. Могу я сослаться в связи с этим на заявление сделанное австрийским министром иностранных дел Шмидтом, которому такая деятельность с моей стороны была совершенно неизвестна.

Кубушок: Я ссылаюсь в связи с этим также на показания Гляйсе-Хорстенау по делу Зейсс-Инкварта. Господин Мессерсмит далее утверждает, что вы говорили ему во время дискусии, помимо прочего, что вы торгуете своей репутацией хорошего католика помимо прочего, с определенными австрийцами такими как кардинал Иннитцер. Далее в своих письменных показаниях он даже утверждает, что вы без смущения и угрызений совести с этой целью использовали репутацию своей жены как истовой и набожной католички. Будьте любезны высказать свои взгляды на данное утверждение господина Мессерсмита.

Папен: Я думаю, что из всех обвинений, предъявленных против меня, это самое убийственное. Я могу понять, что политику которую преследует дипломат можно критиковать и неправильно интерпретировать, но я не могу понять, почему любого можно обвинять в ошибочном использовании своих религиозных убеждений для грязных политических, коммерческих целей, ещё меньше я могу понять – и нахожу в этом вершину плохого вкуса – что любой скажет, что я даже использовал религиозные убеждения моей жены в таких целей. Вероятно, я могу оставить это на суд высокого трибунала.

Кубушок: Господин Мессерсмит, в своих письменных показаниях также ссылается на документ, чей автор, однако не назван. Данный документ предположительно был показан ему министром иностранных дел Бергером-Вальденеггом[255] в январе 1935, и как сказано раскрывает суть вашего совещания с Гитлером, Шахтом и фон Нейратом по случаю вашего визита в Берлин. Предположительно на данном совещании договорились о том, что следующие два года нужно было избегать вмешательства во внутриполитические дела Австрии. Наконец, сказано о том, что доктор Шахт должен был ежемесячно давать 200000 марок на поддержку национал-социалистов в Австрии.

Что вы скажете о заявлении господина Мессерсмита?

Папен: Подробности, приводимые господином Мессерсмитом показывают, что это очевидно доклад агента, полученный австрийским министром иностранных дел о моей поездке в Берлин. Содержание доклада по большей части неправильное. Неточность отрывка о докторе Шахта уже была продемонстрирована в показаниях доктора Шахта. Но в этом докладе есть кое-что правдивое. Тогда существовал так называемый благотворительный фонд в Австрии, которым управлял некий господин Лангот.

Здесь, на этом месте уже давали показания о том, что данная

[255] Эгон Бергер-Вальденегг (1880 – 1960) – австрийский юрист и политик. Министр иностранных дел Австрии в 1934-1936.

благотворительная мера была направлена в пользу жён и детей австрийских национал-социалистов, которые эмигрировали в Германию, и существовала с ведома австрийского правительства и полиции. Но я ни просил господина Шахта предоставить официальные фонды для благотворительного фонда, ни сам платил такие деньги. Очевидно, эти деньги шли из партийных источников в Германии.

Кубушок: В связи с этим, я ссылаюсь на показания Гляйсе-Хорстенау, который заявил здесь о том, что австрийское правительство знало о благотворительном фонде Лангота.

Господину Мессерсмиту кажется, что по информации полученной от австрийского министра иностранных дел Бергера-Вальденегга, он смог воспроизвести следующее заявление сделанное вами в начале 1935: «Да, теперь у вас есть ваши английские и французские друзья, и вы сможете сохранить свою независимость немного дольше».

Вы делали такое заявление?

Папен: Такое заявление было бы не только глупым с дипломатической точки зрения, но на самом деле невозможным, потому что оно бы точно положило конец всей дипломатической деятельности. Ни в коем случае взаимодействие, о котором господин Мессерсмит говорит как успешно проводимом годами, или политическая деятельность, которую он описывает как тоже проводимую годами, нельзя совместить с подобным открытым признанием о том, что я хотел, чтобы австрийская независимость продлилась недолго.

Кубушок: Господин Мессерсмит продолжает говорить в этих письменных показаниях о том, что вы публично высказывали желание избавиться от некоторых членов австрийского правительства, среди них федерального канцлера Шушнига. Это правда?

Папен: Это противоречит правде. У меня никогда не было цели устранить канцлера Шушнига, скорее моя цель заключалась в том, чтобы внушить ему доверие к моей политике, к политике согласия. Я знаю фон Шушнига как ярого австрийского патриота, но также как человека который был далёк от желания отрицать свои германские узы, и несмотря на многие разногласия в политике, эти немецкие корни в нём создавали превосходную основу для сотрудничества. Я могу только спросить в дополнение, будет ли дипломат, который желает перемен в правительстве при котором он аккредитован, объявлять об этом с крыш домов.

Кубушок: Обвинение представило доклад, который вы составили для Гитлера, датированный 17 мая 1935, как доказательство вашего желания склонить Шушнига к включению в правительство национал-социалистов. Это экземпляр USA-64, вновь включенный в мою документальную книгу как документ Папен-66, на страницах 159-160.

Свидетель, в чем на самом деле заключались намерения?

Папен: Мне нужно быть немного пространнее о данном документе. Данный доклад

был написан 8 месяцев спустя после убийства Дольфуса то есть за первые два года в течение периода в котором обвинение само признаёт, что у меня были указания оставаться полностью пассивным. Когда писали доклад, мы имели новости о том, что Штаремберг[256], в сотрудничестве с Муссолини преследовал политику, которая бы поставила серьезные трудности на пути взаимопонимания между Австрией и Германией. По этой причине я предлагал Гитлеру резкое вмешательство: я предлагал, чтобы Шушниг и христианско-социалистические элементы, которые были враждебными диктатуре Хеймвера[257], сыграли против Штаремберга предложив окончательное соглашение по германо-австрийским интересам. Этот доклад говорит о том, что если Германия должна была признавать национальную независимость Австрии и должна была пытаться отстраниться от влияния национальной оппозиции в Австрии, под которой я имел в виду нацистов, совокупность таких факторов дала бы результат. Следствием этого было бы то, что Германия приняла участие в Дунайском соглашении[258], что равнозначно мирному разрешению общеевропейской ситуации

Кубушок: Вы сейчас объяснили, что вы преследовали честную политику баланса интересов?

Председатель: Доктор Кубушок, трибунал хочет более чётко понять, что имеет в виду подсудимый, тем, что он сейчас сказал.

Кубушок: Мне только, что сказали, что перевод прошёл очень плохо; английский перевод, говорится, прошёл очень плохо, сказали, что английский перевод прошёл очень плохо. Господин председатель вы предлагаете, чтобы подсудимый повторил весь ответ?

Председатель: Да, безусловно, так. Такой способ лучше всего. Я думаю, очень маловероятно, что английский перевод прошёл плохо.

Кубушок: Свидетель, пожалуйста, вы повторите ваш ответ достаточно медленно, чтобы у переводчиков не было сложностей?

Папен: Когда писали этот доклад, мы имели новости о том, что Штаремберг – Штаремберг был главой Хеймвера – хотел связать себя с Муссолини политикой, которая была бы враждебной любым германофильским тенденциям в Австрии. Для того, чтобы противодействовать манёвру принца Штаремберга, я рекомендовал Гитлеру предложить Шушнигу, чтобы вместо формирования коалиции с Хеймвером, он должен был сделать это с христианско-социалистическими элементами, которые не возражали согласию Германии и Австрией. Для того, чтобы склонить Шушнига к такой коалиции, Гитлер должен был предложить ему окончательное урегулирование немецких и австрийских интересов. Другими

[256] Рюдигер Штаремберг (1899-1956) – австрийский националист. Вице-канцлер Австрии в 1934-1936.

[257] Хеймвер (нем. Heimwehr — отряды самообороны) — «Союз защиты родины» — националистическое, военизированное объединение, действовавшее в Австрии с 1919 по 1938 год.

[258] Имеются в виду переговоры которые шли в середине 30-х годов об органе управления судоходством на Дунае – Европейской комиссии по Дунаю.

словами, Гитлер должен был сказать ему о том, что Германия будет признавать национальную независимость Австрии, и попытается в будущем не вмешиваться во внутренние дела Австрии.

И я продолжил говорить Гитлеру о том, что если бы мы пришли к такому умиротворению и создали хорошие и дружественные отношения с Австрией, мы даже сможем присоединиться к Дунайскому пакту. Это была комбинация французов, итальянцев и чехословаков, которые всегда выступали в пользу пакта дунайских держав включавшего Австрию. Мы в Германии, тогда возражали такой политике этих держав, потому что мы опасались того, что если Австрия вступит в Дунайский пакт, она отстраниться от Германии раз и навсегда. Если бы, наоборот, мы находились в хороших отношениях с Австрией и снова возникли дружественные отношения, мы могли, как я заметил Гитлеру, присоединится к Дунайскому пакту и с помощью этого получить нечто крайне конструктивное в связи с европейским миром.

Председатель: Вы не забыли надежды высказанные этим утром?

Кубушок: Вы сейчас сказали о том, что вы преследовали честную политику дружественного урегулирования интересов.

Это правда, что вы убедили Гитлера сделать заявление в пользу австрийской независимости в своей речи в Рейхстаге 21 мая 1936?

Папен: Да, это полная правда, потому что такое заявление являлось предпосылкой для любой нормализации и урегулирования интересов революционным путём, ибо нашу совместную политику можно было продвигать только Австрией. Мирным договором Сен-Жермена и Женевским протоколом Австрии приказывали держаться в стороне от Германии. Таким образом, если бы Австрия, должна была принять инициативу и улучшать свои отношения с Германией, было важно, чтобы в первую очередь мы должны были признать её суверенитет.

Кубушок: Могу я обратить ваше внимание на ошибку в переводе. В английском переводе, вместо слов, сказанных подсудимых, слов «революционным путём» было сказано «эволюционным путём».

Пожалуйста, вы прокомментируете пакт от 11 июля 1936?

Папен: Соглашение от 11 июля сэр Дэвид описал как обманный манёвр и попытку доставить новые неприятности австрийскому правительству, подорвать его в результате включения людей с прогерманскими симпатиями, таких как Гляйсе-Хорстенау или министр иностранных дел Шмидт. Это суждение, высказанное о пакте совершенно неправильное, и думаю исторически спорное, и я думаю, что это продемонстрировали здесь на слушаниях, показания австрийского министра иностранных дел.

Пакт явился результатом моих двухлетних усилий восстановить нормальные отношения между нациями сёстрами. Соглашения желали оба правительства, а не только германское правительство, и канцлер Шушниг сам

признавал это, что указано в моём докладе датированном 1 сентября 1936 о речи произнесённой Шушнигом перед австрийскими рабочими. Почему австрийское правительство должно было заключить этот пакт? Их не вынуждали заключать его, до тех пор, пока они сами не захотели прийти к нормальным, дружеским отношениям с Германским Рейхом.

По этой самой причине я попросил Гитлера провозгласить суверенитет Австрии в речи в Рейхстаге. Это соглашение, разумеется, не подразумевали как нашу готовность отказаться от идеи союза в более позднее время, чего мы хотели, но оно признавало полную самостоятельность Австрии. Но цели союза двух государств теперь должны были идти обычным и эволюционным образом.

Это соответствовало договоренности, которой я достиг с Гитлером 26 июля. Была вторая часть соглашения, которую не опубликовали. Эта вторая часть содержала все элементы необходимые для умиротворения: амнистию, регулирование отношений нашей прессы, и снятие так называемого «сбора в 1000 марок». Это был пограничный сбор введенный указом Гитлера в отношении людей, путешествующих в Австрию. Тогда любой немец желающий поехать в Австрию, должен был заплатить 1000 марок. Этот сбор был отменен. Господин Шушниг со своей стороны пообещал в этой неопубликованной части соглашения, что люди, имевшие его доверие, которые были членами национальной оппозиции должны были быть привлечены к сотрудничеству в Австрии. Нам казалось, что включение австрийской оппозиции в австрийские парламентские процедуры являлось существенным условием любого дальнейшего мирного решения. Другими словами, партия должна была постепенно утратить свой нелегальный статус и стать легальным фактором.

Господин Мессерсмит если можно добавить, неправильно заявил в своих письменных показаниях: «Часть вторая этого пакта содержала норму о том, чтобы ряд лиц, которые пользовались доверием канцлера следовало позвать на посты в кабинете». Это очевидно, ошибочный вывод господина Мессерсмита, потому что здесь речь не шла о людях которые имели доверие Гитлера, а о тех, кто имел доверие Шушнига. В этом заключалась договоренность с Шушнигом. Помимо этого, господин Мессерсмит говорит про соглашение, что:

> «…первое проникновение немецких граждан в австрийское правительство состоялось в результате выдвижения доктора Гвидо Шмидта в качестве государственного секретаря иностранных дел».

Это совершенно неправильно. Доктор Шмидт был австрийцем и проводил австрийскую политику, он представлял австрийские интересы, что естественно, и никогда Германия не оказывала на него никакого влияния, чтобы сделать его, доктора Шмидта министром иностранных дел.

В целом, мировое общественное мнение того времени отнеслось к данному соглашению как к инструменту мира и великому шагу вперед. Обвинению остается

называть его обманным манёвром.

Кубушок: Я ссылаюсь на письменные показания принца Эрбаха, документ номер Папен-96 из английской книги, страницы 233 и 234, вопросы 4-7 и вопросы 12-13 рассматривают тему, которую мы сейчас обсуждали.

Вы после заключения июльского соглашения, относились к своей миссии в Австрии как к завершенной?

Папен: Да я относился к ней как завершённой. Это подтверждается отставкой, которую я направил Гитлеру 16 июля 1936.

Кубушок: Я ссылаюсь на документ Папен-71, страница 165 второй документальной книги. Я цитирую начало:

> «26 июля 1934 вы предложили покойному фельдмаршалу, чтобы меня направили в Вену с временной миссией восстановить нормальные и дружественные отношения.
>
> Подписанием соглашения от 11 июля сделан решающий шаг в данном направлении».

В последней части документа, вы просите отзыв, я продолжаю цитировать второй абзац с конца:

> «При том, что «немецкий вопрос» потребует столь же заботливого и внимательного руководства в будущем – особенно после невероятных трудностей которые пройдены – теперь, с завершением порученной мне задачи я бы хотел вручить вам свою отставку».

Обвинение использовало доклад, сделанный вами Гитлеру 1 сентября 1936, PS-2246, и оно обвиняет вас в поддержке контакта с нелегальными лидерами австрийских национал-социалистов, пытаясь привести оппозицию в Отечественный фронт, и желая сменить режим Шушнига.

Папен: В названном докладе я писал:

> «В нормализации отношений с Германией, прогресс подрывается сохранением власти министра безопасности, где находятся старые чиновники антинационал-социалисты. Следовательно, требуется неотложная смена штата».

Выражение, которое я использовал в данном докладе «Смена режима», на самом деле означает «перемены в штате», в связи с этим я также говорю следующей фразой, что экономические переговоры последуют в ближайшем будущем. Это совершенно чётко показывает, что эти слова не относятся к устранению персоны Шушнига. Помимо этого, данный доклад говорит о тяжелой обстановке в районе Дуная и вносит предложения по мирному решению.

Если меня обвиняют в наличии контактов с нацистской оппозицией, хотя июльское соглашение исключало всё вмешательство в австрийские дела, я должен отметить, что я полностью был вправе на такие контакты, потому что я был заинтересован удостовериться в том, сдержал ли господин Шушниг своё обещание

взять людей из националистической оппозиции которым он доверял. То как нацистская оппозиция подчинилась этому соглашению от 11 июля показано в заявлении Леопольда от январе 1937, которое господин Мессерсмит приложил к своим письменным показаниям.

Кубушок: Я ссылаюсь на документ номер Папен-75, страница 171, который содержит эту записку от Леопольда. Документ совпадает с приложением, которое является экземпляром USA-57. Есть ошибка в английском переводе. В пятой строке с конца, на странице 1, слово «аншлюс» перевели как «аннексия».

Свидетель, что вы скажете о предложениях Леопольда?

Папен: Предложения Леопольда показывают следующее: лидеры австрийских нацистов полностью приняли политику июльского соглашения. Они признавали, что в будущем вопрос аншлюса будет внутренним австрийским делом, подлежавшим решению австрийским правительством. Они предлагали, чтобы это решение выражалось эволюционной манерой австрийского правительства и партии. В пользу данного решения тот факт, что в результате декларации о суверенитете Австрии эти аргументы в будущем уже не могли представлять собой внешнеполитическую угрозу для Австрии, то есть, что австрийские национал-социалисты поняли и одобрили его, и что они были готовы действовать законным образом вместе с австрийским правительством.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 18 июня 1946*]

День сто пятьдесят седьмой

Вторник, 18 июня 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый фон Папен вернулся на место свидетеля*]

Кубушок: Свидетель Гвидо Шмидт ссылался на инцидент с флагом в Пинкафельде, в мае 1937. Пожалуйста, вы опишите вашу деятельность по урегулированию данного инцидента.

Папен: Инцидент с флагом в Пинкафельде упоминался мною или скорее моим защитником, потому что это типичный пример, попыток Гитлера перейти к агрессивной политике в Австрии, ещё в дни до 1938.

1 мая 1937 в небольшой деревушке Пинкафельд австрийский чиновник спустил флаг Германского Рейха. В прессе было огромное возбуждение, я сразу попытался дружески урегулировать вопрос с австрийским министром иностранных дел. Потом я получил телеграмму о том, чтобы немедленно явиться в Берлин. Я прибыл в Берлин и явился к Гитлеру. Гитлер не принимал меня. Я ждал 3 дня. Спустя 3 дня, я написал и сказал ему: «Кажется, что вы пытаетесь воспользоваться инцидентом с флагом в Пинкафельде, чтобы начать агрессивную политику против Австрии. В таком случае мне не остается ничего иного, чем вручить вам свою отставку». Спустя четверть часа он вызвал меня в рейхсканцелярию. Он прочитал мне лекцию, которая длилась полчаса, в ярости и выйдя из выходя из себя из-за унижений которые больше не мог терпеть Германский Рейх. После того как его ярость прошла, я сказал ему о том, что наше соглашение от 26 июня предусматривало, что политику относительно Австрии следует проводить эволюционным путём. Соглашение от 11 июля подчёркивало это. «Если вы желаете идти другой политикой, тогда увольняйте меня» - сказал я.

В результате этого очень серьезного разговора он сказал: «Нет, нет. Возвращайтесь и урегулируйте всё, мы не хотим менять свою мирную политику». Я вернулся в Вену, и инцидент был удовлетворительно урегулирован с австрийским министром иностранных дел за 24 часа.

Кубушок: Вы беседовали с представителями других держав о политике, которую вы преследовали в Австрии?

Папен: Да, я непрерывно обсуждал эту политику с представителями других держав.

Например, летом 1937 я обсуждал её с британским послом сэром Невилом Гендерсоном[259].

Председатель: Письмо или его копия, о котором говорит свидетель было представлено? Он сказал о письме Гитлеру: «Я написал письмо».

Кубушок: Нет, у нас нет этого письма, как и его копии. Материалы свидетеля были уничтожены в Берлине в результате воздушных атак.

Председатель: Кто был министром иностранных дел, который подтвердил это?

Папен: Австрийский министр иностранных дел Шмидт, который был здесь в качестве свидетеля; свидетель Гвидо Шмидт.

Председатель: Продолжайте.

Папен: В связи с этим вопросом, могу я заметить, что, я конечно, очень часто говорил с представителями других держав про австрийскую политику. Например, в июне 1938 я обсуждал это с сэром Невилом Гендерсоном, британским послом в Берлине. В октябре 1937 я посетил Париж инкогнито, и там беседовал со многими ведущими политиками об этой проблеме, среди них президент Франции господин Даладье[260] и господин Леон Блюм[261]. Я заверял этих господ в том, что мы будем искать решение австрийской проблемы исключительно на эволюционной основе и что надежда – союз двух государств никогда не будет представлять угрозу интересам Франции, что наоборот мы искали такое решение только в европейских рамках, то есть, с согласия Франции.

Тогда у меня сложилось впечатление, что в Англии как и во Франции усилилось понимание в том, что нужно окончательное урегулирование.

Кубушок: Как доказательство того, что подсудимый на самом деле мог быть убеждён в том, что другие державы – ввиду эволюционного развития в Австрии – могут, в конце концов, быть готовы прийти к мирной договоренности, я предъявил документ номер 74, страница 169. Это доклад фон Папена Гитлеру о только что описанной беседе с сэром Невилом Гендерсоном 1 июня 1937.

Я обращаю ваше внимание на данный документ и я бы хотел отметить, что Гендерсон заявил о том, что он был хорошо расположен к дружественному решению австрийской проблемы и верил в то, что он тоже может оказать соответствующее влияние в Париже.

Далее я обращаю ваше внимание на документ номер 80, страница 177. Это заявление бельгийского министра иностранных дел Спаака[262] после аншлюса. Я обращаю ваше внимание на последнюю фразу: «Я давным давно верил в то, что аншлюс соответствовал фактической логике и будь он введен в действие обычным

---

[259] Невилл Гендерсон (1882 – 1942) – британский дипломат. Посол Великобритании в Германии в 1937-1939 гг.

[260] Эдуард Даладье (1884 — 1970) — французский политик, государственный деятель, премьер-министр Франции в 1933, 1934, 1938—1940 годах.

[261] Леон Блюм (1872—1950) — французский политик. Премьер-министр Франции в 1936-1938 гг.

[262] Поль-Анри Шарль Спаак (1899 — 1972) — бельгийский политический и государственный деятель; один из руководителей Бельгийской социалистической партии (с 1944); один из инициаторов послевоенной европейской интеграции, давшей начало Европейскому союзу.

образом, я бы не был удивлён».

Господин Мессерсмит утверждал, что нацистская пропаганда в Австрии оплачивалась из немецких фондов. Вы когда-либо давали или организовывали какие-либо фонды с такой целью?

Папен: Партия никогда не получила ни пенни, ни от меня лично ни через германское посольство. Однако, вполне возможно – и даже вероятно – что германские партийные фонды проникали в Австрию. Меня никогда об этом не информировали, так как хорошо был известен факт, что я так или иначе не пользуюсь доверием партии в стране.

Однако, есть одно исключение, которое я особо хочу подчеркнуть, а именно пожертвования – и об этом мне было известно – из фондов в поддержку субсидии «Лангота».

Кубушок: Обвинение упрекнуло вас за ваше антисемитское отношение в связи с вашим докладом Гитлеру от 12 мая, в котором вы предлагали предоставить финансовую помощь Лиге свободы для поощрения её борьбы против еврейства. Что представляла собой Лига свободы?

Папен: Лига свободы была координационным центром, союзом бывших христианских профессиональных союзов и христианского рабочего союза, под руководством председателя профессиональных союзов. Дольфус принял руководство в 1934. Было бы совершенно смешно обвинять эту Лигу свободы в основном составленную из католических рабочих в антисемитском отношении в национал-социалистическом смысле.

Лига свободы боролась за чистку администрации Вены от неподходящих еврейских элементов. Проблема такого неподобающего чужеродного проникновения была абсолютно похожа на условия существовавшие в Германии, условия которые вчера детально упоминали. Этот факт, также доказывает доклад, представленный вчера обвинением. Я узнал о том, что чехи стремились установить тесные отношения с Лигой свободы, и что для этой цели они желали поддержать лигу крупными суммами денег.

Соответственно я предложил Гитлеру, что возможное влияние чехов на Лигу свободы нужно было устранить, поддержав её самим. Но мы конечно не могли сказать Лиге свободы: «Теперь мы будем субсидировать вас, для того, чтобы вы не ушли к чехам». Таким образом, я предложил Гитлеру, что он должен дать эти деньги учитывая продолжавшуюся борьбу лиги с еврейством, что являлось чистым камуфляжем. Если бы я хотел действительно дать эти деньги на борьбу с еврейством я бы не написал «учитывая», а «для поощрения этой борьбы».

Кубушок: Я ссылаюсь на документ номер 32, страница 112 документальной книги. Это выдержка из австрийского «Ежегодника» за 1933-1934, который является официальной публикацией. Я обращаю ваше внимание на начало второго абзаца, где объясняется то, что Лига свободы возникла из христианских рабочих союзов и

христианских профессиональных союзов.

Дальше я обращаю ваше внимание на пятую строчку снизу, и цитирую: «В начале 1934 покойный федеральный канцлер доктор Дольфус, принял верховное руководство Лигой свободы».

Я также обращаю ваше внимание на документ номер 72, страница 166. Это доклад фон Папена Гитлеру в котором он цитирует доклад из пражской секретной службы. В данной связи интересна ссылка на тот факт, что Лига свободы стремилась к взаимопониманию с социал-демократами.

Следующий документ, номер 70, уже представлен как GB-243. Я обращаю ваше внимание на первый абзац который отражает усилия чешских дипломатов. Документ номер 70, страница 164. Данный документ упоминался обвинением, часть из него приобщена как GB-243. Первый абзац важный тем, что он о деятельности чешской дипломатии, упоминавшейся недавно подсудимым. Более того, есть, в связи с Лигой свободы, доклад фон Папена, документ номер 73, страница 176, на который я желаю обратить ваше внимание.

Интересен ещё один доклад фон Папена, документ номер 69, страница 163. Это показывает усилия Лиги свободы закрепиться в политическом созвездии того времени.

Свидетель, летом 1937 Шушниг предпринимал усилия убедить национальную оппозицию сотрудничать. Что вам известно об этом и какими были следующие события?

Папен: Летом 1937 Шушниг прилагал усилия, чтобы сдержать своё обещание привлечь национальную оппозицию к сотрудничеству. Визит министра Гляйсе-Хорстенау к Гитлеру в июне 1938 состоялся с согласия Шушнига, позднее он создал так называемый «комитет семи» с доктором Юри и доктором Тафсом. Такой выбор членов состоялся без какого-либо участия с моей стороны. Но относительно «комитета семи» я бы хотел сделать заявление. Очевидно, попытки канцлера для примирения были так или иначе недостаточно далеко идущими для партии в Австрии, или они были слишком медленными. В ноябре 1937 австрийская полиция обнаружила в офисе этого «комитета семи» документы известные как «бумаги Тафса», которые заставили нас поверить в то, что обновленные, нелегальные и радикальные задачи уже преобладали. Австрийское правительство не информировало меня об этих бумагах, и никакого официального демарша не последовало. Но я узнал, что среди документации был план моего убийства. Предположительно, покушение на мою жизнь дало бы предлог для похода в Австрию.

Австрийский министр иностранных дел Шмидт, позавчера подтвердил данный факт трибуналу, и мне кажется, что это предложение, этот план против меня, лучше всего подтверждает насколько велика была гармония между моей политикой и австрийскими или немецкими национал-социалистами, что как

настаивает обвинение было само собой разумеющимся.

В то время я был очень доволен, что австрийский канцлер также включил доктора Зейсс-Инкварта, которого я знал лично, в эту работу по примирению. В этом месте я считаю единственно честным внести поправку. Австрийский министр иностранных дел сообщил о беседе, которая была у него со мной в Анкаре в октябре 1943. Тогда я сказал ему – и я также повторил своё заявление во время своего предварительного допроса – что доктор Зейсс-Инкварт оказался величайшим разочарованием в моей жизни. Я признал что, именно он был тем, кто призвал немецкие войска в Австрию, и кто был ответственным за нацификацию Австрии после аншлюса. В свете знаний полученных из различных документов, я должен поправить свой предыдущий вердикт.

Кубушок: В конце 1936 ваш видный сотрудник, советник посольства принц Эрбах был отозван из Вены. Его преемником был советник посольства фон Штейн. Поскольку он принял ваши обязанности после вашего отзыва 4 февраля 1938, было бы интересно узнать в чём заключалось его отношение к вам и к партии.

Папен: Позднее я узнал о том, что советник посольства барон фон Штейн был назначен мне советником посольства по особой просьбе из партии, потому что он должен был контролировать мою политику в отношении партии. Господин фон Штейн был ярым национал-социалистом. Его отношения со мной полностью отличались от тех, которые имел его предшественник принц Эрбах. Но я хочу заявить о том, что также и в течение этого периода я продолжал следовать своей изначальной линии политики, и что фон Штейн просто являлся управляющим в технических вопросах.

Кубушок: Часто упоминается документ Хоссбаха от 5 ноября 1937– вам известно об этом совещании в Берхтесгадене на котором основан доклад?

Папен: Об этом сенсационном совещании, об этом подлинно важном документе в руках обвинения, я конечно, никогда не имел ни малейшего подозрения. Я впервые ознакомился с документом здесь в зале суда. Но если мне позволят сказать кое-что ещё: взаимосвязь между событиями 11 марта и этим документом выглядит довольно натянутой. Этот документ отмечает, что Гитлер лишь намеревался идти с походом на Австрию, лишь намеревался осуществить аншлюс силой, если бы это позволило определенное европейское согласие. Он ожидал, что такое согласие возникнет между 1943 и 1945.

Председатель: Доктор Кубушок, это просто спор, не так ли? Он говорит, что никогда не видел документ пока не оказался в этом суде. Сейчас он спорит о его связи с событиями марта 1938. Что же, это вопрос для вас, а не для подсудимого.

Кубушок: Очень хорошо, тогда я разберусь с этим позже.

Свидетель, 4 февраля 1938 вы были, к своему удивлению, уволены с вашего поста в Вене. Пожалуйста, проинформируйте трибунал по данному вопросу.

Папен: В конце января 1938 я находился в Берлине, чтобы встретиться с Гитлером,

я обсуждал с ним беседу которая состоялась у меня с доктором Зейсс-Инквартом в Гармише, и я не увидел никакого признака того, что он намеревался уволить меня со службы. Об этом меня 4 февраля уведомил по телефону доктор Ламмерс. Эта внезапная отставка, для которой я не давал никаких причин совпала с отставками фон Фрича и Бломберга и других ведущих дипломатов, однако привела к одному заключительному итогу. Я был совершенно осведомлён о том, что этот отзыв означал перемену, по крайней мере политического направления. На следующий день я обсудил ситуацию с австрийским министром иностранных дел и рассказал ему о своих затруднениях. Потом я взял отпуск у австрийского правительства в официальной ноте, и на следующий день поехал на встречу с Гитлером. Однако, я должен обозначить следующее: я считал такое развитие, ввиду самого факта моего отзыва, настолько серьезным, что вечером 4-го я решил, чтобы все мои политические доклады, составленные за эти 4 года вывезли в Швейцарию. Я хотел быть в состоянии подтвердить всему миру, что я следовал мирной и эволюционной политике в Австрии за время этих 4 лет, я хотел быть в состоянии подтвердить это внешнему миру в случае если Гитлер совершит акт агрессии. К такому решению, в частности со стороны высокопоставленного чиновника, разумеется, было непросто прийти, потому что мне пришлось бы пострадать от всех последствий которые мог повлечь за собой за запретный поступок.

На следующий день, я поехал к Гитлеру. Я ощущал срочность сказать ему о том, что даже если я ему больше был не нужен, он, по крайней мере, должен был направить в Австрию другого разумного и умеренного человека. В ходе той дискуссии он не назвал причины моей отставки. Я подозревал, что это было из-за желания господина фон Риббентропа, который стал министром иностранных дел 4 февраля, но Гитлер сказал мне, что не в этом дело. Во время обсуждения австрийской ситуации я, между прочим, сказал Гитлеру о том, что я сильно сожалел о своём отзыве, потому что особенно в последние недели канцлер Шушниг выразил готовность провести личную беседу с Гитлером для того, чтобы устранить все разногласия между двумя государствами. Когда Гитлер услышал это, он сказал мне: «Если так и есть, тогда я буду очень рад если вы вернетесь и организуете эту дискуссию с господином Шушнигом». Я сказал ему: «Это весьма своеобразно. Вчера вы отозвали меня, а сегодня хотите, чтобы я вернулся обратно. Но если есть что-то, что я могу сделать в интересах австрийской проблемы – если я смогу добиться такой дискуссии, я готов к этому».

Кубушок: Как вы готовили эту конференцию?

Папен: Вернувшись, я поехал на встречу с господином Шушнигом, и с ним тоже, я обсуждал изменение обстановки в результате моего отзыва и назначения нового германского министра иностранных дел. Я сказал господину Шушнигу: «Мне кажется, что в данной ситуации дискуссия между двумя главами государств о разногласиях, которые возникли при интерпретации июльского соглашения не

принесёт ничего кроме пользы». Австрийский министр иностранных дел фактически подтвердил то, что мы обсуждали эти личные встречи уже в ноябре 1937. Предложение заключалось в том, чтобы в Берхтесгадене прошли дискуссии обо всех разногласиях. Никакой чёткой программы не готовили. Было решено, чтобы эти конференции состоялись на основе июльского соглашения, то есть, на основе сохранения суверенитета Австрии. Единственной существенно обсуждаемой проблемой было включение в австрийский кабинет такого министра, который бы действовал в качестве доверенного лица обеих государств и чья задача заключалась бы в сохранении мира между австрийской и германской национал-социалистическими партиями, другими словами, устранять в будущем всё вмешательство германской партии в австрийские дела.

Позднее, во время конференции в Берхтесгадене, потребовали, чтобы министерство безопасности должны были передать доктору Зейсс-Инкварту. Данное требование было мне совершенно неизвестно, я не обсуждал это с Шушнигом. Просто говорилось, что подходящему человеку, вероятно Зейсс-Инкварту нужно дать министерство внутренних дел. Сегодня нам известно из показаний свидетелей, дополнительно к этой моей официальной конференции, были австрийские партийные каналы, по которым предложения направили Гитлеру, предложения которые были мне неизвестными.

Кубушок: Пожалуйста, выскажите свои мысли о дискуссии в Берхтесгадене.

Папен: Эту конференцию здесь постоянно описывали. Я лично сопровождал туда господина Шушнига и господина Шмидта, вполне возможно, что когда я принимал их на австрийской или германской границе, я сказал им о том, что вместе с Гитлером могут оказаться один или несколько генералов, поэтому вполне возможно, что я звонил в Берхтесгаден утром и узнал о том, что эти генералы должны были присутствовать.

Ход конференции, конечно очень сильно отличался от привычных конференций в дипломатической жизни, но это было не так драматично как описывали здесь разные источники. По моим сведениям, эти генералы, вызванные Гитлером предыдущим вечером и неизвестные мне, производили эффект просто своим присутствием и предназначались именно для этого. Насколько мне известно и в рамках моего собственного участия, их не звали принять участие в политических совещаниях.

Тон которым Гитлер вёл переговоры, обвинения которыми он разразился на Шушнига, на мой взгляд, были самыми неприятными и по этой причине я постоянно вмешивался как посредник. Я очень хорошо помню инцидент, который случился, когда Гитлер и Шушниг вместе вели переговоры и обсуждение стало чрезвычайно громким. Я вошел в конференц-зал, чтобы узнать, что Гитлер обвиняет господина Шушнига в том, что он не немец, в отсутствии национальных чувств из-за чего я вмешался и сказал господину Гитлеру: «Вы совершенно неправы о

господине Шушниге. Образ мыслей господина Шушнига такой же немецкий как у меня и у вас, он лишь не хочет союза двух наших стран при той государственной доктрине которую вы представляете в Германии». Во время этого совещания, господину Шушнигу и господину Шмидту была представлена программа, которая, как я уже сказал была лично мне неизвестна. После переговоров ряд пунктов убрали из этой программы, например, командование австрийской армией генералом фон Гляйсе, и все экономические требования, и таким образом вечером, когда конференция подходила к концу, я сказал господину Шушнигу о том, что ему лучше принять остальное для того, чтобы не препятствовать мирному развитию событий. Помимо этого, господин Шушниг сделал только одну прямую оговорку в связи с этой программой или этой договоренностью о том, что положения должны были быть утверждены австрийским правительством и австрийским президентом. Следовательно, разумеется предусматривалась возможность дальнейшей корректировки со стороны Австрии.

Кубушок: В одном пункте ваше отношение не совсем ясно. Вы прибыли в Берхтесгаден лишь тогда, когда прибыли Шушниг и доктор Шмидт? Вы уже находились в Берхтесгадене или вы провели ночь где-то ещё?

Папен: Я ехал из Вены в Зальбург с господином Шушнигом, провёл там ночь с ним, и поехал с ним на следующее утро в Берхтесгаден. Другими словами, до него я не был в Берхтесгадене. Однако, господин Шушниг утверждал, что раньше утром перед нашим визитом я сказал ему о том, что там собрались генералы. Я не могу это вспомнить, но это возможно, потому что может быть, мне позвонили из Зальцбурга утром и рассказали об этом.

Кубушок: Есть ещё один пункт, требующий дополнения. Шушниг сказал о том, что вы встретили его на границе. Вероятно, вы можете внести в это ясность.

Папен: Что же, как я сказал господин Шушниг и я вместе провели ночь в Зальцбурге. Следующим утром я выехал раньше к границе и дождался его у германской границы.

Кубушок: Соглашение в Берхтесгадене в целом отличалось от соглашения 11 июля 1936?

Папен: Результат договоренностей в Берхтесгадене разумеется был увеличением в сравнении с июльским соглашением. Но не было никакого отступления от основы июльского соглашения – от его принципов, то есть, сохранения австрийского суверенитета. Это также очевидно из двух коммюнике правительств, которые были приняты по случаю принятия соглашения.

Кубушок: Я ссылаюсь на официальное коммюнике, документ номер 78, страница 174, а также документ номер 79, страница 175, речь Гитлера в Рейхстаге от 20 февраля в связи с этим вопросом.

26 февраля вы нанесли прощальный визит Шушнигу. Обвинение в связи с этим представило памятную записку. Пожалуйста, расскажите нам об этом

прощальном визите.

Папен: Эта записка из материалов, очевидно, содержит информацию, которую я дал господину фон Риббентропу по телефону о своём прощальном визите. В этой записке я обращаю внимание министерства иностранных дел на то…

Председатель: Какая дата у записки?

Кубушок: Записка датирована 26 февраля и была представлена обвинением.

Максвелл-Файф: Документальная книга 11а, страница 1.

Папен: В этом меморандуме я упоминаю давление оказанное на Шушнига, и находясь под влиянием которого он действовал. Тот факт, что я проинформировал министерство иностранных дел на самом деле должен указывать на то, что лично я не одобрял такое давление, в противном случае я бы не сделал доклад об этом. Тогда 26 февраля, моя временная деятельность полностью подошла к концу.

Кубушок: 9 марта 1938 Шушниг объявил плебисцит. Будьте любезны прокомментировать это.

Папен: Плебисцит, объявленный господином Шушнигом был полной неожиданностью. На мой взгляд, он противоречил духу положений согласованных в Берхтесгадене и вопреки тенденции мирного урегулирования напряженности.

Плебисцит также был нарушением австрийской конституции. Это было не решение австрийского правительства, а спонтанной мерой австрийского канцлера, и по моему мнению это было совершенно очевидно тем элементам в Австрии, которые выступали за союз двух государств и были весьма недовольны этим плебисцитом.

Кубушок: Свидетель Райнер сказал в своих показаниях, и в речи, которую цитировали, что вечером 9 марта он находился в вашей квартире. Это было заранее подготовленным совещанием, совещанием вообще или обменом взглядами?

Папен: Вовсе нет. Насколько я помню, я отсутствовал в Вене с вечера 26-го до 9 марта. В тот день я вернулся в Вену, и совершенно возможно, что эти господа пришли ко мне в посольство и беседовали там со мной. Не было никакого вопроса предварительной подготовки с моей стороны.

Кубушок: 11 марта вы находились в Берлине?

Папен: Вечером 10 марта телефонный звонок из рейхсканцелярии застал меня в посольстве с приказом от Гитлера немедленно ехать в Берлин той же ночью. Я вылетел в Берлин следующим утром и приблизительно между 9 и 10 утра я прибыл в рейхсканцелярию. Почему Гитлер послал за мной, я не знаю, я полагал, что, так как развивался данный кризис он мог захотеть моего совета; вероятно, также он мог подумать о том, что моё присутствие в Вене будет мешать его планам. В любом случае, в тот судьбоносный день, 11 марта я был в Берлине и в рейхсканцелярии. Я встретил Гитлера окруженного многочисленными министрами, господина Геринга, доктора Геббельса, фон Нейрата, государственных секретарей и также военных. Он поприветствовал меня словами: «Обстановка в Австрии становится нетерпимой,

господин Шушниг предал немецкую идею и мы не можем допустить этот принудительный плебисцит».

И когда я увидел, каким возбужденным он был, я снова напомнил ему о его обещании в Байройте и срочно предупредил его от скоропалительных решений. Но тем утром он сказал мне: «Так или иначе плебисцит должен быть отменен, либо правительство должно подать в отставку».

Сегодня мы знаем из письма, которое он направил доктору Зейссу специальным курьером, об этом ультиматуме австрийскому правительству. Тогда он не сообщил мне о таком активном вмешательстве со своей стороны. Затем в течение дня, я вместе с большинством присутствующих находился в большом зале, в то время как Геринг звонил из личного кабинета Гитлера. То о чём он говорил, мы, кто присутствовал в большом зале, могли понять лишь частично, но конечно сегодня мы знаем об этом из документов.

Есть лишь один инцидент, который я хочу назвать. К 5 часам вечера, пришёл доклад из Вены о том, что правительство Шушнига готово уйти в отставку. Соответственно я настаивал Гитлеру, отменить военные приказы. Господин Гитлер сделал это. Между 5 и 6 часами вечера, он отозвал приказ военным силам находится в состоянии готовности. В связи с этим я поздравил генерала Кейтеля и генерала фон Браухича[263], который присутствовал, с тем что нас пощадили в этом деле. Но час спустя обстановка снова полностью поменялась. Когда из Вены поступил телефонный звонок говоривший о том, что федеральный президент отказался выдвигать правительство Зейсс-Инкварта, Гитлер снова отдал приказы войскам. После этого, поздно вечером стало известно, что австрийское правительство запросило ввод германских войск, поскольку в противном случае оно не сможет контролировать ситуацию. Я всё ещё вижу господина фон Нейрата стоящего рядом со мной и сказавшего мне: «Это такой важный доклад из Вены, что мы абсолютно должны иметь его в письменном виде».

Таким образом, мы находились под впечатлением о том, что это был зов о помощи идущий к нам из Вены. Дальнейшие вечерние события известны, и я могу лишь сказать, что я лично был глубоко потрясён таким поворотом событий, потому что было совершенно ясно, что поход армии в Австрию мог привести к инцидентам и кровопролитию, и новое кровопролитие между двумя нашими нациями не только бы скомпрометировало немецкую проблему, но и оставило бы самое худшее впечатление о ведении германской политики.

Кубушок: Здесь я обращаю ваше внимание на документ номер 97, страница 241, из третьей документальной книги. Я прошу прощения, он пока не находится в документальной книге, его сейчас представили – документ 97, страница 241. Это письменные показания Тасса, друга свидетеля Папена, который беседовал с ним

[263] Вальтер фон Браухич (1881 — 1948) — главнокомандующий сухопутных войск (1938—1941), генерал-фельдмаршал немецкой армии (с 1940). Умер в госпитале для военнопленных.

вечером 11 марта. Я цитирую приблизительно с середины документа:

> «11 марта 1938 начался поход германских войск в Австрию, господин фон Папен появился в «Union Club[264]» поздно вечером, где очень взволнованно и отчаянно заявил:
>
> Я только, что из рейхсканцелярии. Я пытался отговорить Гитлера от похода в Австрию и решительно советовал против этого, но он руководим безумием и только, что отдал приказ к походу в Австрию».
>
> Свидетель, вы что-нибудь знали о военном плане «Отто[265]»?

Папен: Я услышал об этом плане «Отто» впервые во время процесса. План «Отто» представлял собой, как он говорил, теоретическую подготовку военного нападения на тот случай, что вследствие реставрации Габсбургов, чехи и венгры должны будут пойти на Австрию.

Председатель: Это именно то, что делал подсудимый, когда я прерывал вас. Он сказал о том, что ничего не знал о документе и теперь пытается его объяснить. Это спор, а не показания.

Кубушок: Да, верно, господин председатель.

[*Обращаясь к подсудимому*] Давайте перейдём к следующему вопросу. Недавно вы упоминали, что решили о том, что материалы, которые имели документальное подтверждение вашей деятельности в Австрии нужно было вывезти в Швейцарию. Это на самом деле было сделано?

Папен: Да, это было сделано. Мой секретарь, господин фон Кеттелер[266], вывез дела в Швейцарию в начале марта 1938.

Кубушок: Опишите кратко обстоятельства убийства вашего помощника барона фон Кеттелера, после вступления германских войск в Австрию. В частности, что вы делали, чтобы разобраться в этом деле?

Папен: В дни похода на Вену мой секретарь и друг господин фон Кеттелер внезапно исчез. Я сразу же сообщил венской полиции, а также господину Гиммлеру, господину Гейдриху и доктору Кальтенбруннеру. Они обещали расследование. Расследование долгое время было безуспешным. Изначально я полагал, что господин фон Кеттелер сбежал, поскольку его отношения с австрийской партией были очень плохими. Но затем несколько недель спустя выяснилось, что тело фон Кеттелера было обнаружено в Дунае ниже Вены. Я написал заявление об убийстве неизвестным лицом прокурору. Я попросил о вскрытии тела. Вскрытие показало, что нет признаков насильственной смерти.

Несмотря на это, я совершенно уверен в том, что этот новый акт был актом мести Гестапо против меня и моей политики и моих друзей. Я лично обратился к

---

[264] «Юнион клуб» - берлинский клуб аристократов-наездников.

[265] Кодовое наименование плана ввода войск в Австрию.

[266] Вильгельм-Эмануэль фон Кеттелер (1906 — 1938) — германский дипломат, младоконсервативный противник национал-социалистов из так называемого «круга Эдгара Юнга», доверенный сотрудник вице-канцлера Германии и посла в Вене Франца фон Папена. Убит при неустановленных обстоятельствах.

Герингу который командовал Гестапо и попросил его содействия. Геринг потребовал материалы из Гестапо и сказал мне, что есть подтверждение того, что господин фон Кеттелер готовил покушение на жизнь Гитлера. Я заявил, что об этом не может быть и речи. Но затем Геринг с помощью Гестапо установил, что я забрал свои материалы в Швейцарию, и что господин фон Кеттелер помогал мне в этом. Господин Геринг пообещал мне переговорить с Гитлером и потребовать наказания людей из Гестапо, которые принимали участие в этом деле. Мне кажется, что он это сделал, но это вмешательство не принесло успеха.

Кубушок: После своего отбытия из Вены вы удалились в частную жизнь. Вам поступали новые предложения о зарубежных постах?

Папен: Я удалился в частную жизнь, поскольку мой опыт после 30 июня и позднее в Австрии не давали повода, чтобы я желал новый пост. Я могу лишь сказать, что в течение следующего периода, господин фон Риббентроп дважды просил меня поехать в Анкару в качестве посла, и я дважды отказывался.

Кубушок: В качестве последнего вопроса в связи с австрийским комплексом, я хочу спросить наградил ли вас Гитлер золотым партийным значком после похода в Австрию? Пожалуйста, сделайте заявление об этом.

Папен: Правильно. Как нам известно, у Гитлера было в привычке делать внезапные увольнения, и он резко уволил меня 4 февраля и решал австрийский вопрос без меня. Для общественного потребления он привык маскировать такие поступки сердечными письмами и наградами. Вероятно я должен был тогда отказаться от этого золотого партийного значка, потому что я уже не находился на официальном посту и не было никакого повода принимать его. Однако моё положение в те дни было настолько трудным, что я не хотел сделать его ещё хуже. Мой помощник Кеттелер пропал, и я должен был ждать, что меня привлекут к государственному суду за то, что я вывез свои материалы в Швейцарию. Таким образом я принял значок. Но я отрицаю, что сделав это стал членом партии. Мне кажется никто кто меня знает – даже среди господ сидящих напротив меня – будут утверждать, что я когда-либо в жизни был национал-социалистом.

Кубушок: Теперь я перехожу к обсуждению относительно короткого периода, то есть, вашего времени в Турции. Могу я начать это?

Председатель: Почему необходимо вдаваться в дела после аншлюса в марте 1938, в виду того, что обвинение, что-то заявило? Я имею в виду, как это прольёт свет на прошлое? Как я это понимаю…

Кубушок: Господин председатель, тогда я закончил со всем австрийским комплексом. Теперь я должен рассмотреть всего лишь краткую тему, деятельность подсудимого в качестве посла в Анкаре. Я лишь спрашиваю будет ли сейчас подходящий момент начать это, или же суд желает объявить перерыв. Я полностью закончу почти за час.

Председатель: Мы сделаем это сейчас, но о чём я спросил вас, почему необходимо

вдаваться в историю подсудимого в Анкаре в виду того, что обвинение сказало по поводу обвинений в отношении подсудимого? Как я это понимаю, обвинение сказало, что у него нет никаких обвинений против подсудимого в связи с его работой в Анкаре. До тех пор пока эта история не проливает свет на прошлое, на время до марта 1938, это не выглядит относящимся к процессу.

Кубушок: Обсуждая его деятельность в Турции, я ограничу себя несколькими положениями, с единственной целью, как заметил трибунал, пролить свет на предыдущую деятельность подсудимого фон Папена. Следовательно доказательства, будут ссылаться на тот факт, что в результате своей деятельности подсудимый дал понять, что он был чётким противником войны на каждом этапе, и что на каждом этапе войны он просто пытался достичь мира. Этот материал о периоде в Турции, поэтому обеспечит контрдоказательства обвинению в том, что ранее подсудимый был каким-либо образом активным участником военной политики. Мы должны также получить полную картину человека, который обвиняется в заговоре. Если он находился на официальной должности непосредственно перед началом войны и в течение войны, тогда мы безусловно должны установить даёт ли нам его отношение в течение этого времени точные контрдоказательства того, что он раньше каким-либо образом соглашался с планами, которые, это правда, впервые начали осуществлять в ранние дни его пребывания в должности. Вопрос короткий, и мы…

Председатель: Трибунал прервется.

[*Объявлен перерыв*]

Кубушок: При каких обстоятельствах вы были назначены послом в Анкаре в апреле 1939? Почему вы приняли данный пост?

Папен: Я принял пост после двукратного отказа, при довольно экстраординарных обстоятельствах. В день итальянской оккупации Албании, господин фон Риббентроп вызвал меня и срочно попросил приехать в Берлин. Там он объяснил мне, что пост в Анкаре, который оставался вакантным 6 месяцев, нужно было занять немедленно, потому что могут ввиду осложнений который могут возникнуть на юго-востоке из-за оккупации Албании. Прежде чем принять этот пост я внимательно изучил, что я могу сделать и можно ли, что-нибудь сделать для гитлеровского правительства. После 15 марта, вступления в Прагу, мы знали, что сидим на пороховой бочке. В этой европейской проблеме было две возможности конфликта, одной была польская проблема, в которой я ничего не мог сделать, другой была юго-восточная проблема, которая обострилась в результате оккупации Албании. Я чувствовал, что могу что-нибудь сделать там и смогу внести вклад в поддержание мира в Европе. По этой причине я предложил в тот момент поехать в Анкару.

Кубушок: Сначала вы поехали в Анкару, чтобы получить картину общей ситуации, вы получили там картину ситуации и затем в устном и письменном отчете объяснили своё мнение. Пожалуйста, прокомментируйте это.

Папен: В Анкаре я сразу же получил картину общей ситуации, потому что я знал там всех ведущих личностей.

Председатель: Доктор Кубушок, вы не предлагаете подсудимому проходить все хитросплетения турецкой политики, не так ли?

Кубушок: Нет, это я не планирую. Проблема рассматривает отчет который подсудимый подготовил в Берлине не только для Гитлера, но и для других ведомств. Подготовка этого отчета и его содержание показывают положительную деятельность ради поддержания мира. Вот почему я коротко прохожу этот вопрос. Свидетель, я прошу вас очертить…

Председатель: У вас есть отчёт?

Кубушок: Нет, данный доклад тоже в материалах министерства иностранных дел, к которым у меня нет доступа.

Председатель: Что же, тогда, вам лучше разобраться с предметом, но разобраться коротко.

Кубушок: Свидетель, пожалуйста, продолжайте.

Папен: Милорд, я буду очень краток. Я вернулся из Турции и рассказал Гитлеру в отчете о том, что нужно было сделать для того, чтобы сохранить европейский мир. Я направил этот меморандум также Кейтелю и Браухичу. Я заявлял в этом отчете, что было нужно для того, чтобы сохранить под контролем ситуацию на юго-востоке; Италии немедленно дать позитивные обещания о том, что её военные силы будут выведены из Албании для того и её отношения с Турцией придут в порядок для того, чтобы снять всякое сомнение в искренности итальянской политики. Очень жаркая дискуссия об этом совете последовала между мной и графом Чиано[267]. Граф Чиано находился в тот день в Берлине, чтобы подписать германо-итальянский союз. Когда я внёс ему своё предложение, он сильно негодовал по поводу этих требований и пожаловался на меня господину фон Риббентропу. Очень жаркая дискуссия состоялась затем с господином фон Риббентропом, который сказал мне о том, что он был ответственным за германскую внешнюю политику, а не я, и что в конце концов это не моя задача вносить предложения о сохранении мира. Тогда я предложил свою отставку господину фон Риббентропу и сказал ему, что таких обстоятельствах было бесполезно отправлять меня в Анкару, но господин фон Риббентроп забрал свои слова обратно, и я вернулся.

Кубушок: В этом отчете, вы в целом предупреждали против военной авантюры и какие причины вы приводили такому предупреждению?

Папен: Меморандум, который я также дал генералу Кейтелю и генералу Браухичу

[267] Галеаццо Чиано (1903 — 1944) — итальянский политик и дипломат периода фашизма, зять Бенито Муссолини. Убит фашистскими элементами за предполагаемое предательство

также содержал военное представление ситуации, о которой я завявил, что начало войны за польский коридор обязательно приведет к мировой войне. Если такая мировая война должна была разразиться, положение Германии будет безнадёжным, так как без сомнения Англия сдержит своё обещание Польше, и Англия и Франция придут на помощь Польше.

Кубушок: Какой была ваша реакция на новости о начале войны 1 сентября 1939?

Папен: Когда новости о начале польской войны дошли до меня в Анкаре, я был полностью шокирован. Конечно, я надеялся на то, что Гитлер будет избегать такого шага, который принесет нам величайшую неудачу.

Кубушок: Я ссылаюсь на документ 14, страница 62, письменные показания дамы, которая долгие годы была личной секретаршей свидетеля фон Папена. Я процитирую короткий отрывок со страницы 64, второй абзац с конца:

> «Я слушала объявление по радио о начале войны, в посольстве в Анкаре вместе с послом и всем штатом. Потом я пошла в парк посольства вместе с послом. Посол был чрезвычайно взволнован и потрясён. Я никогда не видела его таким, даже после мрачных дней июня 1934 и даже после убийства его друга Кеттелера.
>
> Вот почему я могу точно вспомнить слова, которые посол сказал по этому поводу: «Запомните мои слова, провоцирование этой войны величайшее преступление и величайшее безумие, которое Гитлер и его люди могли совершить. Германия не может победить в этой войне. Все будет погребено под руинами».
>
> Свидетель, какими были ваши решения на будущее?

Папен: Что я мог сделать? Я мог так или иначе протестовать – тогда, для того, чтобы не быть расстрелянным как предатель я должен был оставаться за рубежом. Я мог эмигрировать. Я никогда не мог сделать это, так как я всегда верил в то, что лучше работать в собственной стране, чем как эмигрант. Я мог уйти в отставку, тогда бы я вернулся в Германию и стал солдатом. Лучше всего как мне казалось было оставаться там где я находился и сделать всё, чтобы помочь своему отечеству.

Кубушок: Теперь я перехожу к обсуждению ваших различных усилий к миру. Пожалуйста, опишите сначала ваши переговоры с голландским посланником доктором Виссером[268].

Папен: Сразу после польской кампании, я провёл переговоры с голландским посланником в Анкаре, в то время доктором Виссером, который сам был готов заставить своего министра иностранных дел быть посредником в Лондоне. Мирное условие конечно заключалось бы в восстановлении Польши с соответствующей перестройкой проблемы коридора, проблемы германских отрезков.

Я сообщил о такой возможности мирных переговоров господину фон

---

[268] Филлипс Виссер (1882 – 1955) – нидерландский географ, путешественник и дипломат. Посол Нидерландов в Турции в 1938-1945.

Риббентропу, но мне показалось, что это не дошло до Берлина и поэтому в ноябре 1939 я лично поехал в Берлин. Господин фон Риббентроп сказал мне: «Фюрер ничего не хочет слышать о мирных переговорах, пожалуйста, не предпринимайте никаких дальнейших шагов».

Несмотря на это, я пошёл к Гитлеру доложил ему о голландском предложении и высказал желание голландского посланника доктора Виссера лично приехать в Берлин. К сожалению, Гитлер отверг все мои аргументы.

Кубушок: Я желаю отметить, что с одобрения суда опросный лист по этой теме был направлен посланнику, доктору Виссеру, но опросный лист ещё не получили.

Вы вносили дальнейшие предложения по окончанию войны в 1939? Я думаю в связи с этим о докладе по восстановлению законной жизни в Германии.

Папен: Да. В декабре 1939 я направил подробный доклад для Гитлера господину фон Риббентропу, и в этом докладе я сказал о том, что первое условие для любого заключения мира и для любой готовности за рубежом заключить мир будет заключаться в отказе от нынешних методов правления в Германии, то есть, возвращение к конституционным условиям в Германии. Тогда я сказал Гитлеру: «Если вы сделаете это, вы получите больше доверия за рубежом и окажется возможным подготовить путь для мирных переговоров».

Кубушок: В чём заключалось указание, которое вы получили из Берлина о мирных усилиях и что вы, несмотря на это делали?

Папен: Рейхсминистр иностранных дел постоянно издавал строгие приказы главам миссий ни при каких обстоятельствах не побуждать какие-либо мирные чувства. По мнению министерства иностранных дел, такие попытки были бы признаком слабости.

Я не соблюдал это правило, потому что я решился по собственной инициативе сделать все, чтобы сократить войну. По этой причине, весной 1941 перед балканским кризисом, я обратился к его величеству королю Швеции с просьбой начать мирное посредничество. Я также попросил президента Турции, Исмета Инёню[269] рассмотреть возможности посредничества. Президент Инёню согласился сделать это, в то время как его величество король Швеции отказался, сказав, что ситуация не выглядела для него подходящей для таких усилий. Турецкий президент попросил лишь о том, чтобы была официальная просьба о посредничестве. Это конечно не было сделано.

Кубушок: Что вы думали о событиях 10 мая 1940, вступление германских войск в Голландию и Бельгию, и какое заявление вы сделали в связи с этим?

Папен: 10 мая 1940 я воображал впечатление которое преобладало всю Первую мировую войну, вопрос почему Германия нарушила нейтралитет Бельгии. Для меня было полностью непостижимо, что эту психологическую ошибку повторили во

[269] Исмѐт Ѝнёню (1884 — 1973) — турецкий военачальник и государственный деятель, второй президент Турции (1938—1950), преемник Ататюрка.

второй раз, и я выразил своё мнение в письме, которое я направил 10 мая голландскому посланнику доктору Виссеру.

Кубушок: Что вы делали для того, чтобы остановить распространение войны на Балканы?

Папен: Когда разразился югославский кризис и наши войска пошли через Болгарию, я заставил Гитлера отправить личное письмо турецкому президенту. В этом письме он заверял турецкого президента, что ни при каких обстоятельствах он не намерен сражаться с Турцией, и по этой причине он приказал германским войскам держать сорокакилометровую дистанцию от турецкой границы.

Кубушок: В июне 1941 вы заключили договор о дружбе с Турцией. Вы кратко назовете причины этого?

Папен: Причины были очень простыми: ограничить войну. Турция должна была знать, что, несмотря на наш союз с Италией, несмотря на войну на Балканах, несмотря на войну с Грецией, мы бы никогда не угрожали Турции. Турция также должна была знать, что мы не будем пытаться продвигаться через Турцию к Суэцкому каналу. Переговоры были очень долгими и трудными, потому что господин фон Риббентроп не хотел в этом договоре никаких упоминаний турецких договорных обязательств к союзникам. Тогда я заметил господину фон Риббентропу по телеграфу, что турки были верны своим договорам.

Кубушок: Вы знали о намерениях Гитлера против России? Что вы думали об этой войне?

Папен: Начало войны с Россией, конечно было для нас полной неожиданностью. Мы слышали о концентрации войск с обеих сторон, но конечно я полагал и надеялся на то, что Гитлер сохранит свой пакт с Россией[270] и что он не начнет эту войну. Я считал начало войны с Россией преступлением с точки зрения как немецких, так и европейских интересов.

Кубушок: Вы, после возвращения из визита в Германию, осенью 1943, продолжали свои усилия к миру?

Папен: Осенью 1943, после Сталинграда, стало ясно, что нельзя установить никакой мир с правительством Гитлера. Относительно этого, было много дискуссий между мной и моими друзьями, включая моих военных друзей. Осенью 1943 я должен был инициировать так называемый план Бека[271], который упоминал здесь свидетель Гизевиус. В то время этот план не предусматривал ликвидировать Гитлера в результате посягательства на его жизнь, но намерение заключалось в том, чтобы окружить его штаб-квартиры войсками и затем предать его суду. Причины для этого

---

[270] Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (также известен как пакт Молотова — Риббентропа) — межправительственное соглашение, подписанное 23 августа 1939 года главами ведомств по иностранным делам Нацистской Германии и Советского Союза.

[271] Людвиг Бек (1880 — 1944) — генерал-полковник германской армии (1938 год). Начальник Генерального штаба Сухопутных войск в 1935—1938 годах. Лидер выступления военных против Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Расстрелян после провала заговора против Гитлера

были очевидны. Даже если много генералов считали, что эту войну нужно было остановить, они опасались предпринимать действия против Гитлера, потому что они считали, что Гитлер всё ещё пользовался величайшим престижем. Более того, существовала другая трудность, если бы Гитлера устранили, никто не знал, что союзники сделали бы с нами.

Председатель: Доктор Кубушок, трибунал думает, что это можно рассмотреть более коротко.

Папен: В результате всех этих соображений я попытался узнать, что союзники сделают с Германией в таком случае, и с этой целью я обратился к тогдашнему американскому посланнику, господину Эрлу[272], который тоже сообщил об этой теме в прессе.

Кубушок: Я ссылаюсь на документ номер 93, страница 214. Это опросный лист барона фон Лерзнера, которого я хотел вызвать в качестве свидетеля, но который не смог явиться сюда из-за проблем с транспортом. На странице 214, ответ на вопрос 7:

> «Моя деятельность посредника в мирных переговорах всегда была основана на собственной инициативе и распространялась на попытку обеспечить общий мир между всеми воевавшими государствами. Ещё до всех мирных мероприятий, я принимал участие в подробных дискуссиях с послом фон Папеном и всегда твердо им поддерживался, хотя любые мирные мероприятия были запрещены ему и по крайней мере были одинаково опасными для него и для меня.
>
> Он также познакомил меня с рядом иностранцев, прежде всего с апостольским делегатом в Стамбуле, архиепископом Ронкалли[273].
>
> Когда в 1942 я решился поехать в Ватикан, посол фон Папен не только настойчиво рекомендовал мне совершить поездку, но он также предоставил мне все необходимые бумаги и паспорта для Рима, где несмотря на прямой запрет правительства Рейха я предложил кардиналу Мальоне[274] и дипломатическому директору курии[275], епископу Монтини[276], мирную инициативу папы Пия XII всем враждующим державам.
>
> Когда в апреле 1944 у меня была возможность установить контакт с

---

[272] Джордж Эрл III (1890 – 1974) – американский политик и дипломат. В разное время посол США в Австрии и Болгарии.

[273] Иоанн XXIII (до интронизации — Анджело Джузеппе Ронкалли (1881 — 1963) — римский папа с 1958 по 1963 год. Дипломат Ватикана, исполнял обязанности папского нунция (посланника) в Болгарии, Греции, Турции и Франции. Взойдя на папский престол, выступал за мир и мирное сосуществование государств с различными социальными системами.

[274] Луиджи Мальоне (1877 — 1944) — итальянский куриальный кардинал. Государственный секретарь Святого Престола с 10 марта 1939 по 22 августа 1944.

[275] Римская курия (лат. Curia Romana) — главный административный орган Святого Престола и Ватикана и один из основных в Римско-католической церкви. Отдельные ведомства Римской курии от имени и властью папы римского отвечают на вопросы, рассматривают предложения, апелляции, жалобы или просьбы, направленные в адрес Святого Престола, выносят распоряжения, решения или приговоры, выступают с различными инициативами и т. д.

[276] Павел VI (до интронизации — Джованни Монтини (1897 — 1978) — папа римский с 21 июня 1963 года,

господином Джорджем Эрлом бывшим американским посланником в Вене и Софии, другом президента Рузвельта[277], с которым я долго был лично знаком, Папен снова помогал мне всеми способами. Он даже принял на себя…»

Председатель: Это подробности. Недостаточно сказать, что подсудимый говорил, что он стремился любым способом заключить мир? Затем вы можете ссылаться, если захотите, на любые опросные листы или письменные показания, которые подтверждают сказанное подсудимым.

Кубушок: Очень хорошо. Я опущу любое дальнейшее чтение данного ответа на вопрос номер 7, и затем я ссылаюсь на документ 94, страница 217, письмо свидетеля Лерзнера господину Киркпатрику[278]. В письме он делает ссылку на тот факт, что уже в 1939 подсудимый фон Папен намеревался доставить Лерзнера в Турцию, для того, чтобы на основе своих международных связей он мог работать для мира. Он описывает сложности в связи с данным планом, который, однако, был осуществлен фон Папеном. Письмо также упоминает дальнейшие мирные усилия с адмиралом фон Хорти и болгарским королём Борисом[279]. Я бы хотел кратко привести документальное подтверждение вопросов поднятых свидетелем Гизевиусом. Я желаю представить доказательства того, что фон Папена никоим образом не воспринимали неблагоприятно в кругу заговорщиков 20 июля[280], но что напротив его рассматривали на должность министра иностранных дел. Я ссылаюсь на письменные показания графа Бисмарка[281], документ номер 90, страница 201. Граф Бисмарк в ходе событий после 20 июля был отправлен в концентрационный лагерь. Это указывает на характер свидетеля. В документе номер 90 Бисмарк отмечает, что в случае смены правительства Папен предоставил бы себя в их распоряжение. Была договоренность направить сообщение через господина фон Тротта[282], который работал в министерстве иностранных дел. Тротт был приговорён к смертной казни после 20 июля.

Наконец я ссылаюсь на документ номер 89, страница 199, письмо Пфейля сыну свидетеля Папена. Пфейль отмечает, что полковник граф фон Штауффенберг[283] будущий убийца 20 июля, предлагал подсудимому, чтобы он

---

[277] Франклин Делано Рузвельт (1882 — 1945) — 32-й президент США

[278] Эйвон Киркпатрик (1897 – 1964) – британский дипломат. В 1940-1944 начальник департамента информации министерства иностранных дел Великобритании.

[279] Борис III (30 января 1894 — 28 августа 1943) — царь Болгарии с 1918 по 1943 годы из Саксен-Кобург-Готской династии. Имел чин германского адмирала (1916).

[280] Заговор 20 июля или Заговор генералов — заговор германского Сопротивления, прежде всего военных вермахта, с целью убийства Гитлера, государственного переворота и свержения нацистского правительства. Кульминацией заговора стало неудачное покушение на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года.

[281] Готфрид фон Бисмарк-Шёнхаузен (1901 — 1949) — регирунгс-президент (гражданский губернатор округа) Потсдама, депутат Рейхстага, участник заговора против Гитлера.

[282] Адам фон Тротт цу Зольц (1902 — 1944) — советник министерства иностранных дел, сотрудник Абвера, участник заговора против Гитлера. Казнен нацистами.

[283] Клаус фон Штауффенберг (1907 — 1944) — полковник вермахта, один из основных участников группы заговорщиков, спланировавших Заговор 20 июля и осуществивших покушение на жизнь Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Расстрелян за участие в заговоре.

позднее служил в качестве министра иностранных дел. Суд уже допустил это письмо.

Свидетель, каким было ваше положение в отношении партии в течение вашего периода в Турции?

Папен: Моё положение в отношении партии было исключительно плохим. Так как годы я вёл битву с ландесгруппенляйтером партии в Турции. Этот человек говорил моим сотрудникам посольства: «Господину фон Папену место в концентрационном лагере или его следует расстрелять». Мне пришлось долго бороться, чтобы избавиться от этого человека.

Кубушок: Что вы делали в это время в отношении церковных вопросов?

Папен: Во время войны я делал всё в своей власти, чтобы противодействовать интенсификации борьбы с церковью. Это означает, что я взял все подобные учреждения в Турции под свою личную защиту.

Кубушок: Здесь я ссылаюсь на документ номер 53, страница 141 и документ номер 51, страница 138.

Что вы делали в отношении еврейской проблемы в течение своего периода в Турции?

Папен: Я возражал всем мерам германского правительства против немецких евреев. Долгий партийный процесс шёл из-за того, что сотрудников моего германского посольства консультировал еврейский врач. Я защищал этих моих сотрудников от этого обвинения и отказался забирать паспорта у немецких евреев в Турции и лишать их гражданства.

Кубушок: Я ссылаюсь на документ номер 95, страница 227, опросный лист профессора Марчионини[284]. В вопросах 4, 5 и 6 он обсуждает данную проблему. В ответе на вопрос 6, последний абзац самый важный, и так как свидетель фон Папен ещё не упоминал это, я бы хотел процитировать это. Страница 299, последний абзац ответа на вопрос 6:

> «Я особенно чётко помню инцидент весной 1944, когда я позвонил фон Папену по просьбе господина Барласа[285], комиссара по беженцам из еврейского агентства, для того, чтобы просить его содействия в спасении 10000 евреев во Франции от депортации в Польшу для уничтожения. Эти евреи раньше имели турецкое гражданство, но позднее от него отказались. Господин фон Папен выполнил моё пожелание и в результате его вмешательства жизни этих евреев были спасены, как я позднее узнал лично от господина Барласа».
>
> Я продолжаю цитировать:
>
> «Детали этого инцидента, о которых господин Штейнгард[286],

[284] Альфред Марчионини (1899 – 1965) – немецкий профессор дерматологии. С 1938 по 1950 эмигрант в Турции.
[285] Хаим Барлас (1898 – 1982) – еврейский активист, глава комитета спасения евреев в Турции.
[286] Лоуренс Штейнгардт (1892 — 1950) — американский дипломат, посол США в СССР и Турции.

> тогдашний посол Соединенных Штатов в Анкаре, и Нуман Менеменчиоглу[287], тогдашний министр иностранных дел Турции, были тоже проинформированы, можно узнать опросив господина Барласа».

Председатель: Доктор Кубушок я хочу снова заметить вам, что вы заняли гораздо больше, чем вы говорили.

Кубушок: В самое короткое время, за несколько минут я закончу.

Я задаю свидетелю последний вопрос: когда 2 августа 1944 Турция разорвала отношения с Германией, вы вернулись в Германию, почему вы не остались в Турции и окончательно не отделились от Германии?

Папен: Я могу заявить, что в день разрыва отношений между Турцией и Германией британский премьер-министр, господин Черчилль[288] сказал следующее в Палате общин: «Разрыв отношений между Турцией и Германией будет иметь много последствий, включая последствия для господина фон Папена. 30 июня он спасся от кровавой бани. На это раз ему не удастся».

В результате я получил просьбы от союзников остаться в Турции. Я отказался сделать это. Я сказал: «Я вернусь в Германию к которой принадлежу. Я не буду эмигрировать, так как возможно всё ещё могу сделать, что-нибудь для своего отечества». Таким образом, я вернулся в Германию. Когда я прибыл, я заметил, что в результате террористических методов, которые начались после 20 июля, не было никакой возможности сделать, что-нибудь. Оставшееся время охранник от Гестапо находился у меня за дверью.

Кубушок: Я ссылаюсь на документ номер 95, страница 226, который уже упоминался, опросный лист профессора Марчионини. Я ссылаюсь на ответ по вопросу 3 и я бы хотел очень кратко зачитать последнюю половину ответа в связи с проблемой только, что названной свидетелем:

> «Последняя беседа на эту тему состоялась 2 августа 1944, за день до его окончательного отбытия из Анкары после разрыва дипломатических отношений между Германией и Турцией.
>
> На мой совет не покидать Турцию, а обратиться отсюда с призывом к немецкому народу и германской армии для свержения Гитлера и немедленного прекращения бессмысленной войны, фон Папен ответил по сути следующее:
>
> Я понял из истории, что от диктатуры нельзя избавиться из-за рубежа; нужно быть в самой стране для того, чтобы эффективно бороться с режимом. Поэтому я решил вернуться в Германию и вести борьбу против гитлеровского режима и таким образом ускорить конец

[287] Нуман Менеменчиоглу (1898 – 1958) – турецкий дипломат и политик.

[288] Уинстон Черчилль (1874-1965) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940-1945 и 1951-1955 годах; военный (полковник), журналист, писатель, почётный член Британской академии (1952), лауреат Нобелевской премии по литературе (1953).

войны».

Кубушок: Я закончил допрос свидетеля фон Папена.

Председатель: Кто-нибудь из членов защиты хочет задать какие-либо вопросы?

Людингхаузен: Господин фон Папен, с разрешения суда я бы хотел задать вам несколько вопросов.

Сколько вы знаете господина фон Нейрата?

Папен: С 1932.

Людингхаузен: Это правда, что прямое пожелание рейхспрезидента фон Гинденбурга заключалось в том, что господина фон Нейрата должны были взять в правительство которое вы формировали в 1932, в качестве министра иностранных дел?

Папен: Да, это полная правда.

Людингхаузен: Вы были осведомлены или вы знали по предыдущей деятельности господина фон Нейрата на его различных должностях как посла, но в особенности его последнего поста в Лондоне, что господин фон Нейрат был верным сторонником и страстным чемпионом в политике мира?

Папен: Это было известно мне и любому в Германии.

Людингхаузен: И лично вы это тоже одобряли?

Председатель: Я думаю, вы говорите немного быстро. Продолжайте.

Людингхаузен: Лично вы тоже одобряли такую мирную политику?

Папен: Конечно, я одобрял такую политику. В противном случае мы бы не оказались бок о бок, в этом кабинете принимая участие в общей работе.

Людингхаузен: Господин фон Нейрат, несколько месяцев спустя, принимал какое-либо участие в переговорах, которые привели к переходу рейхсканцелярии к Гитлеру?

Папен: Никоим образом.

Людингхаузен: Но вам известно, что рейхспрезидент фон Гинденбург заявил прямое условие, что господин фон Нейрат должен остаться в качестве министра иностранных дел также и в новом гитлеровском правительстве.

Папен: Я уже упоминал здесь, что это было прямым условием Гинденбурга.

Людингхаузен: И в чем принципиально заключалось отношение к этому Гитлера? Он принял это только для того, чтобы вообще можно было сформировать правительство или он одобрял выбор Гинденбурга?

Папен: Мне кажется, что Гитлер полностью одобрил выбор Нейрата как министра иностранных дел.

Людингхаузен: Лично вы когда-нибудь говорили об этом с Гитлером?

Папен: Да, часто. И я узнал от Гитлера, что он высоко думал о личности господина фон Нейрата и его способностях.

Людингхаузен: И вы лично, когда-нибудь говорили с господином фон Нейратом об этом?

Папен: Да.
Людингхаузен: Он с готовностью принял решение сформировать кабинет?
Папен: Я представляю, что господин фон Нейрат тоже имел тогда внутренние оговорки.
Людингхаузен: Итак, по вашим сведениям, насколько вы могли узнать из заявлений Гитлера, в чём заключались внешнеполитические цели и усилия Гитлера в то время?
Папен: Внешнеполитические цели Гитлера тогда были довольно ограниченными: отмена дискриминации с помощью мирных средств и усилением германской позиции в мире.
Людингхаузен: До конца 1937, вы когда-нибудь слышали какие-либо заявления Гитлера указывавшие на то, что он мог решиться использовать вооруженные силы если бы его мирные усилия не имели желаемого результата?
Папен: Я никогда не слышал от Гитлера о каких-либо таких намерениях.
Людингхаузен: И тогда всегда утверждали, что в ведущих партийных кругах он высказывал такие кровожадные намерения?
Папен: Я никогда не слышал, чтобы в партии, даже среди самых радикальных национал-социалистов, кто-нибудь даже говорил об идее войны.
Людингхаузен: Тогда, чтобы суммировать, вы полностью соглашались с целями мирной политики, которая намечалась и за которую выступал господин фон Нейрат?
Папен: Абсолютно.
Людингхаузен: Итак, против господина фон Нейрата предъявлено обвинение в содействии в перевооружении Германии. В чём заключались причина и мотив этого перевооружения, которое может быть предположительно началось раньше фактического обладания военным суверенитетом?
Папен: Вчера я заявлял о том, что фактическое перевооружение началось только после моей отставки из кабинета. Но насколько я был информирован, все мои бывшие коллеги разделяли взгляд, что перевооружение должно было служить только цели дать Германии оборону на её границах.
Людингхаузен: Теперь я перехожу к проблеме Австрии. Вам известно отношение господина фон Нейрата к австрийской проблеме?
Папен: Отношение господина фон Нейрата к австрийской проблеме было таким же как и моё. Как и я сам, он постоянно, протестовал в кабинете против террористических мер организованных партией в 1933 и 1934.
Людингхаузен: Лично вы, когда Гитлер направил вас с чрезвычайной миссией в Вену, подчинялись господину фон Нейрату? И вы получали свои указания от него или только от Гитлера?
Папен: Я не подчинялся господину фон Нейрату, а попросил, чтобы я мог непосредственно подчиняться Гитлеру. Но конечно, я докладывал обо всех шагах, которые я предпринимал господину фон Нейрату и министерству иностранных дел, как подтверждается документами представленными здесь.

Людингхаузен: В чём заключалось отношение господина фон Нейрата к переговорам летом 1936, которые привели к соглашению от 11 июля между Германией и Австрией?

Папен: Господин фон Нейрат имел точно такое же мнение, как и я, что данное соглашение должно было нужно и должно было послужить идее мира между двумя народами одной расы.

Людингхаузен: Он также влиял в этом на Гитлера?

Папен: Я не знаю, но я безусловно полагаю, что он делал это.

Людингхаузен: И, что он был честным и искренним в этом соглашении? Какое ваше мнение? Здесь я отмечаю, что обвинение утверждает и предъявляет обвинение против господина фон Нейрата в том, что данное соглашение заключили с вероломным намерением.

Папен: Я подробно говорил об этом вчера и протестовал против обвинений предъявленных нам в вероломных намерениях. Господин фон Нейрат имел столь же мало таких намерений как и я.

Людингхаузен: Итак, у меня есть два коротких вопроса.

Вам известно отношение господина фон Нейрата к выходу Германии в 1933 из Лиги Наций и конференции по разоружению?

Папен: Да, я знал это очень хорошо. Господин фон Нейрат считал, что напрашивалось покинуть конференцию по разоружению. Но как и я, он считал, что ошибкой было покидать Лигу Наций. С его одобрения, как я уже говорил вчера суду, я пошёл к Гитлеру в Мюнхен для того, чтобы убедить его не покидать Лигу Наций.

Людингхаузен: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Зейдль: С одобрения суда, замещая своего отсутствующего коллегу, доктора Штамера, я бы хотел задать вопрос от имени подсудимого Геринга.

Свидетель, этим утром вы сказали, что в связи с убийством вашего друга Кеттелера в 1938, вы обратились к Герингу, потому что он был ответственным за Гестапо. Это не факт, и вы не осведомлены об этом, что с 1936 как самое позднее, Гестапо подчинялось исключительно Гиммлеру и формально подчинялось рейхсминистру внутренних дел?

Папен: Возможно, что за 4 года моего отсутствия вне Германии в Австрии, я не знал этот факт. Здесь это конечно установили. В любом случае, я чувствовал обращаясь к Герингу, что он был в состоянии защитить меня от Гестапо, и после того как Гитлер отказался от беседы со мной по этому вопросу, естественно я обратился к нему как второму человеку в Германии.

Зейдль: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Обвинение желает перекрёстно допросить?

Сэр Дэвид, вы предпочитаете начать после перерыва?

Максвелл-Файф: Милорд, я подумал, что тогда смогу подготовить документы и

может так будет удобнее трибуналу.
Председатель: Мы будем заседать без пяти минут два.
Максвелл-Файф: Я крайне обязан, ваша светлость.

[*Объявлен перерыв до 13 часов 55 минут*]

Вечернее заседание

Максвелл-Файф: Помните ли вы о том, что в своих показаниях от 19 сентября прошлого года вы высказали точку зрения, что Гитлер был самым большим мерзавцем, которого вы когда-либо видели в своей жизни?
Папен: Это полная правда. Это мнение, которое у меня сложилось после того, как я узнал обо всех этих преступлениях.
Максвелл-Файф: Что же, это было 19 сентября 1945 г. Но меня больше интересует ваш следующий ответ. Не это ли вы ответили на вопрос о том, когда вы пришли к выводу, что Гитлер был самым большим мерзавцем, которого вы когда-либо видели в своей жизни: «Только после того как я узнал, какие факты послужили для него поводом начать войну», — вы помните, что вы так сказали?
Папен: Да.
Максвелл-Файф: Не потребовалось ли вам слишком много времени для того, чтобы разгадать эту довольно очевидную истину после вашего близкого сотрудничества с Гитлером?
Папен: Мое мнение о Гитлере, о его внутриполитическом значении создалось у меня после 30 июня 1934 г. Однако я мог полагать, как и все другие, что в области внешней политики он будет разумнее, и этого мнения я придерживался до Мюнхенского соглашения[289].
Максвелл-Файф: Давайте посмотрим, не было ли у вас возможности прийти к этой точке зрения значительно раньше. Когда вы в 1932 году были рейхсканцлером, вы должны были ознакомиться с людьми, целями и методами нацистской партии? Не так ли?
Папен: Да.
Максвелл-Файф: И вы это сделали, не так ли?
Папен: Да.
Максвелл-Файф: И вы помните, — я не хочу терять времени и ссылаться на соответствующий документ, но вы можете считать точной цитатой то, что 16 ноября 1932 г. в письме к вам Гитлер сказал: «Вы должны знать, каково мировоззрение мое

[289] Мюнхенское соглашение 1938 года — соглашение, составленное в Мюнхене 29 сентября 1938 года и подписанное 30 сентября того же года премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини. Соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области.

и моей партии».

Папен: Да, конечно, я знал, какие цели преследовала его партия. Однако разрешите мне добавить, что если какая-либо партия вступает в коалицию с другой партией, то она должна многое вычеркнуть из своей программы и принять коалиционную программу. Это и сделал 30 января Гитлер.

Максвелл-Файф: Да, но прежде чем мы перейдем к 30 января, я хочу спросить вас, каково было ваше мнение в 1932 году? В 1932 году, когда вы занимали пост канцлера, вы очень мало сомневались в том, что, если бы Гитлер пришел к власти, Германии угрожала бы опасность подпасть под управление насильственными, неконституционными методами. Не так ли?

Папен: Без сомнения, программа национал-социалистов в этом отношении была революционной. Однако я подробно изложил суду, что все эти вынужденные меры, к которым прибегли 30 января, явились результатом необходимости принятия общих мер безопасности. Была создана совместная коалиционная программа, которая, по нашему мнению, исключала некоторые упомянутые вами опасные пункты его программы.

Максвелл-Файф: В середине 1932 года президент Гинденбург решительно придерживался того мнения, что было бы весьма опасно передать власть в руки Гитлеру, не так ли?

Папен: Да, он действительно придерживался мнения, что Гитлера следовало контролировать путем ограничения его полномочий.

Максвелл-Файф: Я хочу только привести вам одну фразу из письменных показаний под присягой.

Это уже было позднее, в августе 1932 года. В заявлении Мейснера говорится:

> «Гинденбург заявил, что в связи с напряженной обстановкой он не может с чистой совестью рисковать передачей государственной власти новой партии, каковой является национал-социалистическая партия, которая не представляет собой большинства и которая нетерпима, шумлива и недисциплинированна».

Это довольно умеренное высказывание со стороны рейхспрезидента, в то время, когда это говорилось, не правда ли?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Подсудимый вам известно - я сейчас не говорю о коалиции, я говорю сейчас о том, что случилось бы, если бы национал-социалисты сами взяли власть в свои руки... Вам было совершенно ясно, что в этом случае они, будучи не особенно щепетильными людьми, быстро бы разделались со своими политическими противниками, не правда ли?

Папен: Этого нельзя сказать. В политической жизни всегда положение таково, что радикальной партии и вообще любой партии, но в особенности радикальной партии,

если она приходит к власти и становится ответственной партией, приходится очень многое вычеркнуть из своей программы. Это мы, скажем, можем наблюдать на примере социалистических партий всех стран.

Максвелл-Файф: Правда ли, что, как заявил под присягой подсудимый Геринг, в 1932 году он говорил вам, что независимо от того, как будут действовать нацисты, Гитлер не будет, во всяком случае, занимать второго места, не будет одним из «вице». По словам Геринга, Гитлер сокрушил бы всякое политическое устройство, которое бы не обеспечило ему первенства.

Папен: Да, об этом Гитлер мне сам неоднократно заявлял.

Максвелл-Файф: И поэтому вы поняли, что Гитлер и его сообщники хотели, чтобы им была предоставлена полная возможность претворять в жизнь свои цели и свою программу, не так ли?

Папен: Нет, об этом я не знал. Это вывод, который сделали вы здесь и который вовсе не соответствовал тогдашним условиям. Вам нужно лишь прочесть правительственную программу нашей коалиции от 1 февраля.

Максвелл-Файф: Я в свое время обращусь к периоду вашей коалиции. Но в настоящее время я хочу задать вам один-два вопроса о вашем мнении о Гитлере и о мнении Гинденбурга о Гитлере в 1932 году, так как я хочу очень кратко суммировать события этого периода и разбить их на несколько резко очерченных стадий.

Я все еще спрашиваю о 1932 годе. Мой вопрос к вам был таков: осознавали ли вы, что в том случае, если Гитлер и его соратники придут к власти, захватить которую они хотели, они удовлетворятся лишь в том случае, если им представится полная возможность претворить в жизнь свои намерения и свою программу?

Папен: Нет, об этом я не знал, иначе я не сделал бы попытки в 1933 году привлечь их к составлению общей коалиционной программы.

Максвелл-Файф: Но я хочу еще раз точно сформулировать, что, по вашему мнению, было прежде всего необходимо для Германии во второй половине 1932 года: ликвидация политических разногласий и внутренней борьбы и укрепление отношений с западными державами в целях ослабления Версальских требований? Я об этом говорю довольно кратко, так как я понял это от вас. Правильно?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Таким образом, вашим первым шагом в осуществлении этих целей было обращение к Гитлеру в августе 1932 года с предложением стать вице-канцлером в вашем правительстве, не так ли?

Папен: Совершенно верно.

Максвелл-Файф: Гитлер отказался от этого предложения и отказался от него вторично, когда вы повторили его в ноябре 1932 года, это так?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Чтобы не тратить слишком много времени, я хочу лишь выяснить, правильно ли говорится об этом в параграфах 5 и 6 письменных показаний Мейснера. Я кратко изложу вам содержание этих письменных показаний. В письменных показаниях говорится, что в ноябре 1932 года вы думали, что общая ситуация и нацистская партия, в частности, могли бы находиться под контролем, если бы президент дал вам полномочия издавать декреты по статье 48 и обеспечил бы вам поддержку Рейхсвера и полиции. Но в то время генерал фон Шлейхер возражал против этого, так как он считал, что Рейхсвер был не в состоянии поддерживать порядок в Германии. Это правильно?

Папен: Это неверно в том отношении, что это событие не может быть согласовано с какой-либо статьей конституции, а просто являлось нарушением конституции. В остальном это верно.

Максвелл-Файф: Может быть, ему пришло бы в голову использовать неконституционные методы для поддержания контроля, вы это имеете в виду?

Папен: Да. Как я здесь уже сказал, это поручение он дал мне 1 декабря.

Максвелл-Файф: Но ведь фактически Мейсснер прав, говоря, что после неудачной попытки ввести Гитлера в свое правительство вы хотели продолжать управление страной, пользуясь правом издавать декреты и путем осуществления контроля над Рейхсвером; правильно, что генерал фон Шлейхер заявил, что это неосуществимо?

Папен: Нет, это неверно. После того как президент Гинденбург решил, что он не будет нарушать конституцию, он, как известно, назначил генерала Шлейхера рейхсканцлером. Фон Шлейхер хотел тогда путем раскола партии создать большинство, и я, конечно, поддерживал эту попытку фон Шлейхера.

Максвелл-Файф: На случай моей ошибки я хочу привести вам собственные слова Мейснера. Это параграф 5, страница 44 документальной книги 11а. Подсудимый, я думаю, для вас было бы удобно следить за ними, если вы не помните, для того, чтобы не было ошибки.

Папен: Да

Максвелл-Файф: Это параграф 5 заявления господина Мейснера:

> «Вторичное назначение президентом Гинденбургом Папена на пост канцлера, очевидно, было бы возможно, если бы он был готов начать открытую борьбу против национал-социалистов, что означало бы угрозу применения насилия или даже фактическое его применение. Почти до самого ухода со своего поста Папен и некоторые другие министры соглашались с необходимостью вести усиленную борьбу против нацистов путем использования всех имеющихся у государства средств, основываясь на параграфе 48 конституции, даже в том случае, если это могло привести к вооруженному конфликту. Однако другие министры придерживались того мнения, что этот путь приведет к гражданской войне.

> Это решение было выдвинуто Шлейхером, который в первое время прилагал весьма энергичные меры против национал-социалистов, даже в том случае, если это повлекло бы за собой использование полиции и армии. Затем, на решающем заседании кабинета министров он отказался от этой мысли и объявил, что готов согласиться с Гитлером».
>
> Это правильно?

Папен: Отчасти правильно, отчасти нет.

Максвелл-Файф: Скажите нам как можно короче, какую часть письменных показаний вы считаете неправильной?

Папен: Мое повторное назначение на пост канцлера Гинденбургом было бы, по мнению Мейснера, возможно, если бы я изъявил готовность вести открытую борьбу против нацистов. Это исторически неверно, ибо 1 декабря я предложил Гинденбургу совершить нарушение конституции и тем самым начать открытую борьбу против нацистов. Фон Шлейхер не был согласен с этим. Это историческая правда.

Максвелл-Файф: В интересах последовательности я прошу вас обратиться к параграфу 6 этого же документа. Читаю выдержку, которая начинается словами:

> «Когда стало ясно, что Гитлер не хочет войти в кабинет Шлейхера и что Шлейхер со своей стороны не может произвести раскол национал-социалистической партии, — что он надеялся сделать при помощи Грегора Штрассера, — политике, благодаря которой Шлейхер был назначен канцлером, потерпела крах. Шлейхер понимал, что Гитлер не может простить ему его попытку произвести раскол партии и поэтому никогда не согласится сотрудничать с ним. Поэтому он переменил свое решение и пришел к выводу, что нужно бороться с нацистами; это означало, что он хочет следовать политике, против которой он резко возражал за несколько недель до этого, когда ее предложил фон Папен».
>
> Это правильно?

Папен: Это совершенно верно.

Максвелл-Файф: Теперь мне хотелось бы внести во все это окончательную ясность. Вы сказали нам, что вы впервые обратились к Гитлеру лишь в августе, но до этого времени вам уже удалось узаконить положение СА и СС — организаций, которые канцлер Брюнинг объявил нелегальными. Вы сделали это 14 июня, не так ли?

Папен: Да, я отменил запрет, однако лишь на четыре недели.

Максвелл-Файф: Вы считали, что правильно было отменить запрет в отношении СА, которая наводила ужас на улицы?

Папен: Я разъяснял суду, каким образом дело дошло до этого запрета. Целью

отмены этого запрета было побудить Гитлера и его партию согласиться с существованием моего кабинета. Вторая причина заключалась в том, что роспуск этих боевых организаций являлся односторонним актом, так как одновременно не были распущены социалистические и коммунистические боевые организации.

Максвелл-Файф: 20 июля вы силой избавились от правительства Брауна — Зеверинга и взяли в свои руки управление Пруссией и прусской полицией?

Папен: Это нельзя формулировать в таких выражениях.

Максвелл-Файф: Но фактически вы ведь избавились от правительства Брауна — Зеверинга и взяли в свои руки управление Пруссией и прусской полицией, не так ли?

Папен: Я не имел в своих руках прусской полиции. Прусская полиция находилась под руководством комиссара Пруссии очень умеренного человека которого я назначил.

Максвелл-Файф: Согласно Веймарской конституции, вы как канцлер имели право диктовать линию общей политики, в то время как комиссар Пруссии и все остальные министры должны были следовать указанной вами общей политике, не так ли?

Папен: После того как я назначил комиссара, я имел право определять основную линию в политике Пруссии.

Максвелл-Файф: Сейчас я хотел бы, чтобы вы взглянули на речь, произнесенную вами в Эссене в ноябре 1933 года, где вы упоминаете о периоде, о котором сейчас идет речь.

Это документальная книга 11, страница 54 и это страница 47 немецкой документальной книги.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы видите первые слова:

> «С тех пор как провидение призвало меня стать пионером воскресения нации и возрождения нашего отечества, я всеми силами пытался поддержать деятельность национал-социалистического движения и его руководителя».

Это правильно?

Папен: Безусловно, да, это ссылается…

Максвелл-Файф: Я лишь спросил вас, правильно ли это. Я, возможно, опять вернусь к этой цитате.

> «Подобно тому, как в то время, когда я принял канцлерство» (речь идет о вас, о том, что вы приняли канцлерство), «я выступал за то, чтобы открыть путь к власти молодому борющемуся освободительному движению».

Таким образом, ваша поддержка «молодого борющегося освободительного движения» в его стремлении к власти заключалась в том, что вы узаконили существование СА, выгнали из Пруссии умеренное правительство и централизовали

контроль полиции?

Папен: Нет. Это очень плохая параллель.

Максвелл-Файф: Остановитесь на этом и скажите мне, действительно ли вы ничего этого не делали. Расскажите трибуналу, как именно вы прокладывали путь к власти для «молодого борющегося освободительного движения», если вы делали это не так, как я вам только что указывал?

Папен: Да, об этом я скажу очень точно. Программа национал-социалистической партии предусматривала освобождение Германии от дискриминации, причиной которой был Версальский договор. Я об этом говорил здесь очень подробно. Я показал, какие усилия я сам предпринимал для того, чтобы в этом отношении добиться соглашения с великими державами. Мы хотели из второразрядной нации снова стать великой державой. Таков был смысл этих мероприятий.

Максвелл-Файф: Подсудимый, я не хочу вас останавливать, и трибунал даст вам возможность повторить все, что вы говорили по этому поводу, но я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос. Если я сделал неправильное заключение, заявив, что два приведенных мною ранее примера вашей деятельности представляют собой иллюстрацию той поддержки, которую вы оказывали этому движению, я попрошу вас очень коротко рассказать здесь, что же еще вы делали для того, чтобы подготовить почву этому «борющемуся освободительному движению»? Вот в чем заключается мой вопрос. Что же вы делали?

Папен: Два раза я предлагал Гитлеру вступить в мое собственное правительство, и, когда в конце января 1933 года из создавшегося положения не было больше никакого иного выхода, я по просьбе Гинденбурга пошел на коалицию с национал-социалистической партией.

Максвелл-Файф: Скажите, вы в то время верили, что Гитлер был совершенно необходим для Германии?

Папен: Я считал, что человек, который в марте 1932 года, то есть прежде, чем я пришел в правительство, получил на президентских выборах 36,8 процента всех голосов, — что этот человек и его партия должны быть включены в ответственную правительственную деятельность.

Максвелл-Файф: Но, помимо его успеха на выборах, считали ли вы, что Гитлер, принимая во внимание его личные качества, его цели и его программу, был в то время необходим для Германии?

Папен: Я не знал, каким образом можно справиться полицейским путем с партией, которая получила 36,8 процента всех голосов.

Максвелл-Файф: Посмотрите на ваши собственные слова в следующем параграфе этого письма. Здесь вы, очевидно, имеете в виду не только его успех на выборах:

> «Милосердный господь благословил Германию, дав ей в очень тяжелые времена руководителя, который, уверенно полагаясь на свой инстинкт государственного деятеля, проведет ее через трудности и

опасности к светлому и счастливому будущему».

Это было, не будем называть его экстравагантным, но, во всяком случае, весьма сильным выражением со стороны бывшего кавалерийского офицера для характеристики политического деятеля, если он действительно не думал или если он не хотел заставить других людей думать, что он твердо верил в него. Вы действительно имели в виду то, что вы там говорили?

Папен: Об этом я могу сказать следующее. После того как я вступил в коалицию с Гитлером, я был убежден, что он будет выполнять этот коалиционный пакт, и я часто неоднократно и не только в этой речи тогда говорил о своем доверии к Гитлеру и общей программе. Почему я именно в этой речи выступил за него, — это я уже сказал суду. Здесь речь шла о том, чтобы констатировать, и при том перед всем миром, что торжественное заявление Гитлера о том, что он будет поддерживать мир, было серьезным заявлением.

Максвелл-Файф: Что же, я не хочу затягивать. Вы должны понять, подсудимый, что я вас спрашиваю о следующем: в течение первых месяцев вашего пребывания на посту канцлера вы предприняли шаги к тому и пытались, чтобы Гитлер пошел вместе с вами. Когда он во второй раз отказался от этого, вы, судя по показаниям Мейсснера, готовы были применить силу против него. Когда при поддержке Шлейхера это оказалось для вас невозможным, вы ушли в отставку. Когда Шлейхер занял ваше место и столкнулся с трудностями, вы снова обратились к Гитлеру. Вот о чем я вам говорю; и именно по вашей просьбе, не правда ли? — вы и Гитлер собрались для совещания в доме Курта фон Шрёдера 4 января 1933

Папен: Нет, это совершенно неверное понимание. К сожалению, суд не разрешил, чтобы я рассказал об этой встрече 4 января.

Максвелл-Файф: Значит, вы не соглашаетесь с фон Шрёдером в том, что это совещание было созвано по вашему предложению?

Папен: Нет, я считаю совершенно по-другому. Эта встреча состоялась по желанию Гитлера.

Председатель: Вы попросили его рассказать нам об этой встречи 4 января?

Максвелл-Файф: Да, разумеется; я собираюсь разобраться с этим.

Что же, теперь, вы говорите, что Гитлер попросил этой встречи? Я предположу вам, что фон Шрёдер, который являлся посредником, сказал, что вы тот, кто попросил о встрече. Вы с этим не согласны?

Папен: Да, у меня совершенно другое мнение. То, что сказал господин фон Шрёдер не соответствует фактам. Господин фон Шрёдер…

Максвелл-Файф: Что же, расскажите трибуналу кто её подготовил.

Кубушок: Я возражаю использованию письменных показаний Шрёдера. Документ должны были представить в качестве доказательства, когда обвинение представляло свои доказательства. Я попросил вызвать свидетеля, поскольку он находился поблизости. Суд попросил обвинение доставить свидетеля. Обвинение выбрало не

вызывать свидетеля. Теперь в перекрёстном допросе, должны использовать письменные показания. Мне кажется, что это недопустимо, поскольку перечёркивается решение суда. Суд решил об использовании письменных показаний вместе со свидетелем. Теперь их будут использовать без свидетеля.

Максвелл-Файф: Милорд, это полная правда. Я склонен полагать, что это другое дело, использовать это в перекрёстном допросе, когда доктор Кубушок, предъявил их как часть собственных доказательств – доказательство из «Календаря европейской истории» Шультесса – отчёт об этой самой встрече, который вы найдёте в томе I, страница 27 его документальной книги, и тогда, конечно, если подобное доказательство включили в документальную книгу, я вправе оспорить данное доказательство письменными показаниями фон Шрёдера.

Милорд, извиняюсь, я должен продолжать. Мой друг представил подлинное заявление барона фон Шрёдера, которое появляется на странице 26. Оно говорит, что тот же самый барон фон Шрёдер вручил следующее заявление в окружное бюро, чтобы поправить ложные новости прессы.

> «Инициатива о проведении дискуссии между бывшим рейхсканцлером фон Папеном как представителя широких национально-консервативных кругов и господина Гитлера, как единственного лидера национал-социалистического движения, исходила исключительно от меня лично».

Я склонен думать, что постольку, поскольку заявление фон Шрёдера представили, я вправе оспорить его другим заявление фон Шрёдера.

Кубушок: Господин председатель, могу я что-нибудь сказать?

Тут есть две совершенно разные вещи. Сэр Дэвид ссылается на документ, который я представил из «Календаря европейской истории» Шультесса. Это совместное коммюнике Папена и Шрёдера, которое тогда было опубликовано в газетах. Однако я возражаю письменным показаниям свидетеля Шрёдера и отмечал это тогда. Обвинение тогда согласилось со мной в том, что он сам находился под подозрением согласно обвинительному заключению, и что он лично настолько замешан в вопросе, что предъявление письменных показаний было бы возможно если бы мы имели возможность задать фон Шрёдеру соответствующий вопрос. В любом случае, то, что здесь имеется, ничего больше чем копия документов современности из исторического календаря Шультесса. Эти документы с согласия обвинения были приняты судом.

Председатель: Сэр Дэвид, вы не можете опереться на факты без ссылки на документ?

Максвелл-Файф: Милорд, запросто, я сделаю это.

Подсудимый на той встрече – извиняюсь, прошу прощения. Я думаю, мы должны узнать об окружении. Сначала нам надо понять, где это было и кто там был.

Я думаю это был дом барона фон Шрёдера в Кельне, или его квартира в

Кёльне, это правильно?

Папен: Да, но не моего друга.

Максвелл-Файф: Перейдем к лицам, которые присутствовали на этом совещании. Там были Гитлер, подсудимый Гесс, Гиммлер и Кепплер, не так ли?

Папен: Да, это возможно.

Максвелл-Файф. Кепплер — это то самое лицо, которое, как известно трибуналу, в марте 1938 года находилось в Вене? Да?

Папен: Это был человек, который всегда находился в ближайшем окружении Гитлера.

Максвелл-Файф: Таким образом, фактически это было совещание между вами и Гитлером в присутствии Шрёдера, не так ли?

Папен: Нет. Вероятно, я могу привести суду короткий отчёт о совещании, если суд пожелает.

Максвелл-Файф: Что же, думаю меня попросили представить вам факты. Я рассмотрю их коротко. Я в руках трибунала.

Вы говорите, что фон Шрёдер не присутствовал на этом совещании?

Папен: Шрёдер, возможно, присутствовал во время части беседы. Но я помню, что главным образом я лично один говорил с Гитлером.

Максвелл-Файф: Встреча началась около 11:30 утра, не так ли? Встреча между вами и Гитлером?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: И первый вопрос, который был поднят вами, заключался в следующем: вы хотели объяснить Гитлеру, что хотя вам не удалось освободить двух нацистов, обвинявшихся в убийстве коммуниста, вы пытались уговорить президента фон Гинденбурга помиловать их. Это так?

Папен: Да. Я помню, что Гитлер резко упрекал меня по поводу смертного приговора, вынесенного этим национал-социалистам.

Максвелл-Файф: И во втором поднятом вами вопросе вы объяснили Гитлеру, что президент фон Гинденбург отказался обсуждать с Гитлером вопрос о назначении его на пост канцлера совсем не вследствие каких-либо интриг или уловок с нашей стороны. Разве это не был второй вопрос, вопрос о том, что не вы были виной отказа фон Гинденбурга от участия в совещании?

Папен: Да, я заявил ему, что мое предложение от 13 августа 1932 г. было чистосердечным.

Председатель: Я не думаю, что это было ответом на ваш вопрос.

Максвелл-Файф: Объяснили ли вы Гитлеру, что не по вашей вине Гинденбург отказался от обсуждения вопроса о назначении Гитлера на пост канцлера в августе 1932 года…

Папен: Нет.

Максвелл-Файф:…когда Гитлер встретился с Гинденбургом?

Папен: Нет, это неправильно, так как согласно доказательствам из исторических документов Гитлер говорил с Гинденбургом 13 августа, и Гинденбург объяснил ему причины, почему он не согласен на канцлерство Гитлера.

Максвелл-Файф: Я хочу выяснить, действительно ли 4 января вы заявили Гитлеру по поводу вашего разговора с фон Гинденбургом следующее: «Я хочу, чтобы вы поняли, что Гинденбург совсем не по моей вине отказался от обсуждения вопроса о вашем канцлерстве». Разве вы не уверяли Гитлера, в том, что это не ваша вина, что вы были уверены в его согласии заняться обсуждением этого вопроса?

Папен. Нет, господин обвинитель, так утверждает фон Шрёдер, но это неверно.

Максвелл-Файф: Ваши последние слова относятся к тому, что вы говорили о фон Гинденбурге и Гитлере? Если вы не согласны с тем, что я вам заявил, может быть, вы сообщите, что вы имеете сказать по этому поводу?

Папен: Что именно сказал Гинденбург Гитлеру, написано во всех книгах, это исторический факт.

Максвелл-Файф: Нет, нет, мы хотим знать, что вы сказали Гитлеру 4 января. Что вы сказали ему, если вы вообще что-либо говорили по этому поводу, относительно взаимоотношений между ним и президентом фон Гинденбургом?

Папен: Если бы вы разрешили мне дать объяснение о ходе совещания, я бы уже это объяснил.

В ходе всей этой беседы я лишь указывал Гитлеру на то как нужно убедить фон Шлейхера в необходимости вступления национал-социалистическо партии в его правительство. Другими словами, я продолжал делать то, что начал в 1932 году, а именно — старался привлечь национал-социалистическую партию к сотрудничеству.

Максвелл-Файф: Таким образом, вы серьезно утверждаете перед трибуналом, что вы говорили Гитлеру о том, что он должен стать членом кабинета Шлейхера?

Папен: Да, я ему сказал, что он должен войти в кабинет Шлейхера.

Максвелл-Файф: Об этом и идет речь. Я утверждаю, что это совершенно неверно. Вы сказали Гитлеру, что наиболее благоразумным выходом для консерваторов и националистов, политические взгляды которых соответствовали нашим взглядам, является образовать новое правительство вместе с Гитлером. Вы говорили Гитлеру о том, что произошло потом 30 января. Вы предложили ему это на совещании, которое тогда имело место. Вы хотите сказать, что все это не соответствует действительности?

Папен: Ни одного слова правды; это абсолютная ложь. В качестве подтверждения этого, я заявляю следующее:

Сразу после беседы 4 января, вечером я написал Шлейхеру письмо. Это письмо он получил, вероятно, 5 января утром. Но прежде чем фон Шлейхер получил это мое письмо, излагавшее действительное содержание этой беседы, утренние газеты 5 января открыли против меня травлю, утверждая, что в этом разговоре со

Шрёдером я вел себя нелояльно по отношению к Шлейхеру. Вернувшись в Берлин, я тотчас же отправился к фон Шлейхеру. Я ему рассказал, каково в действительности было содержание нашей беседы. Фон Шлейхер опубликовал относительно этого коммюнике...

Максвелл-Файф: Да, но он ведь был не единственный человек, опубликовавший коммюнике. Вы и Гитлер опубликовали коммюнике. Я хочу напомнить вам, подсудимый, что ваше предложение заключалось в следующем: вы и Гитлер должны были образовать коалицию, причем вы должны были опираться на консерваторов, а за спиной Гитлера стояли силы национал-социализма. А теперь взгляните на коммюнике, которое вы опубликовали вместе с Гитлером.

Я передаю подсудимому документ номер D-637. Милорд, это новый документ, который станет GB-496.

Взгляните на конец этого документа, подсудимый:

«Адольф Гитлер и господин фон Папен опубликовывают следующую совместную декларацию:

В ответ на неправильные выводы, которые неоднократно делались прессой относительно совещания Адольфа Гитлера с бывшим рейхсканцлером фон Папеном, нижеподписавшиеся заявляют, что это совещание касалось исключительно возможности создания великого национального политического единого фронта и что в рамках этого совещания общего характера совершенно не затрагивалась позиция этих двух партий по отношению к рейхскабинету».

Теперь, подсудимый, после того как я напомнил вам о заявлении, опубликованном вами лично, вы согласитесь с достоверностью того, что я здесь говорил, то есть с тем, что вы предлагали Гитлеру создать коалицию, состоящую из подчиняющихся вашему влиянию националистических и консервативных элементов и руководимой Гитлером нацистской партии?

Папен: Нет, господин обвинитель, в этом коммюнике констатируются две вещи. Во-первых, я констатирую, что о кабинете Шлейхера (как это повсюду предполагалось в прессе), о его свержении или о его замене другим правительством вообще не шло речи. Затем я констатирую, что необходимо создать великий национальный единый политический фронт. Фон Шлейхер руководил тем же самым кабинетом, которым руководил я, с теми же самыми политическими силами. Следовательно, если я предлагал Гитлеру вступить в этот кабинет, то это была та же самая комбинация, как если бы я ему предложил вступить в мой кабинет.

Максвелл-Файф: Подсудимый, я не собираюсь с вами спорить. Если вы утверждаете, что этим коммюнике вы хотели показать, что обратились к Гитлеру с предложением ввести нацистов в правительство Шлейхера и что вами не обсуждался с ним вопрос об образовании коалиции, если вы продолжаете утверждать, что все это действительно отражено в коммюнике, я не буду больше

вам задавать вопросов по этому поводу.

Перейдем теперь к вашей последующей деятельности. Вы отрицаете, что в январе вы активно поддерживали связь с Гитлером и от имени Гитлера — с президентом фон Гинденбургом с целью введения Гитлера в правительство? Вы согласны с этим?

Папен: Это верно. И я скажу, почему это так. У меня было две официальных беседы с Гинденбургом. 9 января, когда я вернулся в Берлин,
я от рейхсканцлера Шлейхера направился к рейхспрезиденту фон Гинденбургу. Рейхсканцлер Шлейхер, полагая, что в беседе со Шрёдером я
действовал нелояльно по отношению к нему, просил Гинденбурга больше
не принимать меня. Я рассказал фон Гинденбургу о действительном содержании беседы со Шредером, и, после того как я договорился со Шлейхером, Гинденбург был убежден, что все это в целом было большим недоразумением.

В следующий раз, насколько я помню, с Гинденбургом я имел официальную беседу только 22 января, когда я говорил с ним вторично об этих правительственных делах.

Максвелл-Файф: Давайте посмотрим, что говорит по этому поводу начальник канцелярии президента. Может быть, ему удастся освежить вашу память.

Обратитесь к письменным показаниям Мейсснера вторая часть параграфа 6?

[*Документ был передан подсудимому*]

Максвелл-Файф: Милорд, это 11а. страница 45, почти 7 строк снизу страницы.

[*Обращаясь к подсудимому*] Подсудимый, прямо после первой части параграфа 6, вторая часть там сказано:

> «Шлейхер впервые обратился с этим предложением к Гинденбургу в середине января...»
>
> Далее в следующей фразе сказано:
>
> «Тем временем Папен вернулся в Берлин и благодаря договоренности с сыном Гинденбурга имел несколько бесед с президентом. Когда Шлейхер возобновил свое требование о получении чрезвычайных полномочий, Гинденбург заявил, что он не может дать ему такие полномочия и должен оставить за собой право принимать решения в каждом отдельном случае. Шлейхер со своей стороны заявил, что при подобных обстоятельствах он не может оставаться в правительстве, и 28 января 1933 г. подал в отставку».
>
> Затем параграф 7:
>
> «В середине января, когда Шлейхер впервые просил о предоставлении ему чрезвычайных полномочий, Гинденбург не знал еще о связи,

существующей между Папеном и Гитлером, особенно о совещании, которое имело место в доме одного из банкиров Кельна, Курта фон Шрёдера. Со второй половины января Папен стал играть все большую роль в доме рейхспрезидента, но, несмотря на уговоры Папена, Гинденбург до самого конца января сомневался, следует ли назначить Гитлера канцлером. Он хотел, чтобы Папен еще раз занял пост канцлера. В конце концов, Папену удалось привлечь Гинденбурга на сторону Гитлера аргументом о том, что представители других партий правого крыла, которые будут принадлежать к правительству, будут ограничивать свободу действий Гитлера. В дополнение к этому Папен высказал свои опасения в том смысле, что в случае, если снова будет пропущена данная возможность, может возникнуть угроза восстания национал-социалистов и гражданской войны».

Это правильно?

Папен: Нет.

Кубушок: Могу я прокомментировать использование письменных показаний Мейсснера? Случай похожий, но не совсем, как со Шрёдером. Письменные показания Мейсснера не представляли суду во время процесса. Но во время представления дела обвинения, до моего сведения дошло, что будут использованы письменные показания Мейсснера. Я поговорил с обвинением и заметил, что я ни при каких обстоятельства не буду удовлетворён приобщением письменных показаний Мейснера, а буду настаивать на вызове Мейсснера в качестве свидетеля. Причина та же самая. Личность свидетеля Мейсснера, который принимал участие в этих делах, заставляет проявлять предосторожность. Обвинение сказало мне, что оно не будет использовать письменные показания, и наконец сказало мне, что оно не будет вызывать Шрёдера в качестве свидетеля. Я не имел никакой причины самостоятельно вызывать свидетеля. Теперь я в положении, когда письменные показания представлены в перекрёстном допросе, и я не могу допросить или разоблачить суду свидетеля Мейсснера.

Максвелл-Файф: Милорд, по поводу позиции в отношении этих письменных показаний, майор Баррингтон говорит мне, что он не имел их, когда представлял дело в отношении фон Папена. Сейчас я их использую. Если трибунал думает, что разница существенная между тем, что принимает свидетель и письменные показания предназначены обосновать, у меня нет ни малейшего возражения ходатайству доктора Кубушока о перекрёстном допросе Мейсснера.

Председатель: Какая у них дата?

Максвелл-Файф: 28 ноября. Мы дали копию доктору Кубушоку.

Кубушок: Да.

Господин председатель, могу я пояснить? Британское обвинение не сделало обязывающее заявление о том, что оно не будет представлять письменные

показания и не будет вызывать свидетеля. Я всегда говорил о том, что если должны использовать письменные показания я буду вызывать свидетеля. Я непрерывно спрашивал обвинение: «Вы собираетесь, вызвать свидетеля или нет?»; оно сказало: «Нет». Тогда я сказал: «Тогда я в этом не заинтересован. Мы опускаем всю эту тему и я не буду вызывать свидетеля».

Председатель: Кажется письменные показания подготовили давно.

Максвелл-Файф: Да, милорд.

Председатель: На самом деле, это было почти в самом начале трибунала. Я думаю, вероятно, вы должны использовать факты, а не использовать письменные показания.

Максвелл-Файф: Милорд, я совершенно готов ко всему, что хочет трибунал. Если есть какой-нибудь вопрос, и доктор Кубушок хочет Мейсснера для перекрёстного допроса, что касается меня, он его получит. Я имею в виду, я в немного другом положении нежели в отношении фон Шрёдера. Что касается справедливости, я хочу, чтобы ваша светлость понял, что безусловно никто из моего штата и не думал о том, что защита поняла это как то, что мы не используем их, потому что мы всегда намеревалась использовать это. Мы вручили копию этих письменных показаний защите для того, чтобы она заметила эти письменные показания.

Кубушок: Да, это было сделано, и я это благодарно подтверждаю.

Максвелл-Файф: Милорд, на самом дел я не стремлюсь занять много времени трибунала. Я бы лучше продолжил и предъявил факты и избежал бы любой дискуссии об этом.

Председатель: Очень хорошо, так и сделайте.

Максвелл-Файф: Подсудимый, вы сообщили нам, что у вас было два совещания с президентом фон Гинденбургом, и затем, кажется, после 18 января у вас состоялось несколько совещаний с Гитлером, а после 22 января у вас были совещания с подсудимым Герингом, как он заявил об этом в своих показаниях, не так ли?

Папен: Нет, с Гитлером я не встречался с 4 до 22 января.

Максвелл-Файф: Допустим, что это заняло четыре дня. Я не буду спорить с вами по поводу одного или двух дней, но по датам нацистской партии можно заключить, что вы начали переговоры 18-го числа. Таким образом, самым важным совещанием было совещание, которое Оскар фон Гинденбург созвал в доме подсудимого фон Риббентропа, не так ли?

Папен: Это была предварительная беседа. Во всяком случае, это был первый момент установления связи с национал-социалистами, с Гитлером и Герингом.

Максвелл-Файф: И Оскар фон Гинденбург во время этого совещания в доме фон Риббентропа имел личную беседу с Гитлером, которая продолжалась примерно около часа?

Папен: Это возможно, я уже не помню этого.

Максвелл-Файф: И после этого было принято решение о том, что Гитлер станет канцлером в новом правительстве и что он введет в правительство подсудимого

Фрика в качестве министра внутренних дел и подсудимого Геринга в качестве министра без портфеля, причем сам Гитлер возглавит правительство в роли канцлера?

Папен: Нет, 22-го числа мы вовсе не договаривались об этом, скорее мы ограничились…

Максвелл-Файф: Я имел в виду, что это соглашение было достигнуто в течение тех нескольких дней, о которых вы заранее договорились.

Папен: Да, но очень важно констатировать это. Мы начали эти переговоры лишь после того, как стало ясно, что фон Шлейхер не может сформировать правительство после неудачи расколоть нацистскую партию. Это очень важно.

Максвелл-Файф: Вы говорите сейчас трибуналу, что в то время, — как вы это уже подтвердили, — вы действительно принимали меры к тому, чтобы привести Гитлера к власти просто из-за того, что он стал во главе самой большой партии в Рейхстаге, или потому, что вы считали его наиболее подходящим человеком для поста канцлера в Германии в то время? Каковы были ваши мотивы?

Папен: Мои мотивы, господин обвинитель, были очень просты. При том положении, которое создалось после 23 января, имелось лишь две возможности: или нарушение конституции и начало гражданской войны, или правительство во главе с Гитлером. Мне кажется я это подробно объяснил суду.

Максвелл-Файф: Я хочу лишь установить, подсудимый, что в то время вы поддерживали эту связь с Гитлером. Вы ведь сами были тогда канцлером
Германии. Думали ли вы, что Гитлер, как человек, что его цели и намерения и его индивидуальные качества соответствовали тем требованиям, которые предъявляются канцлеру Германии? Это очень простой вопрос. Я хочу, чтобы вы прямо ответили на него: считали ли вы, что Гитлер, поскольку вы его тогда знали, был подходящим человеком для занятия поста канцлера Германии?

Папен: На это я могу лишь сказать, что коалиция, которую я сформировал по поручению рейхспрезидента, была неизбежной необходимостью. Тогда не возникало вопроса: было ли это хуже или лучше. Мы должны были принять ее.

Максвелл-Файф: Мне кажется, вы сказали, что вы не были уверены в том, что Гитлер расправится с оппозицией до того, как он пришел к власти. Сколько времени вам потребовалось с тех пор как Гитлер стал канцлером для того, чтобы убедиться в том, что его желанием было уничтожение всякой оппозиции?

Папен: Окончательно я это понял тогда, когда сделал последнюю попытку в своей речи в Марбурге разработать совместную программу и когда эта попытка не удалась…

Максвелл-Файф: Таким образом, это было через полтора года—17 июня 1934? Вы хотите сказать трибуналу, что вам понадобилось полтора года для того, чтобы понять, что Гитлер хотел сломить всю оппозицию?

Папен: Нет, я сказал суду…

Максвелл-Файф: Вы помните вождя социал-демократов в прусском ландтаге — Эрнста Хайльмана[290]?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Мне кажется, что он в течение десяти лет был вместе с вами членом прусского ландтага. Но после этого его немедленно отправили в концентрационный лагерь, где с ним исключительно жестоко обращались, это верно?

Папен: Об этом я узнал только здесь. Тогда я этого не знал

Максвелл-Файф: Вы хотите сказать трибуналу, что в 1933 году вы не знали о том, что Эрнст Хайльман был брошен в концентрационный лагерь?

Папен: Я лишь знал, что ряд политических деятелей из коммунистической и социалистической партий были заключены Гестапо в концентрационные лагери. Это я знал.

Максвелл-Файф: Ответьте прежде на мой вопрос. Это был вождь социал-демократии в прусском сейме, человек, который в течение десяти лет сидел рядом с вами в парламенте. Вы хотите сказать, что он был отправлен в концентрационный лагерь, а вы ничего не знали об этом?

Папен: Я не помню. Мне кажется об этом я узнал только здесь.

Максвелл-Файф: Теперь я хочу назвать вам одно широко известное имя; я говорю о Карле фон Осецки[291], лауреате Нобелевской премии мира, писателе и журналисте. Вы не знали о том, что он был заключен в концентрационный лагерь?

Папен: Осецкого я помню только как издателя периодического журнала. Больше о нем я ничего не знаю.

Максвелл-Файф: Вы не знали о том, что в 1936 году он получил Нобелевскую премию мира? Нет?

Папен: Я никак не мог знать об этом в 1933 году.

Максвелл-Файф: Но вы знали, что он впоследствии получил эту премию; Вы знали, что он был заключен в тюрьму?

Папен: Нет.

Максвелл-Файф: Я думал, что могу связать это имя с вами. Давайте возьмем кого-нибудь другого. Возьмем доктора Эрнста Экштейна[292]. Он был депутатом Рейхстага и известным адвокатом из Бреслау. Вы не знали о том, что он также был отправлен в концентрационный лагерь?

Папен: Нет, я, к сожалению, не знал доктора Экштейна.

Максвелл-Файф: Может быть, вы припомните доктора Иоахима, социал-демократического адвоката из Берлина? Вы не знали о том, что он также был

---

[290] Эрнст Хайльман (1881 — 1940) — немецкий политик, депутат Рейхстага с 1928 по 1933 гг. Убит нацистами в концлагере Бухенвальд.

[291] Карл фон Осецки 1889 — 1938) — радикальный немецкий пацифист, антифашист и лауреат Нобелевской премии мира 1935 года. Умер находясь в тюремной больнице.

[292] Эрнст Экштейн (1897-1933) – немецкий социалистический политик и юрист. Умер в больнице после ареста.

заключен в концентрационный лагерь?

Папен: Нет, я его не знал и не знаю, что с ним случилось.

Максвелл-Файф: Хорошо, оставим в покое отдельных лиц. Разве вы не знали о том, что в течение нескольких месяцев после того как Гитлер стал канцлером, сотни, если не тысячи, социал-демократов и коммунистов были отправлены в концентрационные лагери?

Папен: Тысячи?

Максвелл-Файф: Хорошо, я буду говорить сотни, если хотите. Это та цифра, с которой согласился подсудимый Геринг. Поэтому возьмем за основу эту цифру — сотни социал-демократов и коммунистов. Министр Зеверинг заявил, что в концентрационные лагери было заключено 1500 социал- демократов и столько же коммунистов. Вы об этом не знали?

Папен: Я очень точно помню, как подсудимый Геринг однажды явился в кабинет после того, как он приказал полиции занять главный штаб коммунистической партии в доме Либкнехта[293] и заявил правительству, что он нашел большое количество документов, из которых следует, в какой мере коммунисты и другие элементы пытались нарушить общественный порядок и свергнуть новое правительство.

Максвелл-Файф: Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос. Вы не знали о том, что сотни социал-демократов и коммунистов были заключены в концентрационные лагери?

Папен: Нет, о сотнях я не знал. Я знал, что отдельные руководители были брошены в концентрационные лагери.

Максвелл-Файф: Давая свои показания на суде, вы упомянули о том, что декрет об амнистии от 21 марта представлял собой повторение того, что неоднократно имело место и ранее. Это ведь была амнистия совершенно
одностороннего характера, не так ли? Это была амнистия для тех, которые принимали участие в нацистской революции, то есть, короче говоря, амнистия для нацистов. Это не была амнистия для коммунистов, социал-демократов или кого-нибудь из тех людей, которые боролись на противоположной стороне, не правда ли?

Папен: Да, совершенно верно. Амнистия была объявлена не в отношении тех людей, которые работали против формирования этого правительства.

Максвелл-Файф: Таким образом, вы знали об этих вещах. Давайте еще раз обратимся к вашей речи, произнесенной в Эссене, то есть к вашему собственному отчету о том, что было вами сделано. Это страница 54 книги документов 11. Вы только что сказали мне, что сказанное вами в этой речи — а это было в ноябре —

---

[293] Здание центрального комитета Коммунистической партии Германии в Берлине расположенное на пересечении Александрплатц и Роза Люксембург-платц. Построено в 1912 как здание фабрики. В 1926 было приобретено КПГ. В настоящее время центральный офис партии «Левая». Был назван в честь Карла Либкнехта (1871 — 1919) — деятеля германского и международного рабочего и социалистического движения, одного из основателей (1918) коммунистической партии Германии. Убит во время ареста властями Веймарской республики

соответствует действительности. Вы говорите о том, что вы всеми силами пытались поддерживать национал-социалистическое движение и его руководителя. И далее, как вы видите, вы говорили, что вы «милостивой судьбой были избраны для того, чтобы соединить руки нашего канцлера и фюрера и нашего любимого фельдмаршала». К ноябрю 1933 года вы должны были уже прекрасно знать о том, каким образом Гитлер, ваш фюрер и канцлер, расправлялся с теми людьми, которые были его политическими противниками. Почему вы говорили, — вы ведь уже высказали нам свою точку зрения, — что вы очень гордились тем, что всеми имеющимися у вас средствами оказывали поддержку национал-социалистической партии, если вы не соглашались с ее идеями?

Папен: Мы всеми силами боролись в кабинете против нарушения Гитлером и партией политики коалиции. Конечно, эти нарушения нам были известны. Я лично во многих речах, которые не представлены суду,

указывал также на эти нарушения. Однако пока существовал этот пакт о коалиции, я должен был надеяться, что мы сумеем добиться своего, и поэтому, только по этой причине, я заверил Гитлера в своей лояльности, для того чтобы он со своей стороны относился лояльно к нам.

Максвелл-Файф: Я хочу привести вам последние слова вашей речи. Здесь вы обращаетесь с весьма осторожным и продуманным призывом к своим

согражданам-католикам. Вы говорите:

> «Давайте в этот час заверим фюрера и новую Германию в том, что мы верим в него и в его деятельность».

Почему вы говорили в подобных выражениях? Ведь в ноябре 1933 года вы должны были знать о том, что политика Гитлера заключалась в уничтожении оппозиции, в уничтожении его политических противников, в уничтожении профсоюзов, в приобретении полного контроля над Германией. Почему вы произносили подобные речи, если вы не верили в планы Гитлера и не соглашались со всем тем, что Гитлер хотел сделать?

Папен: Я скажу вам это совершенно точно. Вы знаете, что в июле того года я заключил конкордат и что я получил от Гитлера заверение о том, что он сделает мир в религии основой своей политики. Чем больше удавалось привлечь на сторону правительства консервативные элементы, тем больше это способствовало выполнению моей программы.

Максвелл-Файф: Если это все, что вы можете ответить, я хочу перейти к следующему вопросу. Вы уже заявили сегодня о том, что ко времени произнесения своей речи в Марбурге, 17 июня, вы уже начали понимать, с какого рода компанией вам приходится иметь дело. Итак, пожалуйста, не сочтите за оскорбление…

Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Людингхаузен: Господин председатель, могу я попросить трибунал, чтобы завтра и послезавтра мой клиент, господин фон Нейрат отсутствовал на заседании для того, чтобы подготовить и завершить свою защиту?
Председатель: Разумеется.
Максвелл-Файф: Подсудимый, вы сказали трибуналу очень много относительно вашей марбургской речи. Был ли некий Юнг одним из тех, кто помогал вам?
Папен: Да, совершенно верно.
Максвелл-Файф: И – поверьте, мне я никоим образом не подразумеваю этим оскорбления – господин Юнг значительно помог вам в составлении этой марбургской речи, не правда ли?
Папен: Юнг очень часто делал наброски для моих речей, в частности, это относится и к моей марбургской речи.
Максвелл-Файф: После 30 июня он был застрелен, не так ли?
Папен: Да.
Максвелл-Файф: Это был человек, который не очень нравился вам, но чьи политические взгляды (я полагаю, что вы назвали бы его прогрессивным консерватором) вы разделяли и весьма уважали? Так это?
Папен: Да, это так.
Максвелл-Файф: Вы сказали нам относительно фон Бозе. Он был застрелен, фон Чиршки был арестован — не так ли? — после этого случая?
Папен: Да
Максвелл-Файф: Фон Савиньи[294] был также арестован?
Папен: Я точно не могу вспомнить, но мне кажется, что нет.
Максвелл-Файф: Это неважно, имена здесь не играют роли. Но двое из вашего штата были расстреляны, а трое были арестованы. Разве не так?
Папен: Один из сотрудников моего штата был расстрелян, а двое арестованы. Господин Юнг не принадлежал к моему штату.
Максвелл-Файф: Господин Юнг не входил в ваш штат, но он был вашим ближайшим помощником. Теперь…
Папен: Он также был сотрудником, который, как я говорил, достаточно часто помогал мне, готовя наброски для речей, и с которым я разделял консервативные идеи.
Максвелл-Файф: Конечно, широко известно, что генерал фон Шлейхер и его жена также были застрелены и, если мне не изменяет память, генерал фон Бредов[295] был также застрелен, да?
Папен: Да, правильно.

---

[294] Фридрих фон Савиньи (1903-1944) – референт Ф. фон Папена.
[295] Фердинанд фон Бредов (1884 — 1934) — немецкий генерал, был главой абвера, а также исполнял обязанности министра обороны в кабинете Курта фон Шлейхера. Убит под предлогом подавления мятежа СА.

Максвелл-Файф: Вы были арестованы, как вы нам сказали, в течение трех дней, и я полагаю, что ваши досье с делами были отобраны у вас, да?

Папен: Да, правильно.

Максвелл-Файф: Скажите, пожалуйста, эти события потрясли вашу веру в режим?

Папен: Мою веру во что?

Максвелл-Файф: Эти события потрясли вашу веру в режим и в Гитлера?

Папен: Во всяком случае, я уже вчера показал суду, что этим поступком пакт от 30 января был разрушен.

Максвелл-Файф: И вы подали заявление об отставке 2 июля, не так ли?

Папен: Нет, я подал в отставку еще раньше.

Максвелл-Файф: Вы уже подали заявление об отставке 18 или 19 июня и подтвердили его снова 2 июля?

Папен: Совершенно правильно.

Максвелл-Файф: Вы заявляете сейчас трибуналу, что снова подали заявление об отставке потому, что вы потеряли веру в режим, или потому, что ваша гордость была уязвлена тем, что вы были арестованы, ваш секретарь застрелен, а ваши документы захвачены?

Папен: Я просил отставку, во-первых, из-за невозможного отношения ко мне лично и к моим сотрудникам, во-вторых, потому, что этим поступком Гитлер нарушил пакт от 30 января и всякое внутриполитическое сотрудничество мое с ним стало невозможно.

Максвелл-Файф: Хорошо. Попрошу вас сейчас посмотреть на документ D-714. Ваша честь, это будет GB-497.

> Это ваше письмо Гитлеру, написанное 4 июля. Тут сказано:
>
> «Вчера, в 10 часов утра, я имел честь информировать вас устно относительно моего отношения к событиям последних дней, после того как меня освободили из-под ареста в 9 часов вечера 2 июля. Я тогда заявил вам, что не могу более занимать своего поста в кабинете до тех пор, пока не будет реабилитирована моя честь и честь моих сотрудников.
>
> 30 июня пять моих сотрудников были арестованы, и один из них был застрелен. Мои досье были конфискованы, моя канцелярия опечатана, а мой личный секретарь также арестован. Это положение продолжается и сейчас.
>
> Подобное поведение в отношении второго в стране государственного чиновника может быть оправдано только в том случае, если он и его сотрудники виновны в соучастии в заговоре против фюрера и нации.
>
> В интересах защиты не только моей лично чести, но и в еще большей степени ради сохранения авторитета и доброго имени государства нужно или немедленно доказать мою виновность в этом деле, или же

реабилитировать меня».

И затем вы говорите:

«Эти события стали известны за границей частично в извращенном виде...»

Поэтому нельзя было терять ни часу времени. Вы обращаетесь к его солдатскому чувству чести и просите, чтобы это дело было передано генеральному прокурору или чтобы было опубликовано коммюнике, в котором бы говорилось:

«…чтобы проведенное расследование показало, что нет никаких доказательств какой-либо причастности к заговору, и тем самым была бы полностью восстановлена моя честь и честь моих сотрудников.

Если вы не пожелаете принять этих мер, мое дальнейшее пребывание в кабинете станет невозможным».

Теперь посмотрите, что далее говорится в письме.

«Уже 18 и 19 июня я предоставил свою канцелярию в ваше распоряжение, канцлер. Теперь я с еще более легким сердцем могу просить вас об отставке, потому что работа, начатая нами вместе 30 января 1933 г., уже, по-видимому, находится вне опасности от дальнейших покушений. Одновременно я прошу освободить меня от исполнения обязанностей уполномоченного по Саарской области.

Я надеюсь, что вы осуществите свое решение о реабилитации моей чести, что я вас прошу сделать в течение нескольких ближайших часов.

Я остаюсь всецело преданным вам и вашей деятельности на благо нашей Германии».

Правильно ли, что вы почувствовали облегчение от того, что деятельность Гитлера была вне опасности, что ей не угрожали дальнейшие мятежи?

Папен: Я не понял вопроса.

Максвелл-Файф: Правильно ли, что вы почувствовали облегчение от того, что деятельность Гитлера была вне опасности, что ей не угрожали дальнейшие покушения?

Папен: Да, у меня сложилось впечатление, что это была революция, которую он подавил. Это письмо было написано мною через день после
моего освобождения из-под ареста. У меня было такое ощущение, что это была революция и, наконец, с нею было покончено.

Максвелл-Файф: Вы знали, что генерал фон Шлейхер и его жена были убиты?

Папен: Я не думаю, что знал это тогда.

Максвелл-Файф: Вы лишь знали, что был застрелен господин фон Бозе?

Папен: Да, это упоминалось в письме.

Максвелл-Файф: И как вам известно, на земле не существовало ни малейшей причины, чтобы застрелить генерала фон Шлейхера, Юнга и Бозе, не так ли?

Папен: Нет, я не знаю причины. Насколько я помню…

Максвелл-Файф: Нет, вы знали, что не было никакой причины, не так ли?

Папен: Нет, на мой вопрос относительно причины, Гитлер ответил, что господин фон Бозе участвовал в деле по передаче информации зарубежной прессе.

Максвелл-Файф: Понимаю. Следовательно, мы можем считать, что вы совершенно чистосердечно, в здравом уме, с полной верой в то, что вы говорите, с полной искренностью заявили 4 июля 1934: «Я остаюсь всецело преданным вам и вашей деятельности на благо нашей Германии». Это верно?

Папен: Да, поскольку я должен был надеяться, что моя дальнейшая работа для Германии не окажется вредной, даже если он отойдет от меня в своем внутриполитическом сотрудничестве.

Максвелл-Файф: Вам не требуется вдаваться в письмо. Вы можете принять, что я разберусь с ним в своё время, так, что заранее можно не читать остальное.

В результате этого вы встретились с Гитлером в тот же день, не так ли?

Просто, отвечайте на мои вопросы. Я обещаю вам, что мы рассмотрим эти письма.

Вы видели Гитлера в тот день?

Папен: Я видел его раньше.

Максвелл-Файф: Да, но вы также виделись с ним после этого письма?

Папен: Я видел его за день до этого. В письме сказано…

Максвелл-Файф. Но вы виделись с ним после того, как было написано это письмо, и разве вы не приняли предложение Гитлера остаться вице-канцлером до сентября с тем, чтобы после этого перейти на работу в министерство иностранных дел?

Папен: Нет, мне кажется, это не так.

Максвелл-Файф: Если вы не считаете это достоверным, посмотрите на следующее письмо которое D-715, которое станет экземпляром GB-498.

Это письмо от 10 июля и начинается:

> «Наше соглашение от 4 июля» — именно этим днем датировано письмо — «о том, что я останусь на своем посту вице-канцлера до сентября, а затем перейду на работу в министерство иностранных дел, основывалось на следующих условиях: немедленное и полное восстановление моего авторитета и чести таким образом, чтобы я мог остаться на службе в Рейхе, на любой должности, на любом посту».

Заявляете ли вы сейчас трибуналу, что 10 июля вы не знали, что генерал фон Шлейхер и его жена были убиты, что генерал фон Бредов был убит и что Юнг, так же как и Бозе, были уничтожены? Вы говорите, что вы не знали всего этого 10 июля?

Папен: Я вовсе не оспариваю того, что я знал это, но я ведь требовал, как я уже сказал суду, чтобы немедленно было начато расследование, для того чтобы точно узнать причины этого. Общественное мнение утверждало, что Шлейхер был

застрелен в тот момент, когда он отстреливался. Все эти вещи для меня были тогда совершенно неясны.

Максвелл-Файф: Но ведь, конечно, правильно то, как вы тут написали, что вы дали согласие Гитлеру остаться на посту вице-канцлера до сентября, а затем перейти на работу в министерство иностранных дел на тех условиях, которые здесь приведены? Не так ли?

Папен: Нет, это неправильно.

Максвелл-Файф: Но ведь это ваше собственное письмо.

Папен: Да, это письмо было написано в силу того, что Гитлер обещал мне начать расследование и то выяснение фактов, которое после восстановления моей чести и после выяснения всех преступлений обеспечило бы мне возможность оставаться на службе в Рейхе. Но этого
никогда не произошло.

Максвелл-Файф: Фон Бозе и Юнг работали с вами в самом тесном сотрудничестве, и вы лучше всех других знали, были ли они невиновны. Почему же вы, зная об этом, дали согласие Гитлеру оставаться на посту вице-канцлера, а затем — перейти на работу в министерство иностранных дел?

Папен: Я уже констатировал, что ушел в отставку, а то предложение, где говорится о том, что я, может быть, останусь на посту, — это просто предположение.

Де факто я ушел с поста и с июня де факто не я осуществлял никакую правительственную деятельность.

Максвелл-Файф: Посмотрите на следующую строчку в этом письме:

> «С этой целью 5 июля я передал вам мои предложения относительно официального заявления, в котором должно быть сказано, почему произошли аресты некоторых чиновников из моего штата и каким образом фон Бозе лишился жизни. Кроме того, там должно было говориться о полной непричастности всех моих сотрудников к восстанию СА. Моя просьба сделать подобные заявления была выполнена только частично — было объявлено лишь об освобождении и невиновности фон Чиршки, фон Савиньи и моего личного секретаря — Штотзингена».

Вы передали Гитлеру свой проект и просили Гитлера издать официальное заявление, но он этого не сделал, он не восстановил честь людей, с которыми вы бок о бок работали, но тем не менее вы остались на своем посту, вы дали согласие Гитлеру принять его предложение остаться на посту вице-канцлера и затем перейти на работу в министерство иностранных дел.

Понимаете, что я хочу сказать? Я говорю совершенно ясно, что единственно, о чем вы заботились, — это о вашем личном положении, восстановлении вашей личной чести. Вы готовы были служить этим убийцам, лишь бы была восстановлена ваша собственная честь.

Папен: Господин обвинитель, лучшим доказательством моих намерений отойти от режима, является тот факт, что я действительно ушел в отставку. Если бы было выяснено все, если бы была установлена невиновность моих чиновников и служащих, которые были арестованы и убиты, тогда для меня была бы возможность остаться на государственной службе, но не вице-канцлером — я ведь отказался от этого поста. Из этого письма вы видите, что Гитлер ничего не предпринял для того, чтобы выяснить причины этих арестов.

Максвелл-Файф: И так как Гитлер не сделал подобной попытки, вы написали еще более отвратительное письмо, в котором восхищались его действиями. Посмотрите на документ номер D-716, который станет экземпляром GB-499:

«Глубокоуважаемый рейхсканцлер!

Я долго размышлял о нашем вчерашнем разговоре и о заявлении, которое вы сделали, и, в частности, о том, что вы сказали в связи с вашими намерениями, касающимися вашего выступления в Рейхстаге.

Я не перестаю думать об огромной важности этой речи и о ее особом влиянии на положение Германии также и в сфере внешней политики.

И поэтому чувствую необходимость, фактически я считаю своим долгом сообщить вам мое мнение, как я часто делал это прежде в связи с другими случаями.

Вы объяснили мне вчера, что вы собираетесь публично признать ответственность за все, что случилось в связи с подавлением бунта СА. Разрешите мне сказать, что я считаю это намерение проявлением мужества и гуманности. Подавление бунта и ваше смелое и твердое вмешательство, конечно, будут встречены полным признанием всего мира.

Однако в настоящее время бременем для Германии являются события, которые произошли помимо вашей собственной инициативы и без всякой непосредственной связи с этим бунтом. Вы сами приводили примеры этого. Об этом писали, в частности, в британской и американской прессе».

Затем, пропуская три абзаца, вы пишете:

«Разрешите мне уверить вас снова, что я лично и мое положение, за исключением восстановления моей личной чести, не играют более никакой роли и имеют значение лишь постольку, поскольку события в вице-канцлерстве от 30 июня рассматриваются общественностью как следствие разрыва между вами и мной».

Затем после дальнейших высказываний в том же роде вы заканчиваете письмо словами:

«с неизменным восхищением и преданностью...»

Разве дело не сводилось к тому, подсудимый, что вам было безразлично,

были ли расстреляны ваши сотрудники или нет и приняло ли правительство, членом которого вы являлись, убийство как орудие политики, лишь бы только была восстановлена ваша личная честь? Все это не имело для вас никакого значения, лишь бы только была восстановлена ваша честь и была бы вам обещана возможность дальнейшей работы в министерстве иностранных дел.

Папен: Нет.

Максвелл-Файф: Почему же вы писали такие вещи главарю банды убийц умертвившей ваших сотрудников? Почему вы писали этому человеку:

> «Подавление бунта и ваше смелое и твердое вмешательство будут встречены полным признанием всего мира»?
>
> Почему вы это писали?

Папен: Потому, что я тогда придерживался того мнения, что в действительности имела место революция и что Гитлер подавил ее. С другой стороны, было уничтожено много людей, в том числе и сотрудники моего бюро. По этому вопросу я желал получить от Гитлера разъяснение.

Когда он мне сказал, что он согласен взять на себя ответственность за это, то я считал это очень хорошим поступком, но я понял его не так, как он фактически поступил впоследствии, заявив в Рейхстаге, что эти события вполне оправданы. Я понял его заявление о том, что он хочет взять ответственность за все эти события, в том смысле, что он разъяснит всему миру эти события, а не объявит их правильными с точки зрения закона и не нуждающимися в расследовании.

Максвелл-Файф: Заявляете ли вы трибуналу, что 12 июля вы думали, будто могут существовать какие-либо сомнения в том, виновен ли ваш друг Юнг, или возможность того, что он был виновен в измене родине и в заговоре против Гитлера? Вы что, верили в это, хотя бы одну минуту?

Папен: Господин Гитлер объяснил мне, что тогда убийство Бозе было прежде всего лишь…

Максвелл-Файф: Нет, я сначала, прежде всего спросил о вас. Я спросил, вы верили, что Юнг был виновен в измене Рейху или заговоре против Гитлера?

Папен: Нет, конечно, нет.

Максвелл-Файф: Так, вы очень хорошо знали, что Гитлер был обеспокоен общественным мнением за границей, поскольку он боялся, что там распространятся сведении относительно разрыва между вами и им, не правда ли?

Вы знали, что после кровавой чистки была необходима поддержка бывшего канцлера Германского Рейха, как вы нам сказали, — католика из старинной семьи, пользовавшегося большим авторитетом среди католического населения, что поддержка человека подобного круга была бы очень ценной для него после этой кровавой чистки, которая вызвала беспокойство общественного мнения за рубежом. Вы ведь знали, что такая поддержка ему нужна, не так ли?

Папен: Нет, из этого письма следует, что я долгое время просил Гитлера

установить, почему, по каким причинам отнеслись, таким образом, к моим сотрудникам и ко мне лично. Он должен был сказать это миру.

Максвелл-Файф: Если бы вы как бывший канцлер Рейха и, как вы сами говорили, один из руководящих католических деятелей в Германии, бывший офицер имперской армии, заявили бы в то время: «Я не хочу быть сообщником в убийстве, в хладнокровном убийстве, являющемся орудием политики», — вы могли бы, конечно, рискуя в известной степени собственной жизнью, свергнуть этот гнилой режим. Не так ли?

Папен: Это возможно, но если бы я сказал это публично, я, вероятно, исчез бы куда-нибудь, так же как и мои сотрудники. Мне кажется, что мир мог бы понять из самого факта моей отставки, что я не иду в ногу с этим режимом.

Максвелл-Файф: Тогда вы взгляните на то, что вы сами писали. Посмотрите на документ номер D-717 который станет экземпляром GB-500, здесь вы подчеркивали то обстоятельство, что Гитлер придавал очень большое значение вашему сотрудничеству. Посмотрите на второй абзац. Я зачитаю его, он очень короткий. Вы говорите там:

> «Я надеюсь, что вы получили мое вчерашнее письмо и поняли его в правильном смысле.
>
> Сегодня я прошу вас, по личным причинам, разрешите мне отсутствовать на заседании Рейхстага. Вчера вы придерживались того мнения, что мое отсутствие может создать впечатление, что между нами существуют разногласия. Но подобное впечатление не создастся, если вы в своей речи сошлетесь на случай в вице-канцлерстве в той форме, в какой вы это мне обещали.
>
> Я вел себя в течение всех этих дней по отношению к внешнему миру весьма замкнуто и старался показываться как можно реже. И вы, конечно, поймете, что я не хочу появляться в общественных местах до тех пор, пока с меня не будет снята даже тень подозрения.
>
> Я также попросил председателя партии в Рейхстаге извинить меня за мое отсутствие».

Кто был в это время председателем партии? Вы имеете в виду председателя нацистской партии?

Папен: Нет, мне кажется, что председателем от партии был Фрик.

Максвелл-Файф: Это была правящая партия, не так ли?

Папен: Да. Из этого письма ясно вытекает, что я просил Гитлера отчитаться перед Рейхстагом за предпринятые против меня и моих сотрудников меры.

Максвелл-Файф: Вы хотели, чтобы он сделал заявление о том, что вы всегда были абсолютно лояльны по отношению к нему? Этого вы хотели? Да?

Папен: Нет, я хотел…

Максвелл-Файф: Хорошо, если вы не согласны с этим, посмотрите на документ

номер D-718, который станет экземпляром GB-501. Это ваши слова, сказанные на следующий день:

> «Глубокоуважаемый канцлер:
>
> После того как вы вчера сделали перед нацией и всем миром ваш великий отчет о внутреннем положении и о событиях, которые привели к 30 июня, я чувствую, что мне хочется пожать вам руку, как я это сделал 30 января 1933 г., и поблагодарить вас за все то, что вы дали немецкому народу, подавив в зародыше вторую революцию, провозгласив непреложные принципы государственного мужа.
>
> Трагические и печальные обстоятельства помешали мне впервые, начиная с 30 января, быть рядом с вами. Вы сами разрешили мне отсутствовать и проявили понимание того, что вице-канцлер не может занять свое место на министерской скамье, если он подвергается особому обращению (досье, конфискованные у меня, все еще не возвращены мне, несмотря на указания Геринга и ваши собственные).
>
> Ваши заявления ясно показали истории, что какое-либо подозрение в связях между мной и этим предательским заговором являлись преднамеренной клеветой и злословием. Я благодарю вас за это заявление».

Затем, после того как вы пишете, что люди все еще верят этому, в предпоследнем абзаце вы заявляете:

> «Поэтому я был бы вам особенно признателен, если бы вы с определенностью заявили при удобном случае, что до сегодняшнего дня», — то есть до 14 июля, — «я преданно стоял рядом с вами и сражался за вас, за ваше руководство, за вашу деятельность на благо Германии».

Что же, подсудимый, вы отрицаете то, что я предъявил вам несколько минут назад? Вы отрицаете, что все, чего вы хотели, — это, чтобы всему миру было заявлено о вашей лояльности по отношению к режиму? Вас совершенно не беспокоило то, что фон Шлейхер и его супруга, фон Бозе и Юнг, и многие другие были убиты правительством Рейха. Если это не так, то почему вы написали такое письмо?

Папен: Я написал это письмо, и это из самого письма ясно, потому, что меня в последующее время обвиняли в причастности к попыткам убийства Геринга, Геббельса и к другим заговорам. Поэтому для меня было очень важно констатировать, или для меня было важным, чтобы рейхсканцлер констатировал, что я не принимал участия ни в каком заговоре против него в течение всего этого восстания. Само собой разумеется, что в этом письме я сначала говорю о своем положении и о положении, в которое попали мои сотрудники. В мою задачу не входило заботиться о восстановлении чести господина фон Шлейхера — это должна

была сделать армия.

Максвелл-Файф: Да, я перейду к этому, когда мы будем рассматривать армию, но сейчас я хочу сказать вам следующее: даже после того, как вы узнали, что ваши друзья были убиты, не говоря уже о ваших старых коллегах, ваши собственные друзья были убиты, вы снова и снова заявляете о вашей лояльности и о том, что вы всегда работали и сотрудничали с Гитлером во всем, что он делал. Вы честно заявляли об этом? Содержание этих писем является честным изложением ваших убеждений или вы утверждаете, что это ложь, которую вы писали для того,
чтобы защитить себя?

Папен: Нет, я писал это потому, что в действительности все эти действия, направленные против меня, попытка Гиммлера убить меня и тот факт, что я был арестован, основывались только на том предположении, что я участвовал в каком-то заговоре против правительства Гитлера. Поэтому в самом начале я должен был ясно показать, что, пока я являюсь членом этого правительства, во всей своей деятельности я был всегда в высшей степени лояльным. Вот причина, в силу которой я просил констатировать эти факты.

Максвелл-Файф: Вы помните, что ваш защитник по вашим указаниям послал опросный лист барону фон Лерзнеру? Это номер 2(а) на странице 212 документальной книги защиты 3, вопрос 2(а):

> «Правильно ли, что подсудимый фон Папен, исповедуя консервативные идеи, надеялся изменить политику Гитлера и склонить его к своим собственным взглядам, но что после того, как 30 июня произошли убийства и Гитлер их оправдал, подсудимый убедился в том, что все надежды и стремления были напрасны».

И барон фонЛерзнер весьма естественно отвечает на этот вопрос: «да».

Скажите, это правильно выражает ту точку зрения, которой вы придерживались до того времени, «до тех пор пока 30 июня 1934 г. произошли убийства, и одобрение этих убийств Гитлером убедило его», то есть вас, в том, что ваши надежды и стремления были напрасны? Вы согласны с этим? Это опросный лист, предъявленный вам вашим собственным ученым защитником?

Папен: Да, да, я согласен с этим.

Максвелл-Файф: Если таковы были ваши взгляды, почему вы писали такие письма, высказывая такое верноподданническое восхищение Гитлером?

Папен: То, что я хотел сказать этим опросным листом, или, вернее, то, что я хотел спросить у Лерзнера, заключается в следующем: правильно ли...

Максвелл-Файф: Ответы свидетеля ожидают в вопросе ему. Это один из самых лучших примеров наводящего вопроса, который я когда-либо видел. Вы заявляете, что ваш опросный лист является выражением вашей точки зрения, не так ли?

Папен: Могу сказать, что если я считал, что 30 июня стало очевидно, что дальнейшее сотрудничество с Гитлером больше невозможно и что таким образом,

коалиционная программа которую мы согласовали рухнула…

Максвелл-Файф: Вы снова говорите о своей неизменной верности Гитлеру и восхищении им, и повторяете то, что вы всегда сотрудничали с ним.

«Я остаюсь всецело преданным вам и вашей деятельности на благо нашей Германии».

Если ваша точка зрения изложена в этом опросном листе и заключается в том, что основы вашей веры были поколеблены, почему вы пишете, что вы остаетесь всецело преданным деятельности Гитлера ради Германии?

Папен: И вам и суду я уже заявлял, что надеялся, что, несмотря на этот крах Гитлера в области внутриполитической, в области внешнеполитического курса, он будет вести благоразумную политику. Он был уже у власти, мы ведь не могли теперь отстранить его от власти, мы

должны были считаться и с Гитлером и с его правительством. Как известно, все остальные министры остались на своих постах. Я был единственным человеком, который ушел с поста. Все эти письма, с помощью которых вы хотите доказать, что я нечестен или говорил неправду, или, как вы это называете, что я лжец или обманщик, не могут

скрыть от мира того факта, что я тогда ушел с поста.

Максвелл-Файф: И через одиннадцать дней вы приняли новый пост. Через одиннадцать дней после последнего письма вы взяли на себя представительство интересов — я не скажу банды убийц — вы представляли это правительство, сделавшее убийство орудием своей политики, на посту уполномоченного в Австрии, через одиннадцать дней после вашего последнего письма.

Давайте посмотрим, играл ли здесь роль мотив убийства. Думали ли вы, что Гитлер фактически стоял за путчем в Австрии, который привел к убийству канцлера Дольфуса?

Папен: Я знаю, что назначенный им руководителем австрийской партии Хабихт был, во всяком случае, связан с этим делом, но что сам Гитлер дал свое согласие на этот акт, — это мне не было известно.

Максвелл-Файф: А вы думали о том, что министерство иностранных дел Германии фактически стояло за этим июльским путчем?

Папен: По моему мнению, оно не имело ничего общего с этим.

Максвелл-Файф: Вы думали тогда, что Рит, посланник Германии в Вене, фактически направлял этот путч?

Папен: Нет, мне только известно, что Рит вел переговоры с австрийским правительством.

Максвелл-Файф: И вы не знали о том, что Гитлер стоял за этим? Вы отрицаете, что министерство иностранных дел имело отношение к этому путчу? Вы не знали, что Рит был с этим связан? Посмотрите на страницу 96 книги документов. Это страницы 79 и 80 немецкой книги.

Это — ваш отчет, отчет, сделанный год спустя. Я рассматриваю его не в хронологическом порядке. Это, по-моему, последний абзац страницы 79 немецкого текста:

> «Надежда на то, что личные переговоры между фюрером и рейхсканцлером, а также главою итальянского государства в Стрезе приведут к урегулированию германо-итальянских разногласий, перешла в свою противоположность, поскольку Муссолини после убийства его друга Дольфуса занял угрожающую позицию и поскольку была проведена частичная мобилизация итальянских войск на Бреннере. Стало совершенно ясно, что попытки восстановить с Германией дружественные и нормальные отношения путем посылки меня в Вену были тогда невозможны после событий недавнего времени. Недоверие к насильственным методам австрийской национал-социалистической партии, — обратите внимание на следующие слова, — поскольку становилось все более и более ясным из прошедших судов, что она находится под влиянием руководящих германских деятелей, было слишком сильным. Впечатление, произведенное террористическими методами, а также смерть федерального канцлера все еще живы в памяти у широких слоев».

Теперь, подсудимый, скажите трибуналу, каких руководящих германских деятелей вы имели в виду, утверждая, что они стояли за путчем 25 июля? Кто были эти люди, которые, как вы заявляете, стояли за убийством Дольфуса? Кто они?

Папен: Ни в коем случае этим лицом не был бывший германский посол в Вене фон Рит, а только Хабихт и подчиненные ему лица, которые руководили политикой австрийских национал-социалистов.

Но я могу отметить, что в этой фразе сказано, что недоверие к методам используемым австрийскими нацистами усиливалось после проведенных процессов, и это то о чём мы узнали год спустя, а не в то время, когда мне поставили задачу.

Максвелл-Файф: Я хочу знать другое. Я спросил вас, кто были руководящие представители германского государства? Вы не собираетесь заявлять здесь трибуналу, что Хабихт, связной при национал-социалистической партии Австрии, был германским руководящим деятелем? Кто были эти люди? Вы ведь не собираетесь утверждать, что австрийские нацисты были руководящими германскими деятелями? Кто были люди, о которых вы говорите как о высокопоставленных представителях Германского Рейха?

Папен: Руководящей личностью был, несомненно, Хабихт. Это письмо написано еще для того, чтобы сказать Гитлеру: «Посмотри, это ты наделал»

Максвелл-Файф: Вы хотите, чтобы трибунал принял всерьез, как основание для вынесения суждения о вашей правдивости, ваше заявление о том, что под руководящими германскими деятелями вы подразумеваете Хабихта и никого иного,

хотя вы употребляете множественное число? Разве вы не помните, подсудимый, — подумайте, прежде чем ответить, что генерал Гляйсе-Хорстенау не мог даже вспомнить имени Хабихта, когда давал свои показания?

Вы не можете говорить всерьез, что имели в виду посредника с австрийской НСДАП, когда ссылались на видным личностей Германского Рейха. От вас можно ждать большего.

Подумайте еще раз и скажите трибуналу: кого вы на самом деле имели в виду?

Папен: Господин обвинитель, господин Хабихт не был посредником, он был назначен Гитлером как руководитель партии Австрии, так что я с полным правом могу назвать его руководящей личностью. Поскольку Гитлер знал уже тогда о всех происходивших событиях, то при чтении моего письма ему должно было быть понятно, что я имею в виду.

Максвелл-Файф: Но даже если я приму ваше заявление о Хабихте, чего я, конечно, никогда не сделаю, то это ведь только один человек. Кто были остальные? Вы ссылались на высокопоставленных руководителей Германского Рейха? Кто были люди, стоявшие за этим путчем и убийством?

Папен: Я должен сказать вам откровенно, что с тех пор прошло уже двенадцать-пятнадцать лет, и я не могу уже вспомнить, кого именно я имел в виду, когда писал эти строки. Во всяком случае, целью этого письма было показать Гитлеру, что те методы, которыми там действовали, были много вреднее, много ненадежнее, чем мы тогда думали.

Максвелл-Файф: Мы будем исходить из того, что вы считали, что за убийством Дольфуса стояли какие-то неопределенные высокопоставленные лица из Германского Рейха.

Теперь, давайте рассмотрим, что вы говорите в отношении показаний господина Мессерсмита. Насколько понимаю, вы отрицаете – если можно так сказать, с некоторым возмущением - показания Мессерсмита в тех местах, которые касаются вас. Давайте посмотрим на его показания и увидим, в какой мере вы сможете серьезно доказать, что показания его неверны.

Думаю я вчера давал ссылки вашей светлости. Ссылка на письменные показания PS-1760 документальная книга 11 и страница 22 относится к этому; и ещё одни письменные показания, документ PS-2385, 11а, страница 24. Они более короткие.

Подсудимый, думаю те на которые я хочу, чтобы вы посмотрели PS-1760, и я думаю это начинается на третьей странице. Я хочу, чтобы вы посмотрели на этот отрывок из письменных показаний. Боюсь я не смогу привести вам точное немецкое место – где он касается вас.

Милорд, это страница 22.

Абзац начинается со слов:

> «Что политика аншлюса осталась совершенно неизменной, подтвердил мне Франц фон Папен, когда он прибыл в Вену в качестве посла Германии».

Подсудимый у вас есть отрывок?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Посмотрите на несколько строчек ниже. Дальше Мессерсмит заявляет:

> «Когда я посетил фон Папена в германской миссии, он встретил меня словами: «Теперь вы у меня в миссии, и я могу контролировать наш разговор». В самой наглой и циничной форме он затем заявил мне, что вся юго-западная Европа до границ Турции естественно представляет собой окрестности Германии и что он облечен полномочиями облегчить экономический и политический контроль Германии над всей этой территорией. Он совершенно прямо и откровенно сказал мне, что контроль над Австрией будет первым шагом. Он определенно заявил, что находится в Австрии для того, чтобы ослабить и подорвать австрийское правительство и действовать из Вены таким образом, чтобы ослабить другие государства на юге и на юго-западе. Он сказал, что так как он пользуется репутацией хорошего католика, то он намеревается использовать ее для того, чтобы приобрести влияние на некоторых австрийцев, таких, как кардинал Иннитцер и другие. Он сказал, что он говорит мне это потому, что германское правительство с целью приобретения контроля над юго-западной Европой хочет идти на все и что нет ничего, что могло бы остановить его на этом пути, а также что наша политика и политика Франции и Англии не строится на учете реального положения вещей».

Затем господин Мессерсмит говорит, что сказал вам, как он был поражен, и что вы только улыбнулись и ответили, что этот разговор, конечно, останется между вами и что ни вы, ни Мессерсмит не будете говорить так откровенно с другими. Затем он заявляет:

> «Я вхожу в эти детали потому, что очень характерно, как откровенно и прямо высокопоставленные нацистские чиновники говорили о своих целях».

И теперь вы заявляете трибуналу, что вы не говорили ничего подобного Мессерсмиту. Независимо от того, говорили вы Мессерсмиту или нет, скажите, отрицаете ли вы, что это были ваши намерения и цели?

Папен: Да, я абсолютно отрицаю, что мои цели и намерения были такими, какими излагает их здесь Мессерсмит. Вчера я говорил суду…

Максвелл-Файф: Теперь я хочу быстро рассмотреть это. Я прошу вас на одну минуту обратиться к документу, на который вы смотрели некоторое время назад.

Это документ PS-2248.

Милорд, это страница 96. Она начинается здесь в 11а, и я хочу перейти к странице 97. Это страница 81 немецкой книги.

Итак, подсудимый, таким бы ваш взгляд в 1935 году, если вы посмотрите на страницу 81 немецкого текста.

Милорд это первый пробел на странице 97.

> «Великая историческая речь фюрера 21 мая этого года, а затем морское соглашение[296] значительно ослабили напряжение во внешней политике в отношении Англии.
>
> Но чёткая и окончательная определенность в отношении национал-социализма к советской доктрине государства удвоили франко-русские попытки навредить нам на востоке и юго-востоке, одновременно не достигнув разрядки в другом направлении ясно отказавшись от аннексии или аншлюсса Австрии.
>
> Все попытки вновь образованного Третьего Рейха вести экономическое, особенно политическое наступление на юго-восточную Европу должны неизбежно столкнуться с фронтом, образованным всей Европой».

Кто внушил вам идею экономического или политического наступления на юго-восток Европы? Вы говорили об этом с подсудимым Нейратом?

Папен: Нет, вообще нет.

Максвелл-Файф: Вы думаете, что говорите за себя?

Папен: Само собой разумеется, но я делаю здесь лишь негативное утверждение. Я констатирую, что продвижение в юго-восточной Европе должно столкнуться с фронтом, образованным всей остальной Европой. И таким образом, я предостерегал от этого.

Максвелл-Файф: Вы понимаете, господин фон Папен, что я не могу сделать сейчас никаких комментариев. Я могу только обращать ваше внимание на отдельные моменты. Я спрашиваю вас, внушил ли вам эту идею, скажем, министр иностранных дел, или это были ваши собственные идеи? Вы говорите, что это ваша собственная идея?

Взгляните на страницу 82

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Страница 82. Здесь есть абзац – милорд, это та же самая страница, 97, в английской версии - где вы продолжаете говорить:

> «Этот реалистический обзор европейского положения непосредственно показывает, что германо-австрийская проблема не может быть, по крайней мере, в ближайшем будущем, успешно

[296] Англо-германское морское соглашение 1935 года — договор о соотношении военно-морских сил, заключённый между Великобританией и нацистской Германией в июне 1935 года.

> разрешена с точки зрения внешней политики. Мы должны в настоящее время довольствоваться тем, чтобы международное положение Австрии не ухудшилось, имея в виду разрешение проблемы в будущем. В этой связи опасность пакта о невмешательстве и двустороннего пакта может быть успешно предотвращена. Окончательное оформление этого решения зависело и зависит лишь от формы германо-австрийских отношений и ни от чего более».

Почему вы так боялись пактов о невмешательстве, если вы считали, что возможно только эволюционное решение австрийского вопроса, опирающееся на волю самой Австрии? Почему вы так боялись пакта о невмешательстве, который обязал бы Германию не вмешиваться во внутренние дела Австрии?

Папен: По очень простой причине. Все политические комбинации, которые в то время проводились противной стороной, имели лишь одну цель, а именно — запутать Австрию в такую комбинацию, независимо от того, подразумевать ли под этим Дунайский пакт или пакт с Италией или Францией, создать для нее такую ситуацию, которая бы сделала невозможным развитие мысли об аншлюссе. Само собой разумеется, что вследствие этого целью нашей политики должно было быть и остаться не допустить ухудшения международного положения Австрии, как я здесь высказался.

Максвелл-Файф: Да, я ожидал, что вы именно так ответите. Взгляните сейчас на страницу 83. Это следующий абзац:

> «Немецкий народ в течение веков шел по пути страданий для того, чтобы добиться единства. На заре национал-социализма и при создании Третьего Рейха путем окончательного уничтожения всякого государственного партикуляризма появилась единственная неповторимая возможность закончить работу Бисмарка и приблизить разрешение проблемы отношений между Германией и Австрией и сделать это в результате динамического развития событий внутри Германии».

Разрешите мне кратко сформулировать то, что вы, по-моему, понимаете под завершением задачи этого человека, потому что, я надеюсь, у нас не будет разногласий в вопросах истории, каковы бы они ни были в другом. Насколько я понимаю, вы считаете, что Бисмарк в 1871 году, создав Германскую империю, сделал лишь попытку разрешить эту проблему, так как империя Габсбургов осталась отделенной от Германии, а завершением этой задачи было бы, по вашему мнению, включение старых владений Габсбургов в Германию вместе с другими государствами немецкой нации, входившими в Священную Римскую империю[297]. В

[297] Священная Римская империя, с 1512 года — Священная Римская империя германской нации — надгосударственный союз итальянских, немецких, балканских, франкских и западнославянских государств и народов,

общих чертах, это то, что вы хотели сказать?

Папен: Совершенно верно. Не все габсбургские государства, а только Австрию — немецкую часть.

Максвелл-Файф: Вы имели в виду первоначальные владения Габсбургов?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Совершенно верно. Я надеюсь, что представил это достаточно объективно.

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Что вы хотели сказать, заявив, что разрешение вопроса об отношениях между Германией и Австрией должно было быть достигнуто в результате «динамического развития событий внутри Германии». Что вы имели в виду, говоря эту фразу?

Папен: Под этим я имел в виду следующее. Еще никогда в истории Германии не случалось, чтобы какая-нибудь большая партия, которая написала на своем знамени единство Германии, существовала в обоих государствах. Это было бы неповторимым историческим явлением, и этим

я хотел сказать, что динамика этого движения в обеих странах, которая требует единства, обеспечивает перспективу разрешения этого вопроса.

Максвелл-Файф: Подсудимый, я хочу объяснить вам, в чем именно состоит трудность, с которой я сталкиваюсь. Как вы могли совместить существование централизованной Германии во главе с национал-социалистическим правительством, чьи неразборчивые методы вы тогда уже знали после событий 30 июня 1934 г., как вы могли совмещать существование централизованной Германии, достигнутое весьма неразборчивыми методами, с эволюционным разрешением австрийской проблемы?

Видите ли, именно это говорится в данном абзаце. Мне кажется, что все это проще, чем вы говорите. Мне кажется, что вы стремились к аннексии Австрии при первой возможности национал-социалистическим Рейхом.

Папен: Само собой разумеется, что я должен был считаться с существовавшим тогда положением, и я считался с ним как каждый политик с реальным мышлением. Итак, я пытался с помощью имеющихся факторов национал-социалистической партии в обеих странах прийти к разрешению этого вопроса. Но сэр Дэвид, я не вижу противоречия. Вы говорите, как я мог достичь своей цели централизацией. Но если вы будете достаточно любезны, чтобы посмотреть в конец моего доклада, тогда вы обнаружите, что я предлагал Гитлеру децентрализацию.

Максвелл-Файф: Видите ли, в настоящий момент я прошу вас объяснить, что вы имели в виду под выражением: «динамическое развитие внутренних событий в Германии». Короче говоря, подсудимый, я хочу, чтобы вы ясно поняли, я не собираюсь спорить с вами, потому что не должен - что Мессерсмит говорил прежде

существовавший с 962 по 1806 год.

всего о ваших действиях в юго-восточной Европе; во-вторых, он говорил о том, что Австрия была первым шагом, первым объектом. Теперь я прошу вас обратиться к странице 102 того же документа. Это ваш собственный отчет от 18 октября 1935 г. Я хочу, чтобы вы рассмотрели третье утверждение Мессерсмита относительно вас, которое вы отрицаете, — утверждение о том, что вы собирались работать в Австрии путем ослабления ее государственного строя.

Я прочитаю первую фразу, чтобы вы поняли, о чем идет речь. Доклад который я рассматриваю от 18 октября 1935. Вы рассматриваете перестановку в австрийском правительстве и говорите – милорд, это новый документ. Это GB-502, документ номер D-718. Это 11a, страница 106. Документ начинается словами:

> «Вчерашняя перетасовка кабинета напоминает бескровный бунт принца Штаремберга и Хеймвера. Становится совершенно ясно, что министр Фей[298] уже ранее слышал о своей предполагавшейся отставке и что уже вчера днем по его указанию общественные здания в Вене были заняты преданными ему воинскими частями Хеймвера. Правительство немедленно, в виде контрмеры, усилило охрану, приданием ей полицейских частей».

Далее вы рассматриваете создавшееся положение вещей. Это начало отчета. Затем, если вы посмотрите на следующую страницу, вы говорите:

> «Несмотря на явную победу вице-канцлера и упорные попытки австрийской прессы доказать, что перемещения в кабинете были проведены для консолидации внутренних сил страны, австрийское общественное мнение, в том числе круги Хеймвера, чувствуют, что страна вступает на очень шаткую почву.
>
> С нашей точки зрения, изменение положения вещей весьма желательно. Всякое новое ослабление системы является для нас преимуществом, даже в том случае, если сначала фактически положение кажется направленным против нас. Фронты начинают двигаться, и наша задача будет состоять в том, чтобы поддерживать их в этом состоянии движения».

Итак, подсудимый, из этого с определенностью вытекает, что вы полагали, что если только в австрийском государстве создается положение политической неустойчивости или беспорядка, то неважно, будет ли данный демарш антигерманским, лишь бы только росло недоверие и возрастало напряжение. Это было преимуществом для Германии, и именно
этого вы желали. Ведь именно таков смысл этих строк, не правда ли?

Папен: Нет не совсем.

Максвелл-Файф: Не совсем?

---

[298] Эмиль Фей (1886-1938) – вице-канцлер Австрии в 1933-1934. Убил семью и покончил жизнь самоубийством после аншлюса Австрии.

Папен: Сэр Дэвид, я бы хотел сделать следующие замечания о вашем пояснении. Тут в докладе мы касались изменения в австрийском правительстве, с участием принца Штаремберга и Хеймвера. Вам известно, что Штаремберг и Хеймвер связали себя с Муссолини против Германского Рейха. Ослабление такого внутриполитического фронта, которое работало в интересах союза в свете моей политики было бы преимуществом.

Максвелл-Файф: Но вот, что я не понимаю. Поймите, вы сказали: «Несмотря на явную победу вице-канцлера и упорные попытки австрийской прессы…» - и продолжаете - «…всякое новое ослабление системы является для нас преимуществом». Поймите, принц Штаремберг и итальянская партия, согласно вам, выиграли, потому что вы говорите: «Несмотря на…» это «…явная победа».

Затем вы говорите: «всякое новое ослабление системы». Это не мог быть альянс Штаремберга, потому что он добился успеха. Под «системой» вы подразумеваете правительство Австрии, не так ли? Вы не могли подразумевать, что-то другое.

Милорд, вероятно, я не должен продолжать спор. Но довольно трудная тема.

Папен: Да.

Председатель: Я подумал, что вероятно вы должны обратить внимание на несколько оставшихся фраз.

Максвелл-Файф: Милорд, я продолжу чтение.

> «Продолжение переговоров по поводу урегулирования, которое я рекомендовал со времени Женевской декларации, кажется совершенно излишним в настоящее время. Было бы хорошо еще более возбудить уже взбудораженное общественное мнение против итальянской политики путем умной и тактичной обработки через прессу, однако без того, чтобы дать правительству всякий повод обратиться к новым отчаянным мерам и начать новую пропагандистскую кампанию против нас. Я был бы очень благодарен, если бы рейхсминистр пропаганды выделил на эту работу несколько опытных журналистов.
>
> В остальном он не может дать событиям развиваться самостоятельно в ближайшем будущем. Я уверен, что перемещение сил на европейской шахматной доске даст нам возможность в недалеком будущем активно перейти к вопросу об организации влияния на юго-восточных территориях».

Необычайно — да позволено мне будет так сказать — необычайно, как Мессерсмит сумел изложить ваши мысли и идеи, если между вами никогда не было такого разговора, не правда ли?

Милорд, вероятно, будет удобнее прерваться.

Председатель: Сейчас мы откладываемся.
Папен: Можно мне завтра вернуться к этому вопросу?
Председатель: Да.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 19 июня 1946*]

День сто пятьдесят восьмой

Среда, 19 июня 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения трибунала, сообщаю, что подсудимый фон Нейрат отсутствует.

[*Подсудимый фон Папен вернулся на место свидетеля*]

Максвелл-Файф: Прежде чем закончить вопросы, связанные с показаниями Мессерсмита, подсудимый, я хочу задать вам три вопроса относительно других стран Юго-Восточной Европы, о которых упоминал Мессерсмит. Было ли вам известно, что министерство иностранных дел Германии руководило движением Генлейна[299] среди судетских немцев и финансировало его?
Папен: Мне кажется, что я только теперь узнал об этом, так как в 1935 году, когда был составлен этот отчет, вопрос о судетских немцах вовсе не был актуальным.
Максвелл-Файф: Когда вы узнали об этом?
Папен: В основном я узнал об этом здесь, в зале суда.
Максвелл-Файф: Было ли вам известно, что Рейх поддерживал господина Кодряну[300] и «Железную гвардию[301]» в Румынии?
Папен: Мне кажется, что это было в более поздний период.
Максвелл-Файф: Вы узнали об этом несколько позже 1935 года, не так ли? Когда вы узнали об этом?
Папен: Я не могу точно это сказать, но мне кажется, что эти события с «Железной гвардией» в Румынии относятся приблизительно к 1937 году.
Председатель: Сэр Дэвид, думаю, вероятно, вам лучше быть ближе к микрофону.
Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости, извиняюсь.

[*Обращаясь к подсудимому*] Было ли вам известно, что в 1944 году в государственной газете Рейха редактируемой подсудимым Кальтенбруннером,

---

[299] Конрад Генлейн (1898 — 1945) — немецкий нацистский политический деятель Судетской области. Лидер чехословацких фольксдойче, основатель Судето-немецкой партии в Чехословакии. Покончил жизнь самоубийством после попадания в американский плен.
[300] Корнелиу Кодряну (1899 — 1938) — румынский политический деятель, основатель и лидер движения «Легион Архангела Михаила», более известного как «Железная гвардия» или «Легионерское движение» (с момента его основания и вплоть до своей смерти). Убит румынскими жандармами после ареста.
[301] «Железная Гвардия» — румынское движение и одноимённая ультраправая политическая партия, действовавшая в Румынии в период между двумя мировыми войнами (с 1927 по 1941 годы). Партия представляла идеологию румынского ультранационализма, антикоммунизма, антикапитализма и антисемитизма, а также поддерживала Румынскую православную церковь.

обсуждался вопрос о том, что вы являетесь подходящим человеком для того, чтобы сделать то же самое в Венгрии и обеспечить приобретение Рейхом Венгрии, то есть предполагалось, что вы можете быть использованы для проведения работы внутри Венгрии для того, чтобы включить ее в Рейх. Вы знали об этом?

Папен: Нет. Во-первых, я этого не знал, а во-вторых, я позволю себе сказать, что сама эта мысль невероятна, так как я был очень дружен с регентом Венгрии Хорти, и в своем опросном листе адмиралу Хорти я поставил ему вопрос, на который он, к сожалению, не ответил, так как он уже не помнит этого. Там констатируется, что осенью 1943 года венгерский министр внутренних дел Керестеш-Фишер[302] передал мне документ, из которого ясно вытекало, что германские или германо-венгерские силы хотели добиться аншлюса Венгрии с Германией посредством мятежа. Этот документ по желанию регента Хорти я тотчас же передал фон Риббентропу и попросил его принять необходимые меры для предотвращения этого. Это подтверждается документами, и венгерский министр внутренних дел может подтвердить это.

Максвелл-Файф: Видите ли, подсудимый, я хочу сказать о другом. Мне безразлично, примете ли вы мою точку зрения или нет. Я хочу сказать, что выбор пал на вас. Разве вы этого не знаете? Вы ведь знаете, на какой документ я ссылаюсь сейчас. Это документ, на котором имеется множество пометок Кальтенбруннера. В этом документе о вас пишется как о лице, которое могло бы провести внутреннюю работу в Венгрии.

Милорд, это страница 78 документальной книги 11, и страница 46 немецкой документальной книги 11.

Папен: Сэр Дэвид, с этими записями я познакомился после того, как вы предъявили их здесь.

Максвелл-Файф: Если вы узнали об этом только здесь, то единственно, что я хочу знать,— это было ли вам известно в 1944 году о том, что в правительственном документе, изданном в Германии, о вас говорилось как о подходящей кандидатуре для внутренней работы в Венгрии с целью присоединения ее к Германии? Если вы скажете, что вы об этом не знали,

то мне нет необходимости больше беспокоить вас по этому поводу. Вы говорите, что узнали об этом лишь позавчера?

Папен: Во-первых, это так и было, во-вторых, известным из истории фактом является то, что я неоднократно возражал против этих стремлений, имевших место в Венгрии, поскольку они имели своей целью каким-либо путем, а позднее путем оккупации, сделать Венгрию составной частью Германского Рейха. Я считал это самой неправильной и самой невозможной политикой, которую можно было бы проводить.

---

[302] Ференц Керестеш-Фишер (1881—1948) — венгерский юрист, дипломат, политический и государственный деятель; дважды занимал пост премьер-министра Венгрии.

Максвелл-Файф: Помните ли вы, подсудимый, гауляйтера Райнера, с которым у вас был случайный и, я уверен, очень интересный разговор накануне аншлюса? Вы помните свидетеля Райнера? Я хочу, чтобы вы рассмотрели точку зрения, которую высказал Райнер о положении вещей, когда вы начали работать, и чтобы вы сказали трибуналу, согласны ли вы с ней.

Милорд, это страница 6 документальной книги 11; документ PS-812. этот документ начинается на странице 6, а выдержка, на которую я хочу сослаться, находится на странице 8.

Вы нашли абзац, который начинается словами:

> «Таким образом, началась первая стадия борьбы, которая окончилась восстанием в июле 1934 года. Решение провести это июльское восстание было правильным, но было допущено много ошибок при его проведении. В результате была полностью разгромлена организация, потеряны целые группы бойцов из-за их тюремного заключения или бегства в «Альтрейх[303]»; а что касается политических взаимоотношений между Германией и Австрией, то это восстание привело к формальному признанию австрийского государства германским правительством. Телеграммой Папену, в которой давались инструкции восстановить нормальные отношения между двумя государствами, фюрер закончил первую стадию борьбы, и должен был начаться новый метод политического проникновения в Австрии».

Согласны ли вы с тем, что это является правильной характеристикой вашей работы — «новый метод политического проникновения»?

Папен: Нет, сэр Дэвид это совершенно неправильное описание моей деятельности.

Максвелл-Файф: Таким образом, если вы не согласны с Райнером, то скажите, вы ведь хорошо знаете свидетеля, вы должны были очень хорошо знать свидетеля Пауля Шмидта[304]? Вы знаете его?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Очень хорошо. Я думаю, что вы согласитесь со мной, что это одно из тех лиц, про которых никто не сказал ни одного плохого слова в течение процесса. Вы согласны? Я не слышал ни одного слова критики в адрес Пауля Шмидта. Разве вы не согласны со мной?

Папен: Вы говорите о свидетеле-переводчике Шмидте или о министре иностранных дел Шмидте?

Максвелл-Файф: Я говорю о переводчике Пауле Шмидте.

Папен: О переводчике Пауле Шмидте. Я сейчас скажу вам свое мнение о нем.

Максвелл-Файф: Согласны ли вы с тем, что этому человеку можно доверять, или

---

[303] Имеется в виду территория Германии

[304] Пауль Шмидт (1899 —1970) — переводчик Министерства иностранных дел Третьего Рейха (1924—1945), руководитель бюро министра, официальный переводчик Адольфа Гитлера (с 1935), штандартенфюрер СС (с 1940).

вы заявляете, что он не является человеком, заслуживающим доверия?

Папен: Я ничего не имею возразить в отношении личных качеств этого человека, но я очень резко возражаю против того, что Шмидт разрешает себе давать оценку моей политической деятельности в Австрии.

Максвелл-Файф: Перед тем как вы будете давать объяснения относительно этого, посмотрите на этот документ. Это письменные показания Пауля Шмидта на странице 41 документальной книги, это страница 37 немецкой документальной книги, документ PS-3308. Я прошу вас заслушать, что говорил Пауль Шмидт:

> «Планы аннексии Австрии являлись частью нацистской программы с самого начала. Оппозиция Италии после убийства Дольфуса временно вынуждала подходить к этой проблеме более осторожно, но применение санкций против Италии Лигой наций вместе с быстрым увеличением военной мощи Германии обеспечило завершение австрийской программы. Когда Геринг посетил Рим в начале 1937 года, он объявил, что союз Австрии и Германии является неизбежным и что его нужно ожидать рано или поздно. Муссолини, услышав эти слова по-немецки, промолчал и выразил лишь очень слабый протест, когда я перевел эти слова на французский язык. Проведение аншлюса являлось преимущественно делом партии, в котором роль Папена заключалась в том, чтобы внешне сохранить нормальные дипломатические отношения, в то время как партия использовала гораздо более изощренные способы».

Затем, подсудимый — я скажу об этом, чтобы все было ясно, — делает ошибку: он говорит о речи Гитлера от 18 февраля, под которой, к сожалению, переводчик поставил ваше имя. Я не ссылаюсь на это. Я хочу лишь знать, согласны ли вы с тем, что ваша задача «заключалась в том, чтобы дипломатические отношения остались нормальными, в то время как партия использовала более изощренные методы». Согласны ли вы с тем, что это описание вашей программы и вашей миссии в Австрии является правильным?

Папен: Совсем наоборот. Сэр Дэвид, она абсолютно иная. Мою задачу, которую я должен был разрешить в Австрии, я весьма подробно и ясно изложил суду.

Максвелл-Файф: Я понял.

Папен: Эта задача состояла в умиротворении и нормализации положения и в дальнейшем проведении политики врастания друг в друга обоих государств эволюционным путём. И теперь могу сказать несколько слов в отношении письменных показаний доктора Шмидта? Тогда, когда свидетель находился здесь на этом стуле, мы установили факт, что данные письменные показания представили ему, когда он всё ещё находился на койке в госпитале после тяжёлой болезни, и документ дали ему для подписи…

Максвелл-Файф: Что же, в связи с этим трибунал рассмотрит это. Мы всё это

слышали и доктора Шмидта здесь перекрёстно допрашивали, и я думаю вы можете быть уверены в том, что трибунал знает всё об обстоятельствах этих письменных показаний. Если у вас есть что-либо, что вы можете прокомментировать об их содержании, уверен трибунал позволит вам, но вам не требуется комментировать обстоятельства. Всё это есть у трибунала.

Папен: Я прокомментирую содержание, я скажу, что посланник Шмидт, который позднее играл очень влиятельную роль у министра иностранных дел фон Риббентропа, в обсуждаемые годы имел самую подчиненную позицию в министерстве иностранных дел, которая на давала ему взгляда изнутри – о чём-либо точном – об условиях в Австрии и о моей политике и моих докладах.

Максвелл-Файф: Что же, если это так…

Папен: Сэр Дэвид, господин фон Нейрат сможет подтвердить вам это завтра или послезавтра.

Максвелл-Файф: Что же, мы далее не будем спорить об этом. У трибунала есть весь протокол допроса доктора Шмидта и письменные показания. Если такова была ваша точка зрения относительно вашей миссии в Австрии, то почему для вас было необходимо получить сведения о местоположении складов со взрывчатыми веществами на австрийских стратегических дорогах? Это, пожалуй, возвращение назад, к развитию той идеи «цилиндра»» против которой вы так решительно возражали. Не так ли? Что же, если вы не помните, разрешите вам напомнить. Документ номер D-689 страница 101.

Трибунал найдет это на странице 102 и это 90 и 91 в немецкой версии документальной книги 11, ставший GB-504.

Речь идет об открытии дороги Гроссглокнер[305]. Это, как вам известно, дорога из Зальцбурга в Каринтию, которая имеет некоторое стратегическое значение. Помните ли вы, что после вашего описания событий в Зальцбурге, где толпа пела все песни, кроме песни «Хорст Вессель[306]», и немецкие шоферы устроили состязание, в абзацах 3 и следующем вы говорите:

> «Строительство этой дороги несомненно первоклассная культурная работа в которой строительные фирмы Рейха сыграли основную и решающую роль. Главный инженер германской фирмы которая построила тоннель в самой высокой точке, предложил сообщить мне о размещении камер со взрывчаткой в этом туннеле. Я направил к нему военного атташе».

Вот как вы сочетали культуру и демонстрацию превосходства германского

[305] Высокогорная дорога Гросглоккнер - панорамная дорога в Австрии. Она соединяет земли Зальцбург и Каринтия. Проходит по национальному парку Высокий Тауэрн (нем. Hohe Tauern). Названа в честь самой высокой горы Австрии Гросглоккнер — 3798 м. Длина дороги около 48 км. Представляет собой серпантин из 36 поворотов.

[306] Песня Хорста Весселя — политическая песня, которая с 1929 года была маршем СА, позже, в 1930—1945 годах, являлась официальным гимном Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Официальное немецкое название — «Horst-Wessel-Lied», также широко известна как «Хорст Вессель», или по первой строчке — «Die Fahne hoch» («Знамёна ввысь»).

дорожного строительства с получением информации о местонахождении камер со взрывчатыми веществами в туннеле, который является одной из стратегически важных участков дороги. Почему вы считали это столь важным, что послали донесение об этом самому Гитлеру и три копии направили в министерство иностранных дел?

Папен: Сэр Дэвид, я представлю совершенно точный отчет о событиях, связанных с открытием этой автострады.

Максвелл-Файф: Мне он не нужен. Я вас спрашиваю, почему вы направили Гитлеру сообщение о том, что вам доложил германский инженер, а именно, что камеры со взрывчатыми веществами находятся на важном участке дороги, где она могла бы быть преграждена? Почему вы считали нужным сообщить об этом Гитлеру? Я хочу, чтобы вы ответили трибуналу именно на этот вопрос.

Папен: Потому, что мне казалось интересным, что этот человек без всякого вопроса с моей стороны подошел ко мне и сказал мне приблизительно следующее: «Там-то и там-то можно взорвать этот туннель»... Вы знаете, что в это время между Германией и Италией отношения были очень напряженными, и что Италия на границе у Бреннера сконцентрировала войска. Поэтому мне казалось интересным, что этот новый путь, связывающий Германию с Италией, в подходящий момент может быть снова прерван. Впрочем, я передал это дело своему военному атташе, поскольку это меня лично не интересовало.

Максвелл-Файф: Нет, вы тогда уже занимали такое положение, что сами лично не могли заниматься такими вещами. Вы возглавляли миссию, а это было дело военного атташе.

Подсудимый, намеревались ли вы, вводя германскую культуру, как, например, строя дороги, в то же время получать стратегическую информацию, которую вы могли передавать вашему правительству, подрывая тем самым стратегические планы австрийского правительства по использованию этой дороги? Вы также сообщили, где будут находиться австрийские склады снаряжения и заводы боеприпасов, не так ли?

Председатель: Подсудимый сказал, не так ли, что это была дорога которая вела из Германии в Италию?

Максвелл-Файф: Да, ваша честь. Дорога действительно шла из Зальцбурга, который практически на немецкой границе, в Каринтию в южной Австрии, таким образом, это была новая магистраль, для движения с севера на юг Австрии.

Председатель: Она действительно соединяла Германию с Италией, или соединяла Австрию с Италией?

Максвелл-Файф: Австрию.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы также сообщили, где будут находиться австрийские склады снаряжения и заводы боеприпасов, не так ли?

Папен: Я не помню.

Максвелл-Файф: Если вы не помните, то посмотрите сами на документ. Вы найдете его через несколько страниц. Это документ D-694.

Милорд, это страница 110 в английской книге; страница 108 немецкой книги. Он станет экземпляром GB-505; Дата 26 ноября 1935. Это страница 110 и отрывок, который я зачитаю, находится на странице 111.

Подсудимый, вы должны найти это на самом верху страницы 112 в немецкой книге документов. После того как вы говорите о влиянии Манделя[307], на чье еврейское происхождение вы ссылаетесь, вы затем переходите к принцу Штарембергу и говорите:

> «После того как производство боеприпасов для Италии должно было быть приостановлено в Хиртенберге в связи с протестами Италии, он, Мандель, погрузил весь завод на железнодорожные платформы для того, чтобы продолжать работу в Италии».
>
> Обратите внимание на слова в скобках:
>
> «Между прочим, это очень интересное положение для австрийской промышленности боеприпасов».

Считали ли вы, согласно одному из положений вашей теории восстановления нормальных отношений, что вам следовало доносить об изменениях в промышленности боеприпасов в Австрии?

Папен: Нет, это не входило в мои задачи, но из этого отчета ясно вытекает, что я в этом отчете передаю мою беседу с польским послом Гавронским, который рассказывал мне, что этот единственный завод боеприпасов, который имелся в Австрии, перебазируется в Италию. И я писал по этому поводу, что мне в то время показалось очень странным, что одна страна должна получать военное снаряжение за границей, в другой стране. Вы должны согласиться со мной, что это очень странное явление, о котором стоило написать в своем отчете.

Максвелл-Файф: Это ваше объяснение. Я не трачу на него время.

Теперь я хочу перейти к другому вопросу — и опять хочу лишь коротко остановиться на нем — а именно к вашей личной деятельности в Австрии.

Помните, когда вы поехали на зальцбургский фестиваль в 1935 году, когда вы уже находились в Австрии около года? Вы помните об этом? Я не знаю, помните ли вы, что вы были там в этот год, — ведь вы ездили туда ежегодно?

Я хочу напомнить вам о следующем. Помните ли вы, что в то время пятьсот национал-социалистов приветствовали вас музыкой и устроили такую демонстрацию, что некоторые другие гости в отеле хотели телефонировать или телеграфировать федеральному канцлеру о том, что приезд германского посла вызвал большую нацистскую демонстрацию? Вы помните этот факт?

Папен: Да.

---

[307] Фридрих Мандль (1900 – 1977) – австрийский политик и промышленник. Директор патронной фабрике в Хиртенбергере. Сторонник австрофашизма и противник нацистов.

Максвелл-Файф: Милорд, ссылка на это на странице 102, документ D-689, на который я уже ссылался на странице 102 документальной книги 11.

А теперь, возьмём другой пример. Помните ли вы, подсудимый, митинг ветеранов Первой мировой войны в Вельсе?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Если я не ошибаюсь, это было в 1937 году, не так ли?

Папен: Совершенно правильно.

Максвелл-Файф: И вся подготовительная работа была проделана для того, чтобы устроить встречу «неполитического характера» и воссоединить австрийские полки с ветеранами из германских полков. После этого митинга должен был состояться какой-то обед или завтрак, и эта встреча должна была закончиться пением и весельем. Такова была программа? Не правда ли?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: На этом митинге выступали генерал Гляйсе-Хорстенау и вы?

Папен: Да, правильно.

Максвелл-Файф: Я полагаю, вы согласитесь с тем, что генерал Гляйсе-Хорстенау произнес не очень блестящую речь. Это была не очень блестящая речь — таково было ваше впечатление, не так ли? Она была интересна, но не динамична. Я не хочу обидеть генерала, я просто хочу выяснить факт.

Папен: Нет.

Максвелл-Файф: Затем вы произнесли речь, которая была очень короткой, не так ли? Вы помните об этом?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: После вашей речи на улицах Вельса начались драки и стрельба. Там имели место беспорядки, не правда ли?

Папен: Разрешите, я опишу подробнее, как это было.

Максвелл-Файф: Да, пожалуйста, если вы можете это сделать. Я хотел установить факты.

Председатель: Есть документ об этом?

Максвелл-Файф: Документа об этом нет.

Папен: В Вельсе была назначена встреча организаций старой немецкой армии Первой мировой войны, так называемого «военного союза» и союза ветеранов войны Австрии. Все это было вполне законно и в духе нашей совместной политики, — наши совместные переживания во время первой войны должны были быть обновлены этими союзами. Когда состоялась эта встреча, которая по моему желанию и по желанию австрийского правительства должна была носить совершенно аналогичный характер, выяснилось следующее. Место, где происходило собрание союзов ветеранов, когда я туда прибыл, было окружено пятью или десятью тысячами людей. Австрийское правительство для приема германских гостей выстроило почетный караул, численностью в одну роту, и когда

при моем прибытии оркестр начал играть австрийский национальный гимн, эти десять тысяч человек, окружавшие площадь, стали одновременно петь немецкий национальный гимн, так как известно, что мелодия этих гимнов одна и та же.

Когда я затем, в ходе этого торжества, произнес свою короткую речь, выяснилось, что меня неоднократно демонстративно прерывали эти тысячи людей. Конечно, я сразу же понял, что здесь со стороны австрийских национал-социалистов планировалась большая политическая демонстрация, поэтому я прервал свою речь и вскоре после этого покинул площадь и вообще оставил Вельс.

Совершенно правильно, как сказал сэр Дэвид, что когда началось торжество и когда австрийская полиция хотела выступить против австрийских демонстрантов, то дело дошло до очень неприятных инцидентов.

Максвелл-Файф: Вы так объясняете эти события? Я изложил факты. Я хочу теперь перейти к другому вопросу, потому что я могу только приводить примеры вашей деятельности в Австрии.

Помните ли вы, что до того как вы слышали показания Зейсс-Инкварта, термин «тактика троянского коня» употреблялся в применении к Австрии?

Папен: Да. Зейсс-Инкварт сам не хотел вести такого «троянского коня».

Максвелл-Файф: Но ведь до этого вы сами говорили о тактике «троянского коня».

Милорд, это страница 133 книги документов 11. Отрывок, на который я ссылаюсь со страницы 134. Документ D-706, который станет GB-506. Сержант-майор это страница 163.

Это ваш отчет Гитлеру от 21 августа 1936 г., где вы цитируете инструкцию пражской секретной службы ее отделению в Вене, которая гласит:

> «К сожалению, следует отметить, что дикие эксцессы национал-социалистов, имевшие место 29 июля этого года, не привели к тем результатам, которых мы ожидали. Приближение Австрии к Третьему Рейху в области внешней политики продолжает прогрессировать так же, как и процесс «культурного» сотрудничества двух братских наций. Можно только сделать вывод из наших последних отчетов, что «троянский конь» национал-социализма вносит все большее и большее смущение в ряды Отечественного фронта и в особенности в ряды Хеймвера. Оппозиция против нормализации германо-австрийских отношений, которая очень опасна для австрийской независимости, тем не менее является очень сильной. Дело, видимо, лишь в том, что не хватает хорошей организации».

Скажите, правильно ли этот чешский отчет излагает события? Поверхностная нормализация отношений, а по существу — применение методов «троянского коня» внутри страны?

Папен: Сэр Дэвид, это точка зрения чешской секретной службы и, возможно,

чешского правительства.

Максвелл-Файф: Разрешите вам напомнить, подсудимый, что эту точку зрения вы сами цитируете в своем отчете фюреру и не возражаете против нее. В вашем отчете нет ни единого слова о том, что точка зрения является неправильной. Вы говорите, что приводите ее для того, чтобы «пролить свет на современное положение вещей в Австрии…».

Вы приводите эту цитату как правильную информацию для фюрера. Таким образом, я полагаю, что вы не можете скинуть ее со счета простой ссылкой на то, что это только чешский отчет.

Папен: Все же я обращаю ваше внимание на тот факт, что этот отчет написан 26 августа 1936 г., то есть месяц спустя после заключения нашего июльского соглашения, относительно которого вы утверждали, что это было фальшивым маневром, и в отношении которого мы вместе с австрийским министром иностранных дел констатировали, что это было очень серьезное соглашение. Теперь с Австрией была совершенно другая основа и по этой причине я цитировал этот своеобразный чешский доклад как интересный документ предназначенный показать то как несмотря на наши усилия по нормализации чехи относились к австрийским делам.

Председатель: Вы прошли документ?

Максвелл-Файф: Да, милорд.

Председатель: Что насчет последнего абзаца?

Максвелл-Файф: Если ваша светлость желает, я безусловно рассмотрю его.

Председатель: Страница 134.

Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости.

Там говорится:

> «Кроме того, кажется безнадежным и практически невозможным для нас стремиться оказать влияние на австрийский легитимизм и движение Хеймвера. С одной стороны, среди австрийских католиков имеются сравнительно влиятельные элементы, которые могли бы, с известными ограничениями, быть названы демократическими. Эти элементы, которые постепенно группируются вокруг «Союза свободы» и которые склонны в основном работать для достижения соглашения с социал-демократами, представляют, по нашему мнению, ту группу, которая при известных обстоятельствах могла бы склониться к тому, чтобы вызвать революцию во внутренней политике Австрии».

Скажите, приводили ли вы эту точку зрения, как отражающую ваше мнение по данному вопросу?

Папен: Я весьма подробно и точно изложил суду цели и характер этого «Союза свободы». Суд знает из отчетов, что чешское правительство старалось оказать

известное влияние на этот «Союз свободы». Это совершенно ясно вытекает отсюда. Ведь этот отчет составлен чешским правительством.

Максвелл-Файф: Но вы ведь приводили его как вашу точку зрения в вашем отчете Гитлеру. Грубо говоря, вы хотели этим сказать, что левый католицизм можно было использовать как средство для сближения. Фактически вы говорите именно об этом?

Папен: Но вы же не можете требовать от меня признания того, что я предъявил Гитлеру чешский отчет, для того, чтобы сказать, что мои взгляды тождественны тем, которые изложены в этом отчете?

Максвелл-Файф: Именно в этом я вас обвиняю. Если вы пишете главе государства, что «для того, чтобы пролить свет на современное положение вещей в Австрии, я прилагаю выдержку из этого отчета», значит, как я предполагаю, этот отчет правильно излагает с вашей точки зрения положение вещей, не так ли? Именно это я и говорю вам.

Папен: Нет. Я придерживаюсь совершенно другого мнения, ибо из другого отчета, который вы тоже предъявили суду, вытекает, что я прошу Гитлера оказать противодействие стремлениям чешского правительства повлиять на Союз свободы, усилив наше собственное влияние на него.

Максвелл-Файф: Подсудимый, вы просили у Гитлера 100000 рейхсмарок для поддержки Союза свободы. Вы в точности следовали тому, что вы здесь высказали, а именно вашему утверждению, что католики могут быть той силой, которая может быть использована как точка опоры, для того чтобы приобрести влияние еще на одну группу общественного мнения Австрии. Я утверждаю, что обе эти вещи как раз совпадают. Вы говорите Гитлеру, что они полезны.

Папен: Да, это так.

Максвелл-Файф: И, с другой стороны, вы хотите поддержать их сотней тысяч рейхсмарок. Именно это я и говорю вам.

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Что вы все время стремились к приобретению влияния на общественное мнение Австрии, выигрывая одну его группу за другой для работы в целях подавления свободы в Австрии. Именно это я хочу сказать, об этом я вас спрашиваю. Не думаю, что по этому поводу могут существовать какие-либо сомнения.

Папен: Если что и вытекает достаточно ясно из этого отчета, то это именно тот факт, что помимо национал-социалистов в Австрии существовали и другие группы, в частности, это были христианские профсоюзы и Союз свободы, которые тоже стояли за политику объединения обоих государств. И вы не можете сказать, что я совершаю преступление как дипломат который хочет прийти к такой цели эволюционным путем, взаимодействуя с интересами этих групп.

Максвелл-Файф: В политике «троянского коня» не содержится никаких элементов эволюции. Ну, что же, однако, об этом можно говорить. Перейдем к другому

вопросу.

Скажите, вы знали барона Гуденуса?

Папен: Нет, я его не знал.

Максвелл-Файф: Знали ли вы, что он был самым близким доверенным лицом эрцгерцога Отто[308]? Вы это помните?

Папен: Да, это следует из моего отчета.

Максвелл-Файф: Давайте посмотрим, что говорил барон Гуденус.

Ваша светлость найдет это на странице 93, и это 72-75 немецкой версии, документ D-687, который станет GB-507. Это параграф 2(b) и он появляется на странице 74, подсудимый.

> «Барон Гуденус, самое близкое доверенное лицо эрцгерцога Отто, пишет…»
>
> Милорд, тут есть ошибка. Вместо «моему» должно быть «одному».
>
> «одному моему знакомому 30 марта:
>
> Я увез из Австрии самые приятные впечатления относительно прогресса нашего движения, но я не могу отрицать, что в некотором отношении политика нашего правительства меня очень беспокоит. Какая польза в том, что зачинщики тех событий, которые имели место в феврале и июле 1934 года, или те из них, которые были пойманы, осуждаются судом, если правительство слишком слабо, слишком небрежно или намеренно слишком терпимо для того, чтобы препятствовать проведению «коричневой» и «красной» пропаганды в кино, через прессу, по радио и главным образом государственными чиновниками или органами Отечественного фронта, которые поддерживаются и оплачиваются как деньгами, так и другими способами из Германии за счет тех средств, которые в большом количестве поступают, и т. д. Что в действительности делает этот ученый-идеалист Шушниг? Разве он не замечает, что Папен и другие «коричневые» агенты в его собственной стране все время плюют в руку, которую он так чистосердечно предлагает им? Он не должен воображать, что он таким образом может поддержать порядок в Австрии и спасти ее, в то время как Гитлер правит Германией, которая окрашена в коричневый цвет изнутри и снаружи. Методы, которыми пользуется Германия, — об этом нельзя спорить, становятся все более умными и осторожными, но это делает их еще более опасными».
>
> Это было примерно через семь месяцев после вашего приезда.
>
> «Довольно серьезными также были постоянные разногласия между

[308] Отто фон Австрийский (1912—2011) — на протяжении 88 лет глава дома Габсбург-Лотарингского, старший сын последнего австрийского императора Карла I и Циты Пармской.

Шушнигом и Штарембергом»... и т. д.

Разве неправильно, подсудимый, что все, даже приезжавшие в качестве гостей монархические агенты, знали о том, что проводилась такая политика, причем знали, что вы стояли во главе этой проводившейся политики и использовали для нее австрийских национал-социалистов, работавших исподволь? До того как вы мне ответите, подсудимый, посмотрите на ваши собственные комментарии по этому поводу:

«Трудности внутреннего положения в Австрии вряд ли можно описать лучше, чем это сделано в данном письме».

Почему вы не сказали Гитлеру, если налицо имелись факты: «Барон Гуденус пишет чепуху. Я честно и добросовестно выполняю задание, ставящее своей целью нормализацию германо-австрийских отношений»?

Почему вы этого не отрицали, если это было неправильно?

Папен: Мне кажется, что из этого отчета, прежде всего, видно, что я с полной откровенностью предлагал Гитлеру те отчеты, которые я получал, в том числе и отчет приверженца реставрации Габсбургской монархии.

Максвелл-Файф: А я думаю, подсудимый, что вы передали эти отчеты потому, что они соответствовали действительности. Вы приняли их и переслали Гитлеру, потому что считали, что они правильны и что изображенная в них картина совершенно правильно отражает положение вещей. Вот что я утверждаю. Скажите трибуналу, правильны эти отчеты или нет? Если они не правильны, то почему вы их передали Гитлеру без комментариев о том, что они неправильны? Вот о чем я вас спрашиваю.

Папен: Если вы прочтете отчет барона Гуденуса, то вы установите, что он описывает внутреннее положение Австрии и зловещие разногласия существующие между Шушнигом и Штарембергом, вражду между их гвардиями и постоянные подпольные республиканские сантименты.

Максвелл-Файф: Ведь вы указываете только на три строчки из двадцати. Там написано еще очень много до этого. Я спрашиваю вас относительно других семнадцати строчек этого отчета.

Папен: Сэр Дэвид, упомянутые мною пункты показывают внутреннюю слабость австрийского правительства, относительно которой я сообщаю в этом отчете. Если вы хотите сказать, что я должен был объяснить Гитлеру, что я не был коричневым агентом, то несомненно, 26 июля мы точно договорились, на каких условиях я должен проводить свою деятельность в Австрии. Мне не следовало писать об этом Гитлеру в своем отчете, я послал ему этот отчет только для принятия его к сведению.

Максвелл-Файф: Если вы даете такое объяснение, то посмотрите на следующий абзац вашего письма. Это иначе показывает, как вы работали. Параграф 3:

«Фильм «Старый и молодой король…» - трибунал может не помнить, но

вы поправите мои воспоминания. Если я не ошибаюсь, это фильм о взаимоотношениях Фридриха-Вильгельма[309] и Фридриха Великого[310]. Это правильно?

Папен: Да.

Максвелл-Файф:

> «Фильм «Старый и молодой король» был впервые продемонстрирован здесь несколько дней назад в присутствии господина Яннингса[311]». Имеется в виду актер Эмиль Яннингс. «Фильм вызвал прилив энтузиазма. Сцена, где король подчеркивает тот факт, что «французский хлам и римские книги ничего не означают для Пруссии», была встречена особенно бурными аплодисментами. Полиция хотела снять с экрана этот фильм. Вместе с господином Яннингсом мы объяснили, что если этот фильм будет запрещен, то мы вынуждены будем прибегнуть к запрету демонстрации всех австрийских фильмов в Германии. Это оказало свое действие. Фильм, за исключением вышеупомянутой сцены, которая была вырезана, демонстрируется и будет демонстрироваться на экранах в Клагенфурте и в Граце в течение последующих нескольких дней.
>
> Вчера я принял Яннингса вместе с группой актеров из городского театра в качестве моих гостей. Он сказал, что он очень доволен своим успехом, и мы обсуждали в подробностях план фильма о Бисмарке, для производства которого я рекомендовал ему использовать в качестве автора сценария Бомельбурга[312]».

Другими словами, вы насильственно внедряли фильмы, содержавшие прусскую пропаганду, для того, чтобы показать их Австрии, при этом угрожая, что в противном случае вы снимете с экранов Германии «Фрейлейн Весели», «Маскарад» и все другие австрийские фильмы того времени. Вы внедряли свою пропаганду под угрозой снятия с экранов австрийских фильмов. Разве не так?

Папен: Так, и я скажу, почему это так было. Я должен несколько расширить ваше знание этих исторических событий. Как вы знаете, Фридрих Великий сыграл очень большую роль в отношениях между Австрией и Германией, и мы тогда старались в отношениях между этими двумя государствами устранить те исторические неправильности, которые относились еще ко времени Фридриха Великого. С этой целью знаменитый

---

[309] Фридрих Вильгельм I (1688 — 1740) — король Пруссии, курфюрст Бранденбурга с 1713 года, из династии Гогенцоллернов. Отец Фридриха Великого.

[310] Фридрих II, или Фридрих Великий (1712 — 1786) — король Пруссии с 1740 года. Яркий представитель просвещённого абсолютизма, основоположник прусско-германской государственности.

[311] Эмиль Яннингс (1884 — 1950) — немецкий актёр и продюсер. Первый в истории лауреат премии «Оскар» за лучшую мужскую роль (1929; картины «Последний приказ» и «Путь всякой плоти»).

[312] Вернер Бомельбург (1899 – 1963) – немецкий писатель. Один из самых известных писателей поздней Веймарской республики и нацистской эпохи.

австрийский историк профессор Србик[313] написал большой труд. Целью этого фильма, о котором здесь говорится, было показать, что история великой Германии охватывает одинаково оба народа. Поэтому, другими
словами, для культурного сближения обоих государств я настоял на том,
чтобы этот фильм оставался на экранах Австрии. Это и было сделано.

Максвелл-Файф: Я нисколько не сомневаюсь в том, каковы были ваши мотивы, по которым вы настаивали на демонстрации этого фильма. Подсудимый, я спрашиваю вас о том, почему вы действовали против воли австрийских властей, угрожая им тем, что вы снимете все австрийские фильмы с германского рынка? Почему вы именно этим угрожали австрийским властям?

Папен: Очень часто случалось, что австрийская полиция боялась, что некоторые фильмы могут стать поводом для демонстраций. Но после того как мы обсудили с полицией этот фильм, многие кадры из него должны были быть удалены, после чего полиция согласилась допустить демонстрацию этого фильма. Само собой разумеется, что я сказал полиции, что если мы не договоримся, то следствием этого будет то, что Германия вообще не будет больше посылать фильмы в Австрию.

Максвелл-Файф: Я снова повторяю. Помните, вы заявили трибуналу, что вы не поддерживали контакта с национал-социалистической партией Австрии? Это правильно?

Папен: Нет, это неправильно.

Максвелл-Файф: То есть вы хотите сказать, что вы поддерживали такой контакт?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Тесный контакт?

Папен: Я не понял.

Максвелл-Файф: Близкий контакт? У вас был близкий контакт?

Папен: Нет.

Максвелл-Файф: Если нет, тогда возвратитесь к предыдущей странице, — это, вероятно, страница 72 вашего отчета. Это тот же самый отчет.

> Милорд, это страница 93 книги вашей светлости.
>
> Вы начинаете этот отчет следующим образом:
>
> «Я должен прежде всего сообщить о действиях местной национал-социалистической партии:
>
> 23 марта было достигнуто полное согласие в Кремце между отставным капитаном Леопольдом и генерал-директором Нойбахером[314]. В результате этого генерал Нойбахер признал себя подчиненным Леопольда во всех вопросах и признал его фюрером

[313] Хейнрих фон Србик (1878 – 1951) – австрийский историк.

[314] Герман Нойбахер (1893 - 1960) был австрийским нацистским политиком, занимавшим ряд дипломатических постов в Третьем Рейхе. Во время Второй мировой войны он был назначен ведущим должностным лицом министерства иностранных дел Германии по Греции и на Балканах (включая Сербию , Албанию и Черногорию). Югославским судом был приговорён к 20 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

> Австрии. Как только Шаттенфрех[315] будет освобожден из концентрационного лагеря, он станет заместителем руководителя в Австрии, а Нойбахер как ближайший доверенный Леопольда будет использоваться для консультации по всем важным вопросам».

Далее, Леопольд наметил кого-то еще в качестве своего заместителя, в то время как:

> «генерал-майор Клупп, находящийся в отставке, будет привлекаться под строгим секретом также для консультации».

Я хочу зачитать последние строчки:

> «Леопольд выразил желание о том, чтобы постоянные интриги против него со стороны эмигрантов, живущих в Рейхе, — Фраунфельда[316] и других — были, наконец, остановлены».

Это очень полная картина положения национал-социалистической партии в Австрии, не правда ли?

Папен: Что же, сэр Дэвид, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что этот отчет датирован 4 апреля 1935, то есть он был составлен во время, которое предшествовало июльскому договору, то есть тогда, когда мой интерес ко всем этим партийным вопросам был еще легко объяснимым.

Максвелл-Файф: Если вы придаете значение дате, посмотрите на ваш отчет от 1 сентября 1936 года, который находится на странице 33 документальной книги 11, страница 26 немецкой книги. Как вы помните, — это отчет, о котором вы упоминали, и вы сказали в нем, что:

> «В качестве руководящего принципа с точки зрения тактической я рекомендую постоянное и терпеливое психологическое воздействие с медленным увеличением давления, направленным к изменению режима».

Вы заявили трибуналу, что этим вы хотели сказать о необходимости изменить состав министерства внутренних дел. Но давайте продолжим чтение:

> «Конференция по вопросу об экономических отношениях, намеченная на конец октября, будет очень полезна для реализации некоторых наших проектов. В беседах, как с правительственными чиновниками, так и с руководителями нелегальной партии (Леопольдом и Шаттенфрехом), которые действуют полностью в духе нашего соглашения от 11 июля, я пытаюсь направлять следующие шаги таким образом, чтобы добиться корпоративного представительства движения в Отечественном фронте».

---

[315] Франц Шаттенфрёх (1898-1974) – австрийский нацист. Депутат Рейхстага.

[316] Альфред Фрауэнфельд (1898 —1977) — партийный и государственный деятель Третьего рейха, один из руководителей оккупационных органов на территорий СССР, генеральный комиссар Генерального округа Крым — Таврия в Рейхскомиссариате Украина (1 сентября 1942 — май 1944 года). Австрийским судом был приговорен к 15 годам лишения свободы (заочно), в Германии прошёл процедуру денацификации.

Совершенно ясно, что 1 сентября 1936 г., после соглашения, вы имели беседы с руководителями нелегальной партии — Леопольдом и Шаттенфрехом. Таким образом, мы можем считать признанным — и я не
хочу более тратить времени на это, — что в течение всего времени вашего
пребывания в Австрии вы находились в постоянном и тесном контакте с руководителями национал-социалистической партии в Австрии?

Папен: Нет, сэр Дэвид, упомянутая вами беседа относится к июльскому соглашению и вполне оправдана. Я достаточно подробно изложил вчера это обстоятельство суду. В июльском соглашении канцлер Шушниг обещал привлечь к сотрудничеству членов национальной оппозиции. Вследствие этого моим естественным долгом было интересоваться тем, в какой степени Шушниг действительно стремился к сотрудничеству с этими силами. Это и было содержанием моей беседы с фюрером. Я позволю себе совершенно четко констатировать, что мой контакт с австрийской партией после июльского соглашения осуществлялся только в этом направлении.

Максвелл-Файф: Я понял. Что же, я не собираюсь более в это вдаваться. Я отсылаю трибунал к двум документам и есть и другие ссылки, которые меня не волнуют.

Я прошу вас перейти теперь к ноябрю 1937 года. Не можете ли вы как можно более точно назвать дату вашей встречи с подсудимым Зейсс-Инквартом в Гармише?

Папен: Да, подсудимого Зейсс-Инкварта я случайно, то есть без всякой договоренности, встретил в Гармиш-Патеркирхене во время Зимних олимпийских игр в январе 1938 года.

Максвелл-Файф: В январе 1938 года? Я хочу проверить эти даты и уточнить их. Вы стали близкими друзьями с министром иностранных дел Гвидо Шмидтом, который здесь давал показания, не так ли?

Папен: Да, с министром иностранных дел я был в очень дружественных отношениях.

Максвелл-Файф: Я хочу сказать, что вы говорили ему «ты», будучи на двадцать лет старше его. Вы называли его в течение некоторого времени на «ты»? Вы были в очень близких отношениях с ним, не правда ли?

Папен: Я считаю, что наша разница в возрасте на двадцать лет не может быть мерилом дружбы. Я ценил Шмидта, как я уже говорил, как искреннего человека.

Максвелл-Файф: Надеюсь, что вы согласитесь со мной, что необычно и странно для посла находиться в таких отношениях с министром иностранных дел другого государства, в особенности, если тот на двадцать лет моложе его, а не его сверстник, — находиться в таких отношениях, чтобы фамильярно называть его на «ты». Разве вы не согласны со мной, что это совершенно необычайная форма отношений между министром иностранных дел и послом?

Папен: Если бы вы в своей жизни побывали в Австрии, вы бы знали, что в Австрии почти все обращаются друг к другу на «ты», а для объяснения этого инцидента я позволю себе сказать следующее. Министру иностранных дел Шмидту, которого я очень ценил, за день до нашего прощания я сказал: «Дорогой друг, мы так много вместе работали, теперь мы можем говорить друг другу «ты».

Максвелл-Файф: Я интересуюсь вот каким вопросом: в ноябре 1937 года вы с Гвидо Шмидтом впервые обсуждали вопрос о встрече Шушнига с Гитлером, не так ли?

Папен: Мне кажется, что я обсуждал этот вопрос в то время не только с министром иностранных дел Шмидтом, но и лично с господином фон Шушнигом. После дискуссии между ними…

Максвелл-Файф: Секундочку, вы ответите на мой вопрос? Вы обсуждали с Шмидтом – вы слышали, доктор Шмидт дал свои показания о том, что подсудимый Геринг говорил ему с большой откровенностью, как подсудимый Геринг сказал он говорил всем подряд и говорил этому суду, что он добивался союза Германии и Австрии любыми средствами и любой ценой. Как вы слышали, Шмидт сказал здесь, что Геринг сказал ему, что такова была точка зрения его, Геринга, и я должен со всей справедливостью заявить, что это полностью соответствует действительности. Эту точку зрения он высказывал здесь и, очевидно, высказывал ее также многим другим людям. Вы помните, что Шмидт говорил это? Можете мне поверить.

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Мы слышали, что подсудимый Геринг сказал это не только Шмидту, но и Муссолини, и высокому трибуналу и, как я полагаю, нескольким другим лицам. Разве он никогда не говорил вам об этом?

Папен: Нет, сэр Дэвид. Относительно Австрии…

Максвелл-Файф: Вам было известно, что это его взгляд?

Папен: Нет.

Максвелл-Файф: Вы не знали, что это была точка зрения Геринга?

Папен: Позвольте мне высказаться. Само собой разумеется, я знал, что желанием Геринга было объединить оба эти государства. Я присутствовал на беседе с Муссолини.

Но вы, пожалуйста, учтите тот момент, что Геринг не был тогда ответственным за внешнюю политику. Вопрос о том, какая политика должна проводиться в Австрии, обсуждался исключительно мной и Гитлером, и я не помню, чтобы в эти годы, а именно в 1936—1938, я говорил по этому поводу с Герингом.

Максвелл-Файф: Мы сейчас рассматриваем вопрос о событиях, имевших место в ноябре 1937 года. Через три месяца после этого подсудимый Геринг стал весьма компетентен в вопросах внешней политики, касающихся Австрии, и вы, поскольку вы поддерживали с ним по этому поводу телефонную связь, должны знать об этом.

Я хочу только привести вам даты, как они у нас установлены. Геринг

сказал Шмидту о своих взглядах; вы и Шмидт обсуждали вопрос о встрече между Шушнигом и Гитлером. В январе вы беседовали на политические темы в Гармише с Зейсс-Инквартом.

Теперь я привожу одну дату вне хронологического порядка. 11 ноября, как сказал господин Додд доктору Зейсс-Инкварту, он написал письмо доктору Юри, в котором заявил: «Я не думаю, что что-либо произойдет в этом году, но, очевидно, события произойдут весной». Затем после этого письма он встретился с вами в Гармише в январе, а в феврале вам удалось, наконец, организовать эту встречу между Шушнигом и Гитлером.

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Разве вы не знали, что цель встречи Шушнига с Гитлером заключалась в том, чтобы заставить Шушнига согласиться с желанием Рейха, а именно с назначением Зейсс-Инкварта, с проведением общей политической амнистии, согласно которой все члены нацистской партии Австрии должны были быть освобождены и предоставлены в распоряжение их руководителей, а также с требованием равных прав для национал-социалистической партии в Австрии? Разве вы не знали, что целью совещания было заставить Шушнига согласиться на все эти требования с тем, чтобы национал-социалистическая партия Австрии могла свободно и беспрепятственно работать в интересах Германии в Австрии?

Папен: В моей беседе с Зейсс-Инквартом в Гармише-Партенкирхене говорилось о необходимости сделать австрийскую национал-социалистическую партию самостоятельной. Это значит — во что бы то ни стало избавить ее от влияния Рейха, так как это было условлено в июльском соглашении, преследуя при этом цель, чтобы объединение наших двух государств произошло во внешнеполитическом отношении по инициативе Австрии, а не Рейха.

Когда я встретил Зейсс-Инкварта в Гармише, между нами не было и речи об этой встрече Гитлера с Шушнигом, так как мы не могли, а я лично вообще не мог знать в тот момент, состоится ли вообще когда-либо такая беседа. Это было решено ведь уже 5 февраля. Следовательно, нами обсуждался лишь один вопрос принципиального значения, а именно, как нам следует поступать в будущем.

Далее я прошу разрешения напомнить, что Зейсс-Инкварт имел официальное поручение канцлера исследовать все возможные пути для того, чтобы включить национальную оппозицию, то есть национал-социалистическую партию Австрии, в политическую деятельность Шушнига. В этом состояла его официальная миссия. Таким образом, я был вправе говорить с ним об этих вещах.

Максвелл-Файф: Разве неправильно, что доктор Райнер — свидетель, который выступал перед трибуналом, — также присутствовал на совещании в Гармише?

Папен: Кажется, это было так. Я уже не помню точно. Зейсс-Инкварт сказал мне, что, возможно доктор Райнер присоединился к нам во время прогулки, но я лично не помню этого. Я не вел никакой беседы на политические темы с Райнером.

Максвелл-Файф: А теперь, вы дали своё объяснение о конце года. Я лишь хочу напомнить вам о другом положении. Вы были хорошо осведомлены о кризисе фон Бломберга и фон Фрича в армии, не так ли? Я не хочу снова вдаваться в вызывающие разногласия подробности, потому что это не требуется сейчас трибуналу, но вы знали, что данный кризис возник?
Папен: Да.
Максвелл-Файф: Я уверен, что вы понимаете, насколько это важно. Генерал фон Фрич был с вами в одной военной академии, не правда ли?
Папен: Совершенно правильно.
Максвелл-Файф: Он был вашим старым другом, и вы знали, как, я думаю, знал, каждый, кто упоминал его имя здесь, в суде, что генерал фон Фрич был человек очень сильного характера и что обвинение, выдвинутое против него, рассматривалось бы всеми теми, кто его знал, как смешное и нелепое, если бы оно не было таким трагичным, и что все бы отнеслись к нему с презрением. Вы тоже так думали?
Папен: Абсолютно верно.
Максвелл-Файф: Вы хорошо знали, оставив в стороне отношение к фельдмаршалу фон Бломбергу, что фон Фрич был жертвой подстроенного обвинения, имевшего целью не дать ему стать во главе вооруженных сил Германии. Вы знали это, не правда ли?
Папен: Во всяком случае, позже, когда я узнал обстоятельства дела, мне это тоже стало ясно.
Максвелл-Файф: Нет, нет. Не это важно, подсудимый. Речь идет не о ваших взглядах 5 февраля 1938 г. Вы знали к этому времени, что нацистская клика в правительстве выдвинула подстроенное обвинение против человека, которого вы считали олицетворением честности, не правда ли?
Папен: Да.
Максвелл-Файф: Теперь, зная это, 5 февраля, после того как вы увиделись с Гитлером, вы сказали ему о том, что Шушниг может приехать. Гитлер ухватился за это предложение. Он сказал: «Отправляйтесь и привезите Шушнига». Не так ли? Его лишь утомляли, если я могу так сказать, все ваши остальные сообщения. Но как только вы сказали о возможности встречи с Шушнигом, Гитлер сразу набросился на эту идею, как форель на майского жука или, скорее, как лев на жертву. Ведь это правильно, не так ли?
Папен: Да, сэр Дэвид. Я уже показал суду, какое впечатление произвели на меня события в Берлине и мое отстранение от должности 4 января. Ничего удивительного нет в том, что я попытался именно потому, что я боялся, что будет взят другой курс, — я попытался устроить эту давно желанную беседу между главами обоих государств, поскольку я надеялся таким путем устранить разногласия и избежать радикального курса. Это я сказал министру иностранных дел Шмидту и канцлеру

Шушнигу, когда я обоих их просил принять участие в этих переговорах с тем, чтобы по мере их возможности внести ясность в этот вопрос.

Максвелл-Файф: Подсудимый, я не собираюсь рассматривать обстоятельства встречи 12 февраля, потому что я уже касался их при допросе подсудимого Риббентропа и суду уже совершенно ясны эти обстоятельства.

Я хочу здесь задать вам один единственный вопрос, и я прошу выслушать его внимательно, потому что вопрос о вашей собственной виновности может зависеть от него.

Утверждаете ли вы сейчас, что на Шушнига не оказывалось никакого давления во время этой встречи?

Папен: Я этого никогда не утверждал. Вы сами это знаете, это сказано и в моих отчетах. Я сам констатировал, что давление было оказано.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы поняли абсолютно ясно, о чем я вас спрашиваю, потому что суд заслушал уже показания вашего друга Шмидта и целый ряд других показаний. Я хочу вам задать один единственный вопрос, и прошу вас точно его понять.

Утверждаете ли вы сегодня, что на канцлера Шушнига не было оказано давления для того, чтобы заставить его согласиться на условия, выдвинутые 12 февраля? Это единственный вопрос, который я хочу вам задать, и я даю вам возможность ответить на него. Что вы скажете на этот вопрос сегодня? Было или не было оказано давление на Шушнига?

Папен: Да, я никогда не отрицал этого.

Максвелл-Файф: Господин фон Риббентроп решительно это отрицал, но мы не вдаёмся в это.

Еще один вопрос, и на нем я окончу выяснение вопроса об Австрии.

Организовали ли вы встречу между Гитлером и кардиналом Иннитцером?

Папен: Да, я это сделал и это было…

Максвелл-Файф: Организовали ли вы дело таким образом, чтобы отцы церкви и руководители дипломатического корпуса, за исключением французских и английских представителей, присутствовали при въезде Гитлера в Вену?

Папен: Что касается высших церковных сановников, то не принято, чтобы они присутствовали на парадах, и я не требовал этого. Что касается дипломатов…

Максвелл-Файф: Устроили ли вы это таким образом, чтобы дипломатический корпус присутствовал?

Папен: Были случаи, когда некоторые дипломаты спрашивали меня, могут ли они присутствовать на этом торжестве, и я отвечал им, что, конечно, они могут присутствовать на этой церемонии. Почему бы им и не присутствовать там?

Максвелл-Файф: Что же, я не собираюсь спорить с вами о том как вы это представляете.

Милорд, я закончил с Австрией. У меня есть три небольших предмета,

которые как я надеюсь, займут мало времени, но сейчас может быть подходящее время, чтобы прерваться.

Председатель: Да.

[*Объявлен перерыв*]

Максвелл-Файф: Подсудимый, трибунал должен принять, что в целом вы были против антисемитского движения и пропаганды?

Папен: Напротив, наоборот, в этом заключалась моя цель и желание, и это составляло всю программу моей работы, как можно сильнее внести вклад в союз двух стран, потому что это было великое желание немецкой нации.

Максвелл-Файф: Я не думаю, что вы поняли мой вопрос. Позвольте мне повторить его. Теперь я перехожу к евреям.

Папен: О, евреи?

Максвелл-Файф: Да. Итак, позвольте мне повторить его снова. Трибунал в целом должен принять, что вы были против антисемитских акций и пропаганды?

Папен: Да, я уже говорил высокому трибуналу, в чём заключалось моё принципиальное отношение к расовому вопросу и к вопросу устранения зарубежного влияния в некоторых культурных аспектах общественной жизни. Однако, это два совершенно различных вопроса.

Максвелл-Файф: Да, я заметил это. Итак, вы посмотрите на документ PS-3319, который GB-287?

Милорд, он начинается на странице 48 документальной книги 11а. Это на страницах 44 и 45 немецкой книги.

Часть, на которую я хочу сослаться на страницах 58 и 59. Подсудимый, это из конфиденциального доклада о рабочем заседании консультантов по еврейскому вопросу при германских миссиях в Европе, 3 и 4 апреля 1944. Я хочу, чтобы вы посмотрели на страницу 44, я думаю в немецкой версии, страница 58 английского, о вкладе в данную дискуссию некого господина Поземана из Турции. Он не находился в вашем штате? Если вы не знаете, просто скажите «да» или «нет», потому что это нужно идти к концу…

Папен: Я могу сказать вам, кем был господин Поземан?

Максвелл-Файф: Я сказал, расскажите ли вы мне, являлся ли он членом штата посольства, и если нет, кем он был; вот, что я хочу знать.

Папен: Нет; безусловно нет. Господин Поземан был немецким книгопродавцом который поселился в Анкаре. Он точно не являлся сотрудником моего посольства.

Максвелл-Файф: Я понял. Что же, в любом случае, он был консультантом германского министерства иностранных дел в данной дискуссии. Теперь, послушайте, что он говорит:

«Уже в прошлом году турецкое правительство оказало помощь

> еврейству в связи с попыткой разрешить проблему меньшинств. В данной связи были предприняты наиболее резкие меры. Подозрения со стороны союзных кругов, что речь шла о чисто антиеврейских мерах, были парированы Турцией ссылками на одновременные меры, принятые против меньшинств. В любом случае, Турция запретила любые дальнейшие меры для поиска решения проблемы меньшинств и соответственно еврейской проблемы. По этой причине в настоящий момент невозможно продолжать практику антиеврейской пропаганды под нашим руководством, как нежелательную и являющуюся бременем для Турции. В Турции нет антиеврейских публикаций, помимо карикатур и иллюстрированных книг про евреев. Первые признаки осознания степени международного еврейского доминирования очевидны в переводе «Протоколов сионских мудрецов[317]» и книги Форда[318] «Международное еврейство». Продажа и распространение этих брошюр поощрялись посольством. В настоящее время, возможна лишь работа в таком узком промежутке, поскольку, как уже подчёркивалось, антиеврейская пропаганда, очевидно вдохновляемая Германией может вызвать для нас неблагоприятные политические осложнения».

Итак, вы верите в «Протоколы сионских мудрецов»? Вы верите в то, что это была правильная и достоверная работа?

Папен: Вовсе нет, нет.

Максвелл-Файф: Тогда почему реализация данных брошюр поощрялась посольством?

Папен: Вероятно я могу привести трибуналу очень короткое объяснение о всей связи этой встречи. Встреча была созвана министерством иностранных дел, и должны были присутствовать эксперты посольств и легаций, которые особо занимались работой с еврейской проблемой. В моём посольстве такого эксперта не имелось, так как я всегда отказывался иметь такого. По этой причине партия по своей собственной инициативе дала указания книготорговцу господину Поземану разобраться с данной проблемой, и присутствовать на данном совещании.

Если господин Поземан здесь излагает, что посольство обращало пропагандистские брошюры, которые упоминались здесь, он сильно ошибается. Во-первых, турецкое правительство никогда бы не допустило обращения такого материала, и во-вторых, вы, сэр Дэвид, можете сами сегодня убедиться, что все эти брошюры всё ещё находятся в подвале моего посольства в Анкаре.

Максвелл-Файф: Значит, вы говорите данное заявление, сделанное на встрече

---

[317] «Протоколы сионских мудрецов» — подложный антисемитский документ, в котором излагаются планы евреев по установлению мирового господства и разрушению христианского мира.

[318] Генри Форд (1863 — 1947) — американский промышленник, владелец заводов по производству автомобилей по всему миру, изобретатель,

министерства иностранных дел, ошибочное?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Вы говорите, что вы не имели никакого отношения к этому; таков ваш ответ?

Максвелл-Файф: Я хочу задать вам пару вопросов относительно католической церкви. Помните ли вы Фульдскую декларацию епископов?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Эта декларация основывалась на гарантиях и заверениях в добрых намерениях, которые сделал Гитлер церкви 23 марта 1933, не правда ли? Вы помните, что Гитлер сделал тогда такое заявление?

Папен: Не только 23 марта, но и в заявлении правительства Гитлер неоднократно категорически защищал ту точку зрения, что оба вероисповедания должны быть основой всякой политики.

Максвелл-Файф: Итак, это в свою очередь было, по крайней мере, частично, результатом заявления, сделанного вами на заседании кабинета 15 марта 1933, когда вы подчеркнули большое значение включения политического католицизма в деятельность нового государства. Это правильное и основанное на фактах утверждение, не так ли? Таким образом обстояло дело?

Папен: Полностью, сэр Дэвид.

Максвелл-Файф: Да.

Папен: Я прилагал все усилия, чтобы побудить Гитлера установить христианскую основу для его политики посредством торжественных обязательств; и я думаю, что уже объяснил высокому трибуналу, что я действительно прилагал все усилия, для осуществления данной программы.

Максвелл-Файф: Теперь позвольте мне снова попросить вас посмотреть на документ 11, страницу 96; страница 78 немецкой версии, которая является документом PS-2248. Это ваш доклад Гитлеру от 27 июля 1935. Итак, данный доклад начинается со слов использованных вами: «…умная рука, которая устраняет политический католицизм не затрагивая христианские основы Германии…»

Милорд, это на странице 99 английского текста и на странице 86 немецкого текста. Милорд, это первый абзац, страница 99:

> «Культурные проблемы имеют особое значение. Способ, которым Германия разрешает свои политические и религиозные трудности, умная рука, которая устраняет политический католицизм не ослабляя христианские основы Германии, не только имеет решающее влияние на Англию и католическую Польшу. Мы даже можем сказать, что решение германо-австрийского вопроса зависит от этого».

Теперь я хочу, чтобы вы держали в уме: этот ваш отчёт Гитлеру в июле 1935, спустя два года после конкордата «…умная рука, которая устраняет политический католицизм не затрагивая христианские основы Германии…». Итак

ваш защитник процитировал один отрывок из обращения его святейшества и я просто хочу, чтобы вы посмотрели на следующий отрывок, который оказывается после части процитированной доктором Кубушоком.

Милорд, это новый документ – нет, милорд, извиняюсь. Это старый экземпляр. Это документ PS-3268, который экземпляр USA-356. Ваша светлость помнит, что доктор Кубушок, цитировал часть обращение папы в своей документальной книге. Милорд, у меня есть несколько лишних копий.

Итак, после отрывка, цитированного доктором Кубушоком о предотвращении большего зла, его святейшество продолжил говорить:

> «Борьба с церковью фактически, стала более и более ожесточённой: роспуск католических организаций; нарастающее подавление преуспевающих католических школ, как общественных, так и частных; принудительный отрыв молодёжи от церкви и семьи; давление на чувство совести граждан и в особенности гражданских служащих; систематические оскорбления церкви, воспитания и истории священнослужителей, паствы и церковных учреждений посредством грамотной, организованной пропаганды; закрытие, роспуск и конфискация религиозных зданий и других важных учреждений; полное подавление католической прессы и издательств».

Вы согласны с его святейшеством в том, что это верное описание действий Германского Рейха против католической церкви?

Папен: Полностью.

Максвелл-Файф: А теперь, я также хочу, чтобы вы посмотрели на «Mit Brennender Sorge» который является документом PS-3280.

Ваша светлость найдёт это на странице 40 документальной книги 11 – извиняюсь ваша светлость, это страница 47. Я сказал 40. Это 40 в немецком тексте.

Итак, если вы заметили, это достаточно рано, 14 марта 1937, 4 года спустя после конкордата, и он говорит во второй фразе в начале:

> «Это раскрыло интриги, которые с самого начала не имели иной цели, кроме уничтожения. В бороздах, в которых мы сеяли семена подлинного мира, другие – такие как враги священного писания – сеяли плевелы подозрительности, разногласий, ненависти, клеветы, скрытой и открытой враждебности к Христу и его церкви, вскармливая из тысяч различных источников и используя любые доступные средства. Они и только они, вместе со своими молчаливыми или говорящими защитниками ответственны за факт, что сегодня на горизонте Германии, нет мирной радуги, а угроза бури разрушительных религиозных войн».

Итак, подсудимый, что я хочу сказать трибуналу – вы согласны с этим?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Если вы согласны с этими заявлениям главы церкви спустя два года после конкордата, в июле 1935 о том, что «устраняя политический католицизм не затрагивая христианские основы Германии»? Это была абсолютная ошибка, не так ли, что Гитлер и нацисты не затронули христианские основы Германии? Они вырвали их и находились в процессе их уничтожения?

Папен: Сэр Дэвид, вы путаете две совершенно различных вещи, политический католицизм…

Максвелл-Файф: Подсудимый, я не хочу прерывать вас, но я совершенно ясно сказал об этом. То, что я говорю вам это неустранение политического католицизма. Сейчас, я не рассматриваю ваши отношения с господином Каасом. Я представил, что его святейшество сказал, что христианские основы Германии были уничтожены. Я не думаю, сейчас о взглядах господина Кааса в отношении вас или ваших в отношении господина Кааса. Я знаю, какими они были.

Папен: Позвольте мне объяснить. Борьба против церкви и её учреждений, против которых его святейшество папа негодовал в своих энцикликах в 1937 и 1945 и в которых он признавал интенсификацию ситуации возникшую во время войны – все эти вещи были нападками на христианские основы Германии, атакой, которую я всегда наиболее решительно осуждал. Но это вообще не имеет связи с устранением так называемого политического католицизма, на что я надеялся и чего требовал. Это две совершенно разные вещи. Вероятно, вам трудно понять это, поскольку вы не знакомы с обстоятельствами в Германии.

Максвелл-Файф: Подсудимый, пожалуйста, поверьте, я потратил очень много времени изучая проблемы между вами и господином Каасом. Я не собираюсь выносить их для трибунала, потому что они неважны. Я учитываю и согласен – не так как вы, но я учитываю позицию политического католицизма, и я не спрашиваю вас об этом. Я спрашиваю вас о вашем заявлении. Почему вы сказали, что Гитлер не затронул христианские основы Германии? Я хочу знать это. Вы должны были знать в 1935, что это была неправда?

Папен: Но, сэр Дэвид, это полное искажение содержания доклада. Я говорил Гитлеру, что христианские основы Германии не должны были ослабевать и это также можно прочитать в докладе сегодня: «Политический католицизм должен быть устранён не ослабляя христианские основы Германии».

Максвелл-Файф: Что же, вы учитываете как это начинается. Вы говорите: «…то умная рука, которая устраняет его не прикасаясь…». Позвольте мне напомнить вам: разве вы не сказали при допросе, что часть затруднений, которые вы испытывали летом 1934 года, до того как вы произнесли речь в Марбурге, объяснялась невыполнением конкордата, ибо после того, как он был подписан с согласия Гитлера, «он обращался с этим конкордатом, как с пустой бумажкой, и я ничего не мог с этим поделать». Потом было одновременное преследование церквей и евреев. Это было в конце 1933—начале 1934. Ваш взгляд в 1934 году заключался в том

«…что не только с конкордатом обращаются как мусором, но преследуют церкви и евреев»?

Папен: Сэр Дэвид, я не знаю из какого документа вы цитируете.

Максвелл-Файф: Это ваш допрос утром 19 сентября 1945.

Папен: Да, конечно, когда я произносил свою речь в Марбурге, то я был того мнения, что государство виновно во всем этом; иначе, я бы не произнёс эту речь. Но в той речи, сэр Дэвид, я снова прямо подчёркивал факт, что никакое западноевропейское государство не сможет существовать без христианских устоев и что, не уважая нашу христианскую основу мы отрываем себя от группы христианских народов и от нашей миссии в Европе. Я могу откровенно это сказать. И вероятно я могу сказать вам кое-что ещё о предмете политического католицизма. Вы…

Максвелл-Файф: Делайте, как знаете. Я особенно хочу избежать обременения трибунала спорами между вами и господином Каасом, потому что вы оба использовали грубые слова, и они будут звучать не очень хорошо, если их сейчас повторить. Если вы хотите, разберитесь с этим, но не поднимайте его, если этого не требуется.

Папен: Я отношусь к обвинению, которое вы предъявляете мне как к одному из наиболее тяжких, так как им нарушается вся моя концепция.

Максвелл-Файф: Подсудимый, вы помните, что говорили трибуналу до отложения, что вы представили кардинала Иннитцера Гитлеру, когда вы поехали в Австрию. Вы помните, что после заявления доктора Кубушока была ссылка на то, что кардинал Иннитцер в передаче из Рима дал понять, что он принимает нацистское правление в Австрии только на определенных условиях. Вы это помните?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Итак, я хочу понять, что случилось с кардиналом Иннитцером.

Милорд, это новый документ, D-903, который станет GB-508. Милорд, это заявление в форме письменных показаний священника, доктора Вейбахера, которые я получил из Вены только 7 июня.

Вы увидите, что этот священник – что же, в любом случае я понимаю, что он священник; он секретарь архиепископа в кафедральном соборе. Взгляните на это.

> «8 октября 1938» - то есть, немногим 6 месяцев спустя после подготовки вашей встречи кардинала Иннитцера с Гитлером – «серьезное нападение было предпринято молодыми демонстрантами на дворец архиепископа в Вене. Я присутствовал во время нападения и поэтому могу описать это по своему опыту».

Затем он описывает, как они разбивали оконные рамы, ломали ворота. Священник отвёл архиепископа во внутреннюю комнату и оставил его там. Они увели кардинала в безопасность в личный архив и закрыли за ним железную дверь и:

«…затем два священника, видя, что они противостоят толпе ворвавшихся, лично встали у входа в часовню кардинала с целью предотвратить любое разрушение, которое они могли».

Милорд, это около 10 строк снизу страницы.

«Вскоре после того как мы дошли до часовни, ворвавшиеся штурмовали комнаты кардинала прилегающие к часовне. Как только они дошли до двери, мы отвлекли их. Куски дерева летели в часовню; я получил толчок, поваливший меня; но мы смогли предотвратить их попадание в часовню. Демонстрантами была молодежь от 14 до 25 лет, насчитывающая около сотни. После того как мы отвлекли первую группу, мы открыли скинию и потребили освященные хлеба, чтобы предотвратить самое святое от осквернения. Но новые ворвавшиеся уже штурмовали; и мы отвлекали их. Между тем неописуемая оргия уничтожения продолжалась в оставшихся комнатах среди всей обстановки. Подсвечники лежали на ковре у лестницы, молодёжь разбила столы и стулья, и ценные полотна и в частности все распятия».

Затем он описывает стеклянные двери и тому подобное, и была тревога, когда обнаружили кардинала. Самого этого священника вытащили из часовни около шести людей и тащили через приёмную к окну с криками «Выбросим собаку в окно».

И затем, в конце концов, приехала полиция и вы заметите их идею о произошедшем.

«Затем подполковник полиции подошёл и извинился. Он пришёл с представителем Гестапо, который выразил своё сожаление о том, что полиция не слишком активно вмешивалась.

Между тем, другие демонстранты напали на дом кафедрального ректора на Штефанплатц, 3, где они выбросили соборного куратора Краварика из окна во двор сада. Этот священник лежал в больнице до февраля с переломами обеих бедёр».

Теперь я прошу вас посмотреть на предпоследний абзац:

«Данные демонстрации не являлись результатом молодёжного хулиганства или жестокости, но разработанным планом известным официальным ведомствам, что очевидно из речи гауляйтера Бюркеля, который 13 октября на Гельденплац, в наиболее обличительной манере представил виновным кардинала».

Итак, господин фон Папен, у вас большая ответственность перед кардиналом Иннитцером, не так ли? Вы представили его Гитлеру. Вы должны были знать о столкновениях и обращениях католической церкви по поводу нападения на дом кардинала спустя шесть месяцев после аншлюса, не так ли? Вы должны были

знать об этом.

Папен: Конечно, позднее я слышал об этом.

Максвелл-Файф: Какой протест вы заявили, когда узнали об этом нападении на принципы церкви, выброшенном в окно кафедральном кураторе с переломанными бёдрами, осквернении часовни, разбитых распятьях? Какой протест вы сделали в связи с этим?

Папен: Сэр Дэвид, я хочу напомнить вам, что я ушёл в отставку более чем за 6 месяцев до этого и больше вообще не имел отношения к данным вопросам. Естественно детали инцидента были в высшей степени заслуживающими сожаления и на самом деле включали преступные нападения, но детали не появились в немецкой прессе, поэтому я наверное впервые увидел это в такой форме здесь. Но позвольте мне добавить…

Председатель: Подсудимый, но вы не ответили на вопрос. Вопрос был: какую жалобу вы заявили об этом?

Папен: Я не заявил никакого протеста, так как я уже не занимал официального положения. Я был частным гражданином и всё, что я знали официально об этих вещах было тем, что разрешали печатать немецким газетам.

Максвелл-Файф: Ах, подсудимый, конечно вы сказали нам, что вы были одним из ведущих мирян в Германии. Вы не собираетесь сказать трибуналу, что в католической церкви было неизвестно каждому епископу в Германии и наверное каждому священнику, что такое отвратительное и святотатственное оскорбление нанесли церковнослужителю в собственном доме в Вене. Конечно это бы распространилось по церкви за несколько дней.

Папен: Это совершенно невозможно, сэр Дэвид, и вы ждете от меня, частного гражданина, что я что-то сделаю? Что я мог сделать? Трибунал не принял во внимание дискуссию, которую я организовал между кардиналом Иннитцером и Гитлером. Вы впервые об этом сказали сегодня.

Максвелл-Файф: Это именно то, почему я представил вам данный инцидент, так как вы были ответственны за организацию встречи между кардиналом Иннитцером и Гитлером в марте 1938. Когда его высокопреосвященство было атаковано в октябре, склонен думать – не мне выражать свои мысли – что вы можете попасть в неприятности возражая Гитлеру, и всё, что вы сделали это приняли другую работу у Гитлеру за 6 месяцев в апреле 1936.

О чём я спрашиваю, это почему вы не заявили протест. Подсудимый Геринг высказывал свою сильную религиозную заинтересованность. Ряд других подсудимых сказали, что у них были сильные религиозные симпатии. Почему вы не могли связаться с ними?

Папен: Потому что осенью 1938 я ушёл из политической жизни, я жил в деревне и больше не проявлял активного интереса к политике. Но вероятно я могу сказать, почему я был ответственным за организацию встречи с кардиналом Иннитцером.

Максвелл-Файф: Нет, сейчас меня это не интересует, встреча 15 марта. Меня интересует тот факт, что она состоялась, что вы знали об этом и не заявили протест.

Теперь я перехожу к другому положению. Доктор Кубушок может поднять это позднее, если захочет.

Подсудимый, вы слышали показания многих других подсудимых, которые заявляли, что они не знали об ужасных репрессиях, которые имели место в Германии. Вы очень хорошо знали об этих репрессиях, не так ли? Вы знали о действиях Гестапо, о концентрационных лагерях, а позднее вы также знали об уничтожении евреев, не правда ли?

Папен: Об этом я знал лишь только то, что в концентрационных лагерях в 1933 и 1934 гг. содержались политические противники. Я весьма часто выступал против методов, которые применялись в концентрационных лагерях. В целом ряде случаев я освобождал людей из этих лагерей. Однако в то время мне не было известно, что в этих лагерях имели место также и убийства.

Максвелл-Файф: Разрешите мне разобраться в этом. Полезно обратиться к конкретному примеру.

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Помните ли вы, что вначале 1935 года ваш секретарь господин фон Чиршки получил указание вернуться из Вены в Берлин для допроса в Гестапо? Вы помните об этом?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Помните ли вы также, что он отказался ехать и послал очень подробный отчет о том, почему он не хочет ехать? Вы помните это?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Давайте вместе бегло просмотрим этот отчет.

Милорд, это документ D-635, который станет экземпляром GB-507; Ваша светлость найдёт это на странице 87 документальной книги 11, и это страница 60 немецкой версии.

На странице 87 письмо господина фон Чиршки, адресованное вам в котором он в конце второго абзаца говорит следующее: «Я не собираюсь… выполнять указание Гестапо о выезде в Берлин для допроса».

Затем он говорит — я цитирую его собственные слова, — что это объясняется лишь «вполне понятным и человеческим желанием жить». Он далее прилагает к этому письму отчет для вас о том, что с ним случилось 30 июня, в результате чего он был внесен в черный список Гестапо.

Вы помните об этом?

Папен: Конечно.

Максвелл-Файф: Далее, — я суммирую начало этого отчета, который был бы комичным, если бы в нем не описывалось такое ужасное положение вещей, — ваш секретарь господин фон Чиршки был арестован одновременно двумя

конкурировавшими группами полицейских, кажется, представителями Гестапо и криминальной полиции, и была серьезная опасность, что господин фон Чиршки и кое-кто из представителей полиции будут застрелены до того, как они решат, кто же, собственно, должен его арестовать. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что произошло после того, как он был арестован.

Милорд, это страница 89, и это конец страницы 65 немецкой версии подсудимого.

Поймите, мне кажется, что это произошло после того, как Гестапо вышло победителем в этой междоусобной борьбе и захватило господина фон Чиршки. Он далее говорит, почти уже в самом конце – милорд, это середина страницы 89.

Ему сказали, что другая полиция следует за Гестапо, и далее он говорит:

«…мы подошли к зданию Гестапо на Принц-Альбрехтштрассе, а затем через двор пришли к черному ходу. Затем между двумя группами представителей криминальной полиции произошел новый обмен мнениями. Я снова вмешался в этот разговор и предложил для выяснения недоразумения послать представителя каждой группы внутрь здания с тем, чтобы вышестоящие чиновники решили, как следовало поступить. Оставалось еще три офицера криминальной полиции и четыре члена СС, которые должны были охранять меня и двух других господ. Мое предложение было принято. Вскоре они вернулись обратно и сказали, что теперь недоразумение выяснилось и что нас можно увести, после чего мы были уведены тремя представителями СС и без сопровождения представителей криминальной полиции. Мы совершили длинное путешествие через здание в подвал. Там мы были переданы без всяких комментариев членам СС, которые там находились на посту, и получили от них распоряжение пройти вперед и сесть на скамейку, которая стояла у стены в проходе. Нам затем запретили разговаривать между собой. Там я провел несколько часов, сидя на этой скамейке. Было бы излишним приводить дальнейшие подробности событий, которые произошли в течение этого времени. Поэтому я ограничусь тем, что расскажу о расстреле хорошо известного лица, о котором официально заявили, что он совершил самоубийство.

Этого человека вели под эскортом трех эсэсовцев и провели мимо нас в камеру, параллельную нашему коридору. Командовал гауптштурмфюрер СС, человек небольшого роста, темноволосый, с армейским пистолетом в руке. Я услышал команду: «Стража — к дверям!» Дверь в наш коридор закрылась. Мы услышали пять выстрелов, и сразу же после этих выстрелов гауптштурмфюрер вышел из двери со все еще дымившимся от только что произведенных

> выстрелов пистолетом в руке. Он сказал, задыхаясь: «С этой свиньей покончено». Кругом царило лихорадочное возбуждение, крики испуга и вопли слышались из всех камер. Один из стоявших на посту эсэсовцев, довольно молодой парень, был так возбужден, что, очевидно, потеряв сознание и забыв, каково было положение вещей, сообщил мне, жестикулируя при этом пальцами, что человек, о котором шла речь, был убит тремя выстрелами в висок и двумя — в затылок».

Вы получили весьма ясное представление о методах СС и Гестапо после того, как фон Чиршки прислал вам это описание, не правда ли?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Скажите нам, прежде чем мы кончим рассмотрение этой волнующей выдержки, которую я только что зачитал, кто был этот хорошо известный человек, о котором сказали, что он совершил самоубийство, и который был застрелен тремя выстрелами в висок и двумя — в затылок? Кто он был?

Папен: Я этого не могу сказать, я не знаю этого.

Максвелл-Файф: Вы хотите сказать, что господин фон Чиршки никогда не говорил вам, кто был этот человек, проработав с вами после этого несколько месяцев?

Папен: Я не могу вспомнить, сэр Дэвид, чтобы он говорил со мной об этом. Может быть, я забыл. Это был, очевидно, один из тех людей, которые были убиты 30 июня.

Максвелл-Файф: Остановитесь. Вы говорите, что может быть вы забыли. Хотите ли вы сказать, что такие ужасные факты были столь обычны для вас, что вы не можете помнить о фактическом убийстве такого видного человека, которое выдавалось за самоубийство.

Подумайте еще. Не можете ли вы сказать трибуналу точно, кто был этот несчастный человек?

Папен: Если бы я это вспомнил, то охотно бы сказал. У меня нет оснований скрывать это.

Максвелл-Файф: Хорошо, трибунал сейчас рассмотрит вопрос о том, в какой форме вы сообщили об этом Гитлеру. Вы считали, что господин фон Чиршки говорил вам правду, не так ли? Вы это сами сказали. Вы верили в то, что он говорит правду, не так ли?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: А теперь, вы посмотрите на страницу…

Милорд, это страница 86 английской версии; и, подсудимый, это 58 немецкой книги, страница 58.

Председатель: Сэр Дэвид, вы собираетесь исследовать факты, которые случились с человеком, который подготовил данный доклад?

Максвелл-Файф: Милорд, да, я внесу ясность, извиняюсь.

Подсудимый, до того как мы перейдем к тому, что случилось, когда он

послал этот отчет, мне кажется, его послали в концентрационный лагерь, где ему обрили голову, но через некоторое время он был освобожден и снова вернулся к вам на службу и работал у вас до февраля 1935 года? Это правильно, подсудимый?

Папен: Да, это совершенно верно.

Максвелл-Файф: Извиняюсь, милорд. Это все, что известно о событиях, имевших место до февраля 1935 года. Затем его попросили явиться в Гестапо и тогда возникла эта переписка.

Итак, вы видите, что это ваше письмо Гитлеру от 5 февраля, которое документ D-684, экземпляр GB-510, Вы говорите:

> «Как я уже вчера сообщил телеграммой, я передал господину фон Чиршки приказ от 2-го числа этого месяца, в котором повторялось требование о том, чтобы он явился в указанный Гестапо день, а именно 5 февраля.
>
> Затем он заявил мне официально, что он не может выполнить этого указания, поскольку он убежден, что он будет убит тем или иным путем, если он это сделает. Он сказал, что изложил причины, по которым не хочет ехать, в отчете, который я перешлю, как только получу его.
>
> Я вчера, наконец, освободил господина фон Чиршки, которого я уже отстранил от занимаемого им поста на время судебного разбирательства. Само собой разумеется, что я порву с ним все связи официального характера сразу же после того, как завтра будут сданы все дела».

Затем вы говорите, что вы телеграфировали подсудимому фон Нейрату, что господину фон Чиршки дали отпуск по болезни. Посмотрите на последний абзац:

> «После того как я несколько раз просил, чтобы господин фон Чиршки получил возможность оправдаться перед обычным судом в обвинениях, которые выдвинуты против него, то естественно, я искренне сожалею, что дело кончается таким образом. Я сделал все, что было возможно, чтобы убедить господина фон Чиршки действовать, как ему было указано, а именно дать возможность Гестапо допросить его».

Правильно ли, подсудимый, что вы сделали все, что было в ваших силах, для того, чтобы ваш работник был отправлен на смерть в Гестапо и убит там?

Папен: Я считаю, что будет правильным указать суду на другие письма, из которых вытекает, что я не только однажды, но неоднократно просил Гитлера рассмотреть дело фон Чиршки при помощи обычного процесса.

Максвелл-Файф: Совершенно правильно. В этом письме об этом говорится.

Папен: Да, конечно, но позвольте мне закончить…

Максвелл-Файф: Хорошо.

Папен: После того как мне в этом было отказано и фюрер не согласился с тем, чтобы возбудить процесс согласно существовавшим законам, Гитлер известил меня, что он лично вмешается в это дело и берет на себя личную ответственность за то, что с господином фон Чиршки ничего не случится, если он будет допрошен Гестапо. Это вы найдете в этих письмах. Фюрер обещал ему полную безопасность, если он явится для допроса в Гестапо. Вследствие этого, после того как было отказано в рассмотрении его дела в суде и Гитлер обещал, что с господином фон Чиршки ничего не произойдет, я попросил господина фон Чиршки, чтобы он согласился подвергнуть себя допросу, так как обвинение, которое было выдвинуто против него, должно было быть как-то выяснено. Но мне кажется…

Максвелл-Файф: Вы вернётесь к вашему письму от 31 января, которое вы найдёте…

Председатель: Сэр Дэвид, я думаю, вам следует прочитать целиком письмо от 5 февраля в какой-то момент.

Максвелл-Файф: Милорд, я прочитаю. Милорд, я извиняюсь. Милорд, я не хочу ничего опускать, но я конечно, пытаюсь сократить вопрос, но я прочитаю всё, что хочет ваша светлость.

Председатель: У трибунала должно быть всё письмо. Вы остановились на слове «курьер» в середине, ссылаясь на отчёт.

Максвелл-Файф: Да, милорд.В связи с сообщением о его отставке австрийскому правительству:

> «В отношении сообщения о его отставке австрийскому правительству, боюсь, что если я внезапно его уволю, вопрос станет темой публичного обсуждения. Думаю скандала можно будет избежать и поэтому я дам господину фон Чиршки отпуск по болезни в глазах публики. Я сообщу о его отставке позднее.
>
> Я вернусь к делу Чиршки и его связи с остальными текущими вопросами Гестапо в Вене позднее, в подробном отчете».
>
> Милорд, я благодарен.

Председатель: Вы пропустили после слова «Гестапо» в следующем абзаце.

Максвелл-Файф: Да, я снова прочитаю всю вещь.

> «После того как меня постоянно спрашивали…»

Председатель: Нет, прочтите то, что ниже «Гестапо», но не читайте остальное.

Максвелл-Файф:

> «Но если он упорствует в своей решимости избежать допроса, при том, что он знает, что это означает социальный и материальный крах для себя и своей семьи, и так как он дал мне слово, что он не будет делать ничего вредного как эмигрант для фюрера и страны, я могу лишь добавить своё пожелание о том, что нужно сделать всё, чтобы

избежать превращения этого дела в открытый скандал».

Я благодарен, милорд.

Итак, подсудимый, вы уже говорили Гитлеру 31 января, что было за пять дней до этого – милорд, страница 84 и внизу страницы 55 и начиная с 56 в немецкой книге:

> «Господин фон Чиршки, которому, я случайно на время доверился в его обязанностях, узнал от нескольких источников, к которым он – и также я сам, к сожалению – отношусь как к достоверными, о том, что некоторые лица относящиеся к Гестапо имели значительное время для планирования его ликвидации».

Милорд, это будет документ D-683, экземпляр GB-511.

Вы уже 31 января считали, что слухи о том, что Гестапо хочет нейтрализовать его, являются достоверными. 5 февраля в отрывке, который трибунал только что просил меня зачитать, вы заявляете, что это означало бы гибель и разорение для него самого и для его семьи. Но вашим единственным желанием было сделать все, чтобы избежать скандала.

Итак, подсудимый…

Папен: Мое желание вначале состояло в том, чтобы были предприняты все усилия для того, чтобы рассмотреть это дело в суде на основе существовавших законов.

Максвелл-Файф: Таково было ваше желание сначала, но скоро вы оставили его?

Папен: После того как Гитлер не согласился с этим желанием и после того как я установил, что фон Чиршки во время допроса со стороны Гестапо будет пользоваться личной защитой со стороны Гитлера, то есть если глава государства говорит мне, что «я ручаюсь за то, что с фон Чиршки ничего не произойдет», то вы должны со мной согласиться, что я не мог поступить иначе, как сказать фон Чиршки: «Иди на допрос, так как ты должен опровергнуть те подозрения, которые имеются в отношении тебя».

Максвелл-Файф: Подсудимый, разрешите мне напомнить вам, что в вашем письме от 5 февраля нет ни одного слова об обещании Гитлера оправдать господина фон Чиршки. Единственно, о чем вы здесь говорите, это относительно того, что он исчезнет и будет скомпрометирован. В ваших других письмах также ничего не говорится об этом.

Папен: Однако об этом факте имеется указание в одном из отчетов фон Чиршки. Я сейчас не могу это найти.

Максвелл-Файф: Что же, если вы сможете найти, что-либо в оправдание, я могу сказать вам лишь, что я не смог найти чего-либо такого ни в одном из ваших писем.

Папен: Но это здесь.

Председатель: Вероятно, подсудимый сможет посмотреть на данный документ на перерыве, в час дня.

Максвелл-Файф: Да, очень хорошо. Милорд, если есть такой документ, я

извиняюсь, я не знаю об этом.

Милорд, извиняюсь. Я думаю, у меня есть ссылка. Милорд, на странице 91. Это не письмо подсудимого, но есть ссылка в докладе господина фон Чиршки. На странице 91, милорд. Страница 69. Он говорит:

> «В заключение – причина почему я не чувствую никаких обязательств являться в Гестапо или вообще возвращаться в Рейх, несмотря на экстраординарное покровительство обещанное мне фюрером и рейхсканцлером – я делаю следующее заявление:
>
> В течение периода моей деятельности в Берлине, до меня уже часто доходила информация о том, что в Рейхе существует террористическая организация которая дала присягу верности в жизни и смерти. Людям которых приняли или могут принять в эту организацию прямо отмечают, что они имеют обязательство пройти тайный суд и что они обязаны при исполнении обязанностей ощущать, что они в больше мере принадлежат братству и в меньшей степени Адольфу Гитлеру. Я бы не поверил в такую ужасную вещь, если бы не был информирован об этом шестью месяцами раньше человеком в Рейхе – желаю особо это подчеркнуть – который не оппозиционен Третьему Рейху, а наоборот, человек чьи внутренние убеждения верят в миссию Адольфа Гитлера, немец из Рейха и долгие годы стойкий национал-социалист, которого лично однажды просили вступить в это братство, но который смог грамотно оттуда выйти. Этот человек заверил меня в своей готовности публично назвать имена которые он назвал мне как членов это братства, или дать письменные показания под присягой. Только ему должны дать гарантию, что это террористическое братство больше не действует, особенно так как люди относящиеся к этому братству находятся в числе самых доверенных лиц фюрера и рейхсканцлера».

Я извиняюсь, я знал, что в письмах нет ничего от подсудимого, но я забыл, что есть этот отрывок в письме.

Итак, это был фон Чиршки. Вы говорили нам, что барона фон Кеттелера убили в конце вашего срока в Вене. Вы помните убийство отца барона фон Кеттелера, если не изменяет память, которое вызвало германскую экспедицию против боксёров[319] в Китае. Это семья к которой относился данный господин, не так ли?

Папен: Да.

Максвелл-Файф: Итак, относительно этого, убийство фон Кеттелера, вы после

[319] Ихэтуаньское восстание (Боксёрское восстание) — восстание ихэтуаней (буквально — «отряды гармонии и справедливости») против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая в 1898—1901 годах.

вашего опыта с фон Чиршки, вы были готовы принять новое назначение нацистского правительства в Турцию.

Есть ещё один пункт, который я хочу представить вам.

Папен: Могу я добавить несколько замечаний об этом? Я сказал суду…

Максвелл-Файф: Господин фон Папен, я заканчиваю с этим, потому что у нас есть ещё одна ссылка на письменные показания Марчионини и затем вы сможете заметить всё, что пожелаете.

Почему вы после этой серии убийств, которые происходили одно за другим в течение четырех лет, не порвали с этими людьми и не встали, подобно генералу Йорку[320] или другим деятелям, имена которых вы можете припомнить из истории, на защиту своих собственных взглядов и не противодействовали этим убийствам? Почему вы не сделали этого?

Теперь вы можете дать объяснение.

Папен: Очень хорошо. Но вы видите, что этот отчет господина фон Чиршки об этих убийствах я передал Гитлеру со всеми деталями, указанными в нем, и вы не знаете, что я часто говорил лично Гитлеру, что такой режим не может существовать в течение длительного периода. Сэр Дэвид, если вы спрашиваете меня, почему я, вопреки всему этому, остался на службе у Рейха, то я на это могу лишь ответить, что 30 июня я лично порвал с Гитлером, а вместе с тем и с соглашением, которое мы заключили 30 января. Сэр Дэвид, я очень хорошо могу понять, что после всех вещей, что мы знаем сегодня, после миллионов убийств, которые произошли, вы считаете немецкий народ нацией преступников, и что вы не можете понять, что это также и нация патриотов. Я делал это для того, чтобы служить моей родине, и я хочу добавить, что до времени Мюнхенского соглашения и даже до времени польской кампании, даже главные державы пытались, хотя и знали обо всём, что происходило в Германии, работать с такой Германией.

Почему вы желаете упрекать патриотических немцев за похожие действия, и похожие надежды, при том, что все главные державы также надеялись?

Максвелл-Файф: Главные державы не допускали убийств своих служащих, одного за одним, и не были настолько близки к Гитлеру как вы. Я утверждаю, что единственная причина, по которой вы продолжали оставаться на службе у нацистского правительства в то время, когда вы знали обо всех этих преступлениях, заключалась в том, что вы сочувствовали нацистам и хотели продолжать работать вместе с ними. Я утверждаю, что вы прекрасно об этом знали. Вы видели, что ваши друзья и сотрудники падают жертвами убийц, вы хорошо знали об этом, и

[320] Людвиг Йорк фон Вартенбург (1759 —1830) — прусский генерал-фельдмаршал эпохи наполеоновских войн. Во время отступления из России Йорк командовал арьергардом войск Макдональда, был отрезан от последнего и окружён русскими войсками под командованием Дибича. Находясь под давлением своих офицеров и полагая, что наступило время отделиться от Наполеона, Йорк на свой страх и риск заключил 18 декабря (по старому стилю) с русскими известную Таурогенскую конвенцию, согласно которой его корпус стал придерживаться «нейтралитета». Король поначалу приказал отрешить его от командования корпусом и предать суду военного трибунала за самоуправство, но последующие события помешали исполнению этого приказа.

единственная причина, которая могла заставить вас продолжать работать и брать от нацистов одно поручение за другим, заключалась в том, что вы сочувствовали и содействовали деятельности нацистов. Вот в чем я обвиняю вас.

Папен: Сэр Дэвид, вероятно, это ваше мнение; я считаю, что ответственный только перед своей совестью и немецким народом за своё решение работать на своё отечество; и я приму их вердикт.

Максвелл-Файф: Милорд, я закончил.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Сэр Дэвид, вы закончили?

Максвелл-Файф: Да, милорд, я закончил.

Председатель: Кто-нибудь из других обвинителей желает провести перекрестный допрос?

Доктор Кубушок?

Кубушок: Вчера в перекрестном допросе отметили, что в своём докладе Гитлеру от 27 июля 1935 – британская документальная книга 11a, страница 79 – вы отмечаете, что согласно выводам судов, ведущие деятели Рейха в 1934 применили силу в Австрии. В связи с этим вы назвали имя Хабихта. Я бы хотел получить некоторую информацию о личности Хабихта. Хабихт был немцем из Рейха.

Папен: Хабихт был немцем из Рейха и имел свою штаб-квартиру в Мюнхене. Он был ландесинспектором всей национал-социалистической партии в Австрии. Это означает следующее:

Австрийская партия имела гауляйтера в Австрии, но ею руководил из Мюнхена рейхсляйтунг партии через ландесляйтера, ландесинспектора Хабихта. Поскольку этот человек был ответственным за всю австрийскую партию, его положение в партии, конечно, считали ведущим. Надо называть его не «посредником», а ведущей личностью Рейха.

Кубушок: Вчера в перекрёстном допросе вам представили различные письма, которые вы написали Гитлеру между 4 и 17 июля 1934. Эти письма следует изучить более подробно. В чём заключалась цель данных писем?

Папен: Я рад иметь возможность ещё раз разобраться с этой перепиской. Нужно учитывать тогдашнюю обстановку: Бозе застрелили, трёх сотрудников арестовали, большое волнение и любой, кто каким-либо образом был в оппозиции находился под подозрением в связи с мятёжом СА. Это было похоже на ситуацию после 20 июля 1944.

Поэтому первой целью было выяснить дело Бозе, а также и другие дела при помощи правовых процедур. Я попросил об этом в первом письме от 4 июля. Я также требовал эту реабилитацию в следующих письмах, но это являлось предпосылкой, чтобы прежде всего установить, что мы никак не связаны с заговорщиками СА.

Кубушок: В письмах вы уверяете Гитлера в своей верности и лояльности. Это не поразительно после событий 30 июня?

Папен: Это может показаться поразительным для постороннего, но не для человека, который помнит истерическую атмосферу тех дней, ибо тогда любого кто находился хотя бы в какой-нибудь оппозиции или критиковал систему клеймили заговорщиком. По этой причине, я подумал, что уместно при помощи подобного письма внести ясность в то, что вице-канцелярия не имела никакого отношения к этому заговору.

Кубушок: Представитель обвинения думает, что ваши письма имели единственной целью реабилитацию собственной персоны. Что вы на это скажете?

Папен: Я прошу трибунал изучить эти письма. В них можно ясно увидеть, что я непрерывно указывал на то, что моих сотрудников абсолютно следует реабилитировать. В письме от 12 июля, на странице 3, я говорю, что честь моих сотрудников являлась и моей честью; и я непрерывно требовал, чтобы дело Бозе было выяснено.

Кубушок: Вы считали, что способны добиться этого посредством юридических процедур, которые вы предлагали?

Папен: Юридические процедуры имели бы два эффекта: в первую очередь, было бы установлено неучастие в путче, и это бы обязательно показало, что арест моих сотрудников и убийство Бозе произвол, деяние ответственные за которое должны были быть наказаны.

Кубушок: В письме от 14 июля вы приветствовали речь Гитлера в Рейхстаге 13 июля. Как вы это прокомментируете?

Папен: Я могу попросить вас посмотреть на текст этого письма. Я приветствовал подавление запланированной второй революции, но это никоим образом не следует принимать как признание актов насилия совершенных против людей, не принимавших участия в революции, и кроме того, нужно учитывать следующее: события 30 июня делились на две части. В первую очередь, сам Гитлер выступил против мятежа СА; тот факт, что такой мятеж действительно планировали, казался нам вполне убедительным, так как слухи о второй революции ходили по стране неделями. В Марбурге я уже ссылался на это. Мятеж руководства СА, которые представляли эффективную силу, можно было бы считать угрозой государству и казни были направлены против руководства СА, которые были особенно хорошо известны и чьи имена связывали с эксцессами 1933.

Вторая часть акции была направлена против людей за рамками этого круга.

Медленно новости об отдельных случаях просачивались наружу. Обоснованность таких шагов против этих людей отчасти объяснялась тем, что они имели какую-то связь с руководством СА и что некоторые из низ оказали сопротивление. Это нужно было выяснять, закон о чрезвычайном положении относился к этому, но невозможно было отступать от обычной юридической процедуры. Отсюда моё письмо Гитлеру от 12 июля, в котором я попросил его не отходить от обычной юридической процедуры. Я предостерегал его от отождествления себя с этими событиями, и я требовал от него – ссылаясь на дело Бозе – реабилитации последнего и юридических процедур.

Председатель: Доктор Кубушок, у нас есть эти письма.

Кубушок: Да, цель данного допроса внести ясность и объяснить содержание писем, но мне кажется, подсудимый сказал достаточно, и сейчас мы можем продолжить с другим вопросом. Ваше письмо от 17 июля подписано без благодарственного окончания и также в общей форме отличается от остальных писем. Как вы объясните это?

Папен: 17 июля я вынужден был считать свои усилия добиться юридических процедур неудачными. Я пока не получил обратно свои дела. По этой причине, я отказался от дальнейших усилий, и больше не было причины публично объявлять о своей отставке.

Кубушок: Вы имеете в виду отзывать её.

Теперь я возвращаюсь к документу, на который сегодня ссылалось британское обвинение. Это PS-2248 в британской документальной книге 11a, страница 99. Представитель британского обвинения пытался получить объяснение подсудимого. Мне кажется, трудности перевода, и манера изложения в целом немного усложнили его понимание. Я прочитаю спорную фразу ещё раз и попрошу подсудимого объяснить эту фразу. Я процитирую на странице 99 английского текста, второй абзац сверху.

«Способ которым Германия…»

Председатель: Доктор Кубушок, уже давалось очень длинное объяснение.

Кубушок: Господин председатель, объяснение пострадало из-за того, что подсудимый правильно не понял перевод или из-за того, что британское обвинение не поняло подсудимого. Формулировка немецкого текста нечеткая. Подсудимый сможет очень просто это объяснить. Объяснение…

Председатель: Хорошо, тогда продолжайте, продолжайте.

Кубушок:

> «Способ которым Германия разрешает политико-религиозные сложности, умная рука которая устраняет политический католицизм не затрагивая христианской основы Германии, имеет решающий эффект не только на Англию» и т.д.»
>
> Пожалуйста, объясните смысл фразы, которую я вам сейчас прочитал.

Папен: Я хотел сказать Гитлеру: «Вы должны умной рукой устранить политический католицизм, но ни в коем случае не трогать религиозную основу». Это зависело от умного решения данного вопроса…

Председатель: Вопрос перевода здесь не стоит. Нам дословно прочитали отрывок как он есть у нас, и сэр Дэвид Максвелл-Файф прочитал его подсудимому, и подсудимый давал один и тот же ответ сэру Дэвиду.

Кубушок: Господин председатель, могу я отметить следующее: вся фраза была в будущем времени, вся фраза…

Председатель: Нам это сейчас дословно прочитал переводчик такими словами какие есть у нас в книге и словами которые сэр Дэвид Максвелл-Файф представил подсудимому. Вообще нет никакой разницы во времени.

Кубушок: Господин председатель, есть особенная языковая сложность, потому что в первую очередь первые два глагола в настоящем времени в связи с вспомогательным глаголом «wird[321]» использованном позднее; и в соответствии с использованием немецкого языка настоящее тоже нужно понимать как будущее. По мнению британского обвинения, первые два глагола «разрешать» и «устранять» нужно рассматривать в прошедшем времени, и в этом разница.

Председатель: Это вопрос устной аргументации о словах из документа.

Кубушок: Да. Теперь последний вопрос свидетелю.

Недавно обсуждалась беседа кардинала Иннитцера с Гитлером в Вене. Что заставило вас организовать эту встречу Гитлера с кардиналом Иннитцером?

Папен: Нашим походом в Австрию и аншлюсом Австрии к Рейху, Гитлер присоединил к Германии католическую страну и проблема которую предстояло решить заключалась в том, чтобы покорить это страну и внутри. Это было бы возможно только если бы Гитлер признал религиозную основу, признал права которые католицизм имел в этой стране, по этой причине я организовал беседу между кардиналом Иннитцером и Гитлером для того, чтобы убедиться в том, что Гитлер в будущем будет следовать в Австрии политике которая стояла бы на христианской основе.

Готовя эту беседу, я думал, что могу сослужить Австрии последнюю услугу, такой была причина.

Кубушок: Это конец моего допроса.

Председатель: У меня есть к вам два или три вопроса.

Когда вы впервые услышали об убийстве евреев?

Папен: Милорд, мне кажется, что это было во время войны.

Председатель: Что же, война длилась шесть лет. Когда во время войны?

Папен: Милорд, точно не могу сказать. Я не могу сказать под присягой, когда это было.

Председатель: Вы не можете сказать точнее чем, что?

---

[321] Становиться (нем.)

Папен: Нет, наши общие сведения были о том, что евреев направляли в лагеря в Польше. Но мы ничего не знали о систематическом уничтожении евреев таком о котором мы услышали здесь.

Председатель: Свидетель, чьи письменные показания представил в качестве доказательства ваш защитник, Марчионини, что вам о нём известно?

Папен: Милорд, Марчионини был хорошо известным профессором, который работал в больнице в Анкаре и который был моим семейным доктором.

Председатель: У вас есть перед вами тома с доказательствами?

Папен: Нет.

Председатель: Можно показать подсудимому том III?

[*Документы вручили подсудимому*]

Председатель: Том III; это письменные показания Марчионини, последний абзац ответа на вопрос 6.

Папен: Минуточку, милорд. Я ещё не нашёл.

Председатель: Не торопитесь.

Папен: Теперь у меня есть письменные показания.

Председатель: У вас есть вопрос 6, или скорее ответ на вопрос 6?

Папен: Вопросы здесь не пронумерованы.

Председатель: Это предпоследний вопрос.

Папен: Да.

Председатель: В ответ на вопрос, он говорит:

> «Я помню особенно чётко инцидент весной 1944, когда я позвонил фон Папену с просьбой господина Барласа, комиссара по беженцам еврейского агентства, с целью его содействия в спасении 10000 евреев во Франции от депортации в Польшу для уничтожения. Эти евреи ранее имели турецкую национальность, но они позднее от неё отказались».

Потом он сказал, посредством вашего вмешательства «…жизни этих евреев были спасены» Данное заявление, правда?

Папен. Да, разумеется.

Председатель: Значит, в любом случае весной 1944 вы знали, что евреев во Франции должны были депортировать для уничтожения?

Папен: Милорд, мне кажется, они должны были быть депортированы в Польшу. Но мы не знали в 1944, что их должны уничтожить. Мы хотели защитить их от депортации.

Председатель: Я думал, вы сказали, что заявление правдивое.

Папен: С целью уничтожения – мне кажется нам тогда так не сказали. Вопрос был лишь в том готов ли я помочь избавить 10000 евреев, которые находились во

Франции от депортации в Польшу.

Председатель: Это всё. Вы можете вернуться на скамью.

Кубушок: Трибунал одобрил мне трёх свидетелей. Свидетель барон фон Лерзнер не сможет прибыть сюда до конца июля из-за транспортных трудностей. Он не может быть здесь до конца июля. После допроса подсудимого и учитывая тот факт, что Лерзнер ответил на опросный лист, мне кажется я могу отказаться от свидетеля. Я сожалею об этом, потому что он человек который был компаньоном подсудимого в течение всей его политической карьеры, свидетель который был бы особо ценным ввиду его объективности в этих вопросах. Он был председателем германской мирной делегации в Версале.

Председатель: Если у вас есть письменные показания или опросный лист, вы можете его предъявить. Нам не нужны никакие дальнейшие заявления об этом.

Кубушок: Да.

Вторым свидетелем был граф Кагенек. Поскольку вопросы которые должны были задать Кагенеку охвачены допросом подсудимого и перекрёстный допрос не затронул их, я также могу отказаться от этого свидетеля.

Остается только свидетель доктор Кролль[322], которого я вызываю для дачи показаний.

[*Свидетель Кролль занял место свидетеля*]

Председатель: Пожалуйста, вы назовете своё полное имя?

Кролль: Ганс Кролль.

Председатель: Повторяйте за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Можете садиться.

Кубушок: Свидетель, чем вы занимались в Анкаре?

Кролль: Я был первым советником посольства и позднее посланником. Я был в Анкаре с осени 1936 до апреля 1943, с апреля 1939 по апрель 1943 я работал совместно с послом фон Папеном как его принципиальный помощник. Ежедневно, в основном утром и вечером, мы собирались вместе на несколько часов, поэтому мне кажется я хорошо информирован о разных этапах его деятельности в течение этого периода в Турции, то есть, о его деятельности во время войны.

Кубушок: В целях пояснения я бы хотел сказать, что эти вопросы в основном

[322] Ганс Кролль (1898 – 1967) – немецкий дипломат. Кадровый сотрудник МИД Германии. В 1936 – 1943 советник посольства Германии в Турции. В послевоенной Германии был послом в Югославии, Японии, СССР

ссылаются на мирную политику подсудимого.

Вы знали господина фон Папена до того как он стал послом в Анкаре?

Кролль: Нет. Мы встретились в Анкаре.

Кубушок: Вы были членом НСДАП?

Кролль: Нет.

Кубушок: После принятия должности посла, господин фон Папен ненадолго приехал в Анкару. В чём заключалась цель его визита?

Кролль: Господин фон Папен хотел, в первую очередь, представиться турецкому правительству и получить информацию об общей ситуации.

Кубушок: Господин фон Папен тогда, своим поведением и своими заявлениями, высказывал своё согласие с германской внешней политикой и в частности политикой в отношении Польши? Или же он как мог пытался работать против этой политики?

Кролль: После прибытия господина фон Папена я конечно был заинтересован узнать, как он представлял будущее развитие общей ситуации и в частности развитие польского вопроса. Конечно я полагал, что так как он приехал из Германии он был хорошо информирован о планах Гитлера, и я был разочарован узнав, что он знал не больше меня, то есть вообще ничего.

Затем мы подробно обсудили ситуацию, настолько насколько я могу сказать, господин фон Папен, который очень откровенно говорил со мной об этих вещах, не доверял внешней политике Гитлера. Он был противником войны, подлинным и искренним противником войны, и конечно он был также противником войны против Польши. Он был совершенно убеждён в том, что можно прийти к соглашению по польскому вопросу только если дать понять Гитлеру, что конфликт с Польшей обязательно привидет к мировой войне. Тогда он стремился, и я должен сказать очень открытым, чистым и отважным языком, отмечать эти взгляды в своих докладах. И в своих беседах с турецкими государственными деятелями, а также аккредитованными дипломатами в Анкаре, он пытался доказать, что фактически конфликт с Польшей обязательно приведет к конфликту с Англией и Францией. Я часто говорил себе позднее о том, что он был убеждён в том, что если бы все, немцы и иностранцы говорили с Гитлером так ясно, то войны можно было избежать.

Кубушок: После начала польской войны, в чём заключалось отношение господина фон Папена к распространению войны на Скандинавские государства, Голландию, Бельгию и наконец Россию?

Кролль: Господин фон Папен, конечно надеялся, что во время той зимней паузы будет достигнута какая-то договоренность или хотя бы организуют встречу. Он знал, что как только война распространится на Запад, война разразиться во всём ужасе и что тогда будет слишком поздно обсуждать, что-то. Конечно, насколько возможно он искал посредничества в Турции и был рад и готов рассматривать любую возможность, такую как возникла из бесед с его другом, голландским

посланником в Анкаре, ван Виссером. Мотив стоявший за предложением Виссера заключался в желании Голландии, чтобы война вместе с борьбой на Западе закончилась к весне и целью должны были быть переговоры Германии и Англии.

Кубушок: Меня интересует знать, в чём заключалось мнение господина фон Папена о таком мире. Он думал о том, что будет возможно добиться аннексии при помощи мира или каким он представлял этот мир?

Кролль: Мне кажется, по предыдущей деятельности господина фон Папена известно, что он был другом и верящим в европейское взаимопонимание. Он знал о том, что эта война началась не из-за территориальной проблемы, а из-за принципа, то есть, предотвращения будущих односторонних агрессивных войн. И поэтому, в восстановлении законного довоенного статуса, то есть восстановлении status quo ante на основе 1938, включая восстановление Польши и Чехословакии, он видел предпосылку для учреждения pourparlers[323].

Он считал второй предпосылкой успешного ведения подобных pourparlers восстановление доверия к германской подписи, которое как известно было уничтожено в результате внешней политики Гитлера. Единственный вопрос заключался в том как это доверие можно восстановить. Он ясно понимал, что предпосылкой этого являлась основополагающая реформа режима, с целью снова сделать Германию правовым государством. Наконец, господин фон Папен публиковался, так как он был в Турции, веря в то, что он видел возможность закончить войну в результате достижения взаимопонимания, потому что Турция находилась в более хорошем положении для посредничества чем практически любое другое государство равнозначное во внешней политике. Она пользовалась доверием обеих воюющих сторон и что ещё важнее для подготовки pourparlers. И таким образом он стремился во всех своих переговорах с турецкими государственными деятелями склонить Турцию к посредничеству. Все эти годы в Турции в этом был лейтмотив его работы, а именно, положить войне конец как можно скорее. Это факт, что он в конце концов вызвал удовлетворение турецкого президента в 1942 в большой публичной речи перед турецким национальным собранием, предложив услуги Турции для посредничества между воюющими сторонами.

Кубушок: Вы имели сведения об усилиях господина фон Папена отвести распространение войны от Турции, вопреки усилиям определенных кругов партнеров по Оси у Гитлера? Во время войны было несколько кризисов которые вы можете кратко назвать.

Кролль: Я бы хотел сказать, что деятельность Папена в Турции можно суммировать одним словом. Он считал своей миссией совместить интересы Германии, своей страны и интересы мира. Это означало, в свою очередь, что он стремился предотвратить распространие войны на Турцию и Ближний Восток и таким образом создать предпосылку для вмешательства в подходящий момент Турции как

[323] Переговоров (фр.)

посредника.

Итак, что касается кризисов. Я бы хотел ограничиться теми случаями в которых у господина фон Папена складывалось впечатление о том, что нейтралитету Турции угрожали намерения партнеров по Оси.

Председатель: Думаю я обратил ваше внимание на тот факт, что не было никаких обвинений против фон Папена в связи с его деятельностью в Анкаре, и также я могу добавить, что это было суммировано одним словом.

Кубушок: Всего несколько случаев, ваша светлость. Он коротко расскажет нам о них, чтобы закончить общую картину.

Председатель: Единственное чем доказательства могут относится, это насколько они проливают свет на деятельность фон Папена до отъезда в Анкару. Я вам это уже отмечал.

Кубушок: Ваша светлость, недавно я говорил, что о личности человека обвиняемого в военном заговоре нельзя судить правильно если только упоминать только один период его деятельности. Он был на посту где он мог совершать положительные или отрицательные вещи. Разумеется не будет не относится к делу если мы хотя бы коротко это представим.

Председатель: Доктор Кубушок, данный свидетель значительное время рассказывает нам о том, что эта деятельность Папена была совершенно мирной и что они стремились заставить Турцию быть посредником и то, что он делает сейчас, он просто продолжает дальнейшие детали по этой же теме, и это тот период, когда, как я говорю, по которому нет никаких обвинений.

Кубушок: Если трибунал понимает, что подсудимый фон Папен на самом деле интерпретировал свою миссию в Анкаре как мирную миссию, мне не требуется задавать свидетелю дальнейшие вопросы. Тогда я перехожу к своим последним вопросам.

Какой была позиция господина фон Папена в отношении партии, особенно к ландесляйтунгу в Анкаре.

Кролль: По прибытии, фон Папен встретил нескрываемое недоверие. Неудивительно, так как было известно, что он не был национал-социалистом. В течение этих четырех лет в Турции я не встречал никого кто бы считал его национал-социалистом. Его взаимоотношения с партией ухудшались с годами и наконец переросли в открытый конфликт. Это было в 1942, когда ландесгруппенляйтер партии в Анкаре однажды сказал своим коллегам, если бы это зависело от него то он бы застрелил господина фон Папена. Тогда ему бросили вызов, и он себя поправил. Он сказал, что не говорил это, он только сказал, что отправил бы его в концентрационный лагерь.

Кубушок: Каким было отношение господина фон Папена к еврейскому вопросу?

Кролль: В повторявшихся публичных речах, а также в своих поступках, господин фон Папен совершенно ясно возражал антиеврейской политике партии. Он был

знаком с еврейскими эмигрантами. Он имел еврейских врачей, он покупал в еврейских магазинах. Короче, мне кажется это было одной из причин которая вызвала трения между ним и партией.

Кубушок: Господин фон Папен даже использовал еврейку в посольстве?

Кролль: Как я знаю, да. Кажется это была жена его слуги, его грузчика.

Кубушок: Она работала там телефонисткой? Госпожа Б…, правильно?

Кролль: Да.

Кубушок: Вам известен господин Поземан? Он имел какие-нибудь связи с германским посольством?

Кролль: В моё время, Поземан не находился в германском посольстве. Я помню, что он имел книжный магазин в Анкаре. Он не имел никакого отношения к посольству.

Кубушок: Каким было отношение господина фон Папена к вопросу личного состава? Он использовал национал-социалистов в посольстве или какие предпочтения он имел?

Кролль: Хорошо известно, что партия никогда не была довольна выбором работников фон Папеном. Это видно по очень суровым последствиям 30 июня и после аншлюса. Было довольно опасно быть одним из его первых сотрудников.

Конечно, к нему относились подозрительно, потому что он не сделал из посольства командный пост национа-социализма, как было сделано на Балканах, и из-за этого, когда он просил личный состав, он выбирал людей о которых он знал, что они не национал-социалисты. Думаю мне нужно назвать лишь два имени, господин фон Хефтен[324] и легационный советник фон Тротт цу Сольц, два человека которых мне кажется казнили в связи с 20 июля. Конечно, особенно вменялось фон Папену то, что он возражал всем усилиям убрать меня с поста. Я не знаю нужно ли мне продолжать.

Кубушок: Пожалуйста сделайте это коротко.

Кролль: Непрерывно – можно сказать каждый месяц – предпринимали попытку убрать меня как заместителя фон Папена. Наконец, когда это не принесло никакой пользы, поскольку фон Папен всегда возражал этим попыткам, ландесгруппенляйтер начал бить в барабан войны и ортсгруппенляйтер Анкары и Стамбула весной 1942 приехал на встречу с фон Папеном и официально от имени партии потребовал, чтобы меня убрали с поста. Фон Папен снова отказался, но наконец в 1943 давление партии стало слишком сильным, особенно поскольку другие источники составили против меня заговор и поэтому меня исключили.

Кубушок: Финальный вопрос: в эти годы совместной работы вы хорошо познакомились с деятельностью фон Папена и его личностью. Вероятно вы можете дать нам краткую картину о подсудимом.

---

[324] Вернер фон Хефтен (1908 —1944) — германский юрист и офицер. Активный участник антигитлеровского сопротивления. Казнен в 1944 году за участие в заговоре 20 июля.

Кролль: Как я уже сказал…
Председатель: Нет, он уже довольно долго очерчивал это, и мы не хотим краткое повторение.
Кубушок: Тогда я откажусь от этого вопроса. Я закончил допрос свидетеля.
Максвелл-Файф: Милорд, нет вопросов.
Председатель: Кто-нибудь из защитников хочет задать какие-нибудь вопросы? Тогда свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Кубушок: Мне нужно лишь кратко сослаться на несколько документов. В документальной книге 1, я предъявляю документ 24, страница 86. Я ссылаюсь на сноску:

> «С обвинением была достигнута договоренность о том, что установлен факт, что указу о чрезвычайных полномочиях от 24 марта 1933 предшествовали два указа о чрезвычайных полномочиях в 1923».

Я ссылаюсь на документальную книгу 2, документ 63, статьи из «The Stars and Stripes[325]» от 27 марта 1946. Это мирные усилия при помощи Эрла. Статья дополняет опросный лист Лерзнера.
Председатель: Вы сказали 36?
Кубушок: Номер 63, страница 153.

Кроме того, я ссылаюсь на том II…

Председатель: Минуточку. Документ который вы предъявили нам - документ от 27 марта 1946. Что нам с ним делать? Это газетная статья.
Кубушок: Это газетная статья об интервью с Эрлом. Он говорил с Лерзнером. Чтобы дополнить показания Лерзнера, которые мы здесь не имеем, я бы хотел использовать газетную статью. Она расширяет нечто, что кратко указано в письменных показаниях Лерзнера.
Председатель: Но вы имели возможность получить у Лерзнера письменные показания или поставить Лерзнеру вопросы которые вы хотели, а теперь вы предъявляете газетную статью от 1946 во время процесса.
Кубушок: Господин председатель, поскольку я не могу лично выслушать Лерзнера ввиду его отсутствия – мы планировали заслушать его в качестве свидетеля – на вопрос в опросном листе был дан довольно краткий ответ. Чтобы завершить это…
Председатель: Какая дата у опросного листа?
Кубушок: Опросный лист Лерзнера датирован 15 апреля 1946. Это документ 93. Дата опросного листа 15 апреля 1946.

---

[325] «Звёзды и полосы» — неоф. название флага США) — ежедневная газета Министерства обороны США. Издаётся с 1861 года. Предназначена для контингентов Вооружённых сил США, дислоцированных за рубежом. Существуют три издания: европейское, тихоокеанское и ближневосточное, различающиеся несколькими полосами информации местного значения.

Председатель: Что же, трибунал не думает, что этот документ следует допускать. Газетные статьи во время процесса это не те доказательства которые трибунал вправе допускать.

Кубушок: В томе третьем я предъявляю документ 99, письменные показания Шаффгоча, страница 245. Их только, что предъявили господин председатель. Это короткие письменные показания о безуспешных усилиях фон Папена весной 1934 добраться до Гинденбурга.

Наконец, как документ 100, я предъявляю призыв правительства Рейха от 1 февраля 1939 который вчера упоминали, а также выдержку о внешней политике из речи Гитлера от 23 марта. Вчера на это ссылались во время заседаний.

Кроме того, я ссылаюсь на все документы во всех трёх документальных книгах, которые предъявил и прошу вынести о них судебное уведомление.

Затем у меня есть одна заключительная просьба. Вчера часть дискуссии о письменных показаниях Шрёдера и Мейсснера огласили под протокол. Мне кажется обвинение, поскольку оно не воспользовалось письменными показаниям будет готово к тому, чтобы эти части исключили из протокола.

Председатель: Письменные показания Мейсснера которые частично использовались, не так ли?

Максвелл-Файф: Да, милорд, так было. Милорд я склонен думать, что удобней всего было бы, чтобы трибунал принял то, что я просто предъявил факты из письменных показаний и не считал, что ему предъявлены доказательства из письменных показаний. В противном случае, думаю будет очень сложно откорректировать протокол, но конечно я принимаю такую позицию.

Председатель: Да, мы так думаем. Мы будем рассматривать это как факты предъявленные свидетелю и ответы свидетеля на них не будем рассматривать как заявление под присягой.

Максвелл-Файф: Да, милорл, чисто как мои вопросы.

Кубушок: Я закончил дело подсудимого фон Папена.

Председатель: Спасибо. Трибунал прервется.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал будет заседать в субботу в открытом режиме с десяти до часа.

Я вызываю защитника подсудимого Шпеера.

Флекснер: Господин председатель, уважаемый трибунал: вероятно высокий трибунал вспомнит тот факт, что, когда мы обсуждали доказательственный материал, который я предлагал для представления в данном деле, я отказался от показаний свидетелей и заявил о том, что ограничу себя использованием опросных листов и допросом свидетелей вне зала суда.

Я надеялся, что таким образом смогу представить все свои доказательства. Однако, я не владею всеми направленными опросными листами. Я получил только часть из них. Я постараюсь как можно лучше воспользоваться ответами в ходе допроса подсудимого с тем, чтобы отдельная презентация этих опросных листов и показаний оказалась излишней. Несмотря на всё это, я надеюсь провести допрос подсудимого так, что по моей оценке я закончу за день и как самое большое 7 часов.

Итак, с разрешения высокого трибунала я хочу вызвать подсудимого Шпеера для дачи показаний.

Председатель: Да.

[*Подсудимый Шпеер занял место свидетеля*]

Председатель: Пожалуйста, вы назовёте своё полное имя?

Шпеер: Альберт Шпеер.

Председатель: Повторяйте за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего».

[*Подсудимый повторяет присягу*]

Председатель: Присаживайтесь.

Флекснер: Господин Шпеер, пожалуйста, расскажите трибуналу о вашей жизни до времени назначения вас министром?

Шпеер: Я родился 19 марта 1905. Мой дедушка и мой отец были успешными архитекторами. Сначала я хотел изучать математику и физику, но потом я занялся архитектурой, больше из-за традиции, чем по наклонности. Я посещал университеты Мюнхена и Берлина, и в 1929 в возрасте 24, я был первым помощником в техническом училище в Берлине. В возрасте 27, в 1932, я занимался собственным делом до 1942.

В 1934 меня впервые заметил Гитлер. Я познакомился с ним и с этого времени я работал по своей архитектурной профессии с удовольствием и энтузиазмом, ибо Гитлер был совершенно фанатичным в теме архитектуры; и я получил от него много строительных контрактов. Наряду с постройкой новой рейхсканцелярии в Берлине и различных зданий на площадке партийных съездов здесь в Нюрнберге, мне доверили перестройку городов Берлин и Нюрнберг. Я проектировал здания, которые были бы крупнейшими в мире и осуществление этих планов стоило бы не больше чем двухмесячные военные расходы Германии. В результате такой склонности Гитлера к архитектуре у меня был с ним тесный личный контакт. Я принадлежал к кругу, который составляли другие творцы и его личный штаб. Если у Гитлера вообще были друзья, я бы точно был одним из его

близких друзей.

Несмотря на войну, мирная строительная работа шла до декабря 1941, и только зимняя катастрофа в России положила этому конец. Я предоставил часть немецкой рабочей силы для восстановления железнодорожных сооружений в России.

Флекснер: Обвинение в документе PS-1435, который является экземпляром USA-216, цитировало замечание из вашей первой речи в качестве министра, датированной февралём 1942, в котором вы заявили, что тогда перевели 10000 военнопленных в распоряжение промышленности вооружений.

Господин председатель, это замечание можно найти в моей документальной книге, на странице 4 английского текста и странице 1 французского текста.

Господин Шпеер, что вы скажете об этом документе?

Шпеер: Тогда как архитектор я ничего не мог сказать о том, куда нужно забирать этих рабочих. Их передавали в распоряжение шталагов[326], учреждений ОКВ для пленных. Я принимал как само собой разумеющееся, что их передают в распоряжение вооружений в широком смысле.

Флекснер: Господин Шпеер, вы хотя бы когда-нибудь принимали участие в планировании и подготовке агрессивной войны?

Шпеер: Нет. Поскольку я выступал как архитектор до 1942, такого вопроса вообще быть не может. Здания, которые я строил, являлись абсолютно представителями мирного строительства. Как архитектор, для данной задачи я использовал материалы, рабочую силу и деньги в значительных количествах. Данный материал, в конце концов, терялся для вооружений.

Флекснер: Вы являлись…

Шпеер. Минуточку, пожалуйста.

Осуществление этих крупных строительных планов, которые поддерживал Гитлер были на самом деле и в особенности психоглогически, препятствием вооружениям.

Флекснер: Обвинение утверждает, что вы были рейхсляйтером.

Шпеер: Нет, это ошибка обвинения.

Флекснер: Вы носили золотой партийный значок. Когда и почему вы получили его?

Шпеер: Я получил золотой партийный значок от Гитлера в 1938. Это было из-за того, что я завершил планирование новой строительной программы в Берлине. Кроме меня, одновременно пять других художников получили золотой партийный значок.

Флекснер: Вы были членом Рейхстага[327]?

---

[326] Шталаг — сокращенное название (от сокр. нем. Stammlager (основной лагерь); лагеря германских вооружённых сил (вермахта), люфтваффе (шталаг Люфт) и кригсмарине (Марлаг) для военнопленных из рядового состава во время Второй мировой войны.

[327] Рейхстаг — высший представительный и законодательный орган в Германии времён Веймарской республики, а

Шпеер: В 1941 Гитлер позвал меня в Рейхстаг, то есть, без выборов, как замену члена который покинул Рейхстаг. Гитлер тогда сказал мне, что в моём лице он хотел иметь в Рейхстаге представителя искусства.

Флекснер: Вы когда-нибудь получали пожертвования?

Шпеер: Нет.

Флекснер: Как началась ваша деятельность в качестве министра?

Шпеер: 8 февраля 1942 мой предшественник доктор Тодт[328], погиб в авиационной катастрофе. Несколько дней спустя Гитлер объявил, что я должен быть его преемником в должности. Тогда мне было 36 лет. До этого времени, Гитлер считал основной деятельностью Тодта строительную сферу, и вот почему он позвал меня стать его преемником. Мне кажется, что для каждого стало полной неожиданностью, когда меня позвали на должность министра.

Сразу после вступления в должность, стало видно, что не строительство, а интенсификация вооружений должны были стать моей основной задачей, так как тяжёлые материальные потери в битвах в России во течение зимы 1941-42 были сильным ударом. Гитлер призвал к значительной интенсификации производства вооружений.

Флекснер: Когда вы вступили в должность, вы обнаружили полностью сформированное рейхсминистерство вооружения и боеприпасов?

Шпеер: Нет, доктор Тодт пренебрегал такой функцией до этого времени, и дополнительно, осенью 1941 Гитлер издал указ согласно которому вооружение армии должно было находиться на втором месте после вооружения воздушных сил. Тогда он предвидел победоносный исход войны с Россией и распорядился о том, что должна быть проведена концентрация вооружений для неизбежной войны с Англией. В результате такого своего невероятного оптимизма, отмена приказа была отложена до января 1942; и только потом – то есть, в течение последнего месяца своей жизни – доктор Тодт начал выстраивать свою организацию. Поэтому, я имел сложную задачу, прежде всего работать в полностью новой области; во-вторых, одновременно создать все организационные предпосылки для своей задачи; и в—третьих, восстановить снижавшееся производство вооружений для армии и насколько возможно нарастить производство в рамках нескольких следующих месяцев. Как сегодня хорошо известно, я смог сделать это.

Флекснер: Какие обещания дал вам Гитлер о длительности вашей задачи и о создании вашего штата сотрудников?

Шпеер: Гитлер пообещал мне, что я должен считать свою задачу только как военную задачу, и что после войны я могу сразу же возобновить свою профессию архитектора.

также формально при национал-социалистах.

[328] Фриц Тодт (1891 — 1942) — государственный и политический деятель Германии, министр вооружения и боеприпасов (1940—1942), обергруппенфюрер СА. Погиб в авиакатастрофе.

Флекснер: На этом моменте я бы хотел упомянуть отрывок из документа PS-1435, который касается речи произнесенной Шпеером 24 февраля 1942, 10 дней спустя после вступления в должность. Этот документ показывает, что он с большой неохотой сменил свою профессию архитектора на министра. Я цитирую:

«Наконец я могу сказать себе, что мой личный вклад очень большой.

До сих пор я жил в мире чистых идей».

В документе PS-1520, который является экземпляром GB-156, находящемся на странице второй моей документальной книги, страница 5 английского текста и страница 2 французского и русского текстов, 8 мая 1942 Гитлер заявил и я цитирую: «Затем фюрер несколько раз заявил о том, что рейхсминистр Шпеер будет освобожден в тот же день, когда будет заключён мир».

Далее я бы хотел приобщить документ номер Шпеер-43, который меморандум Шпеера Гитлеру датированный 20 сентября 1944. Господин председатель, это можно найти на странице 6 английского текста, страница 3 французского и русского текстов. Из этого документа вы можете видеть, что Шпеера считали враждебным партии Борман и Геббельс, из-за своего круга сотрудников. Шпеер пишет в своём меморандуме, и я цитирую:

> «Задача, которую я выполняю, неполитическая. Я довольствовался в своей работе до настоящей поры тем, что лично я и моя работа оценивались только согласно профессиональным достижениям и стандартам. Я не чувствую достаточно уверенности в том, что можно успешно и без препятствий для технической работы проводить её самому и моим сотрудникам если она должна измеряться партийно-политическими стандартами».

Председатель: Какой номер экземпляра вы этому присвоили?

Флекснер: Господин председатель, экземпляр номер 1.

Господин Шпеер, вы можете описать фундаментальные принципы, которыми вы руководствовались при строительстве вашего министерства?

Шпеер: Лично я не был экспертом, и не хотел выступать как эксперт. Поэтому я отобрал самых лучших экспертов находившихся в Германии в качестве своих сотрудников. Я верил в то, что этих людей нужно было искать в самой промышленности. Поэтому я составил своё министерство из уважаемых работников промышленности. Также делали в Соединенных Штатах во время войны в производственных вопросах. Профессиональных гражданских служащих моему министерству не хватало, и вы на самом деле не можете считать моё министерство выстроенным в обычных чертах. В июне 1944 я выступил с речью в Эссене о фундаментальных принципах, на которых я основывал своё министерство и его работу, чтобы защитить себя от различных нападок на мою систему со стороны партийных кругов.

Флекснер: Господин председатель, я сожалею, но мне кажется, что высокий

трибунал ещё не владеет моей документальной книгой содержащей опросные листы. Я был бы рад отметить, что заявления данные свидетелями Зауэром[329] и Шибером[330] суммируются этим ответом. Сейчас я приобщаю…

Председатель: Если вы дадите нам ссылки – дайте нам имена свидетелей; мы учтём их позднее. Какое имя?

Флекснер: Свидетель Зауэр, и мы рассматриваем его ответы на пункты 4, 5 и 8 опросного листа. Свидетель Шибер делает заявление об этом под цифрой 12 своего опросного листа.

Теперь я бы хотел приобщить речь, произнесённую Шпеером 9 июня 1944 как экземпляр номер 2. Она подтверждает показания, которые подсудимый дал о создании своего министерства с участием уважаемых промышленных сотрудников. Я процитирую её. С сожалением скажу, что данная речь также не содержится в дополнительном томе вашей чести. Я извиняюсь. Мне нужно прочитать это и я цитирую:

«Эти почётные сотрудники взятые из промышленности…»

Председатель: Доктор Флекснер, немного неподобающе, чтобы трибунал не имел у себя этих документов. Вы не можете отложить эти конкретные документы, которые есть у вас до завтрашнего утра? Тогда у нас будет дополнительный том?

Флекснер: Мне дали обещание, что он будет в моём распоряжении этим вечером.

Председатель: Да, что же, тогда не будет ли удобнее оставить те части которые находятся в дополнительном томе до завтра?

Флекснер: В дополнительном томе номер 5 мы находим документ, очень короткий в отрывке который меня сегодня не касается. Упоминается только эта короткая речь.…

Председатель: Очень хорошо.

Флекснер: Я цитирую:

> «Эти уважаемые сотрудники, взятые из промышленности, несут ответственность за последнюю деталь, которую производят на различных предприятиях и производствах и за то, как её производят».
>
> Затем несколько строчек дальше:
>
> «В числе ваших важнейших задач, после заключения контрактов с этими производствами, следить за ограничениями типов, специализаций производств, включая при определенных обстоятельствах закрытие некоторых производств; поощрять рационализацию с точки зрения сырья, строительства и производства, точно также как безусловный обмен опытом, не взирая на патенты».
>
> Из разных отрывков данного документа можно чётко видеть, что Шпеер

[329] Карл-Отто Заур (1902 — 1966) — государственный секретарь министерства военной промышленности в период нацизма, министр военной промышленности в «кабинете Геббельса». Прошел процедуру денацификации.

[330] Вальтер Шибер (1896 – 1960) – немецкий химик. В 1942-1944 начальник управления в министерстве вооружения. Был уволен за коррупцию.

считал свою должность импровизированным инструментом, которым пользовались существующие власти Рейха для выполнения своих задач, не обременяя себя такими задачами. Распоряжение от 10 августа, которое упоминалось в речи Шпеера, показывает, что он прямо запретил своим ведомствам превращаться в административные ведомства. Подсудимый не хотел бюрократически-официальных методов работы в своём министерстве.

Председатель: На какую речь Шпеера вы ссылаетесь?

Вы сказали о распоряжении от 10 августа.

Флекснер: Господин председатель, это та же самая речь, которую я только, что упоминал. В ней упоминается распоряжение.

Председатель: Я не понял, какой был год, когда вы начали. Какой был год?

Флекснер: Год был 1942, 10 августа; а речь произнесли в 1944 году. Поэтому, он ссылался на распоряжение, которое уже было в силе некоторое время.

То как подсудимому было важно не иметь новый бюрократический аппарат в своём министерстве показано в отрывке из его речи, который я сейчас хочу процитировать:

> «Всякое учреждение, которое существует некоторое время и которое превышает определенный размер имеет тенденцию к бюрократизации. Даже если бы в одной из первых крупных атак на Берлин, большая часть текущих дел нашего министерства сгорела и таким образом, на некоторое время, мы нам бы повезло избавиться он ненужного балласта, мы не можем ожидать, что подобные события будут постоянно вносить решимость в нашу работу».

Пожалуйста, Господин Шпеер, постольку, поскольку трибунал желает, выкратко дополните эти заявления о задачах вашего министерства с технической точки зрения?

Шпеер: Я постараюсь быть очень кратким.

Председатель: Что же, доктор Флекснер, вы прочитали нам речь.

Флекснер: Речь, да…

Председатель: Это кажется весьма далеким от любого вопроса, даже в том виде как есть, и почему вам нужно это дополнять я не знаю.

Флекснер: Я думал, может быть в интересах высокого трибунала услышать про область деятельности, которую подсудимый имел в качестве министра. Данная речь была произнесена для экспертов и поэтому, на самом деле интересует эксперта. Я полагал, что высокий трибунал пожелает узнать в чём заключалась задача промышленного министерства господина Шпеера. Я думаю, обвинение вообразило сферу деятельности значительно большую, чем она была на самом деле.

Председатель: Если вы хотите знать, что он скажет о задачах министерства, вы можете спросить его. Но вы только, что прочитали речь, и мы не хотим…

Флекснер: Нет, нет, я это тоже не хочу. Он просто кратко приведёт нам некоторые

технические задачи своего министерства. Вот, что я хотел знать.

Председатель: Кажется, вы невнимательно меня слушаете. Не будет лучше, если вы наденете наушники?

Я сказал о том, что вы прочитали речь, и мы не хотели слушать ещё больше аргументации о речи от подсудимого. Если вы хотите спросить подсудимого о задачах его министерства, спросите его. Вы его спросили: «Вы желаете дополнить свою речь?».

Флекснер: Господин Шпеер, пожалуйста, будьте любезны рассказать нам о задачах, которые ваше министерство должно было осуществлять и пожалуйста не ссылайтесь на те вещи которые я упоминал в речи.

Шпеер: Мне кажется задачи промышленного министерства хорошо известны во всех индустриальных государствах. Я лишь хотел кратко подытожить, какими функциями я детально занимался в этом министерстве.

Сначала, мы должны были преодолеть дефицит сырья, металлов и стали. Затем в результате работы сборочной линии, которая привычная в Соединенных Штатах, но не стояла на потоке в Германии систематизировать работу, и таким образом на пределе использовать пространство и механизмы. Также нужно было расширять производственные программы, например, по прокатной стали, алюминию и таким комплектующим как шарикоподшипники и шестерёнки.

Одна из самых важных задач заключалась в разработке новых вооружений и их серийном производстве; и потом, начиная с 1943, возмещение урона нанесенного крайне внезапными бомбовыми атаками, которые заставили нас работать с импровизированными средствами и методами.

Флекснер: В чём заключалось значение этой деятельности в области вашего министерства?

Шпеер: Надо принимать как само собой разумеющееся, что данная область деятельности была самой важной в нашей стране, хотя бы потому что она включала обеспечение снаряжением армии. Я просил, чтобы во время войны остальная экономика регулировалась бы в соответствии с потребностями вооружения. В военное время, дома есть только две задачи которые учитывают: подготовка солдат для фронта и обеспечение вооружением.

Флекснер: Почему задача вашего министерства являлась чисто военной функцией?

Шпеер: Потому что в мирное время выдача заказов обычно регулируется спросом и предложением, но в военное время такой регулирующий фактор отсутствует.

Флекснер: Следовательно одна из основных задач вашего министерства заключалась в осуществлении государственного контроля за распределением заказов?

Шпеер: Да.

Флекснер: Затем, по-началу, вы имели ответственность только за производство вооружений для армии, но в конце 1944 вы были ответственным за всю область

вооружений и военного производства. Вы можете кратко рассказать мне о ходе подобного развития и соответственно о том, как возрастала степень вашей задачи?

Шпеер: Мне лучше всего рассказать вам о развитии, рассмотрев количество рабочих, что я имел.

В 1942 я принял программы строительства и вооружений всего с 2,6 миллионами рабочих. Весной 1943 Дёниц также передал мне ответственность за военно-морские вооружения и на тот момент у меня было 3,2 миллиона рабочих. В сентябре 1943, в результате соглашения с министром экономики господином Функом, мне передали производственную программу министерства экономики. С учётом этого я имел 12 миллионов рабочих работавших на меня.

Наконец, 1 августа 1944 я принял военно-воздушные вооружения от Геринга. С учётом этого общее производство выстроенное в моём подчинении составило 14 миллионов рабочих. Число рабочих относится к великогерманскому Рейху, не включая оккупированные страны.

Флекснер: Как было возможно иметь под руководством министерства состоявшего почти исключительно из почетных членов задачу подобного масштаба, которые более того не имели никакого практического рутинного опыта в чисто административных вопросах?

Шпеер: Административные сектора в различных ведомстах вооружений сохранили свои задачи. Таким образом, например, в армии – артиллерийское управление армии – которое включало несколько тысяч рабочих, давало заказы, осуществляло надзор за выполнением этих заказов, и следило за тем, чтобы поставки заказов и платежи производили в надлежащем порядке. Только так я смог добиться работы промышленности вооружений – которая насчитывала 3 или 4 миллиарда марок ежемесячно – при помощи штата почетных сотрудников в 6000 человек.

Флекснер: Все военные предприятия родов войск Вермахта подчинялись вам?

Шпеер: Нет. На самом деле была небольшая группа предприятий, которыми руководили напрямую роды войск Вермахта со своими собственными рабочими. Эти исключались. Это были заводы боеприпасов и подобные производства, а также предприятия СС.

Флекснер: Обвинение вменяет вам факт, что вы разделяете ответственность за вербовку из иностранных рабочих и военнопленных и за изъятие рабочей силы из концентрационных лагерей. Что вы на это скажете?

Шпеер: Ни я, ни министерство не были ответственными за это. Министерство являлось новым учреждением, которое должно было заниматься технической проблемой. Оно не взяло никакой компетенции у действующей власти. Условиями работы всё также руководили при помощи старых властей. Министерство продовольствия и различные ведомства, связанные с ним были ответственными за снабжение продовольствием, и следившие за занятостью ведомства рейхсминистерства труда были ответственными за поддержание безопасных и

нормальных условий на рабочих местах; уполномоченные по рабочей силе, работавшие при уполномоченном по распределению рабочей силы были ответственными за заработную плату, количество и качество выполняемой работы; и управление здравоохранения рейхсминистерства внутренних дел было ответственным за условия охраны здоровья. Управление юстиции и полицейское управление были ответственными за нарушения трудовой дисциплины, и наконец, Германский трудовой фронт был ответственным за представление интересов рабочих перед работодателями.

Централизация всех этих властей находилась в руках гауляйтера как рейхскомиссара обороны. Тот факт, что СС вывело себя и свои концентрационные лагеря за рамки государственного контроля это не тот вопрос который касался меня или моего министерства.

Флекснер: Ваш со-подсудимый Заукель дал показания о том, что на проведении вербовки рабочих для производств, его задача завершалась. По вашему мнению, это правильно?

Шпеер: Да, разумеется, что касалось предоставления рабочих, ибо один из предметов разногласий между Заукелем и мною заключался в том, что само по себе соответствующее использование рабочих в промышленности должно было быть вопросом управляющего производством и на это не могли влиять трудовые отделы. Однако это применялось только при вербовке рабочей силы, но не при соблюдении условий труда. В этой связи ведомство Заукеля частично было ответственным как надзиравшее ведомство.

Флекснер: В какой степени управляющий производством мог соответствовать распоряжениям Заукеля в отношении условий труда и так далее?

Шпеер: Распоряжения принимаемые Заукелем не подлежали возражениям, но управляющие производствами не всегда считали возможным выполнять распоряжения по причинам, находившимся за рамками их власти. Бомбовые атаки доставляли трудности, дезорганизовывали перевозки или уничтожали жилые помещения. Невозможно делать управляющих ответственными за соблюдение этих распоряжений в тех обстоятельствах которые часто принимали катастрофические пропорции после лета 1944. Это было время кризисов и решать было властям Рейха о том насколько возможно выполнять эти распоряжения и неправильно перекладывать эту ответственность на маленького управляющего производством.

Флекснер: Насколько управляющий фабрикой был ответственным перед вами за это?

Шпеер: В рамках вышеуказанной ответственности, которой пользовалась промышленность, управляющие фабриками вооружений получили от меня полуофициальную функцию. Конечно, это применялось только к техническим задачам.

Флекснер: Существовали какие-нибудь производства производившие секретные

предметы, которые не разрешали инспектировать гауляйтерам? Я вспоминаю показания данные здесь о том где это сообщали.

Шпеер: Существовали некоторые производства, которые сами занимались секретными вопросами, но в таких случаях на производствах присутствовали уполномоченные Трудового фронта, и они могли докладывать гауляйтерам об условиях на фабрике через гауобмана.

Флекснер: Вы одобряли наказание людей не желавших работать?

Шпеер: Да, я считал правильным, что рабочих нарушавших трудовую дисциплину нужно было наказывать, но я не требовал дополнительных мер в связи с этим. Принципиально, я представлял взгляд, что удовлетворительной производительности со стороны 14 миллионов рабочих можно долгосрочно добиться только в результате доброй воли самого рабочего. Такая частица опыта, которая применяется в целом, заставляет каждого работодателя в мире делать всё в своей власти, чтобы его рабочие были удовлетворены.

Флекснер: Вы поддерживали усилия Заукеля улучшать социальные условия рабочих и если так, почему?

Шпеер: Естественно я поддерживал их, при том, что я не имел никакой компетенции в этом, и по тем же самым причинам, которые я назвал, так как наш опыт показывал, что рабочая сила, которая удовлетворена расходует меньше материала. Это было для меня очень важным, учитывая наш дефицит сырья. Более того, очевидно, что качественное производство удовлетворённых рабочих имеет особую значимость во время войны.

Флекснер: В записях ваших дискуссий с Гитлером есть различные директивы принятые Гитлером рассматривающие заботу и обращение с иностранными рабочими. Вы заставили Гитлера принять эти директивы?

Шпеер: Да.

Флекснер: В данной связи, я бы хотел представить три доказательства – прежде всего, документ Шпеер-11. Господин председатель, он находится на странице 10 английского текста, странице 7 французского текста. В данном документе, по просьбе Шпеера в марте 1942, было изложено, и я цитирую:

> «Чтобы русские в любых обстоятельствах должны были получать достаточное питание и чтобы гражанских русских не помещали за колючую проволоку и не обращались как с военнопленными».

В качестве моего следующего доказательства, которое будет экземпляром номер 4, я хочу представить документ номер Шпеер-13. Согласно этому документу, в мае 1943 Гитлер решил по предложению Шпеера, чтобы немецкие также как и русские шахтёры получали значительное количество дополнительных пайков и здесь особо отмечалось, чтобы особенно русские военнопленные должны были получать компенсацию в форме табака и похожие вещи за особые усилия и достижения.

Следующее доказательство это экземпляр номер Шпеер-5 и это документ номер 9. Господин председатель, он находится на странице 12 английского текста и странице 9 немецкого текста в документальной книге. Согласно этому документу снабжение продовольствием итальянских заводов вооружений должны были поставить на уровень немецких пайков. В связи с этим важно, что Шпеер, одновременно, принимал директивы о том, чтобы семьи этих рабочих получали равную заботу.

Я имел в распоряжении другие подобные документы, но для того, чтобы сэкономить время отдела переводов, я не включил их в свою документальную книгу.

Господин Шпеер, кому шли премии промышленности вооружений, и в чём они заключались?

Шпеер: Мы выдали много миллионов посылок заводам вооружений. Они содержали дополнительное продовольствие, шоколад, сигареты и тому подобное, и эти премии давали в дополнение ко всем экстра пайкам о которых решило министерство продовольствия для тех, кто работал сверхурочные часы или выполнял тяжёлую работу. На производствах эти премии давали всем рабочим без ограничения, включая иностранных рабочих, военнопленных и рабочих из концентрационных лагерей.

Флекснер: Я снова позднее сошлюсь на тот факт, что эти премии также давали рабочим вооружений из концентрационных лагерей при обсуждении другого документа.

В какой форме ваше министерство направляло свои требования производствам?

Шпеер: Важно заметить, что требования предъявляемые производствам были только как графики производств и это было делом производств предъявлять свои требования о рабочей силе, машинах и материальной части на основе этих графиков.

Флекснер: Было часто необычное увеличение рабочего времени в промышленности и как это происходило?

Шпеер: Рабочее время остаётся должно оставаться единообразным в современном конвейерном производстве. Ввиду бомбардировок возникали задержки в поставках инструментов и сырья. В результате количество рабочих часов разнилось от 8 до 12 в день. В среднем, согласно нашей статистике, может быть было 60-64 часов в неделю.

Флекснер: Каким было рабочее время фабричных рабочих прибывших из концентрационных лагерей?

Шпеер: Оно было точно таким же, как для всех остальных рабочих на производстве, так как рабочие из концентрационных лагерей были в целом частью используемых рабочих и этих рабочих не призывали делать больше работы нежели другие фабричные рабочие.

Флекснер: В чём это выражалось?

Шпеер: Было требование СС, что заключенных из концентрационных лагерей должны были содержать в одной части фабрики. Надзиратели состояли из немецких мастеров и специалистов. Рабочее время, по внутренним причинам, должны были координировать с временем во всей промышленности, так как известен факт, что есть один единственный режим работы в данной промышленности.

Флекснер: Это однозначно показано из двух документов, которые я предъявлю в связи с другим вопросом, что рабочие из концентрационных лагерей в отраслях армейского и военно-морского вооружения и в военно-воздушном вооружении в среднем работали 60 часов в неделю.

Господин Шпеер, зачем были созданы особые концлагеря, так называемые лагеря, созданные при производствах?

Шпеер: Рабочие лагеря создавали для того, чтобы можно было избежать долгих поездок к фабрикам и таким образом позволить рабочим прибывать свежими и готовыми к работе.

Кроме того, дополнительное продовольствие, которое министерство продовольствия предоставляло всем рабочим, включая рабочих из концентрационных лагерей эти люди не получили бы если бы они пришли напрямую из крупных концентрационных лагерей, так как тогда это дополнительное продовольствие использовалось бы в концентрационном лагере. Таким образом, те рабочие, которые приходили из концентрационных лагерей, получали в полном объеме добавки которые давали в промышленности, такие как сигареты или дополнительное питание.

Флекснер: Вы знали, за время своей деятельности, о том что рабочие из концентрационных лагерей имели преимущества если они работали на фабриках?

Шпеер: Да. Мои сотрудники обращали моё внимание на этот факт, и я также слышал об этом, когда инспектировал производства. Конечно, нельзя, чтобы создавалось ошибочное впечатление о количестве заключенных концентрационных лагерей работавших в германской промышленности. В целом, 1 процент рабочего личного состава пришёл из концентрационных лагерей.

Флекснер: Инспектируя учреждения, вы когда-нибудь видели заключенных концентрационных лагерей?

Шпеер: Конечно, при инспекционных поездках на производства я случайно встречал заключенных концентрационных лагерей, которые, однако, выглядели хорошо накормленными.

Флекснер: Относительно доклада, который господин Шпеер сделал о концентрационных лагерях и обращении, которое заключенные получали на фабриках, я ссылаюсь на конфиденциальное письмо начальника управления Шибера Шпееру, датированное 7 мая 1944. Я приобщаю его как документ номер Шпеер-44, экземпляр номер 6.

Господин председатель, извиняюсь, это тоже можно найти во второй документальной книге, которую пока не предъявляли. Но было бы печально если бы я не обсудил это сейчас, так как это полностью соответствует ходу дела. Поэтому я бы хотел коротко процитировать из него.

Начальник управления Шибер пишет министру следующее…

Председатель: Доктор Флекснер, трибунал думает, что было бы гораздо удобнее иметь перед собой документ.

Нам сказали, что книга будет готова завтра вечером, и что она не будет готова раньше завтрашнего вечера.

Флекснер: Господин председатель, мне кажется, что своевременно сделал всё возможное, чтобы проследить за тем, чтобы документы были представлены отделу переводов вовремя. Сложность, должно быть, возникла в результате того, что опросные листы не пришли вовремя. Я полагаю вот, что случилось.

Господин председатель, цитата из этого документа не длинная. Мне кажется, я могу сейчас из него процитировать. Или вы желаете, чтобы…

Председатель: Нет; продолжайте, если вам так удобнее. Я не против. Вы можете продолжать.

Флекснер: Большое спасибо.

Начальник управления Шибер пишет своему министру:

«Учитывая заботу которую получила рабочая сила от наших управляющих фабриками, несмотря на все сложности, и учитывая общее достойное и гуманное обращение, которое получили зарубежные рабочие и рабочие концентрационных лагерей, и еврейки и рабочие концентрационных лагерей работают очень эффективно и делают всё, чтобы не возвращаться в концентрационный лагерь.

Эти факты на самом деле требуют, чтобы мы переводили ещё больше заключенных концентрационных лагерей в производство вооружений.

Я подробно обсудил весь вопрос с делегатом обергруппенфюрера Поля[331], штурмбаннфюрером Маурером[332] и особенно отметил, что в результате децентрализованного разделения рабочих концентрационных лагерей может быть возможно соответственно использовать их силы обеспечив им более хорошее питание и удовлетворительное проживание».

Затем говорится:

«Более того, Маурер особо отметил…»

---

[331] Освальд Поль (1892 —1951) — обергруппенфюрер СС и генерал войск СС (20 апреля 1942), начальник Главного административно-хозяйственного управления СС (1 февраля 1942 — 8 мая 1945). Казнён по приговору американского трибунала.

[332] Герхард Маурер (1907 – 1953) – оберштурмбанфюрер СС. До 1942 Начальник управления концентрационных лагерей Главного административно-хозяйственного управления СС, позднее заместитель начальника данного управления. Казнен по приговору польского суда.

Председатель: Вам не нужно делать такие долгие паузы как вы делаете.

Флекснер:

> «Помимо этого, Маурер особо отмечает, что обергруппенфюрер Поль постоянно улучшал продовольственное положение заключенных из концентрационных лагерей работавших на фабриках, и что обеспечив дополнительное белковое питание, при постоянном медицинском надзоре, было достигнуто явное увеличение веса и соответственно более хорошая работа».

В ещё одном документе мы видим, что рекомендовалось использование рабочих из концентрационных лагерей в производстве вооружений, что нарастали преимущества этим рабочим, и по этой причине заключенные концентрационных лагерей рады работать в промышленности вооружений.

В связи с этим, я ссылаюсь на документ PS-1992, который можно найти на странице 11 документальной книги. Это страница 14 английского текста. Этот документ показывает, что уже в 1937 заключенных из концентрационных лагерей использовали в мастерских, и что такая работа была довольно популярной.

Господин Шпеер, что вам известно об условиях труда на подземных фабриках?

Шпеер: Самое современное оборудование для самых современных вооружений размещали на подземных фабриках. Поскольку мы не имели в своём распоряжении много подземных производств, мы в основном были вынуждены размещать там самое последнее оборудование. Это оборудование требовало идеальные условия работы – воздух, который был сухим и непыльным, хорошее освещение, большие установки кондиционирования, для того, чтобы условия, которые применялись к таким подземным фабрикам были бы почти такими же как в ночных сменах в обычной промышленности.

Я бы хотел добавить, что вопреки впечатлению, которое сложилось в суде, эти подземные фабрики почти без исключения, укомплектовывали немецкими рабочими, потому что мы имели особый интерес в управлении этими современные установками самыми лучшими рабочими из тех, что мы имели.

Флекснер: Вы можете сказать нам о том, сколько было этих фабрик?

Шпеер: В конце войны было незначительное количество. Мы использовали 300000 квадратных метров подземных помещений, а планировали 3000000 квадратных метров.

Флекснер: Господин Шпеер, в 1943 году вы посетили концентрационный лагерь Маутхаузен? Почему вы посетили этот лагерь?

Шпеер: Я узнал, когда инспектировал производства в Линце, что вдоль Дуная, рядом с лагерем Маутхаузен, возводятся крупные портовые сооружения и многочисленные железнодорожные сооружения, для того, чтобы камни поступающие из карьера в Маутхаузене можно было перевозить по Дунаю. Это был

чисто вопрос мирного времени, которого я не мог допустить, так как это нарушало все распоряжения и директивы принятые мной. Я дал срочное уведомление о предстоящем визите, так как я хотел на месте убедиться в том была ли эта строительная работа фактом и попросить прекратить работу. Это пример дачи указаний даже в рамках экономико-административной области СС. Я заявил по этому поводу, что в военное время было бы справедливее иметь этих рабочих на сталелитейном заводе в Линце нежели в мирном строительстве.

Флекснер: Вы опишите визит в лагерь?

Шпеер: Мой визит якобы шёл по предписанной программе как уже описал свидетель Блаха[333]. Я видел кухонные бараки, душевые бараки и одну группу бараков используемых как жилые помещения. Эти бараки были сделаны из массивного камня и были образцово обставлены. Поскольку о моём визите сообщили незадолго до него, по моему мнению не может быть и речи о том, что можно было провести большие приготовления к моему визиту. Вместе с тем, лагерь или небольшая часть лагеря, которую я видел, производила впечатление чистоплотности. Однако, я не видел никаких рабочих, никаких заключенных лагеря, поскольку тогда они все работали. Вся инспекция длилась, вероятно, 45 минут, поскольку у меня было очень мало времени в распоряжении для подобного дела и у меня были внутренние отталкивающие чувства от того, чтобы даже входить в такой лагерь где держали заключенных.

Флекснер: Значит основная задача вашего визита заключалась в просьбе остановить работу, которую вы считали несущественной для военных усилий?

Шпеер: Да.

Флекснер: Во время визита вы смогли узнать о рабочих условиях в лагере?

Шпеер: Нет, я не мог это сделать, поскольку никаких рабочих не было видно в лагере и портовые сооружения были настолько далеко от улицы, что я не мог видеть людей, которые работали там.

Председатель: Перевод, который дошёл до меня был о том, что это духовно противоречило ему входить в такие места. Это правильно? Что же, что он сказал?

Флекснер: Нет. Я спросил о том смог ли он узнать во время визита о рабочих условиях которые были в лагере. Таким был мой вопрос.

Председатель: Что же, вы что-то говорили о «духовности»?

Шпеер: Нет.

Флекснер: Нет.

Вы узнавали, при вашем визите в Маутхаузен или по другому поводу о жестокостях, которые имели место в этом концентрационном лагере и в других концентрационных лагерях?

Шпеер: Нет.

---

[333] Франтишек Блаха (1896 – 1977) – чешский и чехословацкий медик и политический деятель. Член центрального комитета коммунистической партии Чехословакии.

Флекснер: Итак, я бы хотел завершить свои вопросы об использовании рабочих спросив вас: вы имели какую-нибудь заинтересованность в том, чтобы здоровая и достаточно подготовленная рабочая сила должна была находиться в вашем распоряжении?

Шпеер: Естественно я имел наивысший интерес к этому при том, что не был компетентным за это. Уже с 1942 мы имели массовое производство вооружений и эта система рабочих на конвейерной сборке требует чрезвычайно высокий процент опытных рабочих. В связи с призывом на военную службу эти квалифицированные рабочие становились особенно важными, таким образом любая утрата рабочего или болезнь рабочего означало и большую утрату для меня.

Поскольку рабочему требовалось обучение от 6 до 12 недель и поскольку даже после этого периода приблизительно 6 месяцев нужно было допускать большой объем брака – ибо примерно столько времени требуется, чтобы ожидать качественной работы – очевидно, что забота о квалифицированных рабочих в промышленности добавляла нам хлопот.

Флекснер: Обвинение упоминало так называемое уничтожение с помощью работы. Могла ли вообще замена кадров, которая бы происходила в результате уничтожения работой допускаться в промышленности?

Шпеер: Нет. Замену рабочих, таким образом, как здесь описывали, не перенесла бы никакая промышленность. Не может быть и речи о том, что на в какой-либо германской промышленности происходило что-то подобное, о чем бы я не слышал, и я никогда не слышал ни о чём подобном.

Флекснер: Господин Шпеер, обвинение утверждает, что вы применили методы террора и жестокости для того, для того, чтобы показатели принудительных рабочих возрастали в наивысшей мере…

Шпеер: Нет.

Флекснер: Секундочку. Я не закончил. Обвинение считает, что вы использовали СС и полицию против непокорных рабочих и выступали в пользу и рекомендовали использование из концентрационных лагерей как таковых. Это правильно?

Шпеер: Нет, не в такой форме, так как это противоречило моим интересам. В Германии были усилия добиться увеличения производительности при помощи очень суровых принудительных мер. Эти усилия не встречали моего одобрения. Не может быть речи, что 14 миллионов рабочих можно будет принудить выполнять удовлетворительную работу при помощи принуждения и террора, как утверждает обвинение.

Флекснер: В данной связи, пожалуйста обратитесь к странице 7 английского текста, странице 4 французского текста. Я бы хотел процитировать из документа номер Шпеер-43. Там сказано:

> «Мне не кажется, что вторая система которую могут применять в нашей экономике, система принуждения при помощи заводских

комиссаров или большими процессами и наказанием, когда производительность недостаточная, может привести к успеху».

Итак, господин председатель, я подошёл к концу своей первой части.

Председатель: Суд откладывается.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 20 июня 1946*]

День сто пятьдесят девятый

Четверг, 20 июня 1946

Утреннее заседание

Председатель: У меня есть объявление. Во-первых, дополнительные свидетели будут заслушаны в конце дела подсудимых. Во-вторых, опросные листы и другие документы полученные к этому времени должны быть приобщены в качестве доказательств. В-третьих, опросные листы и другие документы допущенные до конца представления доказательств, но полученные позднее будут получены и рассмотрены трибуналом до конца процесса. На этом всё.

[*Подсудимый Шпеер вернулся на место свидетеля*]

Флекснер: Вчера мы закончили обсуждать использование рабочей силы в промышленности и теперь мы переходим к вопросу о том как фабрики снабжались рабочей силой, то есть вопрос массовых и особых требований рабочих.

Господин Шпеер, в своих показаниях от 18 октября 1945 вы заявили во-первых о том, что категорически требовали новых рабочих от Заукеля; во-вторых о том, что вы знали о том, что среди этих рабочих были иностранцы; в-третьих о том, что вы знали, что некоторые из этих иностранных рабочих работали в Германии вопреки своей воле. Пожалуйста, прокомментируйте данное заявление.

Шпеер: Это добровольное заявление совершенно верное. Во время войны я был очень благодарен Заукелю за каждого рабочего, которого я получал с его помощью. Долгое времени я считал его ответственным за то, что из-за нехватки рабочей силы промышленность вооружений не достигала тех результатов каких могла, но я всегда от имени вооружений подчёркивал заслуги, полагавшиеся ему за его деятельность.

Флекснер: Итак, когда в своих показаниях от 18 октября 1945 сейчас опять, вы ссылаетесь на рабочую силу, вы имеете в виду всю рабочую силу в целом, включая немецких рабочих, иностранцев из оккупированных стран и иностранцев их дружественных или аннексированных государств, и также военнопленных?

Шпеер: Да. Начиная с середины 1943, у меня были разногласия с Заукелем по вопросам производства и о недостаточности резервов немецкой рабочей силы. Но это не имело никакого отношения к моему фундаментальному отношению к работе Заукеля.

Флекснер: Какой процент от общего числа ваших рабочих Заукель был обязан

обеспечивать по вашим требованиям?
Шпеер: Вы имеете в виду общее обеспечение рабочей силой, не иностранцами?
Флекснер: Да.
Шпеер: До августа 1944 – то есть до времени, когда я также принял военно-воздушное вооружение – вероятно было предоставлено 30 или 40 процентов из всех рабочих. Конечно, большинство из них являлись немецкими рабочими. Когда в августе 1944 я принял военно-воздушное вооружение у меня не было никаких значительных требований в рабочих, потому что бомбовые атаки на транспортную систему Рейха привели устройчивому снижению производства вооружений.
Флекснер: Ваша потребность в рабочей силе была неограниченной?
Шпеер: Нет. Объем производства вооружений, а также всё наше общее производство с моей сопутствующей потребностью в рабочей силе были обусловлены нашим сырьевым снабжением.
Флекснер: Это означает, что ваша потребность ограничивалась количеством доступного сырья?
Шпеер: Моя потребность в рабочей силе ограничивалась количеством сырья.
Флекснер: Вы достигли заметного роста в цифрах производства вооружений. Для того, чтобы достичь такого роста, пропорционально увеличивались используемые рабочие?
Шпеер: Нет. В 1944 было произведено в 7 раз больше вооружений чем в 1942, в 5 ½ раз больше бронетехники и в 6 раз больше боеприпасов. Число рабочих в этих отраслях увеличилось только на 30 процентов. Такой успех был достигнут не в результате более сильной эксплуатации рабочей силы, а скорее в результате отмены устаревших методов производства и в результате улучшения системы контроля производства вооружений.
Флекснер: Что означала концепция «военного производства»?
Шпеер: Концепция, которую здесь часто использовали, «военное производство» не больше чем обычная концепция производства. Она включает всё, что производится промышленно или ремесленно, включая гражданские нужды.
Флекснер: Что подразумевали в Германии под концепцией «вооружений»? Что она включала?
Шпеер: Концепция «вооружений» никоим образом не ограничивалась областью, которая была очерчена посредством Женевского соглашения[334] о военнопленных. Современная концепция «вооружений» гораздо обширнее. Она включает гораздо более широкую сферу деятельности. Не существовало никаких основных принципов, изложенных для нашей концепции «вооружений». Характерным для фабрики вооружений было то, что как посреднический орган, инспекция по

[334] Женевская конвенция об обращении с военнопленными, иначе называемая Женевская конвенция 1929 года была подписана в Женеве 27 июля 1929 года. Её официальное общепринятое название конвенция об обращении с военнопленными. Вступила в силу 19 июня 1931 года. Именно эта часть Женевских конвенций регулировала обращение с военнопленными во Второй мировой войне.

вооружениям заботилась о ней и присматривала за ней. Например в Германии всё производство необработанной стали относилось к вооружениям; все прокатные станы, литейные заводы и кузницы; производство или изготовление алюминия и современных синтетических материалов; химическое производства азота или топлива, или синтетической резины; производство синтетического волокна; изготовление отдельных предметов использование которых в вооружениях нельзя было предсказать во время их производства, таких как шарикоподшипники, шестерни, клапаны, поршни двигателей, и тому подобное или производство инструментального оборудования; создание сборочных линий похожих на изготовление автомобилей и строительство локомотивов, торговых судов, также текстильные фабрики и фабрики производящие кожаные или деревянные изделия.

В опросных листах которые я направил своим свидетелям, я попытался выяснить какой процент германской промышленности вооружений производил вооружения как определяет Женевская конвенция, и я бы хотел привести вам цифры. Мои сотрудники однозначно согласны с тем, что 40 или 20 процентов нашей программы вооружений касалось производства вооружений, бронетехники, самолётов, кораблей или общего снаряжения, которое требовали различные рода войск вооруженных сил. Основная масса материала, следовательно не являлась вооружением в смысле Женевской конвенции. Причиной расширения концепции «вооружения» в Германии было, кроме производственных причин, режим преференций который применялся к этим производствам, режим который привёл к тому, что многочисленные производства громко называли себя производством вооружений.

Флекснер: Господин председатель, в опросных листах, которые ещё не предъявили трибуналу из-за того, что книга пока не готова, свидетель Зауэр под цифрами 7 и 10, свидетель Шибер под цифрами 6 и 9, и свидетель Керль[335] под цифрами 4-7, рассматриваю определение которое применялось к концепции вооружения.

Председатель: Как его фамилия?

Флекснер: Керль.

Господин Шпеер, с помощью примера, вам известен «Крупп[336]» в Эссене. Насколько это касалось оборудования для вооружения, то есть, вооружение, боеприпасы и предметы, необходимые непосредственно для ведения войны?

Шпеер: «Крупп» является превосходным примером того, что вооружения касаются только частицы в его производстве военного оборудования. Конечно, я должен отметить то, что особенно этот концерн «Крупп» был одним из тех производств

[335] Ганс Керль (1900 – 1984) — государственный деятель Германии, предприниматель, фюрер военной экономики, бригадефюрер СС (30 января 1944 года). Американским трибуналом был приговорен к 15 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

[336] «Фридрих Крупп АГ» или «АГ Крупп» — крупнейший промышленный концерн в истории Германии, официально созданный в 1860 году. На протяжении своего существования занимался добычей угля, производством стали, артиллерии, военной и сельскохозяйственной техники, текстильного оборудования, автомобилей, судов и локомотивов.

вооружений, которое помимо прочего, имело самое маленькое производство вооружений в общем проценте.

Основной интерес «Круппа» лежит в шахтах, и в трёх крупных производствах необработанной и высокотемпературной стали. Изготовление локомотивов и продуктов для химической промышленности были специализациями «Круппа». С другой стороны сама по себе специализация «Круппа» по вооружениям – строительство броневых башен для кораблей, и тяжёлых особых орудий – вообще не получили развития во время войны. Только в 1944 «Крупп» воздвиг первую большую фабрику для производства орудий рядом с Бреслау. До того времени «Крупп» в основном занимался разработкой новых вооружений, в то время акт для производства выдавали лицензии другим фирмам. В итоге, можно сказать, что «Крупп» забрал 10-15 процентов личного состава из оборудования вооружения в смысле Женевского соглашения, при том, что все производства квалифицировали как предприятий вооружений.

Флекснер: Что вы и ваше министерство можете сказать о том получала ли фабрика немецкого или иностранного рабочего?

Шпеер: Моё министерство вообще не имело никакого влияния на это. О потребности в рабочих моему министерству сообщали производства подчинявшиеся мне. Они сообщали общую цифру требуемых рабочих, и не было никаких спецификаций будь то на зарубежных рабочих, военнопленных или немецких рабочих. Эту общую цифру передавали генеральному уполномоченному по распределению рабочей силы. Заукель отказался принимать подробные требования, и он был совершенно в этом прав, так как он не мог принимать подробные директивы своим подчиненным ведомствам о проценте немецких или иностранных рабочих которых должны были распределять на различные фабрики.

Окончательным распределением рабочих на фабрики занимались трудовые ведомства без какого-либо вмешательства моих ведомств или служб. Таким образом, и здесь мы не оказывали влияния на то, будь то немцев, иностранцев или военнопленных распределяли на любые фабрики. Фабрика затем должна была сообщать нам о количестве вновь полученных рабочих. Этот доклад передавали в моё министерство в целом, таким образом я не могу сказать были ли и в каком количестве иностранные рабочие и или военнопленные в итоговой цифре. Конечно, я знал, что иностранные рабочие работали с оборудованием вооружений и полностью с этим соглашался.

Флекснер: Господин председатель, чтобы упростить дело для трибунала я хочу заметить, что цифры 1, 7, 8 и 17 опросного листа свидетеля Шмельтера[337] рассматривают эти вопросы. В опросном листе Шибера, номера 10, 11, 30 и 31 рассматривают этот пункт. Кроме того, в опросном листе Керля относящийся к делу

[337] Фриц Шмельтер (1904-1964) – немецкий юрист и государственный деятель. В 1942-1943 начальник управления рабочей силы в министерстве промышленности вооружений и боеприпасов.

материал находится в ответах на номера 8 и 9.

Господин Шпеер, кто направлял требования по рабочей силе необходимой для вооружений генеральному уполномоченному по распределению рабочей силы?

Шпеер: Требования о рабочих распределялись по различным секторам, согласно различным экономическим отраслям. Существовало приблизительно 15 различных секторов, которые заявляли свои требования. Я заявлял требования для вооружений армии и военно-морского флота и для строительства, и начиная с сентября 1943, для секторов химического, горнодобывающего и другого производства. Военно-воздушное вооружение имело своё собственное специальное ведомство по распределению рабочей силы и его требования озвучивались рейхсминистерством авиации.

Флекснер: В опросных листах, свидетель Шмельтер рассмотрел этот вопрос в своём ответе на вопрос 2; свидетель Шибер в своих ответах на вопросы 2, 3 и 5; и свидетель Керль под вопросами 2 и 3.

Разве требования в рабочей силе для трёх родов войск вооруженных сил не были централизованы в вашем министерстве?

Шпеер: Нет. Конечно начиная с марта 1942, я номинально принял управление вооружений подчиненное генералу Томасу[338] из ОКВ, и данное управление вооружений было объединенным ведомством всех трёх родов войск вооруженных сил, в котором также обсуждались проблемы распределения рабочей силы. В результате соглашения между Герингом и мной было решено, что военно-воздушное вооружение, независимое от меня, должно было самостоятельно следить за своими интересами. Это соглашение было нужно поскольку сначала, как министр вооружений армии, я имел предвзятый интерес, и таким образом не хотел принимать решений о требованиях рабочей силы от лица единицы не находившейся в моём подчинении.

Флекснер: Насколько вы являетесь ответственным за использование военнопленных в вооружениях, и здесь я имею в виду вооружения в узком смысле и вопреки Женевской конвенции?

Шпеер: Я не оказывал своего влияния на использование военнопленных вопреки директивам данным ОКВ. Я знал точку зрения занятую ОКВ, согласно которой Женевскую конвенцию нужно было строго соблюдать. Конечно, я также знал, что это женевское регулирование не применялось к русским военнопленным и итальянским военноинтернированным. Я не мог оказывать никакого влияния на распределение военнопленных по отдельным фабрикам. О таком распределении решали трудовые ведомства совместно с ведомствами, зависящими от организации по делам военнопленных, «шталага».

Флекснер: В связи с этим я бы хотел сослаться на опросный лист свидетеля

---

[338] Георг Томас (1890 – 1946) генерал пехоты, один из руководителей военной экономики Германии. Участник заговора 20 июля 1944 против А. Гитлера.

Шмельтера, на его ответ на вопрос 14.

Господин Шпеер, кто был компетентным офицером на уровне посредника в подчинении ОКВ?

Шпеер: Надзор за самим распределением военнопленных осуществлялся офицером по военной экономике как посредником. Он состоял в ведомстве командующего военным округом, который находился в компетенции армии.

Флекснер: Обвинение представило письменные показания господина Дьюса, который является американским экспертом по статистике. Это документ PS-2520.

Согласно этим письменным показаниям, 400000 военнопленных использовали в производстве военного оборудования. Эти цифры предположительно исходят из статистики вашего министерства. Вы прокомментируете эту цифру?

Шпеер: Цифры хорошо известны мне по деятельности в качестве министра, и они правильные. Эта цифра в 400000 военнопленных охватывает общее количество военнопленных использовавшихся в промышленности вооружений.

Ошибочный вывод, сделанный из этих письменных показаний заключается в том, что все эти военнопленные были связаны с производством предметов вооружений определенных Женевской конвенцией. Статистика о количестве военнопленных использовавшихся на тех производствах, которые производили предметы вооружений, как обозначено в Женевской конвенции, нами не велась, следовательно, никакую подобную цифру нельзя составить по моим документам.

Кроме того, эта цифра в 400000 военнопленных включает 200000 или 300000 итальянских военноинтернированных, все из которых оказались в моей производственной области. Поэтому эти письменные показания не доказывают, что военнопленных использовали в производстве средств вооружений как таковых.

Флекснер: Здесь часто упоминалась центральная плановая комиссия. Вы были членом этой комиссии. Вы можете подробно описать возникновение центральной плановой комиссии и её сферу деятельности?

Шпеер: Когда в 1942 я принял свою должность, императивом было централизовать размещение и распределение различных материалов для трёх родов войск вооруженных сил и гарантировать надлежащее руководство военной экономикой на долгое время. До этого времени этим вопросом занимались в министерстве экономики и отчасти в ОКВ. Обе эти службы были слишком слабы, чтобы возобладать над тремя родами вооруженных сил.

Следуя своему предложению, в марте 1942 делегатом четырёхлетнего плана[339] была создана центральная плановая комиссия. Три её члена Мильх[340],

---

[339] Четырёхлетний план – совокупность экономико–административных мероприятий, предусмотренных для повышения экономической силы, автаркии и перевода нацистской Германии на военные рельсы.

[340] Эрхард Мильх (1892 — 1972) — немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал (19 июля 1940). Заместитель Германа Геринга, генеральный инспектор люфтваффе. Осуждён американским военным трибуналом за военные преступления к пожизненному заключению, был досрочно освобождён в 1955 году

Кёрнер[341] и я, были вправе принимать только совместные решения, что, однако, получалось всегда без какой-либо трудности. Очевидно, что в результате моего преимущественного положения я был являлся фактором в центральной плановой комиссии.

Задачи центральной плановой комиссии были чётко очерчены и изложены в распоряжении Геринга, которое я подготовил. Готовить статистику о требованиях рабочей силы или о распределении рабочих не являлось вопросом изложенным в этом распоряжении. Эту деятельность центральная плановая комиссия систематически не вела, несмотря на представленные здесь документы. Что касалось решений относительно требований по распределению рабочей силы, я пытался делать это в центральной плановой комиссии, поскольку это было бы существенным фактором в руководстве всей экономикой. Однако, это всегда встречало отказ Заукеля, потому что он считал это вмешательством в его права.

Флекснер: Сейчас я предъявляю распоряжение Геринга о создании центральной плановой комиссии в подчинении четырёхлетнего плана. Оно было опубликовано 25 апреля 1942 и это будет документ номер Шпеер-42, экземпляр номер 7.

Господин председатель, этот текст можно найти на странице 17 английской документальной книги.

Сфера деятельности центральной плановой комиссии…

Председатель: Минуточку. Какой номер вы ему присвоили? Тут на документе есть номер Шпеер номер 142.

Флекснер: Нет, должно быть это типографская ошибка. Господин председатель, это должно быть 42; он может находиться…

Председатель: Какой номер экземпляра?

Флекснер: Экземпляр номер Шпеер-7.

Председатель: Что значит 42? Какой смысл присваивать ему 42 если номер экземпляра 7?

Флекснер: Господин председатель, это номер под которым допускался документ, когда мы составляли документальную книгу. Однако, экземпляр номер 7 является решающим номером в данном случае.

Председатель: Очень хорошо.

Флекснер: Это просто предназначено упросить его поиск в документальной книге. Это на странице 17 английского текста, и можно мне позволить обратить внимание высокого трибунала на цифру 3 распоряжения. Согласно этому, центральная плановая комиссия должна была решать о всех необходимых новых промышленных проектах, об увеличении производства сырья и его распределении, а также о координации требований в транспортной системе. Это распоряжение не

[341] Пауль Кёрнер (1893 — 1957) — государственный деятель, государственный секретарь правительства Пруссии (11 апреля 1933 года — 1945) и постоянный заместитель уполномоченного по 4-летнему плану Германа Геринга (22 октября 1936 года — 1945), обергруппенфюрер СС (30 января 1942 года). Американским военным трибуналом был осуждён к 15 годам лишения свободы. Освобождён досрочно

предусматривает никакого регулирования проблемы рабочей силы.

Господин Шпеер, как получилось так, что, несмотря на это, требования рабочей силы обсуждали в центральной плановой комиссии?

Шпеер: Эти протоколы всех 60 заседаний центральной плановой комиссии, которые состоялись с 1942 по 1945 содержатся в стенографических записях. Эти 5000 напечатанных страниц дают ясный отчёт о задачах и деятельности центральной плановой комиссией. Любому эксперту совершенно очевидно, что не существовало планирования в отношении распределения рабочей силы, так как ясно, что план распределения рабочей силы приходилось бы пересматривать каждые 3 месяца, также как мы делали с сырьем. Фактически три или четыре заседания центральной плановой комиссии касались распределения рабочей силы. Эти три или четыре дискуссии провели по следующим причинам: в 1942 и 1943 годах, то есть, прежде чем я принял управление общим производством, всякий раз призывали солдат в вооруженные силы, я оставил за собой право распределять различные призывные квоты в разных секторах производства. На одном заседании на это распределение повлияла центральная плановая комиссия как нейтральный комитет. На этом заседании, конечно был представитель генерального уполномоченного по распределению рабочей силы, поскольку одновременно нужно было заниматься проблемой пополнений. Другой проблемой, которую обсуждала центральная плановая комиссия, было распределение угля на следующий год. Также как в Англии, уголь тоже был решающим фактором во всей нашей военной экономике. На этих дискуссиях мы должны были одновременно решить как требования обеспечения рабочей силой шахт, могли быть удовлетворены генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы, потому что только по согласованию с ним можно было составить подходящие планы на следующий год. Из этих дискуссий возникло распределение русских военнопленных на шахты, вопрос который здесь упоминали. Кроме того, состоялись два заседания на которых на самом деле обсуждали выдвинутые всеми заинтересованными сторонами требования, и это обвинение хочет распространить на всю деятельность центральной плановой комиссии. Эти два заседания состоялись в феврале и марте 1944, и никаких других не проводили ни раньше, ни позже. Кроме того, эти два заседания состоялись во время моей болезни. Уже тогда мне было не совсем ясно, почему именно тогда, когда я заболел Заукель впервые выполнил моё пожелание включить центральную плановую комиссию, и затем позднее отступил от своего обещания.

Флекснер: Обвинение представило различные выдержки, касающиеся заседаний центральной плановой комиссии.

Насколько вам известно, эти выдержки взяты из стенографических записей или они взяты из протоколов?

Шпеер: Они взяты из стенографических записей. Кроме этих стенографических

записей, по результатам заседаний составляли протокол. Эти протоколы являются подлинным результатом заседания. Никакой материал из подлинных протоколов до сих пор не предъявлен обвинением. Содержание стенографических записей, конечно замечания и дебаты, которые всегда имеют место, когда рассматривают вопросы такой важности, в любой военной экономике любой страны, даже когда заинтересованные власти не являются напрямую ответственными за вопросы касающиеся распределения рабочей силы.

Флекснер: Следовательно, эти цитаты которые здесь слышали, касаются решений принятых центральной плановой комиссией или вами?

Шпеер: Я уже ответил на это.

Флекснер: Я хочу задать вам ещё один вопрос. Вы являлись уполномоченным по вооружениям в четырёхлетнем плане? Что насчёт этого?

Шпеер: В марте 1942 Геринг прислушавшись к моему предложению, создал должность уполномоченного по вооружениям и военному производству в четырёхлетнем плане, и я был назначен на эту должность. Это был чисто формальный вопрос. Общеизвестно, что Геринг ругался с моим предшественником Тодтом, поскольку проблемы вооружений для армии не поставили под контроль четырёхлетнего плана. Приняв такое качество уполномоченного по вооружениям и военному производству, я подчинил себя Герингу. Фактически, уполномоченный по вооружениям и военному производству никогда не имел никакого влияния. Я вообще не принимал директив в таком качестве. Как министр я обладал достаточной властью, и не нужно было использовать полномочия которые я имел в четырехлетнем плане.

Флекснер: Для пользы высокого трибунала, рассматривая вопрос центральной плановой комиссии, вероятно, я могу сослаться на то, что заявления, сделанные относительно неё свидетелем Шибером в его опросном листе под цифрами 4 и 45, и свидетеля Керля в его опросном листе под цифрой 2.

Теперь я перехожу к проблеме ответственности за количество зарубежных рабочих в целом.

Господин Шпеер, обвинение вменяет вам совместную ответственность за всё количество зарубежных рабочих, которых перевозили в Германию. Ваш со-подсудимый Заукель дал об этом показания, что прежде всего он работал на вас, а значит его деятельность в основном определялась вашими потребностями. Пожалуйста, вы прокомментируете это?

Шпеер: Конечно, я ожидал удовлетворения Заукелем прежде всего требований военного производства, но нельзя утверждать, что он в основном заботился о моих требованиях, так как начиная с весны 1943 я получал только часть требуемых рабочих. Если бы мой максимум удовлетворили, я должен был получить их всех. Для этого мне требуется привести один пример. В тот же период почти 200000 украинских женщин предоставили для домашней работы, и совершенно точно, что я

считал, что их лучше было бы использовать в производстве вооружений. Также ясно, что немецкие трудовые резервы не полностью использовали. В январе 1943 эти немецкие резервы всё ещё были достаточными. Я был заинтересован иметь немецких рабочих – конечно включая, женщин – и такое неиспользование немецких резервов также доказывает, что меня одного нельзя признавать ответственным за покрытие существенных потребностей, то есть за требование иностранной рабочей силы.

Флекснер: Я бы хотел отметить, что следующие свидетели сделали заявления в связи с данной проблемой в своих соответствующих опросных листах: свидетель Шмельтер в пунктах 12, 13 и 16; свидетель Шибер в пункте 22; свидетель Роланд[342] в пунктах 1 и 4; и свидетель Керль в пункте 9.

Господин Шпеер, если вы или ваше ведомство требовали рабочих, тогда конечно вы знали, что вы получите в их числе иностранных рабочих. Вам требовались эти иностранные рабочие?

Шпеер: Я нуждался в них лишь частично, в виду своих потребностей в производстве. Например, угольные шахты не могли существовать без русских военнопленных. Было бы совершенно невозможно использовать немецкие резервы, которые составляли в основном из женщин на данных шахтах. Более того, существовали особые задачи, для которых было желательно иметь квалифицированных иностранных рабочих, но большинство потребностей могли быть удовлетворены немецкими рабочими, даже немецкими работницами. По такому же пути шли в промышленности вооружений Англии и Америки и, разумеется, в Советском Союзе.

Председатель: Доктор Флекснер, вы не можете продолжить? Нет нужды ждать.

Флекснер: Да. В своих документальных доказательствах я вернусь к данному положению более подробно.

Господин Шпеер, я бы хотел вернуться к вашим показаниям от 18 октября 1945. В них вы несколько раз заявили, что вы знали о том, что рабочих из оккупированных стран доставляли в Германию вопреки их воле. Обвинение предполагает, что вы одобряли использование силы и террора. Вы прокомментируете это?

Шпеер: Я не имел никакого влияния на способ вербовки рабочих. Если рабочих доставляли в Германию вопреки их воле, это означает, как я это понимаю, что по закону их обязали работать на Германию. Являлись ли эти законы обоснованными или нет, это я тогда не проверял. Кроме того, меня это не касалось. С другой стороны, под применением силы и террора я понимаю полицейские меры, такие как рейды и аресты и тому подобное. Я не одобрял такие жестокие меры, что можно видеть в отношении занятом в дискуссии с Ламмерсом 11 июля 1944. Тогда я придерживался взгляда, что ни усиление полицейских сил, ни рейды, ни жестокие

[342] Вальтер Роланд (1898 – 1981) – немецкий военный и горный промышленник.

меры не являлись подходящей мерой. В данном документе на меня, в то же самое время ссылаются, как на одного из тех, кто выражал свои возражения жестоким мерам которые предлагали.

Председатель: Где документ?

Флекснер: Господин председатель, это документ PS-3819, который обвинение предъявило в перекрёстном допросе, как мне кажется подсудимого Кейтеля и подсудимого Заукеля. Я не включал его в мою документальную книгу.

Господин Шпеер, почему вы были против таких жестоких мер?

Шпеер: Потому, что в результате подобных жестоких мер нормальное долгосрочное распределение рабочей силы на оккупированных территориях было бы невозможно. Однако, я хотел, чтобы производство было урегулированным и нормальным на оккупированных территориях. Насильственные меры означали для меня утрату рабочей силы на оккупированных территориях, потому что была угроза, что эти люди в нарастающем количестве будут уходить в леса для того, чтобы не ехать в Германию и таким образом укреплять ряды движения сопротивления. Это, наоборот, вело к росту актов саботажа и это, в ответ, снижало производство на оккупированных территориях.

Поэтому, время от времени военные командующие и командующие группами армий, а также лично я, протестовали против масштабных насильственных мер о которых предлагали.

Флекснер: Вы были особо заинтересованы в вербовке рабочих из конкретных стран, и если так, почему?

Шпеер: Да. Я был особо заинтересован в вербовке рабочей силы из Франции, Бельгии и Голландии – то есть, стран Запада – и из Италии, потому что, начиная с весны 1943, генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы распорядился о том, чтобы в основном рабочих из этих регионов должны были направлять в военное производство. С другой стороны, рабочих с Востока, в основном должны были использовать в сельском хозяйстве, в лесничестве и для строительства железных дорог. Это распоряжение постоянно подчеркивал мне Заукель, даже в 1944.

Флекснер: В связи с этим я бы хотел сослаться на документ PS-3012, который экземпляр USA-190. Этот документ находится на странице 19 английского текста и странице 16 французского текста моей документальной книги. Я цитирую из совещания об экономической инспекции юга России. Пикерт[343] – делегат Заукеля в России – заявляет здесь, и я цитирую:

> «…подготовлены нормы об использовании рабочих с востока принципиально в сельском хозяйстве и продовольственной экономике, в то время как рабочих с Запада, особенно квалифицированных рабочих требуемых министром Шпеером предоставлять

[343] Руди Пикерт (1908 – 1946) – нацистский политик. Начальник отдела труда в Экономическом штабе «Востоке»

промышленности вооружений…»

Документ PS-1289, который экземпляр номер RF-71, может быть найден на странице 42 английского текста моей документальной книги и странице 39 французского и немецкого текстов. Здесь речь идет о служебной записке Заукеля от 26 апреля 1944, и я цитирую:

> «Только при помощи обновленной мобилизации резервов на оккупированных территориях можно удовлетворить срочную потребность германских вооружений в квалифицированных рабочих. С этой целью резервов с остальных территорий недостаточно ни по количеству ни по качеству. Они срочно нужны в сельском хозяйстве, транспорте и строительстве. До 75 процентов рабочих с Запада всегда распределяли в вооружения».

Председатель: Доктор Флекснер, говоря за себя, я не знаю какую проблему вы пытаетесь решить или, по крайней мере, какой аргумент вы выдвигаете. Я вообще не знаю, к чему это относится. Что значит, они прибывали с Запада или же они прибывали с Востока? Я понимаю вашу аргументацию или аргументацию подсудимого о том, что промышленность вооружений согласно Женевской конвенции, не включает отрасли промышленности, которые в итоге входят в вооружения, а это относится только к тем вещам которые непосредственно касались боеприпасов. Но когда вы предъявляете нам такой аргумент, что хорошего в том, чтобы ссылаться на подобные доказательства?

Я имею в виду, я лишь хочу знать, потому что, по крайней мере, я не понимаю, что понимаете вы.

Флекснер: Господин председатель, это подготовка к проблеме к которой мы сейчас переходим, и это проблема заблокированных или защищенных фабрик. В результате создания этих заблокированных фабрик, Шпеер, если можно так выразиться, хотел положить совершенный конец переводу рабочих с Запада в Германию. Поэтому сначала я должен показать, что до этого времени его рабочие, рабочая сила для его производств, в основном шла с Запада. Я хочу установить, что…

Председатель: Предположительно он хотел остановить их прибытие с Запада, в чём разница?

Флекснер: Господин председатель, Шпееру предъявлены обвинения в активном соучастии в депортации рабочих с Запада, рабочих которых использовали на его производствах вооружений. Итак, тут важна дата. Начиная с 1943 он руководствовался другой политикой. До этого времени, как можно видеть из доказательств, рабочие которые прибывали в Германию в большой мере должны были быть добровольными рабочими.

Председатель: Конечно, если вы можете подтвердить, что они все были добровольными рабочими это было бы чрезвычайно материально, но вы вообще не представили доказательства об этом.

Флекснер: Господин председатель, это окончательная цель моих доказательств. Я должен довести это, если возможно до конца.

Председатель: Я лишь сказал вам, что я не понимаю к чему это.

Продолжайте, не ждите.

Флекснер: Господин Шпеер, генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы обозначил Италию и оккупированные западные территории как страны, из которых иностранных рабочих в основном вербовали для задач вооружения.

Насколько вы одобряли меры Заукеля в данных странах?

Шпеер: До весны 1943 я полностью одобрял их. До этого времени никаких очевидных недостатков для меня не возникало. Однако, начиная с весны 1943, рабочие с Запада все увеличивалось количество рабочих отказывавшихся ехать в Германию. Это могло иметь некоторое отношение к нашему поражению под Сталинградом и интенсификации воздушных атак на Германию. По моим сведениям до весны 1943, трудовые обязательства удовлетворялись более менее добровольно. Однако, начиная с весны 1943, часто лишь часть рабочих которых призывали, являлись к местам вербовки.

Поэтому, приблизительно с июня 1943, я создавал так называемые заблокированные фабрики с помощью военных командующих во Франции. Бельгия, Голландия и Италия вскоре последовали примеру создания таких заблокированных производств. Важно заметить, что каждый рабочий, работавший на таких заблокированных фабриках автоматически исключался из распределения в Германию, и любой рабочий, который был завербован Германией был волен пойти на заблокированную фабрику в собственной стране без возможности властей по распределению рабочей силы забрать его с заблокированной фабрики.

Флекснер: Какие последствия имела такая вербовка рабочих на оккупированных западных территориях?

Шпеер: После создания заблокированных фабрик, распределение рабочей силы из оккупированных территорий на Западе в Германию снизилось до крупицы от того, что было. До этого, например от 80000 до 100000 рабочих прибывали из Франции в Германию ежемесячно. После создания заблокированных фабрик, эта цифра снизилась до незначительного количества 3000 или 4000 в месяц, что очевидно из документа RF-22. Это очевидно, и мы должны заявить о фактах, что уменьшение этих цифр также было из-за движения сопротивления, которое начало расширяться на Западе в то время.

Флекснер: Тогда вы и ваши ведомства одобряли политику которой следовал Заукель?

Шпеер: Нет. Тогда возникли первые серьезные разногласия о «блокировании» этих рабочих от распределения рабочей силы в Германии. Это вытекало из факта, что утрата рабочих которых я имел на производстве в оккупированных странах была

больше чем количество рабочих приехавших в Германию из оккупированных западных стран. Это можно видеть из документа RF-22. Согласно этому, вероятно 400000 рабочих прибыли из Франции в Германию в 1943, особенно в первой половине года. Однако, промышленные рабочие во Франции сократились на 800000, а французские рабочие во Франции, которые работали на Германию сократились на 450000.

Флекснер: Почему вы потребовали передать всё германское производство от министерства экономики летом 1943?

Шпеер: По моему мнению, в Германии всё ещё был скрытый производственный резерв, поскольку мирная экономика Германии не была преобразована в военную экономику в достаточно крупном масштабе. По моему мнению, тут имелся, вслед за немецкими работницами, крупнейший резерв немецкой домашней рабочей силы.

Флекснер: Что вы предприняли, когда министерство экономики передало вам общее производство?

Шпеер: Тогда, я уже разработал следующий план. Крупная часть промышленности в Германии производила так называемые товары потребления. Товарами потребления, например, были туфли, одежда, мебель и другие необходимые товары для вооруженных сил и для гражданских потребностей. Однако на оккупированных западных территориях, производства которые обеспечивали такой продукцией простаивали из-за нехватки сырья, но, несмотря на это у них был большой потенциал. Осуществляя данный план, я изымал из германской промышленности сырье, которое производилось в Германии, такое как синтетическое волокно, и направлял его на Запад. Соответственно, долгосрочно, больше миллиона рабочих в самой стране обеспечивались работой, и таким образом я получал 1 миллион немецких рабочих для вооружений.

Флекснер: Соответственно вы не хотели наращивать производство вооружений или помогать им во Франции?

Шпеер: Нет. Все эти планы не удались. До начала войны французское правительство не смогло наладить производство вооружений во Франции и я тоже не смог, или даже мои службы не справились с этой задачей.

Флекснер: В чём заключались ваши намерения с этим новым планом? Какие преимущества вы получили?

Шпеер: Я прокомментирую это довольно коротко. С помощью этого плана в Германии я мог закрывать целые фабрики ради вооружений, и таким образом я освобождал не только рабочих, но также фабричное пространство и административный персонал. Я также экономил электричество и транспорт. Кроме того, поскольку эти фабрики никогда бы не имели значения для военных усилий, они бы вряд ли получили каких-либо иностранных рабочих, и таким образом я практически полностью получал немецких рабочих для немецкого производства, рабочих которые конечно были намного ценнее, чем любые иностранные рабочие.

Флекснер: Такой план не влёк за собой опасности и недостатки для германского промышленного развития?

Шпеер: Недостатки были значительными, поскольку любое закрытие фабрики означало вывоз машин, и в конце войны реконверсия на мирное производство заняла бы по крайней мере 6-8 месяцев. Тогда, на заседании гауляйтеров в Позене, я сказал, что если мы хотим быть успешными в этой войне, мы должны были идти на самые великие жертвы.

Флекснер: Как данный план воплотился?

Председатель: Доктор Флекснер, какое отношение имеет трибунал к подробностям этих планов? Как нас волнует, являлись ли эти планы эффективными или неэффективными? Единственный вопрос данного трибунала решить о том, являлись ли они законными в соответствии характером международного права. Нам неважно были его планы хорошими или плохими, или в чём заключались детали его планов, за исключением их законности или незаконности.

Флекснер: Да, господин председатель.

Председатель: Это просто трата нашего времени вдаваться в подробности этих планов.

Флекснер: Я хотел показать, что тенденции или даже тенденция, которой руководствовался подсудимый в своей политике распределения рабочей силы заключалась в том, чтобы использовать иностранцев в своей стране и использовать немецкие резервов исключительно для его задач, то есть, для самого вооружения. Таким образом, всё…

Председатель: Но, доктор Флекснер, это вопрос эффективности, а не законности. Он сказал о том, что у него было много немецких рабочих, хороших рабочих, и они производили товары потребления вместо производства предметов вооружения. Он думал, что лучше учредить свои производства для того, чтобы рабочие могли оставаться во Франции или других западных странах.

Какое мы имеем к этому отношение? Если их принуждали работать там, это точно также незаконно как если бы их принудительно доставляли в Германию. По крайней мере так предполагает обвинение.

Флекснер: Да, но я думал и верил…

Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал заслушает защитников завтра в 2 часа вечера по вопросу выделения времени на речи защитников.

Флекснер: Господин Шпеер, пожалуйста, расскажите нам коротко о том, как вы и господин Бишелон[344], французский министр экономики, согласовали вашу

[344] Жан Бишелон (1904 – 1944) – французский предприниматель и государственный деятель.

программу, но пожалуйста, будьте кратким.

Шпеер: Сразу после принятия производства в сентябре 1943, я согласовал с Бишелоном, что крупномасштабную программу переноса производства из Германии во Францию нужно было запустить в действие с учётом системы которую я описал. На дальнейшем совещании Бишелон заявил о том, что он не уполномочен вести со мной переговоры о распределении рабочих, так как министр Лаваль[345] прямо запретил ему это делать. Как он сказал, он был вынужден заметить, что дальнейшая вербовка рабочих в нынешнем объеме сделает невозможным следование программе которую мы согласовали. Я считал точно также. Поэтому мы согласились в том, что всё французское производство, начиная от угля до готовой продукции, нужно было объявить «заблокированными производствами». В связи с этим мы были прекрасно осведомлены о том, что это почти затормозит распределение рабочих для Германии, поскольку, как я уже объяснял, каждый француз был волен поступить на одну из этих заблокированных фабрик, будучи призван на работу в Германии. Я дал Бишелону своё слово о том, что я должен придерживаться данного принципа на длительный период, и, несмотря на все возникавшие трудности, я сдержал своё обещание.

Флекснер: Господин председатель, в связи с этим я бы хотел процитировать из документа R-124, который экземпляр USA-179. Это на странице 37 английской документальной книги. Это речь Заукеля в центральной плановой комиссии, которую часто упоминали. Я процитирую из неё следующее:

> «…когда я приехал во Францию в следующий раз мои службы во Франции заявили:…министр Бишелон заключил с министром Шпеером соглашение согласно которому французских рабочих должны были рассматривать для распределений рабочей силы во Франции и никому из них больше не требовалось ехать в Германию. Это совпало с первой крупной конференцией».

Господин Шпеер, какими были последствия такой смены распределения рабочей силы с Германии на Францию?

Шпеер: Я уже упоминал это. Начиная с 1 октября, вербовка рабочей силы почти полностью остановилась.

Флекснер: Позднее на основе документов я прокомментирую подробности плана Шпеера-Бишелона и тенденцию которой руководствовался Шпеер в связи с различными попытками применить этот принцип. Поэтому, сейчас прерву вопросы по теме и ограничусь цитатой из официального французского документа RF-22, страница 20 английского текста моей документальной книги, страница 17 немецкого

---

[345] Пьер Лаваль (1883 — 1945) — французский политик-социалист. В период Третьей республики занимал высокие государственные посты, был премьер-министром (1931—1932, 1935—1936). В 1936—1940 годах получил известность как медиамагнат, владелец нескольких газет и радиостанций. Активный деятель коллаборационного «правительства Виши» во время Второй мировой войны и его глава (премьер-министр) с 1942 по 1944 год. Казнён по приговору французского суда.

и французского текстов. Я цитирую:

> «Наконец реальная враждебность возникла между Заукелем и Шпеером, которому была поручена организация принудительного труда на оккупированных территориях».
>
> И затем несколько строчке дальше:
>
> «Превосходство последнего, которое всё больше и больше заставляло себя почувствовать во время…оккупации в большой мере облегчало сопротивление вывозу рабочих».

Текст показывает, что вышеназванный подсудимый Шпеер и военный командующий…

Председатель: Всё это кумулятивно, вы это уже подтверждали три или четыре раза.

Флекснер: Очень хорошо, я не буду продолжать с этим.

Господин Шпеер, теперь я лишь хочу, чтобы вы внесли ясность в ошибку. В документе упоминалось, что вы имели какое-то отношение к организации принудительного труда во Франции, это правда?

Шпеер: Нет, организация труда во Франции не находилась под моим контролем.

Флекснер: Вы уже упоминали, что такая перемена рабочей программы не ограничивалась только Францией. Вы расскажите мне, к каким странам это также применялось?

Шпеер: Суммируя последний вопрос: программа распространялась на Бельгию, Голландию, Италию и Чехословакию. Всё производство в этих странах также объявили заблокированным и рабочим на таких заблокированных производствах предоставляли такую же защиту, как и во Франции, даже после встречи с Гитлером 4 января 1944, во время которой была установлена новая программа для Запада на 1944. Я придерживался такой политики. Результат заключался в том, что в течение первой половины 1944, 33000 рабочих прибыли из Франции в Германию в сравнении с 500000 предложенными на том совещании; и из других стран тоже только 10 процентов от предложенных рабочих забрали в Германию.

Флекснер: Что насчёт цифр применимых к рабочим из Протектората[346]?

Шпеер: Отовсюду были отправлены только крупицы от цифр.

Флекснер: Документ номер PS-1739, экземпляр RF-10 предъявлен обвинением. Это на странице 23 английского текста моей документальной книги и доклад Заукеля датированный декабрём 1942, также тут документ номер PS-1290 на странице 24 английского текста, который также предъявлен. Эти документы видимо показывают, что согласно личным утверждениям Заукеля, с начала его деятельности до марта включительно было чрезмерное обеспечение рабочей силой. Это правда?

Шпеер: Да, это правда.

---

[346] Протекторат Богемии и Моравии — зависимое государственное образование, учреждённое властями Третьего рейха в преддверии 2-й мировой войны на оккупированных территориях Богемии, Моравии и Силезии (Чешская Силезия), населённых этническими чехами.

Флекснер: Документ PS-16, экземпляр USA-168, который на странице 25 английского текста моей документальной книги, показывает, что Заукель вовсе не выступал за использование немецких женщин в промышленности вооружений, а летом 1942 он передал в распоряжение немецких домохозяйств несколько тысяч украинских девушек.

Вместе, эти три документа показывают, что Шпеера в его министерстве нельзя делать ответственным за количество рабочих которые приезжали в Германию.

Я также хотел бы представить ещё один документ как экземпляр номер Шпеер-8. Господин председатель, ему присвоен номер 02 в документальной книге, и он на странице 26 английского текста. Он ссылается на заседание центральной плановой комиссии.

Председатель: Доктор Флекснер, вы не называете номера экземпляров никаких из этих документов, а значит вы вообще не приобщаете их в качестве доказательства. Я имею в виду, что вы сейчас ссылаетесь на 02, который пронумерован так, что мы вообще не понимаем, что это.

Флекснер: Тогда могу я представить данный документ как экземпляр номер 8?

Председатель: А что с предыдущим? О, он уже приобщён. Вероятно, после было бы лучше потом представить список, приводящий надлежащие номера экземпляров для всех тех документов на которые вы ссылаетесь.

Флекснер: Да, господин председатель, буду рад сделать это. Я бы хотел процитировать – это замечание Шпеера.

> «Для этого необходимо обеспечить производства новыми немецкими рабочими, даже неквалифицированной рабочей силой, потому я не могу заменить всех тех, кого мы должны отдать в солдаты иностранцами. Немецкое снабжение просто оскудеет. Уже сегодня мы имеем один за другим случаи саботажа, и мы не знаем об их источнике. Будут расти случаи саботажа. Мероприятия, которые потребуются для того, чтобы переключить как минимум 1 миллион немцев на промышленность вооружений крайне трудные и по моему мнению снизят уровень жизни высших классов. Следовательно, это означает, что грубо говоря, мы должны быть пролетариями на время войны, если она продлиться длительное время. Нужно хладнокровно и трезво встретить это. Альтернативы этому нет».

Это мнение и проект Шпеера, а именно безжалостно эксплуатировать резерв рабочей силы внутри Германии, не понимали до лета 1944. И это было предметом спора между Шпеером с одной стороны и Заукелем и гауляйтерами с другой. Показания свидетелей в опросных листах рассмотрят это. В помощь трибуналу я бы хотел заявить о том, что у Шибера это ответ на вопрос 22; у Роланда это ответ на 1 и 4; у Керля это ответ на номер 9; и в случае со Шмельтером это

вопросы 13 и 16. Господин председатель, к сожалению, я не могу процитировать страницы из английской книги, потому что я её пока не видел.

Председатель: На какой документ вы ссылались?

Флекснер: Господин председатель, заполненные опросные листы в дополнительном томе моей документальной книги, которая, надеюсь сейчас в руках трибунала.

Председатель: Да.

Флекснер: Кроме того, я бы хотел оставить за собой право предъявить данные документы в конце моего допроса в целом. Я возьму смелость лишь сослаться на пункты, в которых свидетель разбирался с этим вопросом.

Председатель: Очень хорошо.

Флекснер: Кроме того, мы проинформированы о разногласиях представленных Заукелем и Шпеером в результате совещания Шпеера во время заседания центральной плановой комиссии 21 декабря 1943. Я ссылаюсь на страницу 27 английского текста моей документальной книги, и это будет мой экземпляр номер 9. Я цитирую…

Председатель: Доктор Флекснер, вам не нужно это цитировать, я думал, что я дал вам понять, что нас не касается эффективность или неэффективность этих планов.

Флекснер: Господин Шпеер есть важный документ предъявленный обвинением. Это протокол встречи с Гитлером 4 января 1944. Он был предъявлен как PS-1292, экземпляр USA-225. Я ссылаюсь на страницу 28 английского текста моей документальной книги. Как была подготовлена данная встреча?

Шпеер: Она была созвана по просьбе Гитлера.

Флекснер: По какой причине?

Шпеер: Чтобы урегулировать споры между Заукелем и мной.

Флекснер: И каким было решение Гитлера?

Шпеер: Его решением был бесполезный компромисс, как часто случалось с Гитлером. Эти заблокированные фабрики должны были сохраниться, и с этой целью Заукелю был дан приказ получить 3500000 рабочих с оккупированных территорий. Гитлер дал строжайшие указания через высшее командование вооруженных сил военным командующим о том, что просьбы Заукеля должны были удовлетворять всеми средствами.

Флекснер: Вы согласились с таким решением?

Шпеер: Нет, вовсе нет, так как если бы оно было исполнено, моя программа перевода производств на Запад должна была рухнуть.

Флекснер: И какие действия вы предприняли после этого?

Шпеер: Вопреки решению фюрера на этой встрече, я сообщил военному командующему о том как я это видел, для того, чтобы в связи с ожидаемым приказом высшего командования вооруженных сил у военного командующего было на руках две интерпретации. Поскольку военный командующий был согласен с моей интерпретацией, можно было ожидать, что будет следовать моему ходу мыслей.

Флекснер: В связи с этим, могу я представить документ, который на странице 29 английского текста моей документальной книги, страница 26 немецкого и французского текстов. Это сообщение телетайпом Шпеера генералу Штудту в Париж. Это будет экземпляр номер 10. В письме видно две вещи. Первая, Шпеер писал и я цитирую:

> «Гауляйтер Заукель начнёт переговоры с соответствующими службами относительно оккупированных западных территорий, с целью достичь ясности о способе и возможности исполнения».

Председатель: Доктор Флекснер, в чём смысл читать это?

Флекснер: Господин председатель, обвинение предъявило данный документ PS-1292, чтобы подтвердить…

Председатель: Подсудимый только, что сказал нам, о чём документ. Он рассказал нам о сути всего вопроса. Мы совершенно понимаем, в чём заключались разногласия между Заукелем и Шпеером.

Флекснер: Этот документ показывает реакцию со стороны подсудимого, а именно, что он делал, для того, чтобы решение Гитлера, как таковое, было бы обойдено или, по крайней мере, ослаблено. В данном письме подсудимый говорил генералу Штудту…

Председатель: Доктор Флекснер, трибунал дал вам максимально ясное представление о своей точке зрения по этим вопросам, о различных планах и различиях во взглядах между Заукелем и Шпеером. Почему вы бы вам не перейти к какой-нибудь другой части вашего дела, если такая есть?

Флекснер: Господин председатель, я не желаю обсуждать спор этих двоих. Я пытаюсь показать действия, предпринятые Шпеером чтобы воплотить на практике свою точку зрения. Это не относится к…

Председатель: Да, но это не относится к делу. Как я уже сказал, подсудимый рассказал нам, что он делал. Не нужно снова всё это читать.

Флекснер: Очень хорошо. В таком случае, могу я продолжить, представив документ на странице 30 английского текста моей документальной книги, страница 27 немецкого и французского текстов; экземпляр номер Шпеер-11. Это письмо Шпеера Заукелю датированное 6 января 1944, и что в этом письме установлено, что за французскими промышленными фирмами работавшими во Франции должны быть сразу зарезервированы 400000 рабочих, и ещё 400000 рабочих в течение следующих месяцев, которых таким образом не будут депортировать.

Господин Шпеер, какие результаты имели эти два письма в связи с приказом Гитлер о том, чтобы 1 миллион рабочих должны были взять из Франции в Германии.

Шпеер: Я бы хотел подытожить всю тему и сказать об этом несколько слов. Мы имели технику как справляться с неудобными приказами от Гитлера, которая позволяла нам обходить их. Йодль уже говорил в своих показаниях о том, что со

своей стороны тоже разработал такую технику. И конечно, таким образом письма предъявленные здесь понятны только эксперту в их смысле и результатах которые они бы имели.

Из документа представленного сейчас, из речи Заукеля от 1 марта 1944, документа номер R-124, также очевидно, в чем заключались результаты в отношении распределения рабочей силы на оккупированных территориях. Результат ясен и я уже описывал это здесь, и поэтому я думаю, мы можем перейти к странице 49.

Флекснер: Господин Шпеер вы можете дать мне описание результатов воздушных атак на оккупированные западные территории?

Шпеер: Да. В связи с этим я снова хочу подытожить несколько положений. Вторжению предшествовали сильные воздушные атаки на транспортную систему оккупированных западных территорий. В результате, начиная с мая и июня 1944, производство во Франции было парализовано и 1 миллион рабочих были безработными. На этом идея переноса производства, что касалось меня, рухнула и также согласно обычным ожиданиям французских чиновников складывалось впечатление, что начнется масштабное перемещение в Германию.

Я отдал приказ, чтобы несмотря на то, что вся французская промышленность была парализована, заблокированные фабрики должны были сохранить, хотя я знал как эксперт, что их восстановление, учитывая повреждения транспортной системы будет невозможным меньше чем за 9 или 12 месяцев, притом, если воздушные атаки полностью прекратятся. Поэтому, тут я действовал вопреки собственным интересам.

Французское обвинение подтвердило это в документе RF-22. Соответствующие отрывки отмечены в документальной книге.

Между 19 и 22 июня у меня было совещание с Гитлером, и я получил распоряжение согласно которому рабочие на оккупированных территориях, несмотря на сложности в транспорте, должны были оставаться на месте независимо от происходящего. Зейсс-Инкварт уже дал показания о том, что похожее решение применялось к Голландии. По моим приказам рабочие на этих заблокированных фабриках даже продолжали получать свою заработную плату.

Флекснер: В связи с этим я предъявляю экземпляр номер Шпеер-12. Это выдержка из совещания фюрера с 19 по 22 июня 1944, и я прошу трибунал принять об этом судебное уведомление. Документ на странице 22 английского текста моей документальной книги.

Господин Шпеер вы должны были сознавать тот факт, что после такого вашего решения, как минимум 1 миллион безработных на всех западных территориях был бы непродуктивным довольно долгое время. Как вы можете оправдать своё решение?

Шпеер: Я должен сказать совершенно открыто, что это было моим первым

решением, которое имело своё внутреннее оправдание катастрофически ухудшавшейся военной обстановкой. Вторжение было успешным. Сильные воздушные атаки на производства продемонстрировали решающие результаты. Ранний конец войны следовало предвидеть и всё это меняло ситуацию в отношении меня. Практические выводы которые я сделал из этой ситуации станут видны в результате других примеров которые покажу в ходе процесса. Конечно, Гитлер тогда считал по-другому. Напротив, он верил в то, что следует делать всё для того, чтобы использовать последние резервы рабочей силы.

Флекснер: Пожалуйста, кратко опишите ваше отношение к встрече 11 июля 1944, на которую мы уже однажды ссылались. Это документ PS-3819. Пожалуйста, будьте очень кратким.

Шпеер: Во время этой встречи от 11 июля я поддерживал свою точку зрения. Как видно из протоколов я вновь обозначил резервы Германии, и заявил, что трудностям с транспортом нельзя позволить влиять на производство, и что заблокированные фабрики нужно сохранить на этих территориях. И я, и военные командующие на оккупированных территориях были прекрасно осведомлены о том, что хорошо известные последствия для таких заблокированных фабрик были такими же как раньше, то есть, что был бы остановлен перевод рабочей силы с западных оккупированных территорий в Германию.

Флекснер: Французское обвинение представило документ номер 814, экземпляр RF-1516. Если я правильно помню, он представлен во время заседания от 30 мая. Он появился во время перекрестного допроса вашего со-подсудимого Заукеля.

Согласно этому приказу войска должны были угонять рабочих на Западе. Пожалуйста, сделайте короткое заявление об этом. Для того, чтобы освежить вашу память, я хочу сказать, что в данной телеграмме сделана ссылка на встречу от 11 июля.

Шпеер: Протоколы встречи показывают, как я сказал раньше, что я возражал принудительным мерам. Я не видел сам приказ Кейтеля.

Флекснер: Номер 824 ещё один документ, предъявленный французским обвинением по этой же теме. Это письмо генерала фон Клюге[347] датированное 25 июля 1944, экземпляр RF-515. Оно ссылается на телеграмму от Кейтеля, которая упоминалась ранее. Вам, что-либо известно об этом, и действительно ли это приказ исполняли?

Шпеер: Я знаю, что данный приказ не исполняли. Чтобы понимать ситуацию, нужно познакомиться с атмосферой преобладавшей 20 июля. Тогда ни один приказ из штаб-квартиры не исполнялся. Как подтвердили расследования после 20 июля, в то время Клюге как командующий на Западе уже запланировал переговоры с западными противниками для капитуляции и наверное он предпринимал начальные

[347] Гюнтер фон Клюге (1882 — 1944) — германский военачальник, генерал-фельдмаршал (1940). В 1942-1943 командующий группой армий «Центр». Вскоре после провала заговора против Гитлера покончил с собой

попытки в это время. Это, между тем, являлось причиной его самоубийства после провала покушения 20 июля. Не может быть речи…

Председатель: Вы присвоили номер 1824. Что это значит?

Флекснер: Господин председатель, номер 824, номер, который французское обвинение присвоило документу. Это номер, с которым его предъявили. К сожалению, я не смог установить номер экземпляра. Я сделал запросы, но у меня пока нет ответа.

Только, что мне дали понять, что это RF-1515. Это номер экземпляра.

Председатель: Спасибо.

Шпеер: Не может быть речи, что фельдмаршал Клюге в той военной обстановке в которой оказался и учитывая его взгляды, должен был в тот момент отдать приказы о рейдах и принудительных мерах. Выход соглашения Заукеля-Лаваля, которое упоминалось в этом документе, не имел никакого практического значения, поскольку заблокированные фабрики сохранялись и таким образом это соглашение не вступило в силу. Это было хорошо известно чиновникам во Франции, и лучшее доказательство того факта, что приказ не исполняли это документ RF-22 французского обвинения, который показывает, что в июле 1944 только 3000 рабочих прибыли в Германию из Францию. Если бы военные власти использовали принудительные меры, это было бы просто, отправить гораздо больше рабочих нежели эти 3000 из Франции в Германию.

Флекснер: Вы использовали своё влияние, чтобы полностью остановить распределение рабочей силы из оккупированных территорий в Германию?

Шпеер: Нет; я должен заявить совершенно откровенно, что хотя я использовал своё влияние, чтобы уменьшить вербовку рабочей силы или положить конец принудительным мерам и рейдам, я не использовал его, чтобы полностью прекратить распределение рабочей силы.

Флекснер: Теперь я перехожу к другой проблеме.

Обвинение затрагивало и упоминало организацию Тодта. Вы можете кратко объяснить трибуналу задачи организации Тодта?

Шпеер: Тут, вновь, я подведу краткие итоги. Задачи организации Тодта были исключительно техническими, то есть, она должны была выполнять техническую строительную работу; в частности на Востоке, дорожное и железнодорожное строительство, а на Западе строительство бетонных укрытий, которые стали известны как так называемый Атлантический вал. Для этой задачи организация Тодта использовала иностранную рабочую силу в сильной диспропорции. На Западе было около 20 иностранцев на 1 немецкого рабочего; в России было около 4 русских на 1 немца. Это можно было осуществлять на Западе если организация Тодта могла в значительной мере использовать местные строительные фирмы и их площадки. Они обеспечивали технический штат и вербовали собственных рабочих, ясно, что эти фирмы не имели возможности вербовать принудительно. Соответственно

большое число рабочих организации Тодта были добровольцами, но естественно некоторый процент всегда работал в организации Тодта по призывной системе.

Здесь организацию Тодта описывают как часть вооруженных сил. В качестве технической детали в связи с этим нужно сказать, что конечно, к ней не относились иностранные рабочие, а только немецкие рабочие которых на оккупированных территориях так или иначе должны были считать военнослужащими. Обвинение имело другое мнение по этому вопросу.

Помимо организации Тодта были определенные транспортные подразделения, приданные моему министерству, которые работали на оккупированных территориях, и именно по этой причине я стремлюсь заявить, что их принципиально вербовали как добровольцев. Обвинение предположило, что организация Тодта была обширной организацией для всех строительных работ на оккупированных территориях. Дело не в этом. Она должна была выполнять только одну четвертую одну пятую от строительной программмы.

В мае 1944 организация Тодта была принята Рейхом и впоследствии стала ответственной за кое какие крупномасштабные строительные программы и за управление организацией уполномоченного по контролю за строительством в четырёхлетнем плане. Этот уполномоченный по контролю за строительством распределял контингенты поступавшие из центральной плановой комиссии и был ответственным за остальные задачи, но он не был ответственным за выполнение и осуществление надзора за самой строительной работой. В Рейхе были разные строительные власти, и в частности строительное управление СС имело собственную ответственность за выполнение своих строительных программ.

Флекснер: Обвинение предположило, что вы использовали заключенных концентрационных лагерей в промышленности вооружений и предъявило документ R-124, экземпляр USA-179.

Господин председатель, это документ на странице 47 английского текста в моей документальной книге. Это про совещание с Гитлером в сентябре 1942.

Господин Шпеер, как случилось данное совещание?

Шпеер: Когда в феврале 1942 я принял управление вооружений армии, были требования по значительному росту во всех отношениях; и чтобы удовлетворить их, нужно было построить многочисленные новые фабрики. Для этой задачи Гиммлер предложил Гитлеру и мне свои концентрационные лагеря. Его план заключался в том, чтобы некоторые из этих необходимых новых строительств, а также необходимые машины, следовало разместить в концентрационных лагерях, и они должны были функционировать под надзором СС. Начальник управления вооружений армии, генерал-полковник Фромм[348] был против этого плана, и я тоже. Помимо общих причин, первый пункт заключался в том, что нужно было

[348] Фридрих Фромм (1888 — 1945) — немецкий военный деятель, генерал-полковник. Командующий армией резерва (1939—1944). Казнён за участие в заговоре против Гитлера.

предотвратить бесконтрольное производство СС вооружений. По этой причине, при планировании весной 1942 программы крупного расширения вооружений, я не принял во внимание эти требования СС. Гиммлер пошел на встречу с Гитлером и протокол данного совещания, который доступен здесь, показывает возражения пожеланиям которые Гитлер представил по предложению Гиммлера.

Флекснер: Господин председатель, в связи с этим я обращаю ваше внимание на страницу 44 немецкого текста, что на странице 47 английского текста. Это пункт 36 из протокола фюрера. Там сказано, и я цитирую:

> «…при небольшом количестве рабочих невозможно организовать производство вооружений в концентрационных лагерях…»

Председатель: Доктор Флекснер, свидетель только, что привел нам его суть, не так ли?

Флекснер: Господин Шпеер, согласно этому документу вы предложили, что фабрики должны укомплектовывать интернированными из концентрационных лагерей. Вы осуществляли это?

Шпеер: Нет, это не осуществлялось в такой форме, потому что скоро стало ясно, что намерение Гиммлера заключалось в том, чтобы получить влияние над этими производствами и так или иначе он бы несомненно смог получить эти производства под свой контроль. По этой причине, принципиально, лишь часть промышленного личного состава состояла из интернированных концентрационных лагерей, для того, чтобы противодействовать усилиям Гиммлера. И так получилось, что трудовые лагеря придавали производствам вооружений. Но Гиммлер никогда не получал своей доли 5-8 процентов, о которой было решено. Это предотвратили с согласия генерала Буле[349] из армейского штаба ОКВ,. Свидетель даст показания об этом.

Флекснер: Могу я далее обратить ваше внимание на документ PS-1584 на странице 48 английского текста в моей документальной книге. Это экземпляр USA-221 и письмо Гиммлера Герингу датированное 9 марта 1944. Гиммлер подчеркивал тот факт, что если бы его ответственность, то есть, СС, была бы расширена, можно было бы ожидать ускорения и роста производства. Сопроводительное письмо Поля Гиммлеру показывает, что предполагалось надзирать и контролировать использование заключенных концентрационных лагерей и даже использовать СС в качестве управляющих на производстве. Согласно его опыту и сведениям, недостаточно было бы придать интернированных других производствам. Поэтому СС, желали надзирать и контролировать использование рабочей силы на этих производствах.

Однако этот документ показывает кое-что ещё; ибо он подтверждает заявление подсудимого Шпеера о том, что заключенным концентрационных лагерей выплачивали премии если они подтверждали особую эффективность, кроме того, на

[349] Вальтер Буле (1894 — 1959) — немецкий военный деятель, генерал пехоты.С 1942 начальник штаба сухопутных войск при ОКВ.

последней странице он показывает, что в среднем рабочее время всех интернированных было 240 часов в месяц, что будет соответствовать 60 рабочим часам в неделю.

Я также ссылаюсь на документ, который упоминали вчера; это номер 44 и он уже предъявлен мной как экземпляр номер 6; это вторая документальная книга. Господин председатель, это первая книга в дополнительном томе.

Этот документ ясно показывает насколько расширение производств СС определялось амбициями Гиммлера и Поля. Документ также говорит, и я цитирую:

> «…ежемесячное рабочее время, отработанное заключенными концентрационных лагерей не насчитывает даже 8 миллионов часов, так что весьма точно, что не больше 32000 мужчин и женщин из концентрационных лагерей смогут работать на наших производствах вооружений. Это число постоянно убывает».

Господин председатель, эта фраза на странице 90, внизу. Вы найдёте её там в английском тексте.

Письмо также показывает, что автор насчитывает почти такое же количество рабочего времени как упоминалось Полем в его письме; а именно 250 часов в месяц, что приблизительно 63 часа в неделю.

Господин Шпеер, из этого письма вы узнали о том, что рабочих в частности иностранцев, не возвращали на свои старые места работы, когда за некие акты их привлекала полиция, но, что их забирали в концентрационные лагеря. Какие шаги вы тогда предприняли?

Шпеер: Тут снова я бы хотел подытожить несколько пунктов. Я получил письмо примерно 15 мая в Берлине, когда я вернулся после своей болезни. Его содержание сильно меня взволновало, потому что, в конце концов, это ни что иное как похищение. Я имел оценку представленную мне о числе рабочих, таким образом, исключенных из экономической системы. Округлённая цифра была 30000-40000 в месяц. Результатом было моё заявление в центральной плановой комиссии 22 мая 1944, где я потребовал, чтобы этих рабочих, даже как интернированных, как я их назвал, должны были немедленно вернуть на старые фабрики. Это замечание, само по себе, нелогичное, потому что, естественно, количество преступлений на каждой отдельной фабрике было очень маленьким, для того, чтобы не применять подобную меру. В любом случае, я желал высказать, что рабочих нужно было бы вернуть на места первоначальной работы. Это заявление в центральной плановой комиссии предъявлено обвинением.

Сразу после заседания центральной плановой комиссии, я пошёл к Гитлеру и там 5 июня 1944 у меня было совещание. Протокол совещания фюрера доступен. Я заявил о том, что не стану отвечать за любую подобную процедуру, и я привёл много полностью обоснованных аргументов, поскольку никакие другие аргументы не произвели бы эффекта. Как показывает протокол, Гитлер заявил, что этих

рабочих должны были сразу возвращать на свою прежнюю работу, и что после совещания между Гиммлером и мной он снова сообщит он снова доведет своё решение до Гиммлера.

Флекснер: Я предъявляю экземпляр номер 13, который является выдержкой из совещания фюрера 3-5 июня 1944; вы найдете этот документ на странице 92 документальной книги.

Шпеер: Сразу после этого совещания я поехал на встречу к Гиммлеру и сообщил ему о решении Гитлера. Он сказал мне, что никакое подобное количество полиция никогда не арестовывала. Но он пообещал мне, что он незамедлительно примет распоряжение, которое будет соответствовать требованиям Гитлера, а именно, что СС больше не позволят удерживать этих рабочих. Я проинформировал Гитлера о таком результате, и я попросил его ещё раз связаться с Гиммлером по этому поводу. В те дни у меня не было никакой причины не доверять обещанию Гиммлера, потому что в конце концов, у рейхсминистров не было привычки настолько друг другу не доверять. Но в любом случае, я не имел никаких дальнейших жалоб от моих помощников по этому вопросу. Я должен подчеркнуть, что урегулирование всего вопроса на самом деле меня не касалось, но информация показалась мне такой невероятной, что я сразу вмешался. Знай я, что уже 18 месяцев назад Гиммлер начал очень похожую акцию, и что в том письме которое здесь предъявили…

Флекснер: Господин председатель, это документ PS-1063, и это экземпляр USA-219. Я воспроизвёл его на странице 51 английского текста моей документальной книги. Это документ, на который сейчас ссылается свидетель.

Насколько далеко заходили ваши усилия получать рабочих для промышленности вооружений из концентрационных лагерей?

Шпеер: Я хотел сделать короткое заявление об этом документе.

Знай я об этом письме, я бы никогда настолько не доверял Гиммлеру, чтобы ожидать, что он правильно исполнит приказ Гитлера.

Так, это письмо совершенно чётко показывает, что данную акцию должны были держать в тайне от других ведомств. Эти другие ведомства могли быть только ведомством генерального уполномоченного по распределению рабочей силе или моим ведомством.

Наконец, я хочу сказать в связи с этой проблемой, что мой долг как министра вооружений заключался в том, чтобы использовать как можно больше рабочих доступных для производства вооружений или любого другого производства. Поэтому я считал правильным, что рабочие из концентрационных лагерей тоже должны работать в военном производстве или промышленности вооружений.

Однако основное обвинение о том, что я сознательно увеличивал число концентрационных лагерей или вызвал их увеличение, никоим образом не правильное. Напротив я хотел прямо противоположное, глядя на это с точки зрения

производства.

Флекснер: Могу я сослаться в связи с этим на ответы свидетеля Шмельтера к номерам 9 и 35 в опросном листе, который был представлен ему, и ответ свидетеля Шибера к номеру 20.

Господин Шпеер, документ номер R-124, экземпляр USA-179, который предъявлен обвинением, содержит несколько ваших замечаний сделанных во время заседаний центральной плановой комиссии.

Господин председатель, могу я обратить ваше внимание на страницу 53 английского текста моей документальной книги.

Господин Шпеер, что вы имели в виду своим замечанием о «лентяях» на заседании 30 октября 1942?

Шпеер: Я сделал замечание как воспроизведено в стенографической записе. Однако здесь у меня была возможность прочитать все стенографические записи центральной плановой комиссии и я обнаружил, что у замечания не было никаких последствий и не потребовали никаких мер.

Флекснер: Господин председатель, на этой же странице документальной книги, есть заявление с заседания 22 апреля 1943.

Господин Шпеер, что вы скажете в связи с этим замечанием о русских военнопленных?

Шпеер: Это можно очень кратко разъяснить. Это доказательство того, что концепцию «вооружений» следует понимать, так как я её объяснил, потому что два сектора из которых происходили 90000 русских используемых в вооружениях, согласно данному документу, были производствами железа, стали и металла с 29000; и производством двигателей, котлов, автомобилей и всевозможной аппаратуры с 63000.

Флекснер: Господин Шпеер, обвинение также упоминало замечание, сделанное вами 25 мая 1944. Его также можно найти на странице 53 английского текста документальной книги. Там вы говорили на совещании с Кейтелем и Цейтцлером[350], что в соответствии с указаниями Гитлера группы вспомогательных добровольцев должны были распустить, и что вы окажете влияние на перевод русских из тыловых районов армий.

Шпеер: И снова здесь я тщательно прочитал стенографические записи. Это можно коротко объяснить. «Hiwi[351]» названные в документе являлись так называемыми вспомогательными добровольцами, которые присоединялись к войскам сражавшимся в России. По прошествии месяцев, их стало много, и во время

---

[350] Курт Цейтцлер (1895 — 1963) — немецкий генерал-полковник, участник Второй мировой войны. В 1942—1944 годах начальник штаба сухопутных войск (ОКХ).

[351] Хиви (нем. Hilfswilliger, желающий помочь; Ost-Hilfswilligen, восточные добровольные помощники) — так называемые добровольные помощники вермахта, набиравшиеся (в том числе, мобилизованные принудительно) из местного населения на оккупированных территориях СССР и советских военнопленных. Первоначально они служили во вспомогательных частях водителями, санитарами, сапёрами, поварами и т. п. Позже хиви стали привлекать к непосредственному участию в боевых действиях, операциях против партизан и к карательным акциям

отступления они следовали рядом, так с ними бы обращались как с предателями в своей стране. Однако этих добровольцев не передали в промышленность, поскольку запланированное совещание не состоялось.

Флекснер: Пожалуйста, сделайте короткое заявление о меморандуме Заукеля, PS-556, который предъявлен обвинением, о телефонной беседе от 4 января 1943, которая ссылается на распределение рабочей силы.

Шпеер: После этого телефонного звонка, во Франции должны были быть предприняты дальнейшие меры, чтобы увеличить количество рабочих доступных к распределению. Протокол совещания фюрера, который я недавно нашёл, а именно о заседании 3-5 января 1943, показывает, что тогда Гитлера высказал мнение ссылавшееся на увеличение использования французов во Франции для местной промышленности и экономики.

Флекснер: Господин председатель, я предъявлю этот документ позднее, потому что до сих пор у меня не было возможности…

Председатель: Доктор Флекснер, вы можете сказать трибуналу сколько вы собираетесь продолжать?

Флекснер: Господин председатель, надеюсь, что я закончу до 5 часов вечера.

Председатель: Вы не упустили из виду, то, что я уже сказал вам, об относимости аргументов и доказательств добавленных к настоящему времени?

Флекснер: Господин председатель, я не буду.

Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Флекснер: Господин Шпеер, этим утром мы остановились на обсуждении телефонного сообщения Заукеля от 4 января 1943 по вопросу распределения рабочей силы. Как вы уже заявили, протокол совещания фюрера 3-5 января, который я позднее предъявлю трибуналу, связан с этим. Пожалуйста, вы сделаете краткое заявление о теме этой дискуссии?

Шпеер: Эта запись говорит о том, что нужно поднять экономику Франции на более высокий уровень. Она содержит суровые предписания от Гитлера о способах и средствах, которые он предлагал использовать с этой целью. Он заявляет, что акты саботажа следует наказывать самыми строгими средствами, и что «гуманистическая безмозглость» не к месту.

Эти протоколы также показывают, что тогда я попросил Гитлера передать мне управление производственными вопросами во Франции, шаге, который на

самом деле состоялся несколько месяцев спустя.

Я упоминаю это только с целью внести ясность, при том что я все же в состоянии дать показания как свидетель, что я не проводил гитлеровскую политику отказа от «гуманистической безмозглости» во Франции.

Моё внимание обратили на один случай, в котором 10 заложников должны были расстрелять в качестве репрессалии за акты промышленного саботажа совершенные в округе Мёрт и Мозель. Тогда я смог предотвратить исполнение приговора. Рёхлинг[352], который тогда был ответственным за производство железа на оккупированных западных территориях, мой свидетель в этом. Это единственный случай в котором мне известно, что заложников должны были расстрелять из-за саботажа на производстве.

Я также могу доказать, что в результате решения Гитлера датированного сентябрём 1943, я был ответственным за обеспечение дополнительным продовольствием в дополнение к существующему пайку для фабричных рабочих используемых во Франции. В письме, которое я направил генеральному уполномоченному по распределению рабочей силы в декабре 1943, я решительно призывал к необходимости не только выплачивать заработную плату рабочим на оккупированных западных территориях, но также делать для них доступным соответствующее количество товаров потребления – линия политики, которая, несомненно, не соответствовала политике грабежа западных регионов, на что так сильно упирает французское обвинение.

Все три документа в моём распоряжении, и они могут быть представлены. Я упоминаю эти факты лишь для того, чтобы показать, что я ни одобрял, ни следовал очень жёсткой политике изложенной Гитлером для применения во Франции в протоколах от 3-5 января.

Флекснер: Теперь я перехожу к другому вопросу. Господин Шпеер, что вы производили во Франции; то есть, на основе вашей программы?

Шпеер: Мы уже обсуждали это достаточно долго. Никаких предметов вооружений не производили, только дефицитные комплектующие и товары потребления.

Флекснер: Очень хорошо. Я просто хотел внести ясность.

Обвинение предъявило вам протокол совещания фюрера – R-124 – датированный мартом 1944 и содержащий заявление о том, что вы обсуждали с Гитлером предложение рейхсмаршала о доставке военнопленных во Францию.

Что вы об этом скажете?

Шпеер: Этот протокол датирован 3 марта 1944. С января по май 1944 я был серьезно болен, и обсуждение состоялось без меня. Сотрудник из моего штата был ответственным за эту дискуссию – человек который пользовался необычайно

[352] Герман Рёхлинг (1872-1955) – немецкий промышленник. Во время второй мировой войны занимал ряд ответственных экономических постов в Германии. Французским судом был приговорен к 10 годам лишения свободы. В 1951 освобожден условно досрочно.

высоким доверием Гитлера. В любом случае, предложение не было реализовано.

Флекснер: Господин Шпеер, вы присутствовали на заседании от 30 мая, на котором обсуждался вопрос о том, как создать ведомство генерального уполномоченного по распределению рабочей силы. Вы коротко прокомментируете данное положение?

Шпеер: Я должен сказать, что я хотел делегировать рассмотрение всех проблем распределения рабочей силы связанных с моим военным производством. Моя главная забота при распределении рабочей силы, в начале моей работы заключалась в гауляйтерах, которые проводили политику партикуляризма[353] гау. Неполитические ведомства министерства труда не могли действовать против гауляйтеров, и результатом было то, что рабочая сила внутри Германии была заморожена. Я предложил Гитлеру, что он должен назначить на этот пост гауляйтера, которого я знал по этому посту,– человека по имени Ханке[354]. Геринг, кстати, уже подтвердил это. Гитлер согласился. Два дня спустя, Борман внёс предложение о том, чтобы был выбран Заукель. Я хорошо не знал Заукеля, но был совершенно готов принять выбор. Вполне возможно, что Заукель, ничего не знал про это дело, что он признал – так как он был вправе на это – что его выбрали по моему предложению.

Ведомство генерального уполномоченного по распределению рабочей силы – было создано следующим образом:

Ламмерс заявил о том, что он не мог выдать особое полномочие для части распределения рабочей силы, так как это было бы сомнительной процедурой с административной точки зрения, и по этой причине весь вопрос рабочей силы нужно было передать в руки уполномоченного. Сначала они предусматривали указ фюрера. Геринг протестовал на том основании, что это была его задача в рамках четырёхлетнего плана. Поэтому был, достигнут компромисс, в соответствии с которым Заукель должен был быть генеральным уполномоченным в рамках четырёхлетнего плана, хотя он был назначен Гитлером.

Это было уникальное учреждение при четырёхлетнем плане. Тем самым Заукель в свою очередь подчинялся Гитлеру, и он всегда так смотрел на это.

Флекснер: Вы слышали, что Заукель давая свои показания 30 мая, сказал, что Геринг принимал участия в заседаниях центральной плановой комиссии. Это правда?

Шпеер: Нет, никоим образом не правильно. Я бы не имел от него никакой пользы, так как, в конце концов, мы должны были проводить практическую работу.

Флекснер: Обвинение предъявило заявление Заукеля датированное 8 октября 1945, согласно которому приготовления для функционирования его делегатов на оккупированных территориях предположительно проводили вы? Это правда?

---

[353] Партикуляризм (от лат. particula «небольшая часть» ← particularis «частичный») — стремление к частным моментам, обособлению. В русском языке данный термин наиболее широко используется в политике и обозначает преследование отдельными частями государства личных интересов, в ущерб интересам общегосударственным.

[354] Карл Ханке (1903 – 1945) - государственный и партийный деятель Германии, обергруппенфюрер СС (30 января 1944), последний рейхсфюрер СС (1945). Пропал без вести.

Шпеер: Нет. В 1941 я ещё не имел никакого отношения к вооружению и даже позднее, во время периода деятельности Заукеля, я не назначал этих делегатов и не сильно способствовал их деятельности. Это была его компетенция.
Флекснер: Французское обвинение цитировало из протокола предварительного допроса Заукеля от 27 сентября 1945. Согласно протоколу вы отдали специальный приказ о перевозке поездов с иностранными рабочими.
Шпеер: Мне кажется было бы практичнее одновременно разобраться со всеми заявлениями Заукеля про меня, это сэкономит время.
Флекснер: Пожалуйста, начинайте.
Шпеер: Подготовку транспортных поездов проводил Заукель и его штат. Возможно, что воздушные налёты или внезапное изменение производственной программы заставляли моё ведомство просить перенаправлять транспортные поезда, но ответственность за это всегда лежала на генеральном уполномоченном по распределению рабочей силы.

Заукель также дал здесь показания о том, что после Сталинграда, Геббельс и я начали «усилия тотальной войны». Но в такой форме это неправильно. Сталинград был в январе 1943, а Геббельс начал свои «усилия тотальной войны» в августе 1944. После Сталинграда в Германии должна была быть реализована большая программа реорганизации для того, чтобы высвободить немецкую рабочую силу. Лично я был одним из тех кто это потребовал. Однако ни Геббельс ни я не смогли осуществить этот план. Был сформирован комитет трёх, Ламмерс, Кейтель и Борман, но ввиду недостатка у них технических знаний они не смогли выполнить свою задачу.

Далее, Заукелем в своих показаниях упоминалось моё управление распределения рабочей силы. Это работало так: каждая крупная фабрика и каждый работодатель рабочей силы имел отдел по распределению рабочей силы, который естественно подчинялся мне. Ни один из этих отделов, однако, ни в малейшей степени не ущемлял задачи Заукеля. Сфера их деятельности была не очень велика, о чем свидетельствует тот факт, что каждый из них был одним из 50 или 60 отделов, подчиненных моему ведомству. Если бы я придавал этому большое значение, это был бы один из шести или восьми моих филиалов.

Заукель далее упоминал дискуссии штабляйтеров, которые проходили в его ведомстве. Представитель моего управления распределения рабочей силы для армейского и военно-морского вооружения и по строительству посещал эти совещания. На этих заседаниях, которые посещали примерно 15 человек, которые нуждались в рабочей силе, вопрос приоритетов разрешали на основе информации Заукеля о состоянии экономики в целом. Это на самом деле были функции, ошибочно здесь приписываемые центральной плановой комиссии.

Дополнительно утверждалось, что я способствовал перевозке иностранных рабочих в Германию в апреле 1942, и что я был ответственным за то, что

иностранных рабочих вообще доставляли в Германию. Однако, это неправда. Я не нуждался в использовании какого-либо влияния на Заукеля, чтобы добиться этого. В любом случае, это очевидно из находящегося у меня документа– протокола совещания фюрера от 3 мая 1942 – о том, что введение обязательного труда в западном регионе одобрено фюрером по предложению Заукеля.

Дальше я могу процитировать речь, которую я произнёс 18 апреля 1942, показывающую, что в тот период я всё ещё считал, что германская строительная промышленность, которая использовала приблизительно 1,8 миллиона рабочих должна была прекратить деятельность, чтобы направить необходимую рабочую силу в производство вооружений. Эта речь, которую я произнёс своему штату, в которой я объяснял свои принципы, а также обсуждал вопрос рабочей силы, не содержит никакого упоминания планирования призыва иностранное рабочей силы. Будь я активным инициатором этих планов, я бы конечно упомянул тему в этой речи.

Наконец, в связи с показаниями Заукеля, я должен поправить предъявленный здесь организационный план. Неправильно то, что отдельные сектора перечисленные в нём квалифицированы в подчинении отдельных министерств. На самом деле, эти сектора работодателей квалифицировались при разных отраслях экономики. Они соответствовали только там где шла речь о моём министерстве и министерстве авиации.

Также неправильно говорить, что строительная промышленность было представлена в министерстве экономики. Она находилась в моей компетенции. С 1943, химические и горные производства, которые оба приводятся в подчинении министерства экономики находились в моей компетенции. По моим сведениям, эти отрасли представляли уполномоченные в четырёхлетнем плане ещё до сентября 1943, и заявляли о своих требованиях напрямую Заукелю независимо от министра экономики.

Этот план дальше неправильно говорит, что требования этих рабочих от отдельных работодателей шли напрямую к Гитлеру. Гитлеру было бы невозможно разрешать эти споры между 15 работодателями. Как я уже сказал, последние посещали совещания штабляйтеров на которых председательствовал Заукель.

Флекснер: Господин Шпеер, что вы сделали со своими документами в конце войны?

Шпеер: Я чувствовал обязанность сохранить свои документы для того, чтобы можно было предпринять необходимые переходные меры во время восстановления. Я отказался позволить даже разбирать эти документы. Их полностью передали союзническим властям здесь в Нюрнберге, где у меня была часть архива. Я передал их, когда всё ещё находился на свободе во фленсбургской зоне. Таким образом, обвинение владеет всеми моими документами в количестве нескольких тысяч, а также всеми публичными речами, речами к гауляйтерам и другими речами

рассматривающими вооружения и промышленность, почти 4000 решений фюрера, 5000 страниц стенографических записей центральной плановой комиссии, меморандумы, и тому подобное. Я упоминаю это только потому, что эти документы решительно показывают в какой степени моя задача была технической и с какой экономической.

Флекснер: В своих документах, насколько вы помните, вы когда-нибудь делали заявления об идеологии, антисемитизме, и т.д.?

Шпеер: Нет; я никогда не делал никаких подобных заявлений ни в речах ни в меморандумах. Я полагаю, что в противном случае обвинение смогло бы представить нечто такое.

Флекснер: Господин Шпеер, вы также фигурировали как министр вооружений в списке членов нового правительства составленном людьми ответственными за путч 20 июля. Вы принимали участие в покушении 20 июля?

Шпеер: Я не принимал участие и не был информирован о нём заранее. Тогда я был против убийства Гитлера.

Флекснер: Господин председатель, данное положение упоминается в опросных листах свидетельницы Кепмф в пункте 9, и свидетелем Шталь в пункте 1.

[*Обращаясь к подсудимому*] В чём заключалась причина почему вы, как единственный министр национал-социалистического режима, оказались в списке оппозиции?

Шпеер: В тот период я работал во взаимодействии с экспертами армии из генерального штаба и командующим войсками внутренней обороны. Оба штаба были ядром покушения 20 июля. У меня были в особенности тесные отношения с генерал-полковником Фроммом, начальником войск внутренней обороны, а также с генерал-полковником Цейтцлером, начальником генерального штаба армии. После 20 июля Фромм был повешен, а Цейтцлер уволен из армии. Тесный контакт возник возник в результате такого сотрудничества, и эти круги признавали мои технические достижения. Тогда я полагал, что в этом заключалось то почему они хотели оставить меня.

Флекснер: Значит, политические причины не играли никакой роли в связи с этим?

Шпеер: Разумеется, не прямо. Я был известен тем, что долгое время я категорически публично выступал о злоупотреблениях которые происходили в непосредственном окружении Гитлера. Как я выяснил позднее, я разделял мнения людей 20 июля по многим принципиальным положениям.

Флекснер: Какими были ваши отношения с Гитлером по поводу вашей работы?

Шпеер: Мой самый близкий контакт с ним, как архитектора, наверное был в течение периода с 1937 по сентябрь 1939, после этого, отношения больше не были столь близкими из-за обстоятельств войны. После моего назначения преемником Тодта снова установились близкие, но гораздо более официальные рабочие взаимоотношения. Ввиду тяжёлых требований, возложенных на меня работой с

вооружениями, я имел самую небольшую возможность ездить в ставку. Я посещал ставку фюрера примерно раз в 2 или 3 недели. Моя четырехмесячная болезнь весной 1944 вскрыла много людей заинтересованных в ослаблении моего положения и после 20 июля тот факт, что я был запланирован в министерство, несомненно произвёл шок на Гитлера – факт, который Борман и Геббельс использовали, чтобы начать открытую борьбы против меня. Подробности показаны в письме которое я направил Гитлеру 20 декабря 1944 и которое предъявлено как документ.

Флекснер: Вы могли вести с Гитлером политические дискуссии?

Шпеер: Нет, он относился ко мне как к чисто техническому министру. Попытки обсудить политические или личные проблемы всегда не удавались из-за того, что он был неприступен. С 1944, он настолько противился общим дискуссиям и дискуссиям о военной обстановке, что я излагал свои идеи в форме меморандума и вручал их ему. Гитлер знал, как ограничить любого человека своей специальностью. Поэтому он сам был координирующим фактором. Это было далеко за пределами его силы и его знаний. Единообразное политическое руководство вследствие этого отсутствовало, как и экспертное военное ведомство принимавшее решения.

Флекснер: Тогда, как технический министр, вы желаете ограничить свою ответственность, своей областью работы?

Шпеер: Нет, здесь я бы хотел сказать кое-что фундаментально значимое. Эта война принесла немецкому народу непостижимую катастрофу, и на самом деле начала всемирную катастрофу. Поэтому мой бесспорный долг признать свою часть ответственности за эту катастрофу перед немецким народом. Это ещё больше моя обязанность, ещё больше моя ответственность, поскольку глава правительства избежал ответственности перед немецким народом и перед миром. Поэтому я, как важный член руководства Рейха, несу общую ответственность, начиная с 1942. Я выскажу свои аргументы в связи с этим в своих заключительных ремарках.

Флекснер: Вы принимаете ответственность за дела, охватывающие обширную область своих задач?

Шпеер: Конечно, насколько это возможно согласно общепринятым принципам и постольку поскольку деяния соответствовали моим указаниям.

Флекснер: В связи с этим вы желаете сослаться на указы фюрера?

Шпеер: Нет. Постольку поскольку Гитлер отдавал мне приказы, и я исполнял их, я принимаю за них ответственность. Конечно, я не исполнял все приказы, которые он отдавал мне.

Флекснер: Господин председатель, теперь я перехожу ко второй части моих доказательств по делу подсудимого. Такая презентация не направлена на то, чтобы оправдать подсудимого по этим обвинениям, предъявленным Шпееру, которая применяется к его фактической области деятельности.

Эта часть сама по себе касается скорее обвинений предъявленных подсудимому как члену так называемого совместного заговора. Эта вторая часть

относительно короткая и я полагаю, что смогу завершить всю презентацию доказательств за час.

В этой теме речь пойдет о деятельности Шпеера по предотвращению разрушительных планов Гитлера в Германии и в оккупированных странах и мер, которые он предпринимал и попыток сделанных им, чтобы сократить войну, которую он считал уже проигранной.

Я полагаю, что высокий трибунал согласиться с моей презентацией.

Господин Шпеер, до какого времени вы посвящали все свои силы, чтобы получать самое сильное вооружение и таким образом продолжать войну?

Шпеер: До середины января 1945.

Флекснер: Война не была проиграна до этого?

Шпеер: С военной точки зрения, и что касалось общей обстановки, она разумеется была проиграна до этого. Однако трудно считать войну проигранной и делать окончательные выводы в отношении своей личности, если перед нами стоит безоговорочная капитуляция.

Флекснер: Соображения о производственной ситуации, о которой вы были в состоянии иметь полную картину, не вынуждали вас относится к войне как проигранной задолго до этого?

Шпеер: С точки зрения вооружений не до осени 1944, так как до этого времени я мог, несмотря на бомбовые атаки, поддерживать постоянный рост производства. Если можно выразить это цифрами, он был таким высоким, что в 1944 году я смог полностью оснастить 130 пехотных дивизий и 40 танковых дивизий. Это включало новое снаряжение для 2 миллионов человек. Эта цифра была бы на 30 процентов выше не будь бомбовых атак. Мы достигли пика нашего производства за всю войну в августе 1944 по боеприпасам; в сентябре 1944 по самолётам; и в декабре 1944 по артиллерии и новым подводным лодкам. Новые вооружения должны были применить несколькими месяцами позже, возможно в феврале или марте 1945. Я могу назвать только реактивные самолеты, о которых уже объявили в прессе, новые подводные лодки, новые противовоздушные средства, и т.д. Однако и здесь бомбовые атаки так застопорили массовое производство этих новых вооружений – которые на последнем этапе войны могли изменить ситуацию – что их уже нельзя было применить в больших количествах. Однако, все эти попытки оказались бесплодными, поскольку с 12 мая 1944 наши топливные заводы стали целями концентрированных воздушных атак.

Это было катастрофой. Мы потеряли с этого времени 90 процентов топлива. Успех этих атак означал проигрыш в войне, что касалось производства ибо наши новые танки и реактивные самолёты были бесполезными без топлива.

Флекснер: Вы говорили Гитлеру о воздействии на производство бомбовых атак?

Шпеер: Да, я говорил ему об этом очень подробно и устно и письменно. Между июнем и декабрём 1944 я направил ему 12 меморандумов, все с катастрофическими

новостями.

Флекснер: Господин председатель, в связи с этим я бы хотел предъявить трибуналу документ, меморандум Шпеера от 30 июня 1944. Он воспроизведён на странице 56 английской документальной книги и будет экземпляром номер 14. Я бы хотел процитировать из него. Шпеер пишет Гитлеру:

> «Но в сентябре этого года количество, требуемое для покрытия самых срочных нужд Вермахта больше невозможно будет обеспечить, что означает с этого времени будет дефицит который не принесёт пользы и который обязательно приведёт к трагическим последствиям».

Шпеер информировал Гитлера в ещё одном меморандуме, датированном 30 августа 1944 о ситуации в химической промышленности и топливной промышленности. Это страница 62 английского текста, экземпляр номер 15. Я цитирую лишь одну фразу:

> «…таким образом, эта нехватка важных категорий материалов необходимых для ведения современной войны».

Господин Шпеер, как получилось, что вы и остальные сотрудники Гитлера, несмотря на осознание ситуации, всё же пытались сделать всё возможное, чтобы продолжать войну?

Шпеер: На этом этапе войны Гитлер всех нас обманывал. С лета 1944 он распространял через посла Хевеля[355] из министерства иностранных дел, чёткие заявления о том, что начались беседы с зарубежными державами. Генерал-полковник Йодль подтвердил мне это здесь в суде. Таким образом, например, тот факт, что японский посол нанёс Гитлеру несколько визитов интерпретировали как означавший, что через Японию мы ведём беседы с Москвой; или же, о посланнике Нойбахере который был здесь в качестве свидетеля, сообщали как инициаторе бесед на Балканах с Соединенными Штатами; или же, бывший советский посол в Берлине предположительно находится в Стокгольме с целью начала бесед.

Таким образом, он взращивал надежды, что как Япония, мы начнём переговоры в этой безнадёжной ситуации, для того, чтобы спасти народ от самых худших последствий. Однако, делая это, было необходимо насколько возможно рассеивать сопротивление. Он обманывал всех нас, внушая военному руководству ложные надежды на успех дипломатических шагов и обещая политическому руководству новые победы в результате использования новых войск и новых вооружений и систематически распространяя слухи, чтобы побудить народ поверить в чудо-оружие – все для цели сдержать сопротивление. Я могу подтвердить, что в течение этого периода я делал постоянную ссылку на мои речи и мои письма, которые я писал Гитлеру и Геббельсу, о том насколько нечестной и

---

[355] Вальтер Хевель (1904 — 1945) — немецкий дипломат во время Второй мировой войны и в межвоенный период, активный член НСДАП. Представитель МИД Германии в ставке Гитлера. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

катастрофической я считал политику обмана народа обещаниями чудо-оружия.

Флекснер: Господин Шпеер, были отданы приказы об уничтожении промышленности в Бельгии, Голландии и Франции?

Шпеер: Да. На случай оккупации союзниками, Гитлер приказал о далеко идущей системе уничтожения военной промышленности во всех этих странах, согласно запланированным приготовлениям, должны были уничтожать угольные и минеральные шахты, электростанции, и промышленные предприятия.

Флекснер: Вы предпринимали какие-либо шаги, чтобы предотвратить исполнение этих приказов?

Шпеер: Да.

Флекснер: И вы предотвратили их?

Шпеер: Командующий Западом был ответственным за исполнение этих приказов, поскольку они касались его оперативного района. Но я проинформировал его о том, что касалось меня это разрушение не имело никакого смысла и цели, и что я как министр вооружений, не считал необходимым это уничтожение. Таким образом никакого приказа уничтожать эти вещи не отдали. Конечно, этим я делал себя ответственным перед Гитлером за тот, что никаких разрушений не произошло.

Флекснер: Когда это было?

Шпеер: В начале июля 1944.

Флекснер: Как вы смогли обосновать свою позицию?

Шпеер: Все военные руководителя которых я знал, тогда говорили, что война придет к концу в октябре или ноябре, поскольку вторжение было успешным.

Я сам считал точно также, в виду ситуации с топливом. Это можно чётко видеть из меморандума, который я направил Гитлеру 30 августа, в котором я сказал ему, что в виду такого развития событий в ситуации с топливом никакие оперативные действия войск будут невозможными в октябре или ноябре. Тот факт, что война продлилась дольше можно приписать только остановке вражеского наступления в 1944. Это позволило ужать наше потребление топлива и передать Западному фронту новые запасы танков и боеприпасов. В таких обстоятельствах я полностью готов принять ответственность за оставление противнику производств в западных странах в целом состоянии, так как он бы не смог воспользоваться ими как минимум 9 месяцев, с учётом разрушенной транспортной системы. Этот меморандум совпадает с защитой безработных рабочих на заблокированных фабриках – вопрос, который я рассматривал этим утром.

Флекснер: Гитлер санкционировал эти меры?

Шпеер: Он не мог санкционировать эти меры, так как он ничего об этом не знал. Это был период такой лихорадочной активности в штаб-квартирах, что ему в голову не приходило проверять меры по уничтожению. Позднее, в январе 1945, во французской прессе появились доклады об ускоренном восстановлении этих неуничтоженных производств. Конечно, тогда мне предъявляли серьезные

обвинения.

Флекснер: Французское обвинение предъявило документ RF-132. Это доклад полевого офицера по экономике приданного командующему Вермахтом в Нидерландах. Согласно этому докладу распоряжение командующего Западом всё ещё существовало в сентябре 1944. Как сказано, мероприятия по разрушению должны были предпринимать только в прибрежных городах и нигде больше, и полевой офицер по экономике в Нидерландах заявил, как можно видеть из документа, что приказ изданный командующим Западом устарел и, что поэтому он сам распорядился о том, чтобы производства в Голландии должны были уничтожить. Как такое было возможно, и что вы делали в связи с этим?

Шпеер: Фактически, некоторые сверхусердные нижестоящие чиновники приводили к игнорированию основных распоряжений не уничтожать на Западе. Наша система сообщений для приказов была сильно повреждена в результате бомбовых атак. Зейсс-Инкварт обратил моё внимание на тот факт, что уничтожение должно было происходить в Голландии. Он уже дал показания о том, что я разрешил ему не предпринимать мер по уничтожению. Это было в сентябре 1944. Дополнительно, для того, чтобы предотвратить подобное уничтожение, 5 сентября 1944, действуя без разрешения, я приказал управляющим угольных и железных производств, и начальнику гражданской администрации в Люксембурге предотвратить уничтожение рудных шахт в минита, угольных шахт в Сааре, и угольных шахтах Бельгии и Голландии, и т.д. В виду безнадежной военной обстановки того времени, я, как лицо ответственное за снабжение электричеством, продолжал давать ток не предприятия на другой стороне фронта для того, чтобы насосные станции в угольных шахтах не остановили работу, потому что если бы эти насосные станции остановились, шахты были бы затоплены.

Флекснер: В связи с этим, я предъявляю копию письма от Шпеера гауляйтеру Симону[356] в Кобленце. Это экземпляр номер Шпеер-16, страница 57 английского текста в моей документальной книге.

Господин Шпеер, в отношении других оккупированных стран кроме Франции, Бельгии и Голландии, вы использовали своё влияние, чтобы предотвратить уничтожение?

Шпеер: С августа 1944 в промышленных сооружениях Генерал-губернаторства, рудных шахтах на Балканах, производствах никеля в Финляндии; с сентября 1944 в промышленных сооружениях верхней Италии; начиная с февраля 1945, в нефтяных промыслах Венгрии и промышленности Чехословакии. Я бы хотел подчеркнуть в связи с этим, что меня очень сильно поддерживал генерал-полковник Йодль, который спокойно терпел такую политику неуничтожения.

Флекснер: В чем заключались намерения Гитлера по сохранению промышленности

[356] Густав Симон (1900-1945) – нацистский политик. Гауляйтер Мозеля в 1940-1944. Начальник гражданской администрации в Люксембурге. Покончил жизнь самоубийством после ареста британскими войсками.

и средств к существованию немецкого населения в начале сентября 1944, когда войска противника приближались к границам великогерманского Рейха со всех сторон?

Шпеер: Он абсолютно не имел никакого намерения сохранять промышленность. Напротив, он приказал об особенном применении политики «выжженной земли» в Германии. Это означало безжалостное уничтожение всего движимого и недвижимого имущества при приближении противника. Эту политику поддерживали Борман, Лей и Геббельс, в то время как различные рода войск Вермахта и компетентные министерства возражали этому.

Флекснер: Поскольку эти усилия Шпеера предотвращать применение разрушительных мер, которые значительно интенсифицировались, также применялись к районам считавшимся частью Германского Рейха, таким как польская Верхняя Силезия, Эльзас-Лотарингия, Австрия, Протекторат Богемия и Моравия, я бы хотел, чтобы эту тему признали частью моих доказательств.

Господин Шпеер, командующие армиями в обширном немецком районе который я только что обозначил, имели исполнительную власть, чтобы выполнять приказы по уничтожению?

Шпеер: Нет. Что касалось промышленности, эта исполнительная власть лежала на мне. Мосты, шлюзы, железнодорожные сооружения, и т.д., были делом Вермахта.

Флекснер: В своих мерах по защите промышленности вы делали разницу между территорией так называемого Альтрейха и теми районами которые прибавились после 1933?

Шпеер: Нет. Промышленный район Верхней Силезии, оставшиеся округа Польши, Богемию и Моравию, Эльзас-Лотарингию и Австрия, конечно, защищали от уничтожения также как в немецких районах. Я предпринял необходимые приготовления личными указаниями на месте – в частности на восточных территориях.

Флекснер: Какие шаги вы предпринимали против политики выжженной земли?

Шпеер: Я вернулся из поездки на Западный фронт 14 сентября 1944 и узнал, что меня ожидает указ о том, что всё нужно было безжалостно уничтожать. Я сразу издал контрраспоряжение официально приказывавшее о том, что нужно было щадить все промышленные сооружения. Тогда меня очень сильно беспокоил тот факт, что в безнадёжной военной ситуации в Германии теперь должны были уничтожать производства.

Флекснер: Я бы хотел предъявить в связи с этим документ, распоряжение Шпеера датированное 14 сентября 1944 о защите производств. Это на странице 58 английского текста моей документальной книги.

Господин Шпеер, вы смогли добиться выполнения этого приказа?

Шпеер: Политика выжженной земли была в тот момент официально объявлена в «Volkischer Beobachter» в официальной статье шефа прессы Рейха, поэтому я

совершенно ясно понял, что моё контрраспоряжение не сможет действовать длительное время. В связи с этим я воспользовался методом, который вероятно типичное средство используемое в ближнем круге Гитлера. Для того, чтобы отговорить его от политики выжженной земли, я воспользовался верой которую он внушал во всех своих сотрудников о том, что потерянные территория будут снова захвачены Я заставил его выбирать из двух ситуаций: во-первых, если бы эти промышленные районы были потеряны, мой потенциал в вооружениях рухнул бы если бы их снова не захватили; и во-вторых, если бы их снова захватили они бы представляли ценность только если бы не были уничтожены.

Флекснер: Затем вы адресовали письмо Борману.

Господин председатель, я бы хотел предъявить это письмо как экземпляр номер 18, страница 59 английского текста документальной книги. Это телетайп…

Шпеер: Думаю мы можем опустить цитату.

Флекснер: Да. Вы направили это сообщение телетайпом прежде чем обсудили содержание с Гитлером?

Шпеер: Да. Я бы хотел суммировать…

Председатель: Не дадите ли вы французскую страницу, чтобы французские члены могли найти это?

Флекснер: Это страница 56 французского текста документальной книги.

Шпеер: Гитлер одобрил текст, который я ему предложил, в котором я дал ему альтернативу либо считать войну проигранной или оставлять районы целыми. В любом случае опасности пока не было, поскольку фронты оставались стабильными. Гитлер в частности настаивал на уничтожении шахт минитной руды во Франции, но и в этом случае я смог добиться успеха как можно видеть из документа, предотвратив уничтожение этих шахт – снова эксплуатируя надежды Гитлера на успешную контратаку.

Флекснер: Господин председатель, документ на который сейчас сослался подсудимый это отрывок из указа фюрера от 18 и 20 августа 1944; и я предъявляю его как экземпляр номер Шпеер-19. Он воспроизведен в дополнении к моей документальной книге, страница 101.

Господин Шпеер, как возник этот приказ?

Шпеер: Я уже рассказал вам.

Флекснер: Термин «паралич» часто появляется в вашем документе в связи с промышленными сооружениями, и т.д. Вы расскажите трибуналу, что вы имели в виду, используя такой термин?

Шпеер: Я могу лишь коротко сказать, что это касается вывоза особых запасных частей, что временно выводило завод из строя, но эти запасные части не уничтожали, их просто скрывали.

Флекснер: Несколько минут назад вы подчеркнули, что до января 1945 вы пытались достичь самой высокой степени вооружений. В чём заключались причины

отказаться от этой идеи после января 1945?

Шпеер: С января 1945 начинается очень неприятная глава: последняя стадия войны и осознание того, что Гитлер отождествил судьбу немецкого народа и свою собственную, и с марта 1945, понимание того, что Гитлер намеревался умышленно уничтожить жизненные средства собственного народа, если бы война была проиграна. У меня нет никакого намерения использовать свои действия в течение этого этапа войны, чтобы помочь моей личной защите, но это дело чести которое следует защищать, и по этой причине я хотел бы коротко рассказать вам об этом периоде времени.

Флекснер: Господин Шпеер, какой была производственная ситуация в разных областях деятельности находившихся в рамках вашей компетенции в конце января 1945?

Шпеер: Производство топлива было совершенно неадекватным после начала атак на топливные заводы в мае 1944, и потом ситуация не улучшилась. Бомбардировка наших транспортных центров уничтожила рурский район как источник сырья для Германии уже в ноябре 1944, и с успешным советским наступлением на угольные районы Верхней Силезии, большая часть нашего снабжения углём из этого района была отрезана с середины января 1945.

Таким образом, мы могли точно просчитать, когда экономика должна рухнуть, мы дошли до точки, когда даже если бы противник полностью прекратил операции, война была бы вскоре проиграна, поскольку Рейх, из-за нехватки угля, находился на краю экономического краха.

Флекснер: В связи с этим я предъявляю меморандум, который Гитлер получил от Шпеера 11 декабря 1944, как экземпляр Шпеер-20. Господин председатель, вы найдёте отрывок на странице 64 английской документальной книги, страница 61 немецкой и французских книг. Он говорит, и я цитирую:

> «В виду общей структуры экономики Рейха, очевидно, что утрата рейн-вестфальского промышленного района в долгосрочной перспективе разрушительно скажется на всей немецкой экономики и дальнейшем успешном ведении войны. Это фактически будет означать полную утрату территорию Рура для германской экономики, за исключением продукции производимой полностью на местах в рамках сектора… Излишне обсуждать последствия, которые будут итогом лишения территории Рура для всего Германского Рейха…»

15 декабря 1944, в связи с наступлением в Арденнах, которое тогда было неминуемо, Шпеер подробно указывал Гитлеру последствия, которые повлечёт возможная утрата Верхней Силезии.

В связи с этим я предъявляю меморандум Шпеера – страница 102 дополнительного тома моей документальной книги в английском тексте и такая же страница французского текста. Это отрывок из меморандума адресованного

начальнику генерального штаба армии, датированного 15 декабря 1944, экземпляр номер 21.

Шпеер: Этот меморандум тоже был адресован Гитлеру.

Флекснер: Не требуется цитировать из этого меморандума. Он отмечает, что возможная утрата Верхней Силезии, сделает борьбу невозможной уже спустя несколько недель, и что Вермахт никак нельзя будет обеспечить вооружениями. Большую часть Верхней Силезии на самом деле вскоре потеряли. 30 января 1945, Шпеер снова направил Гитлеру меморандум – страница 67 английского текста документальной книги, страница 64 во французском тексте. Я предъявляю документ как экземпляр номер 22, и я процитирую только следующее:

> «После утраты Верхней Силезии, германское производство вооружений больше не в состоянии покрывать даже часть потребностей фронта в боеприпасах, вооружениях и танках, потери на фронте, и снаряжение необходимое для новых подразделений».
>
> С помощью особого акцента, дальше есть фраза – и я цитирую:
>
> «Таким образом, превосходство противника в материальной части больше не может быть компенсировано даже храбростью наших солдат».

Господин Шпеер, что вы имели в виду последней фразой, которую я процитировал?

Шпеер: Тогда Гитлер выпустил лозунг о том, что при обороне отечества солдатская храбрость сильно возрастёт, и что наоборот союзнические войска после освобождения оккупированных территорий, будут иметь меньше воли воевать. Это также был основной аргумент задействованным Геббельса и Бормана, чтобы обосновать использование всех средств интенсификации войны.

Флекснер: Господин Шпеер, другие источники рекомендовали Гитлеру тоже, что и вы?

Шпеер: В связи с этим я рассмотрю вместе несколько пунктов. Гудериан, начальник штаба армии тогда явился к Риббентропу, чтобы сказать ему о том, что война проиграна. Риббентроп доложил об этом Гитлеру. Гитлер потом в начале февраля сказал Гудериану и мне, что пессимистические заявления характера подобного моему меморандуму или шаги предпринятые мной в отношении рейхсминистра иностранных дел в будущем будут считать государственной изменой и наказывать соответственно. Дополнительно, несколько дней спустя, на совещании по обстановке, он запретил другим своим близким сотрудникам делать какие-нибудь заявления о безнадёжности ситуации. Любой кто не подчинится был бы расстрелян независимо от положения или ранга и его семья была бы арестована.

Заявления которые Гудериан и я сделали Гитлеру о безнадёжности военной обстановке произвели эффект прямо противоположный тому, который мы

желали. Уже в феврале, за несколько дней до начала Ялтинской конференции[357], Гитлер послал за своим экспертом по прессе и дал ему в моём присутствии указания объявить в самых бескомпромиссных терминах и во всей германской прессе о намерении Германии никогда не капитулировать. Одновременно он заявил о том, что он делает это, для того, немецкий народ не должен принимать никакое предложение от противника. Слова должны были быть такими сильными, чтобы государственные деятели противника потеряли всякое желание посеять раздор между ним немецким народом.

Одновременно Гитлер снова провозгласил немецкому народу лозунг «Победа или уничтожение». Все эти события имели место в то время, когда ему и любому умному члену его окружения должно было быть ясно, что единственное, что может случиться это уничтожение.

Уже на встрече с гауляйтерами летом 1944, Гитлер сказал – и Ширах мой свидетель в этом – что если немецкий народ должен будет потерпеть поражение в борьбе то значит он слишком слаб, он не смог доказать своё место в истории и подлежит уничтожению. Теперь, в безнадёжной ситуации существовавшей в январе и феврале 1945, Гитлер сделал замечания, которые показывали, что эти более ранние заявления не просто образец риторики. В течение этого периода в возрастающей степени, он приписывал исход войны провалу немецкого народа, но никогда не винил себя. Он сурово критиковал этот якобы провал нашего народа, который принес столь много жертв на этой войне.

Флекснер: Генерал-полковник Йодль уже дал суду показания о том, что и Гитлер и его сотрудники совершенно ясно видели безнадёжность военной и экономической обстановки. Никто из каких-нибудь ближайших советников Гитлера не предпринял никакую совместную акцию в такой безнадёжной ситуации, чтобы потребовать прекращения войны?

Шпеер: Нет. В окружении Гитлера никто такую совместную акцию не предпринял. Такой шаг был совершенно невозможен, так как эти люди считали себя либо чисто специалистами или же людьми, чья работа заключалась в том, чтобы получать приказы – или же они самоустранились от ситуации. Никто не брал на себя лидерство в этой ситуации для того, чтобы хотя бы начать с Гитлером дискуссию о возможности избежать дальнейших жертв.

С другой стороны была влиятельная группа, которая пыталась, всеми имевшимися средствами, интенсифицировать борьбу. Эта группа состояла из Геббельса, Бормана и Лея, и как мы говорили, Фегелейна[358] и Бургдорфа[359]. Эта

---

[357] Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав 4—11 февраля 1945 года — вторая по счёту многосторонняя встреча лидеров трёх стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — во время Второй мировой войны, посвящённая установлению послевоенного мирового порядка.

[358] Герман Фегелейн (1906 — 1945) — немецкий военный деятель, группенфюрер и генерал-лейтенант войск СС (1944), зять Евы Браун. Расстрелян в последние дни войны по приказу Адольфа Гитлера.

[359] Вильгельм Бургдорф (1895 — 1945) — немецкий офицер, генерал пехоты. В октябре 1944-апреле 1945 главный адъютант Гитлера. Покончил жизнь самоубийством в ходе битвы за Берлин.

группа также стояла за шагом убедить Гитлера в выходе из Женевской конвенции. В начале февраля доктор Геббельс вручил Гитлеру очень резкий меморандум, требующий наш выход из Женевской конвенции. Гитлер уже согласился с этим предложением, так как Науман[360], который был государственным секретарём при Геббельсе, говорил мне. Данный шаг означал, что борьба бы велась всеми доступными средствами и безотносительно к международным соглашениям. Это было смыслом меморандума адресованным Геббельсом Гитлеру.

Нужно сказать, что такое намерение Гитлера и Геббельса не удалось из-за единодушного сопротивления оказанного военным руководством, как мне позже сказал Науман.

Флекснер: Господин Шпеер, свидетель Шталь сказал в своём письменном опросном листе, что примерно в середине февраля 1945 вы потребовали от него обеспечить новый отравляющий газ для того, чтобы убить Гитлера, Бормана и Геббельса. Почему вы намеревались сделать это тогда?

Шпеер: Я подумал, что нет другого выхода. В отчаянии я хотел предпринять этот шаг, так как начиная с февраля мне стало очевидно, что Гитлер намерен продолжать войну любой ценой, безжалостно и не принимая во внимание немецкий народ. Мне было очевидно, что в проигрыше войны он путал собственную судьбу с судьбой немецкого народа. Было очевидно, что война проиграна настолько, что нужно было принимать даже безоговорочную капитуляцию.

Флекснер: Вы думали осуществить это убийство лично, и почему ваш план не был реализован?

Шпеер: Я не желаю давать здесь показания о деталях. Я мог сделать это только лично, потому что с 20 июля только ограниченный круг имел доступ к Гитлер. Я столкнулся с различными техническими сложностями.

Председатель: Трибунал хочет заслушать подробности, но заслушает их после перерыва.

[*Объявлен перерыв*]

Флекснер: Господин Шпеер, вы расскажите трибуналу об обстоятельствах помешавших вам в вашем предприятии?

Шпеер: Я совершенно не готов описывать подробности, потому что всегда есть, что-то отвратительное в таких вопросах. Я делаю это только из-за пожелания трибунала.

Флекснер: Пожалуйста, продолжайте.

Шпеер: В те дни Гитлер, после совещания о военной обстановке, часто беседовал в своём бункере с Леем, Геббельсом и Борманом, которые были особенно близки ему,

[360] Вернер Науман (1909 —1982) — государственный деятель Германии, журналист, бригадефюрер СС. В 1944-1945 государственный секретарь, с 3 по 23 мая 1945 рейхсминистр народного просвещения и пропаганады Германии.

потому что они поддерживали и оказывали помощь его радикальному курсу. После 20 июля даже ближайшим соратникам Гитлера нельзя было входить в бункер без обыска их карманов и чемоданов СС на предмет взрывчатки. Как архитектор я близко знал этот бункер. Он имел установку кондиционирования воздуха, похожую на установленную в этом зале суда.

Было бы нетрудно пустить газ в вентилятор установки кондиционирования воздуха, которая находилась в саду рейхсканцелярии. Тогда бы он проник в центр бункера за самое короткое время. Потому в середине февраля 1945, я послал за Шталем, начальником моего главного управления боеприпасов, с которым я имел особенно близкие отношения, поскольку я тесно работал с ним в период в период разрушений. Я откровенно сказал ему о своём намерении, как видно из его показаний. Я попросил его достать мне этот новый отравляющий газ на производстве вооружений. Он запросил у одного из своих соратников, подполковника Сойка из управления вооружений армии, о том, как получить этот газ, оказалось, что этот новый газ был эффективен лишь при взрыве. Я не уверен сильно ли я вдаюсь в подробности.

Однако, взрыв был невозможным, так как эта установка кондиционирования воздуха была сделана из тонких листов олова, которые бы разорвало в клочья. Потом у меня были совещания с Хентшелем[361], главным инженером канцелярии, начавшиеся в середине марта 1945. На этих дискуссиях я смог добиться того, чтобы противогазные фильтры не работали постоянно. Так, я смог бы использовать обычный тип газа. Естественно Хентшель не имел никаких сведений о цели с которой я вёл с ним эти беседы. Когда пришло время, я проверил вентиляционную шахту в саду канцелярии вместе с Хентшелем; и там я обнаружил, что по личному приказу Гитлера этот вентилятор был недавно окружен трубой высотой в 4 метра. В этом ещё можно убедиться и сегодня. Ввиду этого больше нельзя было осуществить мой план.

Флекснер: Теперь я перехожу к другой проблеме. Господин Шпеер, вы слышали показания свидетелей Рикке[362] и Мильха в этом зале суда; и они уже дали показания о вашей деятельности после середины февраля 1945, которые вы предприняли, чтобы обеспечить продовольственное положение.

Шпеер: Я могу сказать довольно коротко, что льготные поставки продовольствия, которые я наконец ввёл в действие, были созданы с целью запланированной реконверсии от войны к миру. Это было за счёт вооружений, которые я лично представлял. Огромное количество мер, которые мы ввели, было бы чересчур, чтобы описывать здесь. Все эти распоряжения также доступны. Речь шла о том, чтобы вопреки официальной политике добиться того, чтобы незадолго до их

[361] Йоханнес Хентшель (1908 – 1982) – механик бункера Адольфа Гитлера

[362] Ганс-Йоахим Рикке (1899 – 1986) – немецкий нацистский политик. В 1943-1945 государственный секретарь министерства сельского хозяйства и продовольствия Германии. Группенфюрер СС и СА.

оккупации крупные города должны были быть достаточно обеспечены продовольствием и принять все меры для обеспечения того, чтобы, несмотря на катастрофу на транспорте, застраховать урожай 1945 года, что тогда было острейшей проблемой. Приди семена на несколько недель позже, посевы были бы чрезвычайно плохими. Конечно, эти меры имели прямой негативный эффект производство вооружений который нельзя измерить. Но в любом случае, вооружения можно было поддерживать до середины марта за счёт резервов, после чего не было бы производства вооружения заслуживающего внимания. Это было ввиду того, что мы имели только 20-30 процентов транспортных возможностей в нашем распоряжении, что требовало преимущества для продовольственных транспортов над вооружениями. Таким образом, о перевозке вооружений, практически говоря, не могло быть и речи.

Флекснер: Было возможно, в большом масштабе осуществлять такие меры, которые открыто противоречили официальным военным планам «сопротивление до последнего»? Вообще были какие-нибудь люди, которые были готовы одобрить такие меры как вы предлагали и воплотить их на практике?

Шпеер: Все эти мероприятия были не такими уж сложными, и они не были настолько опасными, как можно вообразить, потому что в те дни - после января 1945 – любую разумную меру в Германии можно было осуществить вопреки официальной политике. Любой разумный человек приветствовал бы такие меры и был удовлетворен если бы кто-нибудь брал за них ответственность. Всевозможные совещания проходили в широком кругу специалистов. Все до единого участники знали о смысле этих приказов даже не озвучивая это. В те дни я также имел тесный контакт в связи с другими похожими мерами с государственными секретарями министерства транспорта, продовольствия, пропаганды, а позднее даже с государственным секретарем партийной канцелярии, то есть лично с Борманом. Все они были старыми членами партии, и несмотря на это они выполняли свой долг перед нацией иначе чем это делали ведущие люди в партии. Я постоянно держал их в курсе – несмотря на запрет Гитлера – о развитии военной обстановки, и таким образом вместе мы могли сделать гораздо больше, чтобы остановить безумные приказы тех дней.

Флекснер: В каких секторах вы видели угрозу для основной массы немецкого народа в результате продолжения войны

Шпеер: К середине марта 1945 войска противника всё ещё продвигались. Тогда было абсолютно ясно, что довольно скоро те территории, которые ещё не были оккупированы будут оккупированы. Это включало территории польской Верхней Силезии и остальное вне границ старого Рейха. Приказанное уничтожение всех мостов в ходе отступления, на самом деле было самой большой угрозой, потому что мост взорванный инженерами гораздо сложнее отремонтировать, чем мост уничтоженный воздушной атакой. Запланированное уничтожение мостов

равнозначно уничтожению всей жизни современного государства.

Дополнительно, начиная с конца января, радикальные круги в партии требовали уничтожать промышленность, и Гитлер считал, что это тоже нужно делать. Поэтому в феврале 1945, я остановил производство и поставки так называемых промышленных динамитных материалов. Намерение заключалось в том, что запасы взрывчатки в шахтах и частном владении должны сократиться. Как показывает мой свидетель, эти приказы на самом деле исполнили. В середине марта Гудериан и я, попытались ещё раз остановить приказанное уничтожение мостов или свести его к минимуму. Гитлеру был подан приказ в котором он резко отказал, напротив потребовав интенсифицировать приказы об уничтожении мостов. Одновременно, 18 марта 1945, он расстрелял восемь офицеров, за то, что они не смогли выполнить свои обязанности в связи с уничтожением моста. Он объявил об этом в сводке вооруженных сил для того, чтобы это должно было стать предупреждением для будущих случаев. Таким образом, было чрезвычайно трудно не подчиняться приказам об уничтожении мостов. Несмотря на существовавший запрет, 18 марта 1945 я направил Гитлеру новый меморандум, содержание которого было очень ясное, и в котором я не позволял ему никаких дальнейших извинений тем мерам которые он запланировал. Меморандум довели до сведения его многочисленных соратников.

Флекснер: Трибунал найдёт отрывки из этого меморандума на странице 69 английского текста документальной книги. (Экземпляр Шпеер-23).

Пожалуйста, вы продолжите?

Шпеер: Я немного процитирую из этого меморандума; на странице 69, господин председатель:

> «Военно-воздушные силы противника далее сконцентрировались на наших транспортных сооружениях. Экономика перевозок соответственно значительно сократилась…Окончательного краха немецкой экономики безусловно следует ожидать за 4-8 недель… После такого краха даже не получится вести войну…В первую очередь наш долг помочь нации в сложные времена, которые нужно ждать. В связи с этим мы должны трезво, невзирая на свою судьбу, спросить себя о том, как справиться с этим даже в более отдаленном будущем. Если противник желает уничтожить нацию и основу её существования, тогда пусть он делает такую работу сам. Мы должны делать всё, чтобы до последнего поддерживать, пусть и самым примитивным образом основу существования нации».

Затем идут несколько моих требований, и коротко их суммирую. Я цитирую:

> «Нужно застраховаться от того, что если боевые действия придут на территорию Рейха, никто бы не имел права уничтожать

промышленные заводы, угольные шахты, электростанции, и другие возможности снабжения, а также транспортные сооружения и пути внутренних поставок, и т.д. Подрыв мостов в той мере, в какой запланировано будет означать, что транспортные сооружения будут уничтожены сильнее нежели смогли достичь воздушные атаки в последние годы. Их уничтожение означает ликвидацию любых дальнейших возможностей существования для немецкой нации».

Затем я коротко процитирую вывод меморандума:

«Мы не имеем никакого права на этом этапе войны, производить с нашей стороны разрушения, которые могут воздействовать на жизнь народа. Если противники желают уничтожить эту нацию, которая сражалась с уникальной храбростью, тогда исторический позор ляжет исключительно на них. Мы обязаны оставить нации все возможности, которые в отдаленном будущем, позволят подстраховать её новое восстановление».

Это довольно чётко выражало то, что Гитлер и так должен был знать, потому что не нужно было знать экономику изнутри, чтобы понять результаты подобного уничтожения для будущего нации.

В связи с вручением меморандума Гитлер знал о содержании, поскольку я обсуждал его содержание с несколькими его соратниками. Поэтому его заявления типичны для его отношения к вопросу в целом.

Я бы не стал предъявлять суровое обвинение сказанное здесь о том, что он хотел утащить Германию за собой в бездну, если бы не имел подтверждения его заявлениям об этом в письме от 29 марта 1945.

Председатель: Вы имеете в виду май или март?

Шпеер: Господин председатель, март 1945.

Флекснер: Господин председатель, вы найдете этот документ на странице 75 английского текста документальной книги и это страница 72 французского текста. Я предъявляю его как экземпляр номер 24. Это письмо Шпеера Гитлеру датированное 29 марта 1945.

Пожалуйста, вы продолжите?

Председатель: Вам не следует зачитать это письмо?

Флекснер: Подсудимый желает сам его прочитать.

Вы прочитаете его?

Шпеер: Я цитирую:

«18 марта передавая вам своё письмо, я был твердо убеждён в том, что выводы, которые я сделал из нынешней ситуации о поддержке нашей национальной силы найдут ваше безусловное одобрение, потому что именно вы однажды решили о том, что задача правительства заключалась в том, чтобы сохранить нацию от

героического конца в том случае будь война проиграна.

Однако, вечером вы сделали мне заявления, тон которых, если только я правильно вас понял в следующем: если война проиграна, нация тоже погибнет. Такая судьба неизбежна. Не нужно принимать во внимание основу которая потребуется, чтобы люди продолжали самое примитивное существование. Напротив, было бы лучше уничтожить эти вещи самим, потому что эта нация зарекомендовала себя самой слабой, а будущее принадлежит исключительно сильнейшей восточной нации. Кроме того те кто останутся после битвы будут худшими, ибо лучшие убиты».

Я продолжаю цитировать:

«После этих слов я был глубоко потрясён, и когда на следующий день я прочитал приказ об уничтожении и вскоре после этого строгий приказ об эвакуации, я увидел в этом первые шаги реализации таких намерений…»

Флекснер: Господин председатель, могу я в связи с этим предъявить как документ Шпеера приказ Гитлера об уничтожении датированный 19 марта 1945, который трибунал найдёт на странице 73 французского и странице 76 английского текста документальной книги.

Я также предъявляю трибуналу исполнительный приказ для систем транспорта и связи, который вы найдёте на странице 78 английского текста и странице 75 французского текста. Они станут экземпляром номер Шпеер-26.

Затем я предъявляю приказ Бормана об уничтожении и эвакуации, датированный 23 марта 1945, который содержится на странице 102 моей документальной книги. Последний документ содержит экземпляр номер Шпеер-27.

Господин Шпеер, поскольку это приказы с техническими выражениями, пожалуйста, вы коротко подытожите содержание трибуналу?

Председатель: Вы сказали, что последний был на странице 102 второго тома. В моей копии документ генерала Гудериана от 15 декабря 1944.

Флекснер: Господин председатель, я прощу прощения, я ошибся. Это не страница 102, это страницы 93 и 94. Я прошу прощения. Я только сегодня получил документ.

Господин Шпеер, вы кратко разъясните эти приказы?

Шпеер: Я могу очень коротко их суммировать. Они дали гауляйтерам приказ осуществлять уничтожение всех промышленных предприятий, всех важных электрических сооружений, производство воды, производство газа, и тому подобное, а также уничтожать все продовольственные склады и склады обмундирования. Мою компетенцию особо исключили этим приказом и все мои приказы сохранять промышленность отменили.

Военным властям отдали приказ о том, что все мосты должны быть уничтожены, и дополнительно все железнодорожные сооружения, почтовые

системы, системы связи на германских железных дорогах, также водные пути, все корабли, все грузовые вагоны и все локомотивы. Цель заключалась, как говорилось в одном из распоряжений в создании транспортной пустыни.

Распоряжение Бормана имело целью привести население в центр Рейха, с Запада и Востока, включая иностранных рабочих и военнопленных. Эти миллионы людей должны были отправить в путь на ногах. Никаких мер обеспечения их существования не предоставлялось, и не могло ввиду обстановки.

Только исполнение этих приказов привело бы к невообразимой голодной катастрофе. Добавлю к этому, что 19 марта 1945 был строгий приказ Гитлера всем группам армий и всем гауляйтерам, о том, что битву следует вести, не беря в расчет собственное население.

Исполнением этих приказов, Гитлер сдержал обещание от 18 марта, а именно, что не нужно «…брать во внимание основу в которой будут нуждаться люди, чтобы продолжать самое примитивное существование. Напротив, было бы лучше самим уничтожить эти вещи…». Учитывая дисциплину, которая возникала в связи с каждым приказом, независимо от его содержания, нужно было ожидать, что эти приказы будут исполняться. Эти приказы также применялись к территориям включенным в великогерманский Рейх.

В ходе поездок на самые угрожаемые территории, и посредством дискуссий с моими соратниками, теперь я довольно часто пытался остановить исполнение этих приказов. Я приказал о том, чтобы взрывчатка, которая всё ещё была доступна в Руре была выброшена в шахты, и чтобы запасы мощной взрывчатки, которые находились на строительных площадках нужно было спрятать.

Мы раздавали автоматы на самые важные заводы для того, чтобы они могли бороться против уничтожения. Все это, я знаю, звучит как-то преувеличенно, но ситуация в то время была такой, что если бы гауляйтер попытался добраться до угольных шахт Рура и там был единственный автомат, то была бы стрельба.

Я пытался убедить местных армейских командиров в бессмысленном характере задачи подрыва мостов, которую им поставили, и кроме того разговаривая с местными властями, я добился остановки большей части эвакуации о которой приказали. В связи с этим государственный секретарь партийной канцелярии, Клопфер[363], заслуживает благодарность за то, что он придержал эвакуационные приказы которые должны были направить гауляйтеру.

Когда я вернулся из поездки, меня сразу же вызвали к Гитлеру. Это было 29 марта 1945. Я намеренно так открыто сопротивлялся его приказам и обсуждал проигранную войну со многими гауляйтерами, что должно быть о моём неподчинении стало известно ему. Доступны свидетели этого периода, которые

[363] Герхард Клопфер (1905—1987), партийный функционер НСДАП, государственный секретарь рейхсканцелярии (1942—1945) и государственный секретарь партийной канцелярии (1944—1945), бефельсляйтер НСДАП (1944), группенфюрер СС (9 ноября 1944 года), доктор юридических наук (1927). Судом по денацификации был приговорен к денежному штрафу.

знают, что это то, чего я хотел добиться.

Я не хотел предавать его за его спиной. Я хотел поставить перед ним альтернативу. В начале совещания он заявил, что у него были доклады от Бормана о том, что я считал войну проигранной и что я открыто обсуждал это вопреки его запрету. Он потребовал, что я должен сделать заявление о том, что я не считаю войну проигранной, и я ответил: «Война проиграна». Он дал мне 24 часа на раздумье, и в течение этих 24 часов, было написано письмо из которого цитировали фрагмент и которое в полном объеме предъявлено трибуналу.

После этого периода осмысления, я намеревался вручить ему это письмо как свой ответ. Но он отказался его принять. Потом я заявил ему, что он может полагаться на меня в будущем, и таким образом я снова смог добиться от него снова передать мне осуществление работы по уничтожению.

Флекснер: В связи с этим, могу я предъявить приказ Гитлера датированный 30 марта 1945, который трибунал найдет на страницах 83 английского и 79 французского текста в документальной книге. Это будет экземпляр номер 28.

Тогда что вы делали в силу этого нового приказа, который вы получили?

Шпеер: Я готовил текст и это дало мне возможность расстроить планы по уничтожению о которых приказали. Я отдал приказ немедленно восстановить все мои старые приказы о сохранении промышленности. В связи с этим, я не представил этот новый приказ на одобрение Гитлера, хотя он прямо предусмотрел это в приказе.

Вопреки обещанию, которое я ему дал, а именно, о том, что я буду безоговорочно стоять за него, уже на следующий день я уехал, чтобы встретиться с Зейсс-Инквартом, который об этом дал показания, и двумя другими гауляйтерами, чтобы им тоже сказать, что война была проиграна и обсудить с ними последствия.

По этому поводу я нашёл у Зейсс-Инкварта полное понимание. Оба моих распоряжения по предотвращению уничтожения и мои дискуссии противоречили тому, что я пообещал Гитлеру 29 марта. Я считал это своим естественным долгом.

Флекснер: Я предъявляю как экземпляр номер Шпеер-29 указания принятые Шпеером 30 марта об исполнении приказа который уже упоминался. Во французском и немецком текстах документальной книги он появляется на странице 81, и в английской документальной книге на странице 85.

Шпеер: Несмотря на это, приказы об уничтожении мостов всё ещё были в силе, и повсюду в Германии, Австрии и Польше и где угодно вы можете сегодня видеть результаты. Я предпринял многочисленные поездки на фронт и провел много совещаний с командирами фронтовых войск. Вероятно, это принесло облегчение в той или иной форме. Наконец, 3 апреля 1945, я смог убедить командующего войсками связи запретить хотя бы уничтожения сигнальных, почтовых, железнодорожных и радио сооружений при помощи этого нового приказа.

Наконец, 5 апреля я отдал ОКВ шесть приказов от имени генерала

Винтера, который был свидетелем в этом зале суда. Эти приказы должны были застраховать сохранение важных железнодорожных линий. Приказы также существуют. Я отдал эти приказы через свои командные каналы и каналы железных дорог Рейха, и учитывая огромную мешанину приказов в то время, подобные приказы которые я был не вправе издавать, по крайней мере, вносили бы путаницу.

Флекснер: Господин Шпеер, ряд попыток с вашей стороны сократить войну стал известен прессе. Пожалуйста, вы могли бы описать суду ситуацию на которую намекали в прессе.

Шпеер: Я не хочу тратить слишком много времени на вещи, которые не имели успеха. Я постоянно пытался исключить Гиммлера и остальных из правительства и заставить их отвечать за свои поступки. Чтобы осуществить это и другие планы, восемь офицеров с фронта присоединились ко мне, все они имели высокие награды. Государственный секретарь министерства пропаганды, 9 апреля предоставил мне возможность коротко выступить по всей германской радио системе. Все приготовления были сделаны, но в последний момент Геббельс услышал об этом и потребовал, чтобы Гитлер одобрил текст моей речи. Я представил ему сильно изменённый текст. Но он запретил даже такой измененный текст.

21 апреля 1945 мне впервые удалось записать выступление на передающей станции в Гамбурге. Это должна была быть передача по об инструкциях на заключительном этапе. Однако, записывающие сотрудники, потребовали, чтобы эту речь передали только после смерти Гитлера, которая бы освободила их от присяги ему.

Кроме того, я находился на связи с начальником штаба группы армий на Востоке, группы армий Висла. Мы оба согласились с тем, что в Берлине не должно быть борьбы, и что вопреки их приказам, армии должны обходить Берлин. Поначалу, этот приказ выполняли, но потом нескольких особоуполномоченных Гитлером людей отправили за пределы Берлина и смогли направить дивизии в Берлин. Однако первоначальное намерение о том, что целые армии должны войти в Берлин таким образом не осуществилось. Начальником штаба, с которым у меня были эти совещания был генерал Кинцель[364].

Флекснер: Эти попытки всё ещё приносили какую-нибудь пользу в начале апреля и позднее?

Шпеер: Да. Мы ожидали, что война продлиться дольше, так как Черчилль тоже пророчествовал, что конец войны наступит в конце июля 1945.

Флекснер: Вы описали здесь, сколько вы сделали, чтобы сохранить промышленные предприятия и другие экономические учреждения. Вы также действовали в интересах иностранных рабочих?

Шпеер: Моей ответственностью был промышленный сектор. Поэтому я чувствовал

[364] Эберхард Кинцель (1897-1945) – генерал пехоты Вермахта. В марте-мае 1945 начальник штаба группы армий «Висла». Покончил жизнь самоубийством вскоре после окончания боевых действий.

своим долгом в первую очередь передать свой сектор неповрежденным. При этом несколько моих попыток были также в пользу иностранных рабочих в Германии. В первую очередь, эти иностранные рабочие и военнопленные, в результате шагов которые я предпринял, чтобы обеспечить продовольственную ситуацию, вполне очевидно были выгодополучателями моей работы в течение последнего этапа.

Во-вторых, во время местных дискуссий о предотвращении подрывов, вопреки приказам об эвакуации, которые получали от партии, я позволил, чтобы иностранные рабочие и военнопленные оставались на своём месте. Такие дискуссии состоялись 18 марта в саарском районе и 28 марта в рурском районе. В начале марта я внёс предложение о том, что 500000 иностранцев должны были репатриировать из Рейха на территории которые мы пока удерживали; то есть, голландцев в Голландию, чехов в Чехословакию. Однако, Reichsbahn [365] отказался брать ответственность за эти транспорты, поскольку транспортная система уже была настолько повреждена, что осуществление этого плана уже было невозможно. Наконец, и в речи которую я планировал произнести по германской радиовещательной системе 9 апреля и при попытке гамбургской речи, я отмечал обязанности которые мы имели в отношении иностранцев, военнопленных, и заключенных концентрационных лагерей в течение той последней стадии.

Флекснер: Господин председатель, могу я в связи с этим обратить ваше внимание на страницу 88 английского текста; это страница 84 французского, и я предъявляю это как экземпляр номер Шпеер-30.

Господин Шпеер, вы описали насколько в течение последнего этапа войны, вы возражали Гитлеру и его политике. Почему вы не ушли в отставку?

Шпеер: Я имел шанс уйти по трём поводам; однажды в апреле 1944, когда мои полномочия значительно уменьшились; второй раз в сентябре 1944, когда Борман и Геббельс выступали за мою отставку; и третий раз - 29 марта 1945, когда лично Гитлер потребовал, чтобы я ушёл в постоянный отпуск, который был равнозначен отставке. Я отказался от всех этих возможностей, потому что начиная с июля 1944, я думал, что мой долг оставаться в должности.

Флекснер: В этом зале суда были показания о том, что последний этап войны, то есть, с января 1945, был оправдан с точки зрения о том, что нацию следовало избавить от лишних жертв. Вы считали также?

Шпеер: Нет. Говорили, что военная защита против Востока была бы необходимой, чтобы защитить беженцев. В реальности, до середины апреля 1945, основная часть наших последних резервов бронетехники и боеприпасов использовалась для борьбы на Западе. Поэтому тактический принцип отличался от того который должен был быть если бы борьбу вели с той целью о которой я сказал. Разрушение мостов на Западе и приказы по уничтожению против жизненной базы нации показывают

[365] Германская железная дорога (нем. Deutsche Reichsbahn) — железнодорожная организация Германской империи до 1949 года,

противоположное. Жертвы, которые принесли обе стороны после января 1945 были бессмысленными. Смерти этого периода будут обвинителями человека ответственного за продолжение этой борьбы, Адольфа Гитлера. То же самое правда для разрушенных городов, которые на последнем этапе вынуждены были утратить огромные культурные ценности и где бесчисленные жилища пострадали от разрушения. Многие трудности от которых сегодня страдает немецкая нация ввиду безжалостного разрушения мостов, транспортных сооружений, грузовиков, локомотивов и кораблей. Немецкий народ оставался до конца верным Адольфу Гитлеру. Он же умышленно его предал. Он пытался сбросить их в бездну. Лишь после 1 мая 1945 Дёниц попытался действовать разумно, но было слишком поздно.

Флекснер: У меня последний вопрос.

Вам было возможно совмещать свои поступки в ходе последней стадии войны с вашей присягой и вашей концепцией верности Адольфу Гитлеру?

Шпеер: Есть единственная верность, которую должен хранить каждый, и это верность своему собственному народу. Эта обязанность стоит прежде всего. Если я нахожусь на ведущем посту и если я вижу, что в интересах нации действовать подобным образом против, тогда я тоже должен действовать. То, что Гитлер порвал веру в нацию должно было быть ясно каждому умному члену его окружения, разумеется как самое позднее в январе или феврале 1945. Народ однажды вверил Гитлеру его миссию, он не имел никакого права играть с судьбой народа как с своей собственной. Следовательно, я выполнял свой естественный долг немца. Я не добился успеха во всём, но сегодня я рад, что своей работой я смог ещё раз оказать услугу рабочим в Германии и на оккупированных территориях

Флекснер: Господин председатель, теперь я достиг завершения своего допроса подсудимого Шпеера.

Вероятно, я могу обратить внимание трибунала на то, что по этой теме сделаны заявления, которые касаются темы вечернего заседания: Керлем, в своём опросном листе под 10 и 12; Роландом под 5, 6 и 8; Шибером, под 25; Гудерианом, с 1 по 3, с 7 по 9, и пункт 6; Шталь, названный Шпеером, в пунктах 1 и 2 своих показаний; и Кепмф, под номерами 10 своих показаний.

Всё ещё отсутствует опросный лист свидетеля Мальзахера и опросный лист – который самый важный для защиты – свидетеля фон Позера, поскольку он был посредником между генеральным штабом армии и министерством Шпеера; их вручат, когда получат. Кроме того, ещё отсутствует опросный лист генерала Буле, который был начальником штаба армии, и полковника Баумбаха[366], который был командиром эскадрилья бомбардировщиков. Остальные документы я представлю трибуналу в конце последнего допроса подсудимого Шпеера.

Председатель: Кто-нибудь из защитников других подсудимых хочет задать какие-

[366] Вернер Баумбах (1916 — 1953) — немецкий пилот бомбардировочных частей люфтваффе Второй мировой войны, полковник. Командир секретной эскадрильи ВВС Третьего рейха Kampfgeschwader 200 (KG 200).

либо вопросы?

Серватиус: Свидетель, во время переговоров, которые Заукель имел в 1943 и 1944 с Лавалем в Париже, там присутствовали представители, которые приехали из вашего ведомства, и они поддерживали требования Заукеля?

Шпеер: Во время этих совещаний представители моего ведомства иногда присутствовали. Они присутствовали с целью защиты заблокированных фабрик а также, чтобы следить за тем, что не было никаких посягательств на интересы производства которое я планировал защищать.

Серватиус: Значит эти представители, следовательно действовали, не чтобы поддерживать требования Заукеля, а были против них?

Шпеер: Задача этих представителей не заключалась в том, чтобы выступать за или против требования Заукеля, потому как Заукель высказывал свои требования настолько чётко, что подчиненный никак не мог говорить ни за ни против этих требований. Это была бы задача которую я должен был выполнять лично.

Серватиус: Значит, эти представители не выполняли никакой задачи?

Шпеер: Мои представители были представителями из вооружений, из тяжёлых вооружений и военной промышленности на оккупированных территориях, и как таковые они имели свои особые задачи.

Серватиус: Свидетель, вы в 1943 действовали самостоятельно и без консультации с Заукелем перевели 50000 французских рабочих организации Тодта в рурский район?

Шпеер: Да, это правда. После атаки на дамбу Мёне и дамбу Эдер в апреле и мае 1943, я поехал туда и в тот период я приказал о том, что особая группа из организации Тодта должна заняться восстановлением этих станций. Я сделал это, потому что машины и технический персонал на месте. Эта особая группа не спрашивая меня, сразу же доставила вместе с собой французских рабочих. Это имело для нас огромные последствия на Западе, потому что рабочие на строительных площадках Атлантического вала, которые до этого момента чувствовали себя в безопасности от Заукеля…

Серватиус: Свидетель, нас не интересует выслушивать, что там делали. Меня интересует только тот факт, что эти 50000 рабочих ОТ были получены вами самостоятельно без согласия Заукеля, и это вы подтверждаете, не так ли?

Шпеер: Да, это правда.

Серватиус: Заукель был ответственным за установление рабочего времени на этих заводах. Вам известно, что десятичасовой рабочий день позднее приказанный Геббельсом как уполномоченным по тотальной войне, применялся как к немцам, так и иностранным рабочим?

Шпеер: Наверное, это правда. Я прямо не помню это, но полагаю, что это правильно.

Серватиус: Затем вы заявили о том, что Женевская конвенция не применялась к советским военнопленным и итальянским гражданским интернированным?

Шпеер: Да.

Серватиус: Вам известно, что Женевскую конвенцию, хотя и не признавали для советских военнопленных, вместе с тем применяли де факто, и что были приказы об этом?

Шпеер: Я не могу дать вам никакой информации об этом, потому что это слишком детальный вопрос, и им занимались мои управления напрямую. Я бы хотел подтвердить вам это.

Серватиус: Я позднее предъявлю трибуналу документ который подтвердит это.

Вам известно, что итальянских гражданских интернированных, то есть, тех кто поступил из итальянских вооруженных сил, переводили в статус свободных рабочих и следовательно они не попадали под конвенцию?

Шпеер: Да, это, правда, и это было сделано по просьбе Заукеля.

Серватиус: Управляющие фабриками были ответственными за выполнение приказов Заукеля на фабриках. Это правильно?

Шпеер: Постольку поскольку их можно было исполнять, да.

Серватиус: И вы сказали, что если бы, из-за особых событий, таких как воздушные атаки, было невозможно их выполнять, верховные власти Рейха должны были их принять?

Шпеер: Да.

Серватиус: Какие власти Рейха вы имеете в виду?

Шпеер: Генерального уполномоченного по распределению рабочей силы.

Серватиус: Это был бы Заукель?

Шпеер: Да. И Германский трудовой фронт, который был ответственным за проживание и условия труда.

Серватиус: Какую организацию имел в своём распоряжении Заукель, чтобы прекращать эти злоупотребления? Тогда это был вопрос практического содействия?

Шпеер: Нет. Думаю, вы меня неправильно поняли. «Катастрофическая чрезвычайность» включала условия вызванные форс-мажором. Никто не мог исправить их, даже при самой сильной воле в мире, потому что каждый день были новые воздушные атаки. Но невозможно, как дал показания Заукель, делать управляющего фабрикой ответственным за то, что эти условия нельзя было облегчить. Я хотел указать на то, что в такой чрезвычайной ситуации всё руководство должно собираться вместе и решать о том были ли условия всё ещё сносными или нет. В связи с этим в этом заключалась особая обязанность Заукеля, как чиновника который готовил доклады и отдавал приказы, собирать такие встречи.

Серватиус: Тогда кому он предположительно должен был вносить такие рекомендации?

Шпеер: Фюреру.

Серватиус: Свидетель, вы объяснили собственную административную организацию

и вы сказали, что вы были оппонентом бюрократического управления. Вы ввели на фабриках самоуправление, и с профессиональной стороны, вы формировали «кольца» и над ними комитеты которыми вы руководили.

Шпеер: Да.

Серватиус: И это была закрытая администрация, в которую не могли проникать снаружи другие власти?

Шпеер: Да, я бы не позволил это.

Серватиус: Значит, вы на самом деле были представителем этих фирм с высшими властями.

Шпеер: Только в том, что касалось технических задач, как я заявил здесь.

Серватиус: Вы ограничивали себя техническими задачами?

Шпеер: Что же, в противном случае я был бы ответственным за условия питания или условия здравоохранения, или вопросы которые касались полиции, но ждать такого это чересчур. В таком случае нужно было бы дать мне другой пост.

Серватиус: Свидетель, вы ранее не ссылались на то, что в частности, что касалось продовольствия, вы принимали инструкции, которые были на пользу рабочим; и разве этим вы не подтверждаете мой взгляд о том, что вы несли полную ответственность за данный сектор?

Шпеер: Не в последнюю очередь. Мне кажется, что я предпринимал действия на последнем этапе в рамках моей общей ответственности, а не конкретной ответственности за этот сектор.

Серватиус: Затем, свидетель, вы говорили про ответственность гауляйтеров как рейхскомиссаров обороны в связи с промышленностью вооружений. Вы можете описать более детально область этой ответственности, потому что я это не понимаю.

Шпеер: После 1942 ответственность передавали гауляйтерам как рейхскомиссарам обороны во всёвозрастающей степени. Это в основном было усилие Бормана…

Серватиус: Какие задачи они имели?

Шпеер: Минуточку…который желал централизации всех сил государства и партии в гауляйтерах. Такое состояние централизации было почти полностью достигнуто после 1943, с единственным исключением которое существовало в моих ведомствах вооружений так называемой инспекцией вооружений. Поскольку они раньше находились в подчинении ОКВ, были военными учреждениями которые были укомплектованы офицерами, и это позволяло мне оставаться за рамками компетенции гауляйтеров. Но гауляйтер был центральной властью в гау, и он принял право отдавать приказы там где он этого не мог. Ситуация с нами была такой, как вам известно, что не было не столь важно на кого возлагались полномочия, это был вопрос о том кто принял право отдавать приказы. В данном случае большинство гауляйтеров приняли все права, посредством чего они были ответственной и центральной властью.

Серватиус: Что вы имеете в виду под «центральной властью»? Вероятно, я могу

вам кое-что сказать: гауляйтер как рейхскомиссар обороны, имел единственную задачу централизации ведомств если решение было необходимо для гау, например, после воздушной атаки, устранении ущерба, строительстве нового завода или получения новых земель, таким образом различные ведомства собирали бы за одним столом, но он не имел полномочий отдавать приказы или принимать решения. Это правильно?

Шпеер: Нет. Я бы хотел порекомендовать вам побеседовать с гауляйтерами, которые расскажут вам как это было.

Серватиус: В таком случае я снимаю вопрос. Я представлю закон. Затем вы продолжаете говорить, свидетель, что в течение определенного периода был избыток рабочей силы в Германии. Это было из-за того, что Заукель доставил в Германию слишком много иностранных рабочих?

Шпеер: Здесь может быть ошибка. Мой защитник сослался на два документа согласно котором в течение времени с апреля 1942 по апрель 1943, Заукель обеспечил сектору вооружений больше рабочей силы нежели требовалось вооружениям. Не знаю говорите ли вы про этот фрагмент.

Серватиус: Я могу лишь вспомнить, что вы сказали о том, что было больше рабочих чем требовалось.

Шпеер: Да.

Серватиус: Вы не хотите сказать, что это было вызвано тем, что Заукель доставил слишком много рабочих из зарубежных стран?

Шпеер: Нет. Я хотел подтвердить при помощи этого ответа, что даже согласно мнению Заукеля, в то время он не стремился доставлять рабочих из Франции в Германию, и т.д., соответствующее моим максимальным требованиям. Ибо если в докладе Гитлеру он утверждает, что доставил в сектор вооружений больше рабочих чем я требовал, как видно из письма, тогда будет ясно, что он сделал больше чем я просил его сделать. На самом деле было вообще по-другому. Фактически, он вообще не обеспечил этими рабочими, и у нас был жаркий спор, потому что я считал, что он обеспечил гораздо меньше и хвастался своим докладом Гитлеру. Однако для процесса документ достоверный.

Серватиус: Вы сейчас отметили, что также между Заукелем и вами был спор о том было ли в Германии достаточно резервов рабочей силы, и если я правильно вас понял, вы сказали о том, что если бы рабочих мобилизовали так как в Англии и Советском Союзе, то иностранные рабочие вообще бы не потребовались. Это правда?

Шпеер: Нет, я так не говорил.

Серватиус: Что же, тогда как мне это понимать?

Шпеер: Я выразился достаточно ясно о том, что я считал трудовую политику Заукеля по доставке иностранцев в Германию правильным курсом. Я не пытался свалить этим ответственность, но существовали значительные резервы немецкой

рабочей силы, это снова лишь подтверждение того факта, что я не был ответственным за максимальные требования, и это всё что я хотел подтвердить.

Серватиус: Вам известны законы, согласно которым немецких женщин и молодежь должны были в весьма значительной степени использовать?

Шпеер: Да.

Серватиус: Вам также известно, что жёны офицеров и жёны высокопоставленных чиновников тоже работали на фабриках?

Шпеер: Да, уже с августа 1944.

Серватиус: Что же, тогда где были эти резервы рабочей силы о которых вы говорите?

Шпеер: Я говорил о времени 1943. В 1943 я требовал в центральной плановой комиссии, чтобы нужно было призывать немецкие трудовые резервы, и 4 января 1944 в ходе беседы с Гитлером я сказал тоже самое. Заукель тогда заявил – и это можно видеть из его речи от 1 марта 1944, которая предъявлена как документ – что больше не было никаких резервов немецких рабочих.

Серватиус: Да.

Шпеер: Но одновременно он также дал здесь показания о том, что он смог в 1944 мобилизовать ещё 2 миллиона рабочих из Германии, в то время как на совещании с Гитлером 1 января 1944 он считал это полностью невозможным. Таким образом, он сам подтверждает здесь, что в то время как я желал использовать внутреннюю рабочую силу, он не думал, что такая есть, хотя позднее в конце концов обстоятельства вынудили его мобилизовать этих рабочих из Германии, поэтому моё заявление в то время было правильным.

Серватиус: Свидетель, эти 2 миллиона рабочих о которых вы говорите, были людьми, которых использовали в промышленности?

Шпеер: Да, конечно.

Серватиус: Их использовали непосредственно как квалифицированных рабочих?

Шпеер: Нет, их сначала нужно было обучить.

Серватиус: Прежде всего пройти через сложные переводы, чтобы быть освобожденными из одной фирмы в другую?

Шпеер: Лишь отчасти, потому что у нас была возможность использовать их в точной промышленности и остальных видах работы, и также, как знает всякий кто знаком с американской и британской промышленностью, эти современные машины полностью подходят для женской работы, даже для трудной работы

Председатель: Доктор Серватиус, трибунал не интересуют эти подробности.

Серватиус: Господин председатель, меня очень интересует основной вопрос, потому что если рабочих из зарубежных стран доставляли в чрезмерных количествах, таким образом государству не было никакой необходимости иметь их, это имеет самый большой интерес с точки зрения международного права при рассмотрении вопроса о том можно ли вербовать рабочую силу. Вот, что я желаю

выяснить.

У меня есть ещё два вопроса и вероятно сейчас я могу их задать.

Председатель: Да, вы можете задать ещё два вопроса, но не об этих подробностях.

Серватиус: Нет, это вопросу о другом.

Свидетель, вы заявили о том, что ваша попытка подчинить себе Заукеля не удалась. Вы не достигли такого подчинения на практике в результате того, что на среднем уровне трудовые биржи Заукеля в гау делали бы то, что приказывали комиссии по вооружениям?

Шпеер: Нет. Это вопрос, который нужно рассмотреть более подробно…

Серватиус: Но вы сказали «нет»…

Шпеер: Да. Но это совершенно новая концепция которую сперва нужно объяснить суду, но если вам достаточно «нет»…

Серватиус: Нет никакой необходимости в длинном заявлении, потому что если вы четко говорите «нет», вопрос снят.

Свидетель, последний вопрос. Вы сказали, что Заукель решал вопрос о распределении рабочей силы в своём рабочем штабе.

Шпеер: Да.

Серватиус: Он сам говорит, что фюрер принимал определенные решения. Не нужно делать разницу между общими требованиями по программе там где проблема распределения рабочей силы охватывает длительный период, и распределением на которое соответственно влиял текущий прогресс программы?

Шпеер: По моим воспоминаниям, а также прочитав протоколы полученные мной о совещаниях у фюрера, эти две стадии нужно различать. Первая закончилась в октябре 1942, когда были частые совместные совещания с Заукелем, которые я посещал. В ходе этих совещаний подробно обсуждалось распределение рабочей силы на следующие месяцы. После этого не было никаких совещаний с Гитлером, которые касались деталей. Я знаю только о январских совещаниях 1944, и потом было ещё одно совещание в апреле или мае 1944, о котором здесь не говорили. В ходе этих совещаний, была только общая дискуссия, и затем распределение проводили в соответствии с указаниями, как говорит Заукель.

Серватиус: Но это именно то, о чём я вас спрашиваю. Это были основные требования о программе, и основное решение заключалось в том, что 2 миллиона рабочих должны были получить из зарубежных стран, дальнейшее распределение проводилось Заукелем.

Шпеер: Да, это правильно, и я могу подтвердить показания Заукеля о том, что его приказы касательно оккупированных территорий всегда приходили от Гитлера, поскольку ему требовались полномочия Гитлера, чтобы утверждаться на оккупированной территории.

Серватиус: Господин председатель, в таком случае, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Трибунал откладывается.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 21 июня 1946*]

День сто шестидесятый

Пятница, 21 июня 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Шпеер вернулся на место свидетеля*]

Председатель: Доктор Серватиус, вы закончили?
Серватиус: Да.
Председатель: Очень хорошо. Кто-нибудь из защитников подсудимых хочет задать какие-либо вопросы?
Краус: Свидетель, 25 января 1946 вы вручили моему клиенту два документа здесь в тюрьме Нюрнберга. В ходе допроса доктор Шахт коротко упоминал это, и краткости ради я бы хотел, чтобы трибунал позволил мне прочитать из заявления, которое подсудимый сделал мне в тот день, для того, чтобы можно было подтвердить правду. Оно очень короткое. Первое заявление гласит следующее:

> «Я был на террасе Бергхоф в Оберзальцберге ожидая представления своих строительных планов» - это было летом 1937 - «когда Шахт появился в Бергхофе. Оттуда с террасы, где я находился, я мог слышать громкий спор между Гитлером и Шахтом в комнате Гитлера. Голос Гитлера становился громче и громче. В конце дискуссии Гитлер вышел на террасу и заметно возбуждённый, сказал людям рядом с ним, что он не сможет сотрудничать с Шахтом, о том, что у него был с ним ужасный спор, и что Шахт собирается срывать его планы финансовыми методами».
>
> Итак, это первое заявление. Оно правильное?

Шпеер: Да.
Краус: Правильное. Второе заявление касается событий после 20 июля. Оно гласит следующее:

> «Это было примерно 22 июля, когда Гитлер сказал в моём присутствии довольно широкой группе людей…»

Председатель: Какой год?
Краус: 1944, ваша светлость.

> «…что Шахта, как одного из противников авторитарной системы нужно арестовать. Гитлер продолжил грубо говорить о деятельности

Шахта и сложностях, которые он, Гитлер, испытывал в результате экономической политики Шахта в отношении перевооружения. Он сказал о том, что в самом деле такого человека как Шахт нужно бы расстрелять за его оппозиционную довоенную деятельность».

Последняя фраза заявления гласит:

«После грубости этих замечаний, я был удивлен встретить здесь Шахта живым».

Это заявление тоже правильное?

Шпеер: Да.

Краус: Спасибо.

Председатель: Кто-нибудь другой из защитников подсудимых хочет задать какие-либо вопросы?

Тогда, обвинение желает провести перекрёстный допрос?

Джексон: Подсудимый, ваш защитник разделил ваш допрос на две части, в которые он описал сначала как вашу личную ответственность, и во-вторых как политическую часть дела, и я буду следовать такому же разграничению.

Вы заявили о достаточно многих вопросах, за которые вы ответственны, и я хочу выяснить в чём заключалась ваша сфера ответственности.

Вы не только являлись членом нацистской партии после 1932, но и занимали высокий ранг в партии, не так ли?

Шпеер: Верно.

Джексон: И какое положение вы занимали в партии?

Шпеер: Я уже упоминал это в своих досудебных допросах. Временно в 1934 я стал главой управления в Германском трудовом фронте и занимался условиями труда на немецких фабриках. Потом я был ответственным за общественные работы в штабе Гесса. Я прекратил эту деятельность в 1941. Записи о совещании с Гитлером об этом доступны. После 8 февраля 1942 я автоматически стал преемником Тодта в центральном управлении по техническим вопросам рейхсляйтунга НСДАП.

Джексон: И каким был ваш официальный титул?

Шпеер: Партийные титулы были только, что введены и они являлись настолько сложными, что я сейчас не могу сказать вам каким он был. Но работа, выполняемая мною была похожей на начальника управления рейхсляйтунга НСДАП. Моим титулом был гауптдинстляйтер или нечто подобное.

Джексон: В директорате 1943 появляется, что были главой «Hauptamt fur Technik[367]».

Шпеер: Да.

Джексон: И вашим рангом кажется был «Обербефельсляйтер»?

Шпеер: Да, это совершенно возможно.

Джексон: Которая как я понимаю, грубо соответствует генерал-лейтенанту армии?

---

[367] Главное техническое управление (нем.)

Шпеер: Что же, в сравнении с остальными задачами она была очень небольшой.
Джексон: И время от времени вы исполняли партийные функции и были общим образом информированы о партийной программе, не так ли?
Шпеер: До 1942 я присутствовал на различных партийных съездах здесь в Нюрнберге, потому что я должен был принимать в них участие как архитектор, и конечно, помимо этого я в целом присутствовал на официальных партийных заседаниях или заседаниях Рейхстага.
Джексон: И вы слышали обсуждение, и в целом в общих чертах были знакомы с программой нацистской партии, не так ли?
Шпеер: Конечно.
Джексон: Вы – есть некоторый вопрос о том, каким было ваше отношение к СС. Вы расскажите мне, являлись ли вы членом СС?
Шпеер: Нет, я не являлся членом СС.
Джексон: Мне кажется, вы один раз заполнили ходатайство или оно было заполнено за вас, и вы никогда не вступали в них, или подобное.
Шпеер: Это было в 1943, когда Гиммлер захотел, чтобы я получил высокий ранг в СС. Он часто хотел это, когда я ещё был архитектором. Я выкручивался, говоря, что я желаю быть обычным эсэсовцем подчиненным ему, потому что я уже был эсэсовцем ранее. Впоследствии, группенфюрер Вольф предварительно заполнил ходатайство и хотел узнать о моей предыдущей деятельности в СС в 1932. Тогда выяснилось, что в те дни, я никогда не был зарегистрирован в качестве члена СС, и из-за этого они не настаивали на моём вступлении, так как я не хотел теперь становить новым членом.
Джексон: И почему вы не хотели быть членом СС, которые, в конце концов, были одним из важнейших подразделений партии?
Шпеер: Нет, я был хорошо знаком со всеми этими почётными званиями. Я не хотел их, потому что чувствовал, что не следует принимать звание, за которым нет ответственности.
Джексон: И вы не хотели никакой ответственности в СС?
Шпеер: Я имел мало контакта с СС и не хотел какой-либо ответственности в связи с этим.
Джексон: У нас имеются показания о вашем отношении к концентрационным лагерям, и как я понял вас, вы нам сказали, что вы действительно использовали и поощряли использование принудительного труда заключенных, находившихся в концентрационных лагерях?
Шпеер: Да, мы использовали их в немецкой военной промышленности.
Джексон: Мне кажется, что вы также рекомендовали, чтобы «лодырей», находившихся в трудовых лагерях, направляли в концентрационные лагери? Не так ли?
Шпеер: Речь шла о так называемых прогульщиках. Прогульщиками мы называли

тех рабочих, которые опаздывали на работу или симулировали болезнь. По отношению к таким рабочим во время войны принимались строгие меры. И я одобрял это.

Джексон: 30 октября 1942 г. на совещании центральной плановой комиссии вы действительно подняли этот вопрос, заявив следующее - цитирую Шпеера:

> «Мы должны обсудить вопрос о лодырях. Лей установил, что там, где на предприятиях имеются свои врачи, которые осматривают больных, число больных сокращается на одну четвёртую или одну пятую. Не имеется возражений тому, чтобы СС и полиция в данном случае могли принимать суровые меры и направлять лодырей в концентрационные лагери. Иного выхода нет. Стоит это повторить несколько раз, и весть об этом быстро распространится...»
>
> Вот каково было ваше предложение?

Шпеер: Да.

Джексон: Иными словами, рабочие ужасно боялись концентрационных лагерей, и вы хотели это использовать для того, чтобы удержать рабочих на работе. Не так ли?

Шпеер: Совершенно верно то, что концентрационный лагерь пользовался у нас дурной славой и что поэтому, направляя в концентрационный лагерь или даже угрожая такой мерой, можно было улучшить положение на производстве. Но на упомянутом совещании этот вопрос больше не обсуждался. Такое замечание можно было сделать в напряженной военной обстановке.

Джексон: Однако совершенно ясно, что вам было известно, что концентрационные лагери пользовались дурной славой среди рабочих и что условия в концентрационных лагерях все считали более жестокими, чем условия в трудовых лагерях.

Шпеер: Правильно, это было мне известно. Конечно, я не знал всего того, что я услышал здесь, на процессе, но то, о чем вы сейчас говорили, было общеизвестным фактом.

Джексон: Что же, это было известно по всей Германии, не так ли, о том, что концентрационные лагеря были достаточно тяжёлым местом.

Шпеер: Да, не в такой степени как раскрылось на данном процессе.

Джексон: И плохая репутация концентрационного лагеря, фактически, являлась частью его пользы для того, чтобы заставлять людей боятся быть направленными туда, не так ли?

Шпеер: Несомненно, концентрационные лагеря были средством, угрозой используемой для поддержания порядка.

Джексон: Чтобы люди работали?

Шпеер: Я не хочу представлять это таким образом. Я утверждаю, что большое число иностранных рабочих в нашей стране делали свою работу совершенно добровольно, раз они прибывали в Германию.

Джексон: Что же, мы рассмотрим это позднее. Вы использовали концентрационные лагеря в производстве в степени, которая требовалась для разделения результатов труда с Гиммлером, не так ли?
Шпеер: Этого я не понял.
Джексон: Что же, вы заключили с Гиммлером соглашение о том, что ему полагалось 5 процентов, или приблизительно 5 процентов от производства рабочей силы концентрационных лагерей, в то время как вы получали для своей работы 95 процентов?
Шпеер: Это не совсем правильно.
Джексон: Что же, расскажите мне, как это было. На это указывают документы, если я правильно их прочёл.
Шпеер: Да, так это представлено в протоколах фюрера, но я хочу объяснить вам смысл. Гиммлер, как я вчера говорил, хотел строить фабрики в своих собственных концентрационных лагерях. Тогда он смог бы производить вооружения без внешнего контроля, о чём Гитлер, конечно, знал. Пять процентов производства вооружений, которые должны были быть переданы Гиммлеру являлись в определенной степени компенсацией за тот факт, что он сам отказался от идеи строить фабрики в лагерях. С психологической точки зрения мне было не просто добиться от Гиммлера отказа от этой идеи, пока он напоминал Гитлеру об этом. Я надеялся на то, что он должен быть удовлетворен 5 процентами производства вооружений, которые мы собирались передать ему. В действительности эти 5 процентов никогда не передавались. Мы спокойно решили с оперативным штабом ОКВ и с генералом Буле, о том, что он вообще не получит вооружений.
Джексон: Что же, вы поймите, я не критикую сделку. Я не сомневаюсь в том, что вы старались получить 95 процентов, но смысл в том, что Гиммлер с вашего ведома, использовал труд рабочей силы из концентрационных лагерей для производства вооружений, или предлагал так сделать, а вы хотели сохранить это производство под своим контролем?
Шпеер: Может ли перевод быть немного четче? Пожалуйста, вы повторите это?
Джексон: Тогда вы знали о том, что Гиммлер использовал рабочую силу концентрационных лагерей для осуществления независимого производства и о том, что он предлагал войти в промышленность вооружений с целью иметь источник снаряжения для своих СС?
Шпеер: Да.
Джексон: Вы также знали о политике нацистской партии и политике правительства к евреям, не так ли?
Шпеер: Я знал, что национал-социалистическая партия являлась антисемитской, и знал, что евреев эвакуировали из Германии.
Джексон: Фактически, вы принимали участие в эвакуации, не так ли?
Шпеер: Нет.

Джексон: Что же, у меня сложилось такое впечатление из документа L-156, экземпляр RF-1522, письмо от уполномоченного по распределению рабочей силы которое датировано 26 марта 1943, которое вы несомненно видели. Вы можете посмотреть на него снова, если желаете. В котором он говорит…

Шпеер: Я знаю его.

Джексон:

> «В конце февраля, рейхсфюрер СС по согласованию со мной и рейхсминистром вооружений и боеприпасов, по причинам государственной безопасности, устранил со своих рабочих мест всех евреев, которые всё ещё свободно работали не в лагерях, и также перевёл их в трудовые лагеря или собрал их для вывоза».
>
> Это было правильным представлением вашей деятельности?

Шпеер: Нет.

Джексон: Вы расскажите мне, как вы участвовали в этом? Тут разве нет вопроса о том, о том, что их должны были передавать трудовым лагерям или собирать для вывоза?

Шпеер: Это верно.

Джексон: Итак, вы говорите, что не делали этого, тогда кто это делал?

Шпеер: Это была очень долгая история. Когда, в феврале 1942, я принял свою новую должность, партия уже настаивала на том, чтобы евреев которые всё ещё работали на фабриках вооружений следовало устранить с них. Я тогда возражал, и смог добиться от Бормана принятия циркулярного письма о том, чтобы эти евреи могли продолжать использоваться на фабриках вооружений и чтобы партийным органам было запрещено обвинять глав этих фирм по политическим основаниям, за то, что евреи там работали. Гауляйтеры которые предъявляли такие политические обвинения против данных глав, в основном были в гау Саксония и гау Берлин. Таким образом, после этого евреи могли остаться на этих заводах.

Не имея какого-либо полномочия так делать, я сделал так, что бы это циркулярное письмо партии было опубликовано в моих информационных листках для глав фабрик и отправил их всем, для того, чтобы в любом случае получать их жалобы, если бы партия не соблюдала инструкции. После этого проблема оставалась закрытой, до сентября или октября 1942. Тогда состоялось совещание с Гитлером, на котором также присутствовал Заукель. На том совещании Гитлер категорически настаивал на том, чтобы евреев устранили из фирм по вооружениям, и он отдал приказы о том, чтобы это было сделано – это можно увидеть из протокола фюрера, который сохранился. Несмотря на это мы добились сохранения евреев на фабриках и только в марте 1943, как показывает письмо, это сопротивление прекратилось и евреев, наконец, выгнали.

Я должен отметить, что насколько я могу вспомнить, это ещё не был вопрос еврейской проблемы в целом, но в 1941 и 1942 евреи приходили на фабрики

вооружений для выполнения важной военной работы и имели занятия военной важности; они могли избежать эвакуации, которая уже тогда была на полном ходу. Они в основном были заняты в электрической промышленности, и гехаймрат Бухер[368], от электрической промышленности – «AEG[369]» и «Siemens[370]» - несомненно, протягивал руку помощи с целью получить евреев в больших количествах. Эти евреи были полностью свободны и их семьи находились у себя дома.

Письмо гауляйтера Заукеля, которое есть у вас, конечно, мне не представлялось; и Заукель говорит, что он сам его не видел. Но разумеется, правда, то, что обсуждался вопрос о том, что следовало получить замену. Это равнозначно, хотя, то, что я тогда протестовал против устранения квалифицированной рабочей силы со своих производств вооружения, помимо иных причин, также создавало для меня трудности.

Джексон: Это именно то, что я хочу подчеркнуть. Как я это понял, вы боролись за получение рабочей силы достаточной для производства вооружений, чтобы Германия выиграла войну.

Шпеер: Да.

Джексон: И эта антисемитская кампания, была настолько сильной, что она забрала у вас опытных инженеров и затруднила осуществление ваших функций.

Шпеер: Я не понял смысл вашего вопроса.

Джексон: Ваша проблема создания вооружений для победы Германии в войне стала намного сложнее из-за этой антиеврейской кампании, которая велась остальными вашими со-подсудимыми.

Шпеер: Безусловно, так; и равнозначно, что если бы евреям, которых должны были эвакуировать, позволили работать на меня, это было бы для меня значительным преимуществом.

Председатель: Господин судья Джексон, было подтверждено кто подписал документ L-156? Видимо на нём есть подпись.

Джексон: Мне кажется, на нём есть подпись генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Мы изучим это.

Председатель: Возможно, подсудимый может сказать о том чья подпись.

---

[368] Герман Бухер (1882 – 1951) – немецкий промышленник. Председатель совета директоров концерна «AEG».

[369] AEG (нем. Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft — рус. Всеобщая электрическая компания) — немецкая компания, специализировавшаяся в области электроэнергетики, машиностроения, а также товаров для дома. До и во время Первой мировой войны — один из крупнейших производителей оружия. Существовала с 1887 по 1996. Оригинальное предприятие ныне не существует, но товарная марка AEG используется шведской машиностроительной корпорацией Electrolux (бытовая техника), а также китайской группой компаний Techtronic Industries, производящей электроинструменты.

[370] Siemens AG (нем. Siemens Aktiengesellschaft, в русской традиции «Сименс») — германский концерн, работающий в области электротехники, электроники, энергетического оборудования, транспорта, медицинского оборудования и светотехники, а также специализированных услуг в различных областях промышленности, транспорта и связи. Штаб-квартиры находятся в Берлине и Мюнхене. Основан в 1847.

[*Документ передали подсудимому*]

Шпеер: Я не знаю человека. Да, должно быть он был небольшим сотрудником в ведомствах уполномоченного по рабочей силе, потому что я знал всех его непосредственных сотрудников лично – нет; прошу прощения, документ исходит от регинрунгспрезидента в Кобленце, как я тут вижу. Тогда это помощник правительственного округа в Кобленце, которого я конечно не знаю.
Джексон: В любом случае, нет никакого вопроса о заявлении как вы это объяснили?
Шпеер: Нет.
Джексон: Теперь я хочу спросить вас о принудительном наборе рабочих. Если я вас правильно понял, вам было известно, что из Венгрии для работы на подземных авиационных заводах было вывезено 100 000 евреев.
На допросе 18 октября 1945 г. вы нам сообщили, что вы не возражали против этого. Это правильно или нет?
Шпеер: Да, это правильно.
Джексон: И совершенно откровенно в тот же день вы сообщили нам, что для вас вообще не было секретом то, что большая часть рабочих, рекрутируемых Заукелем, вербовалась незаконными путями. Это тоже правильно? Не так ли?
Шпеер: Я обратил особое внимание на выражение, какое употребил тогда допрашивающий офицер. Он сказал: «Они приезжали не по своему желанию», — и я это подтвердил.
Джексон: Разве вы не сказали, что для вас не было секретом то, что они доставлялись туда незаконным методом? Разве вы не добавили этого?
Шпеер: Нет, нет. Разумеется не так.
Джексон: Хорошо, но вы, во всяком случае, знали, что на совещании у фюрера в августе 1942 г. фюрер одобрил все принудительные меры, применяемые при вербовке рабочих в случае, если их нельзя было завербовать на добровольных началах, и вы знали, что эти меры проводились в жизнь? Вы нисколько не беспокоились о том, являются эти меры законными или незаконными? Вам нужна была рабочая сила? Так ведь?
Шпеер: Совершенно верно.
Джексон: Но вас абсолютно не беспокоил вопрос о том, делалось ли это законно или незаконно?
Шпеер: Я думаю, что это было вполне обосновано военным положением и всей той точкой зрения, которую мы занимали тогда в данном вопросе.
Джексон: Да, это соответствовало политике правительства. Для вас этого было вполне достаточно в то время. Не так ли?
Шпеер: Да, я считаю, что в тот момент, когда я принял свою должность, то есть в феврале 1942 года, все нарушения международного права, которые мне сегодня могут быть поставлены в вину, к тому времени уже были совершены.

Джексон: Вы не будете отрицать того, что на вас падает доля ответственности за осуществление этих мер, — ответственности юридической или фактической — безразлично. На вас падает доля ответственности за насильственный угон рабочих. Вы не будете этого отрицать, не так ли?

Шпеер: Рабочих в большинстве случаев отправляли в Германию против их воли. Я знал, что они приезжали в Германию не по своему желанию. Но в первый период, до осени 1942 года, я прилагал все усилия для того, чтобы таким образом в Германию прибыло как можно больше рабочей силы.

Джексон: Вы также принимали некоторое участие в распределении этой рабочей силы на различные заводы и в различные отрасли промышленности, соревновавшиеся за рабочую силу?

Шпеер: Нет. Это следует объяснить более подробно – я не совсем это понял.

Джексон: Что же вы, наконец, достигли договорённости с Заукелем, не так ли, относительно распределения рабочей силы после её доставки в Рейх.

Шпеер: Распределение рабочих определялось так называемой степенью необходимости в них. Конечно, я должен был говорить Заукелю, где именно, для выполнения какой программы больше всего была необходима рабочая сила. Окончательно вопрос решался генеральными директивами.

Джексон: Другими словами, вы устанавливали приоритеты в обеспечении различных отраслей промышленности рабочей силой по мере ее поступления в Рейх?

Шпеер: Само собой разумеется, так это и должно было быть.

Джексон: Да. Итак, что касается использования военнопленных, вы – в чём бы не было разногласие в точных цифрах, не оспариваете, что военнопленных использовали для производства вооружений?

Шпеер: Нет, только русских военнопленных и итальянских военных интернированных использовали для производства вооружений. Об использовании французских и остальных военнопленных в этой промышленности у меня было несколько совещаний по теме с Кейтелем. И я должен вам сказать, что Кейтель всегда занимал точку зрения о том, чтобы этих военнопленных не использовали в нарушение Женевской конвенции о военнопленных. Я могу заявлять это в силу того факта, что я больше не использовал своё влияние для надзора за использованием военнопленных в нарушение Женевской конвенции. Конечно, концепция «производство вооружений» весьма открыта для спора. Она всегда зависит от того, используется ли широкая концепция «вооружений» или узкая.

Джексон: Вы были преемником Тодта и имели те же полномочия, которые раньше имел он?

Шпеер: Да.

Джексон: Одна из его директив, от 31 октября 1941 г. письмо ОКВ, уже представленная здесь в качестве доказательства как экземпляр 214, документ ЕС-

194, которая предусматривает, что заместители рейхсминистра вооружения и боеприпасов могут посещать лагеря для военнопленных с тем, чтобы производить отбор квалифицированных рабочих. Это входило в ваши полномочия, не так ли?

Шпеер: Нет, это особое мероприятие было проведено один раз Тодтом по согласованию с ОКВ. Потом оно больше не проводилось.

Джексон: Итак, 22 апреля 1943, на тридцать шестом заседании плановой комиссии, вы пожаловались, не так ли, господин Шпеер? Цитирую:

> «Есть заявление, показывающее в каких секторах распределяются русские военнопленные, и заявление достаточно интересное. Оно показывает, что производство вооружений получило только 30 процентов. Я всегда на это жаловался».
>
> Это верно, не так ли?

Шпеер: Мне кажется, что это неправильно перевели. Не говорилось о «производстве боеприпасов»; следует говорить: «Производство вооружений получило 30 процентов».

Джексон: Я сказал «вооружений».

Шпеер: Да. Но это всё же не подтверждает, что этих военнопленных использовали в нарушение Женевской конвенции о военнопленных, потому что в секторе промышленности вооружений было свободное пространство для использования этих рабочих для производства предметов, которые в смысле Женевской конвенции по делам военнопленных, не являлись предметами вооружений. Однако, мне кажется, что в случае с русскими военнопленными, не настолько большая ценность придавалась строгому соблюдению Женевской конвенции как в случае с пленными из западных стран.

Джексон: Вы утверждаете, что военнопленных, я говорю здесь о французских военнопленных, не использовали на предприятиях по производству материалов, которые предназначались непосредственно для войны, или вы утверждаете, что они использовались там, но это было законно в соответствии с положением Женевской конвенции?

Шпеер: Насколько мне известно, в отношении французских военнопленных эти положения не нарушались. Я не могу этого точно сказать, так как контроль за их использованием не входил в функции моего ведомства. Во время своих многочисленных посещений фабрик, я никогда не замечал, чтобы кто-нибудь из военнопленных западных стран работал непосредственно с предметами вооружений.

Джексон: Скажите, что именно делали французские военнопленные в промышленности, где они работали

Шпеер: На это я не могу вам ответить. Я уже говорил, что распределение военнопленных, иностранных и немецких рабочих по предприятиям не входило в мои функции, этим ведало управление труда совместно со шталагами, если это был

вопрос военнопленных. Я только один раз получил общий отчет о том, какое количество рабочих и каких именно специальностей было занято на заводах. Я не мог составить себе общее представление о том, какие именно рабочие работали на отдельных предприятиях. Поэтому на этот вопрос я не могу дать удовлетворительного ответа.

Джексон: Теперь займемся вопросом о тех 50 тысячах квалифицированных рабочих, которые, как вы сказали вчера, были вами вывезены и использованы на работе в различных областях промышленности и в отношении которых Заукель выражал свое недовольство. На какой работе вы использовали этих рабочих?

Шпеер: Но это не были военнопленные.

Джексон: Где вы их использовали?

Шпеер: Эти рабочие были переброшены с Атлантического вала, где они работали, в Рур с целью ремонта двух плотин, которые были повреждены в результате воздушных налетов. Нужно сказать, что сначала я не знал о перемещении этих 50 тысяч рабочих, и переброска 50000 рабочих с запада в Германию означала для нас катастрофу на Атлантическом вале; одна треть всех занятых на строительстве Атлантического вала рабочих после этого покинула строительство, так как рабочие боялись, что они тоже попадут в Германию. Поэтому мы постарались как можно скорее отменить это мероприятие, чтобы сохранить к себе то доверие, которое питали к нам французские рабочие, работавшие на строительстве Атлантического вала. Из этого факта следует, что французские рабочие у нас на строительных работах организации Тодта работали не по принуждению, иначе не могло бы быть такого массового ухода тотчас же, как только они узнали об опасности быть направленными в Германию. Итак, это мероприятие с 50 тысячами рабочих из организации Тодта во Франции было единичным явлением, которое мы вскоре прекратили. Это была одна из тех ошибок, которые случаются, когда министр отдает строгую директиву, а его подчиненные осуществляют её всеми средствами в своём распоряжении.

Джексон: Известен ли вам документ ЕС-60, в котором говорится, что организация Тодта должна производить набор рабочей силы насильственными методами?

Шпеер: В данный момент я этого не помню.

Джексон: Прошу прощения?

Шпеер: В данный момент я этого не помню. Разрешите посмотреть документ?

Джексон: Пожалуйста, если вы хотите. Напоминаю вам, что этот документ противоречит вашим показаниям по этому вопросу.

> Страница 42, абзац который гласит:
>
> «К сожалению, количество рабочих, предоставляемых организации Тодта на основании статьи 52 Гаагской конвенции о сухопутной войне, вот уже в течение некоторого времени значительно уменьшилось, так как большая часть направленных туда рабочих

вообще не является. Поэтому должны быть приняты принудительные меры. Правда, префект и французские трудовые биржи сотрудничают с нами вполне лояльно. Однако у них недостаточно полномочий для того, чтобы провести это в жизнь».

Шпеер: Я думаю, что меня, возможно, неправильно поняли. Я не оспариваю то, что большая часть рабочих организации Тодта, работавших на Западе, была обязана работать и что на основании этой трудовой повинности они приходили на строительство, но у нас вообще не было средств удерживать их силой. Я это хотел сказать. Значит, если они не хотели работать, они могли снова уйти, и тогда они либо присоединялись к движению сопротивления или где-нибудь прятались.

Джексон: Очень хорошо. Но данная система призыва являлась системой принуждения, не так ли?

Шпеер: Это был призыв французских рабочих на службу в Рейхе или во Франции. Но здесь я должен снова кое-что добавить. Это доклад датированный июнем 1943. В октябре 1943 всей организации Тодта присвоили статус «заблокированной фабрики» и соответственно она получила преимущества имевшиеся у других заблокированных фабрик. Я это подробно вчера объяснял. Из-за этого, организация Тодта имела большое предложение в рабочих, которые приходили добровольно, если конечно, вы видите прямое принуждение в давлении на них из-за угрозы направления в Германию, которая приводила их в организацию Тодта или на заблокированные фабрики.

Джексон: Помещались ли эти рабочие в трудовые лагери?

Шпеер: На строительстве всегда так делается. Строительные площадки находились далеко от деревень, и поэтому создавались специальные лагери для рабочих. Так размещались как немецкие, так и иностранные рабочие. Но, когда представлялась возможность, мы размещали рабочих также в деревнях. Я не думаю, что принципиально это означало размещение в лагерях, но точно я вам не скажу.

Председатель: Документ ранее представлялся?

Джексон: Я собираюсь дать вам его. Документ, из которого я цитировал это экземпляр Соединенных Штатов 892.

Итак, оставляя вопрос личного участия в…

Председатель: Господин судья Джексон, он новый?

Джексон: Нет, он уже есть.

Председатель: Он был раньше?

Джексон: Мне сказали, что я в этом ошибся и он новый. 892 это новый номер.

[*Обращаясь к подсудимому*] Оставляя часть вашего личного участия в этой программе…

Председатель: Вы можете сказать нам, что это за документ и откуда он исходит? Я вижу это EC-60; таким образом, он должно быть захвачен. Но…

Джексон: Это один из экономических документов. Это очень большой документ.

Председатель: Вы можете сказать нам что это или кто его подписал? Видимо это очень длинный документ, не так ли?

Джексон: Это длинный документ, и это доклад оберфельдкоменданта – Л–и–л–л–е имя подписавшего.

Теперь, возвращаясь к вопросу…

Председатель: Вы позволите мне взглянуть на документ, не так ли?

Господин судья Джексон, моё внимание обратили на то, что касается протокола, мы имеем только тот фрагмент, что вы прочитали. Мы не имеем даты, мы не имеем подписи, если она есть, на документе.

Джексон: Я просто освежаю его воспоминания, чтобы получить факты, и я по сути на самом деле не приобщаю документ просто так. Если, ваша честь желает, я могу разобраться с ним подробнее. В нём очень много материала не относящегося к делу.

Председатель: Если вы не хотите приобщать его, тогда он нас не волнует.

Джексон: Большая часть не относится к делу.

Председатель: Да.

Джексон: Цитата адекватно удостоверена.

Председатель: В таком случае вы можете ссылаться на неё, не используя документ. Тогда нам не нужно идентифицировать его как экземпляр.

Джексон: [*Обращаясь к подсудимому*] Оставляя вопрос вашего личного участия в этих вопросах и переходя к вопросам касающимся второй части вашего допроса, я хочу спросить вас о вашем показании по поводу предложения об отказе от Женевской конвенции.

Вчера вы показали, что было внесено предложение отказаться от выполнения пунктов Женевской конвенции. Может быть, вы нам скажете, кто внес такое предложение?

Шпеер: Это предложение, как я уже вчера говорил, было выдвинуто доктором Геббельсом после воздушного налета на Дрезден[371], но уже раньше, начиная с осени 1944 года, Геббельс и Лей начали поговаривать о том, что надо всеми средствами обострить войну. У меня создалось впечатление, что налет на Дрезден и то возмущение, которое было этим вызвано, дали Геббельсу повод начать добиваться отказа от Женевской конвенции.

Джексон: В то время было выдвинуто предложение начать химическую войну?

Шпеер: Я не мог по собственным наблюдениям выяснить должны ли были начать химическую войну, но я знал от различных сотрудников Лея и Геббельса, что они ставили вопрос о применении наших новых боевых газов «Табун[372]» и «Зарин[373]».

---

[371] Бомбардировка Дрездена — серия бомбардировок немецкого города Дрезден, осуществлённых Королевскими военно-воздушными силами Великобритании и Военно-воздушными силами США 13—15 февраля 1945 года во время Второй мировой войны.

[372] Табун — нервно-паралитическое отравляющее вещество (ОВ), ингибитор холинэстеразы. Смертельная концентрация табуна в воздухе 0,4 мг/л (1 мин.), при попадании на кожу в жидком виде — 50-70 мг/кг.

[373] Зарин — отравляющее вещество, обладающее нервно-паралитическим действием. Вызывает поражение при любом виде воздействия, особенно быстро — при ингаляции. Первые признаки поражения (миоз и затруднение дыхания)

Они считали, что оба эти газа будут особенно эффективны, и на самом деле действие их было ужасным. Это заметили это уже осенью 1944 года, когда положение очень обострилось и заставило многих забеспокоиться.

Джексон: Не расскажете ли вы нам сейчас об этих двух газах, о производстве этих газов, об их свойствах, а также о той подготовке, которая проводилась для ведения химической войны?

Шпеер: Я не могу рассказать об этом подробно потому, что я не специалист в этом деле. Я знаю только, что эти газы были особенно эффективны, что от них не мог спасти никакой противогаз, то есть не было никаких защитных средств. Другими словами, солдат не мог защитить от них себя. Мы имели три завода, производивших эти газы, которые не были разрушены и до ноября 1944 работали на полную мощность. Когда до нас дошли слухи о том, что газ может быть использован, я остановил их производство в ноябре 1944. Я остановил это следующим образом. Я заблокировал так называемое предварительное производство, то есть, поставки химикатов для изготовления газа, таким образом, чтобы производство газа, как сами убедились союзные власти, после конца декабря или начала января, действительно замедлилось и наконец остановилось. Начиная с письма которое имеется, и которое я написал Гитлеру в октябре 1944, я пытался с помощью законных методов получить его разрешение на остановку этих газовых фабрик. В качестве причины я привёл ему то, что из-за воздушных налётов предварительное производство, в основном цианида, срочно требовалось для других задач. Гитлер проинформировал меня о том, что производство газа следовало продолжать несмотря ни на что, но я дал указания о том, чтобы предварительные продукты больше не предоставляли.

Джексон: Вы можете обозначить остальных из группы, которая выступала за химическую войну?

Шпеер: В военных кругах точно не было никого за химическую войну. Все разумные круги в армии отвергали химическую войну как совершенное безумие, поскольку в виду вашего превосходства в воздухе, не заняло бы много времени, чтобы возникла ужасная катастрофа для немецких городов, которые были полностью беззащитными.

Джексон: Однако, группа которая выступала за это включала политическую группу вокруг Гитлера, не так ли?

Шпеер: Определенный круг политиков, разумеется очень ограниченный. По большей части Лей, Геббельс и Борман, всегда трое, которые всеми средствами хотели усиления военных усилий; и такой человек как Фегелейн также точно принадлежал к данной группе. О Гиммлере я не уверен, тогда у Гиммлера было мало расположения Гитлера, потому что он позволил себе роскошь руководить

появляются при концентрации зарина в воздухе 0,0005 мг/л (через 2 минуты). Среднесмертельная концентрация при действии через органы дыхания в течение 1 минуты — 0,075 мг/л, при действии через кожу — 0,12 мг/л. Полулетальная доза (ЛД50) при контакте с кожей — 24 мг/кг веса, при попадании в организм через рот (перорально) — 0,14 мг/кг веса.

группой армий, не будучи квалифицированным.

Джексон: Итак, одним из этих газов был газ, который вы предлагали использовать на тех кто предлагал использовать его на других, и я полагаю ваш мотив заключался…

Шпеер: Я должен сказать совершенно откровенно, что моя причина этих планов заключалась в том, что в определенных обстоятельствах могут использовать газ, и совпадение идей о его использовании привело меня к такому плану.

Джексон: И ваши причины, я так понимаю, были такими же, как у военных, то есть, Германия бы точно получила от этого самое худшее если бы Германия начала подобную войну? Вот, что беспокоило военных, не так ли?

Шпеер: Нет, не только это. Это было потому что на этом этапе войны было совершенно ясно, что ни при каких обстоятельствах нельзя совершать международные преступления которое могут предъявить немецкому народу после проигрыша в войне. Это было решающим.

Джексон: Итак, что вы можете сказать про бомбы, которые все еще продолжали сбрасывать на Англию день за днём после того, как стало уже совершенно очевидно, что война проиграна?

Шпеер: Вы имеете в виду ракеты?

Джексон: Да.

Шпеер: Производство ракет с технической точки зрения было для нас дорогостоящим делом, а действие их по сравнению с затраченными средствами — минимальным. Поэтому мы не были очень заинтересованы в том, чтобы выпускать их в большом количестве. Больше всех настаивал на их выпуске Гиммлер. Он поручил некому обергруппенфюреру Каммлеру[374] запускать ракеты по Англии. В армейских кругах придерживались того же мнения, что и я, а именно, что они обходятся слишком дорого. Подобного же суждения придерживались и офицеры воздушного флота, так как на те средства, которые требовались для производства одной ракеты, можно было бы построить истребитель. Ясно, что для нас было бы куда лучше, если бы мы отказались от этой бессмыслицы.

Джексон: Возвратимся к свойствам этого газа. Одним из свойств этого газа было то, что он выделял большое количество тепла. В момент, когда происходил взрыв, создавалась чрезвычайно высокая температура, от которой ничто не могло защитить.

Шпеер: Нет. Это ошибка. Дело обстоит следующим образом: обычные газы испаряются при нормальной температуре воздуха. Этот газ испарялся только лишь при очень высокой температуре, а температура повышалась до необходимого предела только тогда, когда происходил взрыв. Когда взрывчатое вещество взрывается, создается, как известно, очень высокая температура и газ испаряется.

[374] Ганс Каммлер (1901 — предположительно 1945) — обергруппенфюрер и генерал СС. Отвечал за ракетную программу Третьего рейха. Предположительно покончил жизнь самоубийством.

Твердое вещество превращается в газ. Но действие его совершенно не зависит от температуры.

Джексон: Известно ли вам, что с этим газом проводились различные опыты?

Шпеер: Нет, этого я не могу сказать. Наверное, делали опыты.

Джексон: Кто возглавлял проведение этих опытов?

Шпеер: Насколько мне известно, их возглавлял научно-исследовательский отдел артиллерийского управления ОКХ[375], только я не могу этого сказать с уверенностью.

Джексон: Ряд опытов и исследовательских работ производился также и в области атомной энергии, не так ли?

Шпеер: К сожалению, мы не достигли еще таких успехов в этой области, так как все лучшие силы, которые занимались изучением атомной энергии, выехали в Америку. Мы очень отстали в данном вопросе. Нам потребовалось бы еще один-два года для того, чтобы расщепить атом.

Джексон: Политика угона людей, которые не соглашались с Германией разве не приносила очень хорошие дивиденды, не так ли?

Шпеер: В особенности в этой сфере это было большим недостатком.

Джексон: Итак, у меня есть точная информация, которая у меня в руках, об эксперименте, которые проводился возле Аушвица, и я хочу спросить вас слышали или знали вы о нём. Целью эксперимента было найти быстрый и абсолютный способ уничтожения людей не затрудняясь расстрелом, отравлением газом и сожжением, как это делалось, и насколько я осведомлён это был эксперимент. Деревня, предварительно строилась деревня с временными строениями, и в неё помещалось приблизительно 20000 евреев. Посредством нового изобретённого оружия уничтожения, эти 20000 человек почти мгновенно уничтожались, и таким образом от них не оставалось ни следа; это вызывалось, вызывалось взрывом, с температурами от 400 градусов до 500 градусов и уничтожало их вообще не оставляя ни следа.

Вам известно об эксперименте?

Шпеер: Нет, и я считаю это совершенно недоказуемым. Если бы мы вели разработку такого оружия, я должен был знать об этом. Но мы не имели такого оружия. Ясно, что по химическому вооружению с обеих стороны предпринимались исследования о всевозможном оружии, потому что нельзя было знать, чья сторона начнёт химическую войну первой.

Джексон: Значит, сообщения о новом секретном оружии были весьма преувеличены для того, чтобы поддержать в немецком народе желание продолжать войну?

Шпеер: Да, так было дело в течение последнего этапа войны. С августа, или даже июня или июля 1944 я очень часто ездил на фронт. Я посетил более 40 фронтовых

[375] ОКХ от нем. ОКН (нем. Oberkommando des Heeres) — верховное командование сухопутных сил вермахта с 1936 по 1945 год.

дивизий в их секторах и не мог не видеть, что войскам, также как и немецкому народу, давали надежды о поступлении нового оружия, новых вооружений и чудо-вооружений, не требующих использования солдат, без военной силы гарантирующие победу. В этой вере лежит секрет, почему так много людей в Германии отдали свои жизни, хотя здравый смысл говорил им, что война кончена. Они верили в то, что в ближайшее будущее поступит это новое оружие. Я написал об этом Гитлеру и также попытался в различных речах, даже перед руководителями пропаганды Геббельса, работать против такой веры Однако, и Гитлер, и Геббельс, говорили мне, о том, что это была не их пропаганда, а вера самого народа. Лишь здесь на скамье, мне было сказано Фриче, что такая пропаганда распространялась систематически в народе по тем или иным каналам, и о том, что за это был ответственен штандартенфюрер СС Берг. Многие вещи стали ясны мне, поскольку этот человек Берг, как представитель министерства пропаганды, часто принимал участие в заседаниях, в больших заседаниях моего министерства. Там он слышал о наших будущих планах и затем использовал сведения, о них рассказывая о них людям больше воображаемое, чем правду.

Джексон: Когда стало видно, что война проиграна? Я понял, что ваше отношение такое, что вы чувствовали некую ответственность за то, чтобы причинить немецкому народу как можно меньше ущерба. Это честное заявление о вашей позиции?

Шпеер: Да, но я имел такое чувство не только в отношении немецкого народа. Я знаю достаточно хорошо, что следовало избегать равным образом избегать уничтожения на оккупированных территориях. Это было точно также важно для меня с реалистической точки зрения, ибо я сказал себе о том, что после войны ответственность за эти разрушения падёт уже не на нас, а на следующее германское правительство и грядущие немецкие поколения.

Джексон: Где вы разошлись с людьми, которые хотели продолжать войну до печального конца, заключалось в том, что вы хотели видеть Германию имевшую шанс восстановить свою жизнь. Это не факт? В то время как Гитлер занял позицию, что если он не сможет выжить, ему всё равно выживет ли Германия?

Шпеер: Это правда, и я бы никогда не имел отваги сделать такое заявление трибуналу, если бы я не мог подтвердить это с помощью некоторых документов, потому что подобное заявление чудовищное. Но письмо, которое я написал Гитлеру 29 марта, в котором я подтвердил это, показывает, что он сам так говорил.

Джексон: Что же, если я могу прокомментировать, для нас не нова идея о том, какой была его точка зрения. Думаю, то какой была его точка зрения проявилось в остальных странах.

Итак, вы находились с Гитлером, когда он получил телеграмму от Геринга, предлагавшего, чтобы Геринг принял власть.

Шпеер: 23 апреля я вылетел в Берлин для того, чтобы попрощаться с некоторыми из

своих сотрудников, и – я бы хотел сказать совершенно откровенно – после всего, что случилось, также для того, чтобы предоставить себя в распоряжение Гитлера. Возможно, это прозвучит здесь странно, но противоречивые чувства, которые я испытывал по поводу действий, которые я хотел предпринять против него, и по поводу того, как он поступил, все еще не дали мне ни ясного основания, ни какого-либо ясного внутреннего убеждения относительно того, каким должны быть наши отношения, поэтому я полетел, чтобы увидеть его. Я не знал, узнал ли он о моих планах, и не знал не прикажет ли он мне остаться в Берлине. Пока я чувствовал, что моим долгом было не бежать как трус, а остаться с ним снова. В тот день поступила телеграмма Геринга Гитлеру. Эта телеграмма была не Гитлеру, а от Геринга Риббентропу; Борман представил её ему.

Джексон: Представил её Гитлеру?

Шпеер: Да, Гитлеру.

Джексон: Что по этому поводу сказал Гитлер?

Шпеер: Гитлер был необычайно взволнован содержанием телеграммы и сказал достаточно прямо, что он думает о Геринге. Он сказал, что он знал о том, что Геринг с некоторого времени был неудачником, о том, что он коррумпирован, и что он был наркозависимым. Я был крайне потрясен, потому что почувствовал, что если глава государства знал об этом такое долгое время, тогда это показывало отсутствие ответственности с его стороны за то, что человека оставили в должности. Это было типичное отношение Гитлера к проблеме, однако, за этим последовало его заявление: «Но позволить ему вести переговоры это тоже самое».

Джексон: Он сказал, что готов позволить Герингу вести переговоры о капитуляции?

Шпеер: Нет. Он отрывисто сказал: «Всё равно, кто это сделает». Он выразил всё своё неуважение к немецкой нации тем как сказал это.

Джексон: То есть, его отношение заключалось в том, не осталось ничего ценного, поэтому пусть Геринг занимается этим. Это честное заявление о его позиции?

Шпеер: Такое у меня сложилось впечатление, да.

Джексон: Итак, эта политика дрейфа Германии к уничтожению после проигрыша войны так тяготила вас, что вы были частью нескольких заговоров, не так ли, в попытке устранить людей которые были ответственными за разрушение, как вы это понимали, вашей страны?

Шпеер: Да. Но я хочу добавить…

Джексон: Было больше заговоров, чем вы рассказали нам, не так ли?

Шпеер: Тогда было чрезвычайно просто начать заговор. Можно было запросто подойти к человеку на улице и рассказать ему о том какой была ситуация и тогда бы он сказал: «Это безумие»; и если бы у него была смелость, он предоставил бы себя в ваше распоряжение. К сожалению, я не имел за собой ни организации которую я мог призвать и отдать приказы, или обозначить кто должен делать то или это. Вот почему я вынужден был полагаться на личные беседы, чтобы связываться с разными

людьми. Но я хочу сказать, что это было не настолько опасно как выглядит, потому что на самом деле неразумных людей которые остались насчитывалось вероятно несколько дюжин. Остальные 80 миллионов были очень чувствительны как только они знали что происходит.

Джексон: Вероятно, вы имели чувство ответственности за то, что передали 80 миллионов человек полностью в руки фюрер-принципа. До вас это доходило, или доходит сейчас, оглядываясь назад?

Шпеер: Можно повторить вопрос, я не понял смысл.

Джексон: У вас было 80 миллионов вменяемых и мыслящих людей столкнувшихся с уничтожением, у вас была дюжина людей ведущих их к уничтожению, и они не могли остановить его. И я спрашиваю, есть ли у вас чувство ответственности за создание фюрер-принципа в Германии, который Геринг хорошо описал нам?

Шпеер: Лично я, когда я стал министром в феврале 1942, передал себя в распоряжение этого фюрер-принципа. Но я признаю, что в моей организации я вскоре увидел, что фюрер-принцип полон масштабных ошибок, и я пытался ослабить его воздействие. Однако, ужасная опасность авторитарной системы стала на самом деле ясной только в момент, когда мы дошли до конца. Тогда оказалось можно понять, что в на самом деле означал этот принцип, а именно, что любой приказ должны исполнять не критикуя. Всё, что стало известно во время этого процесса о способе исполнения этих приказов, не принимая ничего во внимание, окончательно доказано – например, исполнение приказа уничтожать мосты в собственной стране – как ошибка или следствие такой авторитарной системы. Авторитарная система – или скажем так – с крахом авторитарной системы стало ясно, какие огромные опасности есть в подобной системе, совершенно независимо от личности Гитлера. Сочетание Гитлера и такой системы тогда привело к этим ужасным катастрофам в мире.

Джексон: Что же, итак – Гитлер мёртв, я полагаю, вы принимаете это - и мы должны отдать дьяволу должное. Разве не факт, что в окружении Гитлера не было почти никого, кто бы встал и сказал ему, что война проиграна, за исключением вас?

Шпеер: Это в некоторой степени правильно. Среди военного руководства было много людей, которые, каждый в своей собственной сфере, чётко говорили Гитлеру о том какой была ситуация. Например, многие командующие группами армий, объясняли ему, насколько катастрофическими были события. Например, люди, такие как Гудериан[376] и Йодль часто открыто обсуждали свои сектора в моём присутствии, и Гитлер мог прекрасно понимать, что представляла из себя общая ситуация. Но я никогда не замечал, чтобы те, кто на самом деле были ответственными в окружении Гитлера, даже подходили к нему и говорили: «Война проиграна», как никогда не видел, чтобы эти люди имевшие ответственность

[376] Гейнц Гудериан (1888 — 1954) — генерал-полковник германской армии (1940), генерал-инспектор бронетанковых войск (1943), начальник Генерального штаба сухопутных войск (1945), военный теоретик.

стремились объединиться, чтобы совместно выступить перед Гитлером. Я тоже не делал таких попыток, за исключением раза или двух, потому что это было бы бесполезным, поскольку на том этапе, Гитлер настолько запугал своих ближайших соратников, что они уже не имели никакой собственной воли.

Джексон: Что же, возьмем человека номер 2, который сказал нам, что он выступал за борьбу до самого конца. Вы присутствовали при беседе между Герингом и генералом Галландом[377], в которой Геринг, по сути, запретил Галланду докладывать о катастрофе охватившей Германию?

Шпеер: Нет, в такой форме, это не правильно. Это было другое совещание.

Джексон: Что же, расскажите нам, о чём была беседа генерала Галланда с Герингом, насколько вам о ней известно.

Шпеер: Это было в ставке фюрера в Восточной Пруссии у поезда Геринга. Галланд доложил Гитлеру о том, что вражеские истребители теперь сопровождают эскадрильи бомбардировщиков уже до Льежа и что в будущем нужно ожидать, что бомбардировочные подразделения смогут летать ещё дальше от своих баз в сопровождении истребителей. После обсуждения с Гитлером военной обстановки Геринг укорял Галланда и говорил ему с некоторым волнением, что это не может быть правдой, что истребители не могли долетать до Льежа. Он сказал, что по его опыту старого пилота истребителя, он это прекрасно знал. На это генерал Галланд ответил, что истребители были сбиты, и лежат возле Льежа. Геринг не поверил в то, что это было правдой. Галланд был откровенным человеком, который высказывал Герингу своё мнение совершенно чётко и не позволял, чтобы неистовство Геринга влияло на него. Наконец, Геринг, как верховный главнокомандующий воздушными силами, прямо запретил Галланду делать дальнейшие заявления об этом. Он сказал, что было невозможно, что вражеские истребители могут проникать настолько глубоко в направлении Германии, и поэтому приказал ему принять это как правду. Я продолжил обсуждать тему с Галландом, и Галланда позднее на самом деле освободили от обязанностей командующего истребительной авиацией. До этого времени Галланд был ответственным за все истребительные подразделения в Германии. Он был генералом ответственным за все истребители в высшем командовании воздушными силами.

Председатель: Какая была дата?

Джексон: Я собирался спросить.

Шпеер: Должно быть, это было ближе к концу 1943.

Председатель: Господин судья Джексон, вероятно, нам лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

---

[377] Адольф Галланд (1912 — 1996) — немецкий пилот истребительных частей Люфтваффе Второй мировой войны, лётчик-ас, один из организаторов и руководителей люфтваффе, генерал-лейтенант авиации.

Джексон: Если угодно трибуналу, я хотел спросить вас было ли известно в те дни, когда вы боролись за рабочую силу достаточную для производства вооружений, что Геринг использовал рабочую силу, чтобы собирать и перевозить предметы искусства для собственных нужд. Это было вам тогда известно в то время?
Шпеер: Для этого ему не требовалось много рабочих.
Джексон: Что же, очень мало тоже представляли ценность, не так ли?
Шпеер: Ценными были сокровища искусства, а не рабочие.
Джексон: Для него?
Шпеер: Да.
Джексон: Теперь я хочу вас спросить о тех усилиях, которые вы прилагали в области производства. Очевидно, вам приходилось сталкиваться с большими трудностями? Крупп играл весьма значительную роль в производстве вооружения Германии, не так ли?
Шпеер: Да.
Джексон: Он возглавлял крупнейшее объединение, не так ли?
Шпеер: Да, но как я вчера уже объяснял, он производил мало орудий и мало предметов вооружения, но это был один из самых крупных и видных концернов в системе всей военной промышленности.
Джексон: Вы старались, насколько это было возможно, предотвратить использование ресурсов и рабочей силы для производства тех товаров, которые не были нужны для ведения войны. Это верно?
Шпеер: Да, это верно.
Джексон: И то, что производили на заводах Круппа, будь то пушки или какие-нибудь другие предметы, было крайне необходимо для военной экономики или для ведения войны. Это правильно, не так ли?
Шпеер: В общем можно сказать, что в конце концов важен любой предмет, который изготовляется во время войны на родине, будь то пара
сапог для рабочего, одежда или уголь — все это служит, конечно, для того, чтобы сделать возможным дальнейшее ведение войны. Однако это не имеет никакого отношения к старой концепции, которая мертва долгое время и которую мы находим в Женевской конвенции о военнопленных.
Джексон: В настоящее время я не затрагиваю вопроса применения положений Женевской конвенции. Я хочу задать вам несколько вопросов о ваших усилиях в целях увеличения производства жизненно необходимых материалов, будь то вооружения или не вооружения, и об условиях которые этот режим навязал рабочим и дополнительно, как я думаю вашей проблеме с производством. Мне кажется, вы сможете нам дать некоторую информацию по этому вопросу. Вы часто посещали заводы Круппа, не правда ли?
Шпеер: Я был пять или шесть раз на заводе Круппа.
Джексон: Вы были достаточно хорошо информированы о росте

производительности труда как на заводах Круппа, так и на других заводах?

Шпеер: Во время этих посещений речь шла о ликвидации последствий воздушных налетов, я всегда приезжал после такого налета и имел возможность знакомиться с выпуском продукции. Я очень хорошо знал этот вопрос, так как я работал очень много.

Джексон: Крупп имел несколько трудовых лагерей?

Шпеер: Само собой разумеется, у него были трудовые лагери.

Джексон: Крупп использовал на своих заводах очень большое количество, как иностранных рабочих, так и военнопленных, не так ли?

Шпеер: Я не могу определить процентное соотношение, но, несомненно, Крупп использовал также иностранных рабочих и военнопленных.

Джексон: Хорошо, я могу сказать вам, что мы обследовали трудовые лагери Круппа и на основании картотеки самого же Круппа установили,

что в 1943 г. в трудовых лагерях находилось 39 245 иностранных рабочих и 11 234 военнопленных, что эти цифры все время возрастали и в сентябре 1944 г. они достигли 54 990 иностранных рабочих и 18 902 военнопленных.

Близки ли эти цифры к тем сведениям, которые можете привести вы на основании того, что известно вам?

Шпеер: Мне неизвестны подробности, я не помню сейчас цифры и не помню, сколько всего рабочих было у Круппа. Я думаю, что процент иностранных рабочих у Круппа был тот же самый, что и на других концернах вооружений.

Джексон: Итак, какой же приблизительно процент составляли эти рабочие?

Шпеер: Эта цифра очень сильно колебалась. На более старых предприятиях, где имелся кадровый состав рабочих, процент иностранных

рабочих был менее значительным, чем на новых, только что созданных предприятиях, не имевших старых кадров. Причина заключалась в том,

что молодые возрасты призывали в армию, на предприятиях, располагавших старыми кадрами рабочих, был большой процент рабочих старших возрастов. Поэтому на предприятиях, выпускавших предметы вооружения сухопутных войск, то есть на старых предприятиях, процент занятых иностранных рабочих был меньше, чем на предприятиях, выпускавших вооружение для воздушных сил, то есть вновь созданных предприятиях, не имевших в своем распоряжении старых кадровых рабочих.

Но цифры я при всем желании не могу вам назвать.

Джексон: Иностранные рабочие, которые работали на заводах Круппа, возьмем заводы Круппа в качестве примера, размещались в трудовых лагерях, которые охраняли, не так ли?

Шпеер: Я не думаю, чтобы они охранялись, но я не могу это точно сказать. Я не хочу здесь скрывать какие-нибудь полученные мной сведения, но я не имел абсолютно никакой возможности заниматься этими вопросами, посещая

предприятия, так как я беспокоился о другом. Вообще за все время моего пребывания на посту министра вооружения я ни разу не посетил ни одного лагеря для рабочих — и поэтому не могу дать никаких сведений.

Джексон: Хорошо, сейчас я намереваюсь дать вам некоторую информацию о трудовых лагерях Круппа и затем в связи с этим задать вам несколько вопросов. Я не собираюсь утверждать, что вы лично были ответственны за условия, в которых находились эти рабочие. Я просто хочу указать вам на то, что делал режим, а потом задать вам некоторые вопросы о влиянии этого на ваше производство.

Известен ли вам документ D-288, представленный в качестве экземпляра USA-202? Этот документ представляет собой письменное показание, данное под присягой доктором Егером, который позднее был вызван в суд в качестве свидетеля.

Шпеер: Да, но я считаю его слегка преувеличенным.

Джексон: Вы это не принимаете?

Шпеер: Нет.

Джексон: Вам лично ничего не было известно о существовавших там условиях. На чём основана ваша информация о том, что заявление доктора Егера преувеличено?

Шпеер: Если бы положение вещей действительно было таковым, то я, наверное, услышал бы об этом, так как само собой разумеется, руководитель предприятия во время моих посещений обращался ко мне со всеми своими трудностями и невзгодами. Эти трудности случались в основном после воздушных налётов, когда, например, и немецкие рабочие и иностранные рабочие больше не имели никакого подходящего убежища. Такое положение дел мне описывали, поэтому я знаю, то что сказано в письменных показаниях Егера не могло быть постоянным положением дел. Это могло быть состоянием, временно вызванным воздушными налётами, на неделю или две недели, и которое впоследствии улучшалась. Ясно, что после тяжёлого воздушного налёта на город все санитарные сооружения, водоснабжение, газоснабжение, электричество, и тому подобное, не работали и были сильно повреждены, поэтому были очень трудные условия.

Джексон: Я напоминаю вам, что письменные показания доктора Егера относятся ко времени октября 1942, и что свидетель был здесь. И конечно, вы знакомы с его показаниями.

Шпеер: Да.

Джексон: Сейчас я хочу обратить ваше внимание на новый документ D-361, который будет USA-893. Документ подписан начальником производства локомотивов, он сообщает о тех условиях, в которых находились его иностранные рабочие.

Я вновь повторяю, что я не считаю вас ответственным за это. Я допускаю, что за это был ответственным режим. Я хотел бы огласить этот документ, несмотря на то, что он довольно пространный. Документ был составлен 25 февраля 1942 г. в котлостроительном цеху и адресован Гупе через Винтерса и Шмидта.

«Я получил от Германского трудового фронта прилагаемое письмо от 18 числа сего месяца, направленное на мой личный адрес с приглашением в штаб Германского трудового фронта. Я хотел решить вопрос, о котором мне ничего не было известно по телефону. Мне ответили из Германского трудового фронта, что вопрос крайне важный и требует моего личного присутствия. После этого я спросил господина Юнгериха, работавшего в отделе социально-трудовых вопросов, должен ли я туда пойти. Он ответил: «Вы, очевидно, не должны итти, но было бы лучше, если бы вы пошли». Примерно в 9 час. 50 мин. я направился в комнату № 20 в этом учреждении к господину Приору.

Дальше идет тема этой беседы, которую господин Приор вёл очень взволнованно и которая длилась почти полчаса.

16 числа, 23 русских военнопленных направили на работу в котлостроительный цех номер 23. Эти люди прибыли на работу утром без хлеба и инструментов. Во время двух перерывов военнопленные подходили к немецким рабочим и жалостливо просили, чтобы они им дали хлеба, так как они голодны. В первый обеденный перерыв русским военнопленным роздали еду, оставшуюся от французских военнопленных. Для того, чтобы облегчить положение, 17 числа я пошёл на кухню Вейдкамп согласно указаниям господина Тиля и говорил с начальницей этой кухни госпожой Блок о предоставлении русским военнопленным питания во время обеденного перерыва. Госпожа Блок сразу обещала предоставить мне питание и, кроме того дать взаймы 22 набора кухонных принадлежностей о которых я попросил. Одновременно я попросил госпожу Блок давать любую еду оставшуюся от 800 голландцев столовавшихся там для наших русских военнопленных в обед до дальнейшего уведомления. Госпожа Блок обещала делать и это, и на следующий день в обед она прислала им сверх нормы бачок молочного супа. На следующий полдень порция уменьшилась в количестве. Поскольку некоторые русские уже падали, я позвонил госпоже Блок и попросил ее увеличить порции выдаваемой пищи, так как на второй день специальная порция прекратилась. Так как мой телефонный разговор оказался безуспешным, я вновь лично посетил госпожу Блок. Госпожа Блок в очень резкой форме отказалась выдавать какое-либо дополнительное питание.

Теперь я подробно остановлюсь на этой беседе. Кроме Приора, в комнате находились два других господина из организации Германского трудового фронта и госпожа Блок, которая заведовала кухней Вейдкамп. Господин Приор взял слово и, жестикулируя, в

весьма оскорбительной форме упрекал меня в том, что я якобы переметнулся на сторону большевиков. Он сослался на ряд параграфов законов правительства Рейха, которые выступали против этого. К несчастью, мне не совсем была ясна ситуация с правовой точки зрении, в противном случае я немедленно бы покинул комнату. Затем я попытался разъяснить господину Приору, что русские военнопленные присланы к нам как рабочие, а не как большевики, что они крайне истощены и не в состоянии справиться со своей тяжелой работой, на которую они были поставлены в котлостроительном цеху, что больные люди являются для нас балластом, а не помощью в работе. На это замечание господин Приор ответил, что если один из них ничего не стоит, то другой будет подходящим, что у большевиков нет души и если 100 тысяч из них умрет, то другие 100 тысяч займут их место. На мое замечание о том, что при подобной текучести рабочей силы мы не сможем выполнить наших задач, то есть не сможем поставлять достаточное количество паровозов для «Reichsbahn», которые настойчиво требуют сокращения сроков выполнения заказов, господин Приор ответил: «В данном случае поставки имеют второстепенное значение».

Мои попытки заставить господина Приора понять, в чем заключаются наши экономические интересы, не увенчались успехом. В заключение я могу лишь сказать, что, будучи немцем, я хорошо знаю, каково было наше отношение к русским военнопленным. В данном случае я действовал по указанию своих начальников и старался добиться увеличения выпуска продукции, которую от нас требовали».

На документе имеется подпись: — Зелинг (начальник отдела, производство локомотивов).

И к письму добавлено сообщение подписанное Тилем:

«К вышеуказанному письму я добавляю следующее:

После передачи нам русских военнопленных от снабжения рабочей силой 16 числа сего месяца, я немедленно связался с доктором Леманом по поводу их питания. Я узнал от него, что пленные получали 300 грамм хлеба каждый, между 4 часами и 5 часами. Я указал на то, что было бы невозможно простоять до 18 часов с таким пайком хлеба, на что доктор Леман сказал, что русским не позволено иметь питание западноевропейцев. Я ответил, что военнопленные не могут выполнять требуемую от них работу в котловом цеху с таким питанием, и что нам непрактично иметь этих людей на производстве в таких условиях. Одновременно я потребовал, что если русских продолжат использовать, они должны получать горячий обед, и что по

возможности хлебный паёк нужно разделять, чтобы половину давали рано утром и вторую половину в течение обеденного перерыва. Моё предложение применялось с французскими военнопленными и оказалось очень практичным и хорошим.

Однако, к сожалению, доктор Леман совершенно не принял к сведению моё предложение, и в связи с этим я естественно взял дело в свои руки, и поэтому сказал господину Зелингу обеспечить питание русских военнопленных точно также как у французских военнопленных, для того, чтобы русские могли как можно скорее выполнять работу для которой они предназначались, так как всё это дело касается увеличения производства которую требуют нас министр боеприпасов и вооружений и ДАФ».

Теперь я хочу спросить вас о следующем: разве действия начальника паровозостроительного завода не были действиями, направленными на увеличение выпуска продукции?

Шпеер: Ясно, что у рабочего, который не имеет достаточного питания, не может быть хорошей производительности. Я уже говорил вчера, что каждый глава завода, и я тоже наверху, естественно был заинтересован в хорошо накормленных и удовлетворённых рабочих, потому что плохо накормленные, неудовлетворённые рабочие допускают больше ошибок и дают плохие результаты.

Я бы хотел прокомментировать этот документ. Документ датирован 25 февраля 1942 г. В то время было дано официальное указание, согласно которому отношение к русским военнопленным и русским рабочим, вновь прибывшим в Рейх, должно было быть хуже, чем к военнопленным и рабочим, прибывшим с Запада. Мне стало это известно из жалоб руководителей предприятий. В моей документальной книге есть протокол фюрера, который датирован мартом 1942 – то есть, 3 или 4 недели спустя после этого документа – в котором я обращал внимание Гитлера на то, что питание русских военнопленных и русских рабочих было абсолютно недостаточным, и что им нужно было обеспечить адекватную диету. Протокол показывает, что в обеих случаях я смог добиться от Гитлера согласия с тем, что условия нужно изменить и они изменились.

Кроме того должен сказать, что на самом деле заслуга Заукеля в том, что он боролся против стены глупости и делал всё для того, чтобы с иностранными рабочими и военнопленными обращались лучше и получали достойное питание.

Джексон: Что же, мы продолжим с условиями позднее, сейчас я хочу спросить вас вот о чем: если вы и Заукель не были ответственными за эти условия, то кто же в таком случае был ответственен за них, и прошу иметь в виду, что это вопрос к которому мы переходим.

Я покажу вам новый документ D-398, который заявление, которое будет экземпляром USA-894-A, взятым британо-американской командой в ходе

расследования в этом рабочем лагере Круппа.

Что же, D-321, я тоже могу воспользоваться. Мы воспользуемся документом D-321, который станет 893.

Председатель: 894 был последним номером, который вы нам дали. Какой номер у документа, который вы сейчас приобщаете?

Джексон: 398 был 894. 321 будет 895.

Это заявление сделано одним из работников железной дороги Рейха. Я должен сказать, что ни одно из наших расследований не базируется на показаниях самих военнопленных.

> «Я, нижеподписавшийся, Адам Шмидт, работавший как Betriebswart[378] на железнодорожной станции Эссен—Западная, проживающий…заявляю добровольно и под присягой:
>
> Я работал на железной дороге Рейха с 1918, с 1935 на железнодорожной станции Эссен—Западная. В середине 1941 прибыли первые рабочие из Польши, Галиции и польской Украины. Они были доставлены в Эссен в товарных вагонах, предназначенных для перевозки картофеля, строительных материалов и скота, и должны были быть использованы на заводах Круппа. Вагоны были переполнены людьми. Я лично считал, что бесчеловечно перевозить людей в таких условиях. Людей было набито столько, что они почти, что не имели возможности двигаться. Надсмотрщики заводов Круппа особенно следили за тем, чтобы рабочие как можно быстрее входили и выходили из вагонов. Это возмущало каждого честного немца, наблюдавшего эту картину и то, как людей толкали, давили и вообще обращались с ними по-зверски. С самого начала, как только прибыли транспорты с людьми, мы могли наблюдать, как бесчеловечно с ними обращались. Каждый вагон был настолько переполнен, что просто нельзя было понять, как такое количество людей могло поместиться в одном вагоне. Я видел собственными глазами, как больных людей, которые едва двигались, — часто это были люди с больными ногами, имевшие ранение и люди, страдавшие внутренними болезнями несмотря на это забирали работать. Часто можно было наблюдать, как этим людям было трудно самим двигаться. То же самое можно сказать и о восточных рабочих и военнопленных, которые прибыли в Эссен в середине 1942».

Затем он описывает их одежду и пищу. В интересах экономии времени я не буду оглашать этот документ полностью.

Вы считаете, что и это преувеличенное заявление?

Шпеер: Конечно, рабочие, прибывавшие с Востока в Германию, были плохо одеты,

[378] Управляющий (нем.)

но мне известно, о том, что Заукель пока он находился в должности сделал много, чтобы получить для них одежду получше, и в Германии многих русских рабочих доставляли в значительно лучшие условия чем были у них раньше в России. Русские рабочие были совершенно удовлетворены в Германии. Если они и прибывали сюда в лохмотьях, это не означает, что в этом наша вина. Мы не могли использовать рабочих в лохмотьях и плохой обуви на нашем производстве, поэтому условия улучшались.

Джексон: Хорошо, сейчас я хотел бы обратить ваше внимание на D-398.

Председатель: Прежде чем перейти от этого, что вы скажете об условиях перевозок? Вам был задан вопрос, являются ли эти показания преувеличенными? Вы не ответили на этот вопрос и лишь кратко описали их одежду.

Шпеер: Господин председатель, я не могу дать показаний об условиях перевозки, так как я не получал никаких докладов об этом.

Джексон: Я спрашиваю вас сейчас об экземпляре 398, который станет USA-894. Я имею в виду документ 398, который станет экземпляром 894, заявление Хофера, проживающего в Эссене:

> «С апреля 1943 года я каждый день работал с Лёвенкампом в танковой мастерской 4. Лёвенкамп был очень жесток в обращении с иностранцами. Он отнимал пищу, принадлежавшую военнопленным, и уносил себе домой. Каждый день им чинились новые жестокости по отношению к восточным рабочим, русским военнопленным, французам, итальянцам и гражданскому населению других стран. У него был стальной шкаф, который был настолько маленьким, что вряд ли в нём было можно стоять. Он закрывал в шкафу иностранцев и женщин тоже, на 48 часов не давая еды.
>
> Их не освобождали даже, чтобы облегчиться. Другим людям также запрещалось оказывать какую-нибудь помощь запертым людям или освобождать их. В ходе закрытия склада он стрелял в бежавших русских гражданских не попав в никого из них.
>
> Однажды я был свидетелем того, как он, раздавая пищу, ударил одного француза по лицу черпаком так сильно, что лицо француза покрылось кровью. Далее он сожительствовал с русскими девушками, совершенно не заботясь о рождающихся детях. Он никогда не давал им молока, так что русские женщины должны были кормить своих детей подсахаренной водой, вместо молока. Когда Лёвенкамп был арестован, он написал два письма и показал их мне через свою жену. Он пытался доказать, что никогда не бил людей».

У меня имеется еще много показаний по этому поводу, но меня не интересует их зачитывать.

По вашему мнению, эти показания тоже преувеличены?

Шпеер: Я считаю эти письменные показания ложью. Я скажу, что в немецком народе такое не существует, и если случались отдельные дела их наказывали. Невозможно так поливать грязью немецкий народ. Главы концернов тоже были достойными людьми, и проявляли интерес к своим рабочим. Если бы глава завода Круппа услышал о таких вещах, он бы немедленно принял меры.

Джексон: Что же, что насчёт стальных коробок? Стальные коробки не ставили? Или вы не верите в историю со стальными коробками?

Шпеер: Нет, я в это не верю, я имею в виду, что не верю, что это правда. После краха 1945, разумеется составлено много письменных показаний которые не соответствуют истине. Это не ваша вина. Это вина – после поражения, вполне возможно, что люди сами себе внушают такие вещи.

Джексон: Я бы хотел, чтобы вы ознакомились с документом 258. Я обращаю ваше внимание на важность этого документа, поскольку в нем говорится о том, что охрана состояла из членов СС:

> «Заключенные лагеря в основном состояли из еврейских женщин и девушек из Венгрии и Румынии. Заключенные начали поступать в Эссен в 1944 г. и были использованы для работы на заводах Круппа. Условия жизни и питание заключенных лагеря были ниже всяких установленных норм. Вначале заключенные жили в небольших деревянных бараках. Эти бараки сгорели во время воздушного налета, и с тех пор заключенные должны были спать в сыром подвале. Они спали на полу, на соломенном тюфяке и двух одеялах. В большинстве случаев заключенные не имели возможности ежедневно умываться, так как не было воды, они были лишены возможности помыться. Я мог часто наблюдать на заводе Круппа, как во время обеденного перерыва заключенные стирали и кипятили свое белье в старых, грязных ведрах на костре и здесь же мылись. Во время воздушных налетов заключенные должны были укрываться в траншеях, тогда как охранные части СС шли в приют Гумбольдта который имел бомбоубежище. Подъем производился в 5 часов. Утром им не давали ни кофе, ни какой-либо другой пиши. Они выходили на фабрику в 5:15 утра. Они маршировали пешком три четверти часа, очень плохо одетые, часто без обуви, завернутые в одеяла в снег и дождь. Работа начиналась в 6 часов утра. Обеденный перерыв длился с 12 до 12.30. Только во время этого перерыва заключенные имели возможность изготовить для себя какую-либо пищу из картофельных очисток и других отбросов. Рабочий день длился от 10 до 11 часов. Хотя пленные были крайне обессилены от голода, их использовали на очень тяжелой в физическом отношении работе, где надсмотрщики и женщины из охраны СС обращались с ними очень плохо. В пять или

шесть часов вечера они возвращались обратно в лагерь. Сопровождающая их охрана СС, состоявшая из женщин, несмотря на протесты со стороны гражданского населения, часто очень грубо обращалась с заключенными во время их возвращения в лагерь. Они били и толкали их и употребляли такие ругательства, которые даже невозможно повторить. Часто некоторых девушек или женщин приносили в лагерь на руках их товарищи, поскольку они находились в состоянии полного изнеможения. В шесть или семь часов вечера эти изможденные люди возвращались в лагерь. По существу, только в это время выдавалась дневная пища. Еда состояла из капустного супа. Вечером выдавался ужин, состоящий из воды и куска хлеба, который был предназначен для следующего дня. Временами по воскресеньям пища была несколько лучше. Обследование лагеря на протяжении всего периода его существования никогда не проводилось фирмой Круппа. 13 марта 1945 года заключенные лагеря были доставлены в концентрационный лагерь в Бухенвальд, а оттуда некоторые из них были направлены на работу. Начальником лагеря был обершарфюрер СС Рик. Его нынешнее местонахождение неизвестно».

Это, по вашему мнению, тоже является преувеличением?

Шпеер: Из документа…

Флекснер: Господин председатель…

Председатель: Могу я услышать ответ. Я думаю подсудимый, что-то сказал.

Флекснер: Могу я обратить внимание суда на сам документ, из которого у меня только копия? Он озаглавлен «Заявление под присягой военному суду» и под ним обычная подпись. Не сказано, что это письменные показания или надлежащее заявление под присягой, или что-то подобное, сказано только: «Следует провести дальнейшее расследование» и это подписано Хубертом Карденом. Видимо это имя человека, который сделал заявление. Затем есть ещё одна подпись «Криминальассистент З. Пр.» То есть сотрудник полиции, который находится на испытательном сроке и который позднее станет кандидатом в уголовный розыск. Он подписал это. Затем ещё одна подпись «С. Е. Лонг, майор, председатель». В документе нет ни слова о том, что кто-либо из этих трёх человек хочет удостоверить содержание этих письменных показаний. Мне не кажется, что данный документ может быть использован в смысле письменных показаний.

Председатель: Да, господин судья Джексон? Вы желаете что-то сказать?

Джексон: Я – документ сам по себе показывает. Я не – как я заметил свидетелю, я даю ему результат расследования. Я не обвиняю его в личной ответственности за эти условия. Я намерен задать ему некоторые вопросы об ответственности за условия в лагере.

Председатель: Что же, есть заявление вверху копии которая есть у меня:

«Заявление под присягой военному суду».

Джексон: Да, они были взяты в Эссене, в этом расследовании. И конечно, если бы я обвинял этого конкретного подсудимого в ответственности, то можно было поспорить. Это точно подпадает – явно соответствует уставу, которые разрешает принимать здесь результаты судебных разбирательств других судов.

Председатель: Вы имеете подлинник?

Джексон: Да.

[*Документ передали трибуналу*]

Председатель: Трибунал не видит возражений использованию документа в перекрёстном допросе.

Вы присвоили ему номер экземпляра?

Джексон: Должно быть, да это USA-896.

Председатель: Да.

Джексон: [*Обращаясь к подсудимому*] Теперь я хочу обратить ваше внимание на экземпляр номер 382.

Шпеер: Я хотел прокомментировать документ.

Председатель: Господин судья Джексон, есть кое-какие фотографии перед нами. Они идентифицированы и составляют часть экземпляра?

Джексон: Они составляют часть экземпляра, который я сейчас приобщаю.

Председатель: Понимаю.

Джексон: Но свидетель желает прокомментировать последний документ, и я выслушаю его прежде чем продолжить.

Да?

Шпеер: Сначала я бы хотел сказать, так как вы столь часто упоминаете мою не ответственность, что если в целом такие условия были правдой, на основании моего вчерашнего заявления я должен считать себя ответственным. Я отказываюсь уходить от ответственности. Но условия не были такими как здесь якобы сказано. Цитировались только отдельные случаи.

Что касается данного документа, я бы хотел сказать судя по содержанию этого документа, что это касается концентрационного лагеря, одного из небольших концентрационных лагерей вблизи фабрик. Предприятия не имели возможности осматривать эти лагери, и поэтому совершенно правильно предположение, в котором говорится, что представитель предприятия ни разу не посетил лагеря. Наличие охраны СС указывает также на то, что речь идет о концентрационном лагере.

Если вопрос который вы мне задали раньше, о том охранялись ли трудовые лагеря – для иностранных рабочих – если это относится к этому документу, тогда ваш вывод неправильный. Ибо насколько я знаю, остальные

трудовые лагеря не охраняли СС или какие-то другие организации.

Моя позиция в том, что я считаю своей обязанностью защищать глав заводов от любой несправедливости которую могут отнести на их счёт. Глава завода не волноваться об условиях в подобном лагере. Мы видели много материала об условиях в концентрационных лагерях в ходе процесса.

Джексон: Я прошу, чтобы вам показали экземпляр номер D-382 – надо сказать документ D-382 – который будет экземпляром Соединенных Штатов 897. Этот документ представляет собой показания нескольких лиц по поводу одного из стальных ящиков, которые находились в лагере для иностранных рабочих танковой мастерской 4, а также в лагере для русских. Я не знаю, есть ли необходимость оглашать все показания полностью?

Это отдельные примеры. Какова ваша точка зрения по данному поводу?

Шпеер: То, что здесь снято, — это один из обычных шкафчиков для спецодежды, которые имеются на каждом предприятии. Эти фотографии абсолютно не имеют ценности как доказательства.

Джексон: Очень хорошо. В таком случае я попрошу вам показать, экземпляр D-230. Вместе с D-230 межведомственный протокол о стальных дубинках, и стальные дубинки которые были найдены в лагере вам покажут. Распределил восемьдесят, согласно докладам.

Шпеер: Мне это прокомментировать?

Джексон: Да, если хотите.

Шпеер: Да, Это ни что иное, как эрзац резиновой дубинки. У нас не было резины, поэтому охрана имела, вероятно, что-то подобное.

Джексон: Я так и подумал, когда прочитал этот документ.

Шпеер: Да, но охрана не прибегала сразу к этому стальной дубинке, так же как ваши полицейские не прибегают сразу к резиновой дубинке. Они должны иметь что-то в руках. Так уж заведено в мире.

Джексон: Что же, мы не спорим об этом.

Шпеер: Я не эксперт. Я лишь полагаю, что дело в этом. Я не могу свидетельствовать под присягой о том, как было дело. Это был просто аргумент.

Председатель: Вы присвоили этому номер?

Джексон: Ваша честь, 898.

Джексон: Теперь, 899 будет наш документ D-283 который доклад 1943 из больниц Круппа взятый из материалов Круппа.

«Предмет:

Случаи смерти восточных рабочих.

54 восточных работника умерли в госпитале на Лазареттштрассе, 4:

50 — в результате заболеваний и 4 — в результате внешних причин.

Из 50 восточных работников умерших из-за болезни, от туберкулеза умерло — 36 (включая 2 женщин), от истощения — 2, внутреннего

кровоизлияния — 1, от тифа — 1 (женщина), от кишечных заболеваний — 2, от воспаления легких — 3, от аппендицита — 1(женщина), от болезни печени - 1, болезни почек – 2, от воспаления мозга — 1. Таким образом, этот отчет показывает, что четыре пятых всех людей умерло от туберкулеза и истощения».

Разве время от времени вы не получали отчетов о состоянии здоровья тех рабочих, которых вы использовали для выполнения вашей программы вооружения?

Шпеер: Я хотел бы сначала высказать свое мнение о самом документе. Из документа не видно, как велико было общее количество рабочих, в отношении которого установлен процент смертных случаев. Так что нельзя сказать, является ли указанный процент действительно слишком высоким. На одном из заседаний центральной плановой комиссии на основании имевшихся данных я установил, что большое количество русских рабочих больны туберкулезом. Я не знаю, это ли вы имеете в виду, когда говорите об информации. Замечание было сделано Вейгером, а затем мы при помощи органов здравоохранения, в компетенцию которых входили эти вопросы, пытались облегчить положение.

Джексон: Но процент смертности от туберкулеза в сравнении с общей смертностью был крайне велик, в этом нет никакого сомнения, не так ли?

Шпеер: Я не знаю, был ли ненормально высок процент смертности, но временами приходилось констатировать ненормально высокий процент заболевания туберкулезом.

Джексон: Из этого документа не видно, насколько велик был процент смертности от туберкулеза по сравнению с общей смертностью, не так ли? 80 процентов смертности от туберкулеза говорит об очень большом проценте заболеваемости туберкулезом, не так ли?

Шпеер: Возможно, но у меня лично об этом точных сведений не имеется.

Джексон: Теперь я хочу показать вам…

Председатель: Вы присвоили ему номер? Это будет 899, не так ли?

Джексон: Ваша честь, 899.

Джексон: Сейчас я хочу, чтобы вам показали документ D-335. Это отчет из архивов Круппа, датированный в Эссене 12 июня 1944 г., направленный «Доктору Егеру, лагерному врачу гау», подписанный Стиннесбеком:

«В середине мая я начал осуществлять санитарный надзор над лагерем военнопленных № 1420 на Негератштрассе. В этом лагере находится 644 французских военнопленных.

Во время воздушного налета 27 апреля сего года лагерь был сильно разрушен, и в настоящий момент условия в лагере нетерпимые.

315 военнопленных все еще расположены в лагере. 170 из них живут уже не в хижинах, а в туннеле на Грюнештрассе у железнодорожной линии Эссен-Мюльхайм. Туннель — сырое и непригодное для

постоянного человеческого жилья место. Остальные заключенные размещены на десяти различных фабриках Круппа.

Медицинский уход оказывает французский военный врач, который проявляет особое сочувствие по отношению к своим соотечественникам. Больных с фабрик Круппа должны также присылать на этот прием. Прием происходит в уборной одного из сожженных домов вне лагеря. Четыре французских санитара спят в этих же уборных. Для тяжело больных пациентов имеется двухъярусная деревянная кровать. Обычно медицинская помощь оказывается под открытым небом. В дождливую погоду все больные собираются в маленькой комнате. Условия невыносимые! Нет ни стульев, ни столов, ни воды. Вести регистрацию больных невозможно.

Перевязочных материалов и медикаментов не хватает, хотя рабочие, получившие тяжелые повреждения на работе, очень часто направляются сюда для того, чтобы им была оказана первая медицинская помощь и где им, естественно, должна быть сделана перевязка до того, как они будут направлены в госпиталь. Имеется также очень много серьезных жалоб в отношении пищи, которую охрана лагеря находит достаточной.

В таких обстоятельствах можно ожидать заболеваемости и сокращения рабочей силы.

Крайне необходимо срочно начать строительство хижин для заключенных и для больничных палат, чтобы им можно было оказать соответствующую медицинскую помощь.

Пожалуйста, примите необходимые меры.

Подпись: Стиннесбек».

Шпеер: Из этого документа ясно видно, какое может создаться положение после крупных налетов авиации. Условия были одинаковыми как для немцев, так и для иностранных рабочих. Не было кроватей, не было шкафов, и тому подобного. Это было из-за того, что лагерь, в котором предоставлялись эти вещи, был сожжён. То, что снабжение продовольствием было зачастую неадекватным в рурском районе в тот период было из-за того, что атаки с воздуха сконцентрировались на линиях снабжения, поэтому транспорты с продовольствием нельзя было доставлять в Рур в необходимом объеме. Это были временные условия, которые мы могли улучшать с уменьшением налётов. Когда условия стали ещё хуже после сентября или октября 1944, или даже после ноября 1944, мы прилагали все усилия для того, чтобы впервые дать поставкам продовольствия приоритет над нуждами вооружения, поэтому в виду этих трудностей рабочих должны были накормить в первую очередь, в то время как вооружения немного отодвигали в сторону.

Джексон: Что же, тогда вы стали занимать получением продовольствия и следить за

условиями этих рабочих? Я понимаю, что вы это делали, что вы предпринимали шаги?

Шпеер: Это правда, что я так делал, и я рад это делал это, даже если меня будут упрекать за это. Ибо это универсальная человеческая обязанность, когда кто-то слышит о таких условиях постараться облегчить их. Но свидетель Рикке[379] дал здесь показания о том, что вся продовольственная ситуация находилась под руководством министерства продовольствия.

Джексон: И это было важной часть производства, не так ли, поддерживать рабочих в состоянии подходящем, чтобы производить? Это элементарно, не так ли?

Шпеер: Нет. Это ошибочно сформулировано.

Джексон: Что же, сформулируйте за меня отношение между питанием рабочих и количеством произведённой продукции.

Шпеер: Я вчера говорил, что ответственность за условия труда распределялась между министерством продовольствия, управлением здравоохранения рейхсминистерства внутренних дел, трудовым уполномоченным в ведомстве генерального уполномоченного по распределению рабочей силы и так далее. В моих руках не находилось всеобъемлющей власти. В Рейхе, ввиду того как был выстроен государственный механизм, нам не хватало всеохватывающего ведомства в форме рейхсканцлера который бы собирал вместе все эти ведомства и проводил совместные дискуссии. Но я, как человек ответственный за производство, не имел никакой ответственности за эти вопросы. Однако, когда я слышал жалобы от глав фабрик или своих заместителей, я делал всё, чтобы устранить причину жалоб.

Джексон: Производства Круппа…

Председатель: Мы прервёмся?

Джексон: В любое время, сэр.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Трибунал желает заслушать защитников подсудимых о том какую подготовку они считают возможной осуществить в связи с выделением времени на их речи.

Нельте: Я бы хотел прежде всего отметить, что защитники с которыми трибунал обсуждал заключительные речи защиты на более раннем закрытом заседании, не информировали остальных защитников, поскольку у них сложилось впечатление,

[379] Ганс Рикке (1899 – 1986) – нацистский политик и группенфюрер СС. Начальник управления сельского хозяйства Экономического штаба «Восток».

что трибунал не будет налагать никаких ограничений на защиту в этом плане. Лично я, когда заявлял свои возражения, не имел никаких сведении о дискуссии, так как мои коллеги которые совещались с вами раньше разрешили мне объясниться.

По предложению трибунала, защитники индивидуальных подсудимых обсудили решение объявленное на заседании от 13 июня 1946, и сейчас я представляю трибуналу итог дискуссии, однако, делая это, я буду давать определенные оценки, поскольку некоторые из моих коллег или отсутствуют или имеют другое мнение о выделении времени.

Защитники считают, что только осознанное суждение каждого защитника может определять форму и длительность заключительных речей в таком необычном процессе, несмотря на общепризнанное право трибунала, предотвращать возможное злоупотребление свободой слова. Они также считают, что в виду такого фундаментального условия и в виду обычной практики международных судов, трибунал поймет и одобрит то, что защита озвучивает своё возражение превентивному ограничению свободы слова, ибо злоупотребление с их стороны нельзя принимать как закономерный вывод. Такое фундаментальное отношение, конечно соответствует готовности защиты выполнять указания и пожелания трибунала насколько это совместимо с подобающей концепцией защиты в каждом деле. В таких обстоятельствах защитники индивидуальных подсудимых попросили самим оценить вероятную длительность своих заключительных речей. Результат этих оценок показывает, что несмотря на ограничения наложенные защитниками в отношении самих себя, и ввиду пожеланий высокого трибунала, общая длительность в приблизительно 20 дней потребуется защите.

Председатель: Доктор Нельте, трибунал попросил защиту о распределении между ними 14 дней.

Нельте: Господин председатель, мне кажется, моё заявление даёт понять, что кажется невозможно принять такой принцип. Если трибунал считает эти 14 полных дней бесспорными, тогда вся защита примет такое решение. Но насколько мне известно, будет совершенно невозможно, в таких обстоятельствах, достичь согласия между защитой и таким образом возникает значительная угроза, что защитники которые подготовят свои выступления позднее будут находится под давлением времени.

Председатель: Да, думаю трибунал вероятно полностью понимает, что вы думаете 14 дней – вы и ваши собратья считают, что 14 дней слишком мало, но как я скажу, это то о чём попросил трибунал при выделении времени, и в том, что вы сказали нет ничего, что указывает на выделение, ни 14 дней ни 20 дней которые вы предлагаете.

Нельте: К периоду в 20 дней пришли, когда каждый защитник назвал предполагаемую длительность своей речи. Таким образом, было вполне возможно сказать, что если трибунал одобрит длительность в 20 дней, тогда мы сможем высказать наше решение о длительности индивидуальных выступлений. Но на

практике невозможно, выделить время, если общее число дней только 14. Господин председатель, можете быть уверены, что мы подходим к вопросу сознательно, и что мы тоже выражаем способ которым можно разделить отдельные темы между защитниками индивидуальных подсудимых, но общее количество примерно 20 дней кажется нам, не желая называть максимальную и минимальную цифру абсолютно достаточным для распределения. Господин председатель, вполне возможно, что в ходе выступлений…

Председатель: Как я вам отметил, трибунал хотел знать в чём заключалось распределение, и предположительно вы подготовили какое-то распределение которое дополнительное к тем 20 дням, что вы попросили, и трибунал хотел бы, если вы имеете какое-то подобное распределение, чтобы вы позволили ему увидеть распределение, или если вы не имеете подобное распределение, тогда он желает выслушать каждого защитника по-отдельности о том сколько он думает занять. Если вы получили список, то трибуналу кажется вы можете вручить его.

Нельте: Цифры доступны и их передадут трибуналу, но некоторые мои коллеги сказали, что их оценки верны лишь исходя из предположения, что не больше конкретного количества дней будет разрешено. Эта точка зрения о которой я уже сказал, в некоторой степени отличается. Но все мы думаем, что решение трибунала было лишь предположением, а не максимальным выделением. Надеюсь, господин председатель, что ваши слова сейчас тоже нужно понимать таким образом, и что трибунал все же рассмотрит не нужно ли расширить предложенный период в 14 дней до соответствия времени которое мы считаем необходимым.

Председатель: Что трибунал хочет, это распределения времени между различными защитниками. Вот о чём он просил и вот, что он хочет, и так или иначе мы попросим вас дать это в письменном виде, или мы попросим вас, каждого из вас, высказать сколько вы ожидаете займет ваша речь.

Нельте: Думаю, я могу сказать от имени моих коллег и сказать, что мы представим свои оценки трибуналу в письменном виде.

Председатель: Доктор Нельте, трибунал считает, что он хочет иметь распределение сейчас. Он уже уведомил, думаю это было вчера, что он желает выслушать защитников по вопросу выделения этим вечером в два часа, и поэтому он хочет иметь распределение сейчас.

Нельте: В таком случае, я могу лишь попросить трибунал выслушать каждого защитника по-отдельности, поскольку естественно, я не могу сказать по памяти какую оценку дал каждый.

Председатель: Вы может изложить в письменном виде, но если вы не имеете в письменном виде, несомненно вы не можете запомнить. Но вероятно вам лучше предоставить нам то сколько вы займете.

Нельте: Я оценил в 7 часов. Мой коллега Хорн от Риббентропа, говорит мне, что ему требуется 6 часов.

Председатель: Мы рассмотрим каждого защитника по очереди, если вам угодно.
Да, доктор Штамер?
Штамер: Семь часов.
Председатель: Доктор Заутер?
Хорн: Можно мне от имени доктора Симерса и доктора Кранцбюлера попросить выделить каждому по 8 часов?
Заутер: По делу Функа 6 часов, и по делу фон Шираха 6 часов.
Серватиус: Для Заукеля, 5 часов.
Председатель: Минуточку. Я не могу так быстро это записывать. Кого пожелал представлять доктор Хорн? Симерса и кого ещё? И сколько было часов?
Хорн: Доктора Симерса и доктора Кранцбюлера, 8 часов каждый.
Серватиус: Для Заукеля - 5 часов.
Кауффман: Для Кальтенбруннера - приблизительно 4-5 часов.
Маркс: Для Штрайхера - 4 часа.
Зейдль: Для Гесса и Франка - вместе 11 часов.
Панненбекер: Для Фрика - 5 часов. Я помню из списка, что доктор Бергольд хочет 3 часа для Бормана. Доктор Бергольд отсутствует, но я помню, что в списке сказано 3 часа.
Дикс: Для Шахта - 5 часов.
Экснер: Для Йодля - 5 часов.
Кубушок: Для Папена - приблизительно 5 часов.
Штейнбауэр: Для Зейсс-Инкварта - 5 часов.
Флекснер: Для Шпеера - 4 часа.
Людингхаузен: Для меня, господин председатель - 8 часов. Для профессора Яррейса, который перед заключительными речами рассмотрит техническую тему, 4 часа.
Председатель: О чем будет говорить профессор Яррейс?
Людингхаузен: О теме одобренной трибуналом, а именно общем вопросе международного права.
Зейдль: Защитник подсудимого Розенберга сказал, что ему потребуется 8 часов.
Фриц: Господин председатель, я бы хотел попросить трибунал принять во внимание, что дело Фриче ещё не представляли и поэтому я не могу дать точную информацию, но я оцениваю примерно в 4 часа.
Председатель: Доктор Нельте, трибунал хотел бы прежде всего знать о том все ли защитники предлагают написать и огласить свои речи.
Нельте: Насколько я информирован, все защитники напишут свои речи перед выступлением. Будут ли они читать каждое слово из текста, или же прочитают части и представят другие части пока не ясно.
Председатель: Они рассматривали, будут ли они представлять их для перевода, потому что как уже отмечал трибунал, для членов трибунала которые не читают по-

немецки было бы гораздо удобнее иметь перед собой перевод. Это бы не только сильно помогло трибуналу, но и самим подсудимым если они сделают это.

Нельте: Данный вопрос пока не урегулирован. Мы обсуждали это, но пока не пришли к окончательному выводу. Мы думаем, что доступное теперь короткое время делает невозможным перевод рукописей на все четыре языка.

Председатель: Защитники подсудимых, конечно понимают, что речи, если их представят для перевода, не будут доводиться никому до тех пор пока речь не будет произнесена. Таким образом их не дадут заранее ни трибуналу ни обвинению ни кому-либо ещё, поэтому речь останется совершенно частной до того как будет произнесена. И вторая вещь, конечно, много речей будет затягивать защитник который будет перед ними, и поэтому будет весьма значительное время в течение либо 14 дней или более длинного периода, если такой более длительный период будет предоставлен, который позволит перевести речи, и защита отметит, что если её речи будут написаны, она сможет точно сказать сколько времени займет выступление, или почти точно.

И есть ещё одна вещь на которую я хочу обратить внимание. Есть 20 или 21 подсудимый и естественно, есть разные темы которые общие для всех них, и поэтому должна быть возможность, как кажется трибуналу, для защиты, разделить в некоторой степени темы которые уже рассмотрели, нежели снова и снова рассматривать доказательства по ним, и я не знаю полностью ли учитывала это защита делая эту оценку времени изложенную нам.

Во всяком случае, трибунал надеется, что они обратять свои мысли к этим трём вопросам: прежде всего, могут ли он представить свои речи для перевода, для того, чтобы помочь трибуналу, во-вторых, смогут ли они, когда напишут речи, точно определить время, и в-третьих, смогут ли они распределить темы в некоторой степени общие для них для того, чтобы мы снова и снова не слушали одни и те же темы.

Я не знаю желает ли, что-нибудь сказать обвинение. Трибуналу сказали, думаю, в том порядке в котором мы ссылались на вопрос ограничения времени, что оно ожидает, что обвинение займет только три дня. Вероятно будет удобнее выслушать обвинение о том аккуратная ли это оценка.

Максвелл-Файф: Да, милорд, обвинение не просит больше трёх дней. Может получиться меньше, но мы не просим больше трёх дней.

Джексон: Ваша честь, я бы хотел, обратить ваше внимание вот на что. Надеюсь от нас не ждут, что мы будем мимеографировать и выводить из строя наши мимеографы, двадцатью днями речей или чем-то подобным. На нас нельзя возлагать такое бремя. Думаю – от гражданина Соединненных Штатов ожидать выступления по делу в самом высоком суде страны в один час, и здесь сами клиенты защитников открыто издеваются по поводу времени которое они попросили. Это неразумное количество времени для этого дела, я должен протестовать против ожидания

мимеографирования двадцатидневных речей. Это просто невозможно.

Председатель: Трибунал хочет знать намерено ли обвинение позволить им иметь копии речей во время их выступления.

Максвелл-Файф: Что касается заключительной речи генерального атторнея, мы разумеется ожидали и надеялись дать трибуналу копии речи.

Председатель: А переводы?

Максвелл-Файф: Да, это будет сделано. Милорд, интересно, из оптимизма – это доктор Нельте сказал, что будут долго переводить. Я знаю, что касается перевода на английский язык, мы имели недавно проблему с семидесятистраничной речью и это наши переводчики сделали за один день. Поэтому надеюсь, что вероятно доктор Нельте немного пессимистичен по поводу этой стороны проблемы.

Председатель: Трибунал рассмотрит вопрос.

Итак, трибунал продолжает с перекрёстным допросом.

[*Подсудимый Шпеер вернулся на место свидетеля*]

Джексон: Ваша честь, я думаю, что фотографии, которые приобщили в качестве доказательства, будут не совсем понятны, если в протоколе не будет приведено их описание. Я коротко оглашу его.

> «Это описание камеры пыток, которыми пользовались в лагере для иностранных рабочих в танковом цехе 4 и в ужасном лагере для русских, о чем под присягой нам были даны следующие показания:
>
> На фотографии «А» изображен железный шкаф, специально изготовленный фирмой Круппа для пыток русских гражданских рабочих, которые невозможно описать словами. В этот шкаф, где почти никто не мог стать во весь рост, запирали мужчин и женщин. Высота этого карцера 152 см, ширина и глубина 40-50 см. Часто даже двух людей вталкивали и втискивали в один стальной ящик. Русские…»
>
> Я не читаю остальное.
>
> Фотография «В» показывает этот же ящик в закрытом виде.
>
> Фотография «С» — открытый ящик.
>
> Фотография «D» показывает лагерь, который заведомо был выбран администрацией Круппа для жилья русских рабочих. Отдельные комнаты были в 2—2,5 м шириной, 5 м длиной и в 2 м высотой. В каждой комнате жили, примерно, по 16 человек на двухэтажных нарах. (Документ USA-897)
>
> Я думаю это всё.

Председатель: Господин судья Джексон, минуточку. Я думаю, вы должны прочитать последние три строки второго абзаца, начинающиеся «В верхней части

ящика…»

Джексон: О, да, извиняюсь.

> «В верхней части ящика было несколько отверстий, как в сите, через которые на несчастные жертвы в зимнюю стужу лили ледяную воду».

Председатель: Прочитайте также последние три строчки предпоследнего абзаца, в связи с тем, что говорил подсудимый по поводу этого доказательства.

Джексон:

> «Прилагаем два письма, которые начальник лагеря Лёвенкамп переправил контрабандой из тюрьмы для того, чтобы склонить нижеподписавшегося Хофера дать благоприятные ему показания.
>
> Я, может быть, должен прочитать последний абзац.
>
> «Я, нижеподписавшийся, Дамм (один из подписавшихся) лично видел, как три русских рабочих были заперты в ящик, при чем двое из них в одно отделение, после того как их сначала избили в канун нового 1945 года. Двое русских вынуждены были оставаться весь канун нового года в шкафу, и на лили холодную воду».

Я могу сказать трибуналу, что мы имеем, примерно 100 показаний и заявлений в связи с расследованием, произведенным в этом лагере. Я не собираюсь их представлять здесь потому, что я думаю, что они будут кумулятивными, и я удовлетворюсь лишь еще одним — D-313, который станет экземпляром USA-901, который заявление доктора.

Председатель: Господин судья Джексон, этот лагерь на который вы ссылаетесь это концентрационный лагерь?

Джексон: Что же, как я понимаю это был лагерь для военнопленных и трудовой лагерь. В Эссене были трудовые лагеря и лагеря военнопленных. Я не понял, что это был концентрационный лагерь, но я признаю разница временами невелика.

> Этот документ гласит:
>
> «Я, нижеподписавшийся, доктор Апполинарий Готовицкий, врач польской армии, был взят в плен немцами 3 января 1941 г. и оставался в качестве военнопленного до прихода американцев. Я оказывал медицинскую помощь русским, польским и французским военнопленным, которых принуждали работать в различных местах на заводах Круппа. Я лично посещал русских военнопленных в лагере на Раумтштрассе в Эссене, в котором находилось около 1800 человек. В этом лагере был большой зал, который мог вместить примерно 200 человек, однако там было поселено около 300 или 400 человек в таких ужасных условиях, что всякое медицинское обслуживание было невозможно. Пол был цементным, а соломенные матрацы, на которых спали люди, были полны вшей и клопов. Даже в холодную погоду помещение никогда не отапливалось. И мне, врачу, казалось, что

недостойно человеческого существа, чтобы люди жили в таких условиях. Помещение было невозможно поддерживать в чистоте, потому что в комнате было так тесно, что люди не могли нормально двигаться. Каждый день ко мне приводили по крайней мере десять человек, у которых тело было покрыто синяками в результате постоянных избиений резиновыми дубинками, стальными хлыстами или палками. Часто люди корчились в агонии, и я не имел возможности оказать им хоть какую-нибудь медицинскую помощь. Несмотря на то, что я протестовал, писал жалобы и заявления, я не мог защитить этих людей или добиться того, чтобы их хотя бы на день освободили от работы. Мне было тяжело смотреть на то, как страдавших людей принуждали к тяжелой работе. Идя на риск, я лично ходил к представителю администрации Круппа, а также к представителю дирекции Круппа, стараясь добиться помощи. Это было категорически запрещено, так как лагерь находился под управлением СС и Гестапо, и согласно хорошо известным директивам я должен был молчать, иначе я сам мог попасть в концентрационный лагерь. Очень много раз я сам приносил в лагерь свой собственный хлеб для того, чтобы отдать его заключенным, когда это было возможно, хотя я сам получал мало хлеба. С начала 1941 года условия не только не улучшились, но стали еще более тяжелыми. Пища состояла из грязного водянистого супа, в котором попадался песок. Часто военнопленные должны были есть гнилую вонючую капусту. Я мог ежедневно наблюдать людей, которые медленно умирали от голода и жестокого обращения. Мертвецы очень часто лежали по два три дня на своих койках до тех пор, пока их тела не начинали издавать такое зловоние, что сами заключенные выносили их и где-нибудь хоронили. Посуда, из которой они ели, употреблялась также и для отправления естественных потребностей, люди были слишком утомлены или слишком слабы от голода, для того чтобы встать и выйти из барака. Их будили в 3 часа. Та же самая посуда употреблялась и для мытья, а затем для еды. Об этом все знали. Несмотря на эти факты, я не имел возможности добиться хотя бы минимальной помощи или медицинского обслуживания для того, чтобы устранить эти эпидемии, болезни и случаи голодной смерти. Не могло быть и речи о какой-либо медицинской помощи заключенным. Я сам никогда не получал никаких медикаментов. В 1941 году я один должен был оказывать медицинскую помощь всем этим людям, но вполне понятно, что я не мог этого делать, поскольку я был единственным человеком, который оказывал медицинскую помощь

этим людям. Кроме того, я почти совсем не имел медикаментов. Я не знал, что мне делать с этими 1800 людьми, которые ежедневно приходили ко мне, плача и жалуясь. Я сам часто падал в обморок, и, несмотря на это, я должен был брать все на себя и видеть, как эти люди погибали и умирали. Никогда не сообщалось о том, как умирали военнопленные.

Я сам собственными глазами видел, как, возвращаясь с работы от Круппа, они по дороге падали, и другим заключенным приходилось везти их на тачке или нести на руках. Так они возвращались с работы в лагерь. Работа, которую они выполняли, была очень тяжелой и опасной, и было много случаев, когда заключенные обрезали себе пальцы рук, или ног. Это были очень серьезные травмы, и люди обращались ко мне и просили медицинской помощи. Но я даже не мог освободить их на день или два от работы, хотя обращался в дирекцию Круппа и просил разрешения об этом. В конце 1941 года ежедневно умирало по двое людей, а в 1942 году смертность увеличилась до трех-четырех человек.

Я работал под начальством доктора Мея, и мне очень часто удавалось приводить его в лагерь, где он видел, в каких ужасных условиях живут заключенные и слышал их жалобы. Но даже он не мог получить медикаменты от медицинской службы вооруженных сил или от Круппа, или добиться лучших условий обращения или пищи. Я был свидетелем одного его разговора с русской женщиной из этого лагеря, которая рассказала мне лично, что они работают на фабрике Круппа, где ежедневно их избивают самым ужасным образом. Их пища состояла из водянистого супа, грязного и несъедобного, а его ужасный запах можно было почувствовать на расстоянии. Одежда их состояла из грязных лохмотьев, а на ногах они носили тряпки или деревянные колодки. По-моему, с ними обращались так же, как и с военнопленными. Избиение происходило ежедневно, такие условия существовали в течение долгих лет, с самого начала и до того момента, как пришли американские войска. Люди жили в постоянной тревоге, и для них было опасно говорить кому-либо об условиях, которые существовали в их лагерях, потому, что правила были таковы, что они могли быть убиты любым стражником СС или Гестапо, если бы тот заметил, что они делают это. Для меня же, как для врача, было возможно говорить с ними; они доверяли мне и знали, что я поляк и никому их не выдам».

Подпись: «Апполинарий Готовицкий».

Джексон: [*Обращаясь к подсудимому*] Вы объяснили, что некоторые из этих

условий, по вашему мнению объяснялись тем фактом, что в результате бомбежек бараки для военнопленных и рабочих были разрушены?

Шпеер: Это правильно, но это еще не говорит о том, что подобное положение, если оно действительно существовало, было общим явлением. Помимо этого, я не верю, в то, что это описание правильное, но я не могу говорить обо всех таких вещах, поскольку вы не будете ожидать от меня близкого знакомства с тем, что происходило в лагерях фирмы Круппа.

Джексон: Что же, в первую очередь, вы считали правильным расселять насильно увезенных рабочих и военнопленных так близко к военным целям, как были расселены эти военнопленные?

Шпеер: Я бы предпочел не говорить вам здесь о тех вещах которые каждый немец имел в сердце. Атаковали невоенные объекты, и таким образом лагеря не могли быть вблизи военных целей.

Джексон: И вы не будете считать, что заводы Круппа являются подходящими объектами?

Шпеер: Лагеря находились не на заводах Круппа, а вблизи города Эссена. Вблизи самих заводов мы в принципе не создавали лагерей, поскольку мы считали, что эти заводы будут подвергаться бомбардировке, а мы не хотели, чтобы эти лагеря были разрушены.

Джексон: Вы обратили внимание на то, что одна из фотографий, представленных в качестве доказательства, показывает, что лагерь находился в непосредственной близости от заводов?

Шпеер: Могу я снова взглянуть на него?

[*Фотографию показали подсудимому*]

Шпеер: На этой фотографии видно, что на заднем плане находится какое-то большое предприятие, но это ничего не меняет в моих показаниях о том, что мы размещали лагеря почти исключительно за границами городов. Я не знаю, почему в этом примере по-другому, и я даже не могу сказать лагерь ли это или просто раздевалка, или нечто, что может быть возле лагеря. Я всё ещё верю в то, что эти кабинки были кабинками для одежды, и это одна из многих раздевалок, которые необходимы рабочим для смены одежды до и после работы. Любой эксперт в Германии может сказать, что это были гардеробы, а не особые кабинки, потому что они являлись массовой продукцией; это также подтверждается фактом, что там есть воздушные щели наверху, так как каждый гардероб имел эти вентиляционные отверстия вверху и снизу.

Джексон: Как министр производства, вы были жизненно заинтересованы в снижении заболеваемости среди рабочих, не так ли?

Шпеер: Я был заинтересован в высокой производительности труда, это очевидно, и

дополнительно в особых случаях…

Джексон: Что же, особые случаи – часть производства во всех случаях, не так ли, зависимость от уровня заболеваемости вашей рабочей силы, и разве не факт – вам, как человеку, принимавшему участие в производстве это известно – что две самые большие трудности в рабочей силе и производстве, это заболеваемость и быстрый износ, это те факторы которые снижают производительность.

Шпеер: Эти два фактора волновали нас, но не настолько широко как могут предполагать ваши слова. Заболеваемость составляла очень небольшой процент, который, по моему мнению был нормальным. Однако, пропагандистские листовки сбрасываемые с авиации говорили рабочим симулировать заболевания, и им давали подробные инструкции как это делать. И чтобы предотвращать это, соответствующие власти вводили определенные меры, который я считал правильными.

Джексон: Какие меры?

Шпеер: Не могу сказать подробно, потому что я сам не учреждал эти наказания, и не имел власти так делать, но насколько мне известно, о них приказывал генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы во взаимодействии с полицией или властями государства, но компетенция в связи с этим находилась на властях ответственных за правоприменение.

Джексон: Итак, если вы не знали в чём они заключались, как вы можете говорить, что их одобряли? Мы всегда сталкиваемся со стеной о том, что никто ничего не знал. Вы знали, что по крайней мере были наказания большой строгости, не так ли?

Шпеер: Когда я говорю, что одобрял, я лишь высказываю своё желание не сбрасывать свою ответственность за это. Но вы должны понимать, что министр производства, в частности в виду воздушных атак, имел перед собой огромные задачи, и что я мог позаботиться о вопросах за рамками моей области если только какой-то особо важный фактор заставлял меня это делать.

Я думаю, что если бы во время германских воздушных атак на Англию, вы спросили британского министра производства разделял ли он заботы министра труда и занимался ли он ими, тогда он бы обоснованно сказал вам, что у него есть кое-какие дела, что он должен был поддерживать своё производство, и что он ожидал, что министр труда справиться со своими делами, и никто бы не предъявил за это британскому министру производства никаких обвинений.

Джексон: Хорошо. Военное производство было вашим делом, и вы хотите сказать мне, что вы не имели никаких отчетов или докладов о положении рабочих, занятых на ваших военных предприятиях, из которых вы могли бы узнать, не слишком ли велика норма заболеваемости и все ли в порядке в области общих условий труда?

Шпеер: То, что я слышал, содержалось в отчётах центральной плановой комиссии. Там вы получите картину, о которой я говорил. Хотя было много других встреч, я не могу сказать подробно о том, что я знал, потому что эти вещи находились за

рамками моей сферы деятельности. Само собой разумеется, что всякий, тесно связанный с делами государства, кое-что слышит о том, что происходит вокруг, и что-то узнает о неполадках в других областях, но он не обязан заниматься этими условиями и позднее он не вспомнит о них в деталях. Вы не можете ожидать от меня этого. Но если вы имеете какой-то конкретный отрывок, я буду рад дать вам информацию.

Джексон: Хорошо, предположим, что на эти условия обратили ваше внимание и что они существовали. С кем бы вы это рассматривали, чтобы их исправить? Каким офицером правительства?

Шпеер: Обычно, министр бы направил документ правительственным властям ответственным за подобные условия. За себя я утверждаю, что когда я слышал о таких недостатках я старался исправить их установив прямой контакт с ответственной властью, в некоторых случаях это был или Германский трудовой фронт, при котором я имел человека для связи, или в других случаях моё письмо передавали Заукелю, через мой отдел развертывания рабочей силы. Моя практика в этом заключалась в том, что если я не получал ответный доклад, я считал вопрос решенным, ибо я не мог снова давить на эти вещи, и делать дальнейшие запросы о том рассмотрели это или нет.

Джексон: С Круппом вы бы это не рассматривали? Думаете они не имели никакой ответственности за эти условия?

Шпеер: В ходе визитов к Круппу разумеется проходили дискуссии об условиях которые в целом существовали для рабочих после воздушных атак, это был особый источник наших волнений, в частности в отношении Круппа. Я хорошо об этом знал, но доклады от Круппа не отличались от – не могу вспомнить, чтобы мне говорили, что иностранные рабочие или военнопленные находились в особенно плохом положении. Временно они проживали в весьма примитивных условиях, немецкие рабочие жили в подвалах в те дни, и шесть или восемь человек часто квартировали в маленьком подвальном помещении.

Джексон: Ваше недавнее заявление о том, что вы имели определенную ответственность как министр правительства за условия – я бы хотел, чтобы вы объяснили на какую ответственность вы ссылались, когда говорили, что принимаете ответственность как член правительства?

Шпеер: Вы имеете в виду заявление, сделанное мною вчера о том, что я…

Джексон: Ваша общая ответственность, что вы имеете в виду под своей общей ответственностью вместе с другими?

Шпеер: О. да. По моему, государственный функционер имеет два типа ответственности. Одна ответственность за собственный сектор и за это, он конечно полностью ответственный. Но кроме этого, думаю, что в решающих вопросах есть и должна быть общая ответственность руководства, ибо кто несёт ответственность за развитие событий, если не близкие соратники главы государства?

Однако эта общая ответственность может применяться только в фундаментальных вопросах, её нельзя применять к деталям связанным с другими министерствами или другими ответственными ведомствами, ибо в противном случае возникнет путаница в дисциплине всего государства, и никто не будет знать кто индивидуально ответственный в конкретной сфере. Эта индивидуальная ответственность в собственной сфере должна быть в любом случае ясной и отчётливой.

Джексон: Что же, ваша мысль, как я понимаю, в том, что вы, как член правительства и руководитель в тот период времени признаете ответственность за его крупную политику, но не за все детали происходившие при её применении. Это честное заявление о вашей позиции?

Шпеер: Да.

Джексон: Я думаю, на этом перекрестный допрос завершен.

Председатель: Кто-нибудь из остальных обвинителей желает провести перекрёстный допрос?

Рагинский: Подсудимый Шпеер, вы, излагая свою биографию суду и отвечая на вопросы господина судьи Джексона, упустили ряд существенных, с моей точки зрения, обстоятельств из вашей биографии. В связи с этим я вам поставлю несколько вопросов.

Шпеер: Я исключил только те пункты, которые я не желал оспаривать, поскольку они, в любом случае содержатся в здесь в документах. Я бы имел огромную задачу, если бы вдавался во все эти пункты.

Рагинский: Я их напомню, а вас попрошу очень кратко ответить, чтобы не занимать много времени у трибунала.

Правильно ли я понял, что кроме поста министра, вы в разное время были личным архитектором Гитлера после смерти профессора Трооста? Занимали вы такую должность?

Шпеер: Да.

Рагинский: Хорошо. Вы были генеральным инспектором шоссейных дорог?

Шпеер: Только после смерти доктора Тодта.

Рагинский: Понятно, да. Генеральным инспектором водного и энергетического хозяйства?

Шпеер: Да.

Рагинский: Генеральным уполномоченным по строительству управления четырёхлетнего плана?

Шпеер: Генеральным уполномоченным по строительству. Да.

Рагинский: Руководителем организации Тодт?

Шпеер: Да.

Рагинский: Были руководителем управления техники в национал-социалистской партии?

Шпеер: Да.
Рагинский: Руководителем союза германских техников национал-социалистов?
Шпеер: Да.
Рагинский: Кроме этих постов, вы других постов руководящих не занимали?
Шпеер: Ах, у меня было 10 или 12 должностей. Я не могу сейчас дать весь список.
Рагинский: Вы были одним из руководителей имперской палаты культуры[380]?
Шпеер: Нет, это неправильно.
Рагинский: Неправильно.
Шпеер: Я не могу сказать точно, но я думаю, я был там сенатором или что-то подобное.
Рагинский: Сенатором? Вы были советником президиума этой академии культуры? Presidialrat? Вы были членом президиума академии искусств и архитектуры
Шпеер: Да, это тоже.
Рагинский: И не будем перечислять остальные должности, чтобы время не занимать. Вы помните свои показания на допросе у полковника Розенблит, 14 ноября 1945?
Шпеер: Нет, не детально.
Рагинский: Я вам напомню один вопрос и ваш ответ, прошу сказать, правильно ли был записан ваш ответ. На вопрос: «Признаете ли вы, что в своей книге «Mein Kampf[381]» Гитлер очень ясно высказывал свои агрессивные планы в отношении стран Запада и Востока и, в частности, в отношении Советского Союза». Вы ответили: «Да, я признаю это». Вы помните такие показания?
Шпеер: Очень может быть.
Рагинский: И вы и сейчас подтверждаете это?
Шпеер: Нет.
Рагинский: Сейчас вы не подтверждаете?
Шпеер: Я скажу вам, что тогда мне было стыдно сказать, что я не читал всю «Mein Kampf». Я подумал, что это будет звучать довольно абсурдно.
Рагинский: Ага. Ну, хорошо. Хорошо, не будем тратить время на это дело. Тогда вы не стыдились, а сейчас вы стыдитесь или наоборот. Оставим этот вопрос, перейдем к следующему.
Шпеер: Да, тогда я обманул.
Рагинский: Да. Тогда обманули, а может быть, вы сейчас обманываете?
Шпеер: Нет.
Рагинский: Нет. Хорошо. Вы были сотрудником штаба Гесса?

---

[380] Палата культуры Рейха — созданная по инициативе министерства народного просвещения и пропаганды профессиональная организация творческих работников Третьего рейха. Использовалась в качестве инструмента государственного контроля всех работников сферы искусства, так как творческой деятельностью могли заниматься только лица, состоящие в соответствующей палате Палаты культуры Рейха.
[381] «Моя борьба» (нем. Mein Kampf) — книга Адольфа Гитлера, сочетающая элементы автобиографии с изложением идей национал-социализма.

Шпеер: Да.
Рагинский: Да. Вы сотрудничали с Леем? Да?
Шпеер: Да, в Трудовом фронте.
Рагинский: Понятно, в Германском трудовом фронте. Вы имели крупный ранг в нацистской партии, как вы сегодня здесь говорили. Вы говорили на суде…
Шпеер: Нет, это был не высокий ранг, он никак не соответствовал моему положению, которое я занимал в государстве.
Рагинский: Да. Вы послушайте мой вопрос, а потом вы ответите сразу. Повторяю, вы были уполномоченным штаба Гесса, вы сотрудничали по Трудовому фронту с Леем. Вы имели ранг, ну не будем спорить, такой крупный или менее крупный в нацистской партии.

Вы на суде вчера говорили, что являлись одним из близких друзей Гитлера…
Шпеер: Да.
Рагинский: …и вы хотите сказать, что о планах и намерениях Гитлера, узнали только из книги «Mein Kampf»?
Шпеер: Могу я сказать несколько слов в связи с этим. Я находился в тесном контакте с Гитлером и слышал его личные взгляды, эти взгляды не позволяли сделать вывод о том, что у него были какие-либо планы подобные тем, что видны здесь в документах, и я испытал особенное облегчение в 1939, когда Пакт о ненападении был подписан с Россией. В конце концов, наши дипломаты тоже должны были читать «Mein Kampf», и, несмотря на это они подписали Пакт о ненападении. И они были гораздо умнее меня – я имею в виду, политические предметы.
Рагинский: Я не думаю, что сейчас нам следует… Да. Я не думаю, чтобы нам следовало сейчас рассматривать, кто читал книгу «Mein Kampf», кто её не читал, вряд ли это относится к делу.

Значит, вы утверждаете, что о планах Гитлера вы ничего не знали?
Шпеер: Да.
Рагинский: Да. Хорошо. Скажите, как руководитель главного управления техники в нацистской партии, какие задачи стояли перед этим главным управлением?
Шпеер: В партии?
Рагинский: Вам лучше знать, вы же занимали должность руководителя главного управления техники нацистской партии.
Шпеер: Я принял задачи данного ведомства только в 1942, и в 1942, во время войны, это главное техническое управление НСДАП не имело никаких задач.
Шпеер: Я принял сотрудников…
Рагинский: Хорошо.
Шпеер: …минуточку…которые там были в своё министерство, и они работали как государственные функционеры. Подробная информация доступна в письменных

показаниях свидетеля Зауэра, и они содержатся в документальной книге. Документальная книга также содержит распоряжение принятое мною в конце 1942, которым я перевёл эти задачи государству.

Рагинский: Вы всё-таки на мой вопрос не ответили. И чтобы не терять время, я зачитаю то, что говорил Зауэр по этому вопросу, а вы скажете, правильно он осветил эти задачи.

Зауэр, на вопрос о задачах главного управления техники в НСДАП ответил:

> «Задачей главного управления техники было единое управление организациями техники с целью обслуживания немецких инженеров по научным, специальным и политическим вопросам».

Это была политическая организация?

Шпеер: Нет, в основном это была техническая организация.

Рагинский: Техническая организация, которая занималась техническими вопросами.

Шпеер: Конечно.

Рагинский: В книге документов, которую представил ваш защитник, и которую он уже частично здесь цитировал, тоже имеются указания о задачах главного управления по технике. Из этого документа видно, что эта организация преследовала цель внедрения национал-социалистского мышления, и что эта организация тоже была политической, а не технической.

Шпеер: Где это сказано? Могу я получить документ?

Рагинский: Конечно, книга документов защиты имеется в вашем распоряжении. Я вам сумею её дать, если нужна моя книга. Вам сейчас покажут структуру крейсляйтера.

Шпеер: Перевод сказал, что это было из моей документальной книги, но это не из моей документальной книги. Это из организационного справочника НСДАП и…

Рагинский: Да, да, это структура НСДАП.

Шпеер: Да.

Рагинский: Это и есть документ PS-1893, который представлен вашим защитником.

Шпеер: Да, но в моей документальной книге сказано…

Рагинский: А это книга документов на русском языке…

Шпеер: Да…что главное техническое управление НСДАП не имело политической задачи. Это выдержка из организационного справочника НСДАП, и я бы не включил это в свою документальную книгу, если бы не имел ясного впечатления о том, что это конкретно демонстрирует, что в отличие от всех остальных учреждений, главное техническое управление имело в партии неполитическую задачу

Рагинский: Я понял. А национал-социалистский союз германских техников тоже не был политической организацией?

Шпеер: Никоим образом.

Рагинский: Никоим образом. Скажите, а руководителями союза могли состоять не члены нацистской партии?

Шпеер: Насколько мне известно, они не должны были быть членами. Я никогда не придавал никакого внимания, были они членами или нет.

Председатель: Мы прервёмся?

[*Объявлен перерыв*]

Рагинский: Вы являлись одним из руководителей центрального планирования. В ваши задачи входило изыскание новых источников сырья?

Шпеер: Я не понял смысл вопроса.

Рагинский: В задачи центрального планирования входило ли изыскание новых источников сырья?

Шпеер: Нет.

Рагинский: Ну, хорошо. Я вам зачитаю из вашей книги документов, вы послушайте, а то мы очень много времени с вами потеряем. В приказе от 22 апреля 1942 года за подписью Геринга, этот приказ помещен в вашей книге документов, в первом томе, на 14 странице русский текст, 17 страница английского текста. Там говорится:

> «Для обеспечения приказания фюрера о развертывании вооружения и требований войны, так же как и для согласования снабжения сырьем и повышения хозяйственных возможностей.
>
> Приказываю организовать центральное планирование».

Далее, перечисляется, кто входит в центральное планирование, и пункт 3 этого приказа Геринга перечисляет задачи. Я оглашу этот третий пункт:

> «Центральное планирование охватывает общее хозяйство и имеет следующие задачи…
>
> Пункт «С» — распределение наличного сырья, особенно железа и металлов между потребителями;
>
> пункт «В» — изыскание новых и использование имеющихся уже источников сырья».

Ведь это написано в вашем документе?

Шпеер: Да, но тут есть разница. Мне сказали «источников сырья». Под источниками сырья я понимаю залежи руды, например, или залежи угля. То, что здесь в этом параграфе имеется в виду, это организация новых центров по добыче сырья. То есть, здесь имеется в виду строительство заводов по производству стали, например, или заводов по производству алюминия.

Я сам говорил, о том, что расширение снабжения сырьем для промышленности было важным, и что я принял эту задачу.

Рагинский: Да. Это и трудно отрицать, это написано в документе. Скажите…

Шпеер: Нет, это лишь технические выражения и может быть из-за того, что обратный перевод на немецкий язык передал их ложно. Смысл параграфа на самом деле совершенно ясный, и любой эксперт может это подтвердить. Это такая же деятельность…

Рагинский: Смысл понятен, да. Скажите, когда вы перечисляли состав центрального планирования, вы случайно не назвали Функа в качестве члена центрального планирования?

Шпеер: Нет. На самом деле Функ вообще вряд ли работал в плановой комиссии, и поэтому я не привел его. Он официально стал членом в сентябре 1943, но даже после этого он принял участие только в одном или двух заседаниях, поэтому его деятельность была минимальной.

Рагинский: Я не спрашиваю сейчас вас о деятельности, а я спрашиваю, являлся ли Функ членом центрального планирования?

Шпеер: Да, с сентября 1943.

Рагинский: И вы случайно не назвали его или у вас была какая-то цель особая?

Шпеер: Я действительно назвал только трёх членов комиссии, которые находились в центральной плановой комиссии с самого начала, с её основании, потому что я говорил только об основании комиссии. Это объясняет ошибку. Я не хотел занимать время суда чем-то общеизвестным.

Рагинский: Хорошо. Вы здесь утверждали, что вообще занимались мирным строительством, а назначение на пост министра вооружения, приняли без желания, что у вас были колебания и так далее. Вы это и сейчас утверждаете?

Шпеер: Могу я попросить повторить вопрос?

Рагинский: Пожалуйста. Вы говорили неоднократно, отвечая на вопросы защитника, что пост министра вооружения вы приняли без особого желания, что у вас были большие колебания, и что вообще вы не хотели этим делом заниматься. Вы и сейчас это утверждаете?

Шпеер: Да.

Рагинский: Я вам напомню, что вы говорили представителям промышленности рейнско-вестфальской области. Вы помните, что вы там говорили? Я процитирую один абзац из вашего выступления. Вы говорили тогда:

> «Весной 1942 года я, не колеблясь принял требования, поставленные фюрером как программу которую необходимо выполнить, которую я выполняю и буду выполнять».
>
> Говорили вы это?

Шпеер: Да. Но это не имеет никакого отношения к вашему заявлению. Требования, которые здесь имеются в виду, являются требованиями по увеличению производства военных вооружений. Эти требования я принял. Кроме того, само собой разумеется, что я тогда немедленно принял назначение на пост министра вооружения без всяких колебаний. Этого я никогда не оспаривал. Я лишь сказал, что я охотнее был бы

архитектором, чем министром вооружения, и это, очевидно, было превратно понято.

Рагинский: А теперь мы послушаем, что вы говорили гауляйтерам в Мюнхене в своей речи.

> «Я — говорили вы — бросил всю эту деятельность (архитектурную), чтобы беззаветно отдаться разрешению военных задач. Фюрер ожидает этого от всех нас».
>
> Разве это тоже самое, что вы здесь на трибунале говорите?

Шпеер: Да.

Рагинский: Тоже самое?

Шпеер: Мне кажется, так принято и в вашем государстве.

Рагинский: Да. Я вас спрашиваю не о нашем государстве. Здесь не идёт речь о нашем государстве. Я спрашиваю, что вы говорили тогда гауляйтерам, и что вы говорите здесь на суде?

Шпеер: Да. Я только хотел объяснить вам это, потому что видимо вы не учитываете, почему во время войны следует принять пост министра вооружений. Если возникает нужда, то это само собой разумеется, и я не понимаю почему вы это не учитываете и почему упрекаете меня за это.

Рагинский: Да. Я вас прекрасно понял. Когда вы выступали перед гауляйтерами…

Шпеер: Хорошо.

Рагинский:…вы конечно не думали, что за свои слова вам придется держать ответ перед Международным Военным Трибуналом. Перейдем к следующему вопросу.

Шпеер: Извините, пожалуйста минуточку. Я должен кое-что сказать в ответ на ваш вопрос: то, что это мой взгляд и я думаю совершенно правильный, очевидно из того, что вы цитировали это из моей документальной книги, в противном случае я бы не включил это в собственную документальную книгу. Надеюсь, вы считаете, меня достаточно интеллигентным, чтобы правильно составить мою документальную книгу.

Рагинский: Понятно. Правильно. Но эти документы имеются не только у вас, но они имеются в распоряжении обвинения. Перейдём, однако, к следующему вопросу.

Вы здесь, отвечая на вопросы защитника, говорили о принципах и задачах вашего министерства. Вот в этой связи я хочу поставить несколько вопросов вам. Вы помните содержание вашей статьи под названием «Увеличение производительности», опубликованной в «Das Reich[382]» 19 апреля 1942 года?

Вам передадут сейчас копию. Да, пожалуйста.

Господин председатель, я представляю эту статью как документ под номером СССР-479.

Я вам напомню вкратце, что вы там писали о принципах вашего министерства.

---

[382] Рейх (Das Reich) — немецкая еженедельная газета, издавалась с 1940. В газете в том числе печатались редакторские статьи Й. Геббельса. Освещала широкий круг общественно-политических вопросов.

> «Энергичное применение самых суровых наказаний за проступки…карать каторжными работами или смертной казнью…Война должна быть выиграна».
>
> Вы так писали?

Шпеер: Да.

Рагинский: Теперь, я вам напомню выдержку из другой вашей статьи. Вам её тоже передадут.

Шпеер: Минуточку. Могу я попросить вас прочитать весь абзац? Вы опустили несколько фраз в середине.

Рагинский: Да, да, я упустил. А я вам поставлю вопрос потом по всему предложению. Вы слушайте меня.

Шпеер: Но это показывает, за какие правонарушения предусматривались тюрьма и смертный приговор. Это полностью относится к делу. Мне кажется, вам следует полностью процитировать абзац, иначе контекст будет потерян.

Рагинский: Вы потом дадите объяснения на мой вопрос, а пока слушайте вопросы, которые я вам ставлю, если вы хотите дать объяснение по поводу этой статьи, то вы должны это объяснение дать.

Председатель: Нет, нет, генерал Рагинский, трибунал предпочитает, чтобы он прокомментировал сейчас.

Рагинский: Господин председатель, если подсудимый желает дать объяснения, то я готов их выслушать по поводу этой статьи.

Шпеер: Текст, который вы опустили, гласит следующее:

> «По моему предложению фюрер приказал о том, чтобы те главы концернов и работодатели, а также те сотрудники и офицеры, которые пытаются спрятать материал или рабочую силу предоставляя неточную информацию, получали тюремные приговоры или смертные приговоры».

Причины заключались в следующем: когда я принял свою должность требования адресованные центральным ведомствам увеличивались промежуточными ведомствами рассматривавшими требования. Каждое из многих промежуточных ведомств добавляло, что-то своё, поэтому требования доходившие до меня были довольно огромными и невероятными, и делали планирование совершенно невозможным. Например, из-за этих дополнений к требованиям, Например из-за этих дополнений требования которые я получил по меди в одном году, насчитывали больше чем годовое мировое производство меди. И для того, чтобы предотвратить это и получить точные показатели, я отдал приказ, чтобы напугать этих чиновников, офицеров, глав концернов и работодателей направлявших такие ложные цифры.

В своём выступлении гауляйтерам, я сказал, что результат этого указа будет разумеется заключатся в том, что больше никто не осмелится передавать

ложную информацию в высшие ведомства; я сказал, что никогда не будет нужно вводить в действие этот указ, поскольку я не верил в то, что главы концернов, работодатели, чиновники и офицеры в виду такого жёсткого наказания будут достаточно отчаянны, чтобы продолжать предоставлять ложные показатели.

Фактически, никакого наказания никогда не применялось, но результат указа заключался в том, что требования по материалам и рабочим доходившие до меня значительно снизились.

Рагинский: Вы утверждали, что в ваши обязанности как министра входило только производство. Так я вас понял?

Шпеер: Да. Вооружение и военное производство.

Рагинский: А снабжение этой промышленности сырьем не входило в ваши обязанности?

Шпеер: Нет, это стало моей задачей с сентября 1943 года после того, как я стал руководить всем производством. Правда, что с этого времени я регулировал весь процесс от сырья до готовой продукции.

Рагинский: В книге «Германия в борьбе» за 1943 год, в ноябрьском номере, вам покажут этот номер. А этот документ я представляю суду под номером СССР-480 – там говорится:

> «На основании указа фюрера от 2 сентября 1943 г. о концентрации военной экономики и указа рейхсмаршала великогерманской империи и уполномоченного по четырехлетнему плану от 4 сентября 1943 г. о централизованном планировании, — имперский министр Шпеер в качестве министра вооружения и военной промышленности руководит теперь всем военным производством. Он один является уполномоченным и ответственным за снабжение, руководство и производство военной промышленности».
>
> Это правильно? Я прошу коротко ответить правильно это или нет?

Шпеер: Это сказано несколько по-дилетантски, так как понятие «промышленная военная экономика» не совсем совпадает с понятием «вооружение и военная промышленность». Очевидно, это написано не специалистом, но в основном все это соответствует тому, что я сказал. Я сказал, что военная промышленность охватывает все производство.

Рагинский: Да. Но вы отвечали после сентября 1943 года не только за военную промышленность, но за военную экономику, а это разные вещи.

Шпеер: Нет, именно в этом ошибка. Здесь сказано «промышленная военная экономика», что означает нечто вроде производства, военное производство, или производство, в торговле и промышленности с такой квалификацией, и когда раньше сказано «вся военно-экономическая продукция», человек который писал это тоже имел в виду продукцию. Но концепция…

Рагинский: Хорошо. Перейдем к следующему вопросу. Вы говорили здесь уже, что

приняв пост министра в 1942 году, вам досталось очень тяжелое наследство, если можно так выразиться. Скажите, только очень кратко, каково было положение к тому времени с стратегическим сырьем, в частности с цветными металлами для производства боеприпасов?

Председатель: Что же, генерал Рагинский, требуется, чтобы мы вдавались в такие подробности? Не очевидно, что человек который контролировал много миллионов рабочих имел большую задачу? К чему это?

Рагинский: Господин председатель, этот вопрос является подготовительным для следующего вопроса, поскольку это связано…

Председатель: Да, но в чём конечная цель перекрёстного допроса? Вы сказали, он приведёт к чему-то ещё. К чему он ведёт?

Рагинский: Цель доказать, что и подсудимый Шпеер принимал участие в экономическом разграблении и оккупированных государств и областей.

Председатель: Да, тогда прямо спросите его об этом.

Рагинский: Я вот к этому как раз и приступаю.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы признаете, что принимали участие в экономическом разграблении оккупированных территорий?

Шпеер: Я, принимал участие в экономическом использовании оккупированных территорий, да, но мне не кажется, что термин «разграбление» очень чётко определенный. Я не знаю, что означает «разграблять оккупированную территорию».

Рагинский: Для ликвидации дефицита в стратегическом сырье вы вывозили цветные металлы из Бельгии, Франции и других оккупированных стран?

Шпеер: Да, само собой разумеется. Я не сам их экспортировал, но я, без сомнения, в этом участвовал в какой-то форме. Я не отвечал за это, однако я, без сомнения, способствовал тому, чтобы мы получили оттуда как можно больше материалов.

Рагинский: Я удовлетворен вашим ответом, а квалификацию этому сделает трибунал.

Вы помните приказ Гитлера о «концентрации военного хозяйства» от 2 сентября? Вам дадут сейчас это приказ. Этот документ представляется под номером СССР-482. Я не намерен зачитывать весь этот приказ, это бы заняло чересчур много времени. Я только несколько параграфов оглашу из этого приказа. Этот приказ начинается следующей фразой.

> «Принимая во внимание требование войны о более строгом учете и однородном использовании рабочей силы в продолжение войны, приказываю:
>
> Параграф второй.
>
> Полномочия рейхсминистра хозяйства в области сырья и продукции, индустрий и ремесел распространяются на рейхсминистра по вооружению и боеприпасам. Рейхсминистр по вооружению и боеприпасам, ввиду его увеличенного круга заданий, называется

рейхсминистром по вооружению и военной промышленности».

Вы ознакомились с этим приказом? Я попрошу очень кратко…

Шпеер: Да, я знаю его.

Рагинский: Я попрошу очень кратко и очень сжато сказать, в связи с этим приказом, как были разграничены функции между вами и Функом?

Шпеер: Что же это показано в тексте. Я руководил, всем производством, начиная от сырья до готового продукта, а Функ ведал всеми общими экономическими вопросами вообще, это главным образом вопросы денежного обращения, вкладов, вопросы акционерного права и внешней торговли и тому подобные вопросы. Однако, это исчерпывающая, но приблизительная информация.

Рагинский: Меня он удовлетворяет этот ответ. В связи с этим приказом вы получили полномочия по регулированию товарооборота?

Шпеер: Я не знаю, что вы здесь имеете в виду?

Рагинский. Ну, хорошо. Чтобы не терять время, вам сейчас покажут документ подписанный вами и Функом от 6 сентября 1943 г. Этот документ я представляю трибуналу под номером СССР-483. Я зачитаю первый пункт первого параграфа.

> «Поскольку в законодательных предписаниях полномочия рейхсминистра хозяйства распространяются и на регулирование товарооборота, эти полномочия на время войны передаются рейхсминистру по вооружению и военной промышленности».

Таким образом, ваша роль в военных усилиях Германии, ваша роль во время войны, как руководителя военной экономики Германии была значительно шире, чем вы это здесь представляли на суде, не так ли?

Шпеер: Нет, я не пытаюсь изобразить ситуацию по иному, и я сказал, что министр вооружения во время войны является вообще самым важным министром в Рейхе и что все должны были работать только для него. Мне кажется, что более полного описания своих задач я дать не мог. Вопрос товарооборота имеет второстепенное значение. Я даже не могу сказать, что здесь означает «товарооборот». Это технический термин, который я не совсем понимаю.

Рагинский: Да, но ведь этот документ подписан вами, а вы теперь говорите, что не знаете, что там имеется в виду. Ведь вы его подписали вместе с Функом?

Шпеер: Конечно.

Рагинский. Скажите, как осуществлялась связь между вашим министерством и Немецким трудовым фронтом и была ли такая связь?

Шпеер: Я имел офицера для связи между Германским трудовым фронтом и мной, точно так же как и со всеми другими важными учреждениями Рейха.

Рагинский: А вы не назовете фамилии этого офицера?

Шпеер: Это был мой свидетель - Хупфауэр[383], который позже стал у меня

[383] Тео (Теодор) Хупфауэр (1906 — 1993) — высокопоставленный чиновник нацистской Германии, в конце войны, согласно политическому завещанию Гитлера был назначен министром труда.

начальником центрального управления.

Рагинский: Вы заявили, что в число военных предприятий не должны включаться такие отрасли промышленности как текстильная, переработка алюминия, леса и т. д. Я вас правильно понял? Вы именно это заявляли?

Шпеер: Нет, это ошибка. Должно быть, это было неправильно переведено.

Рагинский: А как правильно следует вас понять?

Шпеер: Я думаю, в переводе есть две ошибки. Я в своих показаниях не говорил о военной экономике, а о понятии «вооружение», и я сказал, что в это понятие «вооружение» включаются и текстильные концерны, и дерево, и кожеобрабатывающие концерны. Но вооружение и военная экономика — два совершенно разных понятия.

Рагинский: А вы текстильную промышленность полностью исключаете из понятия «вооружение»?

Шпеер: Я сказал, что различные текстильные концерны были включены в промышленность вооружения, хотя они на самом деле и не производили предметов вооружения в строгом смысле этого слова.

Рагинский: А разве текстильная промышленность не выпускала парашюты для военно-воздушного флота, для боеприпасов воздушного флота?

Шпеер: Да, но в Женевской конвенции о военнопленных, вы увидите, что это не запрещено производить – военнопленным производить это. У меня есть текст, я могу вам это прочитать.

Рагинский: Так. И вы хотите нас серьезно заверить, что порох можно производить без целлюлозы, и поэтому сужаете понятие военной промышленности и военного производства?

Шпеер: Нет, вы меня совершенно неправильно поняли. Я хотел по возможности расширить понятие «промышленность вооружения», чтобы иметь возможность доказать, что это современное понятие «промышленность вооружения» представляет собой нечто совершенное иное, чем промышленность, которая производит предметы вооружения в смысле Женевской конвенции.

Рагинский: Ну, хорошо. Вы говорили о своих возражениях против использования иностранных рабочих. О мотивах этих возражений указывает в своих показаниях Шмельтер. Это ваш начальник отдела труда в министерстве. Эти показания представлены вашим защитником. Я зачитаю только один абзац, и вы скажите, правильно он говорил или нет. Шмельтер показал:

> «Он (Шпеер) неоднократно указывал на то, что использование иностранных рабочих создаст большие трудности для империи по обеспечению их продуктами питания...»
>
> Таковы были мотивы ваших возражений?

Шпеер: Должно быть тут неправильный перевод. Я точно знаю, что гласит текст и в чём смысл заявления. Смысл совершенно правильный. Речь шла о следующей

проблеме: Если мы направляли в Германию новую рабочую силу, то для этой рабочей силы, во-первых, необходимо было иметь основное количество калорий, которое нужно для пропитания человека. Это основное количество калорий так или иначе должны были получать немецкие рабочие, еще находившиеся в Германии. Следовательно, продовольствие было бы сэкономлено если бы я использовал немецких рабочих в Германии и можно было снова увеличить дополнительные калории для людей выполнявших тяжелую работу и работавших сверхурочное время. В этом смысл этих соображений Шмельтера.

Рагинский: Подсудимый Шпеер, вы уклоняетесь от прямого ответа на мой вопрос, а излагаете детали, которые меня совершенно не интересуют.

Шпеер: Я с радостью…

Рагинский: Я спрашиваю, вот то место из показания Шмельтера, которое я вам зачитал, правильно его показание или нет?

Шпеер: Нет, это ложно перевели. Я бы хотел получить оригинал на немецком языке.

Рагинский: Оригинал имеется в вашей книге документов, и вы можете его почитать. Я перейду к следующему вопросу.

Шпеер: Да, но мне нужно показать его сейчас. В перекрёстном допросе русским обвинителем мне на самом деле не нужно брать свою документальную книгу, что давать показания вместе со мной.

Председатель: Вы должны дать ему документ, если у вас он есть.

Рагинский: Господин председатель, этот документ включен в книгу документов защиты. Эта книга документов защиты имеется у суда, у меня имеется только русский перевод этих документов. Аффидевит Шмельтера был вчера передан суду.

Председатель: Доктор Флекснер, у вас он есть?

Флекснер: Да.

[*Документ передали подсудимому*]

Председатель: Спасибо.

Шпеер: Приблизительно, на какой странице?

Рагинский: Это на странице 129 русского текста, ответ на вопрос 13, последний абзац.

Шпеер: Да. В немецком тексте сказано:

> «Он – то есть Шпеер – непрерывно ссылался на тот факт, что использование иностранных рабочих вызовет огромные сложности в производстве и будет означать, что Рейх должен обеспечить дополнительное продовольствие».

Я это объяснял. Я объяснил причины этого, я думаю, если вы не убеждены, то это моё объяснение позднее упоминается в письменных показаниях.

Рагинский: Ваш заместитель Шибер на поставленный ему вопрос: было ли известно Шпееру, что требуемые от Заукеля рабочие привезены из оккупированных областей, — ответил:

> «Да. Это был очень спорный вопрос. Мы всегда говорили, что Заукель будет доставлять лишь партизан, если он будет применять принудительные методы к рабочим, не желавшим выезжать в Германию».

Таким образом, я вас спрашиваю, вы не только знали о том, что на ваших заводах работают угнанные в рабство, но и о методах, которые Заукель применял. Вы подтверждаете это?

Шпеер: Я знал, что некоторые рабочие попадали в Германию против их воли. Я об этом уже говорил. Я также сказал, что я считал последствия этой насильственной вербовки рабочих роковыми для промышленности в оккупированных областях. Это повторение моих показаний.

Рагинский: Повторять эти показания не следует. Скажите, вы разве не настаивали перед Заукелем на предоставлении вам рабочих, которых он должен был насильственно набрать в оккупированных странах, сверх тех требований и заявок, которые вы сделали? Я вам напомню письмо ваше к Заукелю, это ускорит нам процесс допроса. Вы писали 6 января 1944 г Заукелю:

> «Дорогой товарищ Заукель! Прошу вас, соответственно вашему обещанию фюреру, прислать мне рабочую силу для того, чтобы я мог выполнить порученное мне фюрером задание в назначенный срок. Кроме того, имеется потребность в немедленной присылке 70 тысяч рабочих для организации Тодта согласно установленным по приказу фюрера номер 51 срокам работ на Атлантическом вале».
>
> Вы подтверждаете это? Вы писали такое письмо Заукелю?

Шпеер: Да. Я даже признаю это включив это письмо в свою документальную книгу, по следующим причинам: 4 января 1944 г. состоялось совещание, на котором Гитлер дал приказ вывезти из Франции в Германию миллион рабочих. В тот же день я сообщил генералу Штудту — моему уполномоченному во Франции, что запросам заблокированных предприятий во Франции нужно было дать приоритет над запросами для Германии. Этим письмом, которое у вас в руках, я через два дня сообщил Заукелю, что моя потребность во Франции составляет 800 тысяч рабочих для французских предприятий, что, кроме того, на Атлантическом вале также не достает рабочих и что поэтому следует в первую очередь получить этих рабочих до того, как один миллион рабочих будет направлен в Германию. Я уже заявил вчера, что в результате этих двух писем, программа о которой приказал Гитлер была остановлена, и что цель заключалась в том, чтобы проинформировать военного командующего о том, что рабочих должны были в первую очередь использовать во Франции, эта информация оказалась очень ценной для военного командующего.

Рагинский: Подсудимый Шпеер, было вам известно, что на подведомственных вам военных заводах принудительно оставлялись на работе бывшие заключенные, которые уже отбыли срок своего наказания. Было вам известно или нет?

Шпеер: Во время моей службы — это не было мне известно, я узнал об этом из документа.

Рагинский: Вам не было это известно?

Шпеер: Я знаю, что вы имеете в виду письмо Шибера от 4 мая 1944, которое включено в книгу документов. Однако все эти подробности я никак не мог вспомнить.

Рагинский: Вы не можете вспомнить? Но Шибер 7 мая 1944 г. в специальном письме, адресованном вам лично, об этом писал, и вы не могли не знать это в 1944 году. А то обстоятельство, что этот документ включен в вашу книгу документов, никак положения не меняет.

Шпеер: На основании этого письма я затем написал также Гиммлеру как раз по вопросу о рабочих, которые отбыли свой срок заключения. Из этого письма вытекает, что я просил Гиммлера о том, чтобы эти рабочие, после того как они отбудут свое наказание, оставались на свободе. Точка зрения Гиммлера заключалась в том, что этих рабочих должны были оставлять под арестом

Рагинский: Вы помните письмо ОКВ от 8 июля 1943 г. по вопросу о рабочей силе для горной промышленности? Помните ли вы о таком письме и содержание данного письма.

Шпеер: Нет.

Рагинский: Я вам напомню. Этот документ был представлен трибуналу как доказательство под номером USA-455 и неоднократно здесь цитировался, поэтому я полагаю, что можно не зачитывать все письмо, а только основные положения. В этом письме указывается на распоряжение фюрера передать 300 тысяч русских военнопленных в угольную промышленность. Помните вы о таком факте?

Шпеер: Я бы хотел взглянуть на документ.

Рагинский: Вам дадут посмотреть этот документ. В пункте втором этого документа указывается:

> «Все военнопленные, взятые на Востоке после 5 июля 1943, должны быть переданы лагерям ОКВ и оттуда непосредственно или в порядке обмена через других потребителей рабочей силы — генеральному уполномоченному по рабочей силе для использования в угольной промышленности».
>
> Дальше в пункте 4 этого документа указывается:
>
> «Что мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, взятые в борьбе с партизанами в зоне военных действий в армейском тылу, объявляются военнопленными и также передаются в лагерь военнопленных».
>
> Это письмо было послано также и вам, как видно из адресата и,

следовательно, вы знали, какими бесчеловечными методами вы получали рабочих для угольной промышленности. Это вы признаете?

Шпеер: Нет, я это не признаю.

Рагинский: Не признаете. Хорошо.

Шпеер: Я не знаю, имеете ли вы виду, что пленных которых брали в борьбе против партизан в оперативном районе должны были направлять на шахты. Тогда я полагал, что они были взяты в плен в бою, и партизан захваченный в бою, конечно военнопленный. Здесь было сделано утверждение о том, что именно с пленными взятыми в партизанских районах не обращались как с военнопленными. Но данный документ кажется мне доказательством иного. Он показывает, что с пленными, взятыми в партизанских районах, обращались как с военнопленными.

Рагинский: Комментарии меня совершенно не интересуют к этому документу. Я у вас спросил, признаете ли вы, что знали каким образом и какими методами, вы получали рабочих для угольной промышленности, вы ответили, что не признаете, и я считаю, что вопрос вами по этому документу закончен. Перейдем к следующему документу:

4 января 1944 года вы участвовали в совещании у Гитлера, на котором обсуждался вопрос об использовании рабочей силы на 1944 год. Вы тогда заявили, что вам потребуется дополнительно 1 300 000 рабочих. На этом совещания было принято решение, что Заукель в 1944 году поставит не менее четырех миллионов рабочих из оккупированных областей, и что в доставке этих рабочих Заукелю будет помогать Гиммлер. В этом протоколе совещания, подписанном Ламмерсом, указывается, что все участники совещания пришли к единодушному выводу. Вы признаете, что как участник этого совещания и как рейхсминистр вы несете ответственность за принудительный угон в Германию миллионов людей?

Шпеер: Однако эта программа не была осуществлена. Именно эта программа не была исполнена.

Рагинский: Подсудимый Шпеер, мы так с вами очень долго займем времени у трибунала, если вы не будете отвечать на поставленные вопросы.

Председатель: Но, генерал Рагинский, из сути показаний подсудимого, если я понял, он признал, что военнопленные и остальные рабочие доставлялись в Германию принудительно, вопреки их воле. Он никогда этого не отрицал.

Рагинский: Да, господин председатель, он это подтвердил. Однако, на вопрос признает ли он себя ответственным за эту операцию намеченную на совещании 4 января, он ответа на мой вопрос не дал. И я у него спрашиваю.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я повторю свой вопрос. Я свой вопрос повторю. Я спрашиваю вас не о том, осуществил ли Заукель эту программу. А мой вопрос сводится к следующему: 4 января с вашим участием было принято решение у Гитлера о том, что Заукель угонит 4 миллиона человек в рабство, в Германию при содействии и при помощи Гиммлера, вы принимали участие на этом совещании. Как

видно из записи все участники совещания пришли к единодушному выводу. Вы за это признаете свою ответственность или нет?

Шпеер: Что касается моего сектора и моей ответственности за это, я полагаю, что трибуналу решать о степени моей ответственности. Я сам не могу это установить.

Рагинский: Я зачитаю вам выдержку из документа, представленного трибуналу под номером USA-184. В этом документе указывается на решение Заукеля провести освидетельствование и мобилизацию двух возрастов — 1926 и 1927 гг. — во всех вновь оккупированных восточных областях. В этом документе говорится также: «Господин имперский министр вооружения и боеприпасов дал на этот приказ свое согласие». И документ заканчивается следующей фразой:

> «Освидетельствование и мобилизация должны начаться и проводиться ускоренными темпами со всей энергией и с применением всех подходящих мер».
>
> Вы припоминаете такой приказ?

Шпеер: Я здесь читал этот документ. Это правильно.

Рагинский: Правильно. Перейдём к следующему вопросу. Вы говорили здесь, что резко критиковали близкое окружение Гитлера. Назовите, кого именно вы критиковали?

Шпеер: Нет, я не назову их.

Рагинский: Не назовёте этих лиц. Потому что вы не критиковали никого, как вас понять?

Шпеер: Я критиковал их, но я не считаю правильным называть их здесь.

Рагинский: Ну, я и не настаиваю на том, чтобы вы ответили.

Скажите, ваши так называемые расхождения с Гитлером начались после того, когда вы убедились в том, что Германия проиграла войну?

Шпеер: Об этом я вчера сделал ясные заявления.

Рагинский: Вы очень много говорили здесь о том, что вы противились разрушению промышленных предприятий западных областей перед отступлением немецких войск, но разве вы не руководствовались при этом исключительно тем, что рассчитывали в ближайшее время снова занять эти области и таким образом сохранить за собой эти предприятия?

Шпеер: Нет, причина заключалась не в этом. Я это выбрал в качестве предлога для того, чтобы воспрепятствовать этому разрушению. Если вы прочитаете, например, мой меморандум о положении с горючим, то из него ясно вытекает, что я не придерживался этого мнения, что можно говорить о реоккупации, и мне, кажется, что любой военный руководитель не считал, что в 1944 году можно было говорить о реоккупации Франции, Голландии или Бельгии. То же самое относилось, конечно, и к восточным областям.

Рагинский: Я думаю, что будет лучше, если мы обратимся к документам. Это будет правильнее и ускорит нам время. Вы писали в проекте телеграммы, которую вы

заготовили для гауляйтеров Бюркеля, Вагнера[384], Симона и других, вы указывали — я читаю на странице 56, тома первого книги документов вашей:

> «Фюрер указал, что в скором времени будут возвращены утраченные области, так как для дальнейшего ведения войны западные области в отношении вооружения и военной продукции имеют большое значение».

Разве это то, что вы здесь говорите? Ведь вы писали совсем о другом.

Шпеер: Нет, мой защитник всё это цитировал и вчера объяснял. Я бы хотел снова посмотреть на документ. Я не знаю, необходимо ли повторять всё объяснение, его привели вчера и оно длилось примерно 10 минут. Хотите верьте, хотите нет моему вчерашнему заявлению.

Рагинский: Нет, подсудимый Шпеер, я вовсе не хочу, чтобы вы повторяли то, что вы говорили вчера, если вы не хотите сказать по существу документов, то лучше мы перейдем к другим вопросам.

Председатель: Генерал Рагинский, если вы задали ему вопрос, который задавали вчера, он должен дать такой же ответ, если он хочет дать согласующийся ответ.

Рагинский: Господин председатель, я ему задаю этот вопрос, потому что на мой взгляд он на этот вопрос дал неправильный ответ. Поэтому повторять ответ вчерашний это совершенно бесполезная трата времени. Если подсудимый не желает правдиво ответить на этот вопрос, то я предпочитаю его не спрашивать об этом.

Председатель: Свидетель говорит: «Я ответил правдиво вчера, но если вы хотите, чтобы я снова это повторил, я сделаю это, но это займет 10 минут». Вот, что он сказал и это совершенно подобающий ответ.

Рагинский: Да. Я предпочитаю перейти к другим вопросам.

[*Обращаясь к подсудимому*] Скажите, почему вы телеграмму по поводу разрушения промышленных предприятий направили гауляйтерам?

Шпеер: Эта телеграмма была направлена не только гауляйтерам. Она была направлена моим уполномоченным, а также гаулейтерам. Гауляйтеров надо было информировать, потому что они при некоторых обстоятельствах по собственной инициативе могли отдать приказ о разрушениях, а так как гауляйтеры мне не подчинялись, я должен был составить проект этой телеграммы и отправить ее Борману, которому подчинялись гауляйтеры, с тем, чтобы она от Бормана была направлена гауляйтерам.

Рагинский: Вы говорили, что сторонниками политики Гитлера «выжженной земли» были Лей, Геббельс и Борман. Ну, а из живых, из сидящих на скамье подсудимых никто не поддерживал Гитлера?

Шпеер: Насколько помню, никто из тех, кто сейчас сидит на скамье подсудимых, не

---

[384] Роберт Вагнер (1895 — 1946), партийный и государственный деятель эпохи «Третьего рейха», гауляйтер (25 марта 1925 — 8 мая 1945) и рейхсштатгальтер (5 мая 1933 года — 8 мая 1945) Бадена, шеф гражданского управления оккупированного Эльзаса (2 августа 1940 года — 8 мая 1945), обергруппенфюрер НСКК. Казнен по приговору французского суда.

выступал за политику «выжженной земли». Напротив Функ, например, был одним из тех, кто очень сильно ей возражал.

Рагинский: За эту политику были только те, кто теперь мертвый?

Шпеер: Да, и поэтому они, очевидно, и покончили жизнь самоубийством, потому что они были за эту политику и делали еще кое-что.

Рагинский: Ваш защитник предъявил трибуналу несколько писем, на имя Гитлера, датированных мартом 1945 года. Скажите, а после этих писем вы потеряли доверие Гитлера?

Шпеер: Я вчера уже говорил о том, что после этого имели место очень резкие споры между нами, и Гитлер хотел, чтобы я ушел в отпуск, то есть, он хотел уволить меня. Но я не хотел уходить.

Рагинский: Это я слышал, но, тем не менее, именно вас Гитлер приказом 30 марта 1945 года назначил руководить мероприятиями по тотальному разрушению индустриальных объектов?

Шпеер: Да, да. Дело обстояло так, что я отвечал за разрушение или неразрушение промышленности в Германии до 19 марта 1945. Тогда Гитлер указом (который также был представлен) лишил меня полномочий самому проводить эти разрушения, а указом Гитлера от 30 марта 1945 , проект которого составил я, я снова получил право проводить эти разрушения – однако, это – я уже представил приказы которые я принял в силу данных полномочий; они чётко показывают, что я запретил осуществление уничтожения, и соответственно моя задача была достигнута. Не распоряжение Гитлера, но формулировка моего исполнительного приказа была решающей. Этот приказ среди документов.

Рагинский: Гитлер, несмотря на получение от вас этих писем, не рассматривал вас как оппозиционера по отношению к нему?

Шпеер: Гитлер сказал в беседе, которая тогда была с ним, что как по внутри- и внешнеполитическим причинам он не мог отказаться от моих услуг. Таким было его объяснение. Мне кажется, что уже тогда его доверие ко мне было поколеблено, поскольку в своём завещании он назвал другого как моего преемника.

Рагинский: Последний вопрос к вам. Вы в апреле, пятнадцатого, в Гамбурге в радиостудии записали вашу речь на случай падения Берлина. В этой заготовленной речи, текст которой не был опубликован, вы высказались за прекращение деятельности «Вервольфа[385]» и тому подобных организаций. Скажите, кто руководил организацией «Вервольф»?

Шпеер: Организацией «Вервольф» руководил рейхсляйтер Борман.

Рагинский: А кроме Бормана?

---

[385] Вервольф (волк-оборотень) — немецкое ополчение для ведения партизанской войны в тылу наступающих войск противника, созданное в самом конце Второй мировой войны. Оно также было задействовано при обороне городов. Формировалось из стариков и подростков в возрасте 14–16 лет. Ополченцы проходили краткий курс начальной военной подготовки, оказания медицинской помощи, использованию местности для ведения боевых действий, диверсионной тактике ведения боевых действий. Были распущены преемником Гитлера Дёницем.

Шпеер: Никто, только Борман. Насколько я знаю, это был только Борман. Я не могу точно сказать, однако «Вервольф» был организацией, которая подчинялась Борману.
Рагинский: Да. Понятно. Если бы Борман был жив, то тогда бы оказалось, что этой организацией руководил Гиммлер. Другого ответа и трудно ожидать от вас. У меня нет больше вопросов.
Председатель: Доктор Серватиус, вы хотите спросить о чём-то, что вытекает из перекрестного допроса?
Серватиус: У меня есть немного вопросов по перекрёстному допросу.

Свидетель, вы заявили о том, что после воздушных налётов, о дефиците, возникшем в концернах, вы докладывали ДАФ или Заукелю. Это правильно, не так ли?
Шпеер: Нет, не совсем в такой форме. Меня спросили, получал ли я между делом доклады о подобных условиях. Я сказал «да», я передавал их Заукелю или ДАФ, потому что они были компетентными властями.
Серватиус: О чём были доклады, которые направляли Заукелю?
Шпеер: Насколько я помню, я сказал на допросе о том, что я точно не помню получение таких докладов. В любом случае вопрос являлся лишь теоретическим: чтобы я сделал если бы получил подобные доклады? Я подумал, что доклады разумеется доходили до меня, но я уже не могу вспомнить их содержание.
Серватиус: Что должен был делать Заукель?
Шпеер: Против воздушных налётов Заукель ничего не мог сделать.
Серватиус: Если вы направляли ему доклады, это означало, что он должен был оказать помощь?
Шпеер: Да, или то, что он, как компетентная власть, имел бы точную информацию об условиях в своей сфере работы, даже если он и не мог помочь.
Серватиус: Его сферой являлась вербовка рабочей силы.
Шпеер: Нет, также условия труда.
Серватиус: Условия труда можно было улучшить только посредством материального обеспечения, посредством продовольственного обеспечения, и тому подобного.
Шпеер: Естественно, но в конечном счете генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы был ответственным за условия труда. Это очевидно из указа который подписал Геринг. Естественно, создание хорошие условий труда касалось и других властей, это совершенно ясно.
Серватиус: Но, в конце концов, это не был вопрос принятия распоряжения, а оказания практической помощи.
Шпеер: Практическая помощь при воздушных налётах не оказывалась центральной службой, это было невозможно, поскольку транспортное и телефонное сообщение в целом прерывалось. Она оказывалась местными властями.
Серватиус: Другими словами, Заукель ничего не мог сделать?

Шпеер: Нет, не лично, но его местные отделы подчиненные ему принимали участие в оказании помощи.

Серватиус: Но он должен был обращаться к вам за любым материалом, поскольку всё конфисковали для вооружений?

Шпеер: Что касалось строительного материала, он мог получать это только от меня, и он фактически получал большое количество. Я должен добавить, что Заукель не лично получал это, но насколько я помню, в целом Германский трудовой фронт, поскольку ДАФ на самом деле заботился о лагерях.

Серватиус: Кто были ответственными службами? Вы не являлись службой, которая занималась концернами?

Шпеер: Не в том смысле, который вы подразумеваете. Вы хотите, чтобы я ответил, что я был ответственным за условия труда.

Председатель: Доктор Серватиус, трибунал думает, что мы это уже проходили со свидетелем.

Серватиус: Господин председатель, я думаю, этот вопрос ещё не рассматривали. Вчера обсуждали внутреннюю администрацию. Существовал второй ряд служб, который занимался фабриками, а именно, через комиссию по вооружениям и управление инспекции вооружений; и для свидетеля Шпеера была открыта третья возможность создавать контакт с фабриками через инженеров трудовой эффективности Рейха. В связи с этим я хотел задать ему ещё один вопрос.

Шпеер: Я буду рад объяснить это.

Серватиус: Разве инженеры по трудовой эффективности не составляли вашу единственную возможность улучшать условия в концернах, и вы не имели прямого надзора?

Шпеер: Я должен обозначить вам задачу трудовых инженеров, это была инженерная задача, это показано в их обозначении.

Серватиус: Это ограничивалось инженерной задачей?

Шпеер: Да.

Серватиус: Тогда у меня больше нет вопросов.

Флекснер: Господин председатель, у меня есть только два вопроса вытекающих из перекрестного допроса.

Один вопрос такой: господин Шпеер, я ещё раз ссылаюсь на ответ, который вы дали судье Джексону в конце перекрестного допроса, и чтобы внести ясность в этот ответ, я бы хотел спросить вас: признав общую ответственность, вы хотели признать измеримую вину или коллективную ответственность в соответствии с уголовным законом, или вы хотели зафиксировать историческую ответственность перед своим народом и перед историей?

Шпеер: На этот вопрос очень сложно ответить; это на самом деле то о чём решать трибуналу в вердикте. Я лишь хотел сказать, что даже в авторитарной системе руководство должно принимать общую ответственность, и что невозможно

сбрасывать эту общую ответственность после катастрофы, ибо если предположить, что война была бы выиграна то руководство тоже потребовало бы общую ответственность. Но в какой степени это наказуемо согласно законам или морали я не могу решить, и это не моя задача решать.

Флекснер: Спасибо. Во-вторых, американское обвинение показало вам ряд документов об условиях, которые по большей части, как мне кажется даже полностью, касались фирмы Круппа. Вы сказали, что лично не знали об этих условиях. Я правильно вас понимаю?

Шпеер: Я не знал подробностей необходимых для того, чтобы можно было судить об этих документах индивидуально.

Флекснер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов. Однако, я должен оставить право, в связи с этими письменными показаниями, которые являются доказательством против моего клиента – на самом деле мне не ясно положение - решить нужно ли перекрёстно допрашивать человека который дал письменные показания. Я заранее не знал о том, что эти документы здесь предъявят.

Господин председатель, мне нужно всего 5 минут, чтобы закончить свои документальные доказательства.

Председатель: Да, доктор Флекснер, в связи с этими письменными показаниями, если вы хотите перекрёстно допросить какого-либо свидетеля вы должны письменно об этом ходатайствовать, и должны сделать это быстро. Потому что я думаю, я прав, говоря о том, что осталось допросить только двух подсудимых, и до тех пор, пока не будет ходатайства, будет невозможно найти свидетелей или доставить их сюда вовремя.

Итак, вы говорите, что закончите за 5 минут?

Флекснер: Да.

Председатель: Я думаю, вы можете закончить сейчас. Однако, доктор Флекснер, у трибунала есть один или два вопроса к подсудимому.

Биддл: Подсудимый, вы говорили о не использовании западных военнопленных в военной промышленности и изготовлении боеприпасов, вы помните?

Шпеер: Да.

Биддл: Об этом были правила?

Шпеер: Да.

Биддл: По этому поводу были правила?

Шпеер: Да, насколько я знаю, но мои сведения не будут точными. Я только помню беседы с Кейтелем об использовании в отдельных случаях и Кейтель это отвергал. Иначе у меня нет никаких сведений.

Биддл: Вы никогда не видели никаких правил, которые делали это разграничение?

Шпеер: Нет.

Биддл: И в отношении гражданских с неоккупированных территорий полагаю, их использовали в военном производстве, не так ли?

Шпеер: Иностранных рабочих использовали не принимая во внимание какое-либо соглашение.

Биддл: Это именно то, что я хочу знать.

Итак, вы сказали концентрационные лагеря имели плохую репутацию? Я думаю, такими были ваши слова, не так ли, о плохой репутации? Это верно?

Шпеер: Да.

Биддл: Что вы имели в виду этой фразой «плохая репутация»? Что за репутация, из-за чего?

Шпеер: Трудно определить. Это – это было известно в Германии, что пребывание в концентрационном лагере было неприятным делом. Я тоже знал это, но не знал никаких деталей.

Биддл: Что же, даже если вы не знали никаких деталей, «неприятные» это мягко сказано? Это не была репутация о том, что в лагерях использовалось насилие и физические наказания? Не эту репутацию вы имели в виду? Так не честно сказать?

Шпеер: Нет, это немного далеко, от того, что мы знали. Я полагал, что там было плохое обращение в отдельных случаях, но я не считал, что это было правилом. Я это не знал.

Биддл: Вы не знали о том, что насилие и физическая сила использовались для того, чтобы заставлять выполнять правила если заключенные их не соблюдали?

Шпеер: Нет, я не знал об этом в такой форме. Я должен сказать, что в течение времени, когда я был министром, пусть это звучит странно, меня стала меньше волновать судьба заключенных в концентрационных лагерях нежели раньше, потому что, когда я находился на посту, я слышал только хорошие и успокаивающие доклады о концентрационных лагерях из официальных источников. Говорилось о том, что питание улучшилось и так далее и тому подобное.

Биддл: Самый последний вопрос. Меня интересует то, что вы сказали в конце про всё руководство ответственное за определенные общие принципы, определенные великие вещи. Вы можете назвать любую из этих вещей? Что вы имели в виду? Какие принципы? Вы имели в виду например, начало войны?

Шпеер: Например, я думаю, начало войны или конец войны являются такие основные принципы. Я думаю…

Биддл: Вы считаете начало войны и конец войны основными принципами за которые было ответственным руководство?

Шпеер: Да.

Биддл: Спасибо.

Председатель: Подсудимый может вернуться на скамью.

[*Подсудимый покинул место свидетеля*]

Председатель: Доктор Флекснер, можно закончить и сегодня.

Флекснер: Да, буду рад.

Я бы хотел дополнить вчерашние доказательства, предъявив письмо Шпеера Заукелю от 28 января 1944, которое здесь вчера цитировали, я присвою ему экземпляр номер 31.

Затем, ещё одно письмо Шпеера Заукелю от 11 марта 1944, это будет экземпляр номер 32.

Потом, исполнительный приказ для указа по разрушению который вчера упоминал подсудимый, который трибунал найдет на странице 81 английской документальной книги, я предъявляю его как экземпляр 33.

Затем, как экземпляр 34, я бы хотел предъявить письмо Гитлера Шпееру от 21 апреля 1944.

Председатель: Дайте нам дату экземпляра 33? Вы сказали страница 81. Вы имели в виду страницу 81 подлинника, которая 85 на английском?

Флекснер: Нет, в английском тексте, господин председатель.

Председатель: Какая дата у документа?

Флекснер: Это исполнительный приказ к указу фюрера от 19 марта 1945.

Председатель: Очень хорошо.

Флекснер: Следующий документ, господин председатель, на странице 55 английского текста и странице 52 подлинника, тоже самое с французским текстом. Это письмо Гитлера Шпееру, уже упоминавшееся, о поручении данному Доршу[386] строительства истребителей. Это экземпляр номер 34.

Я предъявлю экземпляр номер 35 позже.

Как экземпляр номер 36 я предъявляю опросный лист Керля. Он подписан свидетелем Гансом Керлем, и подпись заверена офицером лагеря интернированных, подпись представителя обвинения и моя тоже там.

Председатель: Что за страница – 36?

Флекснер: 36 на странице 105 подлинника.

На странице 113 документальной книги 2, господин председатель, фрагмент допроса свидетеля Шибера, который я предъявляю как экземпляр номер 37. Он предъявлен на немецком языке и английском языке. Протокол удостоверен членом обвинения и мною.

Во второй книге, на странице 127 суд найдет допрос свидетеля Шмельтера, который я предъявляю как экземпляр номер 38.

На странице 136 документальной книги 2, я предъявляю показания свидетеля Хупфаера, которого здесь тоже сегодня упоминали. Это будет экземпляр номер 39.

На странице 142 документальной книги 2, суд найдет допрос свидетеля Зауэра. Я предъявляю это как экземпляр номер 40, снова на немецком и английском языках. Английский протокол заверен членом обвинения и мной.

---

[386] Франц Ксавье Дорш (1899-1986) –немецкий инженер. В апреле 1944 – мае 1945 руководитель организации Тодта.

На странице 148 моей второй документальной книги суд найдет протокол допроса Франка проведенного в Людвигсбурге обвинением и мной. Протокол заверен обвинением и мной.

Председатель: Это был 41, не так ли?

Флекснер: Это был номер 41, господин председатель.

На странице 153 документальной книги протокол допроса Роланда, который будет экземпляром номер 42. Он тоже на английском и немецком языках, и удостоверен как обычно.

На странице 165 документальной книги - протокол допроса свидетеля Кемпфа, проведенного 3 мая в Крансберге обвинением и мной. Он как обычно заверен, и будет экземпляром номер 43.

Председатель: Сколько ещё вы имеете?

Флекснер: Ещё два.

На странице 176 документальной книги опросный лист Гудериана, которого опросили в Херсбруке. Протокол на английском и немецком языках, заверен мной и обвинением. Это экземпляр номер 44.

На странице 181 документальной книги – это будет экземпляр номер 45 – суд найдет показания свидетеля Шталь, тоже на немецком и английском языках, английский заверен обвинением и мной.

Наконец, на странице 186 документальной книги есть опросный лист Карла Брандта который заверен властями лагеря. Это английский и немецкий язык и будет экземпляром номер 46.

Председатель: Это все?

Флекснер: Это всё.

Господин председатель, вчера подсудимый ссылался на фрагменты из совещания фюрера от 3-5 января. Этот документ ещё не перевели, и с вашего разрешения и предъявлю его позже. Обвинение уже видело его и не имеет никакого возражения.

Это документы которые я хотел предъявить. Мне кажется, что суд не желает выслушивать комментарии о документах в документальной книге, особенно так как документы уже подробно представило русское обвинение. На этом завершается моё дело подсудимого Шпеера.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 22 июня 1946*]

День сто шестьдесят первый

Суббота, 22 июня 1946

Утреннее заседание

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, трибунал видит, что вы имеете дополнительную просьбу о дополнительном свидетеле, после Франсуа-Понсе, это так? И о каких-то дополнительных документах?

Людингхаузен: Да, господин председатель. Могу я, в связи с ходатайством о господине Франсуа-Понсе сделать следующие замечания. Посол Франсуа-Понсе тем временем ответил на повестки которые он получил и я получил это письмо два дня назад от французской делегации, хотя и копию. Однако, французское обвинение пообещало мне, что подлинник будет предъявлен трибуналу и оно, а также британская делегация не имеет никаких возражений его использованию. Таким образом ходатайство о допросе свидетеля…

Председатель: Вы имеете в виду использовать письмо?

Людингхаузен: Вызов и допрос свидетеля таким образом ненужен, также как и моё ходатайство.

Председатель: Это кажется правильным трибуналу, с учётом, конечно отношения к делу фактической темы письма.

Итак, что касается документов о которых вы просили, обвинение возражает им или нет?

Людингхаузен: Да, в двух случаях, которые я уже вычеркнул. Два документа которые я также хотел предъявить и которым возражало обвинение я убрал и их больше нет в моих документальных книгах.

Председатель: По документу который у меня обвинение кажется возражало трём из них. Я не знаю правда это или нет.

Людингхаузен: Двум, номера 93 и 101 из моих документальных книг – им возражали и я их выбросил.

Председатель: Да, прошу прощения, я ошибся. Что же, вы их выбросили, хорошо. Пожалуйста, продолжайте.

Людингхаузен: Господин председатель, могу я прежде всего сказать, что до сих пор закончены переводы только для документальной книги номер 1. Эта книга уже доступна. Однако остальные не пока не готовы. Вместе с тем я бы хотел прежде всего цитировать документы из документальных книг в связи с соответствующими вопросами, указывая их номера и короткие описания, а также возможно цитируя из

них короткие отрывки, чтобы был нетронут контекст и мы избежали трудности повторного предъявления документов после их перевода, что в конце концов будет тратой времени.
Председатель: Вы хотите использовать документы до вызова подсудимого?
Людингхаузен: Нет, нет, в ходе допроса.
Председатель: Да, вы предлагаете вызвать подсудимого?
Людингхаузен: Да.

[*Подсудимый фон Нейрат занимает место свидетеля*]

Председатель: Пожалуйста, назовите своё имя?
Нейрат: Константин фон Нейрат.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего.

[*Подсудимый повторяет присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Людингхаузен: Господин фон Нейрат, пожалуйста, дайте нам краткий отчет о прошлом вашей семьи, вашем домашнем воспитании и вашем обучении?
Нейрат: Я родился 2 февраля 1873. По отцовской линии я выходец из старой семьи гражданских служащих. Мой дедушка, мой прапрадедушка, и мой прапрапрадедушка были министрами юстиции и иностранных дел в Вюртемберге. По материнской линии я выходец из благородной швабской семьи, чьи предки в основном являлись офицерами в австрийской императорской армии.

До двенадцати лет я рос в деревне в чрезвычайной простоте, с особо подчёркнутым долгом правдивости, ответственности, патриотизма и христианского жизненного пути, вместе с христианской терпимостью остальных религий.
Людингхаузен: Позднее вы получили свой школьный аттестат, и пошли в университет. Где и когда?
Нейрат: После выпуска из школы я изучал право в Тюбингене и Берлине и сдал там два государственных экзамена.
Людингхаузен: После своих экзаменов, какие официальные должности вы занимали до момента, когда вы были назначены рейхсминистром иностранных дел?
Нейрат: В 1901 я поступил в службу иностранных дел Рейха. Прежде всего, я работал в центральном ведомстве в Берлине, и затем в 1903 я был назначен в генеральное консульство в Лондоне. Оттуда я вернулся в министерство иностранных дел в Берлине и работал там во всех департаментах этого ведомства. В 1914…
Председатель: Когда?

Нейрат: 1914.

Председатель: Вы имеете в виду, что находились в Лондоне 11 лет?

Нейрат: Да, почти. Затем я был направлен в Константинополь в качестве советника посольства. В конце 1916 я ушёл с дипломатической службы из-за несогласия с политикой рейхсканцлера фон Бетмана-Гольвега[387]. Затем я стал главой кабинета короля Вюртемберга до революции в конце 1918[388].

В феврале 1919 социал-демократический народный комиссар Эберт[389], попросил меня вернуться на дипломатическую службу. Я сделал так, с оговоркой о том, что я могу сохранить свои собственные политические мнения, и тогда я стал посланником в Дании, где моя принципиальная задача заключалась в сглаживании разногласий имевшихся с Данией по так называемому вопросу Шлезвига[390].

В декабре 1921 я стал послом в Риме при итальянском правительстве где я оставался до 1930. Там я ощутил фашистскую революцию[391], с её кровавыми событиями и результатами. В начале у меня были резкие споры с Муссолини, которые, однако, постепенно переросли в его доверительное отношение ко мне.

Во время Первой мировой войны я был капитаном в гренадерском полку, и в декабре 1914 я был награждён за храбрость в бою Железным крестом первого класса. Я был ранен, и затем вернулся на свой пост в Константинополе.

Людингхаузен: В чем заключается ваше отношение к церкви и религии?

Нейрат: Как я уже сказал вам, меня воспитали как христианина и во все времена я считал христианскую церковь и христианскую мораль основой государства. Поэтому я снова и снова пытался убедить Гитлера не позволять усиливаться антиклерикальному отношению определенных групп в партии. В случаях эксцессов совершенных партийными организациями и отдельными людьми против церкви и монастырей и тому подобного, насколько я мог, я всегда вмешивался.

Людингхаузен: Господин председатель, в связи с этим я хочу процитировать из письменных показаний данных провинциальным епископом Вюрмом[392] в Штутгарте. Это письменные показания номер Нейрат-1 в моей документальной книге 1. Я цитирую:

«Я познакомился с господином фон Нейратом во время борьбы с

---

[387] Теобальд фон Бетман-Гольвег (1856 — 1921) — германский политический деятель, рейхсканцлер Германской империи, премьер-министр Пруссии в 1909—1917 годах.

[388] Ноябрьская революция — революция в ноябре 1918 в Германской империи. Началом революции считается восстание матросов в Киле 4 ноября 1918 года, кульминационным моментом — провозглашение республики в полдень 9 ноября, днем формального окончания — 11 августа 1919 года, когда президент республики Эберт подписал Веймарскую конституцию.

[389] Фридрих Эберт (1871 — 1925) — немецкий социал-демократ, один из ведущих деятелей СДПГ, лидер её правого, «ревизионистского» крыла. Первый рейхсканцлер Германии после Ноябрьской революции 1918 г., первый президент Германии (Веймарская республика, 1919—1925)

[390] Комплекс политико-дипломатических проблем существовавших в отношениях между Германией и Данией по вопросу принадлежности пограничных территорий.

[391] «Поход на Рим» (27—30 октября 1922 года) — марш Национальной фашистской партии во главе с Бенито Муссолини, который позже, вопреки Альбертинскому статуту, был назначен премьер-министром Италии.

[392] Теофил Вюрм (1868 -1953) – протестантский священник, с 1933 по 1948 епископ евангелической церкви Вюртемберга

церковью. Я подумал, что смогу обратиться к нему как к земляку и выходцу из семьи, которая была дружественна к протестантской церкви. Его отец был членом протестантского провинциального синода. Я не разочаровался в этом доверии. Он часто принимал меня и часто организовывал мои совещания с другими членами рейхскабинета. В частности, вместе с министром внутренних дел доктором Фриком и рейхсминистром юстиции доктором Гюртнером[393] он оказал мне содействие осенью 1934, когда меня отстранили от должности и держали под арестом в своей квартире из-за незаконных вмешательств со стороны епископа Рейха Людвига Мюллера[394] в результате моего сопротивления доминированию церкви германских христиан[395]. Он добился моего освобождения из под ареста и моего восстановления в сане епископа. Он также организовал дискуссию в рейхсканцелярии, результатом которой была отмена незаконного законодательства со стороны епископа Рейха. Также во время следующих периодов церковной борьбы я всегда находил дружеский приём и полное понимание с его стороны в заботах церкви».

Я также хотел бы сослаться на письменные показания, которые появляются под номером Нейрат-2 в моей документальной книге. Это письменные показания старого и близкого друга подсудимого, адвоката и нотариуса Манфреда Циммермана из Берлина. Я бы хотел процитировать лишь короткий отрывок из этих письменных показаний.

Председатель: Я не думаю, что необходимо всё это читать. Конечно, трибунал это рассмотрит.

Людингхаузен: Очень хорошо, но я придаю этому значение, потому что второй документ исходит от человека, который очень близко знал подсудимого 40 лет. По этой причине, меня интересовало цитирование, кроме заявления епископа Вюрма, заявления человека который знал его ежедневную жизнь. Однако, господин председатель, если вам кажется, что мне не нужно это читать, тогда я только сошлюсь на это.

Председатель: Вам не нужно всё это читать, но вы можете обратить наше внимание на самые материальные отрывки.

Людингхаузен: Господин председатель, отрывок который я собирался процитировать на странице 5 этих письменных показаний, под параграфом 5. Он начинается «Константин фон Нейрат в соответствии со своей семьей, воспитанием и развитием, человек твёрдого характера во всех отношениях…»

---

[393] Франц Гюртнер (1881— 1941) — министр юстиции в кабинете Гитлера в 1933 – 1941.

[394] Людвиг Мюллер (1883 — 1945) — германский религиозный деятель: первоначально один из лидеров Немецких христиан, затем — епископ церкви Рейха. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

[395] «Немецкие христиане»— движение, организованное в мае 1932 года сторонниками национал-социализма среди немецкого духовенства.

Тогда я могу это опустить.

Я бы хотел представить заявление от пастора Роллера и бургомистра Энцвейхингена. Это община, в которой проживает фон Нейрат. Это номер Нейрат-24 в моей документальной книге 1.

Господин фон Нейрат, в данной связи, в чем заключалось ваше отношение к еврейской проблеме?

Нейрат: Я никогда не был антисемитом. Мои христианские и гуманитарные убеждения предотвращали это. Однако к подавлению неподобающего еврейского влияния во всех сферах общественной и культурной жизни, как оно развивалось после Первой мировой войны в Германии, я относился как к желательному. Но я возражал всем насильственным мерам против евреев, а также пропаганде против евреев, я считал всю расовую политику национал-социалистической партии ошибочной, и по этой причине боролся против неё.

После вступления в силу еврейских законов[396] я возражал их применению и держал неарийских сотрудников министерства иностранных дел столько сколько можно. До тех пор пока партия не добилась решения о назначении гражданских служащих, я ограничивал себя защитой отдельных лиц. Я позволил нескольким из них эмигрировать.

Так называемый расовый закон был подготовлен расовым фанатиком в партии и был направлен в Нюрнберг несмотря на мой категорический протест.

Людингхаузен: В связи с этим, я бы хотел сослаться и прочитать короткую фразу из письменных показаний бывшего посла, доктора Курта Пруфера[397]. Это документ номер Нейрат-4 в моей документальной книге. Посол Пруфер был министериальдиректором в министерстве иностранных дел, когда фон Нейрат был министром иностранных дел. Я бы хотел кратко процитировать про его отношение к чиновникам иной веры.

Председатель: Вы дадите нам страницу?

Людингхаузен: Это страница 9 немецкого языка.

Председатель: Да, и наша страница 21?

Людингхаузен: Да.

> «Нейрат во многих случаях вмешивался в интересах сотрудников министерства иностранных дел, которым из-за своей расы, своей религии или своего бывшего членства в иных партиях, возражали национал-социалисты. Таким образом, до смерти Гинденбурга, и до тех пор, пока Нейрат имел единоличную власть по

[396] Нюрнбергские расовые законы — два расистских (в первую очередь антиеврейских) законодательных акта («основные законы») — «Закон о гражданине Рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести», провозглашённые по инициативе Адольфа Гитлера 15 сентября 1935 года на съезде Национал-социалистической партии в Нюрнберге

[397] Курт Пруфер (1881 – 1959) – немецкий дипломат. Арабист. С 1907 по 1943 находился на дипломатической службе Германии.

> всем вопросам, относящимся к гражданским служащим, ряд чиновников еврейской или смешанной крови оставались на своих должностях. Фактически, были даже повышения таких чиновников.
>
> Лишь после смерти Гинденбурга, когда рейхсминистры, а также остальные начальники ведомств, указом фюрера были лишены окончательного решения по всем вопросам, относящимся к гражданским служащим, и эти полномочия передали заместителю фюрера, радикализм партии тоже проник и в эту область, и потом, особенно после отставки Нейрата он принял усиливавшиеся грубые формы».

Председатель: На что это был ответ?

Людингхаузен: Это были письменные показания бывшего посла доктора Курта Пруфера.

Председатель: Да, это я знаю. Я хотел знать какой это ответ.

Людингхаузен: Я понял, номер 4. Это письменные показания, это не опросный лист в данном смысле.

Председатель: В любом случае в нашей копии проставлены параграфы.

Людингхаузен: Номер 18; это ответ на вопрос 18.

Могу я также обратить ваше внимание на письменные показания баронессы Риттер из Мюнхена. Баронесса Риттер отдаленный родственник подсудимого. Она вдова бывшего баварского посла при святом престоле. Она знает Нейрата многие годы и хорошо знакома с его образом мысли.

Это номер Нейрат-3 в моей документальной книге 1, и я бы хотел процитировать со страницы 3, лишь один короткий отрывок:

> «Точно также как он имел терпимое отношение к христианским верованиям, он также относился к еврейскому вопросу. Поэтому он принципиально отвергал расовую политику Гитлера. На практике он также смог предотвратить любое устранение евреев из своей компетенции до 1937 года.
>
> Кроме того, он помогал всем людям, которые были близки ему профессионально или лично, на которых повлияло законодательство о евреях, насколько мог, для того, чтобы защитить их от финансовых и других недостатков».

Господин фон Нейрат, в чём заключалось ваше отношение к антиеврейским тенденциям и мерам Гитлера?

Нейрат: В них я видел антисемитизм, который вовсе не редкий в немецком народе, но не имел никакого практического проявления. Я протестовал Гитлеру против всех эксцессов о которых я знал, и не просто по внешнеполитическим причинам. Я просил его, в частности, обуздать Геббельса и Гиммлера.

Людингхаузен: В связи с этой темой я бы хотел вставить вопрос. Что вы знали о

деятельности и эксцессах совершавшихся Гестапо, СА и СС?

В связи с этим я бы хотел представить вам показания свидетеля Гизевиуса, которого недавно здесь допрашивали. Он сказал:

> «Кроме того, я представлял большое количество материалов начальнику протокольного отдела, ближайшему сотруднику министра иностранных дел» - это были вы – «фон Бюлов-Шванте[398] и, согласно заверениям Бюлов-Шванта, он неоднократно представлял этот материал».

Этот материал предположительно ссылается на эксцессы, в частности конечно против иностранцев.

Нейрат: Заявление этого свидетеля Гизевиуса, что мой начальник протокола в целом должен был информировать меня о деятельности Гестапо это полностью ошибочный вывод. Официально, посредством жалоб послов и посланников, я слышал о драках и также арестах полицией и СА, но я ничего не знал об общих учреждениях Гестапо и его деятельности.

В каждом случае, который становился известным мне, я требовал прежде всего, чтобы министр внутренних дел, глава полиции, и Гестапо давали мне объяснение и наказывали виновных лиц.

Людингхаузен: Что вы знали или что вы узнали о концентрационных лагерях? Когда вы вообще впервые услышали об этих учреждениях, и когда и откуда вы услышали об условиях, которые преобладали в этих лагерях?

Нейрат: Учреждение так называемых концентрационных лагерей было известно мне с Бурской войны[399]. О существовании таких лагерей в Германии мне стало известно в 1934 или 1935, когда два сотрудника моего ведомства, среди них начальник протокола названный господином Гизевиусом, были внезапно арестованы. Когда я выяснял их местонахождение, я узнал, что их увезли в так называемый концентрационный лагерь. Я послал за Гиммлером и Гейдрихом и заявил им протест, который перерос в очень жаркий спор. Я сразу же пожаловался Гитлеру, и этих двух сотрудников освободили. Тогда я спросил их о том, как с ними обращались, кроме ограничения свободы, обращение не было плохим.

Концентрационным лагерем в который их забрали, был лагерь Ораниенбург[400]. Позднее я узнал о существовании лагеря Дахау[401], и в 1939 я также услышал о Бухенвальде, потому что чешских студентов которых арестовал Гиммлер

---

[398] Александр фон Бюлов-Шванте (1891 – 1970) – немецкий дипломат. В 1935-1938 начальник протокольного отдела МИД Германии.

[399] Вторая англо-бурская война 1899—1902 годов — война бурских республик — Южно-Африканской республики (Республики Трансвааль) и Оранжевого Свободного государства (Оранжевой Республики) против Британской империи, закончившаяся победой последней.

[400] Ораниенбург — один из первых концлагерей, организованный нацистами после захвата власти в Германии в 1933 году. В нём содержали политических противников нацистов, арестованных в берлинском регионе — в основном коммунистов и социал-демократов.

[401] Дахау — один из первых концентрационных лагерей на территории Германии. Основан 22 марта 1933 года в Дахау, неподалеку от Мюнхена.

забрали туда.

Размах концентрационных лагерей, о котором стало известно здесь, и в особенности обращение с заключенными и существование лагерей уничтожения, вещи, о которых я узнал впервые в Нюрнберге.

Людингхаузен: Кем и когда вы были назначены рейхсминистром иностранных дел, и как случилось это назначение?

Нейрат: Я был назначен министром иностранных дел 2 июня 1932 рейхспрезидентом фон Гинденбургом. Уже в 1929, после смерти Штреземана, Гинденбург хотел назначить меня министром. Тогда, я отказался, потому что ввиду партийных условий, существовавших в Рейхстаге в те дни, я не видел никакой возможности для стабильной внешней политики. Я не был членом ни одной из 30 или стольких партий, поэтому я бы не смог найти никакой поддержки в Рейхстаге в те дни.

Однако, Гинденбург получил от меня обещание о том, что я отвечу на его призыв если отечество окажется в чрезвычайной ситуации.

Людингхаузен: В связи с этим я могу процитировать телеграмму, в которой министерство иностранных дел проинформировало господина фон Нейрата о том, что рейхспрезидент пожелал, что он должен принять ведущий пост в правительстве. Это копия телеграммы, которая была передана ему по телефону, номер 6 в моей документальной книги:

«Лично для посла, подлежит личной расшифровке.

Берлин, 31 мая 1932».

Она была адресована в Лондон.

«Рейхспрезидент просит вас, в виду вашего предыдущего обещания, принять министерство иностранных дел в формирующемся президентском кабинете, который будет сформирован из личностей правого крыла свободных от партийных обязательств и опирающихся не столько на Рейхстаг, сколько на авторитет рейхспрезидента. Рейхспрезидент адресует вам срочную просьбу о том, чтобы вы не отказали в своих услугах отечеству в этот трудный час. Если вы не можете дать утвердительный ответ немедленно, я прошу вас сразу же вернуться».

Она подписана Бюловым, который тогда был государственным секретарём министерства иностранных дел

Я также обращаю ваше внимание на копию письма начальника политического департамента министерства иностранных дел о назначении Нейрата на пост рейхсминистра иностранных дел, письмо, которое тогда было написано его другу, послу Рюмелину[402]. Автор этого письма, министериальдиректор доктор

[402] Ойген Рюмелин (1880 – 1947) – немецкий дипломат времен Веймарской республики и Третьего Рейха. Посол Германии в Болгарии в 1923 -1939.

Кёпке, подтвердит верность данного письма в своём допросе перед трибуналом, то есть тот факт, что это копия подлинника, адресованного послу Рюмелину.

Поэтому, мне кажется, что в данный момент мне не требуется читать документ. Документ, это номер Нейрат-8 в моей документальной книге.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы с лёгким сердцем решили ответить на зов фон Гинденбурга и приняли этот сложный пост, вдвойне сложный в те дни?

Нейрат: Нет, вовсе нет. Тогда я нисколько не стремился принять пост министра иностранных дел. Мне нравился мой пост посла в Лондоне, пользующийся хорошими отношениями с правительством и королевской семьей, и поэтому я надеялся, что я могу продолжать службу обеим странам, Великобритании и Германии. Я просто не мог проигнорировать просьбу Гинденбурга, но даже тогда я не решился, до тех пор пока не провёл с ним долгую личную дискуссию в которой я высказал собственные цели и мысли о германской внешней политике, и в которой я удостоверился в его поддержке мирного развития и средств достижения равенства Германии, усилением её позиции в совете наций и восстановлением суверенитета над национальной территорией Германии.

Людингхаузен: Могу я в связи с этим сослаться на письменные показания бывшего посла Пруфера, которые я уже цитировал и которые номер Нейрат-4 в моей документальной книге. Я бы хотел процитировать из данного документа параграф 7, который ссылается на назначение подсудимого Гинденбургом. В немецком тексте это страница 27.

> «В кругах высокопоставленных сотрудников министерства иностранных было хорошо известно, что когда Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером, он добавил практическое условие о том, что Нейрат должен остаться на должности министра иностранных дел. Барон Нейрат никак не проталкивал себя на должность, когда он принял её в 1932. Напротив, ещё в 1929, когда Гинденбург попросил его принять пост министра, он отклонил это том основании, что не будучи членом партии и таким образом не имея партийной поддержки, он не мог считать себя подходящим принять министерство в государстве, руководимом в соответствии с парламентским принципом. Того чтобы Нейрат отбросил свои сомнения и вошёл в кабинет в качестве министра иностранных дел не было до 1932, когда рейхспрезидент фон Гинденбург, которого он особо почитал, сформировал свой первый, так называемый президентский кабинет».
>
> В чём заключалось ваше суждение о внутренней ситуации?

Нейрат: Развитие партийных отношений в 1932 дошло до того, что я считал, есть только две возможности: либо должно быть какое-то участие национал-социалистической партии, ряды который сильно выросли, в правительстве или будь

это требование отклонено, то была бы гражданская война.

Подробности формирования правительства в 1933 и приход Гитлера к власти тщательно описал подсудимый фон Папен.

Людингхаузен: В чём заключалось ваше собственное суждение и ваше отношение к Гитлеру, в целом к национал-социализму и национал-социалистическим идеям, и в частности, к партии?

Нейрат: Я не знал Гитлера лично. Я презирал методы партии во время её борьбы за государственную власть, её идеи подробно мне не были известны. Некоторые из них, в частности, в социалистической сфере, казались мне хорошими, другие я считал революционным феноменом, который постепенно сойдет на нет, также, как я наблюдал в германской революции в 1918, и позднее также во время фашистской революции в Италии. Однако, в целом, я им не симпатизировал; в любом случае, в те дни я считал, что решающая роль Гитлера и национал-социалистической партии в немецкой политике, или единоличное лидерство Гитлера в германской политике, были ошибочными и не в интересах Германии, особенно не в интересах германской внешней политики.

Людингхаузен: Могу я в связи с этим процитировать ещё один отрывок из вышеназванных письменных показаний посла Пруфера, номер Нейрат-4 в моей документальной книге на странице 28. Он интересен, постольку поскольку Пруфер был сотрудником в министерстве подсудимого:

> «Барон фон Нейрат не был национал-социалистом. По причине своего происхождения и традиции он решительно возражал национал-социалистической доктрине, постольку поскольку она содержала радикальные и жестокие принципы. Это отвращение, которые он не пытался скрывать, было в частности направлено против эксцессов партийных органов в отношении евреев и лиц частично еврейского происхождения, кроме этого оно было направлено против общего вмешательства национал-социалистической партии во все жизненно важные выражения германского народа и государства; другими словами, против требований тоталитаризма, фюрер-принципа, короче против диктатуры. В годы 1936-1938, когда я как глава бюджетного и кадрового отдела видел его очень часто, барон фон Нейрат говорил мне и другим в моём присутствии, безошибочными терминами о том, насколько выросла экстремистская тенденция в германской внутренней и внешней политике наполнявшая его беспокойством и отвращением».

Господин председатель, могу я также попросить трибунал вынести судебное уведомление об опросном листе графа Шверина фон Крозига[403], бывшего

[403] Иоганн Шверин фон Крозиг (1887 — 1977) — немецкий политический и государственный деятель, по образованию юрист. В 1932—1945 годах министр финансов Германии. Американским военным трибуналом приговорён к 10 годам

рейхсминистра финансов, который номер Нейрат-25 в моёй документальной книге.

Итак, приступая к вашим внешнеполитическими идеям, мыслям и принципам, в чём заключалось ваше отношение к Версальскому договору и Лиге Наций?

Нейрат: Эти бессмысленные и невозможные условия Версальского договора, которые привели экономическую систему всего мира в состояние беспорядка, и там же находятся корни национал-социализма вызвавшие Вторую мировую войну. В результате сочетания этого договора и Лиги Наций, и превращение Лиги Наций в некоторой степени в стража условий этого договора, её изначальная цель, а именно, создание взаимопонимания среди наций и сохранение мира стали иллюзорными. Точнее, статут позволял возможность пересмотра. Но ассамблея Лиги Наций не воспользовалась этой возможностью. После выхода из участия Соединенных Штатов, а также России и Японии, стоявших вне так называемой Лиги Наций, она составляла в по большей части только из сочетания сторон заинтересованных желавших сохранять статус кво, который был создан именно Версальским договором. Вместо устранения трений, которые снова и снова возникали с течением времени, цель этого собрания вовсе на заключалась в том, чтобы поменять существовавшее положение дел. То, что великая и честолюбивая нация, дискриминацией которой являлся Версальский договор не сможет долго терпеть это было тем, что мог понять любой зоркий государственный деятель. И не только в Германии снова и снова отмечали, что это обязательно приведет к печальному концу, но в Женеве на игровой площадке красноречивых и тщетных политиков, это пролетало сквозь уши.

Людингхаузен: Бесспорный исторический факт в том, что германская внешняя политика при всех правительствах до Гитлера имела цель добиться изменений в Версальском договоре, при помощи исключительно мирных средств. Такая политика была политикой Гинденбурга или же Гинденбург, вероятно, был расположен выбрать другое решение при помощи насилия и войны?

Нейрат: Нет, ни в коем случае, даже если бы Германия имела военные средства для этой задачи. Он снова и снова говорил мне, что новой войны нужно было избежать любой ценой.

Людингхаузен: Господи председатель, могу я обратить ваше внимание, и попросить вас вынести судебное уведомление, об отрывке из речи произнесённой 25 сентября 1928 графом Бернсторффом[404], который являлся представителем Германии в Лиге Наций. Это номер Нейрат-34 из моей документальной книги 2. Однако, перевод пока не доступен. Он будет предъявлен, я надеюсь в понедельник. Я также ссылаюсь на это, и я прошу вынести судебное уведомление об отрывке из речи бывшего рейхсканцлера Брюнинга в Киле 19 мая 1931, у которой номер Нейрат-36 в

лишения свободы, досрочно освобождён в 1951.

[404] Генрих фон Бернсторфф (1862 – 1939) – немецкий дипломат. Ряд лет являлся послом Германии в США и Турции.

моей документальной книге 2. Также на выдержку из речи произнесенной бывшим рейхсминистром иностранных дел Куртиусом[405] в ассамблее Лиги Наций, преемником и другом рейхсканцлера Штреземана, который умер незадолго до этого.

Максвелл-Файф: Милорд, я сказал господину Людингхаузену, что у меня есть том II. Я не знаю, имеет ли трибунал английский перевод.

Председатель: Нет, я не думаю, что есть. Сэр Дэвид, обвинение согласно с относимостью к делу, допустимостью этих документов?

Максвелл-Файф: Милорд, мы не собираемся заявлять возражения коротким ссылкам, приведенным до сих пор. Ваша светлость отметит, что я уже высказывал позицию обвинения о Версальском договоре, но до тех пор пока это находится в разумных границах как вступление, я не заявляю никакого формального возражения.

Председатель: Господин фон Людингхаузен, трибунал исключил из доказательств разные документы, которые предположительно показывают несправедливость Версальского договора, так как обвинение заняло такое отношение как сейчас, трибунал отнесётся к этому просто как к историческим документам, но на самом деле вопрос не относится к делу. Единственный вопрос в том, пытались ли подсудимые отменить Версальский договор силой. Нас не касается справедливость или несправедливость.

Людингхаузен: Нет, господин председатель, я предъявил документ не для того, чтобы критиковать Версальский договор. Я просто хотел установить тот факт, что и предыдущие правительства, мирными средствами преследовали те же цели, которые мой клиент позднее преследовал как рейхсминистр иностранных дел, и поэтому под его руководством, вообще не было изменений в характере и целях германской внешней политики в отношении западных держав. В этом заключалась причина, а не критика как таковая.

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, я знаю, но все доказательства, которые подсудимый приводил последние несколько минут были критикой несправедливости Версальского договора.

Людингхаузен: Да, это было его общее введение, но я лишь попытался подтвердить преемственность политики.

[*Обращаясь к подсудимому*] В чём заключались ваши собственные взгляды на преемственность внешней политики Рейха касательно вопроса, который сейчас рассматривали?

Нейрат: Мой взгляд заключался в том, что к решению разнообразных политических проблем можно было прийти только мирными средствами и шаг за шагом. Полное равенство для Германии во всех областях, следовательно и военной сфере, а также восстановление суверенитета над всей территорией Рейха и устранение любой дискриминации являлись предпосылками, но в достижении этого заключалась

[405] Юлиус Куртиус (1877 – 1948) – германский политик, министр иностранных дел Германии в 1929-1931.

первостепенная задача германской внешней политики.

Людингхаузен: Господин председатель, в связи с этим, я бы ещё раз хотел, чтобы вы обратились к письменным показаниям посла Пруфера, которые номер Нейрат-4 в моей документальной книге, и я бы хотел, с разрешения трибунала, процитировать из них, для того, чтобы поддержать заявления только, что сделанные подсудимым, часть из параграфа 12:

> «Политикой Нейрата было международное взаимопонимание и мир. Такая политика не была несовместима с тем, что господин фон Нейрат также стремился пересмотреть суровые нормы Версальского договора. Однако, он хотел достичь этого исключительно переговорами и никоим образом силой. Все его старания и указания, которые, я как его сотрудник, когда-либо видел или слышал, шли в этом направлении. Тот факт, что барон фон Нейрат считал себя защитником мира, вероятно лучше иллюстрирует заявление, сделанное им при уходе из министерства иностранных дел. Тогда он заявил небольшой группе своих коллег о том, что война наверное больше неизбежна. Он предположительно имел этим в виду, что теперь внешняя политика переходит из его рук к безответственным людям».

Господин фон Нейрат, тогда вы полностью соглашались с Гинденбургом абсолютно отрицая любое использование силы для достижения этой цели, пересмотра Версальского договора, и вы считали достижение данной цели возможным и являлись решительным оппонентом любого враждебного развития, которое вы считали величайшей возможной неудачей, не только для Германии, но и для всего мира?

Нейрат: Да. Германия и весь мир всё ещё находились в эпицентре серьезного экономического кризиса, вызванного регулированием Версальского договора. Следовательно, любое новое развитие враждебности, могло привести только к огромной катастрофе.

Людингхаузен: 2 июня 1932, спустя несколько дней после вашего прихода на новую должность министра иностранных дел, началась встреча так называемой Конференции по репарациям в Лозанне, принимали участие и вы, и новый рейхсканцлер фон Папен. Расскажите нам коротко в чём заключалась цель этой конференции?

Нейрат: Репарации, наложенные Версальским договором, которые никогда не были чётко установленными, теперь формально должны были урегулировать, то есть должна была быть определена окончательная сумма. Эта цель была выполнена.

Людингхаузен: В то же время, не было встречи Конференции по разоружению в Женеве?

Нейрат: Да, почти в это же самое время также проходили эти переговоры.

Людингхаузен: Господин председатель, в связи с этим, для цели общего понимания, я бы хотел отметить, что учреждение Конференции по разоружению восходит к резолюции принятой Лигой Наций 25 сентября 1928, в которой подчёркивалась близкая связь между международной безопасностью, то есть, мир между всеми европейскими организациями, и ограничение вооружений. В связи с этим, я бы хотел сослаться на текст резолюции принятой Лигой Наций, который номер Нейрат-33 в моей документальной книге. Это на странице 90 документальной книги 2.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы можете дать нам краткий отчёт о ходе этих переговоров по разоружению?

Нейрат: Что же, естественно очень сложно дать короткий отчёт. Конференция по разоружению создавалась Лигой Наций с целью достижения разоружения всех наций, которое предусматривалось в статье 8, как эквивалентное германскому разоружению которое уже проводилось с 1927. Однако, переговоры во время Конференции по разоружению были приостановлены, спустя недолгое время, несмотря на возражения немецких представителей. Предыдущие переговоры и этот перерыв уже тогда дали ясно понять, что те государства, которые не разоружились, не были готовы проводить собственное разоружение в соответствии со стандартами и методами применявшимися к предыдущему разоружению Германии. Этот факт сделал невозможным для Германии принять резолюцию, которую предложили Конференции по разоружению, и поэтому немецкий представитель получил инструкции объявить, что Германия не будет принимать участия в работе Конференции по разоружению до тех пор пока не признают равное право Германии на участие в результатах конференции.

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, мы прервёмся?

Людингхаузен: Да, господин председатель.

[*Объявлен перерыв*]

Людингхаузен: Господин председатель, по поводу вопроса который сейчас задали и ответили, я бы хотел сослаться на несколько документов и прошу вас принять о них официальное уведомление. Я предъявляю или предъявил в своей документальной книге 2, выдержки из германского меморандума от 29 августа 1932, в документе номер Нейрат-40; выдержки из интервью с фон Нейратом представителя телеграфного бюро Вольфа[406], официального бюро новостей Германского Рейха, в документе номер Нейрат-41 из документальной книги 2; выдержки из заявления господина фон Нейрата представителям германской прессы 30 сентября 1932, в документе номер Нейрат-45 из документальной книги 2; выдержку из письма подсудимого председателю Конференции по разоружению, номер Нейрат-43 из

[406] Телеграфное бюро Вольфа – одна из первых новостных служб в Европе. Существовала с 1849 по 1934.

документальной книги 2; и наконец, я бы хотел сослаться на речь немецкого представителя на Конференции по разоружению в Женеве, которая номер Нейрат-39 в моей документальной книге, которая показывает развитие взглядов и отношения подсудимого, и соответственно германской политики на переговоры по разоружению, которые возобновились16-го на Конференции по разоружению.

Господин фон Нейрат, в вышеуказанных документах вы подчёркиваете, что вопрос разоружения нужно решать исключительно мирными средствами, и нельзя было использовать никакое насилие. Тенденция, выраженная здесь, действительно соответствовала вашему убеждению, и она представляла руководящий принцип, и на самом деле единственный руководящий принцип вашей политики?

Нейрат: Да. В течение всего периода, когда я был рейхсминистром иностранных не использовались никакие средства, которые не являлись привычными и допустимыми.

Людингхаузен: 16-го переговоры на Конференции по разоружению должны были возобновить. В чем заключался результат этой встречи на Конференции по разоружению?

Нейрат: Англия, наконец, предложила – сначала Конференция по разоружению завершилась ничем, но позднее возникла так называемая Декларация пяти держав в декабре 1932, предложенная Англией. Эта декларация признавала требование равных прав Германии и устранения тех положений Версальского договора, которые были дискриминационными против Германии.

После этой декларации, которая была сделана державами войны и позднее Конференцией по разоружению или самим советом Лиги Наций, равные права Германии признавались на всё время. Поэтому Германия могла воспользоваться свои правом на отмену части V Версальского договора сославшись на обязательство всеобщего разоружения предпринятого подписавшими державами. Эта декларация пяти держав предусмотрела необходимое условие для принятия в очередной раз принятия Германией участия в обсуждениях Конференции по разоружению.

Людингхаузен: Господин председатель, я бы хотел сослаться на текст Декларации пяти держав от 11 декабря 1932. Это номер Нейрат-47а в моей документальной книге 2. Я бы хотел также сослаться на статью подсудимого в «Heimatdienst[407]» о признании равных прав для Германии. Текст в номере Нейрат-48 из моей документальной книге 2. Это было до захвата власти.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, в январе 1933 Гитлер был назначен рейхсканцлером, и таким образом состоялся так называемый захват власти НСДАП. Вы в какой-либо форме вообще принимали участие в этом захвате власти и назначении Гитлера рейхсканцлером?

Нейрат: Нет, я не принимал никакого участия ни на одной стадии переговоров о

[407] «Внутренняя служба» (нем.) – официальное печатное издание Рейхстага.

назначении Гитлера рейхсканцлером. Никто, даже рейхспрезидент, и разумеется ни один лидер партии, не спросили моего мнения. У меня не было близких отношений ни с одним из партийных лидеров, особенно не с лидерами национал-социалистической партии. Об этом Геринг и Папен свидетельствовали абсолютно верно.

Людингхаузен: Какие чувства вы испытвали по вопросу назначения Гитлера рейхсканцлером, другими словами, по вопросу захвата партией власти?

Нейрат: У меня были серьезные сомнения, но как я сказал вначале, в виду партийной ситуации и невозможности формирования правительства вопреки национал-социалистам, я не видел никакой другой возможности если только кто-то не хотел начать гражданскую войну, в исходе которой не было бы сомнений в виду превосходящего количества последователей Гитлера.

Людингхаузен: В виду вашего отношения как вы сейчас выразились, по какой причине вы остались рейхсминистром иностранных дел во вновь сформированном правительстве Гитлера?

Нейрат: По срочному пожеланию Гинденбурга.

Людингхаузен: Я бы хотел в связи с этим сослаться на письменные показания баронессы Риттер, номер Нейрат-3 в моей документальной книге 1, которые уже упоминалась, и с разрешения суда я бы хотел прочитать короткий отрывок из них:

> «Когда в 1933 формировалось новое правительство, с Гитлером как рейхсканцлером, Гинденбург запросил у Гитлера условие о том, что Нейрат должен остаться министром иностранных дел. Соответственно Гинденбург попросил Нейрата остаться, и Нейрат выполнил пожелание Гинденбурга согласно своему предыдущему обещанию. Я знаю, что с течением времени Нейрат часто имел серьезные сомнения, но он считал, что его патриотический долг заключался в том, чтобы оставаться.
>
> В связи с этим я особо вспоминаю подходящее сравнение большого камня, который при положении прямо в середине реки может уменьшить силу ревущего течения, тогда как на берегу он не будет иметь никакого влияния. Он часто заявлял: «Когда немцы часто интересуются, почему я сотрудничаю с этим правительством, они всегда думают только о преобладающих недостатках, не замечая какую катастрофу я способен предотвратить. Они забывают, какая сила требуется, чтобы преодолеть в одиночку стену «мирмидонян[408]…»

Этим баронесса фон Риттер имеет в виду близкий круг, окружавший Гитлера – пробиться сквозь него к Гитлеру.

---

[408] Мирмидоняне — мифическое ахейское племя в Фессалии, произошло по сказанию от Мирмидона, сына Зевса и Эвримедузы; над мирмидонянами властвовал Ахилл.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вам известно, по какой причине Гинденбург хотел, чтобы вы остались, то есть, вошли в кабинет Гитлера как министр иностранных дел?

Нейрат: Чтобы обеспечить продолжение мирной внешней политики и отвратить Гитлера от резких шагов, которые были возможны в виду его импульсивного характера, одним словом, выступать как тормоз.

Людингхаузен: Гинденбург не сделал фактическим условием назначения Гитлера рейхсканцлером то, что вы должны остаться министром иностранных дел, то есть войти в кабинет Гитлера?

Нейрат: Да, так мне он позднее сказал.

Людингхаузен: В связи с этим я бы хотел сослаться на письменные показания посла Курта Пруфера, номер Нейрат-4 в моей документальной книге, и я бы хотел зачитать из них короткую выдержку: «Поскольку Гинденбург был консерватором, его основное политическое отношение…»

Председатель: Что за страница?

Людингхаузен: Страница 27, экземпляр номер 4.

> «Поскольку Гинденбург был консерватором, его политическое отношение, наверняка, было почти такое же как у барона Нейрата. Никто не сомневался, кто хотя бы немного был осведомлен об условиях, в которых сам Гинденбург вручил власть Гитлеру, что он сделал это неохотно и только под тяжёлым давлением внутриполитического развития. Если в таких обстоятельствах, он настаивал и на самом деле поставил условие, что барон Нейрат, его бывший внешнеполитический советник, должен остаться на посту, это несомненно было из-за того, что он хотел гарантировать себе по крайней мере один крепкий столп для внешней политики, то есть, для мира, в разгар пробуждения новых сил, которые разумеется казались ему лично зловещими и неприятными».

Вы обсуждали это с Гинденбургом, вы сказали ему о своей неохоте, своих сомнениях о присоединении к кабинету Гитлера?

Нейрат: Да, я не оставил ему в этом никаких сомнений.

Людингхаузен: Каким был ответ Гинденбурга?

Нейрат: Он сказал мне, чтобы я должен был принести эту жертву, потому что у него уже не будет ни минуты покоя, что Гитлер пока не имел вообще никакого опыта в вопросах внешней политики.

Людингхаузен: Лишь тогда и по этой причине вы решили присоединиться к кабинету Гитлера?

Нейрат: Да. Британский обвинитель, сэр Дэвид, на заседании 1 марта этого года, заявил о том, что присоединившись к кабинету Гитлера, я продал свою честь и репутацию. Я воздержусь от дальнейшего комментария этого самого серьезного

оскорбления.

Людингхаузен: Господин председатель, я бы хотел в связи с этим процитировать фразу из «Дневника посла Додда 1933-37» который номер Нейрат-13 в моей документальной книге. Я бы хотел процитировать запись под 6 апреля 1934, на странице 100; это страница 55 немецкого текста, которая гласит следующее. Это замечание Додда, которое ссылается на господина фон Нейрата:

> «Мне жаль этих трезвомыслящих немцев, которым очень хорошо известны мировые дела и которые должны работать для своей страны полагаясь при этом на невежство и автократию Гитлера и его последователей».

В этих беседах с Гинденбургом вы пообещали ему, что вы будете оставаться в кабинете до тех пор пока вам вообще будет возможно направлять внешнеполитический курс в мирном направлении и избегать воинственного развития событий, даже если в будущем Гинденбург умрёт?

Нейрат: Да. Он постоянно высказывал мне это пожелание.

Людингхаузен: Без сомнения в этом заключалась причина, почему вы оставались в должности после смерти Гинденбурга?

Нейрат: Да. Но также, потому что между тем я выяснил, что Гитлер из-за своего вспыльчивого темперамента, часто прибегал к резким шагам и таким образом мог угрожать миру. Однако, по многим поводам, я также узнал по опыту, что в подобных случаях он будет выслушивать мои возражения.

Людингхаузен: Обвинение, как вам известно, особо вменяет вам вхождение и пребывание в кабинете Гитлера в качестве министра иностранных дел, прежде всего пребывание в кабинете Гитлера после смерти Гинденбурга.

Нейрат: Как они могут упрекать меня за это, совершенно необъяснимо для меня. Я никогда не принадлежал к партии; я никогда не присягал партийным программам, и я также никогда никак не присягал и лидерам партии. Я служил при императорском правительстве, меня попросило вернуться на дипломатическую службу социалистическое правительство Эберта, и я был назначен им посланником и послом. Я служил при демократических, либеральных и консервативных правительствах. Не отождествляя себя с их разными программами и часто в оппозиции к партийному правительству того времени. Я преследовал только интересы моего отечества во взаимодействии с другими державами.

Мне не было никакой причины не делать тоже самое при Гитлере и национал-социалистической партии. Можно дать ход оппозиционным мнениям с любой перспективой успеха только изнутри как члену правительства. Свобода слова и использование прессы были запрещены в Германии, или, по крайней мере затруднены. Личная свобода находилась под угрозой. Больше того, нет большой разницы в разных странах; я имею в виду участие в правительствах различных

партий, и я могу привести пример Рейно[409] или лорда Ванситарта[410], которого я хорошо знаю и который был в английском министерстве иностранных дел влиятельным государственным секретарём при консервативных, а также лейбористских правительствах.

Людингхаузен: Но, после 30 июня 1934 и кровавых событий этого времени, почему вы всё же остались в правительстве? Почему вы не ушли тогда в отставку? Вам известно, что обвинение упрекало других подсудимых в том, что они остались в правительстве в таких обстоятельствах.

Нейрат: Помимо факта, что из описания, которое тогда Гитлер дал событиям путча Рёма[411] я заключил, что это был серьезный мятёж, я знаю много революций по своему собственному опыту, например русскую революцию и как я уже говорил фашистскую революцию в Риме, и я видел, что в таких революциях невинные люди также страдали. В дополнение я полностью адаптировал себя к отношению Гинденбурга; даже если бы я хотел уйти в отставку он никогда бы не позволил мне так сделать.

В качестве иллюстрации того, что я не имел сведений о серьезности этого мятежа и правде описания Гитлера о нём, я хочу коротко упомянуть, что в тот день 30 июня, брат императора Японии находился в Берлине и я пригласил его на ужин. Генерал-полковник фон Фрич также присутствовал на данном ужине и ряд других высших офицеров и сотрудников министерства иностранных дел. Принц не появился на ужине; то есть, он прибыл на час позже. Когда я спросил о причине я узнал, что мой дом также был окружён СА и принц предотвратил их вход в мой дом. Несколькими днями спустя генерал-полковник фон Фрич, после описания событий с военной стороны, спросил меня, знаю ли я том, что я находился в списке Рёма. Таким образом, мне кажется данный мятеж был не совсем безобидным как описывалось здесь, свидетелем Гизевиусом.

Людингхаузен: Прежде чем вы решили войти в кабинет Гитлера вы говорили с самим Гитлером о принципах и линии внешней политики, которой вы намеревались следовать?

Нейрат: Да, подробно. Я объяснил ему, что только путём переговоров и политикой соответствующей международной ситуации мы можем достичь своих целей. Это требовало терпения. Гитлер тогда казалось, понял меня, и у меня также было такое же впечатление, а последующие годы. Я убежден, что тогда он полностью одобрял продолжение такой политики и честно имел это в виду. Он постоянно подчёркивал, что он знал какова война и не хотел другой.

---

[409] Поль Рейно (1878 — 1966) — французский политик и юрист периода между двумя мировыми войнами, сторонник экономического либерализма, яростный противник Германии. Предпоследний премьер-министр Франции в период Третьей республики, вице-президент Демократического альянса (правоцентристской партии).

[410] Роберт Ванситарт (1881 — 1957) — британский дипломат, барон. В 1930 – 1938 заместитель министра иностранных дел.

[411] Эрнст Рём (1887 — 1934) — один из лидеров национал-социалистов и руководитель СА. Вместе с другими руководителями СА был убит по приказу Гитлера в «ночь длинных ножей».

Людингхаузен: Я хочу ещё раз сослаться на письменные показания посла Пруфера, номер Нейрат-4 в своей документальной книге 1, и с разрешения суда я хочу процитировать следующее:

> «Политикой Нейрата было международное взаимопонимание и мир…
> - это страница 29 – «Такая политика не была несовместима с тем, что господин фон Нейрат также стремился пересмотреть суровые нормы Версальского договора. Однако, он хотел достичь этого исключительно переговорами и никоим образом силой».
> Затем на той же странице…

Председатель: Вы это уже не читали?

Людингхаузен: Да. Теперь я хочу прочитать следующий отрывок:

> «Я уверен в том, что барон фон Нейрат, также как и остальные кадровые сотрудники министерства иностранных дел, не имели никаких конкретных сведений о каких-либо возможных насильственных планах со стороны Гитлера. Напротив, в первые годы после смены правительства в целом оказывали доверие часто высказываемым декларациям о мирных намерениях национал-социалистов. Я даже считаю, что и сами они в первые годы не хотели войны. Скорее была вера и надежда в высших кругах партии, к которым Нейрат вообще не принадлежал, что можно будет продолжать выигрывать дешевые лавровые венки не в результате войны, а практикуя тактику блефа и внезапности. Лишь позднее возникшая мегаломания из веры в собственную удачу, собственную непогрешимость и неуязвимость, которая приняла мистические пропорции вызванные безграничным подхалимством, привела Гитлера и его ближайшее окружение к включению войны в инструменты своей политической власти. Мы, сотрудники внешнеполитической службы и с нами барон фон Нейрат, наш начальник, узнавали о таком развитии лишь постепенно и как посторонние. До начала 1936 только очень немногих сотрудников приняли в партию, которая со своей стороны обращалась со штатом министерства иностранных дел, включая недавно принятых членов, с подозрением и недоверием».

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, разве всё это не спор? Вы читаете слишком долго.

Людингхаузен: Господин председатель, я уже закончил.

[*Обращаясь к подсудимому*] Лично вы видели в партийной программе национал-социалистов какое-либо намерение или желание порвать с другими державами?

Нейрат: Нет. Вопреки утверждениям обвинения, которым не прибавляет точности повторение, я никак не могу выявить какое-нибудь намерение обратиться к

вооруженным действиям в случае неудачи достижения этих целей, по различным заявлениям Гитлера, я знаю, что лично он тогда, то есть в начале пребывания в должности не имел никаких подобных намерений. Он как можно более близкого взаимопонимания с Англией, и стабильных, мирных взаимоотношений с Францией, что устранило бы древнюю враждебность двух народов. В последнем, как он мне сказал, заключалась особая причина его публичного заявления после саарского плебесцита о том, что он раз и навсегда отказывался от всяческих попыток вернуть Эльзас.

Людингхаузен: Обвинение в частности вменяет то, что из следующих фраз партийной программы вы должны были знать о том, что нацисты преследовали агрессивные внешнеполитические цели, и что таким образом они с самого начала были нацелены на войну. Я читаю:

> «Мы требуем союза всех немцев в великой Германии на основе права наций на самоопределение. Мы требуем равноправия для немецкого народа наравне с другими нациями и отмены Версальского и Сен-Жерменского договоров».
>
> Пожалуйста, вы прокомментируете это?

Нейрат: Даже сегодня я не могу обнаружить никакого агрессивного духа в процитированных фразах. Право на самоопределение основное условие современного государства, признаваемое международным правом. По крайней мере, теоретически, в этом также заключалась основа Версальского договора и на такой же основе проходили плебисциты в пограничных районах. Следовательно, союз всех немцев на основе этого политического принципа, был абсолютно допустимым политическим постулатом, что касалось международного права и внешней политики.

Устранение дискриминационных условий Версальского договора при помощи изменения условий договора являлось существенной целью германской внешней политики, а также всех буржуазных и социал-демократических правительств предшественников национал-социалистов. Я не могу понять как можно сделать вывод о каком-то агрессивном намерении если люди стремятся освободиться от тягот договора которые ощущались несправедливым, с учётом того, что это делали мирными способами.

И я бы хотел добавить, что такой была внешняя политика, которую я представлял до момента в конце 1937, когда я осознал, что Гитлер также рассматривал войну средством своей политики. Раньше, как сказано выше, никогда не было никакого упоминания этого.

Людингхаузен: В чём заключалось влияние захвата Гитлером власти в Германии на зарубежные страны?

Нейрат: Сразу же возникли ощутимая напряженность и недоверие к новому правительству. Антагонизм был безошибочно. Это было мне особенно ясно на

всемирной экономической конференции 1933 в Лондоне[412], где у меня была возможность побеседовать со многими старыми друзьями и членами остальных делегаций и лично ознакомиться с такой переменой чувств. Практическим эффектом этого чувства стала большая осторожность на всех переговорах, включая только что открывшуюся сессию Конференции по разоружению.

Людингхаузен: Господин председатель, в связи с этим я бы хотел сослаться на письмо, номер которого Нейрат-11 в моей документальной книге. Это доклад господина фон Нейрата рейхспрезиденту фон Гинденбургу с лондонской конференции. Оно датировано 19 июня 1933. Я процитирую очень короткий отрывок: «К сожалению, вынужден сказать, что у меня сложилось самое тревожное впечатление».

Председатель: Какая страница?

Людингхаузен: Страница 47.

Председатель: Да, продолжайте.

Людингхаузен:

> «В виду докладов глав наших зарубежных миссий я был готов ко многим плохим манифестациям, многим мрачным событиям, и взволнованным мнениям со стороны зарубежных стран. Вместе с тем, несмотря на все мои опасения, у меня были надежды на то, что многое из этого вероятно будет лишь временным, что всё придет в порядок. Однако мои опасения оказались более оправданными нежели мои надежды. Я с трудом снова узнал Лондон. Настроение было таким, сперва в английских кругах, а затем в международных кругах, которое выражало регресс в политическом и психологическом отношении к Германии, которую теперь нельзя принимать всерьез».

Итак, дальнейшие переговоры в главном комитете Конференции по разоружению состоялись зимой 1933-34. Вы можете кратко описать ход этих переговоров? Это важно в виду последующих событий.

Нейрат: Французский план от 14 ноября 1932 являлся тогда основой переговоров. Этот план, весьма неожиданно, предусматривал преобразование профессиональных армий в армии с коротким периодом службы ибо по мнению, представленному тогда французским представителем, в то время можно было считать оборонительными только армии с коротким периодом службы, в то время как постоянные армии состоявшие из профессиональных солдат представляют наступательный характер.

Такая точка зрения Франции была совершенно новой, и была не только прямо противоположной предыдущей точке зрения Франции, но также отличалась

---

[412] Лондонская экономическая конференция — конференция с участием представителей 66 держав, проходившая в 1933 году в Лондоне в здании Геологического музея. Целями конференции провозглашались: преодоление мирового экономического кризиса, стимулирование мировой торговли, стабилизация валют.

от положений изложенных в Версальском договоре для разоружения Германии. Это означало для Германии – на которую это очевидно было направлено – устранение постоянной армии в 100000 человек. Дополнительно, этот новый план Франции показывал, что она не хочет разоружаться. Заявление французского представителя Поль-Бонкура[413], на заседании от 8 февраля 1933 подтвердило это.

Франция также придерживалась той же самой точки зрения на следующих дискуссиях о так называемой рабочей программе представленной Англией 30 января 1933, посредством которой Англия хотела ускорить переговоры на конференции. Эта попытка ускорить переговоры, которая была направлена на привидение к одному знаменателю тенденций различных держав, не удалась из-за упрямого отношения Франции. Затем в программу было внесено изменение в попытке преодолеть эти трудности, соответственно в первую очередь обсуждался вопрос силы армии.

Людингхаузен: В связи с этим я бы хотел предъявить, и просить суд вынести судебное уведомление о документе номер 49 в моей документальной книге 2. Он содержит выдержки из английской рабочей программы от 30 января 1933, а также из моих документов номер 46 и 47, которые также в документальной книге 2. Они содержат выдержки из французского плана по унификации системы армий континентальной Европы. Наконец, номер 47 из моей документальной книги 2 содержит выдержки из речи господина фон Нейрата на заседании ассамблеи Лиги Наций 7 декабря 1932, которые описывают переговоры до этого времени.

В чём заключалось отношение Конференции по разоружению к вопросу обращения с разоружением как таковым, то есть, сокращением силы армии?

Нейрат: Чтобы обсуждать это, я должен сильно обратиться к записям, потому что невозможно держать в уме все эти детали, ходатайства и формулировки. Тема настолько уходит в детали, что это можно сделать только при помощи записей.

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, мы всё утро занимаемся этим, и на самом деле мы не дошли до 1933. Трибунал думает, что это рассматривается слишком подробно. Как я уже отметил, многое из этого попытка показать несправедливость Версальского договора, что не относится к делу.

Людингхаузен: Господин председатель, если можно, я не желаю показывать несправедливость Версальского договора, но я должен…

Председатель: Что же, доктор фон Людингхаузен, будьте любезны понять. Я говорю, мы думаем, вы слишком подробно это рассматриваете.

Людингхаузен: Очень хорошо.

---

[413] Огюстен Поль-Бонкур (1873 — 1972). Французский государственный и политический деятель периода Третьей республики. Дипломат. Министр труда и социального обеспечения Франции со 2 марта по 26 ноября 1911. Военный министр Франции с 3 июня по 18 декабря 1932. Премьер-министр Франции с 18 декабря 1932 по 31 января 1933. Министр иностранных дел Франции с 18 декабря 1932 по 30 января 1934. Министр национальной обороны и военный с 4 по 9 февраля 1934. Государственный министр, постоянный делегат в Женеве с 24 января по 4 июня 1936. Министр иностранных дел Франции с 13 марта по 10 апреля 1938.

Господин фон Нейрат, а что происходило для того, чтобы переговоры снова начались? 16 марта британский премьер-министр представил новый план…

Председатель: Программа разоружения к нам никак не относится.

Людингхаузен: Господин председатель, я вместе с тем должен показать, что представляли собой предыстория и настрой для того, чтобы конкретнее объяснить мотивы выхода из Лиги Наций, за что нас упрекали, ибо выход Германии последовал осенью 1933…

Председатель: Против фон Нейрата нет ничего из-за влияния на выход Германии из Лиги Наций, не так ли?

Людингхаузен: Да, есть. Я могу объяснить выход из Лиги Наций только на основании предыдущих событий. Я не могу сказать в трёх словах, что то или это было причиной, скорее я должен объяснить как постепенно возникла определенная атмосфера, и какими были обстоятельства которые не оставили никакого другого выбора для германского правительства кроме выхода из Конференции по разоружению и Лиги Наций, ибо эти факторы объясняют решение германского правительства перевооружаться. В истории, политические решения и поступки всегда следствие того, что происходило до них. В развитии этих политических условий на самом деле идет речь о периоде, охватывающем несколько лет, а не спонтанное событие или спонтанное решение. Точнее, в случае военного приказа, я не могу сказать, что этот приказ возник в результате приказов другой стороны, скорее я должен описать…

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, нам не нужна вся эта аргументация. Мы лишь желали понять. Я отмечаю вам то, что прошло почти всё утро, а мы не дошли до 1933.

Нейрат: Господин председатель, я постараюсь быть очень кратким переходя к этому периоду времени, выходу из Лиги Наций и Конференции по разоружению.

Переговоры, как я сказал, тянулись весь год, до лета 1933. Осенью снова было заседание Конференции по разоружению, на котором более менее обсуждалось одно и тоже. Что же, результат Конференции заключался в том, что от разоружения явно отказались западные державы и это являлось причиной, почему мы тогда, сначала вышли из Конференции по разоружению, поскольку мы посчитали, что полезная работа больше невозможна. Следом за этим, мы также вышли из Лиги Наций, поскольку мы стали свидетелями её провала в самых разнообразных областях.

И поэтому, совершенно коротко, это привело к тому, что заставило нас выйти из Лиги Наций. Причины, которые заставили нас сделать это я открыто обсудил в речи которую вероятно предъявит мой защитник.

Людингхаузен: Господин фон Нейрат, какую дату вы имеете в виду?

Нейрат: Октябрь 1933 – 16 октября, выступление перед иностранной прессой. В этой речи я сказал, что выход из Конференции по разоружению и Лиги Наций

никоим образом не означал, что Германия отказалась принимать участие в любых переговорах или дискуссиях, особенно с западными державами.

Людингхаузен: Господин председатель, данная речь выдержка на странице 59 в моей документальной книге. Поскольку это по сути тоже самое, что сказал сейчас господин фон Нейрат, за исключением того, что она более подробная, я готов опустить оглашение самого фрагмента, как я планировал сделать.

В связи с этим я должен обратить внимание на документы, которые я предъявил за весь период времени, который мы пропускаем, для того, чтобы по крайней мере представить картину о том как шло дело до середины октября. В связи с этим я бы хотел сослаться на документ Нейрат-56, выступление господина фон Нейрата перед зарубежной прессой; затем обращение Гитлера к немецкому народу, номер Нейрат-58; на только, что цитированный документ номер Нейрат-59; германский меморандум по вопросу вооружения и равных прав от 18 декабря 1933, документ Нейрат-61; номер Нейрат-62 интервью с господином фон Нейратом берлинского представителя «The New York Times[414]» 29 декабря 1933; германский ответ на французский меморандум от 1 января 1934, номер Нейрат-64 в моей документальной книге 3; германский меморандум от 13 марта 1934, номер Нейрат-67; выступление председателя Конференции по разоружению, сэра Невила Гендерсона от 10 апреля 1934, номер Нейрат-68; и наконец, памятный меморандум правительства Рейха на британский меморандум по разоружению от 16 апреля, номер Нейрат-69.

Мне сейчас сообщили, что я назвал неправильное имя. Это был Артур Гендерсон[415].

[*Обращаясь к подсудимому*] В середине апреля 1934 случилось самое важное событие. Вы прокомментируете это; так как эта декларация, эта нота, вызвала полный volte-face[416], изменение в европейской политике.

Нейрат: Это была французская нота, которая была адресована британскому правительству как ответ на британский запрос и германский меморандум от 13 марта 1934, который касался продолжения переговоров. Подробности содержались в выступление перед берлинской прессой, которое сейчас приводили. Однако, с этой французской нотой, усилия прийти к урегулированию вопроса о разоружении снова провалились из-за «нет» французского правительства.

Людингхаузен: Я бы хотел сослаться на различные документы об этом, которые я предъявил в своей документальной книге 3; номер Нейрат-66, выдержка из речи бельгийского премьера, графа Броквиля[417] от марта 1934; выдержка из дневника

---

[414] «Нью-Йорк таймс» (переводится как «Нью-йоркское время») — американская ежедневная газета, публикуемая в Нью-Йорке с 18 сентября 1851 года.

[415] Артур Гендерсон (1863 — 1935) — лидер Лейбористской партии Великобритании. Лауреат Нобелевской премии мира.

[416] Переполох (фр.)

[417] Шарль де Броквиль (1860 — 1940) — глава бельгийского правительства во времена Первой мировой войны и в 1932-1934.

посла Додда, номер Нейрат-63; затем номер Нейрат-70, выдержка из ноты французского правительства от 17 апреля 1934, которую сейчас упоминали, британскому правительству; выступление министра иностранных дел фон Нейрата, подсудимого, перед представителями берлинской прессы, в котором он прокомментировал французскую ноту, номер Нейрат-74 в моей документальной книге; наконец, выдержка из речи американского делегата на Конференции по разоружению, Нормана Дэвиса[418] от 29 мая 1934. В этой внезапной перемене в европейской политике, на которую я намекнул…

Председатель: Вы присвоили этому номер?

Людингхаузен: Господин председатель, последнему?

Председатель: Да.

Людингхаузен: Номер Нейрат-76.

Председатель: Да, продолжайте.

Нейрат: Я думаю, что прежде чем ответить на данный вопрос, вероятно, я могу прокомментировать кое-что ещё. Обвинение показало мне речь Гитлера 23 сентября 1939 к командующим армии, в которой он говорит о политических и организационных мерах которые предшествовали войне.

Председатель: Вы сказали это было 23 сентября?

Нейрат: 23 сентября 1939. Обвинение видит в упоминании выхода из Лиги Наций и Конференции по разоружению признак агрессивных намерений которые существовали уже тогда, и упрекает меня в этом.

Как я постоянно подчёркивал, до 1937 года не было никогда ни одного разговора о каких-то агрессивных намерениях или подготовке к агрессивной войне. Речь, упомянутая обвинением была сделана Гитлером 6 лет спустя после этих событий, и 18 месяцев спустя после моей отставки с министра иностранных дел. Ясно, что такому человеку как Гитлер, в тот момент, после победоносного завершения польской войны, эти события казались другими нежели были на самом деле. Однако об этих событиях нельзя судить постфактум, то есть, раньше даты речи, тем более сегодня судить о германской внешней политике, а нужно относится с точки зрения преобладавшей в то время, когда они состоялись.

А теперь ответ на ваш вопрос: по моему мнению причины лежат, прежде всего, более или менее в том, что ход предыдущих дипломатических переговоров показал, что Англия и Италия уже не стояли безоговорочно за Францию и больше не были готовы поддерживать строго антагонистическое отношение Франции к вопросу равных прав для Германии. Такой же точки зрения придерживались нейтральные государства - Дания, Испания, Норвегия, Швеция и Швейцария – в ноте адресованной Конференции по разоружению 14 апреля 1934. Следовательно, тогда Франция видимо опасалась быть изолированной и попасть под угрозу неспособности поддерживать свой отказ предпринимать любую форму

[418] Норман Дэвис (1878 – 1944) – американский дипломат. Президент Красного креста в 1938-1944.

разоружения. Кажется, я сам подробно прокомментировал это отношение со стороны Франции, с германской точки зрения, в вышеуказанном выступлении перед германской прессой 27 апреля 1934.

Людингхаузен: В чём заключались дальнейшие последствия этой французской ноты от 17 апреля, что касалось отношения французской внешней политики?

Нейрат: Уже спустя несколько дней после этой ноты, французский министр иностранных дел, господин Луи Барту, предпринял поездку на Восток, в Варшаву и Прагу. Как вскоре стало понятно, цель поездки в Польшу и Чехословакию заключалась в том, чтобы подготовить почву для возобновления дипломатических отношений между этими странами и остальными странами так называемой «Малой Антанты[419]» и Советским Союзом и таким образом проложить путь для включения России в участники европейской политики.

Усилия Барту были успешными. Польша, а также Чехословакия и Румыния восстановили дипломатические отношения с Россией. Во второй поездке Барту смог получить согласие всех этих государств Малой Антанты на Восточный пакт[420] предложенный Францией и Россией.

Людингхаузен: Переговоры, предпринятые в то время по Восточному пакту позже оказались инструментом, направленным против Германии?

Нейрат: Да. Я уже упоминал это. Восточный пакт, что касалось основного принципа как он был разработан и представлен мы бы приняли, но это ни к чему не привело, потому что предполагалось, что мы должны принять обязательства которые не сможем выполнить, а именно обязательство оказать помощь во всех случаях конфликта, который мог возникнуть между восточными нациями. Мы не были в состоянии сделать это и таким образом Восточный пакт ни к чему ни привёл.

Людингхаузен: Могу я в связи со сделанными сейчас заявлениями, сослаться на три документа в моей документальной книге 3; номер Нейрат-72, официальное коммюнике 24 апреля 1934 о варшавских дискуссиях французского министра иностранных дел; номер Нейрат-73, официальное коммюнике о пражских дискуссиях французского министра иностранных дел 27 апреля 1934; и выдержка из речи французского министра иностранных дел от 30 мая 1934, номер Нейрат-77.

Какой была ваша дальнейшая политика после довольно резкого прекращения переговоров вызванных этой французской нотой?

Нейрат: Мы, прежде всего, пытались всеми переговорными средствами с отдельными державами достичь постоянного и реального мира на основе

---

[419] Малая Антанта — альянс Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный в 1920—1921 годах. Целью союза было сдерживание венгерского ирредентизма, а также предотвращение воссоздания монархии Габсбургов в Австрии или Венгрии.

[420] Восточный пакт — термин для обозначения неудачной попытки предпринятой в 1934—1936 гг. по заключению коллективного договора о взаимопомощи между СССР, Чехословакией, Польшей, Финляндией, Латвией, Литвой и Германией. Основная инициатива по данному проекту исходила от Франции и СССР. Содержание и предполагаемые участники проекта Восточного пакта неоднократно менялись, однако, по сути, предполагалось, что договор должен был сдерживать Германию и укреплять версальский территориальный статус-кво.

практического признания наших равных прав и общего взаимопонимания со всеми народами. Я дал германским миссиям за рубежом задачу вести переговоры об этом с соответствующими правительствами.

Для того, чтобы снова начать переговоры, Гитлер решил принять приглашение Муссолини на дружескую беседу в Венеции. Целью данной встречи, как позднее говорил Муссолини была попытка развеять облака, которые сгущались на политическом горизонте Европы.

Спустя несколько дней после возвращения из Венеции, Гитлер выступил с важной речью в которой он подтвердил немецкое желание мира.

Людингхаузен: Господин председатель, в связи с этим я бы хотел сослаться на мой документ номер Нейрат-80 в документальной книге 3, который выдержка из речи Гитлера в Гере 17 июня 1934 – только часть интересующая с внешнеполитической точки зрения, конечно.

Господин председатель, вы хотите прерваться?

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, трибунал надеется, что в понедельник, когда вы продолжите, вы сможете рассмотреть менее детально эту политическую историю, которая, конечно хорошо известна всем кто это пережил, и в частности трибуналу, который все это уже выслушивал.

Людингхаузен: Господин председатель, я постараюсь так сделать.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 24 июня 1946*]

День сто шестьдесят второй

Понедельник, 24 июня 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый фон Нейрат вернулся на место свидетеля*]

Людингхаузен: Господин фон Нейрат, мне сказали, и я также услышал это по радио, что видимо вчера произошла ошибка, возможно из-за плохого перевода, относительно вашей деятельности с 1903 по 1914. Вероятно, вы можете повторить это, так как мне кажется, что суд также неправильно понял ваше заявление.
Нейрат: Наверное, это касается моего пребывания в Лондоне. С 1903 по 1907 я был в Лондоне, и после этого я был в министерстве иностранных дел в Берлине.
Людингхаузен: Тогда мы продолжаем представление вашей политики как министра иностранных дел. Я бы хотел задать вам следующие вопросы:

В том, что во время вашей службы в качестве министра иностранных дел, весной 1935 началось общее перевооружение, была воссоздана всеобщая воинская обязанность, и были созданы Люфтваффе, обвинение видит доказательство вашей вины в предполагаемом заговоре против мира. Вы прокомментируете это?
Нейрат: Первое, я бы хотел подчеркнуть, что не было никакого вопроса военных планов Германии в тот год и в следующие годы. Я также совершенно убеждён в том, что тогда ни Гитлер, ни его окружение не имели никаких агрессивных планов и даже не рассматривали какие-либо агрессивные планы, ибо мне было бы невозможно не знать о них.

Само по себе перевооружение не составляет никакой угрозы миру до тех пока не решено использовать вновь созданное оружие для целей иных, нежели оборона. В то время не было никакого подобного решения и никакой подобной подготовки. Точно такое же обвинение в подготовке агрессивной войны можно предъявить всем соседним государствам Германии, которые перевооружались именно…
Председатель: Минуточку. Доктор фон Людингхаузен, это спор, а не доказательства.
Людингхаузен: Господин председатель, я должен услышать о том какими эти вещи казались ему. Решения о поступке можно оправдать если я объясню…
Председатель: Нет, мы не готовы заслушивать спор в ходе доказательств. Доказательством будет если он скажет, что не было никаких планов

наступательного характера, но это спор говорить о том, что перевооружение необязательно включает наступательный характер. Мы не желаем слушать спор на данной стадии.

Людингхаузен: Да.

Тогда, пожалуйста, ответьте на вопрос ещё раз, фактически не было никаких планов использовать оружие созданное в результате перевооружения для каких-либо агрессивных задач или иной насильственной акции?

Нейрат: Это я и сказал. Мне не кажется, что нужно это повторять.

Людингхаузен: В чем заключались причины, каковы факты, которые заставили Германию видеть ситуацию особенно угрожающей?

Нейрат: В то время Германии не помогало ощущение того, что она окружена своими могущественными вооруженными соседями. Россия и Франция заключили Пакт о взаимопомощи[421], который можно назвать только военным союзом. Незамедлительно последовал похожий договор между Россией и Чехословакией[422]. По собственным заявлениям Россия усилила свою армию мирного времени более чем на половину. Нельзя было установить насколько сильной она была на самом деле. Во Франции, под руководством Петэна[423], предпринимались усилия по значительному укреплению армии. Уже в 1934 Чехословакия ввела двухлетнюю военную службу. 1 марта 1935 Франция приняла новый закон об обороне, который также повышал срок военной службы. Только всё это развитие, которое прошло за несколько месяцев, можно было считать непосредственной угрозой. Германия больше не могла быть беззащитным и безучастным зрителем. В виду этих фактов решение, которое Гитлер тогда принял о возобновлении обязательной военной службы и постепенного строительства армии из 36 дивизий не было актом, который серьезно угрожал соседним странам связанным союзами.

Людингхаузен: Господин председатель, в связи с этим я бы хотел попросить вас вынести судебное уведомление о следующих документах в моей документальной книге:

Номер 87, документ о вхождении Советского Союза в Лигу Наций 18 сентября 1934, в документальной книге 3. Номер 89, также в документальной книге 3, это заявление докладчика в комитете армии французской Палаты[424] от 23 ноября 1931, об Антанте с Россией. Номер 91, в документальной книге 3, русско-

---

[421] Франко-советский пакт о взаимопомощи — соглашение о военной помощи между Францией и СССР, заключённое 2 мая 1935 года. Договор знаменовал существенный сдвиг в советской политике от позиции противодействия Версальскому договору к более прозападной политике.

[422] Договор о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических республик и Республикой Чехословацкой — договор, подписанный в Праге 16 мая 1935 года полномочными представителями СССР и Чехословакии.

[423] Анри-Филипп Петэн (1856 — 1951) — французский военный и государственный деятель; маршал Франции (21 ноября 1918); видный участник Первой мировой войны. В 1940—1944 годах возглавлял авторитарное коллаборационистское правительство Франции, известное как режим Виши. Францзуским судом был приговорён к смертной казни. Помилован.

[424] Палата депутатов – законодательный орган Франции существовавший с 1875 по 1940.

французский протокол к переговорам о Восточном пакте 5 декабря 1934.

Дебенес: Господин председатель, я бы хотел сказать, что документ 89 ещё нам не представили. Поэтому, невозможно исследовать данный документ и сказать относится к делу данный документ или нет.

Председатель: Когда вы получите книгу вы сможете возражать документу, если потребуется. Доктор фон Людингхаузен лишь рассказывает какими документами он поддерживает доказательства которые он представляет, вот и всё. Он приобщает эти документы в качестве доказательств, и как только вы получите книгу и сможете изучить документ, вы будете иметь возможность заявить возражение о его допустимости.

Дебенес: Господин председатель, именно в этом дело. Я желал оставить за собой право сделать это.

Председатель: Да, мы с вами согласны.

Людингхаузен: Затем идёт документ 92, в документальной книге 3, призыв к армии президента чехословацкой республики 28 декабря 1934.

В документальной книге 3, номер 96 декларация французского правительства от 15 марта 1935.

В документальной книге 3, номер 79 доклад чешского посланника в Париже, Осуского[425] от 15 июня 1934.

Документ 101 франко-русский пакт о взаимопомощи от 2 мая 1935.

Документ 94 это выдержка из выступления французского президента Фландена[426] во французской Палате 5 февраля 1935.

Я прошу вас принять судебное уведомление об этих документах.

[*Обращаясь к подсудимому*] Решение Германии перевооружаться означало, что она прекращает всё дальнейшее сотрудничество в международных усилиях ограничить всеобщее перевооружение?

Нейрат: Нет, никоим образом. На английский запрос о том, готова ли Германия продолжать участвовать в переговорах по всеобщему разоружению точно также как излагалось в так называемом лондонском коммюнике от февраля 1935, немедленно был дан утвердительный ответ. 18 марта – то есть, два дня спустя после введения военной службы – посольству в Лондоне дали указания возобновить переговоры, и в частности предложить соглашение ограничить силу флота.

В мае 1935 Гитлер выступил с речью в Рейхстаге, в которой он изложил конкретный германский план мира. Он особо подчёркивал германскую волю к миру, и снова выразил готовность сотрудничать в любой системе международных соглашений ради поддержания мира, даже в коллективных соглашениях.

---

[425] Штефан Осуский (1889 — 1973) — чехословацкий дипломат и политик, а также учёный — доктор философии и юриспруденции.

[426] Пьер Фланден (1889 —1958) — французский государственный и политический деятель. Премьер-министр Франции с 8 ноября 1934 по 1 июня 1935. Член коллабрационистского правительства Виши в 1940-1941. Французским судом был приговорен к пяти годам поражения в правах.

Единственное условие которое он поставил, и так он делал всегда, заключалось в признании равных прав Германии. Он также объявил о готовности вернуться в Лигу Наций. Но делая это он хотел подтвердить, что Германия, несмотря на заключение военных союзов, которые она ощущала угрозой, и собственное перевооружение, продолжала желать мира.

Людингхаузен: Я желаю попросить трибунал принять судебное уведомление о следующих документах в моей документальной книге 3:

Номер 95- ответ правительства Рейха от 15 февраля 1935 на так называемое лондонское коммюнике.

Номер 97 - выдержка из обращения правительства Рейха от 16 марта 1935 о восстановлении в Германии военной службы.

Номер 98 - коммюнике от 26 марта 1935 о беседах британского министра иностранных дел сэра Джона Саймона[427] и лорда-хранителя печати господина Идена с правительством Рейха.

Номер 102 - коммюнике от 15 мая 1935 о выступлении министра иностранных дел Лаваля в Москве.

Номер 104 - речь Гитлера от 21 мая 1935 о русско-французском пакте.

Номер 105 - нота правительства Рейха от 25 мая 1935 державам подписантам Локарнского договора.

[*Обращаясь к подсудимому*] Немецкие усилия и желание вести переговоры имели какой-нибудь успех?

Нейрат: Да, они привели к заключению первого и единственного соглашения по ограничению вооружений, которое фактически вступило в силу на основе германских предложений в результате подписания англо-германского морского соглашения[428] в июне 1935. Конечно, я бы предпочёл, чтобы бы переговоры со всеми заинтересованными странами были успешными. Несмотря на это, данное соглашение только между двумя государствами было тепло принято нами как первый шаг в таком направлении. Мы знаем, что хотя бы Англия воздержалась от решения Лиги Наций говорившего о том, что Германия нарушила Версальский договор в результате перевооружения. Германский шаг, таким образом, признали оправданным.

Людингхаузен: В связи с этим я бы хотел попросить суд принять судебное уведомление о двух документах из моей документальной книги 3:

Документ номер 106 - заявление первого лорда адмиралтейства сэра Болтона Эйрес-Монселла[429] по британскому радио 19 июня 1935.

---

[427] Джон Саймон (1873 — 1954) — английский государственный деятель. Министр иностранных дел Великобритании в 1931-1935. Начав свою карьеру как либерал, в 1931 году он вошёл в национальное правительство, создав либерально-национальную партию.

[428] Англо-германское морское соглашение 1935 года — договор о соотношении военно-морских сил, заключённый между Великобританией и нацистской Германией в июне 1935 года.

[429] Болтон Эйрес-Монселл (1881 – 1969) – британский консервативный политик. В 1931 -1936 первый лорд Адмиралтейства.

Второй - документ номер 119, выдержка из заявления парламентского секретаря адмиралтейства, господина Шекспира[430], в Палате общин[431] по случаю ратификации Лондоном Морского соглашения от 20 июля 1936[432].

[*Обращаясь к подсудимому*] Германская активность в направлении разоружения ограничилась Англо-германским морским соглашением?

Нейрат: Нет, наше стремление к сотрудничеству в позитивном ключе для ограничения вооружений, о котором мы заявляли по многим поводам, также нашло выражение в переговорах о разоружении в воздухе. С самого начала, уже с 1933, Гитлер подчеркивал важность этого пункта для поддержания мира. Германия была готова принять любое ограничение и даже полную отмену военно-воздушного вооружения, если бы это делалось на взаимной основе. Но только Англия отреагировала на такие предложения. Сложно было убедить Францию принять участие в переговорах. Она сделала это лишь спустя три месяца в результате усилий Англии. Но Франция сформулировала условия, которые сделали практически невозможным успех данных переговоров.

Кроме общего соглашения охватывающего все европейские государства, должны были допускаться специальные двухсторонние соглашения. Дополнительно, продолжение переговоров по воздушным вооружениям нужно было поставить в зависимость от переговоров по Восточному пакту. Германия не могла принять участие в этом Восточном пакте, поскольку ей бы пришлось принять военные обязательства последствия которых она не смогла бы предвидеть.

Ввиду этого и начала Итало-аббисинской войны[433], которая привела к открытым разногласиям среди западных держав, переговоры остановились.

Людингхаузен: Год спустя, в марте 1936, Рейнланд был реоккупирован германскими войсками. Обвинение видит в этом нарушение Локарнского договора и дальнейшее доказательство вашей ответственности в предполагаемом заговоре против мира. Пожалуйста, вы прокомментируете это?

Нейрат: Такое утверждение совершенная неправда. Не было никакого решения или плана вести агрессивную войну нежели было годом ранее. Возрождение полного суверенитета над всеми частями Рейха имело не военное, а лишь политическое значение.

Оккупация Рейнланда была проведена лишь одной дивизией и сам этот факт показывает, что она имела чисто символический характер. Было ясно, что великий и трудолюбивый народ вечно не будет терпеть такое резкое ограничение

---

[430] Джеффри Шекспир (1893 – 1980) – британский либеральный политик.

[431] Палата общин — наименование одной из палат парламента Соединённого королевства

[432] Данное морское соглашение фактически является договором с подробным изложением требований к составу флотов двух государств, в то время как морское соглашение от 1935 являлось декларацией о намерениях по результатам обмена нотами.

[433] Вторая итало-эфиопская война (Вторая итало-абиссинская война, Итало-эфиопская война (1935—1936 гг.) — война между Итальянским королевством и Эфиопией, итогом которой стала аннексия Эфиопии и провозглашение из неё, вместе с колониями Эритрея и Итальянское Сомали, колонии Итальянская Восточная Африка.

своего суверенитета. Это было просто динамическое развитие, которому руководство германской внешней политики не могло возражать.

Людингхаузен: Реоккупация Рейнланда состоялась согласно плану, который был разработан заранее или являлась спонтанным решением?

Нейрат: Это было одно из внезапных решений Гитлера, которое должны были осуществить за несколько дней.

Людингхаузен: Какие события привели к этому немедленному решению?

Нейрат: 16 января 1936, французский министр иностранных дел господин Лаваль объявил, что после своего возвращения из Женевы он представит французской Палате русско-французский пакт на ратификацию. То, что Гитлер в интервью господину де Жуневелю[434], корреспонденту уважаемой французской газеты «Paris Midi[435]», отмечая угрозы данного пакта, снова протягивал руку Франции в попытке достичь достойного и постоянного взаимопонимания между двумя народами, оказалось бесполезно. Перед этим я подробно обсудил это интервью с Гитлером, и у меня сложилось чёткое впечатление о том, что он был абсолютно серьезным в своём желании примирить два народа. Но эта попытка также была напрасной. Сильная оппозиция пакту больших групп французского народа под руководством «Union Nationale des Combattants[436]» и самого парламента не смогли предотвратить ратификацию пакта французским правительством. Голосование состоялось во французской Палате 27 февраля 1936.

Людингхаузен: Я бы хотел попросить суд принять уведомление о следующих документах из моей документальной книги 4: первый - номер 108, интервью Гитлера корреспонденту «Paris Midi» господину де Жуневелю, 21 февраля 1936. Второй - номер 107, выдержка из речи депутата Монтаньи[437] во французской палате 13 февраля 1936.

7 марта 1936 в ответ на ратификацию данного договора, германские войска выступили в Рейнскую демилитаризованную зону. Какие соображения заставили германское правительство предпринять такой серьезный шаг? В виду враждебного отношения французов, не было угрозы, что западные державы не будут удовлетворены бумажными протестами и резолюциями Лиги Наций, а выступят оружия против такого одностороннего…

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, это вопрос или заявление?

Людингхаузен: Это вопрос. Я бы хотел узнать об отношении правительства в то время. Если мне можно прокомментировать это, я должен выслушать эти объяснения об основаниях для решений, предпринятых в то время самим

---

[434] Бертран де Жувенель дез Юрсен (1903 — 1987) — французский философ, социолог, футурист, политолог и экономист, журналист.

[435] «Парижский полдень» - французская ежедневная газета, выходившая с 1911 по 1944.

[436] «Национальный союз ветеранов» (фр.) – объединение французских участников боевых действий. Основан в 1918.

[437] Жан Монтаньи (1892 – 1970) – французский политик. Депутат парламента Франции в 1924-1942. Радикальный социалист и коллабрационист в период режима Виши. После войны был лишен прав французским судом.

подсудимым, ибо когда в моей заключительной речи…

Председатель: Вы заявили о ряде фактов. Не вам заявлять о фактах. Ваша обязанность спрашивать свидетеля.

Людингхаузен: Я не хотел заявлять о фактах. Я хотел узнать от свидетеля, какие соображения привели к решению.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, вы опишите нам, какие факторы вы учитывали?

Нейрат: В своих предыдущих ответах я уже сказал, почему мы в целом видели во франко-русском пакте и отношении Франции самую серьёзную угрозу. Такое аккумулирование мощи во французских руках с помощью различных пактов о взаимопомощи могло быть направлено только против Германии. Не было ни одной страны в мире, на которую это могло быть направлено. В случае боевых действий – варианта, с которым, в виду общей обстановки, любому ответственному правительству приходилось считаться – западная граница Германии была полностью открыта ввиду демилитаризации Рейнланда. Это было не только дискриминационным положением Версальского договора, но и сильней всего угрожало безопасности Германии. Однако это устарело в результате решения пяти держав в Женеве от 11 декабря 1932.

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, трибунал думает, что всё это спор. Если есть какие-нибудь факты о том, что германское правительство делало тогда, после французского и русского пактов и до вступления в Рейнланд, свидетель может привести эти факты, но это просто спор и трибунал хорошо знаком с этой аргументацией. Не нужно это повторять и, разумеется, не повторять в ходе дачи показаний.

Людингхаузен: Господин председатель, я просто хотел избежать того, что когда позднее в моей заключительной речи я сошлюсь на этот пункт, можно будет заявить возражение моему мнению. Я хочу показать…

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, это совершенно ошибочная концепция. Сейчас мы заслушиваем показания. Когда мы слушаем вас, мы готовы будем выслушать от вас любую аргументацию.

Людингхаузен: Да, но я хочу избежать того, что скажут, что это моя аргументация. Эти аргументы идут от подсудимого.

Председатель: Я отмечаю вам, что это функция защитника выступать с аргументацией, а функция трибунал слушать аргументацию. Это не функция трибунала заслушивать аргументацию в ходе дачи показаний.

Людингхаузен: Очень хорошо.

Нейрат: Вероятно, я могу сделать одно заявление. Зимой 1936, мы узнали от своей военной разведывательной службы о том, что у французского генерального штаба уже имелся план вторжения в Германию. Данное вторжение должно было осуществлятся через Рейнланд и вдоль так называемой главной речной линии в

сторону Чехословакии с целью присоединения к русскому союзнику.

Людингхаузен: На основе сказанного председателем, я опущу показания или даже ваши соображения и оставлю за собой право поднять это в своей заключительной речи. Я бы хотел задать лишь один вопрос. Решение реоккупировать Рейнланд образует какое-либо агрессивное намерение в тот момент или позднее?

Нейрат: Нет, вовсе нет. Реоккупация, как вы можете видеть из моих заявлений, имела чисто оборонительный характер и планировалась с какой-то другой целью. Оккупация такими слабыми силами как одна дивизия даёт понять, что это был чисто символический акт. Об этом здесь давали показания военные – свидетель Мильх, например – о том, что Люфтваффе вообще не приняли участие, и узнали об акции за 2 или 3 дня. То, что не было никаких агрессивных планов на будущее показано тем, что германское правительство, по предложению Англии, 12 марта 1936 приняло решение, до тех пор пока не будет достигнуто взаимопонимание с западными державами, не увеличивать гарнизоны в Рейнланде и не перемещать войска ближе к границе чем они были, однако, при условии, что Франция будет делать также. Франция не хотела принимать это предложение. Тогда, в меморандуме от 7 марта 1936 адресованном державам-подписантам Локарно, который уже предъявлен здесь обвинением, Германия не только внесла четкие предложения для договоренности с Францией, Бельгией и остальными державами Локарно, но также заявила о своей готовности подписать общий воздушный пакт , чтобы избежать угрозы внезапных воздушных налётов, и дополнительно снова вступить в Лигу Наций. В выступлении в Рейхстаге 7 марта 1936 Гитлер объяснил миру причины реоккупации Рейнланда. Эту речь и меморандум я предварительно обсудил с Гитлером, и я могу лишь повторить, что я не имел ни малейшего подозрения о том, что Гитлер был нечестен или, что он пытался скрыть свои реальные намерения которые шли к войне. Даже сегодня я твёрдо считаю, что в то время Гитлер не думал о войне. Нет нужды подчеркивать, что какое-то такое намерение далеко от моих собственных мыслей. Напротив, я считал восстановление суверенитета над всем Рейхом шагом в направлении мира и взаимопонимания.

Председатель: Давайте поймем. Доктор фон Людингхаузен, вы позволяете подсудимому произносить долгие, длинные речи. Это не предмет доказательства.

Людингхаузен: Я бы хотел предъявить в связи с этим различные документы и прошу суд принять судебное уведомление о следующих документах в моей документальной книге 4. Первый - номер 109, меморандум от 7 марта 1936 правительства Рейха державам подписантам Локарнского договора; номер 112 - официальное заявление правительства Германского Рейха от 12 марта 1936; и номер 116 - меморандум, датированный 3 января 1936 направленный германским правительством британскому правительству через чрезвычайного и полномочного посла в Лондоне, господина фон Риббентропа.

[*Обращаясь к подсудимому*] Какими были последствия реоккупации

Рейнланда, что касались внешней политики?

Нейрат: Учитывая пожелания председателя суда, я не буду комментировать данный вопрос.

Людингхаузен: Что делали западные державы? Они предпринимали какие-нибудь политические или дипломатические шаги?

Нейрат: Министр иностранных дел Иден сказал в Палате общин о том, что процедура Германии не представляет никакой угрозы и пообещал внимательно рассмотреть германские мирные предложения.

Людингхаузен: Я бы хотел предъявить и просить суд принять судебное уведомление о следующих документах в моей документальной книге 4: номер 125 - выдержки из речи заместителя американского государственного секретаря господина Самнера Уэллеса[438] о Версальском договоре и Европе от 7 июля 1937; документ номер 120, выдержка из распоряжения народного комиссара России о снижении возраста военной службы; и номер 117, доклад чехословацкого посланника в Гааге датированный 21 апреля 1936.

Господин фон Нейрат, вы или министерство иностранных дел отказались от каких-либо дальнейших шагов и попыток в направлении мирного взаимопонимания с остальными европейскими странами, или они продолжились?

Нейрат: Эти усилия продолжались. Следующую возможность предоставили наши отношения с Австрией. Развитие этих отношений с 1933 уже подробно описали суду, но я бы хотел особенно отметить то, что в наших отношениях с Австрией мои взгляды оставались неизменными от начала до конца, то есть, я хотел тесной экономической связи, такой как таможенный союз между двумя странами, и ведение внешней политики в общих чертах на основе государственных договоров и тесного контакта между двумя правительствами, но чтобы ни происходило я хотел видеть гарантированной полную независимость Австрии. По этой причине я всегда был решительным противником какого-либо вмешательства во внутриполитические дела Австрии, и был против оказания любой поддержки австрийским национал-социалистам германскими национал-социалистами в борьбе против Дольфуса и Шушнига; я постоянно призывал Гитлера занять такую же линию. Мне не требуется повторять, что я резко осудил убийство Дольфуса с моральной и с политической точки зрения и, что министерство иностранных дел под моим руководством вообще не имело никакого отношения к этому убийству, как недавно утверждало обвинение. Но то, что и Гитлер не имел абсолютно никакого отношения к убийству, я могу подтвердить из различных заявлений, которые он делал мне. Деяние совершили австрийские национал-социалисты, некоторые из них были радикальнее немцев. Такое моё отношение лучше подтверждается тем, что когда вскоре после убийства Дольфуса германский посланник в Вене, господин Рит, без моего ведома

[438] Самнер Уэллес (1892 — 1961) — дипломат Соединённых Штатов Америки, заместитель государственного секретаря (1937—1943), публицист.

потребовал от австрийского правительства безопасного перевода в Германию нескольких лиц принимавших участие в убийстве, я сразу отозвал его из Вены и уволил его из службы иностранных дел. Лично я, а также ряд других министров, также возражали эмбарго на путешествия в Австрию из Германии.

Но я приветствовал усилия для взаимопонимания с Австрией, которые начались в 1935 и успешно проводились господином фон Папеном, и я всегда пытался повлиять на Гитлера, чтобы достичь этого. Что касается действий фон Папена в Вене в то время, я был не полностью информирован, так как господин фон Папен мне не подчинялся и получал свои приказы напрямую от Гитлера. Лишь во время процесса я узнал о серии писем, которые фон Папен написал Гитлеру.

Людингхаузен: Я бы хотел процитировать два отрывка; один из письма господина фон Нейрата главе политического отдела министерства иностранных дел, датированное 28 июня 1934, номер 84 в моей документальной книге 3, страница 227, которое говорит об условиях в то время:

> «Развитие событий в Австрии нельзя предвидеть. Однако, мне кажется, что острой угрозы…»

Председатель: Вы слишком быстро говорите. Вы не следите за светом. Продолжайте.

Людингхаузен:

> «Развитие событий в Австрии нельзя предвидеть. Однако, мне кажется, что острой угрозы избежали в результате быстрой реакции. Мы должны поступать с большой сдержанностью и с этой целью вчера я беседовал с рейхсканцлером. Я нашёл полное понимание».

Затем я бы хотел процитировать отрывок из письменных показаний епископа Вюрма, уже предъявленных мною как номер 1 в моей документальной книге 1, на странице 3. Они говорят:

> «Я особенно помню его» - господина фон Нейрата – «жесткое осуждение происшествий в Вене во время которых был убит канцлер Дольфус, и человека использованного Гитлером во время волнений в Австрии».

Затем в связи с этим, я бы хотел сослаться на документ, который господин Зейсс-Инкварт, или его защитник, уже предъявили под номером Зейсс-Инкварт-32, который интервью государственного секретаря доктора Реннера[439] от 3 апреля 1938. Предусмотрительно я включил его ещё раз в свою документальную книгу 4, под номером 130.

Господин фон Нейрат, вам известно, что вам предъявлено обвинение в том, что 11 июля 1936 во время переговоров фон Папена был заключен договор

[439] Карл Реннер (1870 — 1950) — австрийский политический деятель, социал-демократ и теоретик австромарксизма, первый федеральный канцлер Австрии после распада Австро-Венгерской империи и первый президент Австрии после Второй мировой войны.

между Австрией и Германией, и что этот договор, который здесь подробно обсуждали, был заключен с намерением обмануть, то есть с целью успокоить Австрию в смысле безопасности и подготовить её к будущему присоединению к Рейху. Пожалуйста, вы прокомментируете это?

Нейрат: Это утверждение абсолютная неправда. Наоборот, я честно и с радостью приветствовал этот договор. Он соответствовал моей точке зрения во всех отношениях. Я видел в нем самые лучшие средства внести ясность в искусственные разногласия, и по этой причине я делал всё, что мог, чтобы этого добиться. Утверждение обвинения опровергается заявлениями бывшего австрийского министра иностранных дел, доктора Гвидо Шмидта. Я удовлетворен тем, что договор имел особое значение в отношении внешней политики. В результате этого договора, которым Рейх четко признавал австрийскую независимость, германо-австрийские разногласия, которые представляли угрозу миру в Европе были устранены.

Людингхаузен: Господин председатель, в связи с этим я предъявляю соглашение между Германией и Австрией от 11 июля 1936 под номером 118 в документальной книге 4, и я прошу суд принять о нём судебное уведомление.

Господин фон Нейрат, помимо внесения ясности в австрийский вопрос в годы до 1937, вы также вели переговоры с восточноевропейскими государствами. В письменных показаниях американского генерального консула господина Мессерсмита, которые обвинение предъявило как USA-68, PS-2385, утверждалось, что цель данных переговоров заключалась в том, чтобы получить от этих восточноевропейских государств уступку в уничтожении и расколе Чехословакии намеченном Германией, и даже принять в этом активное участие. С этой целью, в ходе данных переговоров вы даже предположительно обещали данным государствам или другие обещали им, что они получат в награду части Чехословакии и даже часть австрийской территории. Пожалуйста, вы прокомментируете это?

Нейрат: Эти утверждения господина Мессерсмита от начала до конца чистая выдумка и плод воображения. В них нет ни одного слова правды. Я могу описать эти письменные показания лишь как фантастические. Даже не правда, что он был, как он говорит, моим близким другом. Я встречал господина Мессерсмита несколько раз на крупных собраниях, но я избегал обсуждать с ним политику, потому что я знал, что в своих докладах и остальных заявлениях о беседах, которые он имел с дипломатами, он повторял вещи так, что это не всегда соответствовало правде. Суть в том, что между прочим эти письменные показания вряд ли содержат какие-то точные указания на источники которые он использовал.

Мои переговоры с юго-восточными странами, как и мои личные поездки в их столицы, в реальности имели единственной задачей усиление существовавших экономических отношений и развитие взаимной торговли и обмена товарами.

Дополнительно, я хотел получить информацию о политической ситуации на Балканах, которую всегда сложно понять.

Людингхаузен: В своей документальной книге 2, под номером 30, страница 87, у меня есть короткая выдержка из других письменных показаний господина Мессерсмита, датированных 29 августа 1945. Обвинение уже предъявило их как экземпляр USA-750, документ номер PS-2386, в иной связи. Я бы хотел процитировать один отрывок из этой выдержки. Он на странице 87 моей документальной книги 2 и гласит:

> «В течение 1933 и 1934 годов нацистское правительство оставило ответственными в германском министерстве иностранных дел по большей части консервативных сотрудников старой школы. В общем говоря, такая ситуация продолжалась весь период во время которого барон фон Нейрат был министром иностранных дел. После того, как фон Риббентроп стал главой министерства иностранных дел ситуация в отношении политических сотрудников постепенно менялась. При фон Нейрате, германское министерство иностранных дел не находилось в линии с нацистской идеологией и фон Нейрата и его помощников вряд ли можно винить в поступках германской внешней политики в этот период, хотя его пребывание в должности может казаться показывающим его согласие с целями национал-социалистов. В защиту этой деятельности фон Нейрат легко может добавить причины патриотических мотивов».

Затем, в отношении этих поездок и политики подсудимого на Юго-Востоке, я предъявляю три коммюнике о визитах фон Нейрата в Белград, Софию и Будапешт в июне 1937 под номерами 122, 123 и 124 в моей документальной книге 4. Я прошу суд принять о них судебное уведомление.

Господин фон Нейрат, обвинение, используя вашу речь от 29 августа 1937 в Штутгарте на демонстрации немцев проживавших за рубежом, предъявляет вам обвинение, постольку оно видит в одном из ваших замечаний агрессивные намерения вашей политики. Оно цитирует следующие слова, которые вы предположительно использовали в своей речи:

> «Единство расовой и национальной воли, созданное национал-социализмом с небывалой стремительностью, сделало возможной такую внешнюю политику, при которой путы Версальского договора были разорваны, была вновь достигнута свобода вооружаться и восстановлен суверенитет всей нации. Мы снова стали хозяевами в нашем собственном доме и произвели средства, на которых базируется наша мощь, для того чтобы отныне такое положение сохранялось на все времена. Мир должен был бы заметить из деяний и слов Гитлера, что его цели не являются агрессивными».

Я бы хотел отметить, что эти фразы можно понять, только если взять их контекст. Я бы хотел попросить разрешения суда кратко заявить о контексте. Это выдержка из речи, предъявлена мной в документальной книге 4, номер 126. Я цитирую:

> «Мы снова стали хозяевами в нашем собственном доме и произвели средства…»

Председатель: Вы только, что это прочитали. Вы это уже читали.

Людингхаузен: Да. Я бы хотел прочитать фразу в середине.

Председатель: Конечно, вы можете читать всё, что относится к делу и что было опущено.

Людингхаузен: Цитата, которую я предъявляю гласит:

> «Но такое отношение нового Германского Рейха в реальности сильнейшая подпорка сохранности мира и всегда будет подтверждать себя такой в таком бурном мире. Лишь потому, что мы признали опасность определенных разрушительных тенденций, которые пытались утвердиться в Европе, мы не ищём разногласий между странами и народами, а пытаемся найти связующие нити. Мы не думаем о политической изоляции. Мы хотим политического сотрудничества между правительствами, сотрудничества которое, будь оно успешным, не может быть основано на теоретических идеях коллективизма, а на живой реальности, которая должна посвящать себя конкретным задачам настоящего. Мы с удовлетворением можем сказать, что следуя такой политике реалистичного мира, мы работаем рука об руку с нашей дружественной Италией. Это оправдывает надежду на то, что мы также сможем прийти к дружественному взаимопонимаю с остальными правительствами в важных вопросах внешней политики».

Председатель: Я думаю подходящее время прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Людингхаузен: Господин фон Нейрат, прямо перед перерывом я предъявил вам цитату из вашей речи от 29 августа 1937, и спросил вас о том желаете ли вы сделать какое-либо заявление.

Нейрат: Хотелось бы думать, что это заявление показывает прямо противоположное тому, что пытается соорудить обвинение. Мирный характер моей речи вряд ли можно представить более убедительным образом.

Людингхаузен: В качестве доказательства своего утверждения о том, что вся ваша политика может быть суммирована как нарушение договора, обвинение далее

добавляет следующие фразы в речи произнесённой вами перед Академией германского права[440] 30 октября 1937, когда вы сказали, и я цитирую:

> «Признавая эти элементарные факты, рейхскабинет всегда выступал в пользу того, чтобы каждая конкретная международная проблема разрешалась методами, подходящими именно для данного случая, но не осложнялась без необходимости связью с другими проблемами. Если речь идет о проблемах, возникших между двумя державами, следует выбирать прямой путь для немедленного взаимопонимания между этими двумя державами. Мы в состоянии заявить, что этот метод полностью себя оправдал не только в интересах Германии, но также и в общих интересах».
>
> Что вы на это прокомментируете?

Нейрат: Прежде всего, эта цитата полностью вырвана из контекста. Вся речь являлась представлением причин, почему я, представлявший германскую политику, считал, что заключение двухсторонних соглашений работает лучше в интересах мира нежели так называемые коллективные соглашения, и только с такого угла цитированный отрывок можно понять. Поэтому я, прошу о том, чтобы вы процитировали отрывок в его контексте.

Людингхаузен: Это речь господина фон Нейрата о Лиге Наций и международном праве, с которой он выступил 30 октября 1937 перед Академией германского права, находится под номером 128 моей документальной книги 4. С разрешения трибунала я бы хотел процитировать этот конкретный отрывок полностью, и мы увидим, что отрывок выбранный обвинением не имеет смысла, который ему придаёт обвинение. Здесь говорится:

> «Я убеждён в том, что такие же и схожие соображения также возникают в иных случаях, где планировалось создать схематическую структуру, подобную абсолютно взаимной системе содействия для более или менее крупной группы государств. Подобные проекты, даже в благоприятных случаях, а именно, когда предназначены быть одинаковой гарантией всем участникам, остаются лишь клочком бумаги…»

Председатель: Не достаточно сослаться на документ? Подсудимый только, что сказал о том, что речь содержала причины, почему он считал возможными двухсторонние соглашения, нежели всеобщие соглашения. Он так сказал. Появляется документ подтверждающий это. Вы не можете сослаться на документ, не зачитывая его?

---

[440] Академия германского права, научное учреждение. Создана 26.6.1933 о инициативе Г. Франка, который и стал её президентом. Законом 11.7.1934 определена цель Академии: разработка новых принципиальных основ германского законодательства "в общих областях права и хозяйства". В 1937 в составе Академии насчитывалось 5 комитетов по различным областям права, в ней работало более 300 сотрудников. Членами Академии были все ведущие германские юристы, а также политические и государственные деятели, имевшие отношение к законотворчеству.

Людингхаузен: Я прочёл это, потому что, это было вырвано из контекста и мне казалось, что мне позволят процитировать и контекст. Однако, если трибунал желает прочитать о предмете я не буду цитировать это.

Председатель: Мне не кажется, что этим что-то добавляется. Это лишь слова, суть которых процитировал подсудимый.

Людингхаузен: Я опустил одну фразу, так как я подумал, что она будет излишней. Но это можно видеть из контекста. Если трибунал предпочитает прочитать всю речь со ссылкой на мои цитаты, тогда, конечно, я буду удовлетворен.

Господин фон Нейрат, под номером L-150, USA-65, обвинение предъявило ноту господина Буллита, который тогда был американским послом в Париже, о дискуссии состоявшейся у него с вами в мае 1936, и обвинение добавило на странице 8 английского судебного обзора, что в качестве министра иностранных дел вы принимали участие в планировании агрессивной войны против Австрии и Чехословакии.

Пожалуйста, вы прокомментируете этот документ, который известен вам, и данное обвинение предъявленное вам?

Нейрат: Сначала оккупация Рейнланда естественно создала беспокойство в кабинетах и общественном мнении, и среди держав подписавших Версальский договор. Это особенно относилось к Франции и Чехословакии. Поэтому было естественно, если нужно было вести разумную германскую внешнюю политику, дать беспокойству сойти на нет, чтобы убедить мир в том, что Германия не преследует агрессивные планы, а лишь хотела восстановить полный суверенитет Рейха. Строительство укреплений должно было остудить влечение наших весьма вооруженных соседей в любое удобное время пойти на территорию Германии. Несмотря на все переговоры и усилия, было невозможно добиться от них соблюдения нормы о разоружении Версальского договора.

Как я уже сказал, особенно Франция и Чехословакия, вместо разоружения, продолжали вооружаться и заключив соглашение с Советской Россией усилили своё военное превосходство.

В своей дискуссии с господином Буллитом я попытался исключить всё это, когда я сказал о том, что мы не начнём никаких дальнейших дипломатических действий в настоящее время. Затрудняя любое военное нападение, я надеялся добиться от Франции и Чехословакии изменения своей политики, которая была враждебной Германии, и создать лучшие отношения с обеими странами в интересах мира. Эти надежды и взгляды, которые я разделял можно чётко увидеть в последней части доклада господина Буллита – и с этим господин Буллит полностью согласился.

Что касается замечания о британской политике на странице второй, абзац второй этого доклада, тогда Великобритания пыталась предотвратить сближение между Германией и Италией, с которой её отношения были натянуты до точки

кипения абиссинским вопросом.

Министерство иностранных дел думало, что сближение можно предотвратить, дав понять, что оно больше не возражает аншлюсу между Германией и Австрией. Тогда Муссолини ещё возражал аншлюсу. Понимание этого благовидного намерения со стороны Британии было одним из мотивов заключения германо-австрийского соглашения от 11 июля 1936. Британское заявление, на которое я намекал и ожидал, последовало в ноябре 1937 по случаю визита лорда Галифакса[441] в Берлин. Лорд Галифакс сказал мне тогда – и я позаботился записать его заявление, которое я цитирую на английском дословно:

> «Народ Англии никогда не поймет, почему он должен воевать только потому, что две немецких страны желают объединения».

Но в то же время министерство иностранных дел, в директиве британскому посланнику в Вене, формулировка которой теперь хорошо известна, призвало австрийское правительство оказать упорное сопротивление аншлюсу и обещало всяческую поддержу».

Доклад Буллита также показывает, что я сказал о том, что величайшим желанием Гитлера было реальное взаимопонимание с Францией. Помимо этого я также сказал господину Буллиту – и он сам говорит это в начале – что германское правительство сделает всё, чтобы предотвратить восстание национал-социалистов в Австрии.

Людингхаузен: Я прошу трибунал особо отметить эти записи господин Буллита, для того, чтобы мы могли сэкономить время, не цитируя параграф. Это документальная книга 1, документ Нейрат номер 15, страница 60, последний параграф.

В чём заключалось ваше личное отношение и мнение о политике преследуемой Германией в отношении Чехословакии?

Нейрат: Чешская политика в отношении нас всегда характеризовалась обоснованным недоверием. Это следовало объяснять отчасти географическим положением страны между Германией и Австрией, и отчасти разнообразием национальностей в стране. Это были колебавшиеся сильные чувства. Страну втянули во франко-русский военный и пакт о дружбе не способствующий установлению близких отношений между Германией и Чехословакией.

Как рейхсминистр я всегда работал над улучшением политических отношений. Я также пытался укрепить наши экономические связи, которые имели выразительное значение. Делая так, я не думал больше об использовании силы, или военной оккупации, нежели в наших отношениях со всеми остальными соседними государствами.

Людингхаузен: В чём заключалось ваше отношение к судетско-немецкому

---

[441] Эдуард Фредерик Линдли Вуд (1881 — 1959) — английский политик, один из лидеров консерваторов. в 1934 — виконт Галифакс, в 1944 — граф Галифакс. Министр иностранных дел Великобритании в 1938-1940.

вопросу?

Нейрат: Мне нужно быть более подробным в этом случае.

Немцам, проживавшим в Судетенланде[442] на мирных переговорах в 1919 как компактной группе была дана гарантия, о том, что когда их присоединят к чехословацкому государству, то им будет дана автономия по образцу швейцарской конфедерации, как прямо выразился господин Ллойд-Джордж[443] в Палате общин в 1940. Судетско-немецкая делегация тогда, также как Австрия, требовала аншлюса с Рейхом.

Чешское правительство не сдержало обещание автономии. Вместо автономии, там была яростная политика «чехизации». Немцам запретили использовать свой немецкий язык в судах, а также как в своих делах с административными властями, и т.д., под угрозой наказания.

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, подсудимый не может продолжить о времени с которым мы разбираемся, а именно, 1938, и рассказать нам о своей политике тогда, не рассказывая нам обо всех этих фактах примерно с 1919?

Людингхаузен: Я лишь хотел показать предысторию для его последующей политики. Однако, если трибунал думает, что этого не нужно, потому что это хорошо известно, тогда я буду удовлётворён показаниями которые он уже дал.

Господин фон Нейрат, какими были ваши официальные и личные отношения с Гитлером в ваше время министра иностранных дел?

Нейрат: С личной точки зрения у меня не было никакой близкой связи с Гитлером. Я также не относился к его близкому окружению. В начале у меня были частые дискуссии с ним о внешней политике и в целом я видел его открытым для своих аргументов. Однако, с течением времени это изменилось, когда иные организации, особенно партия, начали занимать себя внешней политикой и приходить к Гитлеру со своими планами и идеями. Это особенно относилось к так называемому Бюро Риббентропа[444]. Риббентроп становился более и более личным советником Гитлера по вопросам внешней политики, и приобретал больше и больше влияния. Часто было сложно разубедить Гитлера от предложений, которые внесли ему через эти каналы. Германская внешняя политика в определённой степени должна была идти двумя разными путями. Не только в Берлине, а также в своих ведомствах за рубежом министерство иностранных дел постоянно сталкивалось с трудностями вызванными методами работы и источниками информации этого Бюро Риббентропа. Я лично всегда возражал оказанию партией какого-либо влияния на внешнюю

---

[442] Судетская область, — пограничный регион Чехии, своё название от расположенных на её территории гор Судеты. До 1945 года — место компактного проживания судетских немцев.

[443] Дэвид Ллойд Джордж (1863 — 1945) — британский политический деятель, последний премьер-министр Великобритании от Либеральной партии (1916—1922).

[444] Бюро Риббентропа - созданный в апреле 1933 внешнеполитический отдел НСДАП во главе с Иоахимом фон Риббентропом, призванный действовать параллельно с министерством иностранных дел Германии. Представлял из себя группу экспертов по вопросам внешней политики при канцелярии Рудольфа Гесса, ведущие посты в котором занимали функционеры аппарата СС.

политику. Я особенно возражал прямому руководству Риббентропом важными вопросами и его официальному вмешательству в вопросы внешней политики в случаях где их нельзя было выводить из под моего контроля. По этой причине я несколько раз вручал свою отставку, и на время я добился от Гитлера избавления от назойливых методов Риббентропа которые он поддерживал.

Людингхаузен: В связи с этим я бы хотел предъявить, и иметь судебное уведомление трибунала о выдержке из статьи американского журнала «Time[445]» датированной 10 апреля 1933, номер 9 моей документальной книги 1, страница 44. Я также хотел бы сослаться…

Председатель: Трибунал не думает, что просто газетные доклады или комментарии имеют характер доказательств.

Людингхаузен: В дополнение, я предъявил в своей документальной книге 1, под номером 17, выдержку из хорошо известной книги Гендерсона, бывшего британского посла в Берлине, «Провал миссии» и я прошу трибунал принять судебное уведомление об этом для того, чтобы я не читал это, уделив особое внимание параграфу 2, страницы 69.

Председатель: Трибунал распоряжается о том, что данный документ – статья из «Time» может быть допущен, но не нужно на неё ссылаться.

Людингхаузен: Спасибо. Господин председатель это документ номер 9.

Председатель: Да, я знаю, это документ номер 9. Я сказал, что он может быть допущен.

Людингхаузен: Спасибо.

Наконец, я бы хотел предъявить и обратить внимание трибунала на документ номер 16, который сообщение адресованное подсудимым фон Нейратом Гитлеру, датированное 27 июля 1936, с просьбой об освобождении с поста, потому что намечалось назначение господина фон Риббентропа государственным секретарём. Не требуется зачитывать данный документ, но я бы хотел обратить внимание не только на содержание, но также форму сообщения и окончание. К Гитлеру обратились как к «уважаемому рейхсканцлеру» с окончанием «с уважением».

Я упоминаю это, потому что обвинение часто предъявляло обвинения в том, что напыщенные фразы использовались при направлении писем Гитлеру, которые выходят за рамки обычной учтивости. Господин фон Нейрат никогда так не делал.

Я также обращаю ваше внимание на документ 14, который находится в моей документальной книге 1. Это также предложение об отставке, датированное 25 октября 1935, и я прошу трибунал принять о документе судебное уведомление.

Господин фон Нейрат, помимо вашей официальной политики, не

[445] Time (стилизуется внутри журнала как TIME; с англ. — «время») — американский еженедельный журнал со штаб-квартирой в Нью-Йорке, освещающий рейтинг людей за период (год, столетие и т. д.). Издаётся с 1923.

существовало иных ведомств предпринимавших самостоятельные действия, которые подписывали договоры, в которых вы не принимали участия?

Нейрат: Да. Так было дело, например, в так называемой политике Берлин-Рим-Токио. Гитлер упорно преследовал данный план, и Риббентроп поддерживал его в этом. Я отвергал данную политику, так как я считал её вредной и в некотором роде фантастической, и я отказался позволить своему штату её проводить. Поэтому Риббентроп как посол с особой миссией, самостоятельно провёл эти переговоры и по указаниям Гитлера заключил так называемый Антикоминтерновский пакт[446]. Отсюда на этом пакте стоит подпись Риббентропа, а не моя собственная, хотя тогда я всё ещё был министром иностранных дел и при обычном порядке вещей должен был подписать пакт.

Людингхаузен: Теперь мы переходим к изменению в политике. Господин фон Нейрат, когда вы осознали, что внешнеполитические планы Гитлера, прежде всего достижение равных прав Германии, выходят за рамки мирных средств, и что ведение войн и использование насилия начали рассматривать возможными?

Нейрат: Я впервые осознал это, когда я услышал выступление Гитлера перед главнокомандующими вооруженными силами 5 ноября 1937, которую здесь часто упоминали, и на которой я присутствовал. Это правда, что записи о содержании данной речи, как мы видели из протокола Хоссбаха, были сделаны по памяти пять дней спустя как выдержка из речи длившейся 2 или 3 часа.

Хотя планы изложенные Гитлером в длинной речи не имели конкретной формы и представлялись различные варианты, мне было совершенно очевидно, что общая тенденция его планов имела агрессивный характер. Я был чрезвычайно взволнован речью Гитлера, потому что это разбивало вдребезги всю внешнюю политику, которую я постоянно преследовал – политику, использующую только мирные средства. Было очевидно, что я не мог принять ответственность за такую политику.

Людингхаузен: В связи с этим я бы хотел сослаться на письменные показания баронессы Риттер уже упомянутые мной как номер 3 в документальной книге 1. Из этих письменных показаний я бы хотел процитировать параграф под цифрой 17 из моей документальной книги, параграф, который кажется мне настолько важным, что я бы хотел попросить трибунал одобрить мне разрешение процитировать этот параграф. Я цитирую:

> «Когда господин фон Нейрат впервые понял из заявления Гитлера 5 ноября 1937, что последний хотел достигнуть своих политических целей воспользовавшись силой к соседним государствам, он был настолько сильно потрясён, что испытал несколько сердечных

[446] «Антикоминтерновский пакт» - дата заключения — 25 ноября 1936 г. Место заключения — Берлин — международный договор (пакт), заключённый между Германией и Японией, создавший двусторонний блок этих государств, направленный против Коммунистического Интернационала

приступов.

Он подробно обсуждал это с нами по случаю его визита на новогодний праздник 1938, и мы видели, что это повлияло на него как физически так и духовно. Прежде всего, он был взволнован, потому что между тем, Гитлер отказывался принять его и в таких обстоятельствах он не мог понять, как разубедить Гитлера от его планов, которые он сурово осуждал. Он часто говорил: «Это ужасно, играть с Кассандрой[447]». Он категорически заявил, что ни за что не сможет поддерживать такую политику и что он встанет лицом к лицу с проблемой. Он не дрогнул в своём решении, когда 2 февраля 1938, по случаю его шестьдесят пятого дня рождения, Гитлер сказал ему, что он не сможет справится без него как министра иностранных дел. Он сказал нам об этом в тот же вечер в телефонном разговоре, когда мы направляли ему праздничные приветствия».

Что вы делали, когда данная речь заставила вас осознать эти вещи?

Нейрат: Примерно два дня спустя после этой речи я пошел на встречу с генералом фон Фричем, который также присутствовал по случаю этой речи, и вместе с ним и начальником генерального штаба Беком[448], я обсудил, что можно сделать, чтобы Гитлер изменил свои идеи. Мы, прежде всего согласились в том, что генерал фон Фрич, который должен был докладывать Гитлеру в течение следующих нескольких дней, должен объяснить ему все военные соображения, которые делали такую политику не рекомендуемой. Затем я намеревался объяснить ему политические причины.

К сожалению, Гитлер вскоре уехал в Оберзальцберг и не смог или не пожелал принять меня до своего отбытия. Я не мог увидеть Гитлера до 14 или 15 января. По этому поводу я попытался показать ему, что такая его политика приведёт к мировой войне и, что я не буду принимать в этом участия. Многие из его планов могли быть реализованы мирными средствами, даже если бы процесс был медленным. Он ответил, что больше не может ждать. Я обратил его внимание на опасность войны и серьезные предупреждения генералов. Я напомнил ему речь в Рейхстаге в 1933, в которой он сам объявлял новую войну сущим безумием, и так далее. Когда, несмотря на все мои аргументы, он всё также стоял на своём, я сказал ему, что он должен искать другого министра иностранных дел, и что я не буду принадлежностью к такой политике. Сначала Гитлер отказался принять мою отставку, но я настаивал и 4 февраля он одобрил мою отставку без дальнейших

[447] Кассандра — в древнегреческой мифологии дочь последнего троянского царя Приама и его второй супруги Гекубы. Получила пророческий дар от влюбившегося в неё Аполлона, однако за то, что она, обманув, не ответила ему взаимностью, он сделал так, что предсказаниям Кассандры никто не верил. Трагическим пророчествам Кассандры не внимали, её осмеивали и принимали за безумную. Но предсказанное воплотилось в гибели её семьи и разрушении Трои.

[448] Людвиг Бек (1880 — 1944) — генерал-полковник германской армии (1938 год). Начальник Генерального штаба Сухопутных войск в 1935—1938 годах. Лидер выступления военных против Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года.

комментариев.

Людингхаузен: Господин фон Нейрат, вы имели впечатление о том, что Гитлер решил одобрить вашу отставку с неохотой или же что ваша просьба разрешить отставку наполовину удовлетворила его желание?

Нейрат: Мне кажется, было последнее. Мне кажется, Гитлер хотел этого некоторое время…

Председатель: Это не показания. Вы не можете говорить о том, как думал другой человек.

Людингхаузен: Затем, одновременно с вашей отставкой с министра иностранных дел, вас сделали председателем вновь созданного тайного совета кабинета. Что означало это назначение?

Нейрат: Как уже заявил здесь свидетель Геринг, тайный совет кабинета был создан с единственной целью замаскировать переориентирование внешней политики и перемены в военной сфере. Несколько свидетелей дали здесь показания о том, что тайный совет кабинета никогда не собирался. Я могу добавить, что на практике он бы не мог функционировать, ибо после моей отставки 4 февраля я был отрезан от всякого доступа к новостям о внешней политике.

Людингхаузен: Итак, после своей отставки как министра иностранных дел вы сохранили свой титул рейхсминистра. Но вы всё ещё были членом рейхскабинета или нет?

Нейрат: Нет. Помимо того, что насколько я знаю, рейхскабинет больше не функционировал, потому что больше не было никаких заседаний рейхскабинета, титул «рейхсминистр» был лишь формальным титулом, который не был связан ни с какой деятельность или каким-то правительственным ведомством. В отличие от членов правительства Рейха, я не получал никаких законопроектов для подписи.

Людингхаузен: Обвинение заявляет, что в марте 1938 вы представляли Риббентропа как министра иностранных дел, во время его отсутствия, и оно добавляет это из записи в дневнике генерала Йодля, которая гласит: «Тем временем Нейрат принял министерство иностранных дел». Пожалуйста, вы прокомментируете это?

Нейрат: После своей отставки 4 февраля я был совершенно вне контакта со своими бывшими коллегами и ушёл полностью. Однако, я всё ещё оставался в Берлине. 11 марта 1938, поздно вечером, Гитлер внезапно позвонил мне в квартиру и попросил меня прийти на встречу с ним. В приёмной я встретил, кроме господина фон Папена, генерала фон Браухича и ряд остальных высокопоставленных чиновников и офицеров из его непосредственного окружения. Геринг тоже был в комнате, когда я зашел в неё. Гитлер сказал мне, что аншлюс с Австрией являлся фактом, и что германские войска пересекут границу в течение ночи с 11-го на 12-е. Когда я поднял вопрос о том, нужно ли это, Гитлер сказал мне причину, почему он больше не хотел ждать. Он спросил меня, что нужно делать министерству иностранных дел, так как

министр иностранных дел отсутствовал и был в Лондоне в это время. Я сказал ему совершенно ясно, что наверное мы получим протесты, на которые нужно будет дать ответ. Кроме того, мы со своей стороны должны сделать заявление для держав. Не должно быть никаких формальных переговоров. Я также сказал ему о том, что министр иностранных дел должен быть немедленно отозван из Лондона. Наконец Гитлер попросил меня сказать государственному секретарю министерства иностранных дел то, что он только, что сказал мне, для того, чтобы министерство иностранных дело знало, что происходит.

12 марта утром, я сделал, как Гитлер проинструктировал меня и передал его описание событий государственному секретарю, который был официальным представителем Риббентропа. Геринг был назначен Гитлером своим заместителем на время отсутствия. 12 марта я лично сказал последнему о письме адресованном мне британским послом, содержащим британский протест оккупации Австрии. Я сказал ему о том, что министерство иностранных дел представит ответную ноту.

Когда проект этой ноты был готов, я рассказал Герингу о содержании ноты по телефону. Геринг как заместитель Гитлера попросил меня подписать ответ по его поручению, поскольку письмо британского посла было адресовано мне. Геринг уже сказал это как свидетель в этом зале суда; отсюда фраза в письме говорившая «от имени правительства Рейха».

Я непрерывно просил Геринга отозвать Риббентропа из Лондона и держать его в курсе. Из телефонной беседы между Герингом и Риббентропом, которую здесь уже упоминали, видно, что Геринг это сделал. Объяснение тому почему британская нота была адресована мне, я узнал только здесь из показаний Геринга, когда он сказал, что вечером 11-го он лично сказал британскому послу о том, что он, Геринг, представляет Гитлера в его отсутствие и что Гитлер попросил меня консультировать его, если понадобится, в вопросах внешней политики.

Запись в дневнике Йодля, о которой я услышал только здесь в суде и которая довольно странно, датирована 10 марта – временем, когда я даже не появился - наверное, можно приписать тому факту, что кто-то видел меня 11 марта в рейхсканцелярии. В любом случае, я никоим образом не выступал как заместитель Риббентропа.

Людингхаузен: Также вы не использовали бланк с заголовком «министерство иностранных дел» или подпись министерства иностранных дел.

Нейрат: Тот факт, что я использовал бланк с заголовком «председатель тайного совета кабинета» который я нашёл в кабинете рейхсканцелярии, и который был единственным указанием на то, что это легендарное учреждение на самом деле существует, также доказывает, что я не представлял министерство иностранных дел или министра иностранных дел, иначе я бы использовал бланк министерства иностранных дел.

Людингхаузен: 12 марта вы ответили на ноту британского посла названным сейчас

письмом. Обвинение упрекает вас, утверждая, что причины указанные вами в этом письме и описание событий в Австрии, которые предшествовали походу в страну, неправильные. Как я полагаю, трибунал знаком с отрывками которые составляют предмет этого обвинения, я думаю, не требуется цитировать их. Вам также знакомы эти отрывки, и я бы хотел получить ваше мнение.

Нейрат: Обвинение в том, что содержание данного ответа частично неправильное совершенная правда. Это объясняется тем, что я не имел никакой другой информации за исключением сообщений Гитлера и ноты основанной на этих сообщениях. Эта информация, которую я передал в министерство иностранных дел, полностью игнорировала события. Это являлось основой проекта.

Я бы хотел добавить, что инциденты, которые привели к австрийскому аншлюсу никогда не планировались за время моего нахождения на службе. Гитлер вообще никогда не имел никаких чётких планов во внешней политике, скорее он принимал решения очень внезапно и немедленно превращал их в действие, поэтому даже его ближайшие соратники имели сведения о них только за несколько дней. Выражение «австрийский аншлюс» используемое тут и в целом, не выражает то, что на самом деле случилось позднее, что фактически было присоединением Австрии. Это то присоединение Австрии о котором мы сейчас ведем речь. Это присоединение Австрии было задумано Гитлером в самый последний момент, в Линце, в момент похода войск. Дальнейшее доказательство того, что план для вторжения не готовили заранее в том, что Гитлер несколькими днями раньше отправил своего министра иностранных дел в Лондон, чтобы закончить дипломатические формальности.

Людингхаузен: В связи с этим, я бы хотел сослаться на выдержку из книги сэра Невила Гендерсона «Провал миссии», которую уже упоминали. Эта выдержка - номер 129 в моей документальной книге 4. Я прошу трибунал принять судебное уведомление о данном документе.

В ходе австрийского кризиса, 12 марта день спустя после похода, вы сделали заявление чехословацкому посланнику в Берлине о мерах принятых в отношении Австрии и их влиянии на Чехословакию. Согласно докладу сделанному доктором Мастны[449], чехословацким посланником в Берлине, об этой дискуссии, вы заявили, что германское правительство не намеревалось предпринимать каких-либо шагов против Чехословакии, но привержено арбитражному договору заключенному в двадцатых с Чехословакией. Пожалуйста, вы прокомментируете этот доклад, который известен вам и который находится под номером 141 в моей документальной книге.

Нейрат: Совершенно верно, что 12 марта я сделал заявление господину Мастны. Только причина беседы и её суть немного отличаются от того как он это описал. 12 марта министериальдиректор фон Вайцзеккер[450] позвонил мне домой, сказав, что

[449] Войцех Мастны (1874 – 1954) – чешский дипломат и преподаватель.

[450] Эрнст фон Вайцзеккер (1882 — 1951) — германский дипломат, бригадефюрер СС. Государственный секретарь

чехословацкий посланник Мастны находился с ним и хотел знать о том, мог ли он увидеть меня в течение дня. Я попросил господина Мастного приехать в мою квартиру вечером. Господин Мастны спросил меня, верю ли я в то, что Гитлер, после австрийского аншлюса, также предпримет, что-нибудь против Чехословакии. Я ответил, что он может успокоиться, что Гитлер сказал мне предыдущим вечером, в ответ на моё предположение о том, что австрийский аншлюс может вызвать беспокойство в Чехословакии, что он не имел никаких мыслей делать, что-то против Чехословакии. Мастны затем спросил меня, считает ли Германия себя связанной соглашением, заключенным в 1925. В силу ответа данного мне Гитлером я смог подтвердить это с чистой совестью. Гитлер добавил в связи с этим, что он верил в то, что отношения с Чехословакией даже значительно улучшатся. Урегулирование австрийского аншлюса, в конце концов, являлось внутренним делом.

Доклад господина Мастного заявляет, что я говорил по указке Гитлера. Однако, это неправда. Я просто ссылался на дискуссию с Гитлером которая была свежа в моей памяти. Когда господин Мастны в данном докладе отмечает тот факт, что я говорил как председатель тайного совета кабинета, он мог воспользоваться такой фигурой речи для того, чтобы придать больше веса своему докладу.

Людингхаузен: Обвинение предполагает определенное разночтение между заявлением, сделанным вами и планами раскрытыми Гитлером в ноябре 1937, и обвиняет вас, утверждая, что вы очень хорошо знали о том в чём заключались эти планы, будучи весьма доверчивым, когда вы делали гарантирующее заявление Мастны.

Нейрат: В той дискуссии Гитлер говорил о военных планах лишь в общём. Не было никакого разговора об агрессивном плане против Чехословакии. Гитлер сказал, что если события приведут к войне, Чехословакия и Австрия должны быть оккупированы первыми для того, чтобы держать наш правый фланг свободным. Форма той или иной атаки на Чехословакию и будет ли вообще какой-нибудь конфликт на Востоке были сомнительными и открытыми для обсуждения.

В свою очередь Судеты, которые стратегически имели ключевое положение в чешской обороне, впоследствии уступили мирным образом по соглашению с западными державами. Конкретные планы войны против Чехословакии, как свидетельствовал генерал Йодль, не доводили до генеральному штабу для разработки вплоть до конца мая 1938. Я впервые здесь узнал о существовании этих планов. В остальном, когда Гитлер сказал мне о том, что ничего не предпримет против Чехословакии, я не мог не поверить, что это было его реальное намерение, другими словами, что он отказался от своих планов альтернативной акции изложенных 5 ноября 1937.

Вот всё, что я могу сказать о чехословацком вопросе.

Председатель: Мы прервёмся?

министерства иностранных дел Германии в 1938-1943.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Людингхаузен: Господин фон Нейрат, в обвинительном заключении упоминается совещание 28 мая 1938 на котором присутствовали Гитлер, фон Риббентроп, Геринг и главнокомандующие вооруженных сил, и на котором как утверждается в письменных показаниях господина Видемана[451] присутствовали вы.

Нейрат: Я вообще не могу вспомнить никакое подобное совещание, ни заявление Гитлера, которое упоминает Видеман. Более того, Кейтель, Риббентроп, Геринг и Рёдер ничего не знали об этом совещании. Вероятно это ошибка или перепутано с совещанием упомянутым Шмундтом[452] 22 или 28 апреля 1938, но я не присутствовал на этом совещании, я вообще не находился в Берлине.

Людингхаузен: После своей отставки, вы полностью удалились в частную жизнь. В судетском кризисе, осенью 1938 вы принимали активное участие и выступали за мирную политику?

Нейрат: Да. После своей отставки в феврале 1938 я жил в своём поместье. Примерно 26 сентября я получил телефонный звонок от одного из своих бывших министерских коллег сообщавший мне о том, что Гитлер дал указание вооруженным силам быть готовыми выступить 28 сентября. Видимо он хотел решить судетский вопрос силой. Меня попросили немедленно приехать в Берлин и попытаться разубедить Гитлера от его плана.

Ночью я поехал в Берлин. После моего прибытия я запросил министерство иностранных дел о ситуации и доложил Гитлеру о том, что нахожусь здесь. Меня отправили обратно. Несмотря на это, 28-го я пошёл в рейхсканцелярию и там я встретил всё окружение Гитлера готовое выступать. Я спросил Гитлера и мне сказали, что он в своём комнате, но никого не принимает. Когда он увидел меня, он грубым тоном спросил: «Что вам нужно?». Я ответил, что хотел указать ему на последствия намечавшегося шага. Я объяснил ему, что он приведёт к европейской войне и наверное к мировой войне, если он пойдёт на Чехословакию, в то время как продолжаются переговоры по судетской проблеме, о том, что несомненно Чехословакия будет сопротивляться и что борьба будет непростой, и в любом случае это будет включать Францию и Англию, и Польшу. Я сказал ему, что пролить столько крови было бы преступлением, за которое он никогда не смог бы ответить, если бы не были исчерпаны все возможности мирного урегулирования. Я

---

[451] Фриц Видеман (1891 — 1970) — немецкий офицер, адъютант Адольфа Гитлера в 1935-1939, впоследствии дипломат.

[452] Рудольф Шмундт (1896 - 1944) — генерал пехоты вермахта, участник Первой и Второй мировых войн. Адъютант А. Гитлера с 1938 по 1944. Убит в результате покушения на Гитлера.

знал, что господин Чемберлен[453] был готов прийти к соглашению, и что он также был готов убедить чехов отдать Судеты если бы это предотвратило войну.

Председатель: Откуда вы знали, что господин Чемберлен будет готов приехать?

Нейрат: Потому что я встретил на улице британского посла.

Председатель: Продолжайте.

Нейрат: Гитлер отказался рассматривать такую конференцию. Однако, во время нашей беседы появился Геринг и поддержал мои усилия убедить Гитлера провести конференцию. Наконец Гитлер согласился, если бы я смог собрать Чемберлена, Даладье и Муссолини в Берлине на следующий день. Поскольку это было невозможно для Муссолини, я предложил Мюнхен как место для переговоров. Я немедленно связался с британским и французским послами, которые оба собирались увидеть Гитлера. Гитлер лично позвонил напрямую Муссолини и к 6 часам были получены обещания и ответы.

Людингхаузен: Я бы хотел попросить суд принять судебное уведомление о документе номер 20 в моей документальной книге 1, страница 72b, выдержка из книги посла Гендерсона «Провал миссии»

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы лично приняли участие в Мюнхенской конференции, которая состоялась?

Нейрат: Да. В виду раздраженного состояния ума Гитлера я занимался ходом конференции, и я сказал ему, что я считал своевременным, что я тоже должен ехать в Мюнхен, поскольку я лично знал зарубежных представителей и по этой причине мог служить посредником. Он согласился, Геринг пригласил меня ехать вместе с ним в специальном поезде. Позднее, в ходе долгого заседания, я часто говорил с тремя лицами и Гитлером пытаясь урегулировать возникшие разногласия.

Господин Чемберлен в конце этой дискуссии попросил меня организовать беседу с фюрером наедине без Риббентропа, на следующий день, поскольку он хотел внести новое предложение. Фюрер сначала не хотел, но наконец, я убедил его. В этой беседе, было достигнуто «консультативное соглашение» между Англией и Германией, к которому позднее присоединилась Франция. Чемберлен, который находился в том же отеле, что и я, показал мне данное соглашение с большим удовольствием после беседы, и я тоже был рад его увидеть. Я надеялся, что англо-германские отношения, которые пострадали на встречах в Годесберге и Берхтесгадене, можно вернуть в норму этим соглашением и таким образом будет открыт путь для дальнейших совещаний. Как и летом 1937, Чемберлен пригласил меня посетить его в Англии. Я сразу сказал ему, что я не верю в то, что Гитлер, который запретил мне ехать в Англию летом 1937, теперь даст своё одобрение, особенно, когда я уже больше не являлся министром иностранных дел. В январе 1938 британский посол повторял приглашение, но я сказал ему, что у меня нет

[453] Невилл Чемберлен (1869 —1940) — государственный деятель Великобритании, лидер Консервативной партии («Тори»). Премьер-министр Великобритании в 1937-1940.

возможности получить одобрение Гитлера.

Людингхаузен: Господин председатель, в связи с этим я бы хотел предъявить документ 21 в моей документальной книге. Это письмо французского посла того времени, Франсуа-Понсе[454], датированное 18 октября 1938, несколько недель спустя после Мюнхенской конференции. Я бы хотел процитировать из него только две фразы.

> «Но из нас двоих я тот кто выражает наибольшую благодарность. Я всегда получал от вас, даже в самые деликатные моменты, больше всего учтивости и самый доверительный приём. Вы сделали мою сложную задачу проще. Я никогда не забуду, что в долгу у вас».

Господин председатель, на этом месте я бы хотел предъявить письмо посла Понсе, которое получено несколько дней назад и которое я упоминал начиная своё дело. Я просил вызвать французского посла в качестве свидетеля, и в ответ на это, письмо посла от 7 июня было адресовано французскому обвинению, копию которого я получил через генерального секретаря на прошлой неделе – кажется в четверг или пятницу.

Несмотря на то, что данное письмо не в предписанной форме письменных показаний, а это частное письмо обвинению, я прошу, чтобы вы приняли его как если бы это была форма письменных показаний. Подлинник данного письма в распоряжении французского обвинения, и французское обвинение пообещало предъявить подлинник по просьбе суда. Я возьму смелость предъявить заверенную копию.

Председатель: Подлинник документа должен быть представлен суду сейчас, или как только будет удобно.

Людингхаузен: Позавчера, я говорил с членом французского обвинения, который сказал, что у него его сейчас нет. Я не знаю где оно у них. Поэтому, я прошу, чтобы он был предъявлен, иначе я бы уже предъявил его.

Председатель: Очень хорошо, но оно должно быть предъявлено как можно скорее.

Людингхаузен: Да.

Председатель: Вы желаете приобщить его в качестве доказательства, не так ли?

Людингхаузен: Да.

Председатель: Какой у него номер?

Людингхаузен: 162.

Председатель: Возражений нет, я так понял?

Максвелл-Файф: Милорд, возражений нет.

Людингхаузен: Данное письмо гласит, если я могу процитировать хотя бы последний короткий отрывок:

> «Он – то есть господин фон Нейрат – «никогда не делал инциденты труднее, напротив, он всегда искал личное и мирное решение. Он

[454] Андре Франсуа-Понсе (1887 – 1978) – французский дипломат. С 1931 по 1938 посол Франции в Германии.

прилагал все усилия, чтобы облегчить задачу зарубежных дипломатов в столице. Они, как и я сам, благодарны ему. Я не сомневаюсь в том, что он часто указывал Гитлеру на опасности, которым он подвергал Германию из-за эксцессов режима, и что он позволял ему слышать голос благоразумия и умеренности».

Итак, я перехожу к другому предмету, и я бы хотел представить следующее:

Документы представленные обвинением показывают, что во время вашего периода в должности рейхсминистра иностранных дел, представитель министерства иностранных дел принимал участие в заседаниях совета обороны Рейха и по закону об обороне Рейха от 1938, вы как председатель тайного совета кабинета, являлись членом совета обороны Рейха.

Вы прокомментируете это?

Нейрат: Я, ни как рейхсминистр иностранных дел, ни как председатель тайного совета не имел никакого отношения к делам совета обороны Рейха. Я никогда не принял участия ни в одном заседании или беседе. Как здесь говорили, все министерства со времени до 1933 имели так называемых экспертов по обороне, которые занимались межведомственными вопросами, вытекающими из возможной мобилизации на случай оборонительной войны. Как уже свидетельствовал доктор Шахт, совет обороны Рейха 1935 был не чем иным как легализацией комитета существовавшего до 1933.

Людингхаузен: В существовании такого комитета или совета для обороны Рейха, вы видели признаки подготовки к агрессивной войне?

Нейрат: Нет, никоим образом. Обозначение уже указывает на то, что он имел отношение к подготовке обороны Рейха от нападения, а не подготовку атаки. Более того, я знаю, что во Франции, также как и в Англии, такие органы существовали долгое время.

Людингхаузен: Господин председатель, я бы хотел предъявить документ 78, который на странице 213 моей документальной книги 3. Это выдержка из заявления, сделанного французским военным министром Петэном 6 июня 1934 перед комиссией по армии французской Палаты, которое упоминает необходимость оборонного совета или комитета.

Председатель: Минуточку. Трибунал не думает, что какое-либо доказательство о том, что иные страны имели иные организации действительно относится к делу.

Людингхаузен: Обвинение утверждает, что Гитлер удостоил вам больше почестей, чем иным нацистским лидерам, и делает вывод, что вы были особо близки к Гитлеру. Пожалуйста, вы прокомментируете это.

Нейрат: Это достаточно заметное предположение. Ясно, что, будучи старейшим министром, который служил государству более 40 лет, Гитлер не мог обходить меня в выражении почёта и почётных титулах, но они ограничивались тем, что привычно

для должностных лиц занимающих высокие государственные посты.

Людингхаузен: Я бы хотел назвать отдельные награды, которые вменяют вам в обвинение. Вы обладатель Ордена германского орла и Креста военных заслуг первого класса.

Нейрат: Да. Орден германского орла был введён в 1937 и им должны были награждать только иностранцев. Однако он бы не имел большой ценности за рубежом, а считался бы больше специальным орденом, подобным колониальному ордену, если бы им не обладал ни один немец. По этой причине, меня как министра иностранных дел, сразу после введения ордена, Гитлер наградил Большим крестом ордена и таким образом возвысил ценность данного ордена…

Председатель: Доктор фон Людингхаузен, не достаточно, чтобы подсудимый сказал о том, что было привычно давать такие титулы? Нам не нужно исследовать конкретные заслуги конкретного ордена, не так ли? Мне это кажется очень отдаленным.

Людингхаузен: Господин председатель, я упомянул это лишь потому, что обвинение тоже особо поднимало этот вопрос.

Дальнейшее обвинение, предъявлено обвинением в том, что 30 января 1937, на хорошо известном заседании кабинета, вы получили золотой партийный знак от Гитлера и таким образом стали членом нацистской партии. Что насчёт этого?

Нейрат: Что касается способа которым этим награждали, господин Шахт, а также Рёдер давали здесь показания. Я не являлся членом никакой партии. Между 1933 и 1937 меня несколько раз просили вступить в партию, но я отказывался. Моё отношение к партии было общеизвестным. По этой причине меня непрерывно атаковала партия. Мне кажется, что причина почему я – почему этим знаком были 30 января 1937 награждены различные члены кабинета, а также генералы, которым вообще не разрешалось быть членами партии, мне кажется это описано довольно подробно и не необходимости снова проходить это.

Людингхаузен: Затем, неожиданно, Гитлер также сделал вас почётным обергруппенфюрером СС.

Нейрат: Да, для меня это было полной неожиданностью. В сентябре 1937 Муссолини объявил о своём визите в Германию. За несколько дней до визита я не находился в Берлине. Когда утром я вернулся, я обнаружил своего портного на входе в мой дом с формой группенфюрера СС. Я спросил его, что это значит. Он сказал мне, что рейхсканцелярия дала ему указания немедленно сшить мне форму. Затем я поехал к Гитлеру и спросил его, зачем он это сделал. Он сказал, что хотел, чтобы все люди которые должны были присутствовать на приёме Муссолини были в форме. Я сказал ему, что это не очень согласуется со мной, и я вынужден было объяснить, что ни в коем случае я не буду подчиняться Гиммлеру и не хотел иметь ничего общего с СС. Гитлер торжественно гарантировал мне, что с меня нет спроса

и что у меня нет никаких обязательств перед СС, так и получилось. Более того, я не имел никакой власти отдавать приказы, и моё последующее назначение обергруппенфюрером видимо произошло в ходе общих повышений без какой-то особой причины.

Людингхаузен: Вы вообще носили эту форму?

Нейрат: Лишь дважды, насколько я помню, на приёме Муссолини и затем в 1938, когда я был направлен в Анкару на похороны Кемаля-паши. По официальным поводам я всегда носил форму гражданского служащего без знаков различия, которую тогда разработали.

Людингхаузен: На ваш семидесятый день рождения, 2 февраля 1943, вы получили поздравления и остальные выражения почтения вашей персоне и вашей деятельности из различных источников. Помимо прочего, вас поздравил Гитлер, и вы получили, кроме этого, чек на 250000 марок. Пожалуйста, вы опишите нам, какое значение имело данное пожертвование, если его можно так назвать.

Нейрат: Американский обвинитель недавно упоминал этот подарок. Только он забыл добавить, что я отказался от него. События были следующими.

В день моего семидесятилетия, утром, посланец Гитлера позвонил мне и привёз мне поздравительное письмо от Гитлера и небольшое полотно молодого немецкого художника, изображавшее итальянский пейзаж. Письмо содержало чек на 250000 марок. Я был неприятно удивлён и сразу же сказал курьеру, что я считал данное пожертвование оскорблением, так как я не был лакеем, которому платили за подсказки, и что он должен забрать чек с собой. Он сказал, что не вправе это делать. На следующее утро я пошёл к рейхсминистру финансов, чтобы отдать ему чек для казначейства Рейха. Он сказал, что по формальным причинам – мне кажется, потому что чек находился на специальном счёте Гитлера – он не может его принять. По его совету я передал чек кредитному союзу Рейха на специальный счёт и сообщил компетентному финансовому ведомству в письменном виде. Я никогда не тронул ни одного пенни из этой суммы. От полотна, ценность которого не особо велика, я не отказался, потому что это было совершенно в рамках обычного подарка на день рождения и отправка его обратно рассматривалась бы как намеренное оскорбление.

Людингхаузен: Господин председатель, в связи с этим, я прошу разрешения предъявить два письма от кредитного союза Рейха, которые я получил от него по своему запросу в субботу. Они содержат информацию о том, что данная сумма в 250000 марок полностью находится на счёте кредитного союза Рейха, плюс накопившиеся проценты. Это доказательство того, что господин фон Нейрат фактически не взял ни пенни из этого так называемого пожертвования и не использовал его никаким другим образом.

Председатель: Вы приведёте нам его номер?

Людингхаузен: 160 и 161. Господин председатель, в спешке у себя в конторе я смог сделать только английский перевод. Французский и русский переводы будут даны

французскому и русскому обвинению в следующие несколько дней. Как я уже сказал, я сам получил это только вечером в субботу.

Дальнейшее обвинение, предъявленное вам в том, что в консервативных кругах Германии вы работали как своего рода пятая колонна, чтобы убедить их примириться и согласиться с режимом национал-социалистов, ввиду того, потому что оставаясь в правительстве вы показывали им пример. Что вы на это скажете?

Нейрат: Данное заявление бессмыслица, потому что по всей Германии и за рубежом было известно, что я не был национал-социалистом, но скорее, что я боролся с национал-социалистическими эксцессами против церкви и евреев, и что дополнительно, я препятствовал любой политики, которая угрожала миру. Это чётко видно из моего увольнения в феврале 1938, и то что общие соображения об этом публично не высказывали в германской прессе, было просто из-за того, что не было прессы для этого. Поэтому совершенный абсурд, что эти консервативные круги могли предполагать, что я всем сердцем был с нацистами, как говорит обвинительное заключение. Остальные страны тоже знали это и видели во мне препятствие нацистской политике. То, что ко мне не относились как к слепому последователю нацистских теорий, как сказано в обвинительном заключении, лучше всего известно зарубежным дипломатам в Берлине, поскольку они могли наблюдать мою постоянную борьбу против партии с близкого расстояния.

Людингхаузен: Я бы хотел предъявить в связи с этим выдержку из журнала «Archiv[455]» за 1937, и выдержку из статьи в «Pester Lloyd[456]» содержащую речь, с которой дуайен[457] берлинского дипломатического корпуса выступил от имени всего дипломатического корпуса перед господином фон Нейратом на его шестьдесят пятый день рождения 2 февраля 1938. Оба документа содержатся в моей документальной книге 4 номер 127 и в документальной книге 1, номер 18.

На этом я завершил часть, касавшуюся внешней политики, и личных пунктов обвинения против господина фон Нейрата. Теперь я перехожу ко второму аспекту обвинения, вашей деятельности в качестве рейхспротектора Богемии и Моравии.

После урегулирования судетского кризиса вы полностью ушли из политической жизни, это правда?

Нейрат: Да. Я очень редко бывал в Берлине. Так как большую часть времени я находился в своём поместье в Вюртемберге или в горах.

Людингхаузен: В сентябре 1939 вы находились в Берлине, и вы имели какие-либо сведения о планах Гитлера по вторжению в Чехословакию?

Нейрат: Вы имеет в виду позднюю зиму 1939?

Людингхаузен: Да, позднюю зиму.

---

[455] «Архив» — немецкий журнал издающийся с перерывами с 1925 по настоящее время.

[456] «Пестер Ллойд» - немецкоязычная ежедневная газеты издававшаяся в Будапеште с 1854 по 1945.

[457] Дуайен (фр. doyen — старшина, старейшина) — глава дипломатического корпуса, старший по дипломатическому классу и по времени аккредитования в данной стране дипломатический представитель.

Нейрат: Нет, я держался в стороне. Разногласия между Германией, Чехословакией…
Председатель: Сентябрь 1939?
Людингхаузен: Моя ошибка. Я имел в виду позднюю зиму.
Председатель: Вы имеете в виду 1938?
Людингхаузен: 1939.
Нейрат: 1938-1939.

Разногласия между нами и Чехословакией по поводу обращения чехов с судетскими немцами были решены отделением Судетов. Был проложен путь для дружественного взаимодействия. Одна из узловых точке угрозы миру в Европе была устранена.

Людингхаузен: Затем в Берлине состоялся знаменитый спор между Гитлером и президентом чехословацкой республики Гахой[458], в ночь с 14 на 15 марта 1939. Эту конференцию здесь уже обсуждали. Мне не кажется, что нужно вдаваться о ней в детали. Во всяком случае вам она известна.

Я бы хотел спросить вас, вы знали об этих событиях как в частности описано в документе номер PS-2798?

Нейрат: Нет, я не знал о них. Я узнал о них лишь гораздо позднее. Только здесь я узнал о записях господина Хевеля, но потом узнав об этих событиях, я категорически возражал, и я бы не при каких обстоятельствах не принял пост рейхспротектора, если бы тогда знал об этом. Я был совершенно удивлён событиями в марте 1939. Как я уже сказал, я больше не получал никакой внешнеполитической информации. Я полагался на радио и газеты. Подготовку к нападению на Чехословакию 1938 года, я считал ликвидированной Мюнхенским соглашением.

Я узнал о визите Гахи в Берлин также как остальные немцы, по радио и из газет следующим утром. Официальное заявление о принятии покровительства над оставшейся Чехословакией не показалось мне неправдоподобным после того как Словакия стала независимой, и после того как я узнал, что чешский министр иностранных дел, Хвальковский[459], в ходе зимы 1938-39 говорил в Берлине, что прежняя политика Чехословакии должна быть полностью изменена и о том, что нужно было стремится к более тесным связям с Германией. Однако, меня заботило то как державы подписавшие Мюнхен отреагируют на такое развитие, которое противоречило соглашению достигнутому в Мюнхене. Мой первый вопрос к Гитлеру, когда я приехал в Вену по его просьбе, был о том проинформированы ли заранее Англия и Франция и дали своё одобрение. Когда он сказал - нет, что это совершенно не нужно, и что чешское правительство само попросило нас взять покровительство, я сразу понял насколько опасной была ситуация.

---

[458] Эмиль Гаха (1872 — 1945) — чешский политик, юрист, третий президент Чехословакии (1938—39), с 1939 года — президент образованного оккупационными немецкими властями Протектората Богемия и Моравия. 13 мая 1945 года арестован за сотрудничество с немцами, в ожидании суда умер в заключении

[459] Франтишек Хвальковский (1885 – 1945) – чешский дипломат. Министр иностранных дел Чехословакии.

Однако, тогда я всё же верил в то, что фактически состоялось свободное решение чешского правительства. Просьба Гитлера о том, что я должен принять пост рейхспротектора была для меня полной неожиданностью, тем более, что я узнал, что он очень плохо принял моё спонтанное вмешательство в сентябре 1938, которое привело к Мюнхенской конференции. У меня были сомнения о принятии должности, которые я высказал Гитлеру. Я понимал, что вторжение в Чехословакию будет, по крайней мере, сильным оскорблением держав подписавших Мюнхенское соглашение, даже если Гаха попросил покровительство по собственной воле, и мне было ясно, что любое усложнение ситуации из-за плохого обращения с чехами приведет к немедленной угрозе войны. Терпение Англии и Франции должно быть было явно исчерпано. Я это тоже упомянул Гитлеру. Ответ Гитлера заключался в том, что именно по этой причине он попросил меня принять пост – чтобы показать, что он не желал проводить политику враждебную Чехословакии. Я был общеизвестен за рубежом как мирный и умеренный человек, и он бы вручил мне самые широкие полномочия, чтобы противостоять всем эксцессам, особенно судето-немецкого элемента. Когда я всё же медлил и сказал, что не знал условий в Чехословакии, и что я не я был управленцем, Гитлер сказал, что я должен попытаться, и это можно изменить в любое время. Он давал мне двух опытных человек, которые знали условия. Тогда я не понимал, что полиция и СС не подчинявшиеся высшей власти, что тогда было на практике, сделают невозможным для помешать силовому правлению Гиммлера и его ведомств.

Но я не мог воздержаться и не отметить, что большая ответственность за дальнейшее развитие событий лежит перед другими державами, особенно державами подписавшими Мюнхен. Вместо заявления протеста на бумаге, я ожидал, что они, по крайней мере, отзовут послов. Тогда бы, вероятно, напряженность моментально возросла, но немецкий народ понял бы насколько серьезной была ситуация, и Гитлер бы избежал принятия дальнейших агрессивных шагов, и войну можно было бы предотвратить.

Людингхаузен: Предъявлено обвинение в том, что вы приняли должность для того, чтобы злоупотребляя своей гуманной и дипломатической репутацией создать у мира впечатление о том, что с чехами должны обращаться умеренно, в то время как должно было иметь место обратное. Вы кратко прокомментируете это?

Нейрат: Это совершенно неправильно. Гитлер сказал, что я должен попытаться примирить чехов к новым условиям и удержать от эксцессов немецкое население, которые было наполнено ненавистью за годы борьбы за национальность и против мер подавления.

Людингхаузен: Какие гарантии Гитлер дал в отношении вашей должности?

Нейрат: Он заверил меня в том, что будет поддерживать меня всеми способами и всё время в моей работе по справедливому урегулированию национальных конфликтов и склонению чехов к согласованной и умеренной политике. В

частности, он будет защищать мою администрацию от всех атак политических радикалов, прежде всего из СС и полиции, и судетских немцев, я особо отмечал эту опасность.

Людингхаузен: Тогда вы были убеждены в том, что давая эти заверения о гуманном обращении с чехами, Гитлер был серьезным и честным?

Нейрат: Да, у меня явно сложилось такое впечатление.

Людингхаузен: Тогда вы верили в то, будет соблюдать данные вам заверения?

Нейрат: Да.

Людингхаузен: Тогда вы знали о каких-либо планах или даже намерении о принудительной германизации чехов?

Нейрат: Нет, это мне было совершенно неизвестно. Я бы считал это такой бессмыслицей, что я бы не поверил в то, что у кого-нибудь есть такая идея.

Людингхаузен: Вы всё ещё верите, что заверения Гитлера и высказанные в то время намерения означали честность, и что они стали иллюзорными лишь в результате дальнейшего развития?

Нейрат: Да, тогда они разумеется были честными.

Людингхаузен: В связи с этим я бы хотел сослаться на документ в моей документальной книге 2, под номером 142, который содержит выдержку из «Провала миссии» Гендерсона, я бы хотел попросить суд принять о нём судебное уведомление.

[*Обращаясь к подсудимому*] В связи с этим периодом, заключение германо-словацкого договора от марта 1939 касающегося независимости Словакии предъявлено вам в качестве обвинения.

Вы вообще имели какое-нибудь отношение к подготовке данного договора или объявлению Словакией автономии?

Нейрат: Нет. Я узнал об объявлении автономии Словакии и всех этих событиях лишь после предания их огласке.

Людингхаузен: В чем заключались принципы вашей программы вашей администрации в Праге?

Нейрат: Мне было совершенно ясно, что примирения с чешским народом в новых условиях можно достичь лишь постепенно, насколько возможно щадя их национальные чувства и без радикальных мер. В гораздо более благоприятных обстоятельствах это бы заняло несколько поколений. Поэтому я попытался постепенно корректировать и уменьшать предыдущую враждебную политику.

Людингхаузен: В связи с этим я бы хотел сослаться на документ 143 в моей документальной книге 5. Это репродукция статьи, которую господин фон Нейрат опубликовал о целях своей администрации в Праге в «Europaische Revue[460]» в конце марта 1939. Я прошу суд принять о ней судебное уведомление.

---

[460] «Европейская панорама» - консервативный, а с 1933 национал-социалистический ежемесячный журнал издававшийся с 1925 по 1944.

Данная статья довольно чётко показывает, с какими намерениями и с какими тенденциями господин фон Нейрат принял тогда свою должность. Я прошу трибунал принять ней судебное уведомление.

В чём заключались условия, которые вы обнаружили в Праге, когда вы приняли должность в апреле?

Нейрат: Чехи в целом лишились иллюзий в результате поведения своих бывших союзников осенью 1938. В большей степени они казались готовыми быть лояльными и сотрудничать. Однако, влияние античешских и судетско-немецких кругов, поддерживаемых Гиммлером было значительным. Это влияние особенно было персонифицировано в судетском лидере Карле Германе Франке[461], которого назначили по настоянию Гиммлера моим государственным секретарём. С самого начала у меня были с ним величайшие сложности, потому что он выступал за совершенно другую политику в отношении чехов.

Ведомство рейхспротектора всё ещё выстраивалось. Главой администрации был опытный административный сотрудник фон Бургсдорф[462], которого здесь допрашивали. Ему подчинялись различные департаменты, которые создавались напрямую берлинскими министерствами.

В провинциальной администрации германские «оберландраты» назначались как надзорные офицеры для каждого чешского округа. Они назначались рейхсминистерством внутренних дел.

Людингхаузен: Кому подчинялась полиция?

Нейрат: Полицейская сила была полностью независимой от моего ведомства. Она напрямую подчинялась рейхсфюреру СС и главе германской полиции, то есть, Гиммлеру.

Гиммлер назначил моим государственным секретарём Франка как высшего начальника СС и полиции, который таким образом имел двойное положение. Подчиненным Франка, в свою очередь являлся командир полиции безопасности. Все полицейские меры приказывались Франком или напрямую Гиммлером и главным управлением безопасности Рейха без запроса моего одобрения, даже без моего информирования заранее. Из этого возникало больше всего трудностей с которыми я постоянно вынужден был бороться в Праге.

Людингхаузен: Рассмотрение положения полиции в чехословацком докладе под номером СССР-60, который был предъявлен обвинением, представляет вопрос немного в другом свете. Вы придерживаетесь описания, которое вы сейчас дали?

Нейрат: Да, абсолютно.

---

[461] Карл Герман Франк (1898 — 1946) — видный деятель нацистской Судетской партии, один из руководителей оккупационного режима в Богемии и Моравии, обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции. Казнен по приговору чехословацкого суда.

[462] Курт фон Бургсдорф (1886 — 1962) — немецкий нацистский деятель и функционер, бригадефюрер СА, губернатор дистрикта Краков (с 23 ноября 1943 по 18 января 1945), юрист. Высокопоставленный чиновник во время «аншлюсса», оккупационного режима Чехословакии и Польши. Военный преступник. Польским судом был приговорён к 3 годам лишения свободы.

Людингхаузен: Вас информировали о полицейских мерах лишь потом, но заранее не просили ваше одобрение?

Нейрат: Да, и меня информировали потом лишь спорадически. Я часто узнавал только от чешского правительства или от частных лиц об инцидентах о которых меня не информировала полиция даже потом, тогда я вынужден был запрашивать Франка.

Людингхаузен: Господин председатель, в связи с этим я ссылаюсь на указ от 1 сентября 1939, которое я предъявил дословно как номер 149 в моей документальной книге 5, и я бы хотел отметить следующее: данный приказ разделён на два совершенно отдельных сектора. Часть I касается выстраивания ведомства рейхспротектора; и часть II, совершенно отдельная от этого, рассматривает создание германской полиции безопасности, которая подчинялась напрямую рейхсфюреру СС и главе германской полиции. Уже такая внешняя форма приказа, если можно так выразиться, такое нарочитое разделение двух административных органов, доказывает, что полиция и полицейская сила находились в подчинении только Гиммлера или его берлинских властей. Уже это подчёркивало то, что рейхспротектор не мог оказывать на них никакого влияния. Это великая трагедия в деятельности господина фон Нейрата в качестве рейхспротектора. Ему автоматически вменяют вещи, за которые он никогда не мог и никогда не принимал ответственности. Обвинение в частности ссылается на параграф 13 данного приказа, который упоминает административные меры, согласно которому рейхспротектор, и рейхсфюрер СС по согласованию с последним, мог предпринимать административные меры необходимые для поддержания безопасности и общественного порядка в Протекторате даже за рамками границ определенных для данной задачи.

Что это означает?

Нейрат: Я не знаю, что данный приказ подразумевает под «административными мерами». Мне это кажется весьма общим приказом, предположительно ссылающимся на издание общих инструкций. В любом случае, до тех пор пока я находился в Праге, ни я, ни рейхсфюрер СС никак не использовали данную власть. Все аресты производили без моего информирования заранее на основании параграфа 11 приказа, который сейчас прочитали, и который никоим образом не подчинял мне полицию в Протекторате.

Людингхаузен: Гитлер не заверял вас в Вене, что у вас будет полная исполнительная власть в Протекторате, и что это будет включать полицию?

Нейрат: Нет; я уже упоминал это.

Людингхаузен: Вы пытались изменить данную ситуацию и добиться у Гитлера контроля над полицией или, по крайней мере, оказывать влияние на полицию?

Нейрат: Да. Я непрерывно делал представления Гитлеру в связи с повторявшимися нарушениями и эксцессами полиции. Он постоянно обещал, что изучит эти

обстоятельства, но ничего не менялось. Влияние Гиммлера, который считал полицию Рейха своей вотчиной было слишком могущественным.

Людингхаузен: Чехословацкий доклад на котором основано обвинительное заключение, в дополнение к начальнику полиции, также вменяет рейхспротектору до сентября 1941 – то есть вам – ответственность за террористические акты Гестапо. На основе заявлений которые вы сейчас сделали, вы признаёте такую ответственность в какой-либо мере?

Нейрат: Нет. Я должен отрицать это крайне категорически. Я уже объяснял, какими были реальные условия, что я вообще не имел влияния.

Людингхаузен: Я бы хотел процитировать две или три фразы в связи с этим из документа 153 в моей документальной книге 5, который состоит из протоколов допроса бывшего государственного секретаря Франка чехословацкой делегацией 30 мая 1945. В этих протоколах показания Франка говорят:

> «Ни рейхспротектор, ни я лично не были ответственными за акции полиции. Высшая ответственность была у Генриха Гиммлера как главы германской полиции. Гестапо получало свои указания напрямую из Берлина, либо от самого Гитлера или из главного управления безопасности Рейха».

В результате вашего присутствия в Праге вы на самом деле могли делать, что-нибудь, чтобы хотя бы изменять самые худшие меры вызванные полицией и Гестапо, или потом минимизировать самые тяжелые эффекты? Пожалуйста, опишите, как вы вмешивались и как вы пытались влиять на Франка в этих вопросах?

Нейрат: Я получал постоянные просьбы от президента Гахи, чешского правительства, и частных лиц. Моё ведомство по большей части работало над этими случаями. Мне лично должны были представлять каждую просьбу, и во всех случаях в которых вмешательство вообще было оправданно, Франк или командир полиции безопасности докладывали мне, и я пытался повлиять на них в пользу освобождения арестованных людей. Однако это была беспрестанная борьба с Франком и полицией, хотя она и бывала успешной во многих случаях. С течением времени много сотен людей, которых арестовали, освободили по моему настоянию. Дополнительно много приговоров смягчались в отношении почтового сообщения, направления продовольствия, и тому подобного.

Людингхаузен: Вскоре после вашего принятия должности вы не предотвратили арест и подвержение так называемым мерам расплаты оставшихся в Праге членов семей министров Нечаса[463] и Фейрабенда[464], которые сбежали за рубеж?

Нейрат: Да, это правильно. Франк приказал об аресте членов семей этих двух

---

[463] Яромир Нечас (1888 – 1945) – чешский социал-демократический политик. В 1935-1938 министр социального обеспечения Чехословакии. В 1940 бежал во Францию. Жена и дочь Нечаса были арестованы и погибли в концентрационном лагере.

[464] Ладислав Фейрабенд (1891 – 1969) – чешский политик и государственный деятель. В 1938-1941 занимал ряд министерских постов в Чехословакии и Протекторате.

министров. Когда я узнал об этом, я убеждал его воздержаться от этого шага.
Людингхаузен: Господин председатель, могу я предложить сейчас прерваться, потому что данный раздел завершён и я перехожу к отдельным вопросам?

[*Объявлен перерыв*]

Людингхаузен: Итак, прежде всего, я бы хотел сослаться на отдельные полицейские меры, за которые вам предъявляют ответственность в той или иной степени. Было много арестов чехословацких граждан уже летом 1939?
Нейрат: Нет, деятельность полиции летом 1939 была небольшой, и я надеялся, что будет возможно ограничить рост таких полицейских мер.
Людингхаузен: Чехословацкое обвинительное заключение в СССР-60, в приложении номер 6, дополнение 1, предъявляет вашу прокламацию, которую вы как рейхспротектор, издали в августе 1939, то есть прямо перед началом войны. Это прокламация, которая должна была послужить в качестве предупреждения народу Протектората против актов саботажа. Сейчас я представлю вам эту прокламацию.

Я бы хотел, чтобы вы её прокомментировали. Это приложение добавлено к документу СССР-60 как приложение 1. Прокламация, которую я сейчас дал подсудимому, гласит следующее – если можно, с разрешения трибуналу, прочитаю самую важную часть:

> «1) Каждый акт саботажа против интересов великогерманского Рейха, против германской администрации в Протекторате и против германского Вермахта будет преследоваться с неотвратимой жестокостью и будет наказан наиболее сурово.
>
> 2) Саботаж описанный в параграфе 1, означает все беспорядки в общественной и экономической жизни, в частности повреждение значимых сооружений, таких как железные дороги, телефоны и тому подобное, линии связи, водоснабжение, электроснабжение, газоснабжение, и фабрики, также сокрытие потребительских товаров, повышение цен и письменное или устное распространение слухов.
>
> 3) Население должно соблюдать все особые директивы органов Рейха работающих в Протекторате как опубликованным так и подлежащим опубликованию в будущем. Отказ подчиняться или выступления против любых органов Рейха будут рассматриваться как саботаж, и наказываться соответственно. Ответственность за все акты саботажа будет возлагаться не только на лицо совершившее деяние, а скорее на всё чехословацкое население.
>
> В любых обстоятельствах я ожидаю, что чехословацкое население, с помощью лояльного, мирного и спокойного поведения, зарекомендует себя достойным автономии, которую фюрер гарантировал странам

Богемия и Моравия».

Пожалуйста, вы прокомментируете это?

Нейрат: Я не могу представить с какой точки зрения публичное предупреждение против саботажа можно использовать как основу для обвинения против меня. В тот период величайшего политического напряжения, нужно было опасаться, что радикальные элементы воспользуются ситуацией для того, чтобы совершать акты саботажа, которые могли навредить общественным службам. По моему мнению, этого бы не потерпели ни в одном государстве того времени без сурового наказания. С помощью этого предупреждения мы хотели попытаться устранить все стимулы к совершению актов саботажа. Больше того, насколько я помню, это предупреждение возымело желаемый эффект и практически не произошло никаких актов саботажа. Кроме того, угроза специального наказания вообще не содержалась в данном предупреждении, а только ссылается на нормы о суровом наказании которые уже существовали.

Людингхаузен: Вскоре после опубликования данной прокламации началась война. Каким было ваше отношение к войне?

Нейрат: Я считал эту войну величайшим образцом глупости, ибо на основе своих знаний о британской психологии и политике, я был убеждён в том, что Англия сдержит своё обещание Польше, и что соответственно также начнётся война против Англии и Франции, в которой Соединенные Штаты, с их огромной производственной мощностью, выступят в поддержку этих держав . Мне это было ясно из всех заявлений сделанных президентом Рузвельтом до начала войны. Я также отвергал и осуждал достаточно безрассудное начало этой войны, из-за своих моральных убеждений и мировоззрения.

Людингхаузен: По каким причинам вы оставались в своей должности вместо отставки?

Нейрат: Я говорил себе, что во время войны, с одной стороны, чехи будут пытаться, если и не свергнуть германскую власть, то, по крайней мере, поколебать, открыто или тайно, с помощью восстаний, саботажа и т.д., военные меры вооруженных сил принятые в Протекторате, и что с другой стороны ввиду этого самые суровые меры будут предприняты против населения Германией, что заставит полицию, прежде всего Гестапо, приступить к разного рода террористическим актам. Своим пребыванием в должности я хотел предотвратить обе эти вещи, и я также хотел предотвратить более жестокое обращение с чешским населением с помощью политики примирения и компромисса, которой я следовал.

Уход со своей должности в такой момент был бы дезертирством. Но, с другой стороны, я верил в то, что в войне, в которой существование немецкого народа стояло на кону, я не мог как немец – которым я являюсь с полной отдачей – отказать в своих услугах и своих знаниях. В конце концов, это не был вопрос Гитлера или нацистского режима, но скорее моего народа и его существования.

Людингхаузен: Поэтому, оставаясь в должности, вы не желали выражать своё одобрение войны, к которой привёл Гитлер?

Нейрат: Никогда. Так как это был свершившийся факт, в который я не внёс вклада, я совершенно чётко говорил Гитлеру о своём отношении и о своём мнении, о безумии войны. Но я бы считал себя предателем немецкого и чешского народов, если бы, в час нужды, я оставил сложную задачу, которую я предпринимал во благо и благополучие обеих народов, до тех пор пока я мог даже в ограниченной мере вносить жизнь в свою задачу. Мне не кажется, что любой достойный человек поступил бы по другому, так как, прежде всего, и помимо личных желаний, есть долг перед своим народом.

Людингхаузен: В день начала войны, в Протекторате как и повсюду в Рейхе, были предприняты так называемы превентивные меры в форме многочисленных арестов, включавших в любом случае больше тысячи лиц, в особенности предстателей интеллигенции постольку поскольку их считали политически ненадёжными.

Вас заранее уведомили об этих арестах, как должны были сделать в соответствии с параграфом 11 приказа от 1 сентября 1939, который цитировали ранее.

Нейрат: Нет, даже после. Я узнал об этих арестах от президента Гахи.

Людингхаузен: Что вы потом делали?

Нейрат: Прежде всего, я вызвал к себе Франка и протестовал ему. Он сказал, что он тоже не был проинформирован, и что это являлось общей полицейской превентивной мерой.

Людингхаузен: Которая шла напрямую из Берлина?

Нейрат: Да, которую Гиммлер приказал предпринять Гестапо и СД.

Людингхаузен: Вы попытались освободить людей которых арестовали, и которых по большей части вывезли в Рейх?

Нейрат: Да. Я постоянно оказывал давление на Франка, и на Гиммлера и Гейдриха в Берлине, с этой целью.

Людингхаузен: И насколько успешными были ваши усилия?

Нейрат: Сотни из этих людей, которых арестовали – чьи имена я узнал от чехов с большими сложностями, так как германская полиция отказалась дать мне имена – освободили с течением времени.

Людингхаузен: 28 октября 1939 в Праге состоялись публичные демонстрации впервые по случаю дня независимости Чехии. По этому случаю, некоторые демонстранты и некоторые полицейские были убиты или ранены, так как полиция предприняла довольно строгие меры против демонстрантов.

По поводу этих полицейских мер до, во время или после данной демонстрации, вы имели о них сведения и вы их одобряли?

Нейрат: Тогда я не находился в Праге, и только 29 октября Франк проинформировал меня по телефону о беспорядках. Подробности я не знал до

возвращения 30 или 31 октября. Я сказал Франку, что в результате его личного вмешательства на улицах и в результате использования СС он усилил волнения вместо того, чтобы передать восстановление порядка чешской полиции.

Людингхаузен: Франк направил отчёт про эти беспорядки в Берлин, который он упоминал, когда его допрашивала чешская делегация 5 мая 1945.

Я предъявил выдержку из протокола этого допроса, которая находится в моей документальной книге 5 под номером 152. Я бы хотел процитировать несколько фраз из этого доклада.

> «Это было впервые, когда население устроило публичную демонстрацию и что эти лозунги» - те что упоминались ранее – «слышали в открытую. Поэтому дело нужно было принимать всерьёз, и я лично докладывал в Берлин про все инциденты. Я бы хотел сказать, что я был очевидцем этих демонстраций и что у меня сложилось впечатление о том, что они имели угрожающий характер. В отчете, который я направил в Берлин я особо заявлял о том, что это были первые демонстрации, и что, поэтому, им нужно придавать особое значение, поскольку они прошли в открытую на улице. Я попросил указаний, которые я незамедлительно получил из штаб-квартиры фюрера. Эти указания были направлены из Берлина напрямую полиции безопасности, и я узнал об их содержании. Вся программа осуществлялась напрямую полицией».

Вы имели сведения об этом отчете Франка и о мерах которые в нём упоминались, до того как его направили или после?

Нейрат: До Нюрнберга этот отчёт был мне совершенно неизвестен, но Франк всегда докладывал напрямую в Берлин. Помимо этого, я никогда не считал данную демонстрацию, которую проводила в основном молодежь, особенно важной или что нужны были специальные полицейские мероприятия.

Людингхаузен: 15 ноября на похоронах одного из студентов убитых 28 октября были новые демонстрации в Праге, в ходе которых застрелили много студентов, других арестовали, и университеты были закрыты. Что вам известно об этих инцидентах?

Нейрат: Когда этот студент, Оплетал[465], который был ранен в потасовке, умер от ранений, полиция, для того, чтобы предотвратить новые демонстрации, запретила участие студентов в похоронах, которые должны были состояться 15 ноября. Несмотря на это, собрались толпы, и когда полиция попыталась разогнать их, последовали новые демонстрации и стрельба. Когда Франк доложил об этом Гитлеру, Гитлер разгневался и вызвал меня, Франка и военного уполномоченного,

[465] Ян Оплетал (1915 — 1939) — чехословацкий гражданин, студент медицинского факультета Карлова университета. Умер от огнестрельного ранения, полученного в ходе антинацистской демонстрации во время немецкой оккупации страны.

генерала Фридерици[466], на совещание которое должно было пройти в Берлине. Гитлер также попросил чешского посланника, Хвальковского, бывшего министра иностранных дел, присутствовать на данном совещании. Гитлер был в ярости. Я пытался успокоить его, но несмотря на это он выдвинул серьёзные обвинения против чешского посланника и дал ему указания сообщить чешскому правительству о том, что если такие события повторятся он предпримет самые суровые меры против людей которые нарушают мир и кроме того, что понесёт ответственность всё чешское правительство. Язык, использованный Гитлером был совершенно бесконтрольным и для слушателей процедура было очень нервной. После того как чешский посланник ушёл, мы ещё остались с Гитлером на несколько минут. Он спросил меня, сколько я буду оставаться в Берлине, и я сказал ему 1-2 дня. Затем нас попросили на ужин, но дальнейшей дискуссии об этих инцидентах не было. Гитлер попросил государственного секретаря Франка вернуться позже. Гитлер ни сказал ни слова о расстреле руководителей демонстрации или вывозе студентов в концентрационные лагеря, как и не упоминал закрытие университетов.

Когда, ближе к вечеру, я спросил о лётчике своего самолёта с целью дать ему указания, в аэропорте мне сказали, что он улетел в Прагу на моём самолёте вместе с Франком. На следующий день я вернулся в Прагу на поезде и только тогда я узнал о том, что Гитлер распорядился закрыть все чешские университеты на 3 года, арестовать почти 1200 студентов и направить их в концентрационные лагеря, а также расстрелять зачинщиков демонстрации. Одновременно мне представили прокламацию, подписанную моим именем, в которой было объявлено об этих приказах опубликованных в прессе и публично размещенных. Я сразу вызвал Франка и обвинил его в неслыханных вещах которые происходили без моего ведома. Он сослался на особый приказ Гитлера. Я даже не видел этой прокламации. Франк незаконно присвоил ей моё имя. Даже как мой заместитель, он был не вправе так делать, но позднее, от сотрудника моего ведомства, я узнал, что Франк часто использовал моё имя подобным образом. Если бы я заранее имел какие-либо сведения об этих указах Гитлера – и конечно, он имел возможность позвонить мне в Берлин - я бы естественно возразил этим указам и тогда бы попросил отставку.

Незамедлительно я попытался освободить этих студентов. Я лично пытался у Гитлера и пытался ходить к Гиммлеру, и постепенно большинство из них освободили. Мне кажется всего больше 800, последних из их числа освободили летом 1941.

Вскоре после этого инцидента, когда я снова находился в Берлине, насколько я помню, я горько пожаловался Гитлеру на его отношение ко мне. Он ушёл от ответа, но он пообещал мне, что студентов очень скоро освободят, и что чешские университеты откроют через 1 год. Ни одно из этих обещаний не было выполнено.

---

[466] Эрих Фридерици (1885 – 1968) – немецкий военачальник. Генерал пехоты.

Людингхаузен: Я бы хотел прочитать вам ответ легационного советника фон Холлебена, который тогда принимал участие в правительстве Протектората, на вопрос 21 из его опросный лист от 18 мая 1946. Этот опросный лист можно найти под номером 158 в моей документальной книги 5. Ответ господина фон Холлебена гласит следующее:

> «Студенческие мятежи октября и ноября 1939 являлись поворотной точкой в истории Протектората. Я не могу дать вам хронологическое повторение событий по памяти. Однако, я могу заявить следующее: манифестаций, в основном академической молодёжи которые состоялись 28 октября 1939, по случаю двадцатой годовщины конституции чехословацкого государства в Праге и Брно, следовало ожидать. Поэтому господин фон Нейрат до 28 октября 1939 отдал приказы игнорировать их настолько спокойно насколько возможно и вмешиваться только, когда они примут характер серьезной угрозы общественному спокойствию и безопасности. Ввиду невыполнения данного приказа произошла большая часть, если не вся катастрофа. Сразу после совещания с Гитлером, Франк вернулся в Прагу. Ведомство рейхспротектора, который всё ещё оставался в Берлине, лишь получило сведения о мерах принятых против студентов 15 и 16 ноября на следующее утро, отчасти в результате многочисленных обращений членов семей арестованных студентов поданных в ведомство господина фон Нейрата. По моему мнению господин фон Нейрат не знал об этих санкциях до того как они случились. Я лично не докладывал ему об этом, и не могу сказать вам кто доложил фон Нейрату об этом. Моё твёрдое убеждение в том, что спорная прокламация, адресованная чешскому народу, была издана без ведома господина фон Нейрата при злоупотреблении его именем. Я отчётливо помню, что из-за этого он имел жаркие споры с Франком. Тогда он остался в должности, ибо верил, что оставшись, он сможет предотвратить большую катастрофу. Он считал закрытие университетов неоправданным вмешательством в жизнь чешского народа. Он пытался всеми имевшимися средствами впоследствии освободить чешских преподавателей университетов и студентов, которых забрали в концентрационные лагеря, и чтобы до такого освобождения их содержали в отдельных секторах».

В связи с этим я бы также хотел предъявить трибуналу письменные показания которые я получил несколько дней назад от секретарши господина фон Нейрата, госпожи Ирен Фридрих. Они датированы 6 июня 1946, и из этого мы можем видеть, совершенно чётко, что в то время как объявление было издано и опубликовано господин фон Нейрат ещё не вернулся из Берлина, и поэтому

господину фон Нейрату было совершенно невозможно иметь сведения об этой прокламации.

Я бы хотел попросить трибунал вынести судебное уведомление об этих письменных показаниях.

Я бы также хотел сослаться…

Председатель: Какой номер у письменных показаний?

Людингхаузен: Господин председатель, номер 159. Я бы хотел дальше сослаться на документ чешского обвинения: приложение 5 дополнения номер 1, меморандум господина фон Нейрата датированный 26 марта 1940, который предъявлен. Он касается дискуссии с президентом Гахой об арестованных студентах и также показывает, что господин фон Нейрат пытался, и добился освобождения этих студентов.

Председатель: Вы дадите нам этот номер? Вы сказали документальная книга 5.

Людингхаузен: Нет, это прилагается к чешскому докладу, СССР-60, и это не в моей документальной книге. Я лишь сослался на это.

Помимо этих двух акций, о которых Гитлер распорядился лично, во время вашей службы проходили иные аресты в достаточно большом масштабе?

Нейрат: Нет, но единичные случаи арестов продолжались, и я по предложению чешского правительства и частных лиц постоянно снова вмешивался, чтобы их расследовали и вероятно отменяли.

Людингхаузен: Теперь я бы хотел прочитать ещё несколько фраз из документа чешского обвинения, СССР-60, находящихся на странице 59 английского текста. Я цитирую:

> «Непосредственно после оккупации, представители спортивной ассоциации «Сокол[467]», которая имела 1 миллион членов, вступили в движение освобождения страны; это включало подпольное движение дома и движение за рубежом. Идея «Сокола» объединяла военнослужащих армии за рубежом и придавала силу и энтузиазм даже в тяжелейшие времена. Гестапо было осведомлено о данной опасности и поэтому преследовало его с наивысшей жестокостью. В начале, его меры были умеренными, но когда оно осознало твердое стремление «соколов» оно начало использовать силу. Первые аресты прошли в день оккупации Чехословакии и далее большое число арестов 1 сентября 1939. Затем последовали обширные аресты отдельных лиц и организаций».
>
> Пожалуйста, прокомментируйте это.

Нейрат: «Сокол» был самой опасной организацией враждебной государству и

[467] Сокольское движение — молодёжное спортивное движение, основанное в Праге в 1862 году Мирославом Тыршем. С перерывами продолжает работать по настоящее время. Хотя официально движение является неполитическим, оно было важным носителем и распространителем идей чешского национализма и панславизма.

Протектората. Степень её деятельности можно в особенно понять из фраз чешского обвинительного заключения которое сейчас прочитали. Само собой разумеется, что подобные махинации нельзя допускать в особенно в войне и сам доклад характеризует первые полицейские мер как «ещё умеренные». Я убеждён в том, что ни в одной другой стране с такими интригами не обращаются по-другому. В таких случаях несомненной государственной измены или случаях саботажа, я никак не мог вмешиваться за ответственных людей и больше того, чешское правительство это вполне понимало.

Людингхаузен: Далее чешский доклад упоминает расстрелы по законам военного времени. Такие расстрелы происходили во время вашей службы?

Нейрат: Нет, кроме случая девяти студентов, который я уже упоминал, я не знал ни о каких расстрелах по законам военного времени в период своей службы.

Людингхаузен: Франк, кроме своей разрушительной деятельности как высшего руководителя СС и полиции, как государственного секретаря пытался использовать своё влияние в политике и управлении Протекторатом, и вы тесно работали с ним в связи с этим?

Нейрат: Франк представлял односторонние, радикальные немецкие интересы. Это был старый судетский немец, ненавидящий чехов. Я непрерывно пресекал такие тенденции, но как мой представитель, он на практике, принимал участие в общей политике и управлении.

Людингхаузен: Каким было ваше личное отношение к Франку?

Нейрат: С самого начала оно было плохим из-за того, что он был настолько радикальным и помимо этого, я достаточно скоро понял, что очень часто он не говорил мне правду.

Людингхаузен: Каким было ваше личное и официальное отношение к президенту Гахе и чешскому правительству?

Нейрат: В целом хорошим. Чешское правительство тогда убедилось в том, что мои намерения о справедливом и честном обращении с чешским населением были совершенно искренними, и что я делал всё в своей власти, чтобы реализовать свои намерения. С другой стороны, я полностью понимал и сознавал во всех отношениях усилия чешского правительства представлять в основном интересы народа. Что касается моих личных отношений с президентом Гахой, я даже могу сказать, что они были очень хорошими. Я всегда как мог, пытался облегчить сложную задачу господина Гахи, так как я знал, что он тоже приняв пост президента и находясь в должности, приносил большую личную жертву. Его и членов правительства приглашали по всем поводам, которые не имели чисто немецкого характера, и с ними обращались с почтением в соответствии с их рангом.

Людингхаузен: В чём заключалась манера работы вашего ведомства в Праге? Вы были совершенно независимы в своей работе или вы в своей должности были связаны указаниям Рейха?

Нейрат: Мой ответ на это довольно утомительное дело. Фундамент политики и управление ведомствами определялись в Берлине постольку поскольку они применялись к Протекторату, то есть, лично Гитлером или ведомственным министерством. Моей область надзора заключалась в исполнении и применении этих принципов так как они применялись в Протекторате, всегда учитывая особые обстоятельства которые вытекали из этической, моральной и экономической структуры страны. Очевидно, прежде всего в войне, с Протекторатом который располагался в центре Рейха, нельзя было обращаться как с самостоятельной единицей, а нужно было включить в общий механизм. Как я уже заявил, различные органы моей власти создавались центральными ведомствами в Берлине. Поэтому, чиновники этих органов, с самого начала имели практические связи со своими родительскими министерствами, даже при том, что позднее их подчинили мне. Отдельные главы подразделений получали свои указания по поводу отдельных проблем напрямую от своих ведомственных министерств в Берлине. Затем эти указания передавали заместителю государственного секретаря фон Бургсдорфу, который являлся главой администрации, если это были фундаментальные вопросы, также мне. Осуществление этих мероприятий обсуждалось подобным образом, и впоследствии разрешалось с чешским министром. Таким образом вводились распоряжения и основные указания, которые подписывались мной или моим заместителем. Часто они касались введения правовых и административных мер, которые уже существовали в Рейхе. Помимо этого, серия указаний подлежащих применению к Протекторату была издана напрямую компетентными берлинскими министерствами. Рейхсминистр внутренних дел обозначил так называемое центральное ведомство для издания этих указаний Рейха.

Людингхаузен: Господин председатель, в связи с этим я бы хотел сослаться на следующие документы, находящиеся в моей документальной книге 5: документ номер 145 - указ фюрера и рейхсканцлера о Протекторате Богемия и Моравия, дополняющий указ от 22 марта 1939; номер 146 - выдержки из основных правил подлежащих применению к Протекторату, о коммерческих переводах в Протекторате, датированные 28 марта 1939; номер 147 - директива об отправлении уголовного судопроизводства в Протекторате, датированная 14 апреля 1939; номер 148 - директива, о статутном праве в Протекторате, датированная 7 июня 1939; и я бы хотел сослаться на документ, который уже предъявлен, номер 149, правила о структуре администрации и германской полиции безопасности. В связи с этим я бы хотел заметить, что все эти директивы были подписаны не рейхспротектором, а скорее компетентным ведомственным министром, а иногда также рейхсмаршалом Герингом как председателем совета обороны Рейха. Правовая основа для полномочий протектора указ фюрера и рейхсканцлера в отношении Протектората Богемия и Моравия датированный 16 марта 1939, подписанный Гитлером, Фриком…

Председатель: Вы попросите подсудимого внести ясность в то как его касались эти указы рейхсфюрера и подсудимого Геринга.

Людингхаузен: Нет, господин председатель, я хотел показать, что он не имел никакого отношения к этим вопросам, но что он был обязан исполнять их. Согласно указу, которым его назначили на должность, его обязанность заключалась в том, чтобы надзирать за этими мерами, которые издавались ведомствами Рейха. Это то, что я хотел доказать, что все эти директивы исходили не от него, а скорее от рейхсфюрера.

Председатель: Подсудимый, это верно?

Нейрат: Да. Я бы хотел заметить, что я в основном следил за тем, чтобы эти вопросы надлежащим образом публиковали в Протекторате, а затем мои ведомства надзирали за их исполнением.

Людингхаузен: Насколько далеко автономия Протектората выражалась во всех этих решениях?

Нейрат: Степень автономии не являлось чётко определенной. В основном Протекторат являлся автономным, и он управлялся своими чешскими властями и чешскими чиновниками. Но по ходу времени значительные ограничения возлагались на такое автономное положение, которое предусматривалось указом который вы сейчас читали. Введение этих ограничений считалось практичным правительством Рейха и возникло, отчасти, из общих тенденций к централизации в Берлине, но это также было вызвано в большой мере общеполитическим развитием в виду войны и так называемой тотальностью военных усилий. Я постоянно возражал таким ограничениям постольку поскольку, по моему мнению, они не соответствовали жизненным нуждам Протектората и его народа.

Людингхаузен: Господин председатель, в связи с этим я бы хотел сослаться на статью 3 приказа, который уже цитировали, указ принятый фюрером и рейхсканцлером о Протекторате Богемия и Моравия, номер 144 из моей документальной книги 5. Он гласит:

> «1). Протекторат Богемия и Моравия является автономным и самоуправляемым.
>
> 2). Его суверенные права как Протектората осуществляются на основе политических, военных и экономических интересов Рейха.
>
> 3) Данные суверенные права реализуются собственными организациями, собственными властями и собственными чиновниками».

Что насчёт ведомств вооруженных сил в Протекторате? Вы были связаны с ними?

Нейрат: Нет, они подчинялись особому уполномоченному вооруженных сил, который должен был держать меня в курсе основных военных вопросов.

Людингхаузен: Итак, я бы хотел перейти к отдельным пунктам упоминавшимся в

чешском докладе, СССР-60, в которых вас обвиняют.

В какой степени вы являлись компетентным за отправление уголовного судопроизводства в Протекторате? В частности, вы должны были утверждать смертные приговоры против чехов?

Нейрат: Уголовное судопроизводство германских судов находилось в компетенции министерства юстиции в Берлине. Чешские суды вообще не находились в моей компетенции. Меня касались только решения в случае прошений о снисхождении в отношении вердиктов германских судов в Протекторате, которые подавал мне председатель провинциального апелляционного суда.

Это, в особых случаях, также могло применяться к чехам. Однако, это не касалось политических преступлений. Политическими процессами против чехов, насколько помню, руководил Народный суд[468] в Берлине, постольку поскольку они касались государственной измены. Насколько мне известно, на этих процессах против чехов применялись такие же принципы как в отношении немцев.

Людингхаузен: Вы имели право давать помилование, когда Народный суд выносил приговоры чехам?

Нейрат: Нет, я не имел никакой возможности влиять, и не имел права помилования.

Людингхаузен: В ваше время вы ничего не знали о деятельности особых судов в Протекторате?

Нейрат: Нет, я не могу вспомнить, чтобы специальные суды действовали в моё время там. По моему мнению, это может применяться только к германским судам по обвинениям за особые правонарушения, например, нарушения правил о радио, такие суды были созданы в Рейхе в начале войны. Однако, эти суды не находились в моей компетенции, а непосредственно подчинялись рейхсминистру юстиции. Он назначал судей, давал им указания, и судьи докладывали напрямую ему. Я не имел никакой возможности влиять на это.

Людингхаузен: Относительно деятельности этих судов, я бы хотел процитировать одну фразу из чешского доклада, СССР-60. Это можно найти на странице 106 немецкого текста и странице 92 английского текста. Это касается приказов и распоряжений, которые должны были применяться к специальным судам. Я цитирую:

> «Большое число этих приказов и распоряжений нарушает принципы, которые все цивилизованные страны считают неизменными».

Доклад верный?

Нейрат: Да, в этом случае я полностью согласен с докладом чешского обвинения. Но я склонен представить, что в последующих событиях данный принцип значительно ослаб даже среди цивилизованных народов.

---

[468] Народная судебная палата (нем. Volksgerichtshof) — высший чрезвычайный судебный орган нацистской Германии. Создан указом от 24 апреля 1934 года вскоре после Лейпцигского процесса как чрезвычайный суд, занимавшийся рассмотрением дел о государственной измене, шпионаже и других политических преступлениях.

Людингхаузен: Теперь я бы хотел узнать кое-что о предполагаемых планах касательно германизации районов Протектората населённых чехами. Вы ранее говорили, что когда вы приняли должность, вы ничего не знали о таких планах. Кто позднее раскрыл вам схему этих планов?

Нейрат: Эти планы частично исходили от судетско-немецких кругов, но в основном они уходят к организациям Гиммлера, а также предложениям со стороны гауляйтера Нижнего Дуная.

Людингхаузен: По поводу этой проблемы предполагаемых усилий по германизации, я бы хотел прочитать вам доклад ОКВ датированный 15 октября 1940 генерального уполномоченного вооруженных сил в Протекторате генерала Фридерици. Это документ который предъявлен обвинением под документальным номером PS-862, экземпляр номер USA-313, и он касается заявлений об основной политике преследуемой в Протекторате, которые государственный секретарь Франк сделал в официальной дискуссии с вашим ведомством. В этом документе Франк упоминает меморандум, в котором, после внимательного изучения, рейхспротектор определил своё отношение к различным планам многочисленных ведомств. Он упоминает три возможности решения вопроса возможной германизации чешской территории. Наверное, вам знаком этот документ и мне не кажется, что мне нужно его читать. Что вам известно об этом меморандуме? Вы лично его составили? Расскажите нам об этом.

Нейрат: Меморандум ссылается на предложения, которые я сейчас упоминал со стороны различных партийных ведомств о возможном переселении чехов. Я с самого начала возражал этому плану как совершенно абсурдному и непригодному к исполнению. Поэтому Франк, который соглашался в этом со мной, по моему указанию подготовил данный меморандум, который вы сейчас назвали, в котором радикальные меры СС и партии отвергались, и в которых так называемая постепенная ассимиляция рассматривалась единственно возможным решением проблемы. Таким образом, я хотел отложить вопрос и сорвать планы СС. Поскольку эти планы переселения Гиммлер уже представил фюреру, я попросил достаточно строгую директиву от последнего для того, чтобы подавить их. Однако, по тактическим причинам я должен был внести некого рода предложение: отсюда, эта политика ассимиляции, потому что такое предложение на практике являлось задержкой. Для того, чтобы предотвратить контрмеры СС и Гиммлера, я лично доложил фюреру по теме и попросил у него издать строгую директиву, что он и сделал. Таким образом, вопрос был похоронен и не возник снова. Фраза в меморандуме о том, что «…проводить германизацию через канцелярию рейхспротектора, в течение ближайших лет …» в частности означает, что СС больше не могли вмешиваться в это дело. Рейхспротектор в одиночку должен был быть компетентным органом, и рейхспротектор ничего не делал. Более того, заявление генерала Фридерици, который одинаково возражал радикальной

фантазии, о том, что «…из сказанного вооруженные силы не должны делать никакого вывода…» показывает тоже самое. Если после этого доклада Франк сказал, что: «С элементами, которые работают против запланированной германизации должны обращаться жёстко и должны устраняться…» это были просто его слова и тип языка, который он использовал в подобных выступлениях. На самом деле, как я сказал, дальше ничего не делалось, чтобы ассимилировать людей.

Людингхаузен: Господин председатель, теперь я прошу вашего разрешения процитировать несколько фраз из письменных показаний, которые мы упоминали, которые были даны баронессой Риттер, номера три в моей документальной книге 1. Они находятся на странице 18. Там сказано:

> «В отношении планов германизации, то есть, постепенной ассимиляции, чехов, Нейрат в письме заявил следующее:
>
> Если оставить в стороне чувствительную точку зрения, люди, которые просто переселяются, вызывают жалость в душе. Однако, мне кажется, я нашёл способ предотвратить катастрофу. Выиграть время – выиграть всё, и часто откладывать дело это избавиться от него!»

Господин председатель, если мне допустимо внести предложение, я прошу, чтобы мы сейчас остановились, поскольку проблема германизации завершена.

Председатель: Как долго вы собираетесь продолжать? Вы уже заняли полтора дня.

Людингхаузен: Господин председатель, обвинительное заключение содержащееся в чешском отчете не слишком обоснованное и не очень конкретное, поэтому я должен упоминать каждый конкретный пункт содержащийся в нём. Я имею приблизительно ещё 20 вопросов.

Председатель: Сколько это займёт?

Людингхаузен: Один час.

Председатель: Что же, трибунал ожидает от вас завершения за час.

Людингхаузен: Господин председатель, я надеюсь.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 25 июня 1946 года*]

Мирошниченко, Сергей Александрович

Юрист, переводчик и составитель полнотекстовых сборников стенограммы Нюрнбергского процесса.

Профиль автора на портале «Возмездие»:
https://vozmezdie.su/@iss/a/860/71295/